А. Н. АѲАНАСЬЕВЪ

НАРОДНЫЯ РУССКІЯ СКАЗКИ И ЛЕГЕНДЫ

ТОМЪ I

БЕРЛИНЪ 1922

Издательство И. П. Ладыжникова

Типографія Шпамера въ Лейпцигѣ

Printed in Germany

Предисловіе

Сказка, какъ продуктъ творческой силы человѣческаго воображенія, широко разпространена во всѣхъ странахъ и у всѣхъ народовъ. Въ жизни неграмотнаго простолюдина сказка играетъ ту же роль, что романъ или повѣсть въ образованномъ обществѣ: она развлекаетъ слушателей, дѣйствуетъ на ихъ воображеніе, захватывая ихъ занимательностью вымышленнаго событія. Сказки — вѣрнѣе, сказочныя темы — интернаціональны, но внѣшняя форма повѣствованія, складъ и слогъ и описаніе среды, въ которой дѣйствуютъ герои, и многія детали происшествій ярко отражаютъ національную почву, «мать сыру-землю», на которой выросли сказочникъ и сказка, хотя бы и взятая изъ чужеземнаго источника.

Русскій народъ не менѣе богатъ сказками, чѣмъ другіе народы, но стремленіе собирать и изучать ихъ въ Россіи проявилось позднѣе, чѣмъ на Западѣ. Только въ послѣдней четверти XVIII вѣка вышелъ первый сборникъ, содержавшій всего только три настоящія народныя сказки. Мы не будемъ останавливаться здѣсь ни на интересной личности составителя этого сборника, романиста М. Д. Чулкова, ни говорить о его ближайшихъ послѣдователяхъ, а перейдемъ прямо къ автору настоящаго собранія, Александру Николаевичу Аѳанасьеву, который, подобно В. Гримму въ Германіи, или В. Караджичу въ Сербіи, впервые познакомилъ своихъ соотечественниковъ со всѣмъ богатствомъ русскаго сказочнаго міра, столь плѣнительнаго «своею младенческою наивностью, теплою любовью къ природѣ и обаятельною силою чудеснаго».

Народныя русскія сказки Аѳанасьева нынѣ хорошо извѣстны не только русской читающей публикѣ и

русскому ученому міру; переведенныя на нѣсколько языковъ, онѣ цѣнятся вездѣ, гдѣ существуетъ интересъ къ народному творчеству вообще. «Русскій Гриммъ» собиралъ и записывалъ свои сказки, напечатанныя впервые въ 1855—1863 гг., еще будучи студентомъ-юристомъ, во время лѣтнихъ поѣздокъ на родину — въ городъ Бобровъ, Ворон. губ. Большую часть матеріала онъ, однако, получилъ отъ Географическаго Общества, передавшаго ему огромныя матеріалы собранія Даля, заключавшіе въ себѣ болѣе 1000 списковъ. Аѳанасьевъ пользовался кромѣ того печатанными источниками, такъ-называемыми лубочными сказками, и другими рукописными изданіями.

На ряду съ сказками Аѳанасьевъ собиралъ и русскія народныя *легенды*, собраніе которыхъ вышло въ Москвѣ въ 1860 г. Эта книга долгое время была запрещена въ Россіи, такъ какъ легенды, по мнѣнію духовной цензуры, оскорбляли «благочестивое чувство, нравственность и приличіе».

Сказки и легенды Аѳанасьева составляютъ драгоцѣннѣйшій матеріалъ для изученія народнаго творчества и народной психологіи. Мы находимъ въ нихъ отголоски глубокой старины, временъ первобытной культуры и жизни, близкой къ природѣ; въ нихъ сохранились слѣды язычества и народныхъ вѣрованій временъ Перуна, отразились старинные обычаи, а такъ же и событія древнѣйшаго періода исторической жизни русскаго народа, — эпохи, къ которой пріурочены подвиги славныхъ богатырей.

Но въ сказкахъ интересуетъ насъ и личность разсказчика. Нѣкогда носителями преданій были старики-бахари и скоморохи, — нынѣ — сказители и сказительницы, главнымъ образомъ, изъ крестьянъ. Они безусловно заслуживаютъ названія спеціалистовъ-худож-

никовъ, оправдываемаго какъ богатствомъ ихъ репертуара, такъ и характеромъ самаго разсказа, который у хорошихъ сказочниковъ отличается размѣренностью и плавностью, строго соблюдаетъ «обрядность», опредѣленный планъ и установленную схему, и изобилуетъ традиціонными, часто риѳмованными формулами.

Изданныя Аѳанасьевымъ сказки и легенды хорошо сохраняютъ особенности стиля русскихъ сказочниковъ. Собиратель рѣдко измѣнялъ языкъ сказителей; наоборотъ — онъ старался сохранить всю первобытную свѣжесть разсказа, а потому во многихъ сказкахъ оставилъ нетронутымъ областной говоръ, на которомъ онѣ были переданы. Только въ тѣхъ случаяхъ, когда разсказъ оказывался неполнымъ или явно испорченнымъ, Аѳанасьевъ осторожно измѣнялъ строй и порядокъ изложенія, а иногда старался путемъ подбора варіантовъ выработать наиболѣе полный текстъ. Такіе сводные тексты, конечно, не обозначены мѣстомъ записки (см. напр. №№ 77, 92, 122, 133, 152, 165 и др.).

Число варіантовъ, помѣщенныхъ Аѳанасьевымъ за основными текстами и въ примѣчаніяхъ, очень велико. Редакторъ 3 изданія сказокъ, Грузинскій, насчиталъ свыше 640, принимая въ соображеніе только болѣе крупные варіанты. Такое изобиліе разночтеній, конечно, чрезвычайно цѣнно для ученаго-спеціалиста, но для читателя, интересующагося главнымъ образомъ сказочными сюжетами и желающаго получить только общее впечатлѣніе о народномъ творчествѣ, оно является излишнимъ и только затрудняющимъ чтеніе.

Въ виду этого, настоящее изданіе даетъ подъ каждымъ номеромъ Аѳанасьева (всего 251) по большей части только одинъ, наилучшій — въ большинствѣ случаевъ основной — текстъ, предлагая два или три варіанта только тамъ, гдѣ можно предполагать особенный

интересъ къ нимъ читателя. Подъ №№ 205, 208, 219, 231, 248, 249, гдѣ Аѳанасьевъ даетъ большое число короткихъ разсказовъ и анекдотовъ, выбранъ рядъ наилучшихъ текстовъ, какъ примѣръ народнаго остроумія и юмора.

Сокращая такимъ образомъ богатый матеріалъ, мы надѣялись придать обширному сборнику Аѳанасьева форму, соотвѣтствующую желаніямъ широкаго круга читателей. Но настоящее изданіе, можетъ быть, окажется полезнымъ и ученому, потому что взамѣнъ устарѣлаго коментарія Аѳанасьева мы въ концѣ второго тома даемъ хоть и краткія, но удовлетворяющія современнымъ научнымъ требованіямъ примѣчанія къ отдѣльнымъ сказкамъ.

Въ основу настоящаго собранія положенъ текстъ 3 изданія (подъ редакціей Грузинскаго). Несомнѣнныя опечатки этого изданія мы исправили, а многочисленныя примѣчанія и объясненія словъ мѣстныхъ говоровъ сохранены нами лишь настолько, насколько они являются безусловно необходимыми для пониманія текста.

Текстъ *легендъ* мы дали по Лондонскому изданію 1859 года, постоянно свѣряя его съ изданіемъ 1914 г., вышедшимъ въ Москвѣ подъ редакціею С. К. Шамбинаго и представляющимъ собою перепечатку текста московскаго изданія 1860 г. (Щепкина и Солдатенкова), намъ, къ сожалѣнію, въ данное время недоступнаго. Основныя 33 легенды даны всѣ, со всѣми параллельными текстами (подъ №№ 3, 16, 17, 20, 28); изъ «Примѣчаній» Аѳанасьева взяты тексты лишь пяти легендъ (№№ 8 b*, c*, 9 b*, 24*, 30*), зато даны ссылки на современную научную литературу, облегчающія оріентацію читателю, желающему глубже вникнуть въ эту крайне интересную отрасль народнаго творчества.

Берлинъ *А. Ф. Левисъ офъ Менаръ*

СКАЗКИ

1

Лисичка-сестричка и волкъ

Жилъ себѣ дѣдъ да баба. Дѣдъ говоритъ бабѣ: «Ты, баба, пеки пироги, а я поѣду за рыбой». Наловилъ рыбы и везетъ домой цѣлый возъ. Вотъ ѣдетъ онъ и видитъ: лисичка свернулась калачикомъ и лежитъ на дорогѣ. Дѣдъ слѣзъ съ воза, подошелъ къ лисичкѣ, а она не ворохнется, лежитъ себѣ какъ мертвая. «Вотъ будетъ подарокъ женѣ», сказалъ дѣдъ, взялъ лисичку и положилъ на возъ, а самъ пошелъ впереди. А лисичка улучила время и стала выбрасывать полегоньку изъ воза все по рыбкѣ да по рыбкѣ, все по рыбкѣ да по рыбкѣ. Повыбросала всю рыбу — и сама ушла. «Ну, старуха, говоритъ дѣдъ: какой воротникъ привезъ я тебѣ на шубу». — «Гдѣ?» — «Тамъ на возу — и рыба и воротникъ». Подошла баба къ возу: ни воротника, ни рыбы, и начала ругать мужа: «Ахъ, ты старой хрѣнъ! такой сякой! ты еше вздумалъ обманывать!» Тутъ дѣдъ смекнулъ, что лисичка-то была не мертвая; погоревалъ-погоревалъ, да дѣлать-то нечего.

А лисичка собрала всю разбросанную по дорогѣ рыбу въ кучку, сѣла и ѣстъ себѣ. Навстрѣчу ей идетъ волкъ: «Здравствуй, кумушка!» — «Здравствуй, куманекъ!» — «Дай мнѣ рыбки!» — «Налови самъ, да и ѣшь». — «Я не умѣю». — «Эка, вить я же наловила; ты,

куманекъ, ступай нá рѣку, опусти хвостъ въ пролубь — рыба сама на хвостъ нацѣпляется; да смотри, сиди подольше, а то не наловишь». Волкъ пошелъ нá рѣку, опустилъ хвостъ въ пролубь: дѣло-то было зимою. Ужъ онъ сидѣлъ-сидѣлъ, цѣлую ночь просидѣлъ, — хвостъ его и приморозило; попробовалъ было приподняться — не тутъ-то было. «Эка, сколько рыбы привалило, — и не вытащишь!» думаетъ онъ. Смотритъ, а бабы идутъ за водой и кричатъ, завидя сѣраго: «Волкъ, волкъ! бейте его! бейте его!» Прибѣжали и начали колотить волка — кто коромысломъ, кто ведромъ, чѣмъ кто попало. Волкъ прыгалъ-прыгалъ, оторвалъ себѣ хвостъ и пустился безъ оглядки бѣжать. «Хорошо же, думаетъ, ужъ я тебѣ отплачу, кумушка!»

А лисичка-сестричка, покушамши рыбки, захотѣла попробовать, не удастся ли еще что-нибудь стянуть: забралась въ одну избу, гдѣ бабы пекли блины, да попала головой въ кадку съ тѣстомъ, вымазалась и бѣжитъ. А волкъ ей навстрѣчу: «Такъ-то учишь ты? Меня всего исколотили!» — «Эхъ, куманекъ, говоритъ лисичка-сестричка: у тебя хоть кровь выступила, а у меня мозгъ, — меня больнѣй твоего прибили; я насилу плетусь». — «И то правда, говоритъ волкъ: гдѣ тебѣ, кумушка, ужъ идти: садись на меня, — я тебя довезу». Лисичка сѣла ему на спину, онъ ее и понесъ. Вотъ лисичка-сестричка сидитъ да потихоньку и говоритъ: «Битый небитаго везетъ, битый небитаго везетъ!» — «Что ты, кумушка, говоришь?» — «Я, куманекъ, говорю: битый битаго везетъ». — «Такъ, кумушка, такъ!»

«Давай, куманекъ, построимъ себѣ хатки». — «Давай, кумушка!» — «Я себѣ построю лубяную, а ты себѣ ледяную». Принялись за работу, сдѣлали себѣ хатки: лисичкѣ — лубяную, волку — ледяную, и живутъ въ нихъ. Пришла весна, волчья хатка и растаяла. «А,

кумушка, говоритъ волкъ: ты меня опять обманула; надо тебя са это съѣсть». — «Пойдемъ, куманекъ, еще поконаемся, кому-то кого достанется ѣсть». Вотъ лисичка-сестричка привела его въ лѣсъ къ глубокой ямѣ и говоритъ: «Прыгай! Если ты перепрыгнешь черезъ яму — тебѣ меня ѣсть, а не перепрыгнешь — мнѣ тебя ѣсть». Волкъ прыгнулъ и попалъ въ яму. «Ну, говоритъ лисичка: сиди же тутъ!» — и сама ушла.

Идетъ она, несетъ скалочку въ лапкахъ и просится къ мужичку въ избу: «Пусти лисичку-сестричку переночевать». — «У насъ и безъ тебя тѣсно». — «Я не потѣсню васъ; сама *ляжу* на лавочку, хвостикъ подъ лавочку, скалочку подъ печку». Ее пустили. Она легла сама на лавочку, хвостикъ подъ лавочку, скалочку подъ печку. Рано поутру лисичка встала, сожгла свою скалочку, а послѣ спрашиваетъ: «Гдѣ же моя скалочка? Я за нее и гусочку не возьму!» Мужикъ — дѣлать нечего — отдалъ ей за скалочку гусочку; взяла лисичка гусочку, идетъ и поетъ:

Ишла лисичка-сестричка по дорожкѣ,
Несла скалочку;
За скалочку — гусочку!

Стукъ, стукъ, стукъ! — стучится она въ избу къ другому мужику. «Кто тамъ?» — «Я, лисичка-сестричка, пустите переночевать». — «У насъ и безъ тебя тѣсно». — «Я не потѣсню васъ: сама *ляжу* на лавочку, хвостикъ подъ лавочку, гусочку подъ печку». Ее пустили. Она легла сама на лавочку, хвостикъ подъ лавочку, гусочку подъ печку. Рано утромъ она вскочила, схватила гусочку, ощипала ее, съѣла и говоритъ: «Гдѣ же моя гусочка? Я за нее индюшечку не возьму!» Мужикъ — дѣлать нечего — отдалъ ей за гусочку индюшечку; взяла лисичка индюшечку, идетъ и поетъ:

Ишла лисичка-сестричка по дорожкѣ,
Несла скалочку;
За скалочку — гусочку,
За гусочку — индюшечку!

Стукъ, стукъ, стукъ! — стучится она въ избу къ третьему мужику. «Кто тамъ?» — «Я, лисичка-сестричка, пустите переночевать». — «У насъ и безъ тебя тѣсно». — «Я не потѣсню васъ: сама *ляжу* на лавочку, хвостикъ подъ лавочку, индюшечку подъ печку». Ее пустили. Вотъ она легла на лавочку, хвостикъ подъ лавочку, индюшечку подъ печку. Рано утромъ лисичка вскочила, схватила индюшечку, ощипала ее, съѣла и говоритъ: «Гдѣ же моя индюшечка? Я за нее не возьму и невѣсточку!» Мужикъ — дѣлать нечего — отдалъ ей за индюшечку невѣсточку; лисичка посадила ее въ мѣшокъ, и поетъ:

Ишла лисичка-сестричка по дорожкѣ,
Несла скалочку;
За скалочку — гусочку,
За гусочку — индюшечку,
За индюшечку — невѣсточку!

Стукъ, стукъ, стукъ! — стучится она въ избу къ четвертому мужику. «Кто тамъ?» — «Я, лисичка-сестричка, пустите переночевать». — «У насъ и безъ тебя тѣсно». — «Я не потѣсню васъ: сама *ляжу* на лавочку, хвостикъ подъ лавочку, а мѣшокъ подъ печку». Ее пустили. Она легла на лавочку, хвостикъ подъ лавочку, а мѣшокъ подъ печку. Мужикъ потихоньку выпустилъ изъ мѣшка невѣсточку, а впихалъ туда собаку. Вотъ поутру лисичка-сестричка собралась въ дорогу, взяла мѣшокъ, идетъ и говоритъ: «Невѣсточка, пой пѣсни!» а собака какъ зарычитъ. Лисичка испугалась, какъ шваркнетъ мѣшокъ съ собакою — да бѣжать.

Вотъ бѣжитъ лисичка и видитъ: на воротахъ сидитъ пѣтушокъ. Она ему и говоритъ: «Пѣтушокъ, пѣтушокъ!

слѣзь сюда, я тебя исповѣдаю: у тебя семьдесятъ жёнъ, — ты завсегда грѣшонъ». Пѣтухъ слѣзъ: она хвать его и скушала.

Записана въ Бобровскомъ у., Воронежской губ.

2

Лиса-повитуха

Жили-были кумъ съ кумой — волкъ съ лисой. Была у нихъ кадочка медку. А лисица любитъ сладенькое; лежитъ кума съ кумомъ въ избушкѣ да украдкою постукиваетъ хвостикомъ. «Кума, кума! говоритъ волкъ: кто-то стучитъ». — «А, знать, меня на повой[1] зовутъ!» бормочетъ лиса. «Такъ поди, сходи», говоритъ волкъ. Вотъ кума изъ избы да прямехонько къ меду, нализалась и вернулась назадъ. «Что Богъ далъ?» спрашиваетъ волкъ. «Початочекъ», отвѣчаетъ лисица. Въ другой разъ опять лежитъ кума да постукиваетъ хвостикомъ. «Кума! кто-то стучится», говоритъ волкъ. «На повой, знать, зовутъ!» — «Такъ сходи». Пошла лисица да опять къ меду, нализалась досыта, — медку только на донышкѣ осталось. Приходитъ къ волку. «Что Богъ далъ?» спрашиваетъ онъ. «Середышекъ». Въ третій разъ опять такъ же обманула лисица волка и долизала ужъ весь медокъ. «Что Богъ далъ?» спрашиваетъ ее волкъ. «Поскребышекъ».

Долго ли, коротко ли — прикинулась лисица хворою, проситъ кума медку принести. Пошелъ кумъ, а меду ни крошки. «Кума, кума! кричитъ волкъ: вѣдь медъ съѣденъ». — «Какъ съѣденъ? кто же съѣлъ? кому, окромѣ тебя!» погоняетъ лисица. Волкъ и кстится и божится. «Ну, хорошо! говоритъ лисица: давай ля-

[1] Пріемъ новорожденнаго (ср. *повивать*, *повивальная бабка*).

жемъ на солнышкѣ: у кого вытопится медъ, тотъ и виноватъ». Пошли, легли. Лисицѣ не спится, а сѣрой волкъ храпитъ во всю пасть. Глядь-поглядь — у кумы-то и показался медокъ; она нутко скорѣе перемазывать его на волка. «Кумъ, кумъ! толкаетъ волка: это что? вотъ кто съѣлъ!» И волкъ, нечего дѣлать, повинился. Вотъ вамъ сказка, а мнѣ кринка масла.

Записана въ Переяславль-Залѣсскомъ у. Н. Бодровымъ.

3

Лиса, заяцъ и пѣтухъ

Жили-были лиса да заяцъ. У лисицы была избенка ледяная, а у зайчика лубяная; пришла весна красна — у лисицы растаяла, а у зайчика стоитъ по-старому. Лиса попросилась у зайчика погрѣться, да зайчика-то и выгнала. Идетъ дорогой зайчикъ да плачетъ, а ему навстрѣчу собаки: «Тяфъ, тяфъ, тяфъ! про *шт*о, зайчикъ, плачешь?» А зайчикъ говоритъ: «Отстаньте, собаки! какъ мнѣ не плакать? Была у меня избенка лубяная, а у лисы ледяная; попросилась она ко мнѣ, да меня и выгнала». — «Не плачь, зайчикъ! говорятъ собаки: мы ее выгонимъ». — «Нѣтъ, не выгоните!» — «Нѣтъ, выгонимъ!» Подошли къ избенкѣ: «Тяфъ, тяфъ, тяфъ! поди, лиса, вонъ!» А она имъ съ печи: «Какъ выскочу, какъ выпрыгну, пойдутъ клочки по заулочкамъ!» Собаки испугались и ушли.

Зайчикъ опять идетъ да плачетъ. Ему навстрѣчу медвѣдь: «О чемъ, зайчикъ, плачешь?» А зайчикъ говоритъ: «Отстань, медвѣдь! какъ мнѣ не плакать? Была у меня избенка лубяная, а у лисы ледяная; попросилась она ко мнѣ, да меня и выгнала». — «Не плачь, зайчикъ! говоритъ медвѣдь: я выгоню ее». — «Нѣтъ,

не выгонишь! Собаки гнали — не выгнали, и ты не выгонишь». — «Нѣтъ, выгоню!» Пошли гнать: «Поди, лиса, вонъ!» А она съ печи: «Какъ выскочу, какъ выпрыгну, пойдутъ клочки по заулочкамъ!» Медвѣдь испугался и ушелъ.

Идетъ опять зайчикъ да плачетъ, а ему навстрѣчу быкъ: «Про *што*, зайчикъ, плачешь?» — «Отстань, быкъ, какъ мнѣ не плакать? Была у меня избенка лубяная, а у лисы ледяная; попросилась она ко мнѣ, да меня и выгнала». — «Пойдемъ, я ее выгоню». — «Нѣтъ, быкъ, не выгонишь! Собаки гнали — не выгнали, медвѣдь гналъ — не выгналъ, и ты не выгонишь». — «Нѣтъ, выгоню!» Подошли къ избенкѣ: «Поди, лиса, вонъ!» А она съ печи: «Какъ выскочу, какъ выпрыгну, пойдутъ клочки по заулочкамъ!» Быкъ испугался и ушелъ.

Идетъ опять зайчикъ да плачетъ, а ему навстрѣчу пѣтухъ съ косой: «Кукуреку! о чемъ, зайчикъ, плачешь?» — «Отстань, пѣтухъ! какъ мнѣ не плакать? Была у меня избенка лубяная, а у лисы ледяная; попросилась она ко мнѣ, да меня и выгнала». — «Пойдемъ, я выгоню». — «Нѣтъ, не выгонишь! Собаки гнали — не выгнали, медвѣдь гналъ — не выгналъ, быкъ гналъ — не выгналъ, и ты не выгонишь». — «Нѣтъ, выгоню!» Подошли къ избенкѣ: «Кукуреку! несу косу на плечи, хочу лису посѣчи! поди, лиса, вонъ!» А она услыхала, испугалась, говоритъ: «Одѣваюсь . . .» Пѣтухъ опять: «Кукуреку! несу косу на плечи, хочу лису посѣчи! поди, лиса, вонъ!» А она говоритъ: «Шубу надѣваю». Пѣтухъ въ третій разъ: «Кукуреку! несу косу на плечи, хочу лису посѣчи! поди, лиса, вонъ!» Лисица выбѣжала; онъ ее зарубилъ косой-то и сталъ съ зайчикомъ жить да поживать да добра наживать. Вотъ тебѣ сказка, а мнѣ кринка масла.

Записана въ Переяславль-Залѣсскомъ у. Н. Бодровымъ.

4
Лиса-исповѣдница

(b) Зѣло удивительно: шла лисица изъ дальнихъ пустынь. Завидѣвши пѣтуха на высоцемъ древѣ, говоритъ ему ласковыя словеса: «О, милое мое чадо, пѣтелъ! сидишь ты на высоцемъ древѣ, да мыслишь ты мысли недобрыя, проклятыя; вы держите женъ помногу: кто держитъ десять, кто — двадцать, и́нный — тридцать, прибываетъ со временемъ до сорока! Гдѣ сойдетесь, тутъ и деретесь о своихъ женахъ, какъ о наложницахъ. Сниди, милое мое чадо, на землю да покайся! Я шла изъ дальнихъ пустынь, не пила, не ѣла, много нужды претерпѣла, — все тебя, мое милое чадо, исповѣдать хотѣла». — «О, мати моя, лисица! я не постился и не молился; приди въ и́нное время». — «О, милое мое чадо, пѣтелъ! не постился и не молился, но сниди на землю, покайся, да не во грѣхахъ умреши». — «О, мати моя, лисица, сахарныя уста, ласковыя словеса, льстивой твой языкъ! Не осуждайте другъ друга, и сами не осуждены будете; кто что посѣялъ, тотъ и пожнетъ. Хочешь ты меня силой къ покаянію привести, и не спасти, а тѣло мое пожрать». — «О, милое мое чадо, пѣтелъ! почто ты такую рѣчь говоришь? почто я учиню такъ? Читывалъ ли ты притчу про мытаря и фарисея, какъ мытарь спасся, а фарисей погибъ за гордость? Ты, мое милое чадо, безъ покаянія на высоцемъ древѣ погибнешь. Сниди на землю пониже, будешь къ покаянію поближе: прощенъ и разрѣшенъ и до царствія небеснаго допущенъ».

Узналъ пѣтухъ на своей душѣ тяжкой грѣхъ, умилился и прослезился и сталъ спускаться съ вѣтки на вѣтку, съ прутка на прутокъ, съ сучка на сучокъ, съ пенька на пенёкъ; спустился пѣтелъ на землю и сѣлъ

передъ лисицу. Скочила лисица, яко лукавая птица, схватила пѣтуха въ свои острые когти, зритъ на него свирѣпыми глазами, скрежещетъ острыми зубами, — хочетъ, какъ нѣкоего беззаконника, жива пожрать. И рѣче пѣтелъ лисицѣ: «О, мати моя, лисица, сахарныя уста, ласковыя словеса, льстивой твой языкъ! ты ли меня спасешь, какъ тѣло мое пожрешь?» — «Не дорого твое тѣло и цвѣтное платье, да дорого отплатить нѣкую дружбу. Помнишь ли ты? я шла ко крестьянину, хотѣла малаго курёнка съѣсть; а ты, дуракъ, бездѣльникъ, сидишь на высокихъ сѣдалахъ, закричалъ-завопилъ веліимъ гласомъ, ногами затопалъ, крыльями замахалъ; тогда курицы заговорили, гуси загоготали, собаки залаяли, жеребцы заржали, коровы замычали. Услыхали всѣ мужики и бабы; бабы прибѣжали съ помелами, а мужики съ топорами и хотѣли мнѣ за курёнка смерть учинить . . . а сова у нихъ изъ роду въ родъ пребываетъ и всегда курятъ поѣдаетъ. А тебѣ, дуракъ, бездѣльникъ, не быть теперь живому!» Рѣче пѣтухъ лисицѣ: «О, мати моя, лисица, сахарныя уста, ласковыя словеса, льстивый твой языкъ! Вчерашняго числа звали меня ко Трунчинскому митрополиту во дьяки, выхваляли всѣмъ крылосомъ и соборомъ: хорошъ молодецъ, изряденъ, гораздъ книги читать, и голосъ хорошъ! Не могу ли тебя, мати моя лисица, упросить своимъ прошеньемъ хоть въ просвирни. Тутъ намъ будетъ великъ доходъ: станутъ намъ давать сладкія просвиры, большія перепечи и масличко, и яички, и сырчики». Узнала лисица пѣтушиный признакъ (sic), отпустила пѣтуха изъ своихъ когтей послабже. Вырвался пѣтухъ, взлетѣлъ на высокое древо, закричалъ-завопилъ веліимъ гласомъ: «Дорогая боярыня просвирня, здравствуй! великъ ли доходъ, сладки ли просвиры? не стерла ли горбъ, нося перепечи? не охоча

ли, ворогуша[1], до орѣховъ? да есть ли у тебя зубы?»

Пошла лисица въ лѣсъ, яко долгой бѣсъ, и возрыда горько: «Сколько де я по землѣ не бывала, а такой срамоты отроду не видала. Когда бываютъ пѣтухи въ дьяконахъ, лисицы въ просвирняхъ!» Ему же слава и держава отнынѣ и до вѣку, и сказкѣ конецъ.

Записана со словъ девяностолѣтняго старика изъ мастеровыхъ Мотовилихинскаго завода, Пермскаго у., Л. Питерскимъ въ 1840 году.

5

Лиса-лѣкарка

Бывалъ-живалъ старикъ со старухой. Старикъ посадилъ кочешокъ въ подпольецо, а старуха въ попелушку. У старухи въ попелушкѣ совсѣмъ завялъ кочешокъ, а у старика росъ-росъ, — до полу доросъ. Старикъ взялъ топоръ и вырубилъ на полу прямо кочешка дыру. Кочешокъ опять росъ-росъ, — до потолку доросъ; старикъ опять взялъ топоръ и вырубилъ на потолку прямо кочешка дыру. Кочешокъ росъ-росъ, — до неба доросъ. Какъ старику поглядѣть на верхушку кочешка? Полѣзъ по корешку, лѣзъ-лѣзъ, лѣзъ-лѣзъ, долѣзъ до неба, просѣкъ на небѣ дыру и взлѣзъ туда. Смотритъ: стоятъ жóрновцы; жорновцы повернутся — пирогъ да шаньга[2], наверхъ каши горшокъ. Старикъ наѣлся, напился и спать повалился. Выспался, слѣзъ на землю и говоритъ: «Старуха, а старуха! какое житье-то на небѣ! тамъ есть жорновцы: какъ повернутся — пирогъ да шаньга, наверхъ каши горшокъ». — «Какъ бы мнѣ, старичокъ, тамъ побывать?» — «Садись, старуха, въ мѣшокъ: я

[1] Бранное слово; то же, что врагъ, ворогъ.

[2] Вотрушка или хлѣбъ изъ пшеничной муки, обмазанный сметаною и масломъ.

тебя унесу». Старуха подумала и сѣла въ мѣшокъ. Старикъ взялъ мѣшокъ въ зубы и полѣзъ на̀ небо; лѣзъ-лѣзъ, — долго лѣзъ. Старухѣ стало скучно, она и спрашиваетъ: «Далеко ли, старичокъ?» — «Далече, старуха!» Опять лѣзъ-лѣзъ, лѣзъ-лѣзъ. «Далеко ли, старичокъ?» — «Еще половина!» Опять лѣзъ-лѣзъ, лѣзъ-лѣзъ. Старуха снова спрашиваетъ: «Далеко ли, старичокъ?» Только старикъ хотѣлъ сказать: «недалече!», мѣшокъ у него изъ зубовъ вырвался, старуха на землю свалилась и вся расшиблась. Старикъ спустился внизъ по кошечку, поднялъ мѣшокъ, а въ мѣшкѣ одно костье — и то примельчалось. Пошелъ старикъ изъ дому и горько плачетъ. Навстрѣчу ему лиска: «О чемъ, старичокъ, плачешь?» — «Какъ не плакать! старуха расшиблась». — «Молчи, я вылѣчу». Старикъ палъ лисицѣ въ ноги: «Вылѣчи, что угодно заплачу́». — «Ну, вытопи баньку, снеси туда толоконца мѣшочекъ, маслеца горшочекъ да старуху, а самъ стань за двери и не смотри въ баньку». Старикъ вытопилъ баню, принесъ что надо и сталъ за двери; а лиса зашла въ баню, двери на крюкъ, стала мыть старухины кости: моетъ не моетъ, а все огладываетъ. Старикъ спрашиваетъ: «Каково старушка?» — «Пошевеливается!» говоритъ лиска, а сама доѣла старуху, собрала костье и сложила въ уголокъ и принялась мѣсить саламату. Старикъ постоялъ-постоялъ и спрашиваетъ: «Каково старушка?» — «Посиживаетъ!» говоритъ лиска, а сама саламату дохлебываетъ. Съѣла и говоритъ: «Старичокъ! отворь двери шире». Онъ отворилъ, а лиса прыгъ изъ баньки и убѣжала домой. Старикъ вошелъ въ баню, поглядѣлъ: только старухины кости подъ лавкой — и тѣ оглоданы; толоконцо и маслецо съѣдено. Остался старикъ одинъ въ бѣдности.

Записана въ Шенкурскомъ у., Архангельской губ.

6

Лиса-плачея

Жилъ-былъ старикъ со старухою, была у нихъ дочка. Разъ ѣла она бобы и уронила одинъ наземь. Бобъ росъ-росъ и выросъ до неба. Старикъ полѣзъ на небо; взлѣзъ туда, ходилъ-ходилъ, любовался-любовался и говоритъ себѣ: «Дай принесу сюда старуху, — то-то она обрадуется!» Слѣзъ наземь, посадилъ старуху въ мѣшокъ, взялъ мѣшокъ въ зубы и полѣзъ опять наверхъ; лѣзъ-лѣзъ, усталъ да и выронилъ мѣшокъ. Спустился поскорѣе, открылъ мѣшокъ, смотритъ — лежитъ старуха, зубы ощерила, глаза вытаращила. Онъ и говоритъ: «Что ты, старуха, смѣешься? что зубы-то оскалила?» да какъ увидѣлъ, что она мертвая, такъ и залился слезами. Жили они одни-одинехоньки, среди пустыря: некому и поплакать-то по старухѣ. Вотъ старикъ взялъ мѣшокъ съ тремя парами бѣленькихъ курочекъ и пошелъ искать плачеи. Видитъ, идетъ медвѣдь, онъ и говоритъ: «Поплачь-ко, медвѣдь: по моей старухѣ! я дамъ тебѣ двѣ бѣленькихъ курочки». Медвѣдь заревѣлъ: «Ахъ, ты, моя родимая бабушка! какъ тебя жалко». — «Нѣтъ, говоритъ старикъ, ты не умѣешь плакать». И пошелъ дальше. Шелъ-шелъ и повстрѣчалъ волка: заставилъ его причитать, и волкъ не умѣетъ. Пошелъ еще и повстрѣчалъ лису, заставилъ ее причитать за пару бѣленькихъ курочекъ. Она и запѣла: «Туру-туру, бабушка! убилъ тебя дѣдушка». Мужику понравилась пѣсня, онъ заставилъ лису пѣть въ другой, третій и четвертой разъ, — хвать, а четвертой пары курочекъ и недостаетъ. Старикъ говоритъ: «Лиса, лиса! я четвертую пару дома забылъ; пойдемъ ко мнѣ». Лиса пошла за нимъ слѣдомъ. Вотъ пришли домой; старикъ взялъ мѣшокъ, положилъ туда

пару собакъ, а сверху заложилъ лисанькиными шестью курочками и отдалъ ей. Лиса взяла и побѣжала; немного погодя, остановилась около пня и говоритъ: «Сяду на пенекъ, съѣмъ бѣлую курочку». Съѣла и побѣжала впередъ; потомъ еще на пенекъ сѣла и другую курочку съѣла, затѣмъ третью, четвертую, пятую и шестую. А въ седьмой разъ открыла мѣшокъ, собаки на нее и выскочили. Лиса ну бѣжать, — бѣжала-бѣжала и спряталась подъ колоду, спряталась — и начала спрашивать: «Ушки, ушки! что вы дѣлали?» — «Мы слушали да слушали, чтобъ собаки лисаньку не скушали». — «Глазки, глазки! что вы дѣлали?» — «Мы смотрѣли, да смотрѣли, чтобъ собаки лисаньку не съѣли». — «Ножки, ножки! что вы дѣлали?» — «Мы бѣжали да бѣжали, чтобъ собаки лисаньку не поймали». — «А ты, хвостище, что дѣлалъ?» — «Я по пнямъ, по кустамъ, по колодамъ зацѣплялъ, чтобъ собаки лисаньку поймали да разорвали». — «А ты такой! такъ вотъ же, нáте, собаки! ѣшьте мой хвостъ!» — и высунула хвостъ, а собаки схватили за хвостъ, и самое лисицу вытащили и разорвали.

7

Мужикъ, медвѣдь и лиса

Пахалъ мужикъ ниву; пришелъ къ нему медвѣдь и говоритъ ему: «Мужикъ, я тебя сломаю!» — «Нѣтъ, незамай (не трогай); я вотъ сѣю рѣпу, себѣ возьму хоть корешки, а тебѣ отдамъ вершки». — «Быть такъ, сказалъ медвѣдь, а коли обманешь — такъ въ лѣсъ по дрова ко мнѣ хоть не ѣзди!» Сказалъ и ушелъ въ дуброву. Пришло время: мужикъ рѣпу копаетъ, а медвѣдь изъ дубровы вылѣзаетъ. «Ну, мужикъ, давай дѣлить!» — «Ладно, медвѣдюшка, давай: я привезу

тебѣ вершки», — и отвезъ ему возъ ботвы. Медвѣдь остался доволенъ честнымъ раздѣломъ. Вотъ мужикъ наклалъ свою рѣпу на возъ и повезъ въ городъ продавать; а навстрѣчу ему медвѣдь: «Мужикъ, куда ты ѣдешь?» — «А вотъ, медвѣдюшка, ѣду въ городъ корешки продавать». — «Дай-ко попробовать, каковъ корешокъ?» Мужикъ далъ ему рѣпу. Медвѣдь какъ съѣлъ — «а-а! зарѣвѣлъ, ты меня обманулъ, мужикъ! корешки твои сладеньки. Теперь не ѣзжай ко мнѣ по дрова, а то задеру!» Мужикъ воротился изъ города и боится ѣхать въ лѣсъ; пожогъ и полочки, и лавочки, и кадочки, наконецъ, дѣлать нечего — надо въ лѣсъ ѣхать. Въѣзжаетъ потихонечку; откуда ни возьмись, бѣжитъ лисица. «Что ты, мужичокъ, спрашиваетъ она, такъ тихо бредешь?» — «Боюсь медвѣдя: сердитъ на меня, обѣщалъ задрать». — «Небось медвѣдя, руби дрова, а я стану порска́ть[1]; коли спроситъ медвѣдь: что такое? скажи: ловятъ волковъ и медвѣдей». Мужикъ принялся рубить; глядь — анъ медвѣдь бѣжитъ и мужику кричитъ: «Эй, старикъ! что это за крикъ?» Мужикъ говоритъ: «Волковъ ловятъ да медвѣдей». — «Охъ, мужичокъ! положи меня въ сани, закидай дровами да увяжи веревкой, — авось подумаютъ, что колода лежитъ». Мужикъ положилъ его въ сани, увязалъ веревкою, и давай обухомъ гвоздить его въ голову, пока медвѣдь совсѣмъ окачурился[2]. Прибѣжала лиса и говоритъ: «Гдѣ медвѣдь?» — «А вотъ околѣлъ!» — «Ну, что жъ, мужичокъ, теперь нужно меня угостить». — «Изволь, лисанька, поѣдемъ ко мнѣ: я тебя угощу». Мужикъ ѣдетъ, а лиса впередъ бѣжитъ; сталъ мужикъ подъѣзжать къ дому, свистнулъ своимъ собакамъ и притравилъ лисицу. Лиса пустилась къ лѣсу и юркъ

[1] Охотничій терминъ.
[2] Издохъ.

въ нору, — спряталась въ норѣ и спрашиваетъ: «Охъ, вы, мои глазоньки, что вы смотрѣли, когда я бѣжала?» — «Охъ, лисанька, мы смотрѣли, чтобъ ты не спотыкнулась». — «А вы, ушки, что дѣлали?» — «А мы все слушали, далеко ли псы гонятъ». — «А ты, хвостъ, что дѣлалъ?» — «Я-то, сказалъ хвостъ, все мотался подъ ногами, чтобъ ты запуталась да упала, да къ собакамъ въ зубы попала». — «А-а, каналья! такъ пусть же тебя собаки ѣдятъ». И, высунувъ изъ норы свой хвостъ, лиса закричала: «Ѣшьте, собаки, лисій хвостъ!» Собаки за хвостъ потащили и лисицу закамшили[1]. Такъ часто бываетъ: отъ хвоста и голова пропадаетъ.

Записана въ Тульской губ. членомъ-сотрудникомъ Русскаго Географическаго Общества г-мъ Мясоѣдовымъ.

8

Старая хлѣбъ-соль забывается

Попался было бирюкъ въ капканъ, да кое-какъ вырвался и сталъ пробираться въ глухую сторону. Завидѣли его охотники и стали слѣдить. Пришлось бирюку бѣжать черезъ дорогу, а на ту пору шелъ по дорогѣ съ поля мужикъ съ мѣшкомъ и цѣпомъ. Бирюкъ къ нему: «Сдѣлай милость, мужичокъ, схорони меня въ мѣшокъ! за мной охотники гонятъ». Мужикъ согласился, запряталъ его въ мѣшокъ, завязалъ и взвалилъ на плечи. Идетъ дальше, а навстрѣчу ему охотники. «Не видалъ ли, мужичокъ, бирюка?» спрашиваютъ они. «Нѣтъ, не видалъ!» отвѣчаетъ мужикъ. Охотники поскакали впередъ и скрылись изъ виду. «Что, ушли мои злодѣи?» спросилъ бирюкъ. «Ушли». — «Ну, теперь выпусти меня на волю». Мужикъ развязалъ мѣшокъ и выпустилъ его на вольный свѣтъ.

[1] Задавили.

Бирюкъ сказалъ: «А что, мужикъ, я тебя съѣмъ!» — «Ахъ, бирюкъ, бирюкъ! я тебя изъ какой неволи выручилъ, а ты меня съѣсть хочешь!» — «Старая хлѣбъ-соль забывается», отвѣчалъ бирюкъ. Мужикъ видитъ, что дѣло-то плохо, и говоритъ: «Ну, коли такъ, пойдемъ дальше, и если первый, кто съ нами встрѣтится, скажетъ по-твоему, что старая хлѣбъ-соль забывается, тогда дѣлать нечего — съѣшь меня!» Пошли они дальше. Повстрѣчалась имъ старая кобыла. Мужикъ къ ней съ вопросомъ: «Сдѣлай милость, кобылушка-матушка, разсуди насъ! Вотъ я бирюка изъ большой неволи выручилъ, а онъ хочетъ меня съѣсть!» И разсказалъ ей все, что было. Кобыла подумала-подумала и сказала: «Я жила у хозяина двѣнадцать лѣтъ, принесла ему двѣнадцать жеребятъ, изо всѣхъ силъ на него работала, а какъ стала стара и пришло мнѣ невмоготу работать, — онъ взялъ да и стащилъ меня подъ яръ; ужъ я лѣзла-лѣзла, — насилу вылѣзла и теперь вотъ плетусь, куда глаза глядятъ. Да, старая хлѣбъ-соль забывается!» — «Видишь, моя правда!» молвилъ бирюкъ. Мужикъ опечалился и сталъ просить бирюка, чтобъ подождалъ до другой встрѣчи. Бирюкъ согласился и на это. Повстрѣчалась имъ старая собака. Мужикъ къ ней съ тѣмъ же вопросомъ. Собака подумала-подумала и сказала: «Служила я хозяину двадцать лѣтъ, оберегала его домъ и скотину, а какъ состарѣлась и перестала брехать[1], — онъ прогналъ меня со двора, и вотъ плетусь я, куда глаза глядятъ. Да, старая хлѣбъ-соль забывается!» — «Ну, видишь, моя правда!» Мужикъ еще пуще опечалился и упросилъ бирюка обождать до третьей встрѣчи, «а тамъ дѣлай, какъ знаешь, коли хлѣба-соли моей не попомнишь». Въ третій разъ повстрѣчалась имъ лиса. Мужикъ повторилъ ей свой вопросъ. Лиса стала спо-

[1] Лаять.

рить: «Да какъ это можно, чтобы бирюкъ, этакая большая туша, могъ помѣститься въ этакомъ маломъ мѣшкѣ?» И бирюкъ и мужикъ побожились, что это истинная правда; но лиса все-таки не вѣрила и сказала: «А ну-ка, мужичокъ, покажь, какъ ты сажалъ его въ мѣшокъ-то!» Мужикъ разставилъ мѣшокъ, а бирюкъ всунулъ туда голову. Лиса закричала: «Да развѣ ты одну голову пряталъ въ мѣшокъ?» Бирюкъ влѣзъ совсѣмъ. «Ну-ка, мужичокъ, продолжала лиса, покажи, какъ ты его завязывалъ?» Мужикъ завязалъ. «Ну-ка, мужичокъ, какъ ты въ полѣ хлѣбъ-то молотилъ?» Мужикъ началъ молотить цѣпомъ по мѣшку. «Ну-ка, мужичокъ, какъ ты отворачивалъ?» Мужикъ сталъ отворачивать да задѣлъ лису по головѣ и убилъ ее до смерти, приговаривая: «Старая хлѣбъ-соль забывается!»

Записана въ Черноярскомъ у., Астраханской губ., волостнымъ писаремъ Волконидинымъ.

9

Овца, лиса и волкъ

У крестьянина изъ гурта бѣжала овца. Навстрѣчу ей попалась лиса и спрашиваетъ: «Куда тебя, кумушка, Богъ несетъ?» — «О-ихъ, кума! была я у мужика въ гуртѣ, да житья мнѣ не стало: гдѣ баранъ сдуритъ, а все я, овца, виновата!» Вотъ и вздумала уйти — куда глаза глядятъ». — «И я тоже, отвѣчала лиса: гдѣ мужъ мой курочку словитъ, а все я, лиса, виновата. Побѣжимъ-ка вмѣстѣ». Черезъ нѣсколько времени повстрѣчался имъ бирюкъ. «Здорово, кума!» — «Здравствуй!» говоритъ лиса. «Далече ли бредешь?» Она въ отвѣтъ: «Куда глаза глядятъ?» Да какъ разсказала про свое горе, — бирюкъ молвилъ: «И я также: гдѣ волчица за-

рѣжетъ ягненка, а все я, бирюкъ, виноватъ. Пойдемте-ка вмѣстѣ». Пошли. Дорогою бирюкъ и говоритъ овцѣ: «А что, овца, вѣдь на тебѣ тулупъ-то мой!». Лиса услышала и подхватила: «Взаправду, кумъ, твой?» — «Вѣрно мой!» — «Побожишься?» — «Побожусь!» — «Къ присягѣ пойдешь?» — «Пойду». — «Ну, иди, цѣлуй присягу». Тутъ лиса смѣтила, что мужики на тропинкѣ поставили капканъ; она привела бирюка къ самому капкану и говоритъ: «Ну, вотъ здѣсь цѣлуй!» Только-что сунулся бирюкъ сдуру, а капканъ щелкнулъ и ухватилъ его за морду. Лиса съ овцой тотчасъ убѣжали отъ него по добру по здорову.

Записана въ Черноярскомъ у., Астраханской губ., волостнымъ писаремъ Волконидинымъ.

10

Звѣри въ ямѣ

Шла свинья въ Питеръ Богу молиться. Попадается ей волкъ на встрѣчу: «Свинья, свинья! куда идешь?» — «Въ Питеръ Богу молиться». — «Возьми и меня». — «Пойдемъ, куманёкъ!» Шли-шли, попадается лиса навстрѣчу: «Свинья, свинья! куда идешь?» — «Въ Питеръ Богу молиться». — «Возьми и меня». — «Иди, кума!» Шли они, шли, попадается имъ заяцъ: «Свинья, свинья! куда идешь?» — «Въ Питеръ Богу молиться». — «Возьми и меня съ собой». — «Ступай, косой!» Потомъ выпросилась еще бѣлка, и вотъ они шли-шли . . . Глядь, на дорогѣ яма глубокая и широкая; свинья прыгнула и попала въ яму, а за ней и волкъ, и лиса, и заяцъ, и бѣлка; долго они сидѣли, сильно проголодались, — ѣсть-то нечего. Лиса и придумала: «Давайте, говоритъ, тянуть: кто всѣхъ тоньше запоетъ, того и скушаемъ». Волкъ затянулъ толстымъ голосомъ:

о-о-о! Свинья немного помягче: у-у-у! Лиса и того мягче: э-э-э! а заяцъ съ бѣлкою тонкимъ голоскомъ: и-и-и! Тотчасъ разорвали звѣри зайца да бѣлку и съѣли со всѣми косточками. На другой день лиса опять говоритъ: «Кто толще всѣхъ запоетъ, того и скушаемъ». Волкъ всѣхъ толще затянулъ: о-о-о! — ну, его и съѣли. Лиса мясо скушала, а кишечки подъ себя спрятала. Дня черезъ три сидитъ да ѣстъ себѣ кишечки; свинья и спрашиваетъ: «Что ты, кума, кушаешь? Дай-ка мнѣ». — «Эхъ, свинья! вѣдь я свои кишечки таскаю; разорви и ты свое брюхо, таскай кишечки и закусывай». Свинья-то и сдѣлала: разорвала свое брюхо — и досталась лисѣ на обѣдъ. Осталась лиса одна-одинёхонька въ ямѣ; вылѣзла ль она оттудова или и теперь тамъ сидитъ — право, не вѣдаю.

11
Лиса и тетеревъ

Бѣжала лисица по лѣсу, увидала на деревѣ тетерева и говоритъ ему: «Терентій, Терентій! я въ городѣ была». — «Бу-бу-бу, бу-бу-бу! была, такъ была». — «Терентій, Терентій! я указъ добыла». — «Бу-бу-бу, бу-бу-бу! добыла, такъ добыла». — «Чтобы вамъ тетеревамъ не сидѣть по деревамъ, а все бы гулять по зеленымъ лугамъ». — «Бу-бу-бу, бу-бу-бу! гулять, такъ гулять». — «Терентій! кто тамъ ѣдетъ?» спрашиваетъ лиса, услышавъ конскій топотъ и собачій лай. «Мужикъ». — «Кто за нимъ бѣжитъ?» — «Жеребенокъ». — «Какъ у него хвостъ-то?» — «Крючкомъ». — «Ну, такъ прощай, Терентій! мнѣ дома недосугъ».

Записана въ Тверской губ.

12
Лиса и дятелъ

Жилъ-былъ дятелъ на дубу, свилъ себѣ гнѣздышко, снесъ три яичка и высидѣлъ три дѣтёнка. Повадилась къ нему лиса ходить: стукъ-стукъ хвостищемъ по сырому дубищу. «Дятелъ, дятелъ! полѣзай съ дубу долой. Мнѣ дубъ над*а* — сѣчихичики (?) гнуть». — «Ей, лисынька! не дала ты мнѣ и одного детёнышка-то высидѣть». — «Ей, дятелъ! брось ты мнѣ, я его выучу кузне*ш*ному». Дятелъ ей бросилъ, и она — кустикъ за кустикъ, лѣсокъ за лѣсокъ, да и съѣла.

Опять идетъ къ дятлу и стукъ-стукъ хвостищемъ по сырому дубищу: «Дятелъ, дятелъ! полѣзай съ дубу долой, мнѣ дубъ над*а* — сѣчихичики гнуть». — «Ей, лисынька! не дала ты мнѣ и одного детёнышка-то высидѣть». — «Ей, дятелъ! брось ты мнѣ, я его выучу башма*ш*ному». Дятелъ ей бросилъ, а она — кустикъ за кустикъ, лѣсокъ за лѣсокъ, да и съѣла.

Опять идетъ къ дятлу и стукъ-стукъ хвостищемъ по сырому дубищу: «Дятелъ, дятелъ! полѣзай съ дубу долой, мнѣ дубъ над*а* — сѣчихичики гнуть». — Ей, лисынька! не дала ты мнѣ и одного детёнышка-то высидѣть». — «Ей, дятелъ! брось ты мнѣ, я его выучу портняжному». Дятелъ бросилъ ей, а она кустикъ за кустикъ, лѣсокъ за лѣсокъ, да и съѣла.

Записана въ Васильскомъ у., Нижегородской губ., членомъ-сотрудникомъ Русск. Геогр. Общества іеромонахомъ Макаріемъ.

13
Лиса и журавль

Лиса съ журавлемъ подружилась, даже покумилась съ нимъ у кого-то на родинахъ. Вотъ и вздумала однажды лиса угостить журавля, пошла звать его къ

себѣ въ гости: «Приходи, куманекъ! приходи, дорогой! ужъ я какъ тебя угощу!» Идетъ журавль на званой пиръ, а лиса наварила манной каши и размазала по тарелкѣ. Подала и подчиваетъ: «Покушай, мой голубчикъ-куманекъ, — сама стряпала». Журавль хлопъ-хлопъ носомъ, стучалъ-стучалъ — ничего не попадаетъ! А лисица въ это время лижетъ себѣ да лижетъ кашу, такъ всю сама и скушала. Каша съѣдена; лисица и говоритъ: «Не безсудь, любезный кумъ! больше подчивать нечѣмъ». — «Спаспбо, кума, и на этомъ! Приходи ко мнѣ въ гости». На другой день приходитъ лиса, а журавль приготовилъ окрошку, наклалъ въ кувшинъ съ малымъ горлышкомъ, поставилъ на столъ и говоритъ: «Кушай, кумушка! право, больше нечѣмъ подчивать». Лиса начала вертѣться вокругъ кувшина: и такъ зайдетъ, и эдакъ, и лизнетъ его, и понюхаетъ-то — все ничего не достанетъ: не лѣзетъ голова въ кувшинъ. А журавль межъ тѣмъ клюетъ себѣ да клюетъ, пока все поѣлъ. «Ну, не безсудь, кума! больше угощать нечѣмъ». Взяла лису досада: думала, что наѣстся на цѣлую недѣлю, а домой пошла, какъ несолоно хлебала. Какъ аукнулось — такъ и откликнулось! Съ тѣхъ поръ и дружба у лисы съ журавлемъ — врозь.

Записана въ Тверской губ.

14
Снѣгурушка и лиса

Жилъ да былъ старикъ со старухой, у нихъ была внучка Снѣгурушка. Собрались ея подружки идти въ лѣсъ по ягоды и пришли ее звать съ собой. Старики долго не соглашались, но послѣ многихъ просьбъ отпустили Снѣгурушку и приказали ей не отставать отъ подругъ. Ходя по лѣсу и собирая ягоды — деревцо

за деревцо, кустикъ за кустикъ, — Снѣгурушка отстала отъ своихъ подругъ. Онѣ аукали ее, аукали, но Снѣгурушка не слыхала. Ужъ стало темно, подру*шки* пошли домой. Снѣгурушка, видя, что она осталась одна, взлѣзла на дерево, стала горько плакать, припѣваючи: «Ау! ау! Снѣгурушка, ау! ау! голубушка! У дѣдушки, у бабушки была внучка Снѣгурушка; ее дѣвки въ лѣсъ заман*у*ли, заманувши, — покинули». Идетъ медвѣдь и спрашиваетъ: «О чемъ ты, Снѣгурушка, плачешь?» — «Какъ мнѣ, батюшка-медвѣдюшка, не плакать! я одна у дѣдушки, у бабушки внучка Снѣгурушка; меня дѣвки въ лѣсъ заман*у*ли, заманувши, — покинули». — «Сойди, я тебя отнесу». — «Нѣтъ, я тебя боюсь, ты меня съѣшь!» Медвѣдь ушелъ отъ нея. Она опять заплакала, припѣваючи: «Ау! ау! Снѣгурушка, ау! ау! голубушка! . . .» Идетъ волкъ, спрашиваетъ: «О чемъ ты, Снѣгурушка, плачешь?» Она отвѣчаетъ ему то же, что и медвѣдю. «Сойди, я тебя отнесу». — «Нѣтъ, я тебя боюсь, ты меня съѣшь». Волкъ ушелъ, а Снѣгурушка опять заплакала, причитаючи: «Ау! ау! Снѣгурушка, ау! ау! голубушка! . ..» Идетъ лисица, спрашиваетъ: «Чего ты, Снѣгурушка, плачешь?» — «Какъ мнѣ лисынька, не плакать! меня дѣвки въ лѣсъ заман*у*ли, заманувши, — покинули». — «Сойди, я тебя отнесу». Снѣгурушка сошла, сѣла на спину къ лисицѣ, и та помчалась съ нею; прибѣжала къ дому и стала хвостомъ стучаться въ калитку. «Кто тамъ?» Лисица отвѣчаетъ, что она принесла къ старику и старухѣ ихъ внучку Снѣгурушку. «Ахъ, ты наша дорогая, такая-сякая, немазаная! Войди къ намъ въ избу. Гдѣ намъ тебя посадить и чѣмъ угостить?» Принесли молока, яицъ, творогу и стали лисицу по*д*чивать за ея услугу. А лисица проситъ, чтобъ въ награду дали ей курицу и пустили бы ее въ поле. Старики

простились съ лисицею, посадили въ одинъ мѣшокъ курицу, а въ другой собаку и понесли за нею на указанное мѣсто. Выпустили курицу; только было лисица бросилась за нею, — выпустили и собаку. Увидя собаку, лисица какъ припуститъ въ лѣсъ, — такъ и ушла.

Записана въ Калужской губ.

15
Лиса и ракъ

Лиса и ракъ стаятъ вмѣстѣ и гыварятъ прамёшъ сибя. Лиса гваритъ раку: «Давай съ табой пирганятца». Ракъ: «Штошъ, лиса, ну, давай!» Зачали пирганятца. Лишь лиса пабѣгла, ракъ уцыпился лисѣ за хвостъ. Лиса да мѣста дабѣгла, а ракъ ни атцыпляица. Лиса абярнулась пысматрѣть, вярнула хвастомъ, ракъ атцыпилси и гваритъ: «А я давно ужъ жду тибя тутъ».

Записана въ Тамбовской губ.

16
Колобокъ [1]

Жилъ-былъ старикъ со старухою. Проситъ старикъ: «Испеки, старуха, колобокъ». — «Изъ чего печь-то? муки нѣту». — «Э-эхъ, старуха! по коробу[2] поскреби, по сусѣку[3] помети: авось муки и наберется». Взяла старуха крылушко, по коробу поскребла, по сусѣку помела, и набралось муки пригоршни съ двѣ. Замѣсила на сметанѣ, изжарила въ маслѣ и положила на окошечко простудить. Колобокъ полежалъ-полежалъ, да вдругъ и покатился — съ окна на лавку, съ лавки

---

1) Сдобная прѣсная лепешка.
2) Ящикъ съ замкомъ для поклажи.
3) Засѣкъ, закромъ.

на полъ, по полу да къ дверямъ, перепрыгнулъ черезъ порогъ въ сѣни, изъ сѣней на крыльцо, съ крыльца на дворъ, со двора за ворота — дальше и дальше. Катится колобокъ по дорогѣ, а навстрѣчу ему заяцъ: «Колобокъ, колобокъ! я тебя съѣмъ». — «Не ѣшь меня, косой зайчикъ! я тебя пѣсеньку спою, сказалъ колобокъ и запѣлъ:

Я по коробу скребёнъ,
По сусѣку метёнъ,
На сметанѣ мѣшонъ
Да въ маслѣ пряжонъ,
На окошкѣ стужонъ;
Я у дѣдушки ушелъ,
Я у бабушки ушелъ,
А у тебя, зайца, не хитро уйти!»

И покатился себѣ дальше, — только заяцъ его и видѣлъ! . . . Катится колобокъ, а навстрѣчу ему волкъ: «Колобокъ, колобокъ! я тебя съѣмъ». — «Не ѣшь меня, сѣрой волкъ! я тебѣ пѣсеньку спою:

Я по коробу скребёнъ,
По сусѣку метёнъ,
На сметанѣ мѣшонъ
Да въ маслѣ пряжонъ,
На окошкѣ стужонъ;
Я у дѣдушки ушелъ,
Я у бабушки ушелъ,
Я у зайца ушелъ,
У тебя, волка, не хитро уйти!»

И покатился себѣ дальше, — только волкъ его и видѣлъ! . . . Катится колобокъ, а навстрѣчу ему медвѣдь: «Колобокъ, колобокъ! я тебя съѣмъ». — «Гдѣ, тебѣ, косолапому, съѣсть меня!

Я по коробу скребёнъ,
По сусѣку метёнъ,
На сметанѣ мѣшонъ
Да въ маслѣ пряжонъ,
На окошкѣ стужонъ;

Я у дѣдушки ушелъ,
Я у бабушки ушелъ,
Я у зайца ушелъ,
Я у волка ушелъ,
У тебя, медвѣдь, не хитро уйти!»

И опять укатился, — только медвѣдь его и видѣлъ! ... Катится-катится колобокъ, а навстрѣчу ему лиса: «Здравствуй, колобокъ! какой ты хорошенькой». А колобокъ запѣлъ:

«Я по коробу скребёнъ,
По сусѣку метёнъ,
На сметанѣ мѣшонъ
Да въ маслѣ пряжонъ,
На окошкѣ стужонъ;
Я у дѣдушки ушелъ,
Я у бабушки ушелъ,
Я у зайца ушелъ,
Я у волка ушелъ,
Я у медвѣдя ушелъ,
У тебя, лиса, и подавно уйду!»

«Какая славная пѣсенька! сказала лиса; но вѣдь я, колобокъ, стара стала, плохо слышу; сядь-ка на мою мордочку да пропой еще разокъ погромче». Колобокъ вскочилъ лисѣ на мордочку и запѣлъ ту же пѣсню. «Спасибо, колобокъ! славная пѣсенька, еще бы послушала. Сядь-ка на мой язычокъ да пропой въ послѣднiй разокъ». Сказала лиса и высунула свой языкъ; колобокъ сдуру прыгъ ей на языкъ, а лиса — амъ его! — и скушала.

17

Котъ, пѣтухъ и лиса

Жилъ-былъ старикъ, у него были котъ да пѣтухъ. Старикъ ушелъ въ лѣсъ на работу, котъ унёсъ ему ѣсть, а пѣтуха оставили стеречь домъ. На ту пору пришла лиса.

«Кикереку-пѣтушокъ,
Золотой гребешокъ,
Выгляни въ окошко,
Дамъ тебѣ горошку».

Такъ лиса пѣла, сидя подъ окномъ. Пѣтухъ выставилъ окошко, высунулъ головку и посмотрѣлъ: кто тутъ поетъ? Лиса схватила пѣтуха въ когти и понесла его въ гости. Пѣтухъ закричалъ: «Понесла меня лиса, понесла пѣтуха за темныя лѣса, въ далекія страны, въ чужія земли, за тридевять земель, въ тридцатое царство, въ тридесятое государство. Котъ Котонаевичъ, отыми меня!» Котъ въ полѣ услыхалъ голосъ пѣтуха, бросился въ погоню, достигъ лису, отбилъ пѣтуха и принесъ домой. «Мотри ты, Петя-пѣтушокъ! говоритъ ему котъ, не выглядывай въ окошко, не вѣрь лисѣ: она съѣстъ тебя и косточекъ не отставитъ».

Старикъ опять ушелъ въ лѣсъ на работу, а котъ унесъ ему ѣсть. Старикъ, уходя, заказывалъ пѣтуху беречь домъ и не выглядывать въ окошко. Но лисица стерегла, — ей больно хотѣлось скушать пѣтушка; пришла она къ избушкѣ и запѣла:

«Кикереку-пѣтушокъ,
Золотой гребешокъ!
Выгляни въ окошко,
Дамъ тебѣ горошку,
Дамъ и зернышковъ».

Пѣтухъ ходилъ по избѣ да молчалъ. Лиса снова запѣла пѣсенку и бросила въ окно горошку. Пѣтухъ съѣлъ горошекъ и говоритъ: «Нѣтъ, лиса, не обманешь меня! ты хочешь меня съѣсть и косточекъ не оставишь». — «Полно ты, Пѣтя-пѣтушокъ! стану ли ѣсть тебя! Мнѣ хотѣлось, чтобъ ты у меня погостилъ, моего житья-бытья посмотрѣлъ и на мое добро поглядѣлъ!» — и снова запѣла:

«Кикереку-пѣтушокъ,
Золотой гребешокъ,

Масляна головка!
Выгляни въ окошко.
Я дала тебѣ горошку,
Дамъ и зернышковъ».

Пѣтухъ лишь выглянулъ въ окошко, какъ лиса его въ когти. Пѣтухъ лихимъ матомъ закричалъ: «Понесла меня лиса, понесла пѣтуха, за темные лѣса, за дремучіе боры, по крутымъ бережкамъ, по высокимъ горамъ; хочетъ лиса меня съѣсти и косточекъ не оставити!» Котъ въ полѣ услыхалъ, пустился въ догоню, пѣтуха отбилъ и домой принесъ. «Не говорилъ ли я тебѣ: не открывай окошка, не выглядывай въ окошко, — съѣстъ тебя лиса и косточекъ не оставитъ. Мотри, слушай меня! мы завтря дальше пойдемъ».

Вотъ опять старикъ на работѣ, а котъ ему хлѣба унесъ. Лиса подкралась подъ окошко, ту же пѣсенку запѣла; три раза пропѣла, а пѣтухъ все молчалъ. Лиса говоритъ: «Что это, ужъ нынѣ Петя нѣмъ сталъ!» — «Нѣтъ, лиса, не обманешь меня, не выгляну въ окошко». Лиса побросала въ окошко горошку и пшенички и снова запѣла:

«Кикереку-пѣтушокъ,
Золотой гребешокъ,
Масляна головка!
Выгляни въ окошко.
У меня-то хоромы большія,
Въ каждомъ углу
Пшенички по мѣрочкѣ:
Ѣшь, сытъ, не хочу!»

Потомъ прибавила: «Да посмотрѣлъ бы ты, Петя, сколько у меня рѣдкостей! Да покажись же ты, Петя! полно, не вѣрь коту. Если бы я съѣсти хотѣла тебя, то давно бы съѣла; а то, вишь, я тебя люблю, хочу тебѣ свѣтъ показать, уму-разуму тебя наставить и научить, какъ надо жить. Да покажись же ты, Петя, вотъ я зà уголъ уйду!» — и къ стѣнѣ ближе притаилась. Пѣтухъ на

лавку скочилъ и смотрѣлъ издалека; хотѣлось ему узнать — ушла ли лиса. Вотъ онъ высунулъ головку въ окошко, а лиса его въ когти — и была такова. Пѣтухъ ту же пѣсню запѣлъ, но котъ его не слыхалъ. Лиса унесла пѣтуха и за ельничкомъ съѣла, только хвостъ да перья вѣтромъ разнесло. Котъ со старикомъ пришли домой и пѣтуха не нашли; сколько ни горевали, а послѣ сказали: «Вотъ каково не слушаться!»

Записана въ Никольскомъ у., Вологодской губ.

18
Котъ и лиса

Жилъ-былъ мужикъ; у него былъ котъ, только такой шкодливый[1] — что бѣда! Надоѣлъ онъ мужику. Вотъ мужикъ думалъ-думалъ, взялъ кота, посадилъ въ мѣшокъ, завязалъ и понесъ въ лѣсъ. Принесъ и бросилъ его въ лѣсу: пускай пропадаетъ! Котъ ходилъ-ходилъ и набрелъ на избушку, въ которой лѣсникъ жилъ; залѣзъ на чердакъ и полеживаетъ себѣ, а захочетъ ѣсть — пойдетъ по лѣсу птичекъ да мышей ловить, наѣстся досыта и опять на чердакъ — и горя ему мало! Вотъ однажды пошелъ котъ гулять, а навстрѣчу ему лиса; увидала кота и дивится: «Сколько лѣтъ живу въ лѣсу, а такого звѣря не видывала». Поклонилась коту и спрашиваетъ: «Скажись, доброй мóлодецъ, кто ты таковъ? какимъ случаемъ сюда зашелъ и какъ тебя по имени величáть? А котъ вскинулъ шерсть свою и говоритъ: «Я изъ сибирскихъ лѣсовъ присланъ къ вамъ бурмистромъ, а зовутъ меня Котофей Ивановичъ». — «Ахъ, Котофей Ивановичъ! говоритъ лиса: не знала про тебя, не вѣдала; ну, пойдемъ же ко мнѣ въ гости». Котъ пошелъ къ лисицѣ: она привела его въ свою нору и стала

[1]) Шкода — убытокъ, вредъ.

потчевать разной дичинкою, а сама выспрашиваетъ: «Что, Котофей Ивановичъ, женатъ ты или холостъ?» — «Холостъ», говоритъ котъ. «И я лиса — дѣвица, возьми меня замужъ». Котъ согласился, и начался у нихъ пиръ да веселье. На другой день отправилась лиса добывать припасовъ, чтобъ было чѣмъ съ молодымъ мужемъ жить, а котъ остался дома. Бѣжитъ лиса, а навстрѣчу ей попадается волкъ и началъ съ ней заигрывать: «Гдѣ ты, кума, пропадала? Мы всѣ норы обыскали, а тебя не видали». — «Пусти, дуракъ! что заигрываешь? Я прежде была лисица-дѣвица, а теперь замужняя жена». — «За кого же ты вышла, Лизавета Ивановна?» — «Развѣ ты не слыхалъ, что къ намъ изъ сибирскихъ лѣсовъ присланъ бурмистръ Котофей Ивановичъ? Я теперь бурмистрова жена!» — «Нѣтъ, не слыхалъ, Лизавета Ивановна. Какъ бы на него посмотрѣть?» — «У! Котофей Ивановичъ у меня такой сердитой: коли кто не по немъ, — сейчасъ съѣстъ! Ты смотри, приготовь барана да принеси ему на поклонъ; барана-то положи, а самъ схоронись, чтобъ онъ тебя не увидалъ, а то, братъ, туго придется!» Волкъ побѣжалъ за бараномъ. Идетъ лиса, а навстрѣчу ей медвѣдь и сталъ съ нею заигрывать. «Что ты, дуракъ, косолапый Мишка, трогаешь меня? Я прежде была лисица-дѣвица, а теперь замужняя жена». — «За кого же ты, Лизавета Ивановна вышла?» — «А который присланъ къ намъ изъ сибирскихъ лѣсовъ бурмистромъ, зовутъ Котофей Ивановичъ, — за него и вышла». — «Нельзя ли посмотрѣть его, Лизавета Ивановна?» — «У! Котофей Ивановичъ у меня такой сердитой: коли кто не по немъ, — сейчасъ съѣстъ! Ты ступай, приготовь быка да принеси ему на поклонъ, — волкъ барана хочетъ принесть. Да смотри, — быка-то положи, а самъ схоронись, чтобъ Котофей Ивановичъ тебя

не увидѣлъ, а то, братъ, туго придется!» Медвѣдь потащился за быкомъ.

Принесъ волкъ барана, ободралъ шкуру и стоитъ въ раздумьи; смотритъ — и медвѣдь лѣзетъ съ быкомъ. «Здравствуй, братъ Михайло Иванычъ». — «Здравствуй, братъ Левонъ! Что, не видалъ лисицы съ мужемъ?» — «Нѣтъ, братъ, давно дожидаю». — «Ступай, зови». — «Нѣтъ, не пойду, Михайло Иванычъ, самъ иди: ты посмѣлѣй меня». — «Нѣтъ, братъ Левонъ, и я не пойду». Вдругъ откуда нѐ взялся — бѣжитъ заяцъ. Медвѣдь какъ крикнетъ на него: «Поди-ка сюда, косой чортъ!» Заяцъ испугался, прибѣжалъ. «Ну что, косой пострѣлъ! знаешь, гдѣ живетъ лисица?» — «Знаю, Михайло Ивановичъ!» — «Ступай же скорѣе да скажи ей, что Михайло Ивановичъ съ братомъ Левономъ Иванычемъ давно ужъ готовы, ждутъ тебя де съ мужемъ, хотятъ поклониться барановъ да быкомъ». Заяцъ пустился къ лисѣ во всю свою прыть, а медвѣдь и волкъ стали думать, гдѣ бы спрятаться. Медвѣдь говоритъ: «Я полѣзу на сосну». — «А мнѣ что же дѣлать? я куда дѣнусь? спрашиваетъ волкъ. *Вить* я на дерево ни за что не взберусь! Михайло Ивановичъ! схорони, пожалуйста, куда-нибудь, помоги горю». Медвѣдь положилъ его въ кусты и завалилъ сухимъ листьемъ, а самъ взлѣзъ на сосну, на самую таки макушку, и поглядываетъ, не идетъ ли Котофей съ лисою. Заяцъ межъ тѣмъ прибѣжалъ къ лисицыной норѣ, постучался и говоритъ лисѣ: «Михайло Ивановичъ съ братомъ Левономъ Иванычемъ прислали сказать, что они давно готовы, ждутъ тебя съ мужемъ, хотятъ поклониться вамъ быкомъ да бараномъ». — «Ступай, косой! сейчасъ будемъ». Вотъ идетъ котъ съ лисою. Медвѣдь увидалъ ихъ и говоритъ волку: «Ну, братъ Левонъ Иванычъ, идетъ лиса съ мужемъ; какой же онъ маленькой!» Пришелъ котъ и

сейчасъ же бросился на быка, шерсть на немъ взъерошилась, и началъ онъ рвать мясо и зубами и лапами, а самъ мурчитъ, будто сердится: «Мало, мало!» А медвѣдь говоритъ: «Невеликъ, да прожористъ! намъ четверымъ не съѣсть, а ему одному мало; пожалуй, и до насъ доберется!» Захотѣлось волку посмотрѣть на Котофея Ивановича, да сквозь листья не видать, и началъ онъ прокапывать надъ глазами листья, а котъ услыхалъ, что листъ шевелится, подумалъ, что это мышь, да какъ кинется и прямо волку въ морду вцѣпился когтями. Волкъ вскочилъ, да давай Богъ ноги — и былъ таковъ. А котъ самъ испугался и бросился прямо на дерево, гдѣ медвѣдь сидѣлъ. «Ну, думаетъ медвѣдь, увидалъ меня!» Слѣзать-то некогда; вотъ онъ положился на Божью волю, да какъ шмякнется съ дерева óбъ-земь, всѣ печенки отбилъ; вскочилъ да бѣжать! А лисица вслѣдъ кричитъ: «Вотъ онъ вамъ задастъ! погодите!» Съ той поры всѣ звѣри стали кота бояться, а котъ съ лисой запаслись на цѣлую зиму мясомъ и стали себѣ жить да поживать, и теперь живутъ, хлѣбъ жуютъ.

19

Напуганные медвѣдь и волки

Жилъ себѣ старикъ да старуха, у нихъ былъ котъ да баранъ. Старуха укопъ копитъ[1], а котъ проказитъ. «Старикъ, говоритъ старуха, у насъ на погребѣ нездорово!» — «Надо поглядѣть, говоритъ ей старикъ, не со стороны ли кто блудитъ»[2]. Вотъ пошла старуха на погребъ и усмотрѣла: какъ сдвинулъ лапкой съ горшка покрышку и слизываетъ себѣ сметанку; выгна-

---

[1]) Собираетъ сметану и сливки въ масло.
[2]) Проказничаетъ.

ла кота изъ погреба и пошла въ избу, а котъ напередъ прибѣжалъ и запрятался на печи въ углу. «Хозяинъ! сказываетъ старуха, вотъ мы не вѣрили, что котъ блудитъ, а онъ самой и есть; давай его убьемъ!» Котъ услыхалъ эти рѣчи, какъ бросится съ печки да бѣгомъ къ барану въ хлѣвъ и началъ его обманывать: «Брате баранъ! меня хотятъ завтра убити, тебя зарѣзати». И сговорились они оба бѣжать ночью отъ хозяина. «Какъ же быть? спрашиваетъ баранъ: радъ бы я съ тобой лыжи навострить, да вѣдь хлѣвъ-то запертъ!» — «Ничего». Котъ тотчасъ взобрался на дверь, скинулъ лапкой веревочку съ гвоздя и выпустилъ барана. Вотъ и пошли они путемъ-дорогою, нашли волчью голову и взяли съ собой; шли-шли, увидѣли: далеко въ лѣсу свѣтится огонекъ, они и пустились прямо на огонь. Подходятъ, а вокругъ огня грѣются двѣнадцать волковъ. «Богъ помочь вамъ, волкамъ!» — «Добро жаловать, котъ да баранъ!» — «Брате, спрашиваетъ баранъ у кота, что намъ вечерять будетъ?» — «А двѣнадцать-то волчьихъ головъ! поди выбери, которая пожирнѣе». Баранъ пошелъ въ кусты, поднялъ повыше волчью голову, что дорогой-то нашли, и спрашиваетъ: «Эта ли, брате котъ?» — «Нѣтъ, не эта, выбери получше». Баранъ опять поднялъ ту же голову и опять спрашиваетъ. «Эта ли?» Волки такъ напугались, что рады бы убѣжать, да безъ спросу не смѣютъ. Четверо волковъ стали проситься у кота и барана: «Пустите насъ за дровами! мы вамъ принесемъ», — и ушли. Остальные восемь волковъ еще пуще стали бояться кота да барана: «Коли двѣнадцать смогли поѣсть, а осьмерыхъ и подавно поѣдятъ». Стало еще четверо проситься за водою. Котъ отпустилъ: «Ступайте, да скорѣе ворочайтесь!» Послѣдніе четыре волка отправились сходить за прежними волками: «Отчего де не ворочаются?» Котъ отпустилъ, еще строже

наказалъ — поскорѣе приходить назадъ; а самъ съ бараномъ радъ, что они ушли-то.

Волки собрались вмѣстѣ и пустились дальше въ лѣсъ. Попадается имъ медвѣдь Михайло Ивановичъ. «Слыхалъ ли ты Михайло Ивановичъ, спрашиваютъ волки: чтобы котъ да баранъ съѣдали по двѣнадцати волковъ?» — «Нѣтъ, робятушки, не слыхивалъ». — «А мы сами видѣли этакаго кота да барана». — «Какъ бы, робятушки, и мнѣ посмотрѣть какова ихъ храбрость». — «Эхъ, Михайло Иванычъ, в*итъ* больно котъ-атъ ретивъ, нельзя къ нему поддоброхотаться: того и гляди, что въ клочки изорветъ! Даромъ что мы прытки надъ собаками и зайцами, а тутъ ничего не возьмешь. Позовемъ-ка лучше ихъ на обѣдъ». Стали посылать лисицу: «Ступай, позови кота да барана». Лисица начала отговариваться: «Я хоть и прытка, да неувертлива, — какъ бы они меня не съѣли!» — «Ступай! . . .» Дѣлать нечего, побѣжала лисица за котомъ и бараномъ. Воротилась назадъ и сказываетъ: «Обѣщались быть. Ахъ, Михайло Ивановичъ, какой котъ-то сердитой! Сидитъ на пнѣ да ломаетъ его когтями: это на насъ точитъ онъ свои ножи! А глаза такъ и выпучилъ! . . .» Медвѣдь струхнулъ, сейчасъ посадилъ одного волка въ сторожа на высокій пень, далъ ему въ лапы утирку и наказалъ: «Коли увидишь кота съ бараномъ, — махай утиркою. Мы пойдемъ — ихъ повстрѣчаемъ». Стали готовить обѣдъ; четыре волка притащили четыре коровы, а въ повара медвѣдь посадилъ сурка.

Вотъ идутъ въ гости котъ да баранъ; завидѣли они караульнаго, смекнули дѣло и стакнулись межъ собою. «Я, говоритъ котъ, подползу тихонько по травѣ и сяду у самаго пня супротивъ волчьей рожи, а ты, братъ баранъ, разбѣжись и, что есть силы, ударь его

лбомъ!» Баранъ разбѣжался, ударилъ со всей мочи и сшибъ волка, а котъ бросился ему прямо въ морду, вцѣпился когтями и исцарапалъ до крови. Медвѣдь и волки какъ увидѣли то, зачали межъ собою растобаривать[1]: «Ну, робятушки, вотъ какова рысь кота да барана! Евстифейка-волка умудрились сшибить и изувѣчить съ какого высокаго пня, а намъ гдѣ ужъ на землѣ устоять! Имъ, знать, наше готовленье-то не по чемъ; они придутъ не угощаться, а насъ пятнать. А, братцы! не лучше ли намъ схорониться?» Волки всѣ разбѣжались по лѣсу, медвѣдь вскарабкался на сосну, сурокъ спряталса въ нору, а лиса забилась подъ колодину. Котъ съ бараномъ принялись за наготовленныя кушанья. Котъ ѣстъ, а самъ мурлычитъ: «Мало, мало!» Обернулся какъ-то назадъ, увидѣлъ, что изъ норы торчитъ сурковъ хвостъ, испугался да какъ прыснетъ на сосну. Медвѣдь устрахался кота да напрямикъ съ сосны на землю и ринулся и чуть-чуть не задавилъ лисы подъ колодиной. Побѣжалъ медвѣдь, побѣжала лиса. «Знать ты, куманекъ, ушибся?» спрашиваетъ лисица. «Нѣтъ, кумушка, если бъ я не спрыгнулъ — котъ бы давно меня съѣлъ!»

Записана въ Гороховецкомъ у., Владимірской губ.

20

Медвѣдь, лиса, слѣпень и мужикъ

Жилъ-былъ мужикъ, у него была пѣгая лошадь. Мужикъ запрёгъ ее въ телѣгу и поѣхалъ въ лѣсъ за дровами. Только пріѣхалъ въ лѣсъ, а навстрѣчу ему идетъ большой медвѣдь. Поздоровался съ мужикомъ и спрашиваетъ: «Скажи, мужичокъ, кто твою лошадку пѣжилъ? Ишь, какая рябенькая да славная!» — «Эхъ,

[1]) Разговаривать.

братъ Мишка! говоритъ мужикъ, я самъ ее выпестрилъ». — «Да развѣ ты умѣешь пѣжить?» — «Кто? я-то? Да еще какой мастакъ! Коли хочешь, я, пожалуй, сдѣлаю тебя пестрѣе моей лошади». Медвѣдь обрадовался: «Сдѣлай милость, пожалуста! Я тебѣ за работу цѣлой улей притащу». — «Ну, что жъ! хорошо. Только надо тебя, стараго чорта, связать веревками, а то тебѣ не улежать, какъ стану пѣжить». Медвѣдь согласился. «Погоди, думаетъ мужикъ: я тебя спеленаю!» Взялъ вожжи и веревки и такъ скрутилъ, опуталъ медвѣдя, что тотъ началъ ревѣть на весь лѣсъ, а мужикъ ему: «Постой, братъ Мишка! не шевелись, пора пѣжить». — «Развяжи, мужичокъ, просится медвѣдь, я ужъ не хочу быть пѣгимъ: пожалуста, отпусти!» — «Нѣтъ, старой чортъ, самъ напросился, — такъ тому и быть». Нарубилъ мужикъ дровъ, наклалъ цѣлой ворохъ и развелъ огонь жарко-жарко, да взялъ топоръ и положилъ его прямо на огонь. Какъ накалился топоръ дóкрасна, мужикъ вытащилъ его и давай пѣжить медвѣдя, — только заверещало![1] Медвѣдь заревѣлъ, что есть мочи, понатужился, перервалъ всѣ веревки и вожжи и ударился бѣжать пò лѣсу безъ оглядки, только лѣсъ трещитъ. Рыскалъ-рыскалъ медвѣдь по лѣсу, изъ силы выбился, хочетъ лечь — нельзя: все брюхо и бока выжжены; какъ заревётъ, заревётъ! «Ну, только попадись мнѣ мужикъ въ лапы, ужъ будетъ меня помнить!»

На другой день мужикова жена пошла въ поле рожь жать и взяла съ собою краюшку хлѣба да кувшинъ молока. Пришла на свою полосу, поставила къ сторонкѣ кувшинъ съ молокомъ и стала жать. А мужикъ думаетъ: «Дай провѣдаю жену». Запрёгъ лошадь, подъѣзжаетъ къ своей полосѣ и видитъ, что во ржи бродитъ

[1]) **Верещать — трещать, шипѣть.**

лиса. Подобралась плутовка къ кувшину съ молокомъ, кое-какъ всунула въ него свою голову, да назадъ-то ужъ никакъ ее и не вытащитъ: ходитъ по жнивѣ да головою мотаетъ и говоритъ: «Ну, кувшинъ, пошутилъ да и будетъ! . . . Ну, полно же баловать: отпусти меня! . . . кувшинушко! голубчикъ! полно тебѣ дурачиться, поигралъ, да и довольно! . . .» А сама все головою мотаетъ. Вотъ, покудова лиса уговаривалась съ кувшиномъ, мужикъ досталъ полѣно, подошелъ да какъ урѣжетъ ее по ногамъ. Лиса бросилась вдругъ въ сторону да головой прямо о камень — и кувшинъ въ мелкіе черепки разбила. Видитъ, что за ней гонится мужикъ съ полѣномъ, лиса какъ прибавитъ рыси! — даромъ, что на трёхъ ногахъ, а не догонишь и съ собаками, — и скрылась въ лѣсу.

Воротился мужикъ и сталъ накладать на телѣгу снопы. Откуда нѐ взялся слѣпень, сѣлъ ему на шею и больно его укусилъ. Мужикъ хватился за шею и поймалъ слѣпня. «Ну, говоритъ, что съ тобой мнѣ дѣлать? Да хорошо, постой, будешь и ты меня помнить». Взялъ мужикъ соломину и воткнулъ ее слѣпню въ задъ: «Лети теперь, какъ знаешь!» Бѣдный слѣпень полетѣлъ и соломину за собой потащилъ. «Ну, думаетъ себѣ, попался я въ руки! Еще отроду этакой ноши я не таскивалъ, какъ теперь!» Вотъ летѣлъ онъ, летѣлъ, прилетѣлъ въ лѣсъ и совсѣмъ уже изъ силъ выбился. Захотѣлъ сѣсть на дерево — отдохнуть, думалъ повыше подняться, а соломина тянетъ его къ низу. Бился-бился, насилу кое-какъ присѣлъ, запыхался и такъ тяжело началъ дышать, что даже дерево зашаталось. А подъ этимъ деревомъ лежалъ тотъ самой медвѣдь, котораго мужикъ пестрилъ. Медвѣдь испугался: отчего такъ шибко зашаталось дерево? Глянулъ вверхъ, а на деревѣ сидитъ слѣпень. Онъ и за-

кричалъ ему: «Эй, братъ! родня! Слѣзай, пожалуста, долой, а то, пожалуй, вѣдь ты и дерево повалишь». Слѣпень послушался и слетѣлъ внизъ. Медвѣдь посмотрѣлъ на него и спрашиваетъ: «Кто, братъ, тебѣ такую соломину въ задъ забилъ?» А слѣпень посмотрѣлъ на медвѣдя и самъ спрашиваетъ: «А тебя, братъ, кто изуродовалъ? Вишь у тебя гдѣ шерсть, а въ другомъ мѣстѣ и кости видать». — «Ну, братъ слѣпень! это меня мужикъ обработалъ». — «Ну, братъ медвѣдь, и мнѣ отъ мужика досталось». Смотрятъ они: лиса на трехъ ногахъ скачетъ. «Кто тебѣ ногу-то сломалъ?» спрашиваетъ медвѣдь. — «Ахъ, куманекъ! и сама хорошенько не видала, а некому, кромѣ мужика: онъ за мной съ полѣномъ гнался». — «Братцы, пойдемте всѣ трое губить мужика!» Тотчасъ всѣ трое собрались и пошли нà поле, гдѣ мужикъ убиралъ снопы. Вотъ стали они подходить; мужикъ увидалъ, испугался и не знаетъ, что ему дѣлать . . .

[Не окончена.]

21

Волкъ

Жилъ старикъ съ старухой; у нихъ бы́ла пять авецъ, шастой жирибецъ, сямая[1] тёлка. Пришолъ къ нимъ волкъ и сталъ пѣть пѣсню:

Жилъ жилецъ,
На кустики дварецъ;
У няво пять авецъ,
Шастой жирибецъ,
Сямая тёлка!

Старуха и гваритъ стырику: «Охъ, какая пѣсня-то славная! Старикъ, дай яму́ авечку». Старикъ далъ яму́, волкъ съѣлъ и апять пришолъ съ этый же пѣснію, и

[1]) Седьмая.

хадилъ съ нею да тѣхъ поръ, пака ни паѣлъ авецъ, жирибца, тёлку и старуху. Осталси адинъ старикъ; волкъ пришолъ и къ няму съ этый пѣснію. Старикъ взялъ кычергу и ну ею вазить[1] волка. Волкъ убѣжалъ и съ тѣхъ поръ къ старику ни нагой; а старикъ осталси, гаремычный, адинъ горя мыкать.

Записана въ Липецкомъ у., Тамбовской губ.

22

Свинья и волкъ

Жилъ-былъ старикъ и при немъ старуха. У старика, у старухи не было ни сына ни дочери; было скота только одна свинья вострорылая. И повадилась та свинья ходить со двора въ заднія ворота́. Чортъ ее понесъ, да въ чужую полосу — въ овёсъ. Прибѣжалъ тутъ волкъ да и пріумолкъ: схватилъ онъ свинку за щетинки, уволокъ ее за ты̣нинки и изорвалъ. Тѣмъ сказка и кончилась.

Записана въ Никольскомъ у., Вологодской губ.

23

Волкъ и коза

Жила-была коза, сдѣлала себѣ въ лѣсу избушку и нарожала дѣтокъ. Часто уходила коза въ боръ искать корму; какъ только уйдетъ, козлятки запрутъ за нею избушку, а сами никуда не выходятъ. Воротится коза, постучится въ дверь и запоетъ: «Козлятушки, дѣтятушки! отопритеся, отворитеся! а я, коза, въ бору была; ѣла траву шелкову́ю, пила воду студену́ю. Бѣжитъ молоко по вымячку, изъ вымячка въ копыт*и*чко, изъ копытичка въ сыру землю!» Козлятки тотчасъ

---

[1]) Т.-е. бить.

отопрутъ двери и впустятъ мать. Она покормитъ ихъ и опять уйдетъ въ боръ, а козлятки запрутся крѣпко-нàкрѣпко. Волкъ все это и подслушалъ; выждалъ время, и только коза въ боръ, онъ подошелъ къ избушкѣ и закричалъ своимъ толстымъ голосомъ: «Вы, дѣтушки! вы! батюшки! отопритеся, отворитеся! ваша мать пришла, молока принесла, полны копытцы водицы!» А козлятки отвѣчаютъ: «Слышимъ, слышимъ — не матушкинъ голосокъ! Наша матушка поетъ тонкимъ голоскомъ и не такъ причитàетъ». Волкъ ушелъ и спрятался. Вотъ приходитъ коза и стучится: «Козлятушки, дѣтятушки! отопритеся, отворитеся! а я, коза, въ бору была; ѣла траву шелковую, пила воду студеную. Бѣжитъ молочко по вымячку, изъ вымячка въ копытичко, изъ копытичка въ сыру землю!» Козлятки впустили мать и разсказали ей, какъ приходилъ къ нимъ бирюкъ и хотѣлъ ихъ поѣсть. Коза покормила ихъ и, уходя въ боръ, строго-нàстрого наказала: коли придетъ кто къ избушкѣ и станетъ проситься толстымъ голосомъ и не переберётъ всего, что она имъ причитываетъ, — того ни за что не впускать въ двери. Только-что ушла коза, волкъ прибѣжалъ къ избѣ, постучался и началъ причитывать тоненькимъ голоскомъ: «Козлятушки, дѣтятушки! отопритеся, отворитеся! а я, коза, въ бору была; ѣла траву шелковую, пила воду студеную. Бѣжитъ молочко по вымячку, изъ вымячка въ копытичко, изъ копытичка въ сыру землю!» Козлятки отперли двери, волкъ вбѣжалъ въ избу и всѣхъ поѣлъ; только одинъ козленокъ схоронился — въ печь *у*лѣзъ. Приходитъ коза; сколько ни причитывала — никто ей не отзывается. Подошла поближе къ дверямъ и видитъ, что все отворено; въ избу — а тамъ все пусто; заглянула въ печь и нашла одного дѣтища. Какъ узнала коза о своей бѣдѣ, сѣла она на лавку, зачала

горько плакать и припѣвать: «Охъ, вы, дѣтушки мои, козлятушки! на что отпиралися, злому волку доставалися? Онъ васъ всѣхъ поѣлъ и меня, козу, со великимъ горемъ, со кручиной сдѣлалъ». Услышалъ это волкъ, входитъ въ избушку и говоритъ козѣ: «Ахъ, ты, кума, кума! что ты на меня грѣшишь? Неужели таки я сдѣлаю это? Пойдемъ въ лѣсъ, погуляемъ». — «Нѣтъ, кумъ, не до гулянья». — «Пойдемъ!» уговариваетъ волкъ. Пошли они въ лѣсъ, нашли яму, а въ этой ямѣ разбойники кашицу недавно варили, и оставалось въ ней еще довольно таки огня. Коза говоритъ волку: «Кумъ! давай попробуемъ, кто перепрыгнетъ черезъ эту яму». Стали прыгать. Волкъ прыгнулъ да и ввалился въ горячую яму; брюхо у него отъ огня лопнуло, и козлятки выбѣжали оттуда да прыгъ къ матери. И стали они жить да поживать, ума наживать, а лиха избывать.

Записана въ Саратовской губ. А. Гуськовымъ.

24

Волкъ-дурень

Въ одной деревнѣ жилъ-былъ мужикъ, у него была собака; смолоду сторожила она весь домъ, а какъ пришла тяжелая старость, — и брехать[1] перестала. Надоѣла она хозяину; вотъ онъ собрался, взялъ веревку, зацѣпилъ собаку за шею и повелъ ее въ лѣсъ; привелъ къ осинѣ и хотѣлъ было удавить, да какъ увидѣлъ, что у стараго пса текутъ по мордѣ горькія слезы, ему и жалко стало; смиловался, привязалъ собаку къ осинѣ, а самъ отправился домой. Остался бѣдный песъ въ лѣсу и началъ плакать и проклинать свою долю. Вдругъ идетъ изъ-за кустовъ большущій волкъ, увидалъ

[1]) Лаять.

его и говоритъ: «Здравствуй, пестрой кобель! долгонько поджидалъ тебя въ гости. Бывало, ты прогонялъ меня отъ своего дома, а теперь самъ ко мнѣ попался: что захочу, то надъ тобой и сдѣлаю. Ужъ я тебѣ за все отплачу!» — «А что хочешь ты, сѣрой волчокъ, надо мною сдѣлать?» — «Да немного: съѣмъ тебя со всей шкурой и съ костями». — «Ахъ, ты, глупой сѣрой волкъ! Съ жиру самъ не знаешь, что дѣлаешь; таки послѣ вкусной говядины станешь ты жрать старое и худое песье мясо? Зачѣмъ тебѣ понапрасну ломать надо мною свои старые зубы? Мое мясо теперь словно гнилая колода. А вотъ я лучше тебя научу: поди-ка да принеси мнѣ пудика три хорошей кобылятинки, поправь меня немножко, да тогда и дѣлай со мною что угодно». Волкъ послушалъ кобеля, пошелъ и притащилъ ему половину кобылы: «Вотъ тебѣ и говядинка! Смотри поправляйся». Сказалъ и ушелъ. Собака стала прибирать мясцо и все поѣла. Черезъ два дня приходитъ сѣрой дуракъ и говоритъ кобелю: «Ну, братъ, поправился али нѣтъ?» — «Маленько поправился; коли бъ еще принесъ ты мнѣ какую-нибудь овцу, — мое мясо сдѣлалось бы не примѣръ слаже!» Волкъ и на то согласился, побѣжалъ въ чистое поле, легъ въ лощинѣ и сталъ караулить, когда погонитъ пастухъ свое стадо. Вотъ пастухъ и гонитъ стадо; волкъ повысмотрѣлъ изъ-за куста овцу, которая пожирнѣе да побольше, вскочилъ и бросился на нее, ухватилъ за шиворотъ и потащилъ къ собакѣ. «Вотъ тебѣ овца, поправляйся!» Стала собака поправляться, съѣла овцу и почуяла въ себѣ силу. Пришелъ волкъ и спрашиваетъ: «Ну, что, братъ, каковъ теперь?» — «Еще немножко худъ. Вотъ когда бъ ты принесъ мнѣ какого-нибудь кабана, такъ я бы разжирѣлъ какъ свинья!» Волкъ добылъ и кабана, принесъ и говоритъ: «Это моя послѣдняя служба!

Черезъ два дня приду къ тебѣ въ гости». — «Ну, ладно, думаетъ собака, я съ тобою поправлюсь». Черезъ два дня идетъ волкъ къ откормленному псу, а песъ завидѣлъ и сталъ на него брехать. «Ахъ, ты, мерзкой кобель, сказалъ сѣрой волкъ, смѣешь ты меня бранить?» И тутъ же бросился на собаку и хотѣлъ ее разорвать. Но собака собралась уже съ силами, стала съ волкомъ въ дыбки и начала его такъ подчивать, что съ сѣраго только кòсмы летятъ. Волкъ вырвался да бѣжать скорѣе; отбѣжалъ далече, захотѣлъ остановиться, да какъ услышалъ собачій лай, — опять припустилъ. Прибѣжалъ въ лѣсъ, легъ подъ кустомъ и началъ зализывать свои раны, что дались ему отъ собаки. «Ишь какъ обманулъ, мерзкой кобель! говоритъ волкъ самъ съ собою. Постой же, теперь кого ни попаду, ужъ тотъ изъ моихъ зубовъ не вырвется!» —

Зализалъ волкъ раны и пошелъ за добычей. Смотритъ — на горѣ стоитъ большой козелъ; онъ къ нему, и говоритъ: «Козелъ, а козелъ, я пришелъ тебя съѣсть». — «Ахъ, ты, сѣрой волкъ! для чего станешь ты понапрасну ломать объ меня свои старые зубы? А ты лучше стань подъ горою и разинь свою широкую пасть; я разбѣгусь да таки прямо къ тебѣ въ ротъ, — ты меня и проглотишь!» Волкъ сталъ подъ горою и разинулъ свою широкую пасть, а козелъ себѣ на умѣ: полетѣлъ съ горы какъ стрѣла, ударилъ волка въ лобъ да такъ крѣпко, что онъ съ ногъ свалился. А козелъ и былъ таковъ! Часа черезъ три очнулся волкъ, — голову такъ и ломитъ ему отъ боли. Сталъ онъ думать: проглотилъ ли онъ козла или нѣтъ? Думалъ-думалъ, гадалъ-гадалъ. «Коли бъ я съѣлъ козла, у меня брюхо-то было бы полнехонько; кажись, онъ бездѣльникъ меня обманулъ! Ну, ужъ теперь я буду знать что дѣлать!»

Сказалъ волкъ и пустился къ деревнѣ; увидалъ свинью съ поросятами и бросился было схватить поросенка, а свинья не даетъ. «Ахъ, ты, свиная харя! говоритъ ей волкъ, какъ смѣешь грубить? Да я и тебя разорву и твоихъ поросятъ за одинъ разъ проглочу». А свинья отвѣчала: «Ну, до сей поры не ругала я тебя; а теперь скажу, что ты большой дурачина!» — «Какъ такъ?» — «А вотъ какъ! Самъ ты, сѣрой, посуди: какъ тебѣ ѣсть моихъ поросятъ? *вить* они недавно родились. Надо ихъ обмыть. Будь ты моимъ кумомъ, а я твоей кумою; станемъ ихъ, малыхъ дѣтушекъ, крестить». Волкъ согласился. Вотъ хорошо; пришли они къ большой мельницѣ. Свинья говоритъ волку: «Ты, любезный кумъ, становись по ту сторону заставки, гдѣ воды нѣту, а я пойду, стану поросятъ въ чистую воду окунать да тебѣ по одному подавать». Волкъ обрадовался, думаетъ: «Вотъ когда попадетъ въ зубы добыча-то!» Пошелъ сѣрой дуракъ подъ мостъ, а свинья тотчасъ схватила заставку зубами, подняла и пустила воду. Вода какъ хлынетъ и потащила за собой волка и почала его вертѣть. А свинья съ поросятами отправилась домой; пришла, наѣлась и съ дѣтками на мягкую постель спать повалилась.

Узналъ сѣрой волкъ лукавство свиньи, насилу коекакъ выбрался на берегъ и пошелъ съ голоднымъ брюхомъ рыскать по лѣсу. Долго издыхалъ онъ съ голоду, не вытерпѣлъ, пустился опять къ деревнѣ и увидѣлъ — лежитъ около гумна какая-то падла. «Хорошо, думаетъ, вотъ придетъ ночь, наѣмся хоть этой падлы». Нашло на волка неурожайное время, — радъ и падлою поживиться! Все лучше, чѣмъ съ голоду зубами пощелкивать, да по-волчьи пѣсенки распѣвать. Пришла ночь; волкъ пустился къ гумну и сталъ уписывать падлу. Но охотникъ ужъ давно его поджидалъ и приго-

товилъ для пріятеля пару хорошихъ орѣховъ; ударилъ онъ изъ ружья, и сѣрой волкъ покатился съ разбитой головою. Такъ и скончалъ свою жизнь сѣрой волкъ!

25
Медвѣдь

Жилъ-былъ старикъ да старуха, дѣтей у нихъ не было. Старуха и говоритъ старику: «Старикъ, сходи по дрова». Старикъ пошелъ по дрова; попалъ ему навстрѣчу медвѣдь и сказываетъ: «Старикъ, давай бороться». Старикъ взялъ да и отсѣкъ медвѣдю топоромъ лапу; ушелъ домой съ лапой и отдалъ старухѣ: «Вари, старуха, медвѣжью лапу». Старуха сейчасъ взяла, содрала кожу, сѣла на нее и начала щипать шерсть, а лапу поставила въ печь вариться. Медвѣдь ревѣлъ-ревѣлъ, надумался и сдѣлалъ себѣ липовую лапу; идетъ къ старику на деревяшкѣ и поетъ:

«Скрипи, нога!
Скрипи, липовая!
И вода-то спитъ,
И земля-то спитъ,
И по селамъ спятъ,
По деревнямъ спятъ;
Одна баба не спитъ,
На моей кожѣ сидитъ,
Мою шерстку прядетъ,
Мое мясо варитъ,
Мою кожу сушитъ!»

Втѣпоры старикъ и старуха испугались. Старикъ спрятался на полати подъ корыто, а старуха на печь подъ черныя рубахи. Медвѣдь взошелъ въ избу; старикъ со страху кряхтитъ подъ корытомъ, а старуха закашляла. Медвѣдь нашелъ ихъ, взялъ да и съѣлъ.

Записана въ Осинскомъ у., Пермской губ.

26
Медвѣдь, собака и кошка

Жилъ себѣ мужикъ, у него была добрая собака, да какъ устарѣла — перестала и лаять и оберегать дворъ съ анбарами. Не захотѣлъ мужикъ кормить ее хлѣбомъ, прогналъ со двора. Собака ушла въ лѣсъ и легла подъ дерево издыхать. Вдругъ идетъ медвѣдь и спрашиваетъ: «Что ты, кобель, улегся здѣсь?» — «Пришелъ околѣвать съ голоду! Видишь, нынче какая у людей правда: покуда есть сила — кормятъ и поятъ, а какъ пропадетъ сила отъ старости — ну, и погонятъ со двора!» — «А что, кобель, хочется тебѣ ѣсть? — «Еще какъ хочется-то!» — «Ну, пойдемъ со мною: я тебя накормлю». Вотъ и пошли. Попадается имъ навстрѣчу жеребецъ. «Гляди на меня!» сказалъ медвѣдь собакѣ и сталъ лапами рвать землю. «Кобель, а кобель!» — «Ну, что?» — «Посмотри-ка, красны ли мои глаза?» — «Красны, медвѣдь». Медвѣдь еще сердитѣе началъ рвать землю. «Кобель, а кобель! что, шерсть взъерошилась?» — «Взъерошилась, медвѣдь!» — «Кобель, а кобель! что, хвостъ поднялся?» — «Поднялся!» — Вотъ медвѣдь схватилъ жеребца за брюхо; жеребецъ упалъ на̀земь. Медвѣдь разорвалъ его и говоритъ: «Ну, кобель, ѣшь, сколько угодно. А какъ приберешь все, приходи ко мнѣ». Живетъ себѣ кобель, ни о чемъ не тужитъ; а какъ съѣлъ все да проголодался опять, побѣжалъ къ медвѣдю. «Ну что, братъ, съѣлъ?» — «Съѣлъ; теперича опять пришлось голодать». — «Зачѣмъ голодать! Знаешь ли, гдѣ ваши бабы жнутъ?» — «Знаю». — «Ну, пойдемъ, я подкрадусь къ твоей хозяйкѣ и ухвачу изъ зыбки[1] ея ребенка, а ты догоняй меня да отнимай его. Какъ отнимешь, и отнеси назадъ;

[1]) Люльки, колыбели.

она за то станетъ тебя по-старому кормить хлѣбомъ». Вотъ ладно; прибѣжалъ медвѣдь, подкрался и унесъ ребенка изъ зыбки. Ребенокъ закричалъ, бабы бросились за медвѣдемъ, догоняли-догоняли и не могли нагнать, такъ и воротились; мать плачетъ, бабы тужатъ. Откуда ни взялся кобель, догналъ медвѣдя, отнялъ ребенка и несетъ его назадъ. «Смотрите, говорятъ бабы, старой-то кобель отнялъ ребенка!» Побѣжали навстрѣчу. Мать ужъ такъ рада-рада. «Теперича, говоритъ, я этого кобеля ни за что не покину!» Привела его домой, налила молочка, покрошила хлѣбца и дала ему :«На, покушай!» А мужику говоритъ: «Нѣтъ, муженёкъ, нашего кобеля надо беречь да кормить: онъ моего ребенка у медвѣдя отнялъ; а ты сказывалъ, что у него силы нѣтъ!» Поправился кобель, отъѣлся. «Дай Богъ, говорятъ, здоровья медвѣдю! не далъ помереть съ голоду», — сталъ медвѣдю первой другъ.

Разъ у мужика была вечеринка. На ту пору медвѣдь пришелъ къ собакѣ въ гости. «Здорово, кобель! ну, какъ поживаешь, хлѣбъ поѣдаешь?» — «Слава Богу! отвѣчаетъ собака: не житье, а масляница. Чѣмъ же тебя подчивать? Пойдемъ въ избу: хозяева загуляли и не увидятъ, какъ ты пройдешь; а ты войди въ избу да поскорѣй подъ печку. Вотъ я что добуду, тѣмъ и стану тебя подчивать». Ладно, забрались въ избу. Кобель видитъ, что гости и хозяева порядкомъ перепились, и ну угощать пріятеля. Медвѣдь выпилъ стаканъ, другой — и поразобрало его. Гости затянули пѣсни — и медвѣдю захотѣлось: сталъ свою заводить; а кобель уговариваетъ: «Не пой, а то бѣда будетъ!» Куды! Медвѣдь не утихаетъ, а все громче заводитъ свою пѣсню. Гости услыхали вой, похватали колья и давай бить медвѣдя; онъ вырвался да бѣжать, — еле-еле живъ уплёлся.

Была у мужика еще кошка; перестала ловить мышей и ну проказить: куда ни полѣзетъ, а что-нибудь разобьетъ или изъ кувшина прольетъ. Мужикъ прогналъ кошку изъ дому, а собака видитъ, что она бѣдствуетъ безъ ѣды, и начала потихоньку носить къ ней хлѣба да мяса и кормить ее. Хозяйка стала присматривать; какъ узнала про это, принялась кобеля бить; била-била, а сама приговаривала: «Не таскай кошкѣ говядины, не носи кошкѣ хлѣба!» Вотъ дня черезъ три вышелъ кобель со двора и видитъ, что кошка совсѣмъ съ голоду издыхаетъ. «Что съ тобой?» — «Съ голоду помираю; потуда и сыта была, покуда ты меня кормилъ». — «Пойдемъ со мною». Вотъ и пошли. Приходитъ кобель къ табуну и началъ копать землю лапами, а самъ спрашиваетъ: «Кошка, а кошка! что, глаза красны?» — «Ничего не красны». — «Говори, что красны!» Кошка и говоритъ: «Красны». — «Кошка, а кошка! что, шерсть ощетинилась?» — «Нѣтъ, не ощетинилась». — «Говори, дура, что ощетинилась!» — «Ну, ощетинилась». — «Кошка, а кошка! что, хвостъ поднялся?» — «Ничего не поднялся». — «Говори, дура, что поднялся!» — «Ну, поднялся». Кобель какъ бросится на кобылу, а кобыла какъ ударитъ его задомъ, — у кобеля и духъ вонъ! А кошка и говоритъ: «Вотъ теперича и впрямь глаза кровью налились, шерсть взъерошилась и хвостъ завился. Прощай, братъ кобель! и я пойду помирать».

27

Коза

(а) Сидитъ козёлъ да плачетъ: онъ послалъ козу за орѣхами; она пошла и пропала. Вотъ козелъ и запѣлъ:

«Нѣтъ козы съ орѣхами,
Нѣтъ козы съ калёными!
Добро же, коза! пошлю на тя волки».
Волки нейдуть козы гнать:
«Нѣтъ козы съ орѣхами,
Нѣтъ козы съ калёными!
Добро же, волки! пошлю на васъ медвѣдь(я)».
Медвѣдь нейдетъ волковъ драть,
Волки нейдуть козы гнать:
«Нѣтъ козы съ орѣхами,
Нѣтъ козы съ калёными!
Добро же, медвѣдь! пошлю на тя людъ».
Люди нейдутъ медвѣдь стрѣлять,
Медвѣдь нейдетъ волковъ драть,
Волки нейдутъ козы гнать:
«Нѣтъ козы съ орѣхами,
Нѣтъ козы съ калёными!
Добро же, люди! пошлю на васъ дубьё».
Дубьё нейдетъ людей бить,
Люди нейдутъ медвѣдь стрѣлять,
Медвѣдь нейдетъ волковъ драть,
Волки нейдутъ козы гнать:
«Нѣтъ козы съ орѣхами,
Нѣтъ козы съ калёными!
Добро же, дубьё! пошлю на тя топоръ».
Топоръ нейдетъ дубьё рубить,
Дубьё нейдетъ людей бить,
Люди нейдутъ медвѣдь стрѣлять,
Медвѣдь нейдетъ волковъ драть,
Волки нейдутъ козы гнать:
«Нѣтъ козы съ орѣхами,
Нѣтъ козы съ калёными!
Добро же, топоръ! пошлю на тя камень».
Камень нейдетъ топоръ тупить,
Топоръ нейдетъ дубьё рубить,
Дубьё нейдетъ людей бить,
Люди нейдутъ медвѣдь стрѣлять,
Медвѣдь нейдетъ волковъ драть,
Волки нейдутъ козы гнать:
«Нѣтъ козы съ орѣхами,
Нѣтъ козы съ калёными!
Добро же, камень! пошлю на тя огонь».
Огонь нейдетъ камень палить,
Камень нейдетъ топоръ тупить,
Топоръ нейдетъ дубьё рубить,

Дубьё нейдетъ людей бить,
Люди нейдутъ медвѣдь стрѣлять.
Медвѣдь нейдетъ волковъ драть,
Волки нейдутъ козы гнать:
«Нѣтъ козы съ орѣхами,
Нѣтъ козы съ калёными!
Добро же, огонь! пошлю на тя воду
Вода нейдетъ огонь лить,
Огонь нейдетъ камень палить,
Камень нейдетъ топоръ тупить,
Топоръ нейдетъ дубьё рубить,
Дубьё нейдетъ людей бить,
Люди нейдутъ медвѣдь стрѣлять,
Медвѣдь нейдетъ волковъ драть,
Волки нейдутъ козы гнать:
«Нѣтъ козы съ орѣхами,
Нѣтъ козы съ калёными!
Добро же, вода! пошлю на тя бурю».
Буря пошла воду гнать,
Вода пошла огонь лить,
Огонь пошелъ камень палить,
Камень пошелъ топоръ тупить,
Топоръ пошелъ дубьё рубить,
Дубьё пошло людей бить,
Люди пошли медвѣдь стрѣлять,
Медвѣдь пошелъ волковъ драть,
Волки пошли козу гнать:
«Вотъ коза съ орѣхами,
Вотъ коза съ калёными!»

Записана въ Никольскомъ у., Вологодской губ.

(b) Пошла коза за лыками;
Козы нѣту за рѣкой.
«Ну, постой же ты, коза!
Я нашлю на тебя волка».
Волкъ нейдетъ козы рѣзать:
Козы нѣту за рѣкой.
«Ну, постой же ты мнѣ, волкъ
Я нашлю на́ тé медвѣдь».
Медвѣдь нейдетъ волка драть,
Волкъ нейдетъ козы рѣзать:
Козы нѣту за рѣкой.
«Ну, постой же ты, медвѣдь!
Я нашлю на тé дубьё»
Дубьё нейдетъ медвѣдь бить,

Медвѣдь нейдетъ волка драть,
Волкъ нейдетъ козы рѣзать:
Козы нѣту за рѣкой.
«Ну, постой же ты, дубьё!
Я нашлю на тѐ топоръ».

И такъ далѣе: на топоръ насылается камень, на камень — ломъ, на ломъ — кузнецъ, на кузнеца плеть.

Плеть идетъ кузнецъ бить,
Кузнецъ идетъ ломъ варить,
Ломъ идетъ камень дробить,
Камень идетъ топоръ точить,
Топоръ идетъ дубьё рубить,
Дубьё идетъ медвѣдь бить,
Медвѣдь идетъ волка драть,
Волкъ идетъ козу рѣзать!

Записана въ Воронежской губ.

28

Сказка о козѣ лупленой

Коза рухлена, половина бока луплена! . . . Слушай, подслушивай! Жилъ-былъ мужикъ, у него былъ зайчикъ. Вотъ и пошелъ мужикъ на поле; тутъ увидалъ онъ: лежитъ коза — половина бока луплена, а половина нѣтъ. Мужикъ сжалился надъ нею, взялъ ее, принесъ домой и положилъ подъ сарай. Пообѣдавъ и отдохнувъ немножко, вышелъ онъ на огородъ, и зайчикъ съ нимъ. Тутъ коза изъ-подъ сарая въ избу пробрала́сь и тамъ крючкомъ заперлась.

Вотъ зайчикъ захотѣлъ поѣсть и прибѣжалъ къ дверямъ избы, хвать лапкой — дверь заперта. «Кто тамъ?» спрашиваетъ зайчикъ. Коза отвѣчаетъ: «Я — коза рухлена, половина бока луплена; выду — всѣ бока повыбью!» Зайчикъ съ горемъ отошелъ отъ двери, вышелъ на улицу и плачетъ. Навстрѣчу ему бирюкъ. «Что ты плачешь?» спросилъ бирюкъ. «У насъ въ избѣ кто-то», сказалъ сквозь слезъ зайчикъ. А бирюкъ:

«Иди со мною, — я выгоню!» Пришли къ дверямъ. «Кто здѣсь?» спросилъ бирюкъ. Коза затопала ногами и сказала: «Я — коза рухлена, половина бока луплена: выду — всѣ бока повыбью!» Вотъ они и ушли отъ двери. Зайчикъ опять заплакалъ и вышелъ на улицу, а бирюкъ убѣжалъ въ лѣсъ. Навстрѣчу зайцу идётъ кочетъ: «Что ты плачешь?» Зайчикъ ему сказалъ. Вотъ кочетъ и говоритъ: «Иди со мною, — я выгоню!» Подходя къ двери, зайчикъ, чтобы устрашить козу, кричитъ: «Идетъ кочетъ на пятахъ, несетъ саблю на плечахъ, идетъ дýшу губить — козѣ голову рубить!» Вотъ подошли; кочетъ и спрашиваетъ: «Кто тамъ?» Коза попрежнему: «Я — коза рухлена, половина бока луплена; выду — всѣ бока повыбью!» Зайчикъ опять со слезами ушелъ на улицу. Тутъ подлетѣла къ нему пчолка, суетится и спрашиваетъ: «Кто тебя? о чомъ ты плачешь?» Зайчикъ сказалъ ей, и пчолка полетѣла къ избѣ. Тутъ она спросила: «Кто тамъ?» Коза отвѣчала попрежнему. Пчолка разсердилась, начала летать кругъ стѣнокъ; вотъ жужжала-жужжала и нашла дырочку, взлѣзла туда да за голый бокъ и жальнула козу рухлену и сдѣлала на боку пýхлину. Коза со всего маху въ дверь — и была такова! Тутъ зайчикъ вбѣгъ въ избу, наѣлся-напился и спать повалился. Когда зайчикъ проснется, тогда и сказка начнется.

Записана въ Тамбовской губ.

29

Сказка пра аднаво аднабокава барана

У аднавò барина бы́ла многа животси́ны[1]. Толькишто онъ при́нилъ[2] пятсь бара́шковъ, изъ шкýракъ йихныхъ выдзѣлалъ авчинки и сталъ сибѣ шубу шить.

---

[1]) Скота.
[2]) Принять — бить и свѣжевать скотину.

Призвалъ партнова: «Ну, баитъ, шшей мнѣ шубу». Тотъ памѣрилъ-памѣрилъ, видзитъ, што не хватаитъ йиму́ полъавчинки на шубу. «Мало, баитъ, авчинъ, — не хватаитъ на клиньи». — «Эвтому дзѣлу мо̀жна пасабить», баитъ баринъ, и вилѣлъ лакею сваму́ у аднаво̀ барана садрать шкурку съ аднова боку. Лакей такъ и сдзѣлалъ, какъ баринъ баилъ. Тольки-што йетотъ баранъ разсерчалъ на барина, падазвалъ къ сибѣ казла̀: «Пайдземъ, баитъ, отъ эдакава лихадзѣя; въ лѣсу пака̀ мо̀жна житсь, травка естсь, вадзи́цу найдзѐмъ, сы́тси бу́дземъ». Вотъ йяны́ и пашли́. Пришли въ лѣсъ, сладзили шалашу́ и ну по ноцамъ начева̀тсь. Живутъ сибѣ да паживаютъ да травку паядаютъ.

Тольки-што у таво́ барина житсь не палюбилось ни йимъ адны́мъ. Ушло съ таво̀ со двара карова да свинья, питухъ да гусакъ. Вотъ йяны́, пака́ бы́ла тсипло̀, жили сибѣ на воли, а какъ пришла зимушка-зима, и йяны́ стали прята̀тцы атъ мароза. Вотъ хадзили-хадзили по̀ лису, да и нашли шалашу́-та барана и стали йяны праситца къ йиму: «Пусти, баютъ: намъ вѣдзь халадно». А йяны и знатсь не хатсятъ, — никаво̀ ни пускаютъ. Вотъ карова падходзитъ: «Пустси́тсе, баитъ, а ни то всю вашу шалашу́ на̀ бокъ сварачу!» Баранъ видзитъ, плоха дзѣла, пустсилъ йиё. Падходзитъ свинья: «Пустси́тсе, баитъ, а нѣтъ — такъ я всю землю изрою, да таки́ падроюсь къ вамъ; матри́тсе, вамъ же будзетъ халаднѣя». Дзѣлать нечиво, и йету пустсили. Глядзь — и гусакъ то же баитъ: «Пустси́тсе, а ни то я дыру праклюю, матри́тсе, вамъ же будзетъ халаднѣя». — «Пустси́тсе, баитъ, и пѣту́нъ, а ни то всю крышу вашу абс . . .» Што дзѣлатсь! Пустсили и йѐтыхъ, да и стали всѣ йяны житсь вмѣстяхъ.

Долга ль, каротка ль йяны жили, а аднажды шли ми́ма йихъ разбойники и услыхали крикъ да гамъ,

падашли́, паслухали, ни знаютъ, што такое естсь, и пасылаютъ аднавò свавò товарища: «Ступай, баютъ, а ни то — веревку на шею да и въ воду!» Дзѣлать нечиво, тотъ и пашолъ. Какъ тольки взашолъ, какъ начали йиво́ са всѣхъ старонъ. Вотъ йонъ, дзѣлатсь нечиво, назадъ . . . «Ну, братчи! баитъ, што хотси́тсе дзѣлайтсе, а я ужъ ни зà шта не пайду. Эдакаво страха сродзясь ни видывалъ. Тольки-што взашолъ, гдзѣ ни вазьмись баба да миня ухватамъ-та, да миня ухватамъ-та; а тутъ ищо барыня, да такъ и серчаитъ; а тутъ глядзь — чиботарь[1] да миня ши́ламъ-та, да миня ши́ламъ-та въ задъ; а тутъ ищо партной да ножницами; а тутъ ищо салдатъ со шпорами да такъ на меня скинулся, што волосы у нивò дыбомъ стали: во́тъ я те! баитъ. А тамъ ищо, знатсь, йихной нàбольшой: ужò-ка я-та йиво! Братчи, баитъ, срòбилъ». — «Ну, баютъ разбойники, дзѣлатсь нечиво, уйдземтсе, а то, пожалуй, и насъ-та всѣхъ пиривяжутъ!» Ушли.

А йяны живутъ пакà да живутъ сибѣ складно. Вдругъ приходзятъ къ йихной шалаши звѣрьё[2], да пò духу и узнали, што тамъ е́стся(ь). «Нутка, баютъ волку, падзи-ка ты папирёдъ!» Тольки-што тотъ взашолъ, какъ тсѣ начали йиво́ кататсь, — наси́лу ноги аттуда вынесъ. Ни знаютъ што и дзѣлатсь. А ту́та былъ съ ними ежъ; во йонъ: «Постойтсе-ка, баитъ: вотъ ужò-ка я папытаюсь, авось лучше будзетъ!» Вишь йонъ зналъ, што у барана-та аднавò бока нѣту. Вотъ йонъ и подкатсился да и кал(ь)ни барана; какъ тотъ черезъ всѣхъ да какъ прыгнетъ, да и дрàла. За нимъ и всѣ, да такъ и разбѣжались. А намѣсто ихъ звѣрьё ту́та и астались.

Записана въ Тверской губ. И. И. Лажечниковымъ.

---

[1]) Сапожникъ.
[2]) Волки.

30

Зимовье звѣрей

Шелъ быкъ лѣсомъ; попадается ему навстрѣчу баранъ. «Куды, баранъ, идешь?» спросилъ быкъ. «Отъ зимы лѣта ищу», говоритъ баранъ. «Пойдемъ со мною!» Вотъ пошли вмѣстѣ; попадается имъ навстрѣчу свинья. «Куды, свинья, идешь?» спросилъ быкъ. «Отъ зимы лѣта ищу», отвѣчаетъ свинья. «Иди съ нами!» Пошли втроемъ дальше; навстрѣчу имъ попадается гусь. «Куды, гусь, идешь?» спросилъ быкъ. «Отъ зимы лѣта ищу», отвѣчаетъ гусь. «Ну, иди за нами!» Вотъ гусь и пошелъ за ними. Идутъ, а навстрѣчу имъ пѣтухъ. «Куды, пѣтухъ, идешь?» спросилъ быкъ. «Отъ зимы лѣта ищу» отвѣчаетъ пѣтухъ. «Иди за нами!» Вотъ идутъ они путемъ-дорогою и разговариваютъ промежъ себя: «Какъ же, братцы-товарищи! время приходитъ холодное; гдѣ тепла искать?» Быкъ и сказываетъ: «Ну, давайте избу строить, а то и впрямь зимою позамёрзнемъ». Баранъ говоритъ: «У меня шуба тепла, — вишь, какая шерсть! я и такъ прозимую». Свинья говоритъ: «А по мнѣ хоть какіе морозы — я не боюсь: зароюся въ землю и безъ избы прозимую». Гусь говоритъ: «А я сяду въ середину ели, одно крыло постелю, а другимъ одѣнуся, — меня никакой холодъ не возьметъ; я и такъ прозимую». Пѣтухъ говоритъ: «И я тожъ!» Быкъ видитъ, дѣло плохо: надо одному хлопотать. «Ну, говоритъ, вы какъ хотите, а я стану избу строить». Выстроилъ себѣ избушку и живетъ въ ней. Вотъ пришла зима холодная, стали пробирать морозы; баранъ — дѣлать нечего — приходитъ къ быку: «Пусти, братъ, погрѣться». — «Нѣтъ, баранъ, у тебя шуба тепла, — ты и такъ перезимуешь, не пущу!» — «А коли не пустишь, то я разбѣгуся и вышибу изъ

твоей избы бревно: тебѣ же будетъ холоднѣе». Быкъ думалъ-думалъ: «Дай пущу, а то, пожалуй, и меня заморозитъ», — и пустилъ барана. Вотъ и свинья прозябла, пришла къ быку: «Пусти, братъ, погрѣться». — «Нѣтъ, не пущу: ты въ землю зароешься! и такъ прозимуешь!» — «А не пустишь, такъ я рыломъ всѣ столбы подрою да твою избу уроню». Дѣлать нечего, надо пустить; пустилъ и свинью. Тутъ пришли къ быку гусь и пѣтухъ: «Пусти, братъ, къ себѣ погрѣться». — «Нѣтъ, не пущу; у васъ по два крыла: одно постелишь, другимъ одѣнешься, — и такъ прозимуете!» — «А не пустишь, говоритъ гусь, такъ я весь мохъ изъ твоихъ стѣнъ повыщиплю: тебѣ же холоднѣе будетъ». — «Не пустишь? говоритъ пѣтухъ, такъ я взлечу на верхъ, всю землю съ потолка сгребу: тебѣ же холоднѣе будетъ». Что дѣлать быку? Пустилъ жить къ себѣ и гуся и пѣтуха.

Вотъ живутъ они себѣ да поживаютъ въ избушкѣ. Отогрѣлся въ теплѣ пѣтухъ и зачалъ пѣсенки распѣвать. Услышала лиса, что пѣтухъ пѣсенки распѣваетъ, — захотѣлось пѣтушкомъ полакомиться. Да какъ достать его? Лиса поднялась на хитрости: отправилась къ медвѣдю да волку и сказала: «Ну, любезные куманьки, я нашла для всѣхъ поживу: для тебя медвѣдь, быка, для тебя, волкъ, барана, а для себя пѣтуха». — «Хорошо, кумушка! говорятъ медвѣдь и волкъ, мы твоихъ услугъ никогда не забудемъ! Пойдемъ же, приколимъ да поѣдимъ!» Лиса привела ихъ къ избушкѣ. «Кумъ, говоритъ она медвѣдю, отворяй дверь, я напередъ пойду — пѣтуха съѣмъ». Медвѣдь отворилъ дверь, а лисица вскочила въ избушку. Быкъ увидалъ ее и тотчасъ прижалъ къ стѣнѣ рогами, а баранъ зачалъ осаживать по бокамъ, — изъ лисы и духъ вонъ. «Что она тамъ долго съ пѣтухомъ не можетъ управиться? — го-

ворит волкъ. Отпирай, братъ, Михайло Ивановичъ, — я пойду». — «Ну, ступай». Медвѣдь отворилъ дверь, а волкъ вскочилъ въ избушку. Быкъ и его прижалъ къ стѣнѣ рогами, а баранъ ну осаживать по бокамъ, и такъ его приняли, что волкъ и дышать пересталъ. Вотъ медвѣдь ждалъ-ждалъ: «Что онъ до сихъ поръ не можетъ управиться съ бараномъ, — дай я пойду». Вошелъ въ избушку, а быкъ да баранъ и его также приняли, — насилу вонъ вырвался и пустился бѣжать безъ оглядки.

31

Медвѣдь и пѣтухъ

Былъ у старика сынъ дуракъ. Проситъ дуракъ, чтобы отецъ его женилъ. «А если не женишь — всю печку разломаю! »— «Какъ я тебя женю? у насъ денегъ нѣту». — «Денегъ нѣту, да есть волъ, — продай его на бойню». Волъ услыхалъ, въ лѣсъ убѣжалъ. Дуракъ опять пристаетъ къ отцу: «Жени меня, ни то всю печку разломаю!» Отецъ говоритъ: «Радъ бы женить, да денегъ нѣту». — «Денегъ нѣту, да есть баранъ, — продай его на бойню». Баранъ услыхалъ, въ лѣсъ убѣжалъ. Дуракъ отъ отца не отходитъ: жени меня, да и только! «Я же тебѣ говорю, что денегъ нѣтъ». — «Денегъ нѣту, да есть пѣтухъ; заколи его, испеки пирогъ и продай». Пѣтухъ услыхалъ, въ лѣсъ улетѣлъ. Волъ, баранъ и пѣтухъ сошлись всѣ вмѣстѣ и выстроили себѣ въ лѣсу избушку. Медвѣдь узналъ про то, захотѣлъ ихъ съѣсть и пришелъ къ избушкѣ. Пѣтухъ увидалъ его и запрыгалъ по насѣсти; машетъ крыльями и кричитъ: «Куда-куда-куда! да подайте мнѣ его сюда: я ногами стопчу, топоромъ срублю; и ножишко здѣсь, и гужишко здѣсь, и зарѣжемъ здѣсь, и повѣсимъ здѣсь!» Медвѣдь испу-

гался и пустился назадъ; бѣжалъ-бѣжалъ, отъ страху упалъ и умеръ. Дуракъ пошелъ въ лѣсъ, нашелъ медвѣдя, снялъ съ него шкуру и продалъ, а на эти деньги и женили дурака. Волъ, баранъ и пѣтухъ изъ лѣсу домой пришли.

32
Собака и дятелъ

Жили мужикъ да баба и не знали, что есть за работа: а была у нихъ собака, она ихъ и кормила и поила. Но пришло время, стала собака стара, — куда ужъ тутъ кормить мужика съ бабой! — чуть сама съ голоду не пропадаетъ. «Послушай, старикъ, говоритъ баба: возьми ты эту собаку, отведи за деревню и прогони: пусть идетъ, куда хочетъ. Таперича она намъ не надобна! Было время — кормила насъ, ну, и держали ее». Взялъ старикъ собаку, вывелъ за деревню и прогналъ прочь. Вотъ собака ходитъ себѣ по чистому полю, а домой идти боится: старикъ со старухою станутъ бить-колотить. Ходила-ходила, сѣла на̀земь и завыла крѣпкимъ голосомъ. Летѣлъ мимо дятелъ и спрашиваетъ: «О чемъ ты воешь?» — «Какъ не выть мнѣ, дятелъ! Была я молода, кормила-поила старика со старухою; стала стара — они меня и прогнали. Не знаю, гдѣ вѣкъ доживать». — «Пойдемъ ко мнѣ, карауль моихъ дѣтушекъ, а я кормить тебя стану». Собака согласилась и побѣжала за дятломъ. Дятелъ прилетѣлъ въ лѣсъ къ старому дубу, а въ дубѣ было дупло, а въ дуплѣ дятлово гнѣздо. «Садись около дуба, говоритъ дятелъ, никого не пущай, а я полечу разыскивать корму». Собака усѣлась возлѣ дуба, а дятелъ полетѣлъ. Леталъ-леталъ и увидалъ: идутъ по дорогѣ бабы съ горшечками, несутъ мужьямъ въ поле обѣдать; пустился

назадъ къ дубу, прилетѣлъ и говоритъ: «Ну, собака, ступай за мною: по дорогѣ бабы идутъ съ горшечками, несутъ мужьямъ въ поле обѣдать. Ты становись за кустомъ, а я окунусь въ воду да вываляюсь въ песку и стану передъ бабами по дорогѣ низко порхать, будто взлетѣть повыше не могу. Онѣ начнутъ меня ловить, горшечки свои поставятъ на̀земь, а сами за мною. Ну, ты поскорѣе къ горшечкамъ-то бросайся да наѣдайся досыта». Собака побѣжала за дятломъ и, какъ сказано, стала за кустомъ, а дятелъ вывалялся весь въ песку и началъ передъ бабами по дорогѣ перепархивать. «Смотри-ка, говорятъ бабы, дятелъ-то совсѣмъ мокрой, давайте его ловить!» Покинули на̀земь свои горшки да за дятломъ, а онъ отъ нихъ дальше да дальше, отвелъ ихъ въ сторону, поднялся вверхъ и улетѣлъ. А собака межъ тѣмъ выбѣжала изъ-за куста и все, что было въ горшечкахъ, пріѣла и ушла. Воротились бабы, глянули — а горшки катаются порожніе; дѣлать нечего, забрали горшки и пошли домой.

Дятелъ нагналъ собаку и спросилъ: «Ну, что сыта?» — «Сыта», отвѣчаетъ собака. «Пойдемъ же домой». Вотъ дятелъ летитъ, а собака бѣжитъ; попадается имъ на дорогѣ лиса. «Лови лису!» говоритъ дятелъ. Собака бросилась за лисою, а лиса припустила изо всѣхъ силъ. Случись на ту пору ѣхать мужику съ бочкою дегтю. Вотъ лиса кинулась черезъ дорогу, прямо къ телѣгѣ и проскочила сквозь спицы колеса; собака было за нею, да завязла въ колесѣ, — тутъ изъ нея и духъ вонъ. «Ну, мужикъ! говоритъ дятелъ, когда ты задавилъ мою собаку, то я причиню тебѣ великое горе!» Сѣлъ на телѣгу и началъ долбить дыру въ бочкѣ, — стучитъ себѣ въ самое дно. Только отгонитъ его мужикъ отъ бочки, дятелъ бросится къ лошади, сядетъ промежду ушей и долбитъ ее въ голову. Сгонитъ му-

жикъ съ лошади, а онъ опять къ бочкѣ, — таки продолбилъ въ бочкѣ дыру и весь деготь выпустилъ. А самъ говоритъ: «Еще не то тебѣ будетъ!» сталъ долбить у лошади голову. Мужикъ взялъ большое полѣно, засѣлъ за телѣгу, выждалъ время и какъ хватитъ изо всей мочи; только въ дятла не попалъ, а со всего маху ударилъ лошадь по головѣ и ушибъ ее до смерти. Дятелъ полетѣлъ къ мужиковой избѣ, прилетѣлъ и прямо въ окошко. Хозяйка тогда печь топила, а малый ребенокъ сидѣлъ на лавкѣ; дятелъ сѣлъ ему на голову и ну долбить. Баба прогоняла-прогоняла его, не можетъ прогнать: злой дятелъ все клюетъ. Вотъ она схватила палку да какъ ударитъ: въ дятла-то не попала, а ребенка зашибла.

33
Кочетъ и курица

Жили курычка съ кычаткомъ, и пошли ани въ лѣсъ пы арѣхи. Пришли къ арѣшни; кычатокъ залѣсъ ны арѣшню рвать арѣхи, а курычку аставилъ ны зимѣ подбирать арѣхи: кычатокъ кидаитъ, а курычка подбираитъ. Вотъ кинулъ кычатокъ аришокъ и папалъ курычкѣ въ глазокъ и вышибъ глазокъ. Курычка пошла — плачитъ. Вотъ ѣдутъ баяри и спрашиваютъ: «Курычка, курычка! що ты плачишь?» — «Мнѣ кычатокъ вышибъ глазокъ». — «Кычатокъ, кычатокъ! на що ты курычкѣ вышибъ глазокъ?» — «Мнѣ арѣшня партки рыздрала». — «Арѣшня, арѣшня! на що ты кычатку партки рыздрала?» — «Миня козы пыдгладали». — «Козы, козы! на що вы арѣшню пыдгладали?» — «Насъ пыстухи ни бирягутъ». — «Пыстухи, пыстухи! що вы козъ не биригётя?» — «Насъ хазяйка блинами ни кормитъ». — «Хазяйка, хазяйка! що ты

пыстуховъ блинами не кормишь?» — «У миня свинья апаръ[1] прылила». — «Свинья, свинья! на що ты у хазяйки апаръ прылила?» — «У миня волкъ прасёнчика унёсъ». — «Волкъ, волкъ, на що ты у свиньѣ прасёнчика унесъ». — «Я йисть зыхатѣлъ, мнѣ Богъ пывилѣлъ».

Записана въ Липецкомъ у., Тамбовской губ.

34
Смерть пѣтушка

Ходятъ курица съ пѣтухомъ на поповомъ гумнѣ. Подавился пѣтушокъ бобовымъ зѐрняткомъ. Курочка сжалѣлась, пошла къ рѣчкѣ просить воды. Рѣчка говоритъ: «Поди къ липкѣ, проси лѝста, тогда и дамъ воды!» — «Липка, липка! дай лѝсту: листъ нести къ рѣчкѣ — рѣчка дастъ воды; воду нести къ пѣтушку, — подавился пѣтушокъ бобовымъ зѐрняткомъ, — ни спышѝтъ ни сдышѝтъ, ровно мертвый лежитъ!» Липка сказала: «Поди къ дѣвкѣ, проси нитки; втѣпоръ дамъ лѝста!» — «Дѣвка, дѣвка! дай нитки: нитки нести къ липкѣ — липка дастъ лѝсту; листъ нести къ рѣчкѣ — рѣчка дастъ воды; воду нести къ пѣтушку: подавился пѣтушокъ бобовымъ зѐрняткомъ, — не спышѝтъ ни сдышѝтъ, ровно мертвый лежитъ!» Дѣвка говоритъ: «Поди къ коровѣ, проси молока; втѣпоръ дамъ нитки». Пришла курочка къ коровѣ: «Корова, корова! дай молока: молоко нести къ дѣвкѣ — дѣвка дастъ нитки; нитки нести къ липкѣ — липка дастъ лѝсту, листъ нести къ рѣчкѣ — рѣчка дастъ воды; воду нести къ пѣтушку: подавился пѣтушокъ бобовымъ зѐрняткомъ, — ни спышѝтъ ни сдышѝтъ, ровно мер-

[1]) Опару.

твый лежитъ!» Корова говоритъ: «Поди, курочка, къ сѣнокосамъ, попроси у нихъ сѣна; втѣпоръ дамъ молока». Пришла курочка кѣ сѣнокосамъ: «Сѣнокосы, сѣнокосы! дайте сѣна: сѣно нести къ коровѣ — корова дастъ молока; молоко нести къ дѣвкѣ — дѣвка дастъ нитки; нитки нести къ липкѣ — липка дастъ ли́сту; листъ нести къ рѣчкѣ — рѣчка дастъ воды; воду нести къ пѣтушку: подавился пѣтушокъ бобовымъ зѐрняткомъ, — ни спыши́тъ ни сдыши́тъ, ровно мертвый лежитъ!» Сѣнокосы говорятъ: «Поди, курочка, къ кузнецамъ, чтобы сковали косу». Пришла курочка къ кузнецамъ: «Кузнецы, кузнецы! скуйте мнѣ косу: косу нести къ сѣнокосамъ — сѣнокосы дадутъ сѣна; сѣно нести къ коровѣ — корова дастъ молока: молоко нести къ дѣвкѣ — дѣвка дастъ нитки; нитки нести къ липкѣ — липка дастъ ли́сту; листъ нести къ рѣчкѣ — рѣчка дастъ воды; воду нести къ пѣтушку: подавился пѣтушокъ бобовымъ зѐрняткомъ, — ни спыши́тъ ни сдыши́тъ, ровно мертвый лежитъ!» Кузнецы сказали: «Иди, курочка, къ ла́янамъ[1], проси у нихъ уголья: втѣпоръ скуемъ тебѣ косу». Пришла курочка къ ла́янамъ: «Ла́яна, ла́яна! дайте уголья: уголья нести къ кузнецамъ — кузнецы скуютъ косу; косу нести къ сѣнокосамъ — сѣнокосы дадутъ сѣна; сѣно нести къ коровѣ — корова дастъ молока; молоко нести къ дѣвкѣ — дѣвка дастъ нитки; нитки нести къ липкѣ — липка дастъ ли́сту; листъ нести къ рѣчкѣ, — рѣчка дастъ воды; воду нести къ пѣтушку: подавился пѣтушокъ бобовымъ зѐрняткомъ, — ни спыши́тъ ни сдыши́тъ, ровно мертвый лежитъ!»

Дали Ла̀яна уголья; снесла курочка у́голье къ кузнецамъ — кузнецы сковали косу; снесла косу къ сѣно-

[1]) Ла̀яна — жители деревни Ла̀я, которая стоитъ при рѣчкѣ того же имени (Ла̀я), впадающей въ Сѣверную Двину. Они занимаются приготовленіемъ угля для портовыхъ кузницъ.

косамъ — сѣнокосы накосили сѣна; снесла сѣно коровѣ — корова дала молока; снесла молоко къ дѣвкѣ — дѣвка дала нитки; снесла нитки къ липкѣ — липка дала ли́сту; снесла листъ къ рѣчкѣ — рѣчка дала воды; снесла воды къ пѣтушку; онъ лежитъ, ни спыши́тъ ни сдыши́тъ: подавился на поповомъ гумнѣ бобовымъ зе́рняткомъ!

Записана въ Архангельскомъ у., А. Харитоновымъ.

35

Курочка

(а) Жилъ-былъ старикъ со старушкою; у нихъ была курочка-татарушка, снесла яичко въ кутѣ подъ окошкомъ: пестро, востро, костяно, мудрено! положила на полочку; мышка шла, хвостикомъ тряхнула, полочка упала, яичко разбилось. Старикъ плачетъ, старуха возрыдаетъ, въ печи пылаетъ, верхъ на избѣ шатается, дѣвочка-внучка съ горя удавилась. Идетъ просвирня, спрашиваетъ, что они такъ плачутъ. Старики начали пересказывать: «Какъ намъ не плакать? Есть у насъ курочка-татарушка, снесла яичко въ кутѣ подъ окошкомъ: пестро, востро, костяно, мудрено! положили на полочку; мышка шла, хвостикомъ тряхнула, полочка упала, яичко разбилось! Я, старикъ, плачу, старуха возрыдаетъ, въ печи пылаетъ, верхъ на избѣ шатается, дѣвочка-внучка съ горя удавилась». Просвирня какъ услыхала — всѣ просвиры изломала и побросала. Подходитъ дьячокъ и спрашиваетъ у просвирни, зачѣмъ она просвиры побросала. Она пересказала ему все горе; дьячокъ побѣжалъ на колокольню и перебилъ всѣ колокола. Идетъ попъ, спрашиваетъ у дьячка: «Зачѣмъ колокола перебилъ?» Дьячокъ пересказалъ все горе попу, а попъ побѣжалъ, всѣ книги изорвалъ.

(b) Какъ у нашей бабушки въ задворенкѣ
Была курочка-рябушечка;
Посадила курочка яичушко,
Съ полки на полку,
Въ осиновое дупёлко[1],
Въ кутъ подъ лавку.
Мышка бѣжала,
Хвостомъ вернула —
Яичко приломала!
Объ этомъ яичкѣ строй[2] сталъ плакать,
Баба рыдать, вереи хохотать,
Курицы летать, ворота скрыпѣть;
Соръ подъ порогомъ закурился,
Двери побутусились[3], тынъ разсыпался;
Поповы дочери шли съ водою,
Ушатъ приломали,
Попадьѣ сказали:
«Ничего ты не знаешь, матушка!
Вѣдь у бабушки въ задворенкѣ
Была курочка-рябушечка;
Посадила курочка яичушко,
Съ полки на полку,
Въ осиновое дупёлко,
Въ кутъ подъ лавку.
Мышка бѣжала,
Хвостомъ вернула —
Яичко приломала!
Объ этомъ яичкѣ строй сталъ плакать,
Баба рыдать, вереи хохотать,
Курицы летать, ворота скрыпѣть;
Соръ подъ порогомъ закурился,

---

[1]) Кадочка, выдолбленная изъ цѣльнаго дерева.
[2]) Нищій, калѣка.
[3]) Покривились.

Двери побутусились, тынъ разсыпался;
Мы шли съ водою — ушатъ приломали!»
Попадья квашню мѣсила —
Все тѣсто по полу разметала;
Пошла въ церковь, попу сказала:
«Ничего ты не знаешь . . .
Вѣдь у бабушки въ задворенкѣ
Была курочка-рябушечка . . .
(Снова повторяется тотъ же разсказъ.)
. . . . тынъ разсыпался;
Наши дочери шли съ водой —
Ушатъ приломали, мнѣ сказали:
Я тѣсто мѣсила —
Все тѣсто разметала!»
Попъ сталъ книгу рвать —
Всю по полу разметалъ!

Записана въ Архангельской губ. А. Харитоновымъ.

36

Журавль и цапля

Летала сова — веселая голова; вотъ она летала-летала и сѣла, да хвостикомъ повертѣла, да по сторонамъ посмотрѣла и опять полетѣла; летала-летала и сѣла, хвостикомъ повертѣла да по сторонамъ посмотрѣла . . . Это присказка, сказка вся впереди.

Жили-были на болотѣ журавль да цапля, построили себѣ по концамъ избушки. Журавлю показалось скучно жить одному и задумалъ онъ жениться. «Дай пойду, посватаюсь на цаплѣ!» Пошелъ журавль — тяпъ, тяпъ! — семь верстъ болото мѣсилъ; приходитъ и говоритъ: «Дома ли цапля?» — «Дома». — «Выдь за меня замужъ». — «Нѣтъ, журавль, нейду за тя замужъ; у тебя ноги долги, платье коротко, самъ худо летаешь

и кормить-то меня тебѣ нечѣмъ! Ступай прочь, долговязой!» Журавль, какъ не солоно похлебалъ, ушелъ домой. Цапля послѣ раздумалась и сказала: «Чѣмъ жить одной, лучше пойду замужъ за журавля». Приходитъ къ журавлю и говоритъ: «Журавль, возьми меня замужъ!» — «Нѣтъ, цапля, мнѣ тебя не надо! не хочу жениться, не беру тебя замужъ, убирайся!» Цапля заплакала со стыда и воротилась назадъ. Журавль раздумался и сказалъ: «Напрасно не взялъ за себя цаплю; вить одному-то скучно. Пойду теперь и возьму ее замужъ». Приходитъ и говоритъ: «Цапля! я вздумалъ на тебѣ жениться; поди за меня». — «Нѣтъ, журавль, нейду за тя замужъ!» Пошелъ журавль домой. Тутъ цапля раздумалась: зачѣмъ отказала? что одной-то жить? лучше за журавля пойду! Приходитъ свататься, а журавль не хочетъ. Вотъ такъ-то и ходятъ они по сю пору одинъ на другомъ свататься, да никакъ не женятся.

Записана въ Никольскомъ у., Вологодской губ.

37

Ворона и ракъ

Летѣла ворона по-надъ моремъ, смотритъ — ракъ лѣзетъ, — хапъ его! — и понесла въ лѣсъ, чтобы, усѣвшись гдѣ-нибудь на вѣткѣ, хорошенько закусить. Видитъ ракъ, что приходится пропадать, и говоритъ воронѣ: «Эй, ворòно, ворòно! знавъ я твогò батька и твою матирь — славни люде були!» — «Угу!» — отвѣтила ворона, не раскрывая рта. «И бративъ и сестеръ твоихъ знавъ: що за добри люде!» — «Угу!» — «Та вже хочь вони и гарни люде, а тоби не ривня. Мини здается, що-й на свити нема розумнійшого надъ тебе». — «Эге!» крякнула ворона во весь ротъ и упустива рака въ море.

38
Орелъ и ворона

Жила-была на Руси ворона съ нянькамии, съ мамками, съ малыми дѣтками, съ ближними сосѣдками. Прилетѣли гуси-лебеди, нанесли яичекъ; а ворона стала ихъ забижать, стала у нихъ яички таскать. Случилось летѣть мимо сычу; видитъ онъ, что ворона большихъ птицъ забижаетъ, и полетѣлъ къ сизому орлу. Прилетѣлъ и проситъ: «Батюшка сизой орелъ! дай намъ праведный судъ на шельму-ворону». Сизой орелъ послалъ за вороной легкаго посла — воробья. Воробей тотчасъ полетѣлъ, захватилъ ворону; она было упираться, — воробей давай ее пинками и привелъ-таки къ сизому орлу. Орелъ сталъ судить. «Ахъ, ты шельма-ворона, шалавая[1] голова, непотребной носъ, г . . . . хвостъ! про тебя говорятъ, что ты на чужое добро ротъ раззѣваешь, у большихъ птицъ яички таскаешь». — «Напраслина, батюшка сизой орелъ, напраслина». — «Про тебя же сказываютъ: выйдетъ мужичокъ сѣять, а ты выскочишь со всѣмъ своимъ содомомъ — и ну разгребать». — «Напраслина, батюшка сизой орелъ, напраслина!» — «Да еще сказываютъ: станутъ бабы жать, нажнутъ и покладутъ снопы на полѣ, а ты выскочишь со всѣмъ содомомъ — и опять-таки ну разгребать да ворошить». — «Напраслина, батюшка сизой орелъ, напраслина!» Осудили ворону въ острогъ посадить.

39
Золотая рыбка

На морѣ на окіянѣ, на островѣ на Буянѣ стояла небольшая ветхая избушка; въ той избушкѣ жили старикъ да старуха. Жили они въ великой бѣдно-

[1]) Глупая.

сти; старикъ сдѣлалъ себѣ сѣть и сталъ ходить на море да ловить рыбу: тѣмъ только и добывалъ себѣ дневное пропитаніе. Разъ какъ-то закинулъ старикъ свою сѣть, началъ тянуть, и показалось ему такъ тяжело, какъ доселева никогда не бывало: еле-еле вытянулъ. Смотритъ — а сѣть пуста: всего нá всего одна рыбка попалась, зато рыбка не простая — золотая. Взмолилась ему рыбка человѣчьимъ голосомъ: «Не бери меня, старичокъ, пусти лучше въ синё море, я тебѣ сама пригожусь: что пожелаешь, то и сдѣлаю». Старикъ подумалъ-подумалъ и говоритъ: «Мнѣ нечего отъ тебя не надобно: ступай-гуляй въ морѣ!» Бросилъ золотую рыбку на воду и воротился домой. Спрашиваетъ старуха: «Много ли поймалъ, старикъ?» — «Да всего-нáвсего одну золотую рыбку — и ту бросилъ въ море; крѣпко она взмолилась: отпусти, говорила, въ синё море, я тебѣ у пригоду стану: что пожелаешь, все сдѣлаю! Пожалѣлъ я рыбку, не взялъ съ нея выкупу, даромъ на волю пустилъ». — «Ахъ, ты, старой чортъ! Попалось тебѣ въ руки большое счастье, а ты и владать не сумѣлъ». Озлилась старуха, ругаетъ старика съ утра до вечера, не даетъ ему спокоя: «Хоть бы хлѣба у ней выпросилъ! Вѣдь скоро сухой корки не будетъ, — что жрать-то станешь?» Не выдержалъ старикъ, пошелъ къ золотой рыбкѣ за хлѣбомъ; пришелъ нà море и крикнулъ громкимъ голосомъ: «Рыбка, рыбка! стань въ море хвостомъ, ко мнѣ головой». Рыбка приплыла къ берегу: «Что тебѣ, старикъ, надо?» — «Старуха осерчала, за хлѣбомъ прислала». — «Ступай домой: будетъ у васъ хлѣба вдоволь». Воротился старикъ· «Ну, что, старуха, есть хлѣбъ?» — «Хлѣба-то вдоволь, да вотъ бѣда: корыто раскололось, не въ чемъ бѣлье мыть; ступай къ золотой рыбкѣ, попроси, чтобъ новое дала». Пошелъ старикъ на море: «Рыбка, рыбка,

стань въ море хвостомъ, ко мнѣ головой». Приплыла золотая рыбка: «Что тебѣ надо, старикъ?» — «Старуха прислала, новое корыто проситъ». — «Хорошо, будетъ у васъ и корыто». Воротился старикъ, только въ дверь, а старуха опять на него накинулась: «Ступай, говоритъ, къ золотой рыбкѣ, попроси, чтобъ новую избу построила: въ нашей жить нельзя, того и смотри, что развалится!» Пошелъ старикъ на море: «Рыбка, рыбка! стань въ море хвостомъ, ко мнѣ головой». Рыбка приплыла, стала къ нему головой, въ море хвостомъ и спрашиваетъ: «Что тебѣ, старикъ, надо?» — «Построй намъ новую избу; старуха ругается, не даетъ мнѣ спокою; не хочу, говоритъ, жить въ старой избушкѣ: она — того и смотри — вся развалится!» — «Не тужи, старикъ, ступай домой да молись Богу: все будетъ сдѣлано». Воротился старикъ — на его дворѣ стоитъ изба новая, дубовая, съ вырѣзанными узорами. Выбѣгаетъ къ нему навстрѣчу старуха, пуще прежняго сердится, пуще прежняго ругается: «Ахъ, ты, старой песъ! не умѣешь ты счастьемъ пользоваться. Выпросилъ избу и, чай, думаешь — дѣло сдѣлалъ! Нѣтъ, ступай-ка опять къ золотой рыбкѣ да скажи ей: не хочу я быть крестьянкою, хочу быть воеводихой, чтобъ меня добрые люди слушались, при встрѣчахъ въ поясъ кланялись». Пошелъ старикъ на море, говоритъ громкимъ голосомъ: «Рыбка, рыбка! стань въ море хвостомъ, ко мнѣ головой». Приплыла рыбка, стала въ море хвостомъ, къ нему головой: «Что тебѣ, старикъ, надо?» Отвѣчаетъ старикъ: «Не даетъ мнѣ старуха спокою, совсѣмъ вздурилась: не хочетъ быть крестьянкою, хочетъ быть воеводихой». — «Хорошо, не тужи, ступай домой да молись Богу: все будетъ сдѣлано». Воротился старикъ, а вмѣсто избы каменной домъ стоитъ, въ три этажа выстроенъ; по двору

прислуга бѣгаетъ, на кухнѣ повара стучатъ, а старуха, въ дорогомъ парчевомъ платьѣ, на высокихъ креслахъ сидитъ да приказы отдаетъ. «Здравствуй, жена!» говоритъ старикъ. «Ахъ, ты, невѣжа эдакой! какъ смѣлъ обозвать меня, воеводиху, своею женою? Эй, люди! взять этого мужичонка на конюшню и отодрать плетьми какъ можно больнѣе». Тотчасъ прибѣжала прислуга, схватила старика за шиворотъ и потащила въ конюшню; начали конюхи угощать его плетьми, да такъ угостили, что еле на ноги поднялся. Послѣ того старуха поставила старика дворникомъ; велѣла дать ему метлу, чтобъ дворъ убиралъ, а кормить и поить его на кухнѣ. Плохое житье старику: цѣлой день дворъ убирай, а чуть гдѣ нечисто — сейчасъ на конюшню! «Экая вѣдьма! думаетъ старикъ: далось ей счастье, а она какъ свинья зарылась: ужъ и за мужа меня не считаетъ!» Ни много ни мало прошло времени; придокучило старухѣ быть воеводихой, потребовала къ себѣ старика и приказываетъ: «Ступай, старой чортъ, къ золотой рыбкѣ, скажи ей: не хочу я быть воеводихой, хочу быть царицею». Пошелъ старикъ на море: «Рыбка, рыбка! стань въ море хвостомъ, ко мнѣ головой». Приплыла золотая рыбка: «Что тебѣ, старикъ, надо?» — «Да что! вздурилась моя старуха пуще прежняго: не хочетъ быть воеводихой, хочетъ быть царицею». — «Не тужи! ступай домой да молись Богу: все будетъ сдѣлано». Воротился старикъ, а вмѣсто прежняго дома — высокой дворецъ стоитъ, подъ золотою крышею; кругомъ часовые ходятъ да ружьями выкидываютъ; позади большой садъ раскинулся, а передъ самымъ дворцомъ — зеленый лугъ; на лугу войска собраны. Старуха нарядилась царицею, выступила на балконъ съ генералами да съ боярами и начала дѣлать тѣмъ войскамъ смотръ и разводъ: барабаны бьютъ, музыка гремитъ,

солдаты «ура» кричатъ! Ни много ни мало прошло времени, придокучило старухѣ быть царицею, велѣла разыскать старика и представить предъ свои очи свѣтлыя. Поднялась суматоха, генералы суетятся, бояре бѣгаютъ: «Какой-такой старикъ?» Насилу нашли его на заднемъ дворѣ, повели къ царицѣ. «Слушай, старой чортъ! говоритъ ему старуха: ступай къ золотой рыбкѣ да скажи ей: не хочу быть царицею, хочу быть морскою владычицей, чтобы всѣ моря и всѣ рыбы меня слушались». Старикъ было отнѣкиваться, — куда тебѣ! коли не пойдешь — голова долой! Скрѣпя сердце, пошелъ старикъ на море, пришелъ и говоритъ: «Рыбка, рыбка! стань въ море хвостомъ, ко мнѣ головой». Золотой рыбки нѣтъ какъ нѣтъ! Зоветъ старикъ въ другой разъ — опять нѣту! Зоветъ въ третій разъ — вдругъ море зашумѣло, взволновалося; то было свѣтлое, чистое, а тутъ совсѣмъ почернѣло. Приплываетъ рыбка къ берегу. «Что тебѣ, старикъ, надо?» — «Старуха еще пуще вздурилася: ужъ не хочетъ быть царицею, хочетъ быть морскою владычицей, надъ всѣми водами властвовать, надъ всѣми рыбами повелѣвать». Ничего не сказала старику золотая рыбка, повернулась и ушла въ глубину моря. Старикъ воротился назадъ, смотритъ и глазамъ не вѣритъ: дворца какъ не бывало, а на его мѣстѣ стоитъ небольшая ветхая избушка, а въ избушкѣ сидитъ старуха въ изодранномъ сарафанѣ. Начали они жить попрежнему: старикъ опять принялся за рыбную ловлю; только какъ часто ни закидывалъ сѣтей въ море — не удалось больше поймать золотой рыбки.

40
Жадная старуха

Жилъ старикъ со старухою; пошелъ въ лѣсъ дрова рубить. Сыскалъ старое дерево, поднялъ топоръ и

сталъ рубить. Говоритъ ему дерево: «Не руби меня мужичокъ! Что тебѣ надо, все сдѣлаю». — «Ну, сдѣлай, чтобы я богатъ былъ». — «Ладно; ступай домой, всего у тебя вдоволь будетъ». Воротился старикъ домой — изба новая, словно чаша полная, денегъ куры не клюютъ, хлѣба на десятки лѣтъ хватитъ, а что коровъ, лошадей, овецъ — въ три дня не сосчитать! «Ахъ, старикъ, откуда все это?» спрашиваетъ старуха. «Да вотъ, жена, я такое дерево нашелъ — что ни пожелай, то и сдѣлаетъ». Пожили съ мѣсяцъ; пріѣлось старухѣ богатое житье, говоритъ старику: «Хоть живемъ мы богато, да что въ этомъ толку, коли люди насъ не почитаютъ! Захочетъ бурмистръ — и тебя и меня на работу погонитъ; а придерется, такъ и палками накажетъ. Ступай къ дереву, проси, чтобъ ты бурмистромъ былъ». Взялъ старикъ топоръ, пошелъ къ дереву и хочетъ подъ самый корень рубить. «Что тебѣ надо?» спрашиваетъ дерево. «Сдѣлай, чтобы я бурмистромъ былъ». «Хорошо, ступай съ Богомъ!» Воротился домой, а его ужъ давно солдаты дожидаютъ: «Гдѣ ты, закричали, старой чортъ, шатаешься? Отводи скорѣй намъ квартиру, да чтобъ хорошая была. Ну-ну, поворачивайся!» А сами тесаками его по горбу да по горбу. Видитъ старуха, что и бурмистру не всегда честь, и говоритъ старику: «Что за корысть быть бурмистровой женою! Вотъ тебя солдаты прибили, а ужъ о баринѣ и говорить нечего: что захочетъ, то и сдѣлаетъ. Ступай-ка ты къ дереву да проси, чтобъ сдѣлало тебя бариномъ, а меня барыней». Взялъ старикъ топоръ, пошелъ къ дереву, хочетъ опять рубить; дерево спрашиваетъ: «Что тебѣ надо, старичокъ?» — «Сдѣлай меня бариномъ, а старуху барыней». — «Хорошо, ступай съ Богомъ!» Пожила старуха въ барствѣ, захотѣлось ей большаго, говоритъ старику: «Что за

корысть, что я барыня! Вотъ кабы ты былъ полковникомъ, а я полковницей — иное дѣло: всѣ бы намъ завидовали». Погнала старика снова къ дереву; взялъ онъ топоръ, пришелъ и собирается рубить. Спрашиваетъ его дерево: «Что тебѣ надобно?» — «Сдѣлай меня полковникомъ, а старуху полковницей». — «Хорошо, ступай съ Богомъ!» Воротился старикъ домой, а его полковникомъ пожаловали. Прошло нѣсколько времени, говоритъ ему старуха: «Велико ли дѣло полковникъ! Генералъ захочетъ — подъ арестъ посадитъ. Ступай къ дереву, проси, чтобы сдѣлало тебя генераломъ, а меня генеральшею». Пошелъ старикъ къ дереву, хочетъ топоромъ рубить. «Что тебѣ надобно?» спрашиваетъ дерево. «Сдѣлай меня генераломъ, а старуху генеральшею». — «Хорошо, иди съ Богомъ!» Воротился старикъ домой, а его въ генералы произвели. Опять прошло нѣсколько времени; наскучило старухѣ быть генеральшею, говоритъ она старику: «Велико ли дѣло генералъ! Государь захочетъ — въ Сибирь сошлетъ. Ступай къ дереву, проси, чтобы сдѣлало тебя царемъ, а меня царицею». Пришелъ старикъ къ дереву, хочетъ топоромъ рубить. «Что тебѣ надобно?» спрашиваетъ дерево. «Сдѣлай меня царемъ, а старуху царицею». — «Хорошо, иди съ Богомъ!» Воротился старикъ домой, а за нимъ ужъ послы пріѣхали: «Государь де померъ, тебя на его мѣсто выбрали». Не много пришлось старику со старухой нацарствовать: показалось старухѣ мало быть царицею, позвала старика и говоритъ ему: «Велико ли дѣло царь! Богъ захочетъ — смерть нашлетъ, и запрячутъ тебя въ сырую землю. Ступай-ка ты къ дереву да проси, чтобы сдѣлало насъ богами». Пошелъ старикъ къ дереву. Какъ услыхало оно эти безумныя рѣчи, зашумѣло листьями и въ отвѣтъ старику молвило: «Будь же ты медвѣдемъ, а твоя

жена медвѣдицей!» Въ ту же минуту старикъ обратился медвѣдемъ, а старуха медвѣдицей — и побѣжали въ лѣсъ.

41

Сказка объ Ершѣ Ершовичѣ, сынѣ Щетинниковѣ

(а) Ершишко-кропачи́шко[1], ершишко-пагубни́шко, склался на дровнишки со своимъ маленькимъ ребятишкамъ; пошелъ онъ въ Камъ-рѣку, изъ Камъ-рѣки въ Тросъ-рѣку, изъ Тросъ-рѣки въ Кубенское озеро, изъ Кубенскаго озера въ Ростовское озеро — и въ этомъ озерѣ выпросился остаться одну ночку, отъ одной ночки — двѣ ночки, отъ двухъ ночекъ — двѣ недѣли, отъ двухъ недѣль — два мѣсяца, отъ двухъ мѣсяцевъ — два года, а отъ двухъ годовъ жилъ тридцать лѣтъ. Сталъ онъ по всему озеру похаживать, мелкую и крупную рыбу подъ добало (?) подкалывать. Тогда мелкая и крупная рыба собрались во единъ кругъ и стали выбирать себѣ судью праведную, рыбу-сомъ съ большимъ усомъ. «Будь ты, говорятъ, нашимъ судьей». Сомъ послалъ за ершомъ, добрымъ человѣкомъ, и говоритъ: «Ершъ, добрый человѣкъ! почему ты нашимъ озеромъ завладѣлъ?» — «Потому, говоритъ, я вашимъ озеромъ завладѣлъ, что ваше озеро Ростовское горѣло съ низу и до верху, съ Петрова дня и до Ильина дня, выгорѣло оно съ низу и до верху и запустѣло». — «Не во вѣкъ, говоритъ рыба сомъ, наше озеро не гарывало! Есть ли у тебя въ томъ свидѣтели, московскія крѣпости, письменныя граматы? — «Есть у меня въ томъ свидѣтели и московскія крѣпости, письменныя граматы: соро́га-рыба[2] на пожарѣ была, глаза запали́ла — и понынче у нея красны». И посы-

[1]) Кропотливый, безпокойный.
[2]) Плотица.

лаетъ сомъ-рыба за сорогой-рыбой. Стрѣлецъ-боецъ, карясь-палачъ, двѣ горсти мелкихъ молей[1], туды же понятыхъ, зовутъ сорогу-рыбу: «Сорога-рыба, зоветъ тебя рыба-сомъ съ большимъ усомъ предъ свое величество. Сорога-рыба, не дошедчи рыбы-сомъ, кланялась. И говоритъ ей сомъ: «Здравствуй, соро́га-рыба, вдова честная! Гарывало ли наше озеро Ростовское съ Петрова дня до Ильина дня?» — «Не во вѣкъ-то, говоритъ соро́га-рыба, не гарывало наше озеро!» Говоритъ сомъ-рыба: «Слышишь, ершъ, добрый человѣкъ! соро́га-рыба въ глаза обвинила». А соро́га тутъ же примолвила: «Кто ерша знаетъ да вѣдаетъ, тотъ безъ хлѣба обѣдаетъ!» Ершъ не унываетъ, на Бога уповаетъ. «Есть же у меня, говоритъ, въ томъ свидѣтели и московскія крѣпости, письменныя граматы: окунь-рыба на пожарѣ былъ, головешки носилъ — и понынче у него крылья красны. Стрѣлецъ-боецъ, карась-палачъ, двѣ горсти мелкихъ молей, туды же понятыхъ (это государскіе посыльщики), приходятъ и говорятъ: — «Окунь-рыба, зоветъ тебя рыба-сомъ съ большимъ усомъ предъ свое величество. И приходитъ окунь-рыба. Говоритъ ему сомъ-рыба: «Скажи, окунь-рыба, гарывало ли наше озеро Ростовское съ Петрова дня до Ильина дня?» — «Не во вѣкъ-то, говоритъ, наше озеро не гарывало! Кто ерша знаетъ да вѣдаетъ, тотъ безъ хлѣба обѣдаетъ!» Ершъ не унываетъ, на Бога уповаетъ; говоритъ сомъ-рыбѣ: «Есть же у меня въ томъ свидѣтели и московскія крѣпости, письменныя граматы: щука-рыба, вдова честная, при томъ не моты́га, скажетъ истинную правду. Она на пожарѣ была, головешки носила — и понынче черна». Стрѣлецъ-боецъ, карась-палачъ, двѣ горсти мелкихъ молей, туды же понятыхъ (это государскіе посыльщики), приходятъ и говорятъ:

[1]) Моль — мелкая рыба разнаго рода.

«Щука-рыба, зоветъ рыба-сомъ съ большимъ усомъ предъ свое величество». Щука-рыба, не дошедчи рыбы-сомъ, кланялась: «Здравствуй, ваше величество!» — «Здравствуй, щука-рыба, вдова честная, при томъ же ты и не моты́га! говоритъ сомъ. Гарывало ли наше озеро Ростовское съ Петрова дня до Ильина дня?» Щука-рыба отвѣчаетъ: «Не во вѣкъ-то не гарывало наше озеро Ростовское! Кто ерша знаетъ да вѣдаетъ, тотъ всегда безъ хлѣба обѣдаетъ!» Ершъ не унываетъ, а на Бога уповаетъ. «Есть же, говоритъ, у меня въ томъ свидѣтели и московскія крѣпости, письменныя граматы: налимъ-рыба на пожарѣ былъ, головешки носилъ — и понынче онъ черенъ». Стрѣлецъ-боецъ, карась палачъ, двѣ горсти мелкихъ молей, туды же поняты́хъ (это государскіе посыльщики), приходятъ къ налимъ-рыбѣ и говорятъ: «Налимъ-рыба, зоветъ тебя рыба сомъ съ большимъ усомъ предъ свое величество». — «Ахъ, братцы! нате вамъ гривну на труды и на волоки́ту: у меня губы толстыя, брюхо большое, въ городѣ не бывалъ, предъ судьямъ не стаивалъ, говорить не умѣю, кланяться право не могу». Эти государскіе посыльщики пошли домой; тутъ по*и*мали ерша и посадили его въ петлю. По ершовымъ-то молитвамъ Богъ далъ дождь да слякоть. Ершъ изъ петли то да и выскочилъ: пошелъ онъ въ Кубенское озеро, изъ Кубенскаго озера въ Тросъ-рѣку, изъ Тросъ-рѣки въ Камъ-рѣку. Въ Камъ-рѣкѣ идутъ щука да осетръ. «Куда васъ чортъ понесъ?» говоритъ имъ ершъ. Услыхали рыбаки ершовъ голосъ тонк*о*й и начали ерша ловить. Изловили ерша, ершишко-кропачи́шко, ершишко-пагубнишко! Пришелъ Бродька — бросилъ ерша въ лодку, пришелъ Петрушка, бросилъ ерша въ плетушку: «Наварю, говоритъ, ухи да и скушаю». Тутъ и смерть ершова!

(с) 1729 года, мѣсяца сентября, 16 числа

Зародился ершишко-плутишко,
Худая головишко,
Шиловатый[1] хвостъ,
Слюноватый носъ,
Киловатая[2] брюши́на,
Лихая образина,
На рожѣ кожа какъ еловая кора.
Прижилось, прискудалось ершишку-плутишку
Въ своемъ славномъ Кубинскомъ озерѣ,
Собрался на ветхихъ дровнишкахъ
Съ женою и дѣтишкамъ,
Поѣхалъ въ Бѣлозерское озеро,
Съ Бѣлозерскаго въ Корбозерское,
Съ Корбозерскаго въ Ростовское:
«Здравствуйте, лещи,
Ростовскіе жильцы!
Пустите ерша пообѣдать
И коня покормить».
Лещи распространились[3],
Ерша къ ночи пустили.
Ершъ, гдѣ ночь ночевалъ,
Тутъ и годъ годовалъ;
Гдѣ двѣ ночевалъ,
Тутъ два года годовалъ;
Сыновей поженилъ,
А дочерей замужъ повыдалъ,
Изогналъ лещовъ,
Ростовскихъ жильцовъ,
Во мхи и болота,

---

1) Увертливый, плутоватый.
2) Киловатый — бранное слово.
3) Разступились, дали мѣсто.

Пропасти земныя.
Три года лещи
Хлѣба-соли не ѣдали;
Три года лещи
Хорошей воды не пивали;
Три года лещи
Бѣлаго свѣту не видали;
Съ того лещи
Съ голоду помирали,
Сбиралися лещи въ земскую избу
И думали думу заедино
И написали просьбу
И подавали Бѣлозеръ-Палтосъ-рыбѣ:
«Матушка Бѣлозеръ-Палтосъ-рыба!
Почему ершишко-плутишко,
Худая головишко,
Разжился, распоселился
Въ нашемъ Ростовскомъ озерѣ
И изогналъ насъ лещовъ,
Ростовскихъ жильцовъ,
Во мхи и болота
И пропасти земныя?
Три года мы, лещи,
Хлѣба-соли не ѣдали,
Три года лещи
Хорошей воды не пивали,
Три года лещи
Свѣту бѣлаго не видали;
Съ того мы, лещи,
И съ голоду помирали.
Есть ли у него на это дѣло
Книги, отписи и паспорты какіе?»
И думали думу заедино
Щука ярославска,

Другая переславска,
Рыба-сомъ съ большимъ усомъ:
Кого послать ерша позвать?
Менька[1] послать —
У него губы толстыя,
А зубы рѣдкіе,
Рѣчь не умильна, —
Говорить съ ершомъ не сумѣетъ,
Придумала рыба-сомъ
Съ большимъ усомъ:
Послать или нѣтъ за ершомъ гарьюса[2];
У гарьюса губки тоненьки,
Платьецо бѣленько,
Рѣчь московска,
Походка господска.
Дали ему окуня разсыльнымъ,
Карася пятисотскимъ,
Семь молей, поняты́хъ людей.
Взяли ерша,
Сковали, связали
И на судъ представили.
Ершъ предъ судомъ стоитъ
И съ повадкой говоритъ:
«Матушка Бѣлозеръ-Палтосъ-рыба!
Почему меня на судъ повѣщали?»
«Ахъ, ты, ершишко-плутишко,
Худая головишко!
Почему ты разжился и разселился
Въ здѣшнемъ Ростовскомъ озерѣ,
Изогналъ лещовъ,
Ростовскихъ жильцовъ,
Во мхи и болота

---

1) Налима.
2) Харіусъ — родъ лососей.

И пропасти земныя?
Три года лещи
Хлѣба-соли не ѣдали,
Три года лещи
Хорошей воды не пивали,
Три года лещи
Свѣту бѣлаго не видали,
И съ того лещи
Съ голоду помираютъ.
Есть ли у тебя на это дѣло
Книги, отписи и паспорты какіе?»
«Матушка Бѣлозеръ-Палтосъ-рыба!
Въ память или нѣтъ тебѣ пришло:
Когда горѣло наше славное Куб*и*нское озеро,
Тамъ и была у ершишка избишка,
Въ избишкѣ были сѣнишки,
Въ сѣнишкахъ клѣтишко,
Въ клѣтишкѣ ларцышко,
У ларцышка замчишко,
У замчишка ключишко:
Тамъ-то были книги и отписи
И паспорты — и все пригорѣло!
Да не то одно пригорѣло:
Былъ у батюшк*а* дворецъ
На семи верстахъ,
На семи столбахъ,
Подъ полатями бобры,
На полатяхъ ковры —
И то все пригорѣло!»
А рыба-семга позади стояла
И на ерша злымъ голосомъ кричала:
«Ахъ, ты, ершишко-плутишко,
Худая головишко!
Тридцать ты лѣтъ

Подъ порогомъ стоялъ
И сорокъ человѣкъ
Разбою держалъ,
И много головъ погубилъ
И много живота[1] притопилъ!»
И ершу стало азартно;
Какъ съ рыбою-семгою не отговориться?
«Ахъ, ты, рыба-семга, бока твои сальны!
И ты, рыба-сельдь, бока твои кислы!
Васъ ѣдятъ господа и бояр*а*,
Меня мелкая чета крестьян*а* —
Бабы *штей* наварятъ
И блиновъ напекутъ,
Шти хлебаютъ, похваливаютъ:
Рыба костлива, да уха хороша!»
Тутъ ершъ съ семгой отговорился.
Говоритъ Бѣлозеръ-Палтосъ-рыба:
«Окунь-разсыльный,
Карась-пятисотской,
Семь молей, поняты́хъ людей!
Возьмите ерша».
А ершъ никакихъ рыбъ не боится,
Ото всѣхъ рыбъ боронится.
Собрался онъ, ершишко-плутишко,
На свои на ветхія дровнишки
Съ женою и дѣтишкамъ
И поѣзжаетъ въ свое славное
Въ Кубинское озеро.
Рыба-семга хоть на ерша злымъ голосомъ кричала,
Только за ершомъ вслѣдъ подавалась:
«Ахъ, ты, ершишко-плутишко,
Худая головишко!
Возьми ты меня въ свое славное

[1]) Имущества.

Въ Кубинское озеро —
Кубинскаго озера поглядѣть
И Кубинскихъ ста́новъ посмотрѣть».
Ершъ зла и лиха не помнитъ,
Рыбу-семгу за собой поводитъ.
Рыба-семга, идучи, устала,
Въ Кубинскомъ устьѣ вздремала
И мужику въ сѣть попала.
Ершъ назадъ оглянулся,
А самъ усмѣхнулся:
«Слава тебѣ, Господи!
Вчера рыба-семга
На ерша злымъ голосомъ кричала,
А сегодня мужику въ сѣть попала».
Ершъ семгѣ подивовалъ
И самъ на утренней зорѣ вздремалъ,
Мужику въ морду[1] попалъ,
Пришелъ Никонъ,
Заколилъ приколъ[2];
Пришелъ Перша,
Поставилъ вершу;
Пришелъ Богданъ,
И ерша Богъ далъ;
Пришелъ Вавила,—
Поднялъ ерша на вил*а*;
Пришелъ Пименъ,
Ерша запи́нилъ[3];
Пришелъ Обросимъ,
Ерша оземь бросилъ;
Пришелъ Антонъ,

---

1) Морда — рыболовная снасть, состоящая изъ мѣшка, сплетеннаго изъ ивовыхъ прутьевъ.
2) Т.-е. сдѣлалъ заколъ (ѣзъ).
3) Т.-е. запина́лъ.

Завертѣлъ ерша въ балахонъ;
Пришелъ Амосъ,
Ерша въ клѣть понесъ;
Идетъ Спира,
Около ерша стыритъ[1];
Амосъ Спиру
Да по рылу:
«Ахъ, ты, Спира!
Надъ эдакой рыбой стыришь;
У тебя эдака рыба
Вѣкъ въ дому не бывала!»
Пришелъ Вася,
Ерша съ клѣти слясилъ[2];
Пришелъ Петруша,
Ерша разрушилъ[3];
Пришелъ Савва,
Вынялъ съ ерша полтора пуда сала;
Пришелъ Іюда,
Расклалъ ерша на четыре блюда;
Пришла Марина,
Ерша помыла;
Пришла Акулина,
Ерша подварила;
Пришелъ Антипа,
Ерша сти́палъ[4];
Пришелъ Алупа,
Ерша слупалъ;
Пришелъ Елизаръ,
Блюда облизалъ;
Пришелъ Власъ,

[1]) Стырить — дразнить, грубо говорить.
[2]) Стащилъ.
[3]) Разрѣзалъ.
[4]) Укралъ.

Попучилъ глазъ;
Пришла Ненила,
И блюда обмыла!

42
Байка о щукѣ зубастой

Въ ночь на Ивановъ день родиласъ щука въ Шекснѣ, да такая зубастая, что Боже упаси! Лещи, окуни, ерши — всѣ собрались глазѣть на нее и дивовались такому чуду. Вода той порой въ Шекснѣ всколыхалася; шелъ паромъ черезъ рѣку да чуть не затопился, а красныя дѣвки гуляли по берегу да всѣ поразсыпались. Экая щука родилась зубастая! И стала она расти не по днямъ, а по часамъ: что день, то на вершокъ прибавится; и стала щука зубастая въ Шекснѣ похаживать да лещей, окуней полавливать: издали увидитъ леща, да и хвать его зубами — леща какъ не бывало, только косточки хрустятъ на зубахъ у щуки зубастой. Экая оказія случилась въ Шекснѣ! *Ш*то дѣлать лещамъ да окунямъ? Тошно приходитъ: щука всѣхъ пріѣстъ, прикарнаетъ[1]. Собралась вся мелкая рыбица и стали думу думать, какъ перевести щуку зубастую да такую торовастую. На совѣтъ пришелъ и Ершъ Ершовичъ и такъ нáскоро взголцылъ[2]: «Полноте думу думать да голову ломать, полноте мозгъ портить; а вотъ послушайте, что я буду баять. Тошно намъ всѣмъ тепере въ Шекснѣ: щука зубастая проходу не даетъ, всякую рыбу на зубъ беретъ! Не житье намъ въ Шекснѣ: переберемтесь-ка лучше въ мелкія рѣчки жить — въ Сизму, Коному да Славенку; тамъ насъ никто не тронетъ, и будемъ жить припѣваючи да дѣтокъ нажи-

---

[1]) Погубитъ, изведетъ.
[2]) Гóлчить — говорить, кричать.

ваючи». И поднялись всѣ ерши, лещи, окуни изъ Шексны въ мелкія рѣчки Сизму, Коному да Славенку. По дорогѣ, какъ шли, хитрый рыбарь многихъ изъ ихней братьи изловилъ на удочку и сварилъ забубённую ушицу, да тѣмъ, кажись, и заговѣлся. Съ тѣхъ поръ въ Шекснѣ совсѣмъ мало стало мелкой рыбицы. Закинетъ рыбарь удочку въ воду, да ничего не вытащитъ; когда-нѣкогда попадается стерлядка, да тѣмъ и ловлѣ шабашъ! Вотъ вамъ и вся байка о щукѣ зубастой да такой торовастой. Много надѣлала плутовка хлопотъ въ Шекснѣ, да послѣ и сама не сдобровала: какъ не стало мелкой рыбицы, пошла хватать червячковъ и попалась сама на крючокъ. Рыбарь сварилъ уху, хлебалъ да хвалилъ: такая была жирная! Я тамъ былъ, вмѣстѣ уху хлебалъ, по усу текло, въ ротъ не попало.

Записана въ Череповецкомъ у., Новгородской губ., И. Чернышевымъ.

43

Теремъ мухи

Построила муха теремъ; пришла вошь-поползуха: «Кто, кто, кто въ терему? кто, кто, кто въ высокóмъ?» — «Муха-горюха; а ты кто?» — «Я вошь-поползуха». Пришла блоха-попрядуха[1]: «Кто, кто, кто въ терему? кто, кто, кто въ высокóмъ?» — «Я муха-горюха да вошь-поползуха». Пришелъ комаръ долгоногой: «Кто, кто, кто въ терему? кто, кто, кто въ высокóмъ?» — — «Я муха-горюха, я вошь-поползуха, я блоха-попрядуха». Пришла мышечка-тютюрю́шечка: «Кто, кто, кто въ терему? кто, кто, кто въ высокóмъ?» — «Я муха-

[1]) Отъ слова «прядать» — прыгать, скакать.

горюха, я вошь-поползуха, я блоха-попрядуха, я комаръ долгоногой». Пришла ящерка[1]-шерошéрочка: «Кто, кто, кто въ терему? кто, кто, кто въ высокомъ?» — «Я муха-горюха, я вошь-поползуха, я блоха-попрядуха, я комаръ долгоногой, я мышечка-тютюрюшечка». Пришла лиса Патрикѣевна: «Кто, кто, кто въ терему? кто, кто, кто въ высокомъ?» — «Я муха-горюха, я вошь-поползуха, я блоха-попрядуха, я комаръ долгоногой, я мышечка-тютюрю́шечка, я ящерка-шерошéрочка». Пришелъ заюшка изъ-подъ ку́стышка: «Кто, кто, кто въ терему? кто, кто, кто въ высокомъ? — «Я муха-горюха, я вошь-поползуха, я блоха-попрядуха, я комаръ долгоногой, я мышечка-тютюрю́шечка, я ящерка-шерошéрочка, я лиса Патрикѣевна». Пришелъ волчище-сѣрое хвостище: «Кто, кто, кто въ терему? кто, кто, кто въ высоко́мъ?» — «Я муха-горюха, я вошь-поползуха, я блоха-попрядуха, я комаръ долгоногой, я мышечка-тютюрю́шечка, я ящерка-шерошéрочка, я лиса Патрикѣевна, я заюшка изъ-подъ кустышка». Пришелъ медвѣдь толстоногой: «Кто, кто, кто въ терему? кто, кто, кто въ высоко́мъ?» — «Я муха-горюха, я вошь-поползуха, я блоха-попрядуха, я комаръ долгоногой, я мышечка-тютюрю́шечка, я ящерка-шерошéрочка, я лиса Патрикѣевна, я заюшка изъ-подъ ку́стышка, я волчище-сѣрое хвостище»[2]. Всѣ изъ терема: «А ты кто?» — «Я тя́пышъ-ля́пышъ всѣмъ подгнётышъ!» сказалъ медвѣдь, спустилъ лапой по терему и разбилъ его.

Записана въ Архангельской губ. А. Харитоновымъ.

---

[1]) Ящерица.

[2]) Въ другомъ варіантѣ упоминаются: блоха-попрыгуха, слѣпень-жигунъ, лягушка-квакушка, лиса-краса, зайка-поплутайка, собачка-изъ-подъ воротъ гамъ!

44
Мизгирь [1]

Въ стары годы, въ старопрежн*ые*, въ красну вёсну въ тёпл*оя* лѣта сдѣлалась такая соморота[2], въ мірѣ тягота: стали проявляться комары да мошки, людей кусать, гореч*ую* кровь пропускать. Проявился мизгирь, удалой добрый мòлодецъ, сталъ но*ш*ками трясти да мерё*ш*ки[3] плести, ставить на пути на доро*ш*ки, куда летаютъ комары да мошки. Муха грязна, строка[4] некошна[5], полетѣла да чуть не пала да къ мизгирю въ сѣть попала; то её мизгирь сталъ бить да губить, да за горло давить. Муха мизгирю возмолилася: «Батюшко мизгирь! не бей ты меня, не губи ты меня; у меня много будетъ дѣтей сиротать, по дворамъ ходить и собакъ дразнить». То её мизгирь опустилъ: она полетѣла, забунчала[6], извѣстила всѣмъ комарамъ и мошкамъ: «Ой еси вы, комары и мошки! убирайтесь подъ осиново коришшо[7]: проявился мизгирь, сталъ ношками трясти, мерёшки плести, ставить на пути на дорошки, куды летаютъ комары да мошки; всѣхъ изловитъ!» Они полетѣли, забились подъ осиново коришшо, лежатъ яко мертвы. Мизгирь пош*о*лъ, нашолъ сверч*ь*ка, таракана и клопа: «Ты, сверьчокъ, сѣдь на кочокъ испивать табачокъ; а ты, таракан, ударь въ барабанъ; а ты, клопъ-блинникъ, поди подъ осиново коришшо, проложъ про меня мизгиря-борца, добра молодца, такую славу, что мизгиря-борца, добра молодца, вживѣ нѣтъ: въ Казань отослали,

---

[1]) Паукъ.
[2]) Вмѣсто: соромота (срамота).
[3]) Мрежи, сѣти.
[4]) Строка — насѣкомое, похожее на осу.
[5]) Некошной — злой, непріятный.
[6]) Зажужжала.
[7]) Кореньище.

въ Казанѣ голову отсикли на плахѣ и плаху раскололи». Сверьчокъ сѣлъ на кочокъ испивать табачокъ, а тараканъ ударилъ въ барабанъ; клопъ-блинникъ пошолъ подъ осиново коришшо, говоритъ: «Что запали, лежите яко мертвы? Вѣдь мизгиря-борца, добра молодца, вживѣ нѣтъ: въ Казань отослали, въ Казанѣ голову отсикли на плахѣ и плаху раскололи». Они возрадовались и возвеселились, по̀ трою перекрестились, полетѣли, чуть не пали да къ мизгирю всѣ въ сѣть попали. Онъ и говоритъ: «Что вы оч*и*нь мелки! почаще бы ко мнѣ въ гости бывали, пивца-винца испивали и намъ бы подавали!»

Записана въ Пермской губ., Шадринскаго округа, въ заштатномъ городѣ Далматовѣ государственнымъ крестьяниномъ Александромъ Зыряновымъ.

45

Пузырь, соломинка и лапоть

Жили-были пузырь, соломинка и лапоть; пошли они въ лѣсъ дрова рубить, дошли до рѣки, не знаютъ, какъ черезъ рѣку перейти. Лапоть говоритъ пузырю: «Пузырь, давай на тебѣ переплывемъ!» — «Нѣтъ, лапоть! пусть лучше соломинка перетянется съ берега на берегъ, а мы перейдемъ по ней». Соломинка перетянулась; лапоть пошелъ по ней, она и переломилась. Лапоть упалъ въ воду, а пузырь хохоталъ-хохоталъ да и лопнулъ!.

46

Рѣпка

Посѣялъ дѣдко рѣпку; пошелъ рѣпку рвать, захватился за рѣпку: тянетъ-потянетъ, вытянуть не можетъ! Со̀звалъ дѣдко бабку: бабка за дѣдк*а*, дѣдко

за рѣпку, тянутъ-потянутъ, вытянуть не мо*ж*утъ! Пришла внучка: внучка за бабку, бабка за дѣдка, дѣдко за рѣпку, тянутъ-потянутъ, вытянуть не можутъ! Пришла сучка: сучка за внучку, внучка за бабку, бабка за дѣдка, дѣдко за рѣпку, тянутъ-потянутъ, вытянуть не можутъ! Пришла нȍга(?). Нȍга за сучку, сучка за внучку, внучка за бабку, бабка за дѣдка, дѣдко за рѣпку, тянутъ-потянутъ, вытянуть не можутъ! Пришла дрȗга нȍга; дрȗга нȍга за нȍгу, нȍга за сучку, сучка за внучку, внучка за бабку, бабка за дѣдка, дѣдко за рѣпку, тянутъ-потянутъ, вытянуть не можутъ! (и такъ далѣе до пятой нȍги). Пришла пя́та нȍга. Пять ногъ за четыре, четыре ноги за три, три ноги за двѣ, двѣ ноги за нȍгу, нȍга за сучку, сучка за внучку, внучка за бабку, бабка за дѣдка, дѣдко за рѣпку, тянутъ-потянутъ — вытянули рѣпку!

Записана въ Архангельской губ. А. Харитоновымъ.

47

Грибы

Вздумалъ грибъ, разгадалъ боровикъ, подъ дубочкомъ сидючи, на всѣ грибы глядючи, сталъ приказывать: «Приходите вы, бѣлянки, ко мнѣ на войну». Отказалися бѣлянки: «Мы грибовыя дворянки! нейдемъ на войну». — «Приходите, рыжики! ко мнѣ на войну». Отказались рыжикѝ: «Мы богатые мужики! неповинны на войну идти.» — «Приходите вы, волнушки, ко мнѣ на войну». Отказалися волнушки: «Мы господскія стряпушки! нейдемъ на войну». — «Приходите вы, опёнки, ко мнѣ на войну». Отказалися опёнки: «У насъ ноги очень тонки! мы нейдемъ на

войну». — «Приходите, грузди, ко мнѣ на войну». — «Мы грузди — ребятушки дружны, пойдемъ на войну!»

Это было, какъ царь-горохъ воевалъ съ грибами.

Записана въ Оренбургской губ.

48

Морозъ, Солнце и Вѣтеръ

Ишоу разъ собjѣ одзjонъ человjѣкъ и судосйу[1] на дорози Со̀унычко, Морозъ и Вjѣ́цѣръ. Ото жъ-то споткàумшисѣ[2] зъ jими, сказàу вуонъ имъ «похвалjоны»[3]. Комỳ вуонъ оддàу похвалjоны? Сóунычко собjѣ кáжэ — што мнjѣ, кобъ я joĥò нѣ пѣкло; а Морозъ собjѣ кáжэ, што мнjѣ, а не тобjѣ, бо вуонъ цѣбѣ̀ нѣ тàкъ бойцэ, якъ мѣнѝ. «Ото жъ бо лжецѣ! нѣпрàуда! кáже наресьци[4] Вjѣцѣръ: той чоловjѣкъ оддау похвалjòны нѣ вамъ, а мнjѣ». Почалѝ мижи собою ажъ спѣрацисѣ[5], сварѝцисѣ[6] й онòшто[7] за чубы нѣ побралисѣ . . . «Ну колѝ жъ такъ, то спытàймосѣ[8] joĥò, комỳ вуонъ оддàу похвалjоны — мнjѣ, чи вамъ?» Доĥонѝли тоĥò чоловjѣка, спытали; ажъ вуонъ сказау: «Вjѣтреви». — «А што, бачъ[9], нѣ казàу я — што мнjѣ!» — «Постуòй же ты! я цѣбѣ рàкару спѣкỳ![10]

---

1) Повстрѣчался, встрѣтилъ.
2) То же; spotkawszy się.
3) При встрѣчахъ и при входѣ въ чужой домъ крестьяне въ видѣ привѣтствія говорятъ: «Нѣхъ бендзѣ похвалjоны Iезусъ Христусъ!» Другой долженъ отвѣтить: «На вѣки вѣковъ, амэнъ».
4) Наконецъ, польск. nareszcie.
5) Отъ слова: споръ, преніе.
6) Браниться.
7) Чуть-чуть, чуть не.
8) Спросимъ, польск. spytajmy się.
9) Видишь.
10) Сдѣлаю краснымъ какъ ракъ.

ка̀жэ Сло̀нцэ: покјѣмишь[1] ты мѣнѣ». Ажно Вјѣцѣръ ка̀жэ: «Нѣ буось, нѣ спѣчэ: я буду вјѣяци и охолоджаци joho». — «Такъ я жъ цѣбѣ, һйцлю[2], заморожу!» ка̀же Морозъ. «Не лѣкайсѣ[3], нѣбо̀жэ[4]: тоһды я нѣ буду вјѣяци, и вуонъ тобјѣ ничо̀һо нѣ зро̀битъ, — безъ вјѣтру нѣ заморо̀зитъ».

Записана въ западной части Гродненской губ.

49

Солнце, Мѣсяцъ и Воронъ Вороновичъ

Жилъ-былъ старикъ да старуха, у нихъ было три дочери. Старикъ пошелъ въ а*н*баръ крупку брать; взялъ крупку, понёсъ домой, а на мѣшкѣ-то была дырка: крупа-то въ нее сыплется да сыплется. Пришелъ домой. Старуха спра̀шиваетъ: «Гдѣ крупка?» — а крупка вся высыпалась. Пошелъ старикъ собирать и говоритъ: «Какъ бы Солнышко обогрѣло, какъ бы Мѣсяцъ освѣтилъ, какъ бы Воронъ Вороновичъ пособилъ мнѣ крупку собрать: за Солнышк*а* бы отдалъ старшую дочь, за Мѣсяц*а* — среднюю, а за Ворона Вороновича — младшую!» Сталъ старикъ собирать — Солнце обогрѣло, Мѣсяцъ освѣтилъ, а Воронъ Вороновичъ пособилъ крупку собрать. Пришелъ старикъ домой, сказалъ старшей дочери: «Одѣнься хорошенько да выйди на крылечко». Она одѣлась, вышла на крылечко — Солнце и утащило ее. Средней дочери также велѣлъ одѣться хорошенько и выйти на крылечко. Она одѣлась и вышла — Мѣсяцъ схватилъ и утащилъ

---

1) Помянешь ты меня.
2) Hycel — прислужникъ палача, живодеръ.
3) Польск. nie lękaj się.
4) Бѣдняжка, пріятель.

вторую дочь. И меньшой дочери сказалъ: «Одѣнься хорошенько да выйди на крылечко». Она одѣлась и вышла на крылечко; — Воронъ Вороновичъ схватилъ ее и унесъ.

Старикъ и говоритъ: «Идти развѣ въ гости къ зятю». Пошелъ къ Солнышку; вотъ и пришелъ. Солнышко говоритъ: «Чѣмъ тебя по*д*чивать?» — «Я ничего не хочу». Солнышко сказало женѣ, чтобъ настряпала оладьевъ. Вотъ жена настряпала. Солнышко усѣлось середи полу, жена поставила на него сковороду — и оладьи сжарились. Накормили старика. Пришелъ старикъ домой, приказалъ старухѣ состряпать оладьевъ; самъ сѣлъ на полъ и велитъ ставить на себя сковороду съ оладьями. «Чего на тебѣ испекутся!» говоритъ старуха. «Ничего, говоритъ, ставь, испекутся». Она и поставила; сколько оладьи ни стояли, ничего не испеклись, только прокисли. Нечего дѣлать, поставила старуха сковороду въ печь, испеклися оладьи, наѣлся старикъ.

На другой день старикъ пошелъ въ гости къ другому зятю, къ Мѣсяцу. Пришелъ; Мѣсяцъ говоритъ: «Чѣмъ тебя подчивать?» — «Я, отвѣчаетъ старикъ, ничего не хочу». Мѣсяцъ затопилъ про него баню. Старикъ говоритъ: «Тёмно, бывáтъ, въ банѣ-то будетъ!» А Мѣсяцъ ему: «Нѣтъ, свѣтло, ступай». Пошелъ старикъ въ баню, а Мѣсяцъ запихалъ перстикъ свой въ дырочку, и отъ того въ банѣ свѣтло-свѣтло стало. Выпарился старикъ, пришелъ домой и велитъ старухѣ топить баню ночью. Старуха истопила; онъ и посылаетъ ее туда париться. Старуха говоритъ: «Тёмно париться-то!» — «Ступай, свѣтло будетъ!» Пошла старуха, а старикъ видѣлъ-то, какъ свѣтилъ ему Мѣсяцъ, и самъ туда жъ — взялъ прорубилъ дыру въ банѣ и запихалъ въ нее свой перстъ. А въ банѣ свѣту нисколько

нѣтъ. Старуха знай кричитъ ему: «Тёмно!» Дѣлать нечего, пошла она, принесла лучины съ огнемъ и выпарилась.

На третій день старикъ пошелъ къ Ворону Вороновичу. Пришелъ. «Чѣмъ тебя подчивать-то?» спрашиваетъ Воронъ Вороновичъ. «Я, говоритъ старикъ, ничего не хочу». — «Ну, пойдемъ хоть спать на сѣдала». Воронъ поставилъ лѣстницу и полѣзли съ старикомъ. Воронъ Вороновичъ посадилъ его подъ крыло. Какъ старикъ заснулъ, они оба упали и убились.

50

Вѣдьма и Солнцева сестра

Въ нѣкоторомъ царствѣ, далекомъ государствѣ жилъ-былъ царь съ царицей; у нихъ былъ сынъ Иванъ-царевичъ, сроду нѣмой. Было ему лѣтъ двѣнадцать, и пошелъ онъ разъ въ конюшню къ любимому своему конюху. Конюхъ этотъ сказывалъ ему завсегда сказки, и теперь Иванъ-царевичъ пришелъ послушать отъ него сказочки, да не то услышалъ. «Иванъ-царевичъ! сказалъ конюхъ, у твоей матери скоро родится дочь, а тебѣ сестра; будетъ она страшная вѣдьма, съѣстъ и отца, и мать, и всѣхъ подначальныхъ людей; такъ ступай попроси у отца, что̀ ни есть наилучшаго коня — будто кататься и поѣзжай отсюдова, куда глаза глядятт, коли хочешь отъ бѣды избавиться». Иванъ-царевичъ прибѣжалъ къ отцу и сроду вперво̀й заговорилъ съ нимъ; царь такъ этому возрадовался, что не сталъ и спрашивать, зачѣмъ ему добрый конь надобенъ, — тотчасъ приказалъ что̀ ни есть наилучшаго коня изъ своихъ табуновъ осѣдлать для царевича. Иванъ-царевичъ сѣлъ и поѣхалъ, куда глаза глядятъ. Долго-

долго онъ ѣхалъ; наѣзжаетъ на двухъ старыхъ швей и проситъ, чтобъ онѣ взяли его съ собой жить. Старухи сказали: «Мы бы рады тебя взять, Иванъ-царевичъ, да намъ ужъ немного жить. Вотъ доломаемъ сундукъ иголокъ да изошьемъ сундукъ нитокъ — тотчасъ и смерть прійдетъ!» Иванъ-царевичъ заплакалъ и поѣхалъ дальше. Долго-долго ѣхалъ; подъѣзжаетъ къ Вертодубу и проситъ: «Пріими меня къ себѣ!» — «Радъ бы тебя принять, Иванъ-царевичъ, да мнѣ жить остается немного. Вотъ какъ повыдерну всѣ эти дубы съ корнями — тотчасъ и смерть моя!» Пуще прежняго заплакалъ царевичъ и поѣхалъ все дальше да дальше. Подъѣзжаетъ къ Вертогору; сталъ его просить, а онъ отвѣтъ: «Радъ бы принять тебя, Иванъ-царевичъ, да мнѣ самому жить немного. Видишь, поставленъ я горы ворочать: какъ справлюсь съ этими послѣдними — тутъ и смерть моя!» Залился Иванъ-царевичъ горькими слезами и поѣхалъ еще дальше. Долго-долго ѣхалъ; пріѣзжаетъ, наконецъ, къ Солнцевой сестрицѣ. Она его приняла къ себѣ, кормила-поила, какъ за роднымъ сыномъ ходила. Хорошо было жить царевичу; а все нѣтъ-нѣтъ, да и сгрустнётся: захочется узнать, что въ родномъ дому дѣется? Взойдетъ бывало на высокую гору, посмотритъ на свой дворецъ и видитъ, что все съѣдено, только стѣны осталися. Вздохнетъ и заплачетъ. Разъ *э*дакъ посмотрѣлъ да поплакалъ — воротился, а Солнцева сестра спрашиваетъ: «Отчего ты, Иванъ-царевичъ, нонче заплаканн*о*й? Онъ говоритъ: «Вѣтромъ въ глаза надуло». Въ другой разъ опять то же; солнцева сестра взяла да и запретила вѣтру дуть. И въ третій разъ воротился Иванъ-царевичъ заплаканной, да ужъ дѣлать нечего — пришлось во всемъ признаваться, и сталъ онъ просить Солнцеву сестрицу, чтобъ отпустила его, добра мòлодца, на ро-

дину понавѣдаться. Она его не пускаетъ, а онъ ее упрашиваетъ; наконецъ, упросилъ-таки, отпустила его на родину понавѣдаться и дала ему на дорогу щетку, гребенку да два моложавыхъ яблочка: какой бы ни былъ старъ человѣкъ, а съѣстъ яблочко — вмигъ помолодѣетъ. Пріѣхалъ Иванъ-царевичъ къ Вертогору, всего одна гора осталась; онъ взялъ свою щетку и бросилъ во чисто̀ поле: откуда ни взялись — вдругъ выросли изъ земли высокія-высокія горы, верхушками въ небо упираются, и сколько тутъ ихъ — видимо-невидимо! Вертогоръ обрадовался и весело принялся́ за работу. Долго ли, коротко ли — пріѣхалъ Иванъ-царевичъ къ Вертодубу, всего три дуба осталося; онъ взялъ гребенку и кинулъ во чисто̀ поле: откуда что̀ — вдругъ зашумѣли, поднялись изъ земли густые дубовые лѣса, дерево дерева толще! Вертодубъ обрадовался, благодарствовалъ царевичу и пошелъ столѣтніе дубы выворачивать. Долго ли, коротко ли — пріѣхалъ Иванъ-царевичъ къ старухамъ, далъ имъ по яблочку; онѣ съѣли, вмигъ помолодѣли и подарили ему хусточку[1]: какъ махнешь хусточкой — станетъ позади цѣлое озеро. Пріѣзжаетъ Иванъ-царевичъ домой; сестра выбѣжала, встрѣтила его, приголубила: «Сядь, говоритъ, братецъ, поиграй на гусляхъ, а я пойду — обѣдъ приготовлю». Царевичъ сѣлъ брянчить на гусляхъ; выползъ изъ норы мышенокъ и говоритъ ему человѣческимъ голосомъ: «Спасайся, царевичъ, бѣги скорѣе! твоя сестра ушла зубы точить». Иванъ-царевичъ вышелъ изъ горницы, сѣлъ на коня и поскакалъ назадъ; а мышенокъ по струнамъ бѣгаетъ: гусли брянчатъ, а сестра и не вѣдаетъ, что братецъ ушелъ. Наточила зубы, бросилась въ горницу, глядь — нѣтъ ни души, только мышенокъ въ нору скользнулъ. Разозлилась

[1]) Платокъ.

вѣдьма, — такъ и скрипитъ зубами, и пустилась въ погоню. Иванъ-царевичъ услыхалъ шумъ, оглянулся — вотъ-вотъ нагонитъ сестра, махнулъ хусточкой — и стало глубокое озеро. Пока вѣдьма переплыла озеро, Иванъ-царевичъ далеко уѣхалъ. Понеслась она еще быстрѣе... вотъ ужъ близко. Вертодубъ угадалъ, что царевичъ отъ сестры спасается, и давай вырывать дубы да валить на дорогу, — цѣлую гору накидалъ: нѣтъ вѣдьмѣ проходу. Стала она путь прочищать: грызла-грызла, насилу продралась, а Иванъ-царевичъ ужъ далеко. Бросилась догонять, гнала-гнала, — еще немножко — и уйти нельзя. Вертогоръ увидалъ вѣдьму, ухватился за самую высокую гору и повернулъ ее какъ разъ на дорогу, а на ту гору поставилъ другую. Пока вѣдьма карабкалась да лѣзла, Иванъ-царевичъ ѣхалъ да ѣхалъ, и далеко очутился. Перебралась вѣдьма черезъ горы и опять погнала за братомъ... Завидѣла его и говоритъ: «Теперь не уйдешь отъ меня!» Вотъ близко, вотъ нагонитъ! Въ то самое время подскакалъ Иванъ-царевичъ къ теремамъ Солнцевой сестрицы и закричалъ: «Солнце, Солнце! отвори оконце». Солнцева сестрица отворила окно, и царевичъ вскочилъ въ него вмѣстѣ съ конемъ. Вѣдьма стала просить, чтобъ ей выдали брата головою. Солнцева сестра ея не послушала и не выдала. Тогда говоритъ вѣдьма: «Пусть Иванъ-царевичъ идетъ со мной на вѣсы — кто кого перевѣситъ? Если я перевѣшу — такъ я его съѣмъ, а если онъ перевѣситъ — пусть меня убьетъ!» Пошли; сперва сѣлъ на вѣсы Иванъ-царевичъ, а потомъ и вѣдьма полѣзла; только ступила ногой, такъ Ивана-царевича вверхъ и подбросило, да съ такою силою, что онъ прямо попалъ на небо, къ Солнцевой сестрѣ въ терема, а вѣдьма-змѣя осталась на землѣ.

Записана на Украйнѣ.

51
Вазуза и Волга

Волга съ Вазузой долго спорили, кто изъ нихъ умнѣе, сильнѣе и достойнѣе бо̀льшаго почета. Спорили-спорили, другъ друга не переспорили и рѣшились вотъ на какое дѣло. «Давай вмѣстѣ ляжемъ спать, а кто прежде встанетъ и скорѣе придётъ къ морю Хвалынскому, та изъ насъ и умнѣе, и сильнѣе, и почету достойнѣе». Легла Волга спать, легла и Вазуза. Да ночью встала Вазуза потихоньку, убѣжала отъ Волги, выбрала себѣ дорогу и прямѣе и ближе и потекла. Проснувшись, Волга пошла ни тихо, ни скоро, а какъ слѣдуетъ; въ Зубцовѣ догнала Вазузу да такъ грозно, что Вазуза испугалась меньшою сестрою и просила Волгу принять ее къ себѣ на руки и снести въ море Хвалынское. А все-таки Вазуза весною раньше просыпается и будитъ Волгу отъ зимняго сна.

Записана въ Тверской губ.

52
Морозко

(b) У мачехи была падчерица да родная дочка; родная что ни сдѣлаетъ, за все ее гладятъ по головкѣ да приговариваютъ: умница! а падчерица какъ ни угождаетъ — ничѣмъ не угодитъ: все не такъ, все худо. А надо правду сказать, дѣвочка была золото, — въ хорошихъ рукахъ она бы какъ сыръ въ маслѣ купалась, а у мачехи кажный день слезами умывалась. Что дѣлать? Вѣтеръ хоть пошумитъ да затихнетъ, а старая баба расходится — нескоро уймется, все будетъ придумывать да зубы чесать. И придумала мачеха падчерицу со двора согнать: «Вези, вези, старикъ, ее — куда

хочешь, чтобы мои глаза ея не видали, чтобы мои уши о ней не слыхали; да не вози къ роднымъ въ тёплую хату, а во чистò поле на трескунъ морозъ!» Старикъ затужилъ, заплакалъ; однако посадилъ дочку на сани, хотѣлъ прикрыть попонкой — и то побоялся; повезъ бездомную во чистò поле, свалилъ на сугробъ, перекрестилъ, а самъ поскорѣе домой, чтобъ глаза не видали дочерниной смерти.

Осталась бѣдненькая, трясется и тихонько молитву творитъ. Приходитъ Морозъ, попрыгиваетъ, поскакиваетъ, на красную дѣвушку поглядываетъ: «дѣвушка, дѣвушка, я Морозъ-красной носъ!» — «Добро пожаловать, Морозъ; знать Богъ тебя принесъ по мою душу грѣшную». Морозъ хотѣлъ ее туќнуть и заморозить; но полюбились ему ея умныя рѣчи, жаль стало! бросилъ онъ ей шубу. Одѣлась она въ шубу, подожмала ножки, сидитъ. Опять пришелъ Морозъ-красной носъ, попрыгиваетъ, поскакиваетъ, на красную дѣвушку поглядываетъ: «Дѣвушка, дѣвушка, я Морозъ-красной носъ!» — «Добро пожаловать, Морозъ; знать Богъ тебя принесъ по мою душу грѣшную». Морозъ пришелъ совсѣмъ не по душу: онъ принесъ красной дѣвушкѣ сундукъ высокой да тяжелой, полный всякаго приданаго. Усѣлась она въ шубочкѣ, на сундучкѣ, такая веселенькая, такая хорошенькая! Опять пришелъ Морозъ-красной носъ, попрыгиваетъ, поскакиваетъ, на красную дѣвушку поглядываетъ. Она его привѣтила, а онъ ей подарилъ платье шитое и серебромъ и золотомъ. Надѣла она и стала какая красавица, какая нарядница! сидитъ и пѣсенки попѣваетъ. А мачеха по ней поминки справляетъ: напекла блиновъ. «Ступай, мужъ! вези хоронить дочь». Старикъ поѣхалъ. А собачка подъ столомъ: «Тявъ! тявъ! старикову дочь въ златѣ, сѐребрѣ везутъ, а старухину женихи не

берутъ!» — «Молчи, дура! на̀ блинъ, скажи: старухину дочь женихи возьмутъ, а стариковой однѣ косточки привезутъ!» Собачка съѣла блинъ да опять: «Тявъ! тявъ! старикову дочь въ златѣ, въ сѐребрѣ везутъ, а старухину женихи не берутъ!» Старуха и блины давала и била ее, а собачка все свое: «Старикову дочь въ златѣ, въ сѐребрѣ везутъ, а старухину женихи не возьмутъ!»

Скрипнули ворота, растворилися двери, несутъ сундукъ высокой, тяжелой, идетъ падчерица — панья-паньей сіяетъ! Мачеха глянула — и руки врозь! «Старикъ, старикъ, запрягай другихъ лошадей, вези мою дочь поскорѣй! посади на то же поле, на то же мѣсто». Повёзъ старикъ на то же поле, посадилъ на то же мѣсто. Пришелъ и Морозъ-красной носъ, поглядѣлъ на свою гостью, попрыгалъ, поскакалъ, а хорошихъ рѣчей не дождалъ; разсердился, хватилъ ее и убилъ. «Старикъ, ступай мою дочь привези, лихихъ коней запряги, да саней не повали, да сундукъ не оброни!» А собачка подъ столомъ: «Тявъ! тявъ! старикову дочь женихи возьмутъ, а старухиной въ мѣшкѣ косточки везутъ!» — «Не ври! на̀ пирогъ, скажи: старухину въ златѣ, въ сѐребрѣ везутъ!» Растворились ворота, старуха выбѣжала встрѣть дочь, да вмѣсто ея обняла холодное тѣло. Заплакала, заголосила, да поздно!

Записана въ Курской губ.

53

Старуха-говоруха

И день и ночь старуха ворчитъ, — какъ у ней языкъ не заболитъ? а все на падчерицу: и не умна, и не статна! пойдетъ и прійдетъ, станетъ и сядетъ — все не такъ,

невпопадъ! — съ утра до вечера какъ заведенныя гусли. Надоѣла мужу, надоѣла всѣмъ, — хоть со двора бѣ*жи*! Запрёгъ старикъ лошадь, затѣялъ въ городъ просо везть, а старуха кричитъ: «Бери и падчерицу, вези хоть въ темный лѣсъ, хоть на путь на дорогу, только съ моей шеи долой!» Старикъ повёзъ. Дорога дальняя, трудная, всё боръ да болото, гдѣ кинуть дѣвку? Видитъ: стоитъ избушка на курьихъ ножкахъ, пирогомъ подперта, блиномъ накрыта, стои́тъ — перевертывается. Въ избушкѣ, подумалъ, лучше оставить дочь, ссадилъ ее, далъ проса на кашу, ударилъ по лошади и укатилъ изъ виду. Осталась дѣвка одна; натолкла проса, наварила каши много, а ѣсть некому. Пришла ночь длинная, жуткая; спать — бока пролежишь, глядѣть — глаза проглядишь, сло̀ва молвить не съ кѣмъ, — и скучно, и страшно! Стала она на порогъ, отворила дверь въ лѣсъ и зовётъ: «Кто въ лѣсѣ, кто въ тёмномъ — приди ко мнѣ гостевать!» Лѣшій откликнулся, скинулся молодцомъ, новогородскимъ купцомъ, прибѣжалъ и подарочекъ принёсъ. Нынче придетъ — покалякаетъ, завтра придётъ — гостинецъ принесётъ; увадился, наносилъ столько, что дѣвать некуда! А старуха-говоруха и скучила безъ падчерицы: въ избѣ у ней стало тихо, на животѣ тошно, языкъ пересохъ. «Ступай, мужъ, за падчерицей, со дна моря ее достань, изъ огня выхвати! Я стара, я хила, — за мной походить некому». Послушался мужъ; пріѣхала падчерица, да какъ раскрыла сундукъ да развѣсила добро на веревочкѣ отъ избы до воротъ, — старуха было разинула ротъ, хотѣла по-своему встрѣтить, а какъ увидѣла — губки сложила, подъ святые гостью посадила и стала величать ее да приговаривать: чего изволишь, моя сударыня?

Записана въ Курской губ.

54
Дочь и падчерица

Женился мужикъ вдо̀вой съ дочкою на вдовѣ — тоже съ дочкою, и было у нихъ двѣ сводныя дочери. Мачеха была ненавистная; отдыху не даетъ старику: «Вези свою дочь въ лѣсъ, въ землянку: она тамъ больше напрядетъ». Что дѣлать! послушалъ мужикъ бабу, свёзъ дочку въ землянку и далъ ей огнивко, кремѐшикъ, тру́*ду* да мѣшочекъ крупъ и говоритъ: «Вотъ тебѣ огоньку; огонёкъ не переводи, кашку вари, а сама сиди да пряди, да избушку-то припри». Пришла ночь. Дѣвка затопила печурку, заварила кашу; откуда ни возьмись мышка — и говоритъ: «Дѣ́вица, дѣ́вица! дай мнѣ ложечку кашки». — Охъ, моя мышинька! разбай[1] мою скуку; я тебѣ дамъ не одну ложку каши, а и досыта накормлю». Наѣлась мышка и ушла. Ночью вломился медвѣдь: «Ну-ка, дѣ́ушка! говоритъ, туши огни, давай въ жмурку играть». Мышка взбѣжала на плечо дѣ́вицы и шепчетъ на ушко: «Не бойся, дѣвица! скажи давай! а сама туши огонь да подъ печь полѣзай, а я стану бѣгать и въ колокольчикъ звенѣть». Такъ и сталось. Гоняется медвѣдь за мышкою — не поймаетъ; сталъ ревѣть да полѣньями бросать; бросалъ-бросалъ, да не попалъ, усталъ и молвилъ: «Мастерица ты, дѣушка, въ жмурку играть! За то пришлю тебѣ утромъ стадо коней да возъ добра». На утро жена говоритъ: «Поѣзжай, старикъ, провѣдай-ка дочь — что̀ напряла она въ ночь?» Уѣхалъ старикъ, а баба сидитъ да ждётъ: какъ-то онъ дочернія косточки привезётъ! Вотъ собачка: «Тяфъ-тяфъ-тяфъ! съ старикомъ дочка ѣдетъ, стадо коней гонитъ, возъ добра везетъ».

---

[1] Разговори.

— «Врешь, шафурка! это въ кузовѣ кости гремятъ да пограмыхиваютъ». Вотъ вороты заскрипѣли, кони на дворъ вбѣжали, а дочка съ отцомъ сидитъ на возу: полонъ возъ добра! У бабы отъ жадности ажъ глаза горятъ. «Экая важность! кричитъ; повези-ка мою дочь въ лѣсъ на ночь: моя дочь два стада коней пригонитъ, два воза добра притащитъ». Повёзъ мужикъ и бабину дочь въ землянку, и также снарядилъ ее и ѣжою[1] и огнемъ. Объ вечеру заварила она кашу. Вышла мышка и проситъ кашки у Наташки. А Наташка кричитъ: «Ишь, гада какая!» и швырнула на нее ложкой. Мышка убѣжала, а Наташка уписываетъ одна кашу, съѣла, огни позадула и въ углу прикурнула[2]. Пришла полночь — вломился медвѣдь и говоритъ: «Эй, гдѣ ты, дѣушка? Давай-ка въ жмурку поиграемъ». Дѣвица молчитъ, только со страху зубами стучитъ. «А ты вотъ гдѣ! нà колокольчикъ, бѣгай, а я буду ловить». Взяла колокольчикъ, рука дрожитъ, колокольчикъ безперéчь звенитъ, а мышка озывается: «Злой дѣвицѣ живой не быть!» На утро шлётъ баба старика въ лѣсъ: «Ступай! моя дочь два воза привезетъ, два табуна пригонитъ». Мужикъ уѣхалъ, а баба за воротами ждётъ. Вотъ собачка: «Тяфъ-тяфъ-тяфъ! хозяйкина дочь ѣдетъ — въ кузовѣ костьми гремитъ, а старикъ на пустомъ возу сидитъ». — «Врешь ты, шавчонка! моя дочь стадà гонитъ и возы́ везетъ». Глядь — старикъ у воротъ, женѣ кузовъ подастъ; баба кузовокъ открыла, глянула на косточки и завыла да такъ разозлилась, чтò съ горя и злости на другой же день умерла; а старикъ съ дочкою хорошо свой вѣкъ доживалъ и знатнаго зятя къ себѣ въ домъ прималъ.

Записана въ Тульской губ. г. Мясоѣдовымъ.

---

[1]) Ѣдою.
[2]) Прилегла.

55
Кобылячья голова

Якъ бувъ дидъ да баба, да у ихъ було дви дочки́: одна дидова, а друга бабина. У дида була дочка̀ така, що всегда рано уставала да усе робила, а бабиній якъ бы ничо̀го не робить! Ото разъ баба послала ихъ на попряхи: идить же, гово̀рить, да щобъ мини богато напряли. Дидова дочка̀ до свита встала да усе пряла; а бабина зъ вечера тильки якъ попряла трошки, да-й не пряла бильши. Ураньцы, якъ свитъ ставъ, пошли вони до дому; треба имъ було въ одномъ мисти черезъ перелазъ лизти. Бабина дочка́ упередъ перелизла и гово̀рить: «Дай мини, сестрице, твои починки[1]: я подержу, покиль ты перелизишъ». Та јій одала; такъ вона, ихъ забравши, побигла до дому, да-й каже: «Дивись, мамо, скильки я напряла, а сестра якъ легла зъ вечера, дакъ и не уставала до свита!» А та, прійшовши, скильки не божилась, що то јіи починки, дакъ куда — баба и слухать не хотила, одъ того що вона јіи и попереду не любила, да и навьязалась на дида: «Дѣ хочешь, тамъ и динь[2] свою дочку, тильки щобъ вона у мене дурно[3] хлиба не јила!» Отъ дидъ запригъ кобылу да посадывъ дочку на визъ, и самъ сивъ, да и појихали. Јидуть лисомъ, ажъ тамъ стоить хатка на курячій нижки. Дидъ узявъ дочку́ да-й повивъ у хату, а хата була одчи́нина[4], да-й каже: «Оставайся жъ, доню[5], тутъ, а я пиду, дровецъ нарубаю, щобъ було чимъ кашу зварить». Да самъ пишовъ съ хати да-й појихавъ, тильки привьязавъ до оконецы коло-

---

1) Починокъ — пряжа, намотанная на веретено.
2) Дѣвай, дѣнь.
3) Даромъ.
4) Отворена.
5) Дочка.

дочку. Колодочка стукне, а дочка́ и каже: «Се мій батенько дровця рубае!» Коли стукотить, гуркотить[1] кобыляча голова: «Хто въ мојій хати, одчини!» Дивчина встала и одчинила. «Дивчино, дивчино! пересадь черезъ порогъ». Вона пересадила. «Дивчино, дивчино! постили мини постиль». Вона постелила. «Дивчино, дивчино! положи мене на пилъ»[2]. Вона положила. «Дивчино, дивчино! укрій мене». Вона и укрила. «Дивчино, дивчино! улизь же мини у праве ухо, а у ливе вылизь». Вона якъ вылизла изъ ушей, дакъ стала така хоро́ша, що кра̀щой не мае. За́разъ стали и лакеи, и кони, и коляска; вона сила у коляску да-й појихала до батька. Приходить у хату, а батько јіи и не пизнавъ; а посли вона имъ разсказала, що зъ нію було. Отъ баба упять пристала до дида: «Вези и мою дочку́ туда, куда свою возивъ». Дидъ и бабину туда жъ отвизъ и, посадивши у хати, веливъ себе ждать, покиль винъ нарубаетъ дровъ. Тильки та пождала трошки, начала плакать, що сама осталась у лѣсу́; ажъ опять стукотить, гуркотить кобыляча голова: «Хто въ мојій хати, одчини!» — «Не велика пани! и сама одчинишъ», каже дивчина. «Дивчино, дивчино! пересади мене черезъ порогъ». — «Не велика пани! и сама перелизишъ». — «Дивчино, дивчино! постели мини постиль». — «Не велика пани! и сама постилишъ». — «Дивчино, дичвино! положи мене на пилъ». — «Не велика пани! и сама ляжешь». — «Дивчино, дивчино! укрій мене». — «Не велика пани! и сама укріешся». Тогди кобыляча голова схватила и зъјила бабину дочку́, да кисточки въ мѣшочку и повисила, а сама опять ушла. Собачка прибѣжала до баби да начала брехать: «Гавъ, гавъ!

---

1) Кричитъ, шумитъ.

2) Полъ — возвышенный помостъ въ крестьянскихъ избахъ, замѣняющій кровати.

Дидова дочка̀ якъ панночка, а ба́бинои дочки́ у торбинци кисточки!» Що прожене[1] баба јіи, то вона опять и прибижить. Тильки баба и говòрить дидови: «Појидь да подивись, що тамъ изъ мојій дочкòю робиця». Отъ дидъ појихавъ и привизъ у торбици кисточки, дакъ баба росердилась да собачку и убила.

56
Крошечка-Хаврошичка

Вы знаете, что есть на свѣтѣ люди и хорошіе, есть и похуже, есть и такіе, которые Бога не боятся, своего брата не стыдятся; къ такимъ-то и попалась Крошечка-Хаврош*и*чка. Осталась она сиротой маленькой: взяли ее эти люди, выкормили и на свѣтъ Божій не пустили, надъ работою каждый день занудили, заморили: она и подаетъ, и прибираетъ, и за всѣхъ и за все отвѣчаетъ. А были у ея хозяйки три дочери большія. Старшая звалась Одноглазка, средняя — Двуглазка, а меньшая — Триглазка; но онѣ только и знали у воротъ сидѣть, на улицу глядѣть, а Крошечка-Хаврошичка на нихъ работàла, ихъ обшивала, для нихъ и пряла и ткала, а слова добраго никогда не слыхала. Вотъ то-то и больно — ткнуть да толкнуть есть кому, а привѣтить да пріохотить нѣтъ никого! Выдетъ бывало Крошечка-Хаврошичка въ поле, обниметъ свою рябую коровку, ляжетъ къ ней на шейку и разсказываетъ, какъ ей тяжко жить-поживать: «Коровушка-матушка! меня бьютъ, журятъ, хлѣба не даютъ, плакать не велятъ. Къ завтраму дали пять пудовъ напрясть, наткать, побѣлить, въ трубы покатать». А коровушка ей въ отвѣтъ: «Красная дѣвица! влѣзь ко мнѣ въ одно ушко, а въ другое вылѣзь — все будетъ сработано». Такъ

[1]) Прогонитъ.

и сбывалось. Вылѣзетъ красная дѣвица изъ ушка — все готово: и наткано, и побѣлено, и покатано. Отнесетъ къ мачехѣ; та поглядитъ, покряхтитъ, спрячетъ въ сундукъ, а ей еще больше работы задастъ. Хаврошичка опять придетъ къ коровушкѣ, въ одно ушко влѣзетъ, въ другое вылѣзетъ и готовенькое возьметъ-принесетъ. Дивится старуха, зоветъ Одноглазку: «Дочь моя хорошая, дочь моя пригожая! доглядись — кто сиротѣ помогаетъ: и ткётъ, и прядетъ, и въ трубы катаетъ?» Пошла съ сиротой Одноглазка въ лѣсъ, пошла съ нею въ поле; забыла матушкино приказанье, распеклась на солнушкѣ, разлеглась на травушкѣ; а Хаврошичка приговариваетъ: «Спи глазокъ, спи глазокъ!» Глазокъ заснулъ; пока Одноглазка встала, коровушка и наткала и побѣлила. Ничего мачеха не дознагалась, послала Двуглазку. Эта тоже на солнушкѣ распеклась и на травушкѣ разлеглась, матернино приказанье забыла и глазки смежила; а Хаврошичка баюкаетъ: «Спи глазокъ, спи другой!» Коровушка наткала, побѣлила, въ трубы покатала, а Двуглазка все еще спала. Старуха разсердилась, на третій день послала Триглазку, а сиротѣ еще больше работы дала. И Триглазка, какъ ея старшія сестры, попрыгала-попрыгала и на травушку пала. Хаврошичка поетъ: «Спи глазокъ, спи другой!» а о третьемъ забыла. Два глаза заснули, а третій глядитъ и все видитъ, все — какъ красная дѣвица въ одно ушко влѣзла, въ другое вылѣзла и готовые холсты подобрала. Все, что̀ видѣла, Триглазка матери разсказала; старуха обрадовалась, на другой же день пришла къ мужу: «Рѣжь рябую корову!» Старикъ такъ-сякъ: «Что ты, жена, въ умѣ ли? корова молодая, хорошая!» — Рѣжь, да и только! Наточилъ ножикъ . . . Побѣжала Хаврошичка къ коровушкѣ: «Коровушка-матушка! тебя хотятъ рѣ-

зать». — А ты, красная дѣвица, не ѣшь моего мяса; косточки мои собери, въ платочекъ завяжи, въ саду ихъ разсади и никогда меня не забывай — каждое утро водой ихъ поливай». Хаврошичка все сдѣлала, что коровушка завѣщала; голодомъ голодала, мяса ея въ ротъ не брала; косточки каждый день въ саду поливала, и выросла изъ нихъ яблонка, да какая — Боже мой! Яблочки на ней висятъ наливныя, листвицы шумятъ золотые, вѣточки гнутся серебряныя; кто ни ѣдетъ мимо — останавливается, кто проходитъ близко — тотъ заглядывается.

Случилось разъ — дѣвушки гуляли по̀ саду; на ту пору ѣхалъ по̀ полю баринъ — богатый, кудреватый, молоденькой. Увидѣлъ яблочки, затрогалъ дѣвушекъ: «Дѣвицы-красавицы! — говоритъ онъ, — которая изъ васъ мнѣ яблочко поднесетъ, та за меня замужъ пойдетъ». И бросились три сестры одна передъ другой къ яблонкѣ. А яблочки то висѣли низко, подъ руками были, а то вдругъ поднялись высоко-высоко, далеко надъ головами стали. Сестры хотѣли ихъ сбить — листья глаза засыпаютъ, хотѣли сорвать — сучья косы расплетаютъ; какъ ни бились, ни метались — руки изодрали, а достать не могли. Подошла Хаврошичка, и вѣточки приклонились, и яблочки опустились. Баринъ на ней женился, и стала она въ добрѣ поживать, лиха не знавать.

Записана въ Курской губ.

57

Буренушка

Не въ какомъ царствѣ, не въ какомъ государствѣ былъ-жилъ царь съ царицею, и была у нихъ одна дочь Марья-царевна. А какъ умерла царица, то царь взялъ другую жену Ягишну. У Ягишны родилось двѣ дочери:

одна — двоеглазая, а другая — троеглазая. Мачеха не залюбила Марьи-царевны, послала ее пасти коровушку-бурёнушку и дала ей сухую краюшку хлѣбца. Царевна пошла въ чистое поле, въ праву ножку бурёнушкѣ поклонилась — напилась-наѣлась, хорошо срядилась; за коровушкой-бурёнушкой цѣлой день ходитъ какъ барыня. День прошелъ, она опять поклонилась ей въ правую ножку, разрядилась, пришла домой и краюшку хлѣба назадъ принесла, на столъ положила. «Чѣмъ сука жива живетъ?» думаетъ Ягишна; на другой день дала Марьѣ-царевнѣ ту же самую краюшку и посылаетъ съ нею свою бо̀льшую дочь: «Присмотри: чѣмъ Марья-царевна питается?» Пришли въ чистое поле; говоритъ Марья-царевна: «Дай, сестрица, я поищу у тебя въ головкѣ». Стала искать, а сама приговариваетъ: «Спи-спи, сестрица! спи-спи, родима! спи-спи, глазокъ! спи-спи, другой!» Сестрица заснула, а Марья-царевна встала, подошла къ коровушкѣ-бурёнушкѣ, въ правую ножку поклонилась, напилась-наѣлась, хорошо срядилась и ходитъ весь день какъ барыня. Пришелъ вечеръ; Марья-царевна разрядилась и говоритъ: «(В)ставай, сестрица! ставай, родима, пойдемъ домой». — «Охти мнѣ! взгоревалась сестрица: я весь день проспала, ничего не видѣла; теперь мати забранитъ меня!» Пришли домой; спрашиваетъ ее мати: «Что пила, что ѣла Марья-царевна?» — «Я ничего не видѣла». Ягишна заругалась на нее; поутру стаетъ, посылаетъ троеглазую дочерь: «Поди-ко, говоритъ, погляди, что она, сука, ѣсъ и пьетъ?» Пришли дѣвицы въ чистое поле бурёнушку пасти; говоритъ Марья-царевна: «Сестрица, дай я тебѣ въ головкѣ поищу». — «Поищи, сестрица! поищи родима!» Марья-царевна стала искать да приговаривать: «Спи-спи, сестрица! спи-спи, родима! спи-спи, глазокъ!

спи-спи, другой!» А про третій глазокъ позабыла; третій глазокъ глядитъ да глядитъ, что робитъ Марья-царевна. Она подбѣжала къ бурёнушкѣ, въ правую ножку поклонилась, напилась-наѣлась, хорошо срядилась; стало солнушко садиться, — она опять поклонилась бурёнушкѣ, разрядилась — и ну будитъ троеглазую: «(В)ставай, сестрица! ставай, родима! пойдемъ домой». Пришла Марья-царевна домой, сухую краюшку на столъ положила. Стала мати спрашивать у своей дочери: «Что она пьетъ и ѣсъ?» Троеглазая все и разсказала. Ягишна приказываетъ; «Рѣжь, старикъ, коровушку-бурёнушку». Старикъ зарѣзалъ; Марья-царевна проситъ: «Дай, дѣдушко родимой, хоть гузённую кишочку мнѣ». Бросилъ старикъ ей гузённую кишочку; она взяла посадила ее къвереѣ — выросъ ракитовъ кустъ, на немъ красуются сладкія ягодки, на немъ сидятъ разныя пташечки да поютъ пѣсни царскія и крестьянскія. Прослышалъ Иванъ-царевичъ про Марью-царевну, пришелъ къ ея мачехѣ, положилъ блюдо на столъ: «Которая дѣвица нарветъ мнѣ полно блюдо ягодокъ, ту за себя замужъ возьму». Ягишна послала свою бо̀льщую дочерь ягодъ брать; птички ее и близко не подпускаютъ, того и смотри — глаза выклюютъ; послала другую дочерь — и той не дали. Выпустила, наконецъ, Марью-царевну; Марья-царевна взяла блюдо и пошла ягодокъ брать; она беретъ, а мелкія пташечки вдвое да втрое на блюдо кладутъ; пришла, поставила на столъ и царевичу поклонъ отдала. Тутъ веселымъ пиркомъ да за свадебку; взялъ Иванъ-царевичъ за себя Марью-царевну, и стали себѣ жить-поживать, добра наживать.

Долго ли, коротко ли жили, родила Марья-царевна сына. Захотѣлось ей отца навѣстить; поѣхала съ мужемъ къ отцу въ гости. Мачеха обворотила ее

гусынею; а свою бо̀льшую дочь срядила Ивану-царевичу въ жены. Воротился Иванъ-царевичъ домой. Старичокъ-пѣстунъ (в)стаетъ поутру ранёхонько, умывается бѣлёхонько, взялъ младенца на̀ руки и пошелъ въ чистое поле къ кусточку. Летятъ гуси, летятъ сѣрые. «Гуси вы мои, гуси сѣрые! гдѣ вы младёнаго матерь видали?» — «Въ другомъ стадѣ». Летитъ другое стадо. «Гуси вы мои, гуси сѣрые! гдѣ вы младёнаго матерь видали?» Младёнаго матерь на землю скочила, кожухъ сдернула, другой сдернула, взяла младенца на̀ руки, стала грудью кормить, сама плачетъ: «Сегодня покормлю, завтра покормлю, а послѣ завтра улечу за темные лѣса, за высокія горы!» Старичокъ пошелъ домой; паренёкъ спитъ до утра̀ безъ разбуду, а подмѣнённая жена бранится, что старичокъ въ чистое поле ходитъ, всего сына заморилъ! Поутру старичокъ опять стаетъ ранёхонько, умывается бѣлёхонько, идетъ съ ребенкомъ въ чистое поле; и Иванъ-царевичъ всталъ, пошелъ невидимо за старичкомъ и забрался въ кустъ. Летятъ гуси, летятъ сѣрые. Старичокъ окликиваетъ: «Гуси вы мои, гуси сѣрые! гдѣ младёнаго матку видали?» — «Въ другомъ стадѣ». Летитъ другое стадо. «Гуси вы мои, гуси сѣрые! гдѣ вы младёнаго матерь видали?» Младенаго матерь на землю скочила, кожу сдернула, другую сдернула, бросила за кустъ и стала младёнаго грудью кормить, стала прощаться съ нимъ: «Завтра улечу за темные лѣса за высокія горы!» Отдала младенца старику: «Что, говоритъ, смородомъ пахнетъ?» Хотѣла было̀ надѣвать кожи, хватилась — нѣтъ ничего: Иванъ-царевичъ спалилъ. Захватилъ онъ Марью-царевну; она обвернулась скакухой[1], пото̀мъ ящерицей и всякой гадиной, а послѣ всего веретёшечкомъ[2]. Иванъ

---

[1]) Лягушкой.
[2]) Веретеномъ.

царевичъ переломилъ веретёшко нàдвое, пятку назадъ бросилъ, носокъ передъ себя — стáла передъ нимъ молодая молодица. Пошли они вмѣстѣ домой. А дочь Ягишны кричитъ-реветъ: «Разорительница идетъ! погубительница идетъ!» Иванъ-царевичъ собралъ князей и бояръ, спрашиваетъ: «Съ которой женой поволите жить?» Они сказали: «Съ первой». — «Ну, господа! которая жена скорѣе на ворота скочитъ, съ той и жить стану». Дочь Ягишны сейчасъ на ворота взлѣзла, а Марья-царевна только чапается[1], а вверхъ не лѣзетъ. Тутъ Иванъ-царевичъ взялъ свое ружье и застрѣлилъ подмѣнённую жену, а съ Марьей-царевной сталъ по старому жить-поживать, добра наживать.

Записана въ Архангельской губ.

58

Баба-яга

(а) Жили-были мужъ съ женой и прижили дочку; жена-то и помри. Мужикъ женился на другой и отъ этой прижилъ дочь. Вотъ жена и не взлюбила падчерицу; нѣтъ житья сиротѣ. Думалъ-думалъ нашъ мужикъ и повезъ свою дочь въ лѣсъ. Ѣдетъ лѣсомъ — глядитъ: стоитъ избушка на курьихъ ножкахъ. Вотъ и говоритъ мужикъ: «Избушка, избушка! стань къ лѣсу задомъ, а ко мнѣ передомъ». Избушка и поворотилась. Идетъ мужикъ въ избушку, а въ ней баба-яга: впереди голова, въ одномъ углу нога, въ другомъ другая. «Русскимъ духомъ пахнетъ!» говоритъ яга. Мужикъ кланяется: «Баба-яга, костяная нога! я тебѣ дочку привезъ въ услуженье». — «Ну, хорошо! служи, служи мнѣ, говоритъ яга дѣвушкѣ: я тебя за это награжу». Отецъ простился и поѣхалъ домой.

[1]) Цѣпляется.

А баба-яга задала дѣвушкѣ пряжи съ коробъ, печку истопить, всего припасти, а сама ушла. Вотъ дѣвушка хлопочетъ у печи, а сама горько плачетъ. Выбѣжали мышки и говорятъ ей: «Дѣвица, дѣвица! что ты плаешь? дай кашки, мы тебѣ добренько скажемъ». Она дала имъ кашки. «А вотъ, говорятъ, ты на всякое веретёнцо по ниточкѣ напряди». Пришла баба-яга: «Ну, что, говоритъ, все ли ты припасла?» А у дѣвушки все готово. «Ну, топерь поди вымой меня въ банѣ». Похвалила яга дѣвушку и надавала ей разной сряды[1]. Опять яга ушла и еще труднѣе задала задачу. Дѣвушка опять плачетъ. Выбѣгаютъ мышки: «Что ты, говорятъ, дѣвица красная, плачешь? дай кашки; мы тебѣ добренько скажемъ». Она дала имъ кашки, а онѣ опять научили ее, что и какъ сдѣлать. Баба-яга опять, пришёдчи, ее похвалила и еще больше дала сряды . . . А мачеха посылаетъ мужа провѣдать, жива ли его дочь? Поѣхалъ мужикъ; пріѣзжаетъ и видитъ, что дочь богатая-пребогатая стала. Яги не было дома; онъ и взялъ ее съ собой. Подъѣзжаютъ они къ своей деревнѣ, а дома собачка такъ и рвется: «Хамъ-хамъ-хамъ! барыню везутъ, барыню везутъ!» Мачеха выбѣжала да скалкой собачку: «Врешь, говоритъ, скажи: въ коробѣ косточки гремятъ!» А собачка все свое. Пріѣхали. Мачеха такъ и гонитъ мужа и ея дочь туда же отвезти. Отвезъ мужикъ.

Вотъ баба-яга задала ей работы, а сама ушла. Дѣвка такъ и рвется съ досады и плачетъ. Выбѣгаютъ мыши: «Дѣвица, дѣвица! о чемъ, ты, говорятъ, плачешь?» А она не дала имъ выговорить, то тоё скалкой, то другую; съ ними и провозилась, а дѣла-то не придѣлала. Яга пришла, разсердилась. Въ другой разъ опять то же; яга изломала ее да косточки въ коробъ

[1]) Сряда — нарядное платье.

и склала. Вотъ мать посылаетъ мужа за дочерью. Пріѣхалъ отецъ и повезъ однѣ косточки. Подъѣзжаетъ къ деревнѣ, а собачка опять лаетъ на крылечкѣ: «Хамъ-хамъ-хамъ! въ коробѣ косточки везутъ!» Мачеха бѣжитъ со скалкой: «Врешь, говоритъ, скажи: барыню везутъ!» А собачка все свое: «Хамъ-хамъ-хамъ! въ коробѣ косточки гремятъ!» Пріѣхалъ мужъ; тутъ-то жена взвыла. Вотъ тебѣ, сказка, а мнѣ кринка масла.

Записана въ Переяславль-Залѣсскомъ у. Н. Бодровымъ.

(b) Жили себѣ дѣдъ да баба; дѣдъ овдовѣлъ и женился на другой женѣ, а отъ первой жены осталась у него дѣвочка. Злая мачеха ее не полюбила, била ее и думала, какъ бы вовсе ее извести. Разъ отецъ уѣхалъ куда-то, мачеха и говоритъ дѣвочкѣ: «Поди къ своей теткѣ, моей сестрѣ, попроси у нея иголочку и ниточку — тебѣ рубашку сшить». А тетка эта была баба-яга, костяная нога. Вотъ дѣвочка не была глупа, да зашла прежде къ своей родной теткѣ. «Здравствуй, тетушка!» — «Здравствуй, родимая! зачѣмъ пришла?» — «Матушка послала къ своей сестрѣ попросить иголочку и ниточку — мнѣ рубашку сшить». Та ее и научаетъ: «Тамъ тебя, племянушка, будетъ березка въ глаза стегать — ты ее ленточкой перевяжи; тамъ тебѣ ворота будутъ скрипѣть и хлопать — ты подлей имъ подъ пяточки маслица; тамъ тебя собаки будутъ рвать — ты имъ хлѣбца брось; тамъ тебѣ котъ будетъ глаза драть — ты ему ве(т)чины дай». Пошла дѣвочка; вотъ идетъ, идетъ и пришла.

Стоитъ хатка, а въ ней сидитъ баба-яга, костяная нога, и ткётъ. «Здравствуй, тетушка!» — «Здравствуй, родимая!» — «Меня матушка послала попросить у тебя иголочку и ниточку — мнѣ рубашку сшить». — «Хорошо; садись покуда ткать». Вотъ дѣвочка

сѣла за краснà, а баба-яга вышла и говоритъ своей работницѣ: «Ступай, истопи баню да вымой племянницу, да смотри хорошенько: я хочу ею позавтракать». Дѣвочка сидитъ ни жива ни мертва, вся перепуганная, и проситъ она работницу: «Родимая моя! ты не столько дрова поджигай, сколько водой заливай, рѣшетомъ воду носи» — и дала ей платочекъ. Баба-яга дожидается; подошла она къ окну и спрашиваетъ: «Ткёшь ли, племянушка, ткёшь ли, милая?» — «Тку, тетушка! тку, милая!» Баба-яга и отошла, а дѣвочка дала коту вечинки и спрашиваетъ: «Нельзя ли какъ-нибудь уйти отсюдова?» — «Вотъ тебѣ гребешокъ и полотенце, говоритъ котъ, возьми ихъ и убѣ*жи*; за тобою будетъ гнаться баба-яга, ты преклони ухо къ землѣ, и какъ заслышишь, что она близко, брось сперва полотенце — сдѣлается широкая-широкая рѣка; если жъ баба-яга перейдетъ черезъ рѣку и станетъ догонять тебя, ты опять преклони ухо къ землѣ, и какъ услышишь, что она близко, брось гребешокъ — сдѣлается дремучій-дремучій лѣсъ: сквозь него она ужъ не проберется!»

Дѣвочка взяла полотенце и гребешокъ и побѣжала; собаки хотѣли ее рвать — она бросила имъ хлѣбца, и онѣ ее пропустили; ворота хотѣли захлопнуться — она подлила имъ подъ пяточки маслица, и они ее пропустили; березка хотѣла ей глаза выстегать — она ее ленточкой перевязала, и та ее пропустила, А котъ сѣлъ за краснà и ткётъ: не столько наткалъ, сколько напуталъ. Баба-яга подошла къ окну и спрашиваетъ: «Ткёшь ли, племянушка, ткёшь ли, милая?» — «Тку, тетка! тку, милая!» отвѣчаетъ грубо котъ. Баба-яга бросилась въ хатку, увидѣла, что дѣвочка ушла, и давай бить кота и ругать, зачѣмъ не выцарапалъ дѣвочкѣ глаза. «Я тебѣ сколько служу, говоритъ котъ,

ты мнѣ косточки не дала, а она мнѣ вечинки дала». Баба-яга накинулась на собакъ, на ворота, на березку и на работницу, давай всѣхъ ругать и колотить. Собаки говорятъ ей: «Мы тебѣ сколько служимъ, ты намъ горѣлой корочки не бросила, а она намъ хлѣбца дала». Ворота говорятъ: «Мы тебѣ сколько служимъ, ты намъ водицы подъ пяточки не подлила, а она намъ маслица подлила». Березка говоритъ: «Я тебѣ сколько служу, ты меня ниточкой не перевязала, а она меня ленточкой перевязала». Работница говоритъ: «Я тебѣ сколько служу, ты мнѣ тряпочки не подарила, а она мнѣ платочекъ подарила».

Баба-яга, костяная нога, поскорѣй сѣла на ступу, толкачомъ погоняетъ, помеломъ слѣдъ заметаетъ — и пустилась въ погоню за дѣвочкой. Вотъ дѣвочка приклонила ухо къ землѣ и слышитъ, что баба-яга гонится и ужъ близко, взяла да-й бросила полотенце: сдѣлалась рѣка такая широкая-широкая! Баба-яга пріѣхала къ рѣкѣ и отъ злости зубами заскрипѣла, воротилась домой, взяла своихъ быковъ и пригнала къ рѣкѣ; быки выпили всю рѣку дòчиста. Баба-яга пустилась опять въ погоню. Дѣвочка приклонила ухо къ землѣ и слышитъ, что баба-яга близко, бросила гребешокъ: сдѣлался лѣсъ такой дремучій да страшный! Баба-яга стала его грызть, но сколь ни старалась — не могла прогрызть и воротилась назадъ.

А дѣдъ уже пріѣхалъ домой и спрашиваетъ: «Гдѣ же моя дочка?» — «Она пошла къ тетушкѣ», говоритъ мачеха. Немного погодя и дѣвочка прибѣжала домой; «Гдѣ ты была?» спрашиваетъ отецъ. «Ахъ, батюшка! говоритъ она, такъ и такъ: — меня матушка посылала къ теткѣ попросить иголочку съ ниточкой — мнѣ рубашку сшить, а тетка — баба-яга, меня съѣсть хотѣла». — «Какъ же ты ушла, дочка?» Такъ и такъ, раз-

сказываетъ дѣвочка. Дѣдъ, какъ узналъ все это, разсердился на жену и разстрѣл*илъ* ее; а самъ съ дочкою сталъ жить да поживать, да добра наживать; и я тамъ былъ, медъ-пиво пилъ: по усамъ текло, въ ротъ не попало.

Записана въ Бобровскомъ у., Воронежской губ.

59
Василиса Прекрасная

Въ нѣкоторомъ царствѣ жилъ-былъ купецъ. Двѣнадцать лѣтъ жилъ онъ въ супружествѣ и прижилъ только одну дочь Василису Прекрасную. Когда мать скончалась, дѣвочкѣ было восемь лѣтъ. Умирая, купчиха призвала къ себѣ дочку, вынула изъ-подъ одѣяла куклу, отдала ей и сказала: «Слушай, Василисушка! помни и исполни послѣднія мои слова́. Я умираю и вмѣстѣ съ родительскимъ благословеніемъ оставляю тебѣ вотъ эту куклу; береги ее всегда при себѣ и никому не показывай; а когда приключится тебѣ какое горе, дай ей поѣсть и спроси у нея совѣта. Покушаетъ она — и скажетъ тебѣ, чѣмъ помочь несчастью». Затѣмъ мать поцѣловала дочку и померла.

Послѣ смерти жены купецъ потужилъ, какъ слѣдовало, а потомъ сталъ думать, какъ бы опять жениться. Онъ былъ человѣкъ хорошій; за невѣстами дѣло не стало, но больше всѣхъ по нраву пришлась ему одна вдовушка. Она была уже въ лѣтахъ, имѣла своихъ двухъ дочерей, почти однолѣтокъ Василисѣ, — стало быть и хозяйка и мать опытная. Купецъ женился на вдовушкѣ, но обманулся и не нашелъ въ ней доброй матери для своей Василисы. Василиса была первая на все село красавица; мачеха и сестры завидовали ея красотѣ, мучили ее всевозможными работами, чтобъ

она отъ трудовъ похудѣла, а отъ вѣтру и солнца почернѣла, — совсѣмъ житья не было! Василиса все переносила безропотно и съ каждымъ днемъ все хорошѣла и полнѣла, а между тѣмъ мачеха съ дочками своими худѣла и дурнѣла отъ злости, несмотря на то, что онѣ всегда сидѣли сложа руки, какъ барыни. Какъ же это такъ дѣлалось? Василисѣ помогала ея куколка. Безъ этого гдѣ бы дѣвочкѣ сладить со всею работою! Зато Василиса сама, бывало, не съѣстъ, а ужъ куколкѣ оставитъ самый лакомый кусочекъ, и вечеромъ, какъ всѣ улягутся, она запрется въ чуланчикѣ, гдѣ жила, и потчеваетъ ее, приговаривая: «На, куколка, покушай, моего горя послушай! Живу я въ домѣ у батюшки, не вижу себѣ никакой радости: злая мачеха гонитъ меня съ бѣлаго свѣта. Научи ты меня: какъ мнѣ быть и жить и что дѣлать?» Куколка покушаетъ, да потомъ и даетъ ей совѣты и утѣшаетъ въ горѣ, а на утро всякую работу справляетъ за Василису; та только отдыхаетъ въ холодочкѣ да рвётъ цвѣточки, а у нея ужъ и гряды выполоты, и капуста полита, и вода наношена, и печь вытоплена. Куколка еще укажетъ Василисѣ и травку отъ загару. Хорошо было ей жить съ куколкой.

Прошло нѣсколько лѣтъ; Василиса выросла и стала невѣстой. Всѣ женихи въ городѣ присватываются къ Василисѣ, — на мачехиныхъ дочерей никто и не посмотритъ. Мачеха злится пуще прежняго и всѣмъ женихамъ отвѣчаетъ: «Не выдамъ меньшой прежде старшихъ!» а проводя жениховъ, побоями вымещаетъ зло на Василисѣ.

Вотъ однажды купцу понадобилось уѣхать изъ дому на долгое время по торговымъ дѣламъ. Мачеха и перешла на житье въ другой домъ; а возлѣ этого дома былъ дремучій лѣсъ, а въ лѣсу на полянѣ стояла

избушка, а въ избушкѣ жила баба-яга; никого она къ себѣ не подпускала и ѣла людей какъ цыплятъ. Перебравшись на новоселье, купчиха то-и-дѣло посылала за чѣмъ-нибудь въ лѣсъ ненавистную ей Василису; но эта завсегда возвращалась домой благополучно: куколка указывала ей дорогу и не подпускала къ избушкѣ бабы-яги.

Пришла осень. Мачеха раздала всѣмъ тремъ дѣвушкамъ вечернія работы: одну заставила кружева плести, другую чулки вязать, а Василису прясть — и всѣмъ по урокамъ. Погасила огонь во всемъ домѣ, оставила только одну свѣчку тамъ, гдѣ работали дѣвушки, а сама легла спать. Дѣвушки работали. Вотъ нагорѣло на свѣчкѣ; одна изъ мачехиныхъ дочерей взяла щипцы, чтобъ поправить свѣтильню, да вмѣсто того, по приказу матери, какъ будто нечаянно и потушила свѣчку. «Что теперь намъ дѣлать? говорили дѣвушки: огня нѣтъ въ цѣломъ домѣ, а уроки наши не кончены. Надо сбѣгать за огнемъ къ бабѣ-ягѣ!» — «Мнѣ отъ булавокъ свѣтло! сказала та, что плела кружево: я не пойду!» — «И я не пойду, сказала та, что вязала чулокъ: мнѣ отъ спицъ свѣтло!» «Тебѣ за огнемъ идти, закричали обѣ; ступай къ бабѣ-ягѣ!» — и вытолкали Василису изъ горницы. Василиса пошла въ свой чуланчикъ, поставила передъ куклою приготовленный ужинъ и сказала: «На, куколка, покушай да моего горя послушай: меня посылаютъ за огнемъ къ бабѣ-ягѣ; баба-яга съѣстъ меня!» Куколка поѣла и глаза ея заблестѣли какъ двѣ свѣчки. «Не бойся, Василисушка! сказала она, ступай, куда посылаютъ; только меня держи всегда при себѣ. При мнѣ ничего не станется съ тобой у бабы-яги». Василиса собралась, положила куколку свою въ карманъ и, перекрестившись, пошла въ дремучій лѣсъ.

Идетъ она и дрожитъ. Вдругъ скачетъ мимо нея всадникъ: самъ бѣлый, одѣтъ въ бѣломъ, конь подъ нимъ бѣлой и сбруя на конѣ бѣлая, — на дворѣ стало разсвѣтать.

Идетъ она дальше, какъ скачетъ другой всадникъ: самъ красный, одѣтъ въ красномъ и на красномъ конѣ, — стало всходить солнце.

Василиса прошла всю ночь и весь день, только къ слѣдующему вечеру вышла на полянку, гдѣ стояла избушка яги-бабы: заборъ вокругъ избы изъ человѣческихъ костей, на заборѣ торчатъ черепа людскіе съ глазами; вмѣсто верей у воротъ — нòги человѣчьи, вмѣсто запоровъ — руки, вмѣсто замкà — ротъ съ острыми зубами. Василиса обомлѣла отъ ужаса и стала какъ вкопанная. Вдругъ ѣдетъ опять всадникъ: самъ черный, одѣтъ во всемъ черномъ и на черномъ конѣ; подскакалъ къ воротамъ бабы-яги и исчезъ, какъ сквозь землю провалился, — настала ночь. Но темнота продолжалась недолго; у всѣхъ череповъ на заборѣ засвѣтились глаза и на всей полянѣ стало свѣтло, какъ середи дня. Василиса дрожала со страху, но, не зная куда бѣжать, оставалась на мѣстѣ.

Скоро послышался въ лѣсу страшной шумъ: деревья трещали, сухіе листья хрустѣли; выѣхала изъ лѣсу яга-баба — въ ступѣ ѣдетъ, пестомъ погоняетъ, помеломъ слѣдъ заметаетъ. Подъѣхала къ воротамъ, остановилась и, обнюхавъ вокругъ себя, закричала: «Фу-фу! русскимъ духомъ пахнетъ! кто здѣсь?» Василиса подошла къ старухѣ со страхомъ и, низко поклонясь, сказала: «Это я, бабушка! Мачехины дочери прислали меня за огнемъ къ тебѣ». — «Хорошо, сказала яга-баба, знаю я ихъ, поживи ты напередъ да поработай у меня, тогда и дамъ тебѣ огня; а коли нѣтъ, такъ я тебя съѣмъ!» Потомъ обратилась къ воротамъ и вскрикнула: «Эй,

запоры мои крѣпкіе, отомкнитесь; ворота мои широкія, отворитесь!» Ворота отворились, и баба-яга въѣхала посвистывая, за нею вошла Василиса, а потомъ опять все заперлось. Войдя въ горницу, баба-яга растянулась и говоритъ Василисѣ: «Подавай-ка сюда, что̀ тамъ есть въ печи: я ѣсть хочу». Василиса зажгла лучину отъ тѣхъ череповъ, что̀ на заборѣ, и начала таскать изъ печки да подавать ягѣ кушанье, а кушанья настряпано было человѣкъ на десять; изъ погреба принесла она квасу, меду, пива и вина. Все съѣла, все выпила старуха; Василисѣ оставила только щецъ немножко, краюшку хлѣба да кусочекъ поросятины. Стала яга-баба спать ложиться и говоритъ: «Когда завтра я уѣду, ты смотри — дворъ вычисти, избу вымети, обѣдъ состряпай, бѣлье приготовь, да пойди въ закромъ, возьми четверть пшеницы и очисти ее отъ чернушки[1]. Да чтобъ все было сдѣлано, а не то — съѣмъ тебя!» Послѣ такого наказу баба-яга захрапѣла; а Василиса поставила старухины объѣдки передъ куклою, залилась слезами и говорила: «На, куколка, покушай, моего горя послушай! тяжелую дала мнѣ яга-баба работу и грозится съѣсть меня, коли всего не исполню; помоги мнѣ!» Кукла отвѣтила: «Не бойся, Василиса Прекрасная! поужинай, помолися да спать ложися: утро мудренѣй вечера!»

Ранёшенько проснулась Василиса, а баба-яга уже встала, выглянула въ окно: у череповъ глаза потухаютъ; вотъ мелькнулъ бѣлой всадникъ — и совсѣмъ разсвѣло. Баба-яга вышла на дворъ, свистнула — передъ ней явилась ступа съ пестомъ и помеломъ. Промелькнулъ красный всадникъ — взошло солнце. Баба-яга сѣла въ ступу и выѣхала со двора, пестомъ погоняетъ, помеломъ слѣдъ заметаетъ. Осталась Василиса одна,

[1]) Чернуха — ягель, родъ полевого дикаго гороха.

осмотрѣла домъ бабы-яги, подивилась изобилью во всемъ и остановилась въ раздумьѣ: за какую работу ей прежде всего приняться. Глядитъ, а вся работа уже сдѣлана; куколка выбирала изъ пшеницы послѣднія зерна чернушки. «Ахъ ты, избавительница моя! сказала Василиса куколкѣ: ты отъ бѣды меня спасла». — «Тебѣ осталось только обѣдъ состряпать, отвѣчала куколка, влѣзая въ карманъ Василисы; состряпай съ Богомъ, да и отдыхай на здоровье!» Къ вечеру Василиса собрала на столъ и ждетъ бабу-ягу. Начало смеркаться, мелькнулъ за воротами черный всадникъ — и совсѣмъ стемнѣло; только свѣтились глаза у череповъ. Затрещали деревья, захрустѣли листья — ѣдетъ баба-яга. Василиса встрѣтила ее. «Все ли сдѣлано?» спрашиваетъ яга. — «Изволь посмотрѣть сама, бабушка!» молвила Василиса. Баба-яга все осмотрѣла, подосадовала, что не за что разсердиться, и сказала: «Ну, хорошо!» Потомъ крикнула: «Вѣрные мои слуги, сердечные други, смелите мою пшеницу!» Явились три пары рукъ, схватили пшеницу и унесли вонъ изъ глазъ. Баба-яга наѣлась, стала ложиться спать и опять дала приказъ Василисѣ: «Завтра сдѣлай ты то же, что̀ и нынче, да сверхъ того возьми изъ закрома макъ да очисти его отъ земли, по зернышку; вишь кто-то по злобѣ земли въ него намѣшалъ!» Сказала старуха, повернулась къ стѣнѣ и захрапѣла, а Василиса принялась кормить свою куколку. Куколка поѣла и сказала ей по-вчерашнему: «Молись Богу да ложись спать; утро вечера мудренѣе, — все будетъ сдѣлано, Василисушка!»

На утро баба-яга опять уѣхала въ ступѣ со двора, а Василиса съ куколкой всю работу тотчасъ исправили. Старуха воротилась, оглядѣла все и крикнула: «Вѣрные мои слуги, сердечные други, выжмите изъ мака масло!»

Явились три пары рукъ, схватили макъ и унесли изъ глазъ. Баба-яга сѣла обѣдать; она ѣстъ, а Василиса стоитъ молча. «Что жъ ты ничего не говоришь со мною? сказала баба-яга: стоишь какъ нѣмая!» — «Не смѣла, отвѣчала Василиса, а если позволишь, то мнѣ хотѣлось бы спросить тебя кой о чемъ». «Спрашивай; только не всякій вопросъ къ добру ведетъ: много будешь знать, скоро состарѣешься!» — «Я хочу спросить тебя, бабушка, только о томъ, что видѣла: когда я шла къ тебѣ, меня обогналъ всадникъ на бѣломъ конѣ, самъ бѣлый и въ бѣлой одеждѣ; кто онъ такой?» — «Это день мой ясный!» отвѣчала баба-яга. — «Потомъ обогналъ меня другой всадникъ на красномъ конѣ, самъ красный и весь въ красномъ одѣтъ; это кто такой?» — «Это мое солнышко красное!» отвѣчала баба-яга. — «А что значитъ черный всадникъ, который обогналъ меня у самыхъ твоихъ воротъ, бабушка?» — «Это ночь моя темная — всё мои слуги вѣрные!» Василиса вспомнила о трехъ парахъ рукъ и молчала. «Что жъ ты еще не спрашиваешь?» молвила баба-яга. «Будетъ съ меня и этого; сама жъ ты, бабушка, сказала, что много узнаешь — состарѣешься!» — «Хорошо, сказала баба-яга, что ты спрашиваешь только о томъ, что видѣла за дворомъ, а не во дворѣ: я не люблю, чтобъ у меня соръ изъ избы выносили, и слишкомъ любопытныхъ ѣмъ! Теперь я тебя спрошу: какъ успѣваешь ты исполнять работу, которую я задаю тебѣ?» — «Мнѣ помогаетъ благословеніе моей матери», отвѣчала Василиса. — «Такъ вотъ что! Убирайся же ты отъ меня, благословенная дочка! Не нужно мнѣ благословенныхъ!» Вытащила она Василису изъ горницы и вытолкала за ворота, сняла съ забора одинъ черепъ съ горящими глазами и, наткнувъ на палку, отдала ей и сказала: «Вотъ тебѣ огонь для мачехиныхъ

дочекъ, возьми его; онѣ вѣдь за этимъ тебя сюда и прислали».

Бѣгомъ пустилась домой Василиса, при свѣтѣ черепа, который погасъ только съ наступленіемъ утра, и, наконецъ, къ вечеру другого дня добралась до своего дома. Подходя къ воротамъ, она хотѣла было бросить черепъ; вѣрно, дома, думаетъ себѣ, ужъ больше въ огнѣ не нуждаются. Но вдругъ послышался глухой голосъ изъ черепа: «Не бросай меня, неси къ мачехѣ!» Она взглянула на домъ мачехи и не видя ни въ одномъ окнѣ огонька, рѣшилась идти туда съ черепомъ. Впервые встрѣтили ее ласково и разсказали, что съ той поры, какъ она ушла, у нихъ не было въ домѣ огня: сами высѣчь никакъ не могли, а который огонь приносили отъ сосѣдей, — тотъ погасалъ, какъ только входили съ нимъ въ горницу. «Авось твой огонь будетъ держаться!» сказала мачеха. Внесли черепъ въ горницу, а глаза изъ черепа такъ и глядятъ на мачеху и ея дочерей, такъ и жгутъ! Тѣ было прятаться, но куда не бросятся — глаза всюду за ними такъ и слѣдятъ; къ утру совсѣмъ сожгло ихъ въ уголь, одной Василисы не тронуло.

Поутру Василиса зарыла черепъ въ землю, заперла домъ на замòкъ, пошла въ городъ и попросилась на житье къ одной безродной старушкѣ; живетъ себѣ и поджидаетъ отца. Вотъ какъ-то говоритъ она старушкѣ: «Скучно мнѣ сидѣть безъ дѣла, бабушка! Сходи, купи мнѣ льну самаго лучшаго; я хоть прясть буду». Старушка купила льну хорошаго; Василиса сѣла за дѣло: работа такъ и горитъ у нея, и пряжа выходитъ ровная да тонкая, какъ волосокъ. Набралось пряжи много; пора бы и за тканьё приниматься, да такихъ бердъ не найдутъ, чтобы годились на Василисину пряжу, — никто не берется и сдѣлать-то. Василиса

стала просить свою куколку, та и говоритъ: «Принеси-ка мнѣ какое-нибудь старое бердо да старой челнокъ да лошадиной гривы: я все тебѣ смастерю». Василиса добыла все, что надо, и легла спать, а кукла за̀ ночь приготовила славный станъ. Къ концу зимы и полотно выткано, да такое тонкое, что сквозь иглу вмѣсто нитки продѣть можно. Весною полотно выбѣлили, и Василиса говоритъ старухѣ: «Продай, бабушка, это полотно, а деньги возьми себѣ». Старуха взглянула на товаръ и ахнула: «Нѣтъ, дитятко! такого полотна, кромѣ царя, носить некому; понесу во дворецъ». Пошла старуха къ царскимъ палатамъ, да все мимо оконъ похаживаетъ. Царь увидалъ и спросилъ: «Что тебѣ, старушка, надобно?» — «Ваше царское величество, отвѣчаетъ старуха, я принесла диковинный товаръ; никому, окромѣ тебя показать не хочу. Царь приказалъ впустить къ себѣ старуху, и какъ увидѣлъ полотно — вздивовался. «Что хочешь за него?» спросилъ царь. «Ему цѣны нѣтъ, царь-батюшка! я тебѣ въ даръ его принесла.» Поблагодарилъ царь и отпустилъ старуху съ подарками.

Стали царю изъ того полотна сорочки шить; вскроили, да нигдѣ не могли найти швеи, которая взялась бы ихъ работать. Долго искали; наконецъ царь позвалъ старуху и сказалъ: «Умѣла ты напрясть и соткать такое полотно, умѣй изъ него и сорочки сшить». — «Не я, государь, пряла и соткала полотно, сказала старуха: это работа пріемыша моего — дѣвушки». «Ну, такъ пусть и сошьетъ она!» Воротилась старушка домой и разсказала обо всемъ Василисѣ. «Я знала, говоритъ ей Василиса, что эта работа моихъ рукъ не минуетъ». Заперлась въ свою горницу, принялась за работу; шила она не покладываючи рукъ, и скоро дюжина сорочекъ была готова. Старуха понесла къ

царю сорочки, а Василиса умылась, причесалась, одѣлась и сѣла подъ окномъ. Сидитъ себѣ и ждетъ, что будетъ. Видитъ: на дворъ къ старухѣ идетъ царскій слуга; вошелъ въ горницу и говоритъ: «Царь-государь хочетъ видѣть искусницу, что̀ работала ему сорочки, и наградить ее изъ своихъ царскихъ рукъ». Пошла Василиса и явилась предъ очи царскія. Какъ увидѣлъ царь Василису Прекрасную, такъ и влюбился въ нее безъ памяти. «Нѣтъ, говоритъ онъ, красавица моя! не разстанусь я съ тобою: ты будешь моей женою». Тутъ взялъ царь Василису за бѣлыя руки, посадилъ ее подлѣ себя, а тамъ и свадебку сыграли. Скоро воротился и отецъ Василисы, порадовался объ ея судьбѣ и остался жить при дочери. Старушку Василиса взяла къ себѣ, а куколку по конецъ жизни своей всегда носила въ карманѣ.

60
Баба-яга и Заморышекъ

Жилъ-былъ старикъ да старуха; дѣтей у нихъ не было. Ужъ чего они ни дѣлали, какъ ни молились Богу, а старуха все не рожала. Разъ пошелъ старикъ въ лѣсъ за грибами; попадается ему доро̀гою старый дѣдъ. «Я знаю, говоритъ, что у тебя на мысляхъ; ты все о дѣтяхъ думаешь. Поди-ка по деревнѣ, собери съ каждаго двора по яичку и посади на тѣ яйца клушку[1]; что будетъ — самъ увидишь!» Старикъ воротился въ деревню; въ ихней деревнѣ былъ сорокъ одинъ дворъ; вотъ онъ обошелъ всѣ дворы, собралъ съ каждаго по яичку и посадилъ клушку на сорокъ одно яйцо. Прошло двѣ недѣли, смотритъ старикъ, смотритъ и старуха — а изъ тѣхъ яичекъ народились мальчики:

[1]) Насѣдку.

сорокъ крѣпкихъ, здоровенькихъ, а одинъ не удался — хилъ да слабъ! Сталъ старикъ давать мальчикамъ имена; всѣмъ далъ, а послѣднему не достало имени. «Ну, говоритъ, будь же ты Заморышекъ!» Растутъ у старика со старухою дѣтки, растутъ не по днямъ, а по часамъ; выросли и стали работа̀ть, отцу съ матерью помогать: сорокъ мо̀лодцевъ въ полѣ возятся, а Заморышекъ до̀ма управляется. Пришло время сѣнокосное; братья траву косили, стога ставили, поработали съ недѣлю и вернулись на деревню; поѣли что̀ Богъ послалъ и легли спать. Старикъ смотритъ и говоритъ: «Молодо-зелено! ѣдятъ много, спятъ крѣпко, а дѣла поди ничего не сдѣлали!» — «А ты прежде посмотри, батюшка!» отзывается Заморышекъ. Старикъ снарядился и поѣхалъ въ луга; глянулъ — сорокъ стоговъ смѣтано: «Ай да молодцы ребята! сколько за одну недѣлю накосили и въ стога смета̇ли». На другой день старикъ опять собрался въ луга: захотѣлось на свое добро полюбоваться; пріѣхалъ — а одного стога какъ не бывало! Воротился домой и говоритъ: «Ахъ, дѣтки! вѣдь одинъ стогъ-т*а* пропалъ». — «Ничего, батюшка! отвѣчаетъ Заморышекъ, мы этого вора поймаемъ; дай-ка мнѣ сто рублевъ, а ужъ я дѣло сдѣлаю. Взялъ у отца сто рублевъ и пошелъ къ кузнецу: «Можешь ли сковать мнѣ такую цѣпь, чтобъ хватило съ ногъ до головы обвить человѣка?» — «Отчего не сковать!» — «Смотри же, дѣлай покрѣпче; коли цѣпь выдержитъ — сто рублевъ плачу́, а коли лопнетъ — пропалъ твой трудъ!» Кузнецъ сковалъ желѣзную цѣпь; Заморышекъ обвилъ ее вокругъ себя, потянулъ — она и лопнула. Кузнецъ вдвое крѣпче сдѣлалъ; ну, та годилась. Заморышекъ взялъ эту цѣпь, заплатилъ сто рублевъ и пошелъ сѣно караулить; сѣлъ подъ стогъ и дожидается. Вотъ въ самую полуночь поднялась погода,

всколыхалось море — и выходитъ изъ морской глубины чудная кобылица, подбѣжала къ первому стогу и принялась пожирать сѣно. Заморышекъ подскочилъ, оброталъ ее желѣзной цѣпью и сѣлъ верхомъ. Стала его кобылица мыкать, по доламъ по горамъ носить; нѣтъ, не въ силахъ сѣдока сбить! Остановилась она и говоритъ ему: «Ну, добрый мòлодецъ! когда сумѣлъ ты усидѣть на мнѣ, то возьми-владѣй моими жеребятами». Побѣжала кобылица къ синю морю и громко заржала; тутъ синё море всколыхалось и вышли нà берегъ сорокъ одинъ жеребецъ: конь коня лучше! весь свѣтъ изойди, нигдѣ такихъ не найдешь! Утромъ слышитъ старикъ на дворѣ ржанье, топотъ; что такое? а это его сынокъ Заморышекъ цѣлой табунъ пригналъ. «Здорово, говоритъ, братцы! теперь у всѣхъ у насъ по коню есть; поѣдемте невѣстъ себѣ искать». — «Поѣдемъ!» Отецъ съ матерью благословили ихъ, и поѣхали братья въ путь-дорогу далёкую. Долго они ѣздили по бѣлому свѣту, да гдѣ столько невѣстъ найти? Порознь жениться не хочется, чтобъ никому обидно не было; а какая мать похвалится, что у ней какъ разъ сорокъ одна дочь народилась? Заѣхали мòлодцы за тридевять земель; смотрятъ: на крутой горѣ стоятъ бѣлокаменныя палаты, высокой стѣной обведены, у воротъ желѣзные столбы поставлены. Сосчитали — сорокъ одинъ столбъ. Вотъ они привязали къ тѣмъ столбамъ своихъ богатырскихъ коней и идутъ на дворъ. Встрѣчаетъ ихъ баба-яга: «Ахъ вы, незваные-непрошеные! какъ вы смѣли лошадей безъ спросу привязывать?» — «Ну, старая! чего кричишь? ты прежде напой-накорми, въ баню своди, да послѣ про вѣсти и спрашивай». Баба-яга накормила ихъ, напоила, въ баню сводила, стала спрашивать: «Что, добрые мòлодцы! дѣла пытаете иль отъ дѣла лытаете?» — «Дѣла

пытаемъ, бабушка!» — «Чего жъ вамъ надобно? — «Да невѣстъ ищемъ». — «У меня есть дочери», говоритъ баба-яга, бросилась въ высокіе терема и вывела сорокъ одну дѣвицу. Тутъ они сосватались, начали пить, гулять, свадьбы справлять. Вечеромъ пошелъ Заморышекъ на своего коня посмотрѣть. Увидалъ его добрый конь и промолвилъ человѣческимъ голосомъ: «Смотри, хозяинъ! какъ ляжете вы спать съ молодыми женами, нарядите ихъ въ свои платья, а на себя надѣньте женины, не то всѣ пропадемъ!» Заморышекъ сказалъ это братьямъ; нарядили они молодыхъ женъ въ свои платья, а сами одѣлись въ женины, и легли спать. Всѣ заснули, только Заморышекъ глазъ не смыкаетъ. Въ самую полуночь закричала баба-яга зычнымъ голосомъ: «Эй вы, слуги мои вѣрные! рубите незванымъ гостямъ буйны головы». Прибѣжали слуги вѣрные и отрубили буйны головы дочерямъ бабы-яги. Заморышекъ разбудилъ своихъ братьевъ и разсказалъ все, что было; взяли они отрубленныя головы, воткнули на желѣзныя спицы кругомъ стѣны́, потомъ осѣдлали коней и поѣхали на́скоро. Поутру встала баба-яга, глянула въ окошечко — кругомъ стѣны́ торчатъ на спицахъ дочернія головы; страшно она озлобилась, приказала подать свой огненный щитъ, поскакала въ погоню и начала палить щитомъ на всѣ на четыре стороны. Куда мо̀лодцамъ спрятаться? Впереди синё море, позади баба-яга — и жжетъ и палитъ! Помирать бы всѣмъ, да Заморышекъ догадливъ былъ: не забылъ онъ захватить у бабы-яги платочекъ; махнулъ тѣмъ платочкомъ передъ собою — и вдругъ перекинулся мостъ черезъ все синё море; переѣхали добрые мо̀лодцы на другую сторону. Заморышекъ махнулъ платочкомъ въ иную сторону — мостъ исчезъ, баба-яга воротилась назадъ, а братья домой поѣхали.

61
Баба-яга и жихарь

(а) Жилъ котъ, воробей да жихарько[1] третей. Котъ да воробей пошли дрова рубить и говорятъ жихарьку: «Домовничей, да смотри: ежели придётъ яга-баба да станетъ считать лошки, ты ничево не говори, молчи!» — «Ладно», отвѣтилъ жихарь. Котъ да воробей ушли, а жихарь сѣлъ на печь за трубу. Вдрукъ являтся яга-баба, берётъ лошки и считатъ: «Это — котова лошка, это — воробьёва лошка, третья — жихарькова». Жихарь не мокъ стерпѣть, закричалъ: «Не тронь, яга-баба, мою лошку!» Яга-баба схватила жихаря, сяла въ ступу, поѣхала; ѣдетъ въ ступѣ, пестомъ понужатъ[2], а помеломъ слѣды заметатъ. Жихарь заревѣлъ: «Котъ, бѣги! воробей, лети!» Тѣ услышали, прибѣжали. Котъ началъ сарапать ягу-бабу, а воробей клевать; отняли жихаря. На другой день стали опеть собиратся въ лѣсъ дрова рубить, заказываютъ жихарю: «Смотри, ежели будетъ яга-баба, ничево не говори; мы теперь далёко уйдемъ». Жихарь только сялъ за трубу на печь, яга-баба опеть явилась, начала считать лошки: «Это — котова лошка, это воробьёва лошка, это — жихарькова». Жихарько не мокъ утерпѣть, заревѣлъ: «Не тронь, яга-баба, мою лошку!» Яга-баба схватила жихаря, потащила, а жихарь ревêтъ: «Котъ, бѣги! воробей лети!» Тѣ услышали, прибѣжали: котъ сарапать, воробей клевать ягу-бабу! отняли жихаря, ушли домой.

На третей день собрались въ лѣсъ, дрова рубить, говорятъ жихарю: «Смотри, ежели придётъ яга-баба — молчи: мы теперь далёко уйдемъ». Котъ да воробей

---

[1]) Жихарь — лихой, удалой, смѣлый молодецъ.
[2]) Погоняетъ.

ушли, а жихарь третей усялся за трубу на печь; вдрукъ опеть яга-баба берётъ лошки и считатъ: «Это — котова лошка, это — воробьёва лошка, третья — жихарькова. Жихарь молчитъ. Яга-баба вдругоредь считатъ: «Это — котова лошка, это — воробьёва, это — жихарькова». Жихарь молчитъ. Яга-баба въ третей разъ считатъ: «Это — котова лошка, это — воробьёва лошка, третья — жихарькова». Жихарько не мокъ стерпѣть, забазлалъ[1]: «Не тронь, курка, мою лошку!» Яга-баба схватила жихаря, потащила. Жихарь кричитъ: «Котъ, бѣги! воробей, лети!» Братья *ево* не слышатъ. Прита*шш*ила яга-баба жихаря домой, посадила въ голбецъ[2], сама затопила печку, говоритъ большой дочер*ѣ*: «Дѣвка! я пойду въ Русь; ты изжарь къ обѣду мнѣ жихарька». — «Ладно!» та говоритъ. Печка истопилась, дѣвка велитъ выходить жихарю. Жихарь выш*о*лъ. «Ложись на ла̀тку[3]» говоритъ опеть дѣвка. Жихарь лёкъ, уставилъ одну ногу въ потолокъ, другу́ въ наволокъ[4]. Дѣвка говоритъ: «Не такъ, не такъ!» Жихарь баётъ: «А какъ? ну-ко поучи». Дѣвка легла въ ла̀тку. Жихарь не оробѣлъ, схватилъ ухватъ, да и пехнулъ въ печь ла̀тку съ ягишниной дочерью, самъ уш*о*лъ опеть въ голбецъ, сидитъ — дожидается ягой-бабы. Вдрукъ яга-баба прибѣжала и говоритъ: «Покататся было, поваляйся было на жихарьковыхъ косточкахъ!» А жихарь ей въ отвѣтъ: «Покатайся, поваляйся на дочерниныхъ косточкахъ!» Яга-баба спохватилась, посмотрѣла: дочь её изжарена, и заревѣла: «А! ты, мошенникъ, постой! не увернёшся!» Приказыватъ середней дочерѣ из-

[1]) Базлать — громко кричать.

[2]) Деревянная придѣлка къ печи, подъ которою дѣлается ходъ въ подполье.

[3]) Ла́тка — глиняная сковорода.

[4]) Полъ.

жарить жихарька, сама уѣхала. Середня дочь истопила печку, велитъ выходить жихарьку. Жихарь вышолъ, лёкъ въ ла́тку, одну ногу уставилъ въ потолокъ, другу̀ въ наволокъ. Дѣвка говоритъ: «Не такъ! не такъ!» — «А поучи: какъ?» Дѣвка легла въ ла́тку. Жихарь взялъ да и пехнулъ ее въ печь, самъ ушолъ въ голбецъ, сидитъ тамъ. Вдрукъ яга-баба: «Покатался было, повалятся было на жихарьковыхъ косточкахъ!» Онъ въ отвѣтъ: «Поваляйся, покатайся на дочерниныхъ косточкахъ!» Ягишна взбѣсилась: «Э, постой! говоритъ, не увернёшся!» Приказыватъ молодой дочерѣ изжарить ево. Не тутъ-то было: жихарь и эту изжарилъ! Яга-баба пуше разсердилась: «Погоди, говоритъ, у меня не увернёшся!» Истопила печь, кричитъ: «Выходи, жихарько! ложись вотъ на ла́тку». Жихарь лёкъ, уставилъ одну ногу въ потолокъ, другу̀ въ наволокъ, не уходитъ въ цело[1]. Яга-баба говоритъ: «Не такъ! не такъ!» А жихарь будто не знатъ: «Я, говоритъ, не знаю, поучи сама!» Яга-баба тотчасъ поджалась и легла въ ла́тку. Жихарь не оробѣлъ, взялъ ее да и пехнулъ въ печь; самъ ступай домой, прибѣжалъ, сказыватъ братьямъ: «Вотъ чево я сдѣлалъ съ ягой-бабой!»

Записана въ Пермской губ., въ Шадринскомъ округѣ, государственнымъ крестьяниномъ А. Зыряновымъ.

(b) Въ одной семьѣ было три брата; бо́льшаго прозывали Бараномъ, середняго Козломъ, а меньшого звали Чуфиль-Филюшка[2]. Вотъ однажды всѣ они трое пошли въ лѣсъ, а въ лѣсу жилъ караульщикомъ родной ихъ дѣдушка. У этого дѣдушки Баранъ да

[1]) Чело̀ — верхняя часть русской печи.

[2]) Приставка: «Чуфиль, Чуфилюшка» объясняется любимою русскимъ простолюдиномъ игрою словъ.

Козёлъ оставили своего родного брата Чуфиль-Филюшку, а сами пошли въ лѣсъ на охоту. Филюшкѣ была и воля и доля: дѣдушка былъ старъ и большой недогадъ, а Филюшка тароватъ. Захотѣлось ему съѣсть яблочко; онъ отвернулся[1] отъ дѣдушки да въ садъ и залѣзъ на яблонь. Вдругъ откуда не взялась ягабура въ желѣзной ступѣ, съ пихтилемъ[2] въ рукѣ; прискакала къ яблонѣ и сказала: «Здорово, Филюшка! зачѣмъ туда залѣзъ?» — «Да вотъ яблочко сорвать», сказалъ Филюшка. «На-ка, родимой, тебѣ моего яблочка». — «Это гнилое», сказалъ Филюшка. «На́ вотъ другое!» — «А это червивое». — «Ну, будетъ тебѣ дурачиться, Филюшка! а ты вотъ возьми-ка у меня яблочко-то изъ ручки въ ручку». Онъ протянулъ руку. Яга-бура какъ схватитъ его, посадила въ ступу и поскакала по кустамъ, по лѣсамъ, по оврагамъ, борзо погоняетъ ступу пихтилемъ. Тутъ Филюшка, опомнившись, началъ кричать: «Козёлъ, Баранъ! бѣжите скорѣй! меня яга утащила за тѣ горы за крутыя, за тѣ лѣса за тёмные, за тѣ степи за гусиновыя». Козёлъ и Баранъ отдыхали тогда; одинъ (изъ нихъ) лежалъ на землѣ; вотъ ему и слышится — кричитъ кто-то. «Прислонись-ка ты къ землѣ!» говоритъ лежачій сидячему». — «Ой, это кричитъ нашъ Филюшка!» Пустились они бѣжать, бѣжали-бѣжали и догнали ягубуру, отбили Филюшку и привезли къ дѣдушкѣ, а дѣдушка съ ума по нёмъ сошолъ! Вотъ приказали они дѣдушкѣ смотрѣть за Филюшкой, а сами ушли. Филюшка по прежней уловкѣ опять залѣзъ на яблонь; только залѣзъ, а яга-бура опять передъ нимъ и даётъ ему яблочко. «Нѣтъ, не обманешь меня, здодѣйка!»

[1]) Увернулся.

[3]) Пихтиль — пестъ, толкачъ, которымъ толкутъ ленъ и коноплю.

сказалъ Филюшка. — «Да ты, Филюшка, хоть поймай у меня яблочко: я тебѣ брошу». — «Хорошо, кидай!» Яга нарочно кинула ему яблочко пониже; онъ потянулся за яблочкомъ, хотѣлъ было схватить — вдругъ хвать его за̀ руку яга-бура и помчала безъ памяти опять по горамъ, по доламъ и по тёмнымъ лѣсамъ, притащила его въ свой домъ, вымыла, выхолила и посадила въ коникъ.

Вотъ поутру собирается яга идти въ лѣсъ и приказываетъ своей дочери: «Ну, дочка моя! истопи печь жарко-на̀жарко и зажарь мнѣ Чуфиль-Филюшку къ ужоткому!»[1] а сама ушла на добычу. Дочь истопила жарко печку, взяла-связала Филюшку и положила на лопату, и только хочетъ пихнуть его въ печку — онъ упрётъ да и упрётъ въ чело ногами. «Ты не такъ, Филюшка!» сказала дочь яги-бурой. — «Да какъ же? говоритъ Филюшка, я не умѣю». — «Вотъ какъ, пусти-ка, я тебя научу!» — и легла на лопату, какъ надо, а Чуфиль-Филюшка былъ малой не промахъ, какъ вдругъ сунетъ ее въ печь и закрылъ заслономъ крѣпко-на̀крѣпко. Прошло не больше какъ часа два-три, Филюшка учуялъ, что запахло жаренымъ, отслонилъ заслонку и вынулъ дочь яги-бурой изжаренную, помазалъ ее масломъ, прикрылъ на сковородѣ полотенцемъ и положилъ въ коникъ; а самъ ушелъ на потолокъ да взялъ съ собой буднишной пихтиль и ступу ягибурой. Вотъ передъ вечеромъ приходитъ яга-бура, прямо сунулась въ коникъ и вытащила жаркое; поѣла все, собрала всѣ кости, разложила ихъ на землѣ рядомъ и начала по нимъ кататься, а про дочь и не встрянётся[2] — думаетъ, что она въ другой избѣ шерсть прядётъ. Вотъ яга, катаючись, приговариваетъ: «Любезная

[1]) Ужотко — послѣдующее, наступающее время.

[2]) Встрянуться — спохватиться.

моя дочь! выйди ко мнѣ и покатайся со мною на Филюшкиныхъ косточкахъ!» А Филюшка съ потолка кричитъ: «Покатайся, мать, поваляйся, мать, на дочерниныхъ косточкахъ!» — «А! ты тамъ, разбойникъ? постой же я тебѣ задамъ!» — заскрипѣла зубами, застучала ногами и лѣзетъ на потолокъ. Чуфилюшка не испугался, схватилъ пихтиль и со всего маху ударилъ ее пò лбу: яга лишь брыкнула пàземь. Тутъ Филюшка залѣзъ на крышу: увидалъ, что летятъ гуси, онъ и кричитъ имъ: «Дайте мнѣ по пёрушку, я сдѣлаю себѣ крылушки». Они дали ему по пёрушку, онъ и полетѣлъ домой. А дома его ужъ давнымъ-давно за упокой поминаютъ; потомъ, какъ увидали его, всѣ несказанно обрадовались, и вмѣсто упокойной затѣяли превеселую гульбу и стали себѣ жить-поживать да больше добра наживать.

Записана въ Тамбовской губ.

62

Ивашко и вѣдьма

Жилъ себѣ дѣдъ да баба, у нихъ былъ одинъ сыночекъ Ивашечко; они его такъ-то ужъ любили, что и сказать нельзя! Вотъ проситъ Ивашечко у отца и матери: «Пустите меня, я поѣду рыбку ловить». — «Куда тебѣ! ты еще малъ, пожалуй, утонешь, чего добраго!» — «Нѣтъ, не утону; я буду вамъ рыбку ловить; пустите!» Баба надѣла на него бѣлую рубашечку, краснымъ поясомъ подпоясала и отпустила Ивашечка. Вотъ онъ сѣлъ въ лодку и говоритъ:

Чòвникъ, чòвникъ, плыви дальшенько!
Чòвникъ, чòвникъ, плыви дальшенько!

Челнокъ поплылъ далеко-далеко, а Ивашко сталъ ловить рыбку. Прошло мало ли, много ли времени, притащилась баба на берегъ и зоветъ своего сына:

Ивашечко, Ивашечко, мой сыночекъ!
Приплынь, приплынь на бережочекъ:
Я тебѣ ѣсть и пить принесла.

А Ивашко говоритъ:

Чо̀вникъ, чо̀вникъ, плыви къ бережку:
То меня матинька зоветъ.

Челнокъ приплылъ къ бережку; баба забрала рыбу, накормила-напоила своего сына, перемѣнила ему рубашечку и поясокъ и отпустила опять ловить рыбку. Вотъ онъ сѣлъ въ лодочку и говоритъ:

Чо̀вникъ, чо̀вникъ, плыви дальшенько!
Чо̀вникъ, чо̀вникъ, плыви дальшенько!

Челнокъ поплылъ далеко-далеко а Ивашко сталъ ловить рыбку. Прошло мало ли, много ли времени, притащился дѣдъ на берегъ и зоветъ сынка:

Ивашечко, Ивашечко, мой сыночекъ!
Приплынь, приплынь на бережочекъ:
Я тебѣ ѣсть и пить принесъ.

А Ивашко:

Чо̀вникъ, чо̀вникъ, плыви къ бережку;
То меня батинька зоветъ.

Челнокъ приплылъ къ бережку; дѣдъ забралъ рыбу, накормилъ-напоилъ сынка, перемѣнилъ ему рубашечку и поясокъ и отпустилъ опять ловить рыбку.

Вѣдьма слышала, какъ дѣдъ и баба призывали Ивашку, и захотѣлось ей овладáть мальчикомъ. Вотъ приходитъ она на берегъ и кричитъ хриплымъ голосомъ:

Ивашечко, Ивашечко, мой сыночекъ!
Приплынь, приплынь на бережочекъ:
Я тебѣ ѣсть и пить принесла.

Ивашко слышитъ, что это голосъ не его матери, а голосъ вѣдьмы, и поетъ:

Чо̀вникъ, чо̀вникъ, плыви дальшенько,
Чо̀вникъ, чо̀вникъ, плыви дальшенько:
То меня не мать зоветъ, то меня вѣдьма зоветъ!

Вѣдьма увидѣла, что надобно звать Ивашку тѣмъ же голосомъ, какимъ его мать зоветъ, побѣжала къ кузнецу и проситъ его: «Ковалику, ковалику! скуй мнѣ такой тонесенькой голосокъ, какъ у Ивашкиной матери, а то я тебя съѣмъ!» Коваль сковалъ ей такой голосокъ, какъ у Ивашкиной матери. Вотъ вѣдьма пришла ночью на бережокъ и поетъ:

Ивашечко, Ивашечко, мой сыночекъ!
Приплывь, приплынь па бережочекъ:
Я тебѣ ѣсть и пить принесла.

Ивашко приплылъ; она рыбу забрала, его самого схватила и унесла къ себѣ. Пришла домой и заставляетъ свою дочь Алёнку: «Истопи печь пожарче да сжарь хорошенько Ивашку, а я пойду соберу гостей — моихъ пріятелей». Вотъ Алёнка истопила печь жарко-жарко и говоритъ Ивашкѣ: «Ступай, садись на лопату!» — Я еще малъ и глупъ, отвѣчатъ Ивашко; я ничего еще не умѣю, не разумѣю; поучи меня, какъ надо сѣсть на лопату». — «Хорошо, говоритъ Алёнка, поучить не долго!» — и только сѣла она на лопату, Ивашко такъ и барахнулъ ее въ печь и закрылъ заслонкой, а самъ вышелъ изъ хаты, заперъ двери и влѣзъ на высокой-высокой дубъ.

Вѣдьма приходитъ съ гостями и стучится въ хату. — никто не отворяетъ ей дверей. «Ахъ, проклятая Алёнка! вѣрно ушла куда-нибудь играть». Влѣзла вѣдьма въ окно, отворила двери и впустила гостей; всѣ усѣлись за столъ, а вѣдьма открыла заслонку, достала жареную Алёнку — и на столъ: ѣли-ѣли, пили-пили и вышли на дворъ и стали валяться по травѣ. «Пока*тю*ся, повалюся, Ивашкина мясца наѣвшись! кричитъ вѣдьма: пока*тю*ся, повалюся, Ивашкина мясца наѣвшись!» А Ивашка пересговариваетъ ее сверху дуба: «Покатайся, поваляйся, Алёнкина мясца

наѣвшись!» — «Мнѣ что-то послышалось», говоритъ вѣдьма. — «Это листья шумятъ!» Опять вѣдьма говоритъ: «Покатюся, повалюся, Ивашкина мясца наѣвшись!» А Ивашко свое: «Покатися, повалися, Алёнкина мясца наѣвшись!» Вѣдьма посмотрѣла вверхъ и увидѣла Ивашку; бросилась она грызть дубъ, — тотъ самый, гдѣ сидѣлъ Ивашко, грызла-грызла-грызла — два переднихъ зуба выломала и побѣжала въ кузню. Прибѣжала и говоритъ: «Ковалику, ковалику! скуй мнѣ желѣзные зубы, а не то я тебя съѣмъ!» Коваль сковалъ ей два желѣзныхъ зуба.

Воротилась вѣдьма и стала опять грызть дубъ; грызла-грызла и только-что перегрызла, какъ Ивашко взялъ да и перескочилъ на другой, сосѣдній дубъ, а тотъ, что̀ вѣдьма перегрызла, рухнулъ на̀земь. Вѣдьма видитъ, что Ивашко сидитъ уже на другомъ дубѣ, заскрипѣла отъ злости зубами и принялась снова грызть дерево: грызла-грызла-грызла — два нижнихъ зуба выломала и побѣжала въ кузню. Прибѣжала и говоритъ: «Ковалику, ковалику! скуй мнѣ желѣзные зубы, а не то я себя съѣмъ!» Коваль сковалъ ей еще два желѣзныхъ зуба. Воротилась вѣдьма и стала опять грызть дубъ. Ивашко не знаетъ что ему и дѣлать теперь; смотритъ: летятъ гуси-лебеди; онъ и проситъ ихъ:

Гуси мои лебедята,
Возьмить меня на крылята,
Понесить меня до батиньки, до матиньки;
У батиньки, у матиньки
Пити-ѣсти, хорошо ходити!

«Пущай тебя середніе во̀зьмутъ», говорятъ птицы. Ивашко ждетъ; летитъ другое стадо, онъ опять проситъ:

Гуси мои лебедята!
Возьмить меня на крылята,
Понесить меня до батиньки, до матиньки;
У батиньки, у матиньки
Пити-ѣсти, хорошо ходити!

«Пущай тебя задніе вѳзьмуть». Ивашко опять ждетъ; летитъ третье стадо, онъ проситъ:

Гуси мои лебедята!
Возьмить меня на крылята,
Понесить меня до батиньки, до матиньки;
У батиньки, у матиньки
Пити-ѣсти, хорошо ходити!

Гуси-лебеди подхватили его и понесли домой, прилетѣли къ хатѣ и посадили Ивашку на чердакъ.

Рано поутру баба собралась печь блины, печетъ, а сама вспоминаетъ сынка: «Гдѣ-то мой Ивашечко? хоть бы во снѣ его увидать!» А дѣдъ говоритъ: «Мнѣ снилось, будто гуси-лебеди принесли нашего Ивашку на своихъ крыльяхъ». Напекла баба блиновъ и говоритъ: «Ну, старикъ, давай дѣлить блины: «Это — тебѣ, дѣдъ! это — мнѣ; это — тебѣ, дѣдъ! это — мнѣ . . .» — «А мнѣ нима!» отзывается Ивашко. «Это — тебѣ, дѣдъ! это — мнѣ . . .» — «А мнѣ нима!» — «А ну, старикъ! говоритъ баба, посмотри, щось тамъ таке́?» Дѣдъ полѣзъ на чердакъ и досталъ оттуда Ивашку. Дѣдъ и баба обрадовались, разспросили сынка обо всемъ, обо всемъ и стали вмѣстѣ жить да поживать, да добра наживать.

Записана въ Бобровскомъ у., Воронежской губ.

63
Терешичка

Худое житье было старику со старухою. Вѣкъ они прожили, а дѣтей не нажили; смолоду еще перебивались такъ-сякъ; состарились оба — напиться подать некому, и тужутъ и плачутъ. Вотъ сдѣлали они колодочку, завернули ее въ пеленочку, положили въ люлечку, стали качать да прибаюкивать — и вмѣсто колодочки сталъ рость въ пеленочкахъ сынокъ Терешичка, насто-

ящая ягодка! Мальчикъ росъ-подросталъ, въ разумъ приходилъ. Отецъ ему сдѣлалъ челночекъ. Терешичка поѣхалъ рыбу ловить, а мать ему и молочко и творожокъ стала носить. Придетъ, бывало, на берегъ и зоветъ: «Терешичка, мой сыночекъ! плыви, плыви къ бережочку; я, мать, пришла, молока принесла». Терешичка далеко услышитъ ся голосокъ, подъѣдетъ къ бережку, высыпитъ рыбку, напьётся-наѣстся и опять поѣдетъ ловить. Одинъ разъ мать говорила ему: «Сыночекъ, милочка! будь остороженъ: тебя караулитъ вѣдьма Чувилиха; не попадись ей въ когти». Сказала и пошла. А Чувилиха пришла къ бережку и зоветъ страшнымъ голосомъ: «Терешичка, мой сыночекъ! плыви, плыви къ бережочку; я, мать, пришла, молока принесла». А Терешичка распозналъ и говоритъ: «Дальше, дальше, мой челночекъ! это не родимой матушки голосокъ, а злой вѣдьмы Чувилихи». Чувилиха услышала, побѣжала, доку сыскала и добыла себѣ голосокъ, какъ у Терешичкиной матери. Пришла мать, стала звать сына тоненькимъ голоскомъ: «Терешичка, мой сыночекъ! плыви, плыви къ бережочку». Терешичка услышалъ и говоритъ: «Ближе, ближе, мой челночокъ! это родимой матушки голосокъ». Мать его накормила, напоила и опять за рыбкой пустила. Пришла вѣдьма Чувилиха, запѣла выученнымъ голоскомъ, точь-въ-точь родимая матушка. Терешичка обознался, подъѣхалъ; она его схватила да въ куль — и помчала. Примчала въ избушку на курьихъ ножкахъ, велѣла дочери его сжарить, а сама, поднявши лытки, пошла опять на раздобытки. Терешичка былъ мужичокъ не дурачокъ, въ обиду дѣвкѣ не дался, вмѣсто себя посадилъ ее жариться въ печь, а самъ взобрался на высокой дубъ.

Прибѣжала Чувилиха, вскочила въ избу, напилась-наѣлась, вышла на дворъ, катается-валяется и при-

говариваетъ: «Покатаюсь я, поваляюсь я, Терешичкинаго мяса наѣвшись!» А онъ ей съ дуба кричитъ: «Покатайся, вѣдьма, поваляйся, вѣдьма, своей дочери мяса наѣвшись!» Услышала она, подняла голову, раскинула глаза на всѣ стороны — нѣтъ никого! Опять затянула: «Покатаюсь я, поваляюсь я, Терешичкина мяса наѣвшись!» А онъ отвѣчаетъ: «Покатайся, поваляйся, вѣдьма, своей дочери мяса наѣвшись!» Испугалась она, глянула и увидѣла его на высокомъ дубу. Вскочила, бросилась къ кузнецу: «Кузнецъ, кузнецъ! скуй мнѣ топорокъ». Сковалъ кузнецъ топорокъ и говоритъ: «Не руби же ты остріемъ, а руби обухомъ». Послушалась, стучала-стучала, рубила-рубила, ничего не сдѣлала. Пропала къ дереву, впилась въ него зубами, дерево затрещало. По небу летятъ гуси-лебеди; Терешичка видитъ бѣду, видитъ гусей-лебедей, взмолился имъ, сталъ ихъ упрашивать:

Гуси-лебеди! возьмите меня,
Посадите меня на крылушки,
Донесите меня къ отцу, къ матери;
Тамъ васъ накормятъ-напоятъ.

А гуси-лебеди отвѣчаютъ: «Ка-га! вонъ летитъ другое стадо поголоднѣе насъ, оно тебя возьметъ-донесетъ». А вѣдьма грызетъ, только щепки летятъ, а дубъ трещитъ да шатается. Летитъ другое стадо. Терешичка опять кричитъ: «Гуси-лебеди! возьмите меня, посадите меня на крылушки, донесите меня къ отцу, къ матери: тамъ васъ накормятъ-напоятъ». — «Ка-га! отвѣчаютъ гуси, за нами летитъ защипанной гусенёкъ, онъ тебя возьметъ-донесетъ». Гусенёкъ не летитъ, а дерево трещитъ да шатается. Вѣдьма погрызетъ, погрызетъ, взглянетъ на Терешичку, оближется и опять примется за дѣло; вотъ-вотъ къ ней свалится! По счастью, летитъ защипанной гусенёкъ, крылушками махаетъ, а Терешичка-то его

проситъ, ублажаетъ: «Гусь-лебедь ты мой! возьми меня, посади меня на крылушки, донеси меня къ отцу, къ матери; тамъ тебя накормятъ-напоятъ и чистой водицей обмоютъ». Сжалился защипанной гусенёкъ, подставилъ Терешичкѣ крылушки, встрепенулся и полетѣлъ вмѣстѣ съ нимъ. Подлетѣли къ окошечку родимаго батюшки, сѣли на травкѣ. А старушка напекла блиновъ, созвала гостей, поминаетъ Терешичку и говоритъ: «Это тебѣ, гостёкъ, это тебѣ, старичокъ, а это мнѣ блинокъ!» А Терешичка подъ окномъ отзывается: «А мнѣ?» — «Погляди-ка, старичокъ: кто тамъ проситъ блинокъ?» Старикъ вышелъ, увидѣлъ Терешичку, обхватилъ его, привёлъ къ матери — пошло обниманье! А защипаннаго гусенька откормили, отпоили, на волю пустили, и сталъ онъ съ тѣхъ поръ широко крыльями махать, впереди стада летать да Терешичку вспоминать.

Записана въ Курской губ.

64

Гуси-лебеди

Жили старичокъ со старушкою; у нихъ была дочка да сынокъ маленькой. «Дочка, дочка! говорила мать, мы пойдемъ на работу, принесемъ тебѣ булочку, сошьемъ платьице, купимъ платочекъ: будь умна, береги братца, не ходи со двора». Старшіе ушли, а дочка забыла, что ей приказывали: посадила братца на травкѣ подъ окошкомъ, а сама побѣжала на улицу, заигралась, загулялась. Налетѣли гуси-лебеди, подхватили мальчика, унесли на крылушкахъ.

Пришла дѣвочка, глядь — братца нѣту! ахнула, кинулась, туда-сюда — нѣту! Кликала, заливалась слезами, причитывала, что худо будетъ отъ отца и

матери, — братецъ не откликнулся! Выбѣжала въ чистое поле; метнулись вдалекѣ гуси-лебеди и пропали за темнымъ лѣсомъ. Гуси-лебеди давно себѣ дурную славу нажили, много шкодили и маленькихъ дѣтей крадывали; дѣвочка угадала, что они унесли ея братца, бросилась ихъ догонять. Бѣжала, бѣжала, стои́тъ печка. «Печка, печка! скажи: куда гуси полетѣли?» — «Съѣшь моего ржаного пирожка — скажу». — «О, у моего батюшки пшеничные не ѣдятся!» Печь не сказала. Побѣжала дальше, — стоитъ яблонь. «Яблонь, яблонь! скажи: куда гуси полетѣли?» — «Съѣшь моего лѣсного яблочка — скажу». — «О, у моего батюшки и садовыя не ѣдятся!» Побѣжала дальше, стои́тъ молочная рѣчка, кисельные берега. «Молочная рѣчка, кисельные берега! куда гуси полетѣли?» — «Съѣшь моего простого киселика съ молокомъ — скажу». — «О, у моего батюшки и сливочки не ѣдятся!» И долго бы ей бѣгать по полямъ да бродить по̀ лѣсу, да къ счастью попался ёжъ; хотѣла она его толкнуть, побоялась наколоться и спрашиваетъ: «Ежикъ, ёжикъ! не видалъ ли, куда гуси полетѣли». — «Вонъ туда-то!» указалъ. Побѣжала — стои́тъ избушка на курьихъ ножкахъ, стои́тъ — поворачивается. Въ избушкѣ сидитъ баба-яга, морда жилиная, нога глиняная; сидитъ и братецъ на лавочкѣ играетъ золотыми яблочками. Увидѣла его сестра, подкралась, схватила и унесла; а гуси за нею въ погоню летятъ; нагонятъ злодѣи — куда дѣваться? Бѣжитъ молочная рѣчка, кисельные берега. «Рѣчка-матушка, спрячь меня!» — «Съѣшь моего киселика!» Нечего дѣлать, съѣла. Рѣчка ее посадила подъ бережокъ, гуси пролетѣли. Вышла она, сказала спасибо! и опять бѣжитъ съ братцемъ; а гуси воротились, летятъ навстрѣчу. Что дѣлать? бѣда! Стои́тъ яблонь. «Яблонь, яблонь-

матушка, спрячь меня!» — «Съѣшь мое лѣсное яблочко!» Поскорѣй съѣла. Яблонь ее заслонила вѣточками, прикрыла листиками; гуси пролетѣли. Вышла и опять бѣжитъ съ братцемъ, а гуси увидѣли, да за ней; совсѣмъ налетаютъ, ужъ крыльями бьютъ, того и гляди — изъ рукъ вырвутъ! Къ счастью, на дорогѣ печка. «Сударыня-печка, спрячь меня!» — «Съѣшь моего ржаного пирожка!» Дѣвушка поскорѣй пирожокъ въ ротъ, а сама въ печь, сѣла въ устьецо. Гуси полетали-полетали, покричали-покричали и ни съ чѣмъ улетѣли. А она прибѣжала домой, да хорошо еще, что успѣла прибѣжать, а тутъ и отецъ и мать пришли.

Записана въ Курской губ.

65

Князь Данила-Говорила

Жила-была старушка-княгиня; у нея росли сынъ да дочь — такіе дородные, такіе хорошіе. Не понутру они были злой вѣдьмѣ; какъ бы ихъ извести, да до худа довести, думала она и придумала: скинулась такой лисой, пришла къ ихъ матери и говоритъ: «Кумушка-голубушка! вотъ тебѣ перстенёкъ, надѣнь его на пальчикъ твоему сынку, съ нимъ будетъ онъ и богатъ и тороватъ, только бы не снималъ и женился на той дѣвицѣ, которой мое колечко будетъ по ручкѣ!» Старушка повѣрила, обрадовалась и, умирая, наказала сыну взять за себя жену, которой перстень годится.

Время идетъ, а сынокъ растетъ. Выросъ и сталъ искать невѣсту; понравится одна, приглянется другая, а колечко помѣряютъ — или мало или велико: ни той ни другой не годится. Ѣздилъ-ѣздилъ и по селамъ и по городамъ, всѣхъ красныхъ дѣвушекъ перебралъ, а суженой себѣ не сыскалъ: пріѣхалъ домой и заду-

мался. «О чемъ ты, братецъ, кручинишься?» спрашиваетъ его сестра. Открылъ онъ ей свое бездолье, разсказалъ свое горе. «Что жъ это за мудрёной перстенёкъ? говоритъ сестра; дай я помѣряю». Вздѣла на пальчикъ — колечко обвилось, засіяло, пришлось по рукѣ, какъ для ней нарочно вылито. «Ахъ, сестра! ты моя суженая, ты мнѣ будешь жена!» — «Что ты, братъ! вспомни Бога, вспомни грѣхъ, женятся ль на сестрахъ?» Но братъ не слушалъ, плясалъ отъ радости и велѣлъ сбираться къ вѣнцу. Залилась она горькими слезами, вышла изъ свѣтлицы, сѣла на порогѣ и рѣка-рѣкой льётся! Идутъ мимо старушки прохожія; зазвала ихъ накормить, напоить. Спрашиваютъ онѣ: что ей за печаль, что за горе? Нечего было таить; разсказала имъ все. «Ну, не плачь же ты, не горюй, а послушайся насъ: сдѣлай четыре куколки, разсади по четыремъ угламъ; станетъ братъ звать подъ вѣнецъ — иди, станетъ звать въ свѣтлицу — не торопись. Надѣйся на Бога, прощай!» Старушки ушли. Братъ съ сестрой обвѣнчался, пошелъ въ свѣтлицу и говоритъ: «Сестра Катерина, иди на перины!» Она отвѣчаетъ: «Сейчасъ братецъ! серёжки сниму». А куколки въ четырехъ углахъ закуковали:

Куку, князь Данила!
Куку, Говорила!
Куку, сестру свою
Куку, за себя беретъ.
Куку, разступись земля,
Куку, провались сестра.

Земля стала разступаться, сестра проваливаться. Братъ кричитъ: «Сестра Катерина, иди на перины!» — «Сейчасъ, братецъ! поясокъ развяжу». Куколки кукуютъ:

Куку, князь Данила!
Куку, Говорила!

Куку, сестру свою
Куку, за себя береть.
Куку, разступись земля,
Куку, провались сестра.

Уже остается одна голова видна. Братъ опять зоветъ: «Сестра Катерина, иди на перины!» — «Сейчасъ, братецъ! башмачки сниму». Куколки кукуютъ, и скрылась она подъ землей.

Братъ зоветъ еще, зоветъ громче — нѣту! разсердился, прибѣжалъ, хлопнулъ въ двери — двери слетѣли, глянулъ на всѣ стороны — сестры какъ не бывало: а въ углахъ сидятъ однѣ куклы да знай себѣ кукуютъ: «Разступись земля, провались сестра!» Схватилъ онъ топоръ, порубилъ имъ головы и побросалъ въ печь.

А сестра шла-шла подъ землею, видитъ: сто́итъ избушка на курьихъ ножкахъ, стои́тъ-перевертывается. «Избушка, избушка! стань ты по-старому: къ лѣсу задомъ, ко мнѣ передомъ». Избушка стала, двери отворились. Въ избушкѣ сидитъ дѣвица красная, вышиваетъ ширинку серебромъ и золотомъ. Встрѣла гостью ласково, вздохнула и говоритъ: «Душечка сеструшечка! рада я тебѣ сердечно — и привѣчу тебя и приголублю, пока матери нѣтъ; а прилетитъ — тогда бѣда и тебѣ и мнѣ: она у меня вѣдьма!» Испугалась гостья такихъ рѣчей, а дѣваться некуда, сѣла съ хозяйкой за ширинку: шьютъ да разговариваютъ. Долго ли, коротко ли, хозяйка знала время, знала — когда мать прилетитъ, обратила гостью въ иголочку, заложила въ вѣничекъ, поставила въ уголокъ. Только она ее прибрала, вѣдьма шасть въ двери: «Дочь моя хорошая, дочь моя пригожая! Русь-кость пахнетъ». — «Матушка-сударыня! шли прохожіе да зашли водицы напиться». — «Что жъ ты ихъ не оставила?» — «Стары, родимая, не по твоимъ зубамъ». — «Впередъ гляди — на дворъ всѣхъ зазывай, со двора никого не пускай; а я, поднявши

лытки, пойду опять на раздобытки». Ушла; дѣвушки сѣли за ширинку, шили, говорили и посмѣивались. Прилетѣла вѣдьма; нюхъ, нюхъ по избѣ: «Дочь моя хорошая, дочь моя пригожая! Русь-кость пахнетъ!» — «Вотъ только заходили старички руки погрѣть; оставляла — не остались». Вѣдьма была голодна, пожурила дочь, и опять улетѣла. Гостья отсидѣлась въ вѣничкѣ. Скорѣе принялись дошивать ширинку; и шьютъ, и поспѣшаютъ, и сговариваются: какъ бы уйти отъ бѣды, убѣжать отъ лихой вѣдьмы. Не успѣли переглянуться, перешепнуться, а она къ нимъ въ двери, легка на поминѣ, запопала врасплохъ: «Дочь моя хорошая, дочь моя пригожая! Русь-кость пахнетъ? — «А вотъ, матушка, красная дѣвица тебя дожидаетъ». Красная дѣвица глянула на старуху и обмерла! Передъ ней стояла баба-яга, костяная нога, носъ въ потолокъ вросъ. «Дочь моя хорошая, дочь моя пригожая! топи печь жарко-жарко!» Наносили дровъ и дубовыхъ и кленовыхъ, разложили огонь: пламя изъ печи бьётъ. Вѣдьма взяла лопату широкую, стала гостью по*дчи*вать: «Садись-ка, красавица, на лопату». Красавица сѣла. Вѣдьма двинула ее въ устье, а она одну ногу кладетъ въ печь, а другую на печь. «Что ты, дѣвушка, не умѣешь сидѣть; сядь хорошенько!» Поправилась, сѣла хорошенько; вѣдьма ее въ устье, а она одну ногу въ печь, а другую подъ печь. Озлилась вѣдьма, выхватила ее назадъ. «Шалишь, шалишь, молодушка! сиди смирно, вотъ такъ; гляди на меня!» Шлёпъ сама на лопату, вытянула ножки, а дѣвицы поскорѣй ее въ печь, посадили, заслонками закрыли, колодами завалили, замазали и засмолили, а сами пустились бѣжать, взяли съ собой шитую ширинку, щетку и гребенку. Бѣжали-бѣжали, глядь назадъ, а злодѣйка выдралась, увидала ихъ и посвистываетъ:

«Гай. гай, гай, вы тамъ-то!» Что дѣлать? бросили щетку — выросъ тростникъ густой-густой: ужъ не проползетъ. Вѣдьма распустила когти, прощипала дорожку, нагоняетъ близко . . . Куда дѣваться? Бросили гребенку — выросла дуброва темная-темная: муха не пролетитъ. Вѣдьма наострила зубы, стала работать: что̀ ни хватитъ, то дерево съ корнемъ вонъ! пошвыриваетъ на всѣ стороны; расчистила дорожку, и нагоняетъ опять . . . вотъ близко! Бѣжали-бѣжали, а бѣжать некуда, выбились изъ силъ! Бросили ширинку злотошвейную — разлилось море широкое, глубокое, огненное; поднялась вѣдьма высоко, хотѣла перелетѣть, пала въ огонь и сгорѣла.

Остались двѣ дѣвицы, безпріютныя голубицы; надо идти, а куда? — не знаютъ. Сѣли отдохнуть. Вотъ подошелъ къ нимъ человѣкъ, спрашиваетъ: кто онѣ? и доложилъ барину, что въ его владѣньяхъ сидятъ не двѣ пташки залетныя, а двѣ красавицы намалеванныя — одна въ одну родствомъ и дородствомъ, бровь въ бровь, глазъ въ глазъ; одна изъ нихъ должна быть ваша сестрица, а которая? угадать нельзя. Пошелъ баринъ поглядѣть, зазвалъ ихъ къ себѣ. Видитъ — сестра его здѣсь, слуга не совралъ, но которая? — ему не узнать; она сердита; — не скажется что дѣлать? «А вотъ что, сударь! налью я бараній пузырь крови, положите его себѣ подъ мышку, разговаривайте съ гостьми, а я подойду и хвачу васъ ножомъ въ бокъ; кровь польётся, сестра объявится!» — «Хорошо!» Вздумали — сдѣлали: слуга хватилъ барина въ бокъ, кровь брызнула; братъ упалъ, сестра кинулась обнимать его и плачетъ и причитываетъ: «Милой мой, ненаглядной мой!» А братъ вскочилъ ни горѣлой ни болѣлой, обнялъ сестру и отдалъ ее за хорошаго человѣка; а самъ женился на

ея подругѣ, которой и перстенёкъ пришелся по ручкѣ, и зажили всѣ припѣваючи.

Записана въ Курской губ.

66
Правда и кривда

Вотъ было какое дѣло, скажу тваему здаровью! Вотъ, знашъ, не ва гнѣвъ тваёй милости къ рѣчи сказать, какъ мы таперича съ табой, раскалякались[1] прамежъ себя двоя нашей братьи мужичковъ, бяднѣющіе, пребяднѣющіе. Аднъ-атъ жилъ каё-какъ, калатился всѣми неправдами; гараздъ былъ на абманы, и приворнуть иво было дѣло, а другой-ятъ шолъ по правдѣ, кабы, знашъ, трудами вѣкъ пражить. Вотъ эвтимъ дѣламъ-та ани и заспорили. Аднинъ-атъ гаваритъ: лутча жить кривдай, а другой-ятъ гаваритъ: кривдай вѣкъ пражить не сможишъ; лутча жить какъ на-есть, ды правдай. Вотъ спорили ани, спорили, пихто, слышъ, не переспорилъ. Вотъ и пашли ани, братецъ мой, на дарогу; пашли на дарогу и рѣшили спрасить да трехъ разъ, хто имъ навстрѣчу пападетъ и што на эвто скажитъ. Вотъ ани шли-шли, братецъ мой, и увидали: барскай мужичокъ пашитъ. Вотъ, знашъ, и падашли къ няму; падашли и гаварятъ: «Богъ на̀ помочь тебѣ, знакомай! Разрѣши ты нашъ споръ: какъ лутча жить на бѣламъ свѣти — правдай али кривдай?» — «Нѣтъ, братцы! правдай вѣкъ пражить не сможишъ; кривдай жить вальготняй[2]. Вотъ и наше дѣло: безперечь у насъ гаспада дни атнимаютъ, работа̀ть на себя некогда; изъ-за неволи прикинишся, бытто што папритчилась[3] хворь[4], знашъ, пашла,

---

1) Калякать — разговаривать.
2) Выгоднѣй, легче.
3) Попритчиться — заболѣть съ глазу.
4) Болѣзнь.

а самъ межъ эвтимъ времямъ-та въ лѣсишка съѣздишъ на дравицы, не днемъ, тыкъ ночью, коли есть запретъ». — «Ну, слышъ, мая правда!» гаваритъ кривадушнай-ятъ правдиваму-та.

Вотъ пашли апять па дароги, знашъ, што скажитъ имъ другой. Шли-шли, — и видютъ: ѣдитъ на парѣ въ павоски съ кибиткай купецъ. Вотъ падашли ани къ няму, падашли и спрашиваютъ: «Астанавись-ка, слышъ, на часикъ, не ва гнѣвъ тваёй милости, а чомъ мы тебя спросимъ . . . Рѣши, слышъ, нашъ споръ: какъ лутча жить на свѣти — правдай али кривдай?» — «Нѣтъ, рабята, правдой мудряно жить, лутча кривдай. Насъ абманываютъ, и мы абманываемъ». — «Ну, слышъ, мая правда!» гаваритъ апять кривадушнай-ятъ правдиваму-та.

Вотъ пашли ани апять па дароги, што скажитъ третяй. Шли-шли, вотъ и видютъ: ѣдитъ прикащикъ навстрѣчу. Вотъ ани падашли къ няму; падашли къ няму и спрашиваютъ: «Астанавись-ка на часочикъ; рѣши ты нашъ споръ, какъ лутча жить на свѣти — правдай, али кривдай?» — «Вотъ, слышъ, нашли а чомъ спрашивать! знама дѣла, што кривдай. Какая ноньча правда? За правду въ Сибирь угадишъ, скажутъ — кляузникъ . . .» — «Ну, слышъ! гаваритъ кривадушнай-ятъ правдиваму-та, вотъ всѣ гаварятъ, што кривдай лутча жить». — «Нѣтъ, слышъ! нада жить па-Божью, какъ, знашъ, Богъ велитъ: што будитъ, то и будитъ, а кривдай жить не хачу!» гаваритъ правдивай-ятъ кривадушнаму-та.

Вотъ пашли апять дарогай вмѣсти. Шли-шли; кривадушнай-ятъ всяка, знашъ, съумѣитъ ка всѣмъ прилаживаться; вездѣ его кормютъ, и калачи у нево есть; а правдивай-ятъ гдѣ вадицы изапьетъ, гдѣ паработàитъ, ево за эвто пакормютъ. А тотъ, знашъ, крива-

душнай-ятъ все смѣется надъ нимъ. Вотъ разъ правдивай-ятъ папрасилъ кусочикъ хлѣпца у кривадушнава-та: «Дай мнѣ кусочикъ хлѣпца». — «А што за нево мнѣ дашъ?» гаваритъ кривадушнай-ятъ. «Што хошъ вазьми, што у меня есть», гаваритъ правдивай-ятъ. «Дай, слышъ, глазъ я тебѣ выкалю?» «Ну выкали!» знашъ, онъ ему гаваритъ. Вотъ эвтимъ дѣламъ-та кривадушнай-ятъ и выкалалъ правдиваму-та глазъ, выкалалъ и далъ ему маленько хлѣпца. Тотъ, слышъ, стерпѣлъ, взялъ кусочикъ хлѣпца, съѣлъ, и пашли апять па дароги. Шли-шли; апять правдивай-ятъ у кривадушнава-та сталъ прасить хлѣпца кусочикъ. Вотъ тотъ апять ра̀зпа сталъ надъ нимъ насмѣхаться: «Дай другой глазъ я тебѣ выкалю, ну тада дамъ кусочикъ». — «Ахъ, братецъ, пожалѣй, я слѣпой буду! знашъ, правдивай-ятъ упрашивалъ ево. «Нѣтъ, слышъ, за то ты правдивай, а я живу кривдай!» кривадушнай-ятъ ему гаварилъ. Што дѣлать? ну такъ таму дѣлу и быть. «На, выкали и другой, кали грѣха не боишся!» правдивай-ятъ, знашъ, гаваритъ кривадушнаму-та. Вотъ, братецъ мой, выкалалъ ему и другой-ятъ глазъ, выкалалъ и далъ ему маленько хлѣпца; далъ хлѣпца и аставилъ ево на дароги: «Вотъ стану я тебя вадить!»

Ну, што дѣлать? Слѣпой съѣлъ кусочикъ хлѣпца и пашолъ патихоньку ощупью съ палачкай. Шолъ-шолъ каё-какъ и сбился съ дароги и не знатъ, куды ему идти. Вотъ и началъ онъ прасить Бога: «Господи! не аставь меня грѣшнава раба Твасво!» Малился-малился; вотъ и услыхалъ онъ голасъ, хто-та, слышъ, ему гаваритъ; «Иди ты направо! Какъ пайдешъ направо, придешъ къ лѣсу; придешъ къ лѣсу, найди ты ощупью трапинку; найдешъ трапинку, пади ты па той трапинки; пайдешъ па трапинки, придешъ на гремячай ключъ; какъ придешъ ты къ гремячаму ключу

— умойся, слышъ, изъ нево вадою, испей той вады и намочи ею глаза: ты, слышъ, празрѣишъ! Какъ празрѣишъ, пади ты вверхъ па ключу таму и увидишъ бальшой дупъ; увидишъ дупъ, падайди къ няму и залѣсь на нево; какъ залѣзишъ на нево, даждись ночи, даждешся ты ночи, слушай, што будутъ гаварить патъ эвтимъ дубомъ нечистые духи: ани, слышъ, тутъ слятаются на таковище». Вотъ онъ каё-какъ дабрёлъ да лѣса; дабрёлъ да лѣса, палозилъ-палозилъ па немъ, напалъ каё-какъ на трапинку; пашолъ па той трапинки, дашолъ да гремячава ключа; дашолъ да ключа, умылся вадою; умылся вадою, испилъ и примачилъ глаза; примачилъ глаза и вдругъ увидѣлъ апять свѣтъ Божей — знашъ, празрѣлъ! Вотъ какъ празрѣлъ, и пашолъ вверхъ па таму ключу; шолъ-шолъ па немъ, вотъ и видитъ бальшой дупъ — падъ нимъ все утоптана. Вотъ онъ влѣсъ на тотъ дупъ, влѣсъ и даждался ночи. Начали патъ тотъ дупъ слятаться са всѣхъ старонъ бѣсы; слятались-слятались... вотъ начали разсказывать, гдѣ, знашъ, хто былъ. Вотъ адинъ бѣсъ и гаваритъ: «Я былъ у такой-та царевны; десять гадо̀въ ее мучаю. Всяка меня выганяютъ изъ неё: нихто, слышъ, меня не сможетъ выгнать, а выганитъ тотъ, хто вотъ у такова-та багатава купца дастанитъ образъ Смаленскай Божей Матери, што у нево на воротахъ въ куотѣ удѣланъ». Вотъ на утро, какъ всѣ бѣсы разлятѣлись, правдивай-ятъ слѣсъ съ дуба; слѣсъ съ дуба и пашелъ искать таво купца. Искалъ, искалъ, каё-какъ нашолъ ево; нашолъ и просится работа̀ть на нево: «Хать готъ праработаю, ништо мнѣ не нада, только дай мнѣ образъ Божей Матери съ варотъ». Купецъ согласился, принялъ ево къ себѣ въ работники. Вотъ работа̀лъ онъ у нево, што ни есть мочи, круглай готъ. Проработа̀вши готъ,

онъ и проситъ тотъ образъ. Вотъ купецъ, слышъ: «Ну, братецъ! доволенъ я тваёй работай, только жаль мнѣ образа; вазьми лутча деньги». — «Нѣтъ, не нада денихъ, а дай мнѣ ево па угавору». — «Нѣтъ, не дамъ образъ! Прарабатàй ище готъ, ну — такъ и быть — тада атдамъ тебѣ ево». Вотъ эвтимъ дѣламъ-та правдивай-ятъ мужичокъ работàлъ ище готъ: ни дня, ни ночи не зналъ, все работàлъ, такой старательнай былъ! Вотъ праработàлъ готъ, апять, знашъ, сталъ прасить образъ Божей Матери съ варотъ. Купцу апять жаль и ево атпустить и образъ атдать: «Нѣтъ, лутча я тебя казною награжу; а кали хочишь, то парабатàй ище готъ, — ну, такъ атдамъ тебѣ образъ». Вотъ такъ таму дѣлу и быть: апять сталъ работàть готъ. Работàлъ ищо пуще таво: всѣмъ на диво — какой былъ работящай! Вотъ праработàлъ и третій готъ; праработàлъ и опять проситъ образъ. Купецъ — дѣлать нечаво — снялъ образъ съ воротъ и атдалъ ему: «На, слышъ, возьми образъ и ступай съ Богомъ!» Напаилъ, накармилъ ево и деньгами наградилъ малую талику.

Вотъ эвтимъ дѣламъ-та взялъ онъ образъ Смаленскай Божей Матери, взялъ ево и павѣсилъ на себя; павѣсилъ на себя и пашолъ, слышъ, къ таму царю царевну лѣчить, у каторай бѣсъ-атъ мучитель сидитъ. Шолъ-шолъ и пришолъ къ таму царю. Пришолъ къ царю и гаваритъ: «Я де вашу царевну излѣчить смагу». Вотъ, знашъ, эвтимъ дѣламъ-та впустили ево въ харомы царскіе, впустили и паказали ему ту скарбяшую царевну. Паказали царевну; вотъ онъ спрасилъ вады. Падали вады. Вотъ онъ перекрестился и три земныхъ паклона палажилъ — знашъ, памалился Богу; памалился Богу и снялъ съ себя образъ Божей Матери, снялъ ево и съ малитвою три раза въ воду апустилъ; апустилъ

знашъ, и надѣлъ ево на царевну; надѣлъ на царевну и велѣлъ ей тою вадою умываться. Вотъ какъ ана матушка надѣла на себя тотъ образъ и умылась тою вадою, вдругъ изъ-за неё недугъ-атъ, знашъ — вражья-та нечистая сила, клубомъ вылятѣлъ вонъ; вылятѣлъ вонъ, и ана стала здарова папрежнему. Вотъ эвтимъ дѣламъ-то не вѣсть какъ всѣ абрадывались, абрадывались и не знали чѣмъ наградить эвтова мужичка: и землю давали, и вотчину сулили, и жалаванье бальшое клали. Нѣтъ, слышъ, ничаво не нада! Вотъ царевна-та и гаваритъ царю: «Я замушъ за нево иду». — «Ладна!» царь-атъ сказалъ. Вотъ эвтимъ дѣламъ-та и павѣнчались; павѣнчались, и сталъ нашъ мужичокъ хадить, знашь, въ адёжѣ царскай, жить въ царскихъ харомахъ, пить-ѣсть все на̀ все за одно съ ними. Жилъ-жилъ и принатарѣлъ[1] къ нимъ.

Вотъ какъ принатарѣлъ онъ къ нимъ — и гаваритъ: «Пустите меня на родину; у меня есть мать-старушка бѣдная». — «Ладна! царевна, знашъ — жена-та ево, сказала: паѣдимъ вмѣсти». Вотъ и паѣхали ани вмѣсти, вдваёмъ съ царевнай. Лошади-та, адёжа, каляска, збруя — все царская. Ѣхали-ѣхали и падъѣзжаютъ ани къ ево родинѣ; падъѣзжаютъ къ родинѣ, вотъ и пападается навстрѣчу имъ тотъ кривадушнай, што̀, знашъ, спорилъ-та съ нимъ, што лутча жить кривдай, чѣмъ правдай. Идетъ навстрѣчу; вотъ правдивай-атъ, царскай сынъ и гаваритъ: «Здравствуй, братецъ мой!» называетъ ево па имяни. Тому, знашъ, въ диковинку, што въ каляски — такой знатнай баринъ ево знатъ, и не узналъ ево. «Помнишъ, ты спорилъ са мною, што лутча жить кривдай, чѣмъ правдай, и выкалалъ мнѣ глаза? Эвто я самой!» Вотъ, знашъ, онъ арабѣлъ и не зналъ, што дѣлать. «Нѣтъ, не бойся!

[1]) Т.-е. принаровился къ ихъ пріемамъ и обычаямъ.

я на тебя не сержусь, а жилаю и тебѣ такова жъ счастья. Вотъ пади ты въ такой-та лѣсъ — знашъ, научàтъ ево, какъ ево Богъ научилъ; въ томъ лѣси увидишъ ты трапинку, пади па той трапинки — придешъ ты къ гремячему ключу, напейся изъ таво ключа вады и умойся; какъ умоишься, пади ты вверхъ па ключу — увидишъ тамъ ты бальшой дупъ, влѣсь на нево и прàсиди всю ночь на немъ. Падъ нимъ, слышъ, таковище нечистыхъ духовъ, и ты слушай и услышишъ сваё счастье!»

Вотъ, знашъ, кривадушнай-ятъ па ево слову, какъ па-писаннаму, все эвто здѣлалъ: нашолъ лѣсъ и ту трапинку; пашолъ па трапинки и пришолъ къ гремячаму ключу, напился и умылся; умылся и пашолъ, знашъ, вверхъ па немъ; пашолъ вверхъ и увидѣлъ бальшой дупъ — падъ нимъ все утоптана. Вотъ онъ залѣсъ на эвтотъ дупъ, залѣсъ на дупъ и даждался ночи; даждался ночи и слышитъ, знашъ, какъ са всѣхъ старонъ слятались на таковище нечистые духи. Вотъ какъ слятѣлись и услыхали па духу ево на дубу; услыхали па духу и растерзали его на мелкія части. Такъ тѣмъ эвто дѣло и пакончилось, што правдивай-ятъ сталъ царскимъ сыномъ, а кривадушнава-та загрызли черти.

Записана въ Чистопольскомъ у., Казанской губ.

67

Королевичъ и его дядька

Жилъ-былъ король, у него былъ сынъ-подростокъ. Королевичъ былъ всѣмъ хорошъ — и лицомъ и нравомъ, да отецъ-то его не больно: все его корысть мучила, какъ бы лишній барышъ взять да побольше оброку сорвать. Увидѣлъ онъ разъ старика съ соболями, съ куницами, съ бобрами, съ лисицами. «Стой, старикъ!

откудова ты?» — «Родомъ изъ такой-то деревни, батюшка, а нынѣ служу у мужика-лѣшаго». — «А какъ вы звѣрей ловите?» — «Да лѣшій-мужикъ наставитъ лѣсы[1], звѣрь глупъ — и попадётъ». — «Ну, слушай, старикъ! я тебя виномъ напою и денегъ дамъ; укажи мнѣ, гдѣ лѣсы ставите?» Старикъ соблазнился и указалъ. Король тотчасъ же велѣлъ лѣшаго-мужика поймать и въ желѣзной столбъ заковать, а въ его заповѣдныхъ лѣсахъ свои лѣсы подѣлалъ. Вотъ сидитъ мужикъ-лѣшій въ желѣзномъ столбѣ да въ окошечко поглядываетъ, а тотъ столбъ въ саду стоялъ. Вышелъ королевичъ съ бабками, съ мамками, съ вѣрными служанками погулять по̀ саду; идетъ мимо столба, а мужикъ-лѣшій кричитъ ему: «Королевское дитя! выпусти меня; я тебѣ самъ пригожусь». — «Да какъ же я тебя выпущу?» — «А пойди къ своей матери и скажи ей: матушка моя любезная, поищи у меня вшей въ головкѣ. Да головку-*та* положь къ ней на колѣни; она станетъ у тебя въ головѣ искать, а ты улучи минуту, вытащи ключъ у ней изъ кармана, да меня и выпусти». Королевичъ такъ и сдѣлалъ: вытащилъ ключъ изъ кармана у матери, прибѣжалъ въ садъ, сдѣлалъ себѣ стрѣлку, положилъ на тугой лукъ и пустилъ ее далеко-далеко, а самъ кричитъ, чтобъ мамки и няньки ловили стрѣлу. Мамки и няньки разбѣжались; въ это время королевичъ отпёръ желѣзной столбъ и высвободилъ мужика-лѣшаго.

Пошелъ мужикъ-лѣшій рвать королевскія лѣсы! Видитъ король, что звѣри больше не попадаются, осерчалъ и напустился на свою жену: зачѣмъ ключъ давала, мужика-лѣшаго выпускала? И созвалъ онъ бояръ, генераловъ и думныхъ людей, какъ они присудятъ; голову ли ей на плахѣ снять, али въ ссылку

[1]) Сѣти, ловушки.

сослать? Плохо пришлось королевичу, — жаль родную мать, и признался онъ отцу, что это его вина: вотъ такъ-то и такъ-то все дѣло было. Взгоревался король: что ему съ сыномъ дѣлать? Казнить нельзя; присудили: отпустить его на всѣ на четыре стороны, на всѣ вѣтры полуденные, на всѣ вьюги зимнія, на всѣ вихри осенніе; дали ему котомку и одного дядьку.

Вышелъ королевичъ съ дядькою въ чистое поле; шли они близко ли, далеко ли, низко ли, высоко ли, и увидали колодезь. Говоритъ королевичъ дядькѣ: «Ступай за водою!» — «Нейду!» отвѣчаетъ дядька. Пошли дальше, шли-шли — опять колодезь. «Ступай, принеси воды: мнѣ пить хочется», проситъ дядьку королевскій сынъ въ другой разъ. «Нейду!» говоритъ дядька. Вотъ еще шли-шли — попадается третій колодезь; дядька опять нейдетъ, и пошелъ за водою самъ королевичъ. Спустился въ колодезь, а дядька захлопнулъ его крышкою и говоритъ: «Не выпущу! Будь ты слугой, а я — королевичемъ». Нечего дѣлать, королевичъ согласился и далъ ему въ томъ росписку своей кровью: потомъ помѣнялись они платьями и отправились дальше.

Вотъ пришли они въ иное государство; идутъ къ царю во дворецъ, — дядька впереди, а королевичъ позади. Сталъ дядька жить у того царя въ гостяхъ, и ѣстъ и пьетъ съ нимъ за единымъ столомъ. Говоритъ онъ ему: «Ваше царское величество! возьмите моего слугу хоть на кухню». Взяли королевича на кухню, заставляютъ его дрова носить, кострюли чистить. Немного прошло времени — выучился королевичъ готовить кушанье лучше царскихъ поваровъ. Узналъ про то государь: полюбилъ его и сталъ дарить золотомъ. Поварамъ показалосъ обидно, и стали они искать случая, какъ бы извести его. Вотъ одинъ разъ сдѣлалъ

королевичъ пирогъ и поставилъ въ печку, а повара добыли яду, взяли да и посыпали на пирогъ. Сѣлъ царь обѣдать; подаютъ пирогъ, царь только было за ножъ взялся, какъ бѣжитъ главной поваръ: «Ваше величество! не извольте кушать». И насказалъ на королевича много всякой напраслины. Царь не пожалѣлъ своей любимой собаки, отрѣзалъ кусокъ пирога и бросилъ на́земь; собака съѣла да тутъ же издохла. Призвалъ государь королевича, закричалъ на него грознымъ голосомъ: «Какъ ты смѣлъ съ отравой пирогъ изготовить? Сейчасъ велю тебя казнить лютою казнію!» — «Знать не знаю, вѣдать не вѣдаю, ваше величество! отвѣчаетъ королевичъ: видно, поварамъ въ обиду стало, что вы меня жалуете, — нарочно меня подъ отвѣтъ подвели». Царь его помиловалъ, велѣлъ конюхомъ быть.

Повёлъ королевичъ коней на водопой, а навстрѣчу ему мужикъ-лѣшій: «Здорово, королевской сынъ! пойдемъ ко мнѣ въ гости». — «Боюсь, кони разбѣгутся». — «Ничего, пойдемъ!» Изба тутъ же очутилась. У лѣшаго-мужика три дочери; спрашиваетъ онъ старшую: «А что ты присудишь королевскому сыну за то, что меня изъ желѣзнаго столба выпустилъ?» Дочь говоритъ: «Дамъ ему скатерть-самобранку». Вышелъ королевичъ отъ лѣшаго-мужика съ подаркомъ, смотритъ — кони всѣ налицо; развернулъ скатерть — чего хочешь, того просишь: и питье и ѣда. На другой день гонитъ онъ царскихъ коней на водопой, а мужикъ-лѣшій опять навстрѣчу: «Пойдемъ ко мнѣ въ гости!» Привелъ и спрашиваетъ середнюю дочь: «А ты что королевскому сыну присудишь?» — «Я ему подарю зеркальцо: что̀ захочешь, все въ зеркальцѣ увидишь!» На третій день опять попадается королевичу мужикъ-лѣшій, ведетъ къ себѣ въ гости и спрашиваетъ мень-

шую дочь: «А ты что королевскому сыну присудишь?» — «Я ему подарю дудочку, — только къ губамъ приложи, сейчасъ явятся и музыканты и пѣсельники». Весело стало жить королевскому сыну: ѣстъ-пьетъ хорошо, все знаетъ, все вѣдаетъ, музыка цѣлой день гремитъ. Чего лучше? А кони-то, кони-то! чудо да и только: и сыты, и статны, и нà ногу рѣзвы. Началъ царь хвалиться своей любимой дочери, что послалъ ему Господъ славнаго конюха. А прекрасная царевна и сама давнымъ-давно конюха запримѣтила; да какъ и не замѣтить красной дѣвицѣ добра мòлодца! Любопытно стало царевнѣ: отчего у новаго конюха лошади и рѣзвѣе и статнѣе, чѣмъ у всѣхъ другихъ. «Дай, думаетъ, пойду въ его горницу, посмотрю, какъ онъ, бѣдняжка, поживаетъ». А ужъ извѣстно: чего баба захочетъ, то и сдѣлаетъ. Улучила время, когда королевичъ на водопой коней погналъ, пришла въ его горницу, и какъ глянула въ зеркальцо, — тотчасъ все смекнула и унесла съ собой и скатерть-самобранку, и зеркальцо, и дудочку.

Въ это время случилась у царя бѣда: наступилъ на его царство семиглавый Идолище, проситъ себѣ царевну въ замужество: «А если не выдадутъ, такъ и силой возьму!» сказалъ онъ и разставилъ свое войско — тьму тьмущую. Плохо пришлось царю; дѣлаетъ онъ кличъ по всему своему царству, сзываетъ князей и богатырей: кто изъ нихъ побѣдитъ Идолища семиглаваго, тому обѣщаетъ дать половину царства и вдобавокъ дочь въ замужество. Вотъ собрались князья и богатыри, поѣхали сражаться противъ Идолища; отправился и дядька съ царскимъ войскомъ. И нашъ конюхъ сѣлъ на кобылу сиву и потащился вслѣдъ за другими. Ѣдетъ, а навстрѣчу ему мужикъ-лѣшій: «Куды ты, королевской сынъ?» — «Воевать». — «Да на

клячѣ далеко не уѣдешь! а еще конюхъ! Пойдемъ ко мнѣ въ гости». Привелъ въ свою избу, налилъ ему стаканъ водки. Королевичъ выпилъ. «Много ль въ себѣ силы чувствуешь?» спрашиваетъ мужикъ-лѣшій. «Да если бъ была палица въ пятьдесятъ пудовъ, я бъ ее вверхъ подбросилъ да свою голову подставилъ, а удара и не почуялъ бы!» Далъ ему другой стаканъ выпить: «А теперь много ли силы?» — «Да если бъ была палица во сто пудовъ, я бъ ее выше облаковъ подбросилъ». Налилъ ему третій стаканъ: «А теперь какова твоя сила?» — «Да если бы утвердить столбъ отъ земли до неба, я бы всю вселенную повернулъ!» Мужикъ-лѣшій нацѣдилъ водки изъ другого крану и подалъ королевичу; королевичъ выпилъ — и поубавилось у него силы кабы на седьмую часть. Послѣ вывелъ его мужикъ-лѣшій на крыльцо, свистнулъ молодецкимъ посвистомъ: отколь ни взялся — вороной конь бѣжитъ, земля дрожитъ, изъ ноздрей пламя, изъ ушей дымъ столбомъ, изъ-подъ копытъ искры сыплются. Прибѣжалъ къ крыльцу и палъ на колѣнки. «Вотъ тебѣ конь!» Далъ ему еще палицу-буявицу да плеть шелковую. Выѣхалъ королевичъ на своемъ ворономъ конѣ супротивъ рати непріятельской: смотритъ, а дядька его на березу взлѣзъ, сидитъ да отъ страху трясется. Королевичъ стегнулъ его плёткою разъ-другой и полетѣлъ на вражее воинство; много народу мечомъ прирубилъ, еще больше конемъ притопталъ, самому Идолищу семь головъ снёсъ. А царевна все это видѣла: не утерпѣла, чтобъ не посмотрѣть въ зеркальцо, кому она достанется. Тотчасъ выѣхала навстрѣчу, спрашиваетъ королевича: «Чѣмъ себя поблагодарить велишь?» — «Поцѣлуй меня, красна дѣвица!» Царевна не устыдилася, прижала его къ ретиву сердцу и громко-громко поцѣловала, такъ что все войско услышало.

Королевичъ ударилъ коня — и былъ таковъ! Вернулся домой и сидитъ въ своей горенкѣ, словно и на сраженіи не былъ; а дядька всѣмъ хвастаетъ, всѣмъ разсказываетъ: «Это я былъ, я Идолище побѣдилъ!» Царь встрѣтилъ его съ большимъ почетомъ, сговорилъ за него свою дочь и задалъ великой пиръ. Только царевна не будь глупа — возьми да и скажись, что у ней головушка болитъ, ретивое щемитъ. Какъ быть, что дѣлать нарѣченному зятю? «Батюшка! говоритъ онъ царю, дай мнѣ корабль, я поѣду за лѣкарствами для своей невѣсты, да прикажи и конюху со мной ѣхать: я вить больно къ нему привыкъ!» Царь послушался, далъ ему корабль и конюха. Вотъ они и поѣхали; близко ли, далеко ль отплыли — дядька приказалъ сшить куль, посадить въ него конюха и пустить въ воду. Царевна глянула въ зеркальцо, видитъ — бѣда! сѣла въ коляску и поскорѣй къ морю; а на берегу ужъ мужикъ-лѣшій сидитъ да неводъ вяжетъ. «Мужичокъ! помоги моему горю: злой дядька королевича утопилъ». — «Изволь, красна дѣвица! вотъ и неводъ готовъ! Приложи-ка сама къ нему бѣлыя ручки». Вотъ царевна запустила неводъ въ глубокое море, вытащила королевича и повезла съ собою; а дома все дочиста отцу разсказала. Сейчасъ веселымъ пиркомъ да и за свадебку: у царя ни медъ варить ни вино курить — всего вдоволь! А дядька накупилъ разныхъ снадобій и воротился назадъ; входитъ во дворецъ, а тутъ его и схватили. Взмолился онъ, да поздно: духомъ его на воротахъ разстрѣляли. Свадьба королевича была веселая: всѣ кабаки и трактиры на цѣлую недѣлю были открыты для простого народа безденежно. И я тамъ былъ, медъ-вино пилъ, по усамъ текло, а въ ротъ не попало.

68
Иванъ-царевичъ и Мареа-царевна

У одново царя много лѣтъ содержался мужичокъ, руки желѣзны, голова чигунна, самъ мѣдной, хитрецъ былъ, важной человѣкъ! Сынъ царю Иванъ-царевичъ былъ малинькой, ходилъ мимо тюрьмы. Этотъ старикъ потткликалъ ево къ себѣ и взмолился ему: «Дай, пожалуста, Иванъ-царевичъ, напиться!» Иванъ-царевичъ еще ничево не зналъ — былъ малинькой, подчерпнулъ воды и подалъ ему: старика съ этово въ тюрьмѣ не стало — ушолъ. Дошла эта вистъ и до царя. Царь приказалъ Ивана-царевича за это дѣло выгнать изъ царства. Царско слово — законъ: Ивана-царевича выгнали изъ царства; пошолъ онъ куда глаза глядятъ.

Шолъ долго; наконецъ приходитъ въ друго царство прямо къ царю, просится въ службу. Царь ево принялъ, приказалъ сдѣлать конюхомъ. Онъ только спитъ на конюшнѣ, а за конями не ходитъ; конюшенной староста не однажды билъ ево. Иванъ-царевичъ все терпѣлъ. Какой-то царь свaталъ царевну у этово царя и не высваталъ; за то объявилъ войну. Этотъ царь ушолъ съ войсками, а царствомъ осталась править дочь ево Мареа-царевна. Она и прежде замѣчала Ивана-царевича, что онъ не простова роду; за то и послала ево въ какое-то мѣсто губернаторомъ. Иванъ-царевичъ уѣхалъ, живётъ тамъ, правитъ дѣломъ. Одинъ разъ поѣхалъ онъ на охоту; только выѣхалъ за жило — неоткуда взялся мужичокъ-руки желѣзны, голова чигунна, самъ мѣдной: «А, здравствуй, Иванъ-царевичъ!» Иванъ-царевичъ ему поклонился. Старикъ зовётъ его: «Поѣдемъ, говоритъ, ко мнѣ въ гости». Поѣхали. Старичокъ ввёлъ ево въ богатой домъ, крикнулъ малой дочерѣ: «Эй, давай-ко намъ пить и йись, да и полу-

ведёрную чашу вина!» Закусили; вдрукъ дочь приносить полуведерную чашу вина и подноситъ Ивану-царевичу. Онъ отказывается, говоритъ: «Мнѣ не выпить!» Старикъ велитъ браться; взялъ чашу и откуда у *нево* сила взялася: на одинъ духъ такъ и выпилъ это вино! Потомъ старикъ созвалъ *ево* разгулятся; дошли до камня въ п*е*тьсотъ пудовъ. Старикъ говоритъ: «Поднимай этотъ камень, Иванъ-царевичъ!» Онъ думаетъ себѣ: «Гдѣ мнѣ поднять такой камень! однако попробую». Взялъ и лекко перекинулъ; самъ опять и думатъ: «Откуда *жо* у меня берётся сила? небось этотъ старикъ въ винѣ ее мнѣ подаетъ». Походили сколько времени и пошли въ домъ. Приходятъ: старикъ середней дочерѣ крикнулъ ведро вина принести. Иванъ-царевичъ смѣло взялся за чашу вина, выпилъ на одинъ духъ. Оп*е*ть пошли разгулятся, дошли до камня въ тысячу пудовъ. Старикъ говоритъ Ивану-царевичу: «Ну-ко, переметни этотъ камень!» Иванъ-царевичъ тотчасъ схватилъ камень и бросилъ, и думатъ себѣ: «Эка сила хочетъ во мнѣ быть!» Воротились опеть въ домъ, и опеть старикъ крикнулъ большой дочерѣ принести полтора ведра чару зелена вина. Иванъ-царевичъ и это выпилъ на одинъ духъ. Пошли со старикомъ разгулятся. Иванъ-царевичъ легонько метнулъ камень въ полторы тысячи пудовъ. Тогда старикъ далъ ему скатёртку-самовёртку, и говоритъ: «Ну, Иванъ-царевичъ! въ тебѣ теперь много силы: лошадѣ не поднять! крыльцо дома вели передѣлать, теб*е* оно не станётъ поднимать; стулья надо други *жо*; подъ полы можно наставить ча*шше* подстоекъ. Ступай съ Богомъ!» Всѣ люди засмѣялись, какъ увидѣли, что губернаторъ съ охоты идётъ пѣшкомъ, а лошадь ведётъ въ поводу. Онъ пришолъ домой; подъ пола велѣлъ наставить стоёкъ, стулья всѣ пе-

редѣлали, стряпокъ, горничныхъ прогналъ, одинъ себѣ живётъ какъ пустынникъ. И всѣ дивятся, какъ живётъ онъ голодомъ: никто ему не стряпатъ! даромъ что *ево* питатъ скатёртка-самовёртка. Въ гости ходить ни къ кому онъ не сталъ, да и какъ ходить? Нич*ево* *ево* не поднимало въ домахъ.

Царь между тѣмъ съ походу воротился, узналъ, что Иванъ-царевичъ живётъ губернаторомъ, приказалъ ево смѣнить и сдѣлать оп*е*ть конюхомъ. Неч*ево* дѣлать — Иванъ-царевичъ сталъ жить конюхомъ. Одинъ разъ конюшенн*ой* староста сталъ *ево* куда-то наряжать, да и ударилъ; Иванъ-царевичъ не стерпѣлъ, какъ схватилъ ево самъ, такъ голову и отшибъ. Дошло дѣло это до царя; привели Ивана-царевича. «Почто ты ушибъ старосту?» спросилъ царь. «Онъ самъ наперёдъ ударилъ меня; я не шипко и отплатилъ ему, да какъ-то по головѣ: голова и отпала». Другіе конюхи сказали то *жо*: задѣлъ наперёдъ староста, а Иванъ-царевичъ ударилъ ево не шипко. Нич*ево* не сдѣлали съ Иваномъ-царевичемъ, только смѣнили изъ конюховъ въ солдаты, онъ и тутъ началъ жить.

Не чрезъ долгое врем*ени* приходитъ къ царю мужичокъ-самъ съ нокоть, борода съ локоть, и подаётъ письмо за тремя ч*о*рными печатями отъ Водянов*а* царя; тутъ написано: ежели царь въ такой-то день и на такой-то островъ не привезётъ дочь свою Марѳу-царевну въ замужъ за сына Водянова царя, то онъ людей всѣхъ прибьётъ и все царство огнёмъ сожгётъ а за Марѳой-царевной будетъ трёхглавой змій. Царь прочиталъ это письмо, подалъ отъ себѣ другой отвѣтъ къ Водяному царю, что дочь отдать согласёнъ; проводилъ старика и созвалъ сенаторовъ и думныхъ дьяковъ думу думать, какъ отстоять дочь отъ трехглав*аво* змія? Ежели не послать ее на островъ, то всему царству

отъ Водянова царя будетъ смерть. Кликнули кличъ: не выищотся ли такой человѣкъ, который бы взялся выручать отъ змія Марѳу-царевну? за тово ее царь и въ замужъ отдастъ. Нашолся какой-то поддергайко, взялъ роту солдатъ, повёзъ Марѳу-царевну; привозитъ на островъ, оставилъ ее въ хижинѣ, а самъ остался дожидаться змія на улицѣ. Между тѣмъ Иванъ-царевичъ узналъ, что Марѳу-царевну увезли къ Водяному царю, собрался и поѣхалъ на островъ; пришолъ въ хижину, Марѳа-царевна плачетъ. «Не плачь, царевна! сказалъ онъ ей, Богъ милостивъ!» Самъ лёкъ на лавку, голову положилъ на колѣна Марѳѣ-царевнѣ и успулъ. Вдрукъ змій и началъ выходить, воды за нимъ хлынуло на три аршина. Баринъ съ солдатами стоялъ тутъ; какъ начала вода прибывать, онъ и скомандовалъ имъ: маршъ на лѣсъ! Солдаты всѣ сбились на лѣсъ. Змій вышолъ и идётъ прямо въ хижину. Марѳа-царевна увидѣла, что змій идётъ за ней, начала Ивана-царевича будить; тотъ соскочилъ, на одинъ разъ отсѣкъ всѣ три головы у змія, а самъ ушолъ. Баринъ повёзъ Марѳу-царевну домой къ отцу.

Не чрезъ много времени старикъ-самъ съ нокоть, борода съ локоть выходитъ опеть изъ воды и несётъ отъ Водянова царя письмо за шести чорными печатями, чтобы царь привёзъ дочь на тотъ жо островъ шестиглавому змію; а ежели онъ не отдастъ Марѳу-царевну, то Водяной царь грозился все царство потопить. Царь отписалъ опеть, что согласенъ отдать Марѳу-царевну. Малинькой старичонко ушолъ. Царь началъ кликать кличъ; послали вездѣ бумаги; не найдётся ли такой человѣкъ, которой бы избавилъ Марѳу-царевну отъ змія? Тотъ жо баринъ опеть явился, говоритъ: «Я, вашо царское величество, избавлю; только дайте роту

солдатъ». — «Да больше не надо ли? Теперь змій о шести главахъ». — «Будетъ! мнѣ и этово много». Собрались всѣ, повезли Марѳу-царевну: а Иванъ-царевичъ узналъ, что Марѳа-царевна опеть въ напасти, — за добродѣтель ее, что ево сдѣлала губернаторомъ, пошолъ туда ли, поѣхалъ ли; такжо засталъ Марѳу-царевну въ хижинѣ, входитъ къ ней. Она ужъ ждётъ ево; только увидѣла — обрадовалась. Онъ лёкъ и уснулъ. Вдругъ шестиглавый змій и началъ выходить; воды хлынуло на шесть аршинъ. Баринъ съ солдатами ишшо сперва сидѣлъ на лѣсу. Змій вошолъ въ хижину, Марѳа-царевна разбудила Ивана-царевича; вотъ они схватились, бились-бились; Иванъ-царевичъ отсѣкъ змію голову, другу, третью и всѣ шесть и сбросалъ ихъ въ воду, а самъ будто ни въ чомъ не бывалъ — пошолъ. Баринъ съ солдатами слѣзъ съ лѣсу, поѣхалъ домой, доноситъ царю, что Богъ помокъ отстоять Марѳу-царевну: и ее, видно, настрашшалъ чѣмъ-то этотъ баринъ: она не смѣла сказать, что не онъ отстайвалъ ее. Баринъ сталъ приступать, чтобы сдѣлали свадьбу. Марѳа-царевна велитъ подождать: «Дайте, говоритъ, мнѣ поправиться со страху; я и то вонъ какъ напугалась!»

Вдрукъ опеть тотъ жо старикъ-самъ съ нокоть, борода съ локоть выходитъ изъ воды и несётъ письмо съ девяти чорными печатями, чтобы царь немедленно послалъ Марѳу-царевну на такой-то островъ и въ такой-то день къ девятиглавому змію, а ежели не пошлетъ, то все ево царство будётъ потоплено. Царь опеть отписалъ, что согласёнъ; самъ началъ искать такова человѣка, какой бы избавилъ царевну отъ девятиглавова змія. Тотъ жо баринъ опеть выискался и поѣхалъ съ ротой солдатъ и съ Марѳой-царевной. Иванъ-царевичъ услыхалъ это, собрался и отправился

туда жо, а Марѳа-царевна тамъ ждётъ ужъ ево. Онъ пришолъ; она обрадовалась, стала ево спрашивать, какова онъ роду, кто такой, какъ зовутъ? Онъ ничево не сказалъ, лёкъ и уснулъ. Вотъ девятиглавой змій и началъ выходить, воды поднялъ на себѣ на девять аршинъ. Баринъ опеть скомандовалъ солдатамъ: маршъ на лѣсъ! — залѣзли. Марѳа-царевна будитъ Ивана-царевича, не можотъ разбудить; змій ужъ блиско у порогу! Она слёзно заплакала; Ивана-царевича разбудить все не можотъ. Змій ужъ подползатъ, только схватитъ Ивана-царевича — онъ все спитъ. У Марѳы-царевны былъ ножичокъ перочинной; она имъ и рѣзнула по *шш*окѣ Ивана-царевича. Онъ проснулся, соскочилъ, схватился со зміемъ бится, барахтатся. Вотъ змій началъ исдолять Ивана-царевича. Неоткуда взялся мужичокъ-руки желѣзны, голова чигунна, самъ мѣдной, схватилъ змія; отсикли двоймя ему всѣ головы, сбросали въ воду и ушли. Баринъ пу*шш*е то*в*о обрадовался, соскакали съ лѣсу, отправились въ свое царство, и онъ неотступно сталъ просить царя сдѣлать свадьбу. Марѳа-царевна отказывалась: «Подождите немного, да дайте мнѣ оправиться; я и то вонъ какъ испугалась!»

Старичокъ-самъ съ нокотокъ, борода съ локотокъ опеть принёсъ письмо. Водяной царь требуётъ виноватова. Барину и не хотѣлось было ѣхать къ Водяному царю, да нечево дѣлать — послали. Снарядили корабль и отправились (а Иванъ-царевичъ тутъ на флотѣ служилъ, какъ-то попалъ тутъ жо на корабль); плывутъ. Вдрукъ навстрѣчю имъ корабль — какъ птица летитъ, только и кричатъ: «Виноватова! виноватова!» и пробѣжалъ мимо. Немного отплыли, другой корабль навстрѣчю, и опеть кричатъ: «Виноватова! виноватова!» Иванъ-царевичъ указалъ на барина; у̓жъ они его били-били — до полусмерти! Проѣхали.

Вотъ пріѣзжаютъ они къ Водяному царю. Водяной царь приказалъ натопить до́красна чигунну ли, желѣзну ли баню и виноватова посадить туда. Баринъ перепугался, душа въ пятки ушла, смертонька приходитъ! А у Ивана-царевича остался съ тѣхъ кораблей какой-то человѣкъ, увйдялъ, что Иванъ-царевичъ не простова роду, и сталъ у нево служить. Иванъ-царевичъ и послалъ ево: «Ступай, просиди въ банѣ». Тотъ сейчасъ сбѣгалъ; ему — дьяволъ-то и есть — ничево тамъ не дѣлатся, прибѣжалъ обратно невредимъ. Виноватова опеть потребовали, теперь ужъ къ самому Водяному царю; барина увели. Ужъ ево ругалъ-ругалъ, билъ-билъ Водяной царь и велѣлъ прогнать. Поѣхали обратно.

Баринъ дома пуще ишшо сталъ гордиться и не отходитъ отъ царя, приступатъ, чтобы сдѣлалъ свадьбу. Царь просваталъ; назначили день, когда быть свадьбѣ. Баринъ — гдѣ поднялся̀! рукой не достанёшь! никто блиско не подходи! А царевна говоритъ отцу: «Батюшко! вели собрать всѣхъ солдатъ; я хочю смотрѣть ихъ». Тотчасъ солдатъ собрали. Мареа-царевна и пошла, всѣхъ обошла, и доходитъ до Ивана-царевича, взглянула на шшоку и видитъ рубецъ, какъ она ножичкомъ ево рѣзнула; берётъ она Ивана-царевича за̀ руку и ведётъ къ отцу: «Вотъ, батюшко, кто меня избавилъ отъ зміевъ; я не знала — кто онъ, а теперь узнала по рубцу на шшокѣ. Баринъ-отъ сидѣлъ съ солдатами на лѣсу!» Тутъ жо солдатъ тѣхъ спросили: сидѣли ли они на лѣсу? Они сказали: «Правда, вашо царско величество!» Баринъ былъ еле живъ, негодёнъ! Тово разу ево разжаловали и послали въ ссылку; а Иванъ-царевичъ обвѣнчался на Мареѣ-царевнѣ, сталъ жить да быть и хлѣбъ жовать.

Записана въ Пермской губ., Шадринскомъ округѣ, государственнымъ крестьяниномъ А. Зыряновымъ.

69

Масенжны дзядокъ

Быу сабе гаспадаръ, имѣу трехъ сыноу; двухъ розумныхъ, а треци дурень. Да таго гаспадара упадзилося[1] нѣшто у пшаницу и што дзень — по моргу[2] зъѣдало. Паслау той гаспадаръ на першую ночь старшаго сына вартаваць[3]; ёнъ пашоу, сидзѣу-сидзѣу, а падъ самы дзень заснуу, и рано, якъ устау, то пшаницу знашоу нецѣлую. На другую ночь пашоу середни, и ёнъ такъ само заснуу падъ дзень — и нѣшто зъѣло пшаницу. На трецюю ночь памоу дурень; ёнъ, якъ тольки пришоу, такъ з' вечера и лёгъ спаць, а падъ дзень устау и сядзиць; ажъ прилетая пташка. Ёнъ падкрауся и злавиу тую пташку и усадзиу у мѣхъ, и самъ лёгъ спаць. На други дзень приходзяць брате старшіе глядзѣць пшаницы — ажъ пшаница цѣлая, а дурень спиць. Яны пабудзили дурня и стали цытаць: «Чаму сегодня цѣлая пшаница?» Ёнъ разсказау братомъ усе, якъ было, и паказау пташку, катора сядзѣла у мѣху. Яны адабрали адъ дурня тую пташку и панясли бацьку на паказъ. Пришоуши да бацька, яны сказали, што дурень спиць и што яны злавили пташку, катора сядзѣла на пшаницы и ѣла. Бацько, разглядзѣуши тую цташку, панёсъ её да круля. Круль узяу пташку, заплациу за её мужику и казау замкнуць да склепу, а ключъ аддау жонцы. Сядзѣла тая пташка, сядзѣла у склепѣ, ажъ падбѣгъ падъ дзвери маленки кралевичъ. Дакъ тая пташка зачиная прасиць у кралевича чалавѣчаскимъ голасамъ, кабъ ёнъ ее выпусциу. «Якъ же я магу

---

[1]) Повадилось.
[2]) Моргъ — мѣра земли, меньше нашей десятины.
[3]) Wartować — караулить, стеречь.

выпусциць, кали ключъ адъ склепу у маей матки на шiи?» сказау кралевичъ. «Вазьми падлащися[1] да матки, адкрадзи ключъ и мене выпусци», сказала пташка. Той кралевичъ такъ и зрабиу: пришоу да матки, зачау пѣсицца[2], адкрау ключъ и выпусциу тую пташку; а тая пташка — то быу масенжны дзядокъ[3], и ёнъ, выходзячи съ склепу, сказау кралевичу: «Якъ чаго табѣ будзе треба, то тольки выйдзи на дворъ и скажи: масенжны дзѣдку, памажѝ мнѣ! — то я зàразъ пристаулюся и, чаго тольки будзе треба, то усе зраблю». На други дзень круль паспрашау гасцей, кабъ паглядзе́ли такой дзиунай пташки. Пазъѣжджалися гесци глядзѣць пташки и па абѣдзѣ пашли да склепу; приходзяць туда, адамкнули скленъ, ажъ пташки нима! Кароль зáразъ да жонки, бо у её были ключи. Жонка бажилася, присягалася, што не выпущала пташки, але ёй не вѣрили и присудзили ее страциць[4]. Плакала яна, плакала, а послѣ припаминае, што коло её пѣсциуся сынъ й пеуно ёнъ адкрау ключи; яна гето сказала мужу и усѣмъ гасцямъ. Госци адны казали, кабъ сына павѣсиць, другiе казали — кабъ утапиць, а адзинъ изъ гасцей каже, што паши́ць яму́ свины кажушокъ и пусциць у свѣтъ. Усѣ на гето згадзилися[5]. Матка вельми плакала, а послѣ бачучи, што плачь не паможе, казала принясци той свины кажушокъ и панашивáла у яго грошей принаймнѣй тысячъ сто бумажками и золотомъ, и выправила ягò.

---

[1]) Подольстись.

[2]) Ласкаться; pieścić — нѣжить.

[3]) Дзѣдка (дзядокъ), по бѣлорусскимъ повѣрьямъ, есть хранитель кладовъ и представляется съ огненными глазами и огненною бородою. Эпитетъ: масенжны — mosiężny (желтомѣдный), вѣроятно указываетъ на храненiе этимъ дзѣдкомъ мѣдныхъ кладовъ.

[4]) Казнить.

[5]) Согласились.

Ёнъ узяу кіёкъ[1] дый пашоу. Идзе ёнъ и плаче: што яму̀ начаць? Ажъ приходзиць яму̀ на мысль масенжны дзядокъ; ёнъ взашоу на гору и сказау: «Масенжны дзѣдку! памажи мнѣ». Дакъ заразъ той дзядокъ пришоу до ягò и запытауся: чаго яму̀ треба? Ёнъ разказау усё, якъ было, и прасиу, кабъ яму̀ памогъ. Дзядокъ падумауши сказау: «Идзи ты за моро[2] да караля и праси ягó, кабъ приняу цебе за кухцика[3]; якъ ёнъ цебе приме, то заразъ будзе вайна, и ты папрасися у кухара, кабъ табѣ пазволиу пайсци[4] паглядзѣць той вайны, и якъ ёнъ табѣ пазволиць, то выйдзи за варота и пакличь мене». Той кралевичъ паслухау дзѣдка и пашоу; приходзиць ёнъ за моро — ажъ стаиць палацъ и на дварѣ пахаджая круль. Кралевичъ у свинымъ кажушку падышоу да караля и стау прасицца, кабъ приняу ягò да себе за кухцика. Кароль згадзиуся и казау исци да кухни. Служиу ёнъ у караля годъ, други, ажъ на трецёмъ гаду зрабилася вайна. Круль пазбирау войско, самъ вабрауся и паѣхау на вайну. Кухцикъ, давѣдаупшся, што кароль паѣхау, зачау прасицца у кухара, какъ яму̀ пазволиу паглядзѣць вайны; кухаръ не хацѣу пазволиць, але кралевичъ дау кухару пяць рублёу, а ёнъ яму̀ пазволиу. Кралевичъ вышау за браму[5] и зачау кликаць масенжнаго дзѣдка. Дзядокъ заразъ приставиуся, дау яму̀ каня, вабрау у ахвицерскае адзенё, дау мечъ, дау серебрапое яблыко и сказау: «Ты на вайнѣ гетымъ мечомъ пабъешь усе непріяцельскае войско; круль цебе будзе прасиць да свайго палацу; але ты не йдзи; а гетое яблыко, якъ вернешся

---

1) Палку.
2) Море.
3) Kuchcik — поваренокъ.
4) Пойдти.
5) Brama — ворота.

да палацу, то будзешь качаць, и будзе у цебе прасиць кралеуна гетаго яблычка, то ты тагды аддай ёй, кали яна пазволиць переначавац табѣ у кралеуны пакои у парозѣ». Кралевичъ такъ и зрабиу: паѣхау на вайну, пабиу усе войско; кароль прасиу, кабъ ёнъ заѣхау да палацу, але ёнъ не згадзиуся. Послѣ, пріѣхауши да дому, переадзѣуся у свой свины кажушокъ, пришоу да кухни; тамъ, памыуши начинё[1], зачау качаць сребное яблычко — ажъ уходзиць кралеуна, и якъ убачила тое яблычко, такъ и зачала прасиць у яго, кабъ ёнъ прадау. «Я ничого болѣй не хачу, тольки — кабъ кралеуна пазволила у сваёмъ пакои у парозѣ переначаваць». — «Дòбра!» сказала кралеуна и узяла яблычко. Якъ пришла ночь, кралевичъ пашоу да кралеуны пакою, переначавау у парозѣ и вернууся да кухни. Перезъ гадоу два изноу зрабилася вайна; кароль такъ само пазбирау войско и паѣхау. Кухцикъ выпрасиуся у кухара на вайну, взашоу за браму, крикнуу на дзѣдка, и ёнъ заразъ приставиуся; дау кралевичу каня, вабрау у ахвицерскае адзенё, дау залатое яблыко и казау аддаць ягó кралеунѣ тагды, кали яна пазволиць переначаваць коло свайго ложка[2]. Кралевичъ такъ само пабиу непріяцельскае войско; круль прасиу ягó да палацу, але ёнъ не згадзиуся и вернууся да дому. Памыуши начинё, зачау качаць и забауляцца съ сваимъ яблыкамъ — ажъ изноу вайшла кралеуна и зачала прасиць, кабъ ёнъ прадау яблычко. Ёнъ адказау, што жаднай[3] платы не хоче, тольки хоче — кабъ пазволила яму́ переначаваць при сваёмъ ложку. Кралеуна пазволила и узяла яблычко. Кралевичъ сабрауся, пашоу у кралеуны пакой, переначавау

---

1) Naczynie — посуда.
2) Ложе.
3) Никакой.

коло кралеуны ложка и назаутра пашоу да кухни и приняуся да сваёй работы. Перезъ три гады изноу зрабилася вайна. Круль пазбирау сваё войско и самъ наѣхау на вайну. Кралевичъ, выпрасиушися у кухара; пашоу паглядзѣць нибыто вайны. Вышауши за браму, пакликау масенжнаго дзѣдка; ёнъ заразъ пtriставиуся, дау яму́ еще лѣпшаго каня и яблыко такое, якъ сонцо, и сказау: «Ты изноу пабьешь усе непріяцельскае войско, цебе раняць у руку, круль будзе прасиць да себе, але ты не ѣдзь; а гетое яблыко аддаси кралеунѣ тагды, кали яна пазволиць переначаваць табѣ на сваёмъ ложку». Кралевичъ, сѣуши на каня, палецѣу на вайну; прилецѣуши туды, заразъ зачау рубаць непріяцельскае войско, перерубау усѣхъ, але адзинъ шаблею удариу кралевича па руцѣ и раниу яго́. Кароль, убачиуши, што яго́ ранили, падскочиу заразъ, зняу съ шіи сваю хустку[1], абверцѣу рану и, аддауши свой персцёнакъ на па̀мятку, прасиу, кабъ ёнъ заѣхау да яго́ палацу адпачиць; але кралевичъ не захацѣу, удариу каня и схавауся за гору. Круль вельми быу радъ, што три вайны кончиу счастливе и забрау много другихъ краеу. Кралевичъ пусциу каня, переадзѣуся у свой свиньі кажушокъ и пришоу да кухни. Тамъ разпытывалися у яго́, што бачиу, и ёнъ разказау абъ усёмъ, якъ нѣки панъ пабиу непріяцельскос войско, якъ круль аддау свою хустку и свой персцёнакъ на па̀мятку и якъ прасиу да себе, але той панъ не захацѣу. Памыуши сваимъ звычаемъ начинё и гаршки, стау сабѣ забауляцца з' яблыкамъ, каторае асвѣцило цѣлую кухню. Якъ ёнъ забауляуся з' яблыкамъ, вайшла кралеуна да кухни и, убачиуши такое яблычко, зачала вельми прасиць, кабъ ёнъ яго́ прадау, и яна яму́ дасць тольки грошай, кольки ёнъ хоче. Кралевичъ у свинымъ

[1]) **Платокъ.**

кажушку сказау, што ёнъ грошей не хоче, тольки хоче — кабъ кралеуна пазволила переначавацъ на сваёмъ ложку. Кралеуна згадзилася и казала паслаць кухцику сваю пасцель. Якъ падышла ночь, кухцикъ пашоу да кралеуны пакою, разабрауся и лёгъ на её пасцели.

Назаутра кого гадзины[1] дванадцатой, у поудзень прачхнууся кралевичъ и казау прасиць да себе круля. Круль, здивиушися, вабрауся у мундиръ, сѣу у карету и пріѣхау. Пріѣхауши падъ палацъ, заразъ убачиу стражъ незнаёмую, але яна яго́ усюды прапускала, и кароль дашоу да кралевича пакою. Якъ тольки адамкнуу дзвери, кралевичъ падбѣгъ спатыкацъ[2], привитауся съ каралемъ и прасиу сядзѣць. Кароль заразъ пазнау таго, каторы быу три разы на вайнѣ и усѣ три разы пабиу непріяцельскае войско; также пазнау на кралевича руцѣ сваю хустку и на пальцы персцёнакъ. Кру́ль зачау абнимаць кралевича, што яму́ пашолъ на вайнѣ, и павёу да сваёй дачк . А кралеуна дауно яго́ палюбила, бо быу вельми хароши, и заразъ з' нимъ заручилася. На заручинахъ кралевичъ разказау, якъ яго́ выгнали з' дому, якъ масенжны дзядокъ имъ апекавауся[3], якъ ёнъ пришоу за моро, якъ дау яму́ той дзядокъ яблыка. Па заручинахъ у три недзѣли было веселё вельми гучное[4], а па весели паѣхали да родзицау кралевича. Бацке[5] ихъ не пазнали, бо мѣли свайго сына за прапаушаго; вельми были рады, што сынъ знашоуся, а асабливе маци, каторая зачала разпытывацца: якимъ способамъ ёнъ зайшоу такъ далёко? Кралевичъ заразъ абъ масенж-

1) Часа.
2) Встрѣчать.
3) О немъ заботился.
4) Пышное.
5) Родители.

номъ дзѣдку, якъ ёнъ яго́ завёу яжъ за моро, якъ ёнъ служиу за кухцика, якъ быу на вайнѣ; разказау абъ яблыкахъ, а послѣ — якъ адкрыуся крулю и якъ заручиуся и ажаниуся съ кралеунаю. Жили яны счасливы доуго; а послѣ бацке кралеуны и кралевича паумирали и пазаписывали сваи кралеуства имъ. А масенжны дзядокъ быу у ихъ ажъ да смерци и много имъ памагау у усёмъ, а асабливе у вайнѣ. Часто яны рабили балы, на каторыхъ и я быу, мёдъ-вино пиу; па барадзѣ цекло, а у роцѣ не было.

Записана старшимъ учителемъ новогрудскаго дворянскаго училища М. Дмитріевымъ.

70

Купеческая дочь и служанка

Жилъ купецъ прибогатый; у нево одна дочь была хороша-расхороша! Развозитъ этотъ купецъ товаръ по разнымъ губернямъ, и пріѣхалъ онъ въ нѣкое царство къ царю, привесъ красный товаръ и сталъ яму́ атдавать. Изымѣлъ съ нимъ царь таково слово: «Што, говоритъ, я по себѣ невѣсты не найду!» Вотъ купецъ и сталъ говорить этыму царю: «У меня есть дочка хороша; такъ хороша: што́ человѣкъ ни здумаитъ, то она узнаитъ!» То царь часа часовать не сталъ, написалъ письмо и скричалъ своимъ господамъ жандарамъ: «Ступайте вы къ этыму купцу и отдайте это письмо купеческой дочери!» А въ письмѣ написано: «Убирайся вѣнчатца». Взяла купеческая дочь это письмо на руки, залилась слезами и стала убиратца, и служанка съ нею; и нихто эту служанку не разгадаитъ съ купеческой дочерью; потому не разгадаитъ, што оби на одно лицо. Вотъ убрались они въ одинакое

платье и ѣдутъ къ царю винчатца. Дасàдна стало этой служанки; сичасъ и говоритъ она: «Пойдемъ по острову, погуляимъ!» Пошли по острову; усыпила служанка купеческую дочь соннымъ зельемъ, вырезала у ней глаза и положила въ карманчикъ. Потомъ приходитъ къ жандарамъ и говоритъ: «Господа жандары! уходилась нà мори моя служанка». А они въ отвѣтъ: «Намъ лишь бы ты была жива, а эта крестьянка вовси не нужна!» Пріѣхали къ царю; сичасъ стали винчатца и начали жить. Вотъ царь самъ себѣ и думаитъ: «Должно быть, купецъ меня обманулъ: это не купеческая дочь; отчего она такъ нехороша умомъ-разумомъ? вовси ничаво *нюм*ѣитъ дѣлать!» Живетъ онъ съ нею; а энта купеческая дочь опомнилась отъ болѣзни, штó ей служанка-то причинила: ничаво она не видитъ, а только слышитъ. И слышитъ она, што стирягётъ старичокъ скатину; стала ямý говорить: «Идѣ ты, дѣдушка, находишься?» — «Я живу въ избушки». — «Прими и меня съ собою!» Старичокъ принялъ ее. Она и говоритъ: «Дѣдушка! атгани скатину-то!» Онъ ее послушался — атогналъ скатину. И посылаитъ она этыва старика въ лавку: «Возьми ты бархту и шолку въ долхъ». Старичокъ пошелъ; изъ богатыхъ нихто не далъ въ долхъ, а дали ямý изъ бѣдной лавки. Принёсъ онъ слѣпинькой бархту и шолку; она ямý говоритъ: «Дѣдушка! ложись спать и ухомъ не веди; а мнѣ штó день, штó ночь — все равно!» И стала изъ бархту и шолку царскую карону шить; вышила такую хорошую карону, штó глядѣть — ни наглядишьси. Поутру рано будитъ слѣпинькая старика и говоритъ: «Поди отнеси къ царю, ничаво ни проси, а проси толька глазъ, и што надъ тобой ни будутъ тамъ дѣлать — ничаво ни бойсь!» Вотъ онъ пришелъ во дворецъ, принёсъ корону. Тутъ всѣ надъ

этый кароной сдивавались и стали у няво торговать; а старичокъ сталъ у нихъ просить глазъ. Сичасъ донесли царю, што онъ глазъ проситъ. Царь вы́шалъ, обрадывался карони и началъ торговать её, а тотъ и съ няво глазъ проситъ. Ну, царь заругалси и хочитъ ужъ яво́ въ астрохъ сажать. Только што́ царь ни говоритъ, а онъ свое дѣ́ла правитъ. Царь скричалъ сваимъ жандарамъ: «Подите, у плѣннаво солдата выриштя глазъ!» А жана яво́ царица сичасъ выскачила, вынимаитъ глазъ и даетъ яво́ царю. Царь оченно обрадовалси: «Ахъ, какъ ты меня выручила, царевнушка!» и отдалъ старику этотъ глазъ. Старикъ взялъ и пошелъ со дворца; пришолъ въ свою избушку. Сляпая спрашиваетъ: «Взялъ ли ты, дѣдушка, мой глазокъ?» Онъ говоритъ: «Взялъ!» Вотъ она приняла у няво́, вышла на зорю, поплевала на глазокъ, приставила — и стала видить. Посылаитъ она старичка опять въ лавки, дала яму́ денихъ, вилѣла долхъ отдать за шолкъ и за бархатъ и еще приказала взять бархту и золоту. Взялъ онъ у бѣднаво купца и принёсъ купеческой дочери и бархту и золоту. Вотъ она сѣла шить другую карону, сшила и посылаитъ старичка къ этыму жа царю, а сама приказываитъ: «Ничаво ни бири, толька глазъ проси; а станутъ тибя спрашивать: идѣ ты взялъ? скажи: мнѣ Богъ далъ!» Пришолъ старикъ во дворецъ; тамъ всѣ сдивавались: перва карона была храша, а эта ищо лучше. И говоритъ царь: «Што́ ни давать, а купить надо!» — «Дай мнѣ глазъ», проситъ старикъ. Царь сичасъ посылаитъ выризать глазъ у плѣннаво; а супруга царёва тутъ жа и вынимаитъ другой глазокъ. Царь оченно обрадовалси, благодаритъ ее: «Ахъ, какъ ты миня, матушка, выручила этимъ глазкомъ!» Спрашиваитъ царь старичка: «Идѣ ты, старичокъ, бирёшь эти кароны?» —

«Мнѣ Богъ далъ!» сказалъ яму́ старикъ и пошелъ со дворца. Приходитъ въ избушку, отдаетъ глазокъ слѣпинькой. Она вышла опять на зорю, поплевала глазокъ, приставила яво́ — и стала видить абѣми глазами. Ночь спала въ избушки, а то вдругъ очутилась въ стикляннамъ даму́ и завялà она гулянья.

Ѣдитъ царь посмотрѣть, што такоя за дива! хто такоя пастроилъ энти харомы? Въѣхалъ во дворъ, и такъ она яму́ рада, сичасъ яво́ принимаитъ и за столикъ сажаитъ. Попировалъ тамъ, уизжаитъ, и зоветъ ее къ сибѣ въ гости. Вернулся къ сибѣ въ домъ и сказываетъ своей царицы: «Ахъ, матушка, какой въ эвтакомъ мѣсти домъ! и какая въ немъ дѣвица: хто што́ ни вздумаитъ, то она узнаитъ!» Царица догадалась и говоритъ сама сибѣ: «Это вѣрна она, которой я глаза вырезала!» Вотъ царь опять ѣдитъ къ ней въ гости, а царицы оченно дасàдна. Пріѣхалъ царь, попировалъ и зоветъ ее въ гости. Она стала убиратца и говоритъ старичку: «Пращай! вотъ тибѣ сундукъ денихъ: до дна яво́ ни добирай — всягда будитъ поланъ. Ляжишь ты спать въ этамъ стикляннамъ даму́, а встанишь въ избушки своей. Вотъ я въ гости поѣду; миня вживи ни будитъ — убьютъ и въ мелкіи части изрубютъ; ты встань поутру, сдѣлай гробокъ, сыбири мои кусочки и похрани». Старичокъ заплакалъ абъ ней. Тѣмъ же часомъ жандары пріѣхали, посадили ее и повизли. Привозютъ ее въ гости, а царица на нее и ни смотритъ — сичасъ застрилила бы ее. Вотъ и вышла царица на дворъ и говоритъ жандарамъ: «Какъ вы эту дѣвку домой повизёте, дакъ тутъ жа изсикитя ее въ мясныи части и выньтя у ней сѐрца да привизитя ко мнѣ!» Павизли они купеческу дочь домой и разговариваютъ съ ней бы́стра, а она ужъ знаитъ, что они хочутъ дѣлать, и говоритъ имъ: «Сикитя жъ миня скорѣе!»

Они изсѣкли ее, вынули у ней сѐрца, а самаю въ пазёмъ закопали и приѣхали во дворецъ. Царица вышла, взяла сѐрца, скатала яво́ въ яйцо и положила въ карманъ. Старичокъ спалъ въ стикляннамъ даму́, а всталъ въ избушку и залилси слезами. Плакалъ-плакалъ, а дѣла нада исполнить. Сдѣлалъ гробъ и пошелъ искать ее; нашелъ въ навози, разрылъ, собралъ всѣ части, положилъ ихъ въ гробъ и похранилъ у сибя. А царь ни знаитъ никаково дѣла, ѣдитъ хъ купческой дочери въ гости. Приѣхалъ на то мѣ́ста — нѣтъ ни дома, нѣтъ ни дивицы, а толька идѣ она схранена, тамъ на ней садъ вырасъ. Вернулси во дворецъ и сталъ царицы разсказывать: «Ѣздилъ-ѣздилъ, ни нашелъ ни дома ни дивицы, а толька одинъ садъ!» Вотъ царица услыхала объ этомъ, вышла на дворъ и говоритъ жандарамъ: «Ступайтя вы, посикитя на томъ мѣсти садъ». Приѣхали они къ саду и стали яво́ сѣчь, а онъ весь окаменѣлъ.

Ни терпитца царю — хочитца садъ посмотрѣть; вотъ и ѣдитъ глядѣть яво́. Приѣхалъ въ садъ и увидалъ въ немъ мальчика — и какой хорошенькай мальчикъ! «Вѣрна, думаитъ, господа гуляли да потеряли». Взялъ яво́ во дворецъ, привесъ въ свои палаты и говоритъ царицы: «Смотри, матушка! ни расквили[1] яво́». А мальчикъ на то время такъ раскричалси, што ничѣмъ яво́ и не забавютъ: и такъ и сякъ, а онъ знай кричитъ! Царица вынула изъ карманчика яичка, скатанная изъ се́рца, и дала яму́; онъ и пересталъ кричать, зачилъ бѣгать по комнатамъ. «Ахъ, матушка! говоритъ царь царицы, какъ ты яво́ утѣшила». Мальчикъ пабѣхъ на дворъ, а царь за нимъ; онъ на улицу — и царь на улицу, онъ въ по́ля — и царь въ по́ля, онъ въ садъ — и царь въ садъ. Увидалъ тамъ этотъ царь дивицу и

[1]) Не раздразни.

оченно обрадовалси. Дивица и говоритъ яму́: «Я твоя нивѣста, купеческая дочь, а царица твоя — моя служанка». Вотъ и пріѣхали они во дворецъ. Царица упала ей въ ноги: «Прости миня!» — «А ты миня ни прощала: одинъ расъ глаза выризала, а въ другой вилѣла въ мелкіи части разсѣчь!» Царь и говоритъ: «Жандары! выриштя жа типерь и царицы глаза и пуститя ее въ по́ля». Выризали ей глаза, привязали хъ канямъ и пустили въ по́ля: размыкали ее кані̀ по чистому полю. А царь съ младой царицею стали жить да поживать, добра наживать. Царь ею завсегда любовалси и въ золоти водилъ.

Записана въ Тамбовской губ., въ Казачьей Слободѣ.

71

Три царства: мѣдное, серебряное и золотое

(а) Бывало да живало — жили-были старикъ да старушка; у нихъ было три сына: первой — Егорушко Залётъ, второй — Миша Косолапой, третій — Ивашко Запечникъ. Вотъ вздумали отецъ и мать ихъ женить; послали большаго сына присматривать невѣсту, и онъ шелъ да шелъ — много времени; гдѣ ни посмотритъ на дѣвокъ, не можетъ прибрать себѣ невѣсты, — все не глянутся. Потомъ встрѣтилъ на дорогѣ змѣя о трехъ головахъ и испугался; а змѣй говоритъ ему: «Куда, доброй человѣкъ, направился?» Егорушко говоритъ: «Пошелъ свататься, да не могу невѣсты пріискать». Змѣй говоритъ: «Пойдемъ со мной; я поведу тебя: можешь ли достать невѣсту?» Вотъ шли да шли, дошли до большого камня. Змѣй говоритъ: «Отвороти камень; тамъ чего желаешь, то и получишь». Егорушко старался отворотить, но ничего не могъ сдѣлать. Змѣй сказалъ ему. «Дакъ нѣтъ же тебѣ невѣсты!»

И Егорушко воротился домой, сказалъ отцу и матери обо всемъ. Отецъ и мать опять думали-подумали, какъ жить да быть, послали середняго сына Мишу Косолапаго. Съ тѣмъ то же самое случилось. Вотъ старикъ и старушка думали-подумали, не знаютъ, что дѣлать: если послать Ивашка Запечнаго, тому ничего не сдѣлать!

А Ивашко Запечный сталъ самъ проситься посмотрѣть змѣя; отецъ и мать сперва не пускали его, но послѣ пустили. И Ивашко тоже шелъ да шелъ и встрѣтилъ змѣя о трехъ головахъ. Спросилъ его змѣй: «Куда направился, доброй человѣкъ?» Онъ сказалъ: «Братья хотѣли жениться, да не смогли достать невѣсту; а теперь мнѣ черёдъ выпалъ». — «Пожалуй, пойдемъ, я покажу; сможешь ли ты достать невѣсту?» Вотъ пошли змѣй съ Ивашкомъ, дошли до того же камня; и змѣй приказалъ камень отворотить съ мѣста. Ивашко хватилъ его, и камень какъ не бывалъ — съ мѣста слетѣлъ; тутъ сказалась дыра въ землю, и близъ нея утверждены ремни. Вотъ змѣй и говоритъ: «Ивашко! садись на ремни: я тебя спущу, и ты тамъ пойдешь и дойдешь до трехъ царствъ, а въ каждомъ царствѣ увидишь по дѣвицѣ».

Ивашко спустился и пошелъ; шелъ да шелъ и дошелъ до мѣднаго царства; тутъ зашелъ и увидѣлъ дѣвицу прекрасную изъ себя. Дѣвица говоритъ: «Добро пожаловать, небывалой гость! приходи и садись, гдѣ мѣсто просто видишь, да скажись, откуда идешь и куда?» — «Ахъ, дѣвица красная! сказалъ Ивашко, не накормила, не напоила, да стала вѣсти спрашивать». Вотъ дѣвица собрала на столъ всякаго кушанья и напитковъ; Ивашко выпилъ и поѣлъ и сталъ разсказывать, что иду де искать себѣ невѣсты, если милость твоя будетъ — прошу выйтить за меня. «Нѣтъ, доброй

человѣкъ, сказала дѣвица; ступай ты впередъ, дойдешь до серебренаго царства: тамъ есть дѣвица еще прекраснѣе меня!» — и подарила ему серебреной перстень. Вотъ доброй мóлодецъ поблагодарилъ дѣвицу за хлѣбъ за соль, распростился и пошелъ; шелъ да шелъ и дошелъ до серебренаго царства; зашелъ сюда и увидѣлъ: сидитъ дѣвица прекраснѣе первой. Помолился онъ Богу и билъ челомъ: «Здорово, красная дѣвица!» Она отвѣчала: «Добро пожаловать, прохожій молодецъ! садись да хвастай: чей да откуль, и какими дѣлами сюда зашелъ?» — «Ахъ, прекрасная дѣвица! сказалъ Ивашко, не напоила, не накормила, да стала вѣсти спрашивать». Вотъ собрала дѣвица столъ, принесла всякаго кушанья и напитковъ; тогда Ивашко попилъ, поѣлъ, сколько хотѣлъ, и началъ разсказывать, что онъ пошелъ искать невѣсты, и просилъ ее замужъ за себя. Она сказала ему: «Ступай впередъ, тамъ есть еще золотое царство, и въ томъ царствѣ есть еще прекраснѣе меня дѣвица!» — и подарила ему золотой перстень. Ивашко распростился и пошелъ впередъ, шелъ да шелъ, и дошелъ до золотого царства, зашелъ и увидѣлъ дѣвицу прекраснѣе всѣхъ. Вотъ онъ Богу помолился и какъ слѣдуетъ — поздоровался съ дѣвицей. Дѣвица стала спрашивать его: откуда и куда идетъ? «Ахъ, красная дѣвица! сказалъ онъ, не напоила, не накормила, да стала вѣсти спрашивать». Вотъ она собрала на столъ всякаго кушанья и напитковъ, чего лучше требовать нельзя. Ивашко Запечникъ угостился всѣмъ хорошо и сталъ разсказывать: «Иду я, себѣ невѣсты ищу; если ты желаешь за меня замужъ, то пойдемъ со мною». Дѣвица согласилась и подарила ему золотой клубокъ и пошли они вмѣстѣ. Шли да шли, и дошли до серебренаго царства; тутъ взяли съ собой дѣвицу: опять шли да шли и дошли до мѣднаго царства — и тутъ взяли

дѣвицу, и всѣ пошли до дыры, изъ которой надобно вылѣзать, и ремни тутъ висятъ; а старшіе братья уже стоятъ у дыры, хотятъ лѣсь туда же искать Ивашку.

Вотъ Ивашко посадилъ на ремни дѣвицу изъ мѣднаго царства и затрясъ за ремень; братья потащили и вытащили дѣвицу, а ремни опять опустили. Ивашко посадилъ дѣвицу изъ серебренаго царства — и ту вытащили, а ремни опять опустили; потомъ посадилъ онъ дѣвицу изъ золотого царства — и ту вытащили, а ремни опустили. Тогда и самъ Ивашко сѣлъ; братья потащили и его, тащили-тащили, да какъ увидѣли, что это — Ивашко, подумали: «Пожалуй, вытащимъ его, дакъ онъ не дастъ ни одной дѣвицы!» — и обрѣзали ремни; Ивашко упалъ внизъ. Вотъ, дѣлать нечего, поплакалъ онъ, поклакалъ и пошелъ впередъ; шелъ да шелъ, и увидѣлъ: сидитъ на пнѣ старикъ-самъ съ четверть, а борода съ локоть, и разсказалъ ему все, какъ и что съ нимъ случилось. Старикъ научилъ его идти дальше: «Дойдешь до избушки, а въ избушкѣ лежитъ длинной мужичина изъ угла въ уголъ, и ты спроси у него, какъ выйти на Русь». Вотъ Ивашко шелъ да шелъ и дошелъ до избушки; зашелъ туда и сказалъ: «Сильной Идолищо! не погуби меня, скажи, какъ на Русь попасъ?» — «Фу-фу! проговорилъ Идолищо, русскую коску никто не звалъ, сама пришла. Ну, пойди же ты за тридцать озеръ; тамъ стоитъ на куриной ножкѣ избушка, а въ избушкѣ живетъ ега-баба; у ней есть орелъ птица, и она тебя вынесетъ». Вотъ доброй мóлодецъ шелъ да шелъ и дошелъ до избушки; зашелъ въ избушку, ега-баба закричала: «Фу-фу-фу! русская коска, зачѣмъ сюда пришла?» Тогда Ивашко сказалъ: «А вотъ, бабушка, пришелъ я по приказу сильнаго Идолища попросить у тебя могучей птицы орла, чтобы она вытащила меня на Русь». — «Иди же

ты, сказала ега-баба, въ садокъ; у дверей стоитъ караулъ, и ты возьми у него ключи и ступай за семь дверей; какъ будешь отпирать послѣднія двери — тогда орелъ встрепенется крыльями, и если ты его не испугаешься, то сядь на него и лети; только возьми съ собою говядины, и когда онъ станетъ оглядываться, ты давай ему по куску мяса». Ивашко сдѣлалъ все по приказанію егой-бабки, сѣлъ на орла и полетѣлъ; летѣлъ-летѣлъ, орелъ оглянулся — Ивашко далъ ему кусокъ мяса; летѣлъ-летѣлъ и часто давалъ орлу мяса, ужъ скормилъ все, а еще летѣть не близко. Орелъ оглянулся, а мяса нѣтъ; вотъ орелъ выхватилъ у Ивашка изъ холки кусокъ мяса, съѣлъ, и вытащилъ его въ ту же дыру на Русь. Когда сошелъ Ивашко съ орла, орелъ выхаркнулъ кусокъ мяса и велѣлъ ему приложить къ холкѣ. Ивашко приложилъ, и холка заросла. Пришелъ Ивашко домой, взялъ у брат*ьей* дѣвицу изъ золотого царства, и стали они жить да быть и теперь живутъ. Я тамъ былъ, пиво пилъ; пиво-то по усу текло, да въ ротъ не попало.

Записана въ Пинежскомъ у., Архангельской губ.

(b) Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ былъ-жилъ царь Бѣлъ Бѣлянинъ; у него была жена Настасья-золотая коса и три сына: Петръ-царевичъ, Василій-царевичъ и Иванъ-царевичъ. Пошла царица съ своими мамушками и нянюшками прогуляться пó саду. Вдругъ поднялся сильной вихрь — чтó и Боже мой! схватилъ царицу и унесъ невѣдомо куда. Царь запечалился-закручинился и не вѣдаетъ, какъ ему быть. Подросли царевичи, онъ и говоритъ имъ: «Дѣти мои любезные! кто изъ васъ поѣдетъ — мать свою отыщетъ?» Собрались два старшіе сына и поѣхали; а за ними и младшій сталъ у отца проситься. «Нѣтъ, говоритъ

царь, ты, сынокъ, не ѣзди! не покидай меня одного старика!» — «Позволь, батюшка! Страхъ какъ хочется по бѣлу свѣту постранствовать да матушку отыскать». Царь отговаривалъ-отговаривалъ — не могъ отговорить: «Ну, дѣлать нечего, ступай; Богъ съ тобой!» Иванъ-царевичъ осѣдлалъ сваво добраго коня и пустился въ дорогу. Ѣхалъ-ѣхалъ, долго ли, коротко ли: скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается; пріѣзжаетъ къ лѣсу. Въ томъ лѣсу богатѣйшій дворецъ стоитъ. Иванъ-царевичъ въѣхалъ на широкій дворъ, увидалъ старика и говоритъ: «Много лѣтъ здравствовать, старичокъ!» — «Милости просимъ! кто таковъ, доброй молодецъ?» — «Я — Иванъ-царевичъ, сынъ царя Бѣла Бѣлянина и царицы Настасьи-золотой косы». — «Ахъ, племянникъ родной! куда тебя Богъ несетъ?» — «Да такъ и такъ, говоритъ, ѣду отыскивать свою матушку. Не можешь ли ты сказать, дядюшка, гдѣ найти ее?» — «Нѣтъ, племянникъ, не знаю. Чѣмъ могу, тѣмъ и послужу тебѣ: вотъ тебѣ шарикъ, брось его передъ собою: онъ покатится и приведетъ тебя къ крутымъ, высокимъ горамъ. Въ тѣхъ горахъ есть пещера; войди въ нее, возьми желѣзные когти, надѣнь на руки и на ноги и полѣзай на горы: авось, тамъ найдешь свою мать Настасью-золотую косу». — Вотъ хорошо. Иванъ-царевичъ попрощался съ дядею и пустилъ передъ собою шарикъ; шарикъ катится-катится, а онъ за нимъ ѣдетъ. Долго ли, коротко ли — видитъ: братья его Петръ-царевичъ и Василій-царевичъ стоятъ въ чистомъ полѣ лагеремъ и множество войска съ ними. Братья его встрѣнули: «Ба! куда ты, Иванъ-царевичъ?» — «Да что, говоритъ, соскучился дома и задумалъ ѣхать отыскивать матушку. Отпустите войско домой да поѣдемте вмѣстѣ». Они такъ и сдѣлали: отпустили войско и поѣхали втроемъ за шарикомъ.

Издали еще завидѣли горы — такія крутыя, высокія, что — и Боже мой! — верхушками въ небо уперлись. Шарикъ прямо къ пещерѣ прикатился; Иванъ-царевичъ слѣзъ съ коня и говоритъ братьямъ: «Вотъ вамъ, братцы, мой доброй конь; я пойду на горы матушку отыскивать, а вы здѣсь оставайтеся; дожидайтесь меня ровно три мѣсяца, а не буду черезъ три мѣсяца — и ждать нечего!» Братья думаютъ: «Какъ на эти горы влѣзать, да тутъ и голову поломать! Ну, говорятъ, ступай съ Богомъ, а мы здѣсь подождемъ». Иванъ-царевичъ подошелъ къ пещерѣ, видитъ — дверь желѣзная; толкнулъ со всего размаху — дверь отворилася; вошелъ туда — желѣзные когти ему на руки и на ноги сами надѣлися. Началъ на горы взбираться; лѣзъ-лѣзъ — цѣлой мѣсяцъ трудился, насилу наверхъ взобрался. «Ну, говоритъ, слава Богу!» Отдохнулъ немного и пошелъ по горамъ; шелъ-шелъ, шелъ-шелъ, смотритъ — мѣдной дворецъ стоитъ, у воротъ страшныя змѣи на мѣдныхъ цѣпяхъ прикованы, такъ и кишатъ! А подлѣ колодезь, у колодезя мѣдной корецъ на мѣдной цѣпочкѣ виситъ. Иванъ-царевичъ взялъ, почерпнулъ корцомъ воды, напоилъ змѣй; онѣ присмирѣли, прилегли —, онъ и прошелъ во дворецъ. Выскакиваетъ къ нему мѣднаго царства царица: «Кто таковъ, доброй молодецъ?» — «Я Иванъ-царевичъ!» — «Что, спрашиваетъ, своей охотой, али неволей зашелъ сюда. Иванъ-царевичъ?» — «Своей охотой; ищу мать свою Настасью-золотою косу. Какой-то Вихрь ее изъ сада похитилъ. Не знаешь ли, гдѣ она?» — «Нѣтъ, не знаю; а вотъ недалеко отсюда живетъ моя середняя сестра, серебрянаго царства царица; можетъ, она тебѣ скажетъ!» Дала ему мѣдной шарикъ и мѣдное колечко: «Шарикъ, говоритъ, доведетъ тебя до середней сестры, а въ этомъ колечкѣ все мѣдное царство состоитъ. Когда побѣдишь

Вихря, который и меня здѣсь держитъ и летаетъ ко мнѣ черезъ каждые три мѣсяца, то не забудь меня бѣдной — свободи отсюда и возьми съ собой на вольной свѣтъ!» — «Хорошо», отвѣчалъ Иванъ-царевичъ, взялъ бросилъ мѣдной шарикъ — шарикъ покатился, а царевичъ за нимъ пошелъ. Приходитъ въ серебреное царство и видитъ дворецъ лучше прежняго — весь серебреной; у воротъ страшныя змѣи на серебреныхъ цѣпяхъ прикованы, а подлѣ колодезь съ серебренымъ корцомъ. Иванъ-царевичъ почерпнулъ воды, напоилъ змѣй — онѣ улеглись и пропустили его во дворецъ. Выходитъ царица серебренаго царства: «Ужъ скоро три года, говоритъ, какъ держитъ меня здѣсь могучій Вихрь, — я русскаго духу слыхомъ не слыхала, видомъ не видала, а теперь русской духъ вочью совершается. Кто таковъ, доброй мо́лодецъ?» — «Я Иванъ-царевичъ!» — «Какъ же ты сюда попалъ — своею охотою, али неволею?» — «Своею охотою, ищу свою матушку; пошла она въ зеленомъ саду погулять, какъ поднялся Вихрь и умчалъ ее невѣдомо куда. Не знаешь ли, гдѣ найти ее?» — «Нѣтъ, не знаю; а живетъ здѣсь недалечко старшая сестра моя, золотого царства царица, Елена Прекрасная; можетъ, она тебѣ скажетъ. Вотъ тебѣ серебреной шарикъ, покати его передъ собою и ступай за нимъ слѣдомъ: онъ тебя доведетъ до золотого царства. Да смотри, какъ убьешь Вихря, не забудь меня бѣдной; вы́зволь отсюда и возьми съ собою на вольной свѣтъ; держитъ меня Вихрь въ заключеніи и летаетъ ко мнѣ черезъ каждые два мѣсяца». Тутъ подала ему серебреное колечко: «Въ этомъ колечкѣ все серебреное царство состоитъ!» Иванъ-царевичъ покатилъ шарикъ: куда шарикъ покатился, туда и онъ направился. Долго ли, коротко ли, увидалъ — золотой дворецъ стоитъ, какъ жаръ горитъ; у воротъ ки-

шатъ страшныя змѣи — на золотыхъ цѣпяхъ прикованы, а возлѣ колодезь, у колодезя золотой корецъ на золотой цѣпочкѣ виситъ. Иванъ-царевичъ почерпнулъ корцомъ воды и напоилъ змѣй; онѣ улеглись, присмирѣли. Входитъ царевичъ во дворецъ; встрѣчаетъ его Елена Прекрасная: «Кто таковъ, доброй мóлодецъ?» — «Я Иванъ-царевичъ!» — «Какъ же ты сюда зашелъ — своей ли охотою, али неволею?» — «Зашелъ я охотою: ищу свою матушку Настасью-золотую косу. Не вѣдаешь ли, гдѣ найти ее?» «Какъ не вѣдать! Она живетъ недалеко отсюдова, и летаетъ къ ней Вихрь разъ въ недѣлю, а ко мнѣ разъ въ мѣсяцъ. Вотъ тебѣ золотой шарикъ, покати передъ собою и ступай за нимъ слѣдомъ, — онъ доведетъ тебя куда надобно; да вотъ еще возьми золотое колечко — въ этомъ колечкѣ все золотое царство состоитъ! Смотри же, царевичъ: какъ побѣдишь ты Вихря, не забудь меня бѣдной, возьми съ собой на вольной свѣтъ!» — «Хорошо, говоритъ, возьму!» Иванъ-царевичъ покатилъ шарикъ и пошелъ за нимъ; шелъ-шелъ и приходитъ къ такому дворцу, что и Господи Боже мой! такъ и горитъ въ брилліантахъ и самоцвѣтныхъ каменьяхъ. У воротъ шипятъ шестиглавыя змѣи; Иванъ-царевичъ напоилъ ихъ, змѣи присмирѣли и пропустили его во дворецъ. Проходитъ царевичъ большими покоями и въ самомъ дальнемъ находитъ свою матушку: сидитъ она на высокомъ тронѣ, въ царскіе наряды убрана, драгоцѣнной короной увѣнчана. Глянула на гостя и вскрикнула: «Ахъ, Боже мой! ты ли сынъ мой возлюбленной? какъ сюда попалъ?» — «Такъ и такъ, говоритъ, за тобой пришелъ». — «Ну, сынокъ! трудно тебѣ будетъ. Вѣдь здѣсь на горахъ царствуетъ злой, могучій Вихрь, и всѣ духи ему повинуются; онъ-то и меня унёсъ. Тебѣ съ нимъ бороться надо! пойдемъ поскорѣй въ погребъ!» Вотъ сошли

они въ погребъ; тамъ стоятъ двѣ кади съ водою: одна на правой рукѣ, другая на лѣвой. Говоритъ царица Настасья-золотая коса: «Испей-ка водицы, что направо стоитъ!» Иванъ-царевичъ испилъ. «Ну, что, сколько въ тебѣ силы?» — «Да такъ силёнъ, что весь дворецъ одной рукой поверну!» — «А ну, испей еще!» Царевичъ еще испилъ. «Сколько теперь въ тебѣ силы?» — «Теперь — захочу — весь свѣтъ поворочу!» «Охъ, ужъ это дюже много! Переставь-ка эти кади съ мѣста на мѣсто: ту, что стоитъ направо, отнеси на лѣвую руку, а ту, что налѣво, отнеси на правую руку!» Иванъ-царевичъ взялъ кади и переставилъ съ мѣста на мѣсто. «Вотъ видишь ли, любезной сынъ: въ одной кади — сильная вода, въ другой — безсильная; кто первой напьется — будетъ сильномогучимъ богатыремъ, а кто второй изопьетъ — совсѣмъ ослабѣетъ. Вихрь пьетъ всегда сильную воду и становитъ ее по правую сторону; такъ надо его обмануть, а то съ нимъ никакъ не сладить!» Воротились во дворецъ. «Скоро Вихрь прилетитъ, говоритъ царица Ивану-царевичу: садись ко мнѣ подъ порфиру, чтобъ онъ тебя не увидѣлъ. А какъ Вихрь прилетитъ да кинется меня обнимать-цѣловать, ты и схвати его за палицу. Онъ высоко-высоко поднимется, будетъ носить тебя и надъ морями и надъ пропастями; ты смотри, не выпущай изъ рукъ палицы. Вихрь уморится, захочетъ испить сильной воды, спустится въ погребъ и бросится къ кади, что на правой рукѣ поставлена; а ты пей изъ кади на лѣвой рукѣ. Тутъ онъ совсѣмъ обезсилѣетъ, ты выхвати у него мечъ и однимъ ударомъ отруби ему голову. Какъ срубишь ему голову, тотчасъ сзади тебя кричать будутъ: руби еще! руби еще! А ты, сынокъ, не руби, а въ отвѣтъ скажи: богатырская рука два раза не бьетъ, а все съ одного разу!» Только Иванъ-царевичъ

успѣлъ подъ порфиру укрыться, какъ вдругъ на дворѣ потемнѣло и все кругомъ затряслось; налетѣлъ Вихрь, ударился о землю, сдѣлался добрымъ мо̀лодцемъ и входитъ во дворецъ; въ рукахъ у него боевая палица. «Фу-фу-фу! что у тебя русскимъ духомъ пахнетъ? аль кто въ гостяхъ былъ?» Отвѣчаетъ царица: «Не знаю, отчего тебѣ такъ сдается». Вихрь бросился ее обнимать-цѣловать, а Иванъ-царевичъ тотчасъ за палицу. «Я тебя съѣмъ!» закричалъ на него Вихрь. «Ну, бабка на̀двое сказала: либо съѣшь, либо нѣтъ!» Вихрь рванулся — въ окно да въ поднебесье; ужъ онъ носилъ-носилъ Ивана-царевича — и надъ горами: «хошь, говоритъ, зашибу?» и надъ морями: «хошь, грозитъ, утоплю?» Только нѣтъ, царевичъ не выпускаетъ изъ рукъ палицы. Весь свѣтъ Вихрь вылеталъ, уморился и началъ спускаться; спустился прямо-таки въ погребъ, подбѣжалъ къ той кади, что на правой рукѣ стояла, и давай пить безсильную воду, а Иванъ-царевичъ кинулся налѣво, напился сильной воды и сдѣлался первымъ могучимъ богатыремъ во всемъ свѣтѣ. Видитъ онъ, что Вихрь совсѣмъ ослабѣлъ, выхватилъ у него острый мечъ да разомъ и отсѣкъ ему голову. Закричали позади голоса: «Руби еще! руби еще! а то оживетъ!» — «Нѣтъ, отвѣчаетъ царевичъ: богатырская рука два раза не бьетъ, а все съ одного разу кончаетъ!» Сейчасъ разложилъ огонь, сжёгъ и тѣло и голову и по̀пелъ по вѣтру развѣялъ. Мать Ивана-царевича радая такая: «Ну, говоритъ, сынъ мой возлюбленный! повеселимся, покушаемъ, да какъ бы намъ домой поскорѣй; а то здѣсь скучно, никого изъ людей нѣту!» — «Да кто же здѣсь прислуживаетъ?» — «А вотъ увидишь?» Только задумали они кушать, сейчасъ столъ самъ накрывается, разныя ѣствы и вина сами на столъ являются; царица съ царевичемъ обѣдаютъ, а неви-

димая музыка имъ чудныя пѣсни наигрываетъ. Наѣлись-напились они, отдохнули; говоритъ Иванъ-царевичъ: «Пойдемъ, матушка, пора! насъ подъ горами братья дожидаются. Да доро́гою надобно трехъ царицъ избавить, что здѣсь у Вихря жили». Забрали все, что нужно, и отправились въ путь-дорогу; сначала зашли за царицей золотого царства, потомъ за царицей серебренаго, а тамъ и за царицей мѣднаго царства; взяли ихъ съ собою, захватили полотна и всякой всячины и въ скоромъ времени пришли къ тому мѣсту, гдѣ надо съ горъ спускаться. Иванъ-царевичъ спустилъ на полотнѣ сперва мать, потомъ Елену Прекрасную и двухъ сестеръ ея. Братья стоятъ внизу — дожидаются, а сами думаютъ: «Оставимъ Ивана-царевича наверху, а мать да царицъ повеземъ къ отцу, и скажемъ, что мы ихъ отыскали». — «Елену Прекрасную я за себя возьму, говоритъ Петръ-царевичъ: царицу серебренаго царства возьмешь ты, Василій-царевичъ; а царицу мѣднаго государства отдадимъ хоть за генерала». Вотъ какъ надо было Ивану-царевичу съ горъ спускаться, старшіе братья взялись за поло́тна, рванули и совсѣмъ оторвали. Иванъ-царевичъ на горахъ остался. Что дѣлать? Заплакалъ горько, пошелъ назадъ; ходилъ-ходилъ — и по мѣдному царству, и по серебреному, и по золотому — нѣтъ ни души! Приходитъ въ бриліантовое царство — тоже нѣтъ никого. Ну, что одинъ? скука смёртная! Глядь — на окнѣ лежитъ дудочка. Взялъ ее въ руки: «Дай, говоритъ, поиграю отъ скуки». Только свистнулъ — выскакиваютъ хромой да кривой: «Что угодно, Иванъ-царевичъ?» — «Ѣсть хочу». Тотчасъ откуда ни возьмись — столъ накрытъ, на столѣ и вина и кушанья самыя первыя. Иванъ-царевичъ покушалъ и думаетъ: «Теперь отдохнуть бы не худо». Свистнулъ въ дудочку, явились хромой да кривой:

«Что угодно, Иванъ-царевичъ?» — «Да чтобы постель была готова». Не успѣлъ выговорить, а ужъ постель постлана что ни есть лучшая. Вотъ онъ легъ, выспался славно и опять свистнулъ въ дудочку. «Что угодно?» спрашиваютъ его хромой да кривой. «Такъ, стало быть, все можно?» спрашиваетъ царевичъ. «Все можно, Иванъ-царевичъ! Кто въ эту дудочку свистнетъ, мы для того все сдѣлаемъ. Какъ прежде Вихрю служили, такъ теперь тебѣ служить рады; только надобно, чтобъ эта дудочка завсегда при тебѣ была». — «Хорошо же, говоритъ Иванъ-царевичъ: чтобъ я сейчасъ сталъ въ моемъ государствѣ!» Только сказалъ и въ ту жъ минуту очутился въ своемъ государствѣ посередъ базара. Вотъ ходитъ по базару; идетъ навстрѣчу башмачникъ — такой весельчакъ! Царевичъ спрашиваетъ: «Куда, мужичокъ, идешь?» — «Да несу черевики продавать: я башмачникъ». — «Возьми меня къ себѣ въ подмастерья». — «Развѣ ты умѣешь черевики шить?» — «Да все, что угодно, умѣю; не то черевики — и платье сошью». — «Ну, пойдемъ!» Пришли они домой; башмачникъ и говоритъ: «Ну-ка, смастери! вотъ тебѣ товаръ самой первой; посмотрю, какъ ты умѣешь». Иванъ-царевичъ пошелъ въ свою комнатку, вынулъ дудочку, свистнулъ — явились хромой да кривой: «Что угодно, Иванъ-царевичъ?» — «Чтобы къ завтраму башмаки были готовы». «О, это службишка, не служба!» — «Вотъ и товаръ!» — «Что это за товаръ! дрянь — и только! надо за окно выкинуть». Назавтра царевичъ просыпается, на столѣ башмаки стоятъ прекрасные, самые первые. Всталъ и хозяинъ: «Что, молодѐцъ, пошилъ башмаки?» — «Готовы». — «А ну, покажь!» Взглянулъ на башмаки и ахнулъ: «Вотъ такъ мастера добылъ себѣ! не мастеръ, а чудо!» Взялъ эти башмаки и понесъ на базаръ продавать. Въ эту

самую пору готовились у царя три свадьбы: Петръ-царевичъ сбирался жениться на Еленѣ Прекрасной, Василій-царевичъ на царицѣ серебренаго царства, а царицу мѣднаго царства отдавали за генерала. Стали накупать къ тѣмъ свадьбамъ наряды; для Елены Прекрасной понадобились черевики. У нашего башмачника объявились черевики лучше всѣхъ; привели его во дворецъ. Елена Прекрасная какъ глянула: «Что это? говоритъ, только на горахъ могутъ такіе башмаки дѣлать». Заплатила башмачнику дорого и приказываетъ: «Сдѣлай мнѣ безъ мѣрки другую пару черевикъ, чтобъ были на диво сшиты, драгоцѣнными каменьями убраны, бриліантами усажены. Да чтобъ къ завтраму поспѣли, а не то — на висѣлицу!» Взялъ башмачникъ деньги и драгоцѣнныя каменья; идетъ домой — такой пасмурной. «Бѣда! говоритъ, что теперь дѣлать? гдѣ такіе башмаки пошить къ завтраму да еще безъ мѣрки? Видно, повѣсятъ меня завтра! Дай хоть напослѣдки погуляю съ горя съ своими друзьями». Зашелъ въ трактиръ; дру́говъ-то у него много было, вотъ они и спрашиваютъ: «Что ты, братъ, пасмуренъ?» — «Ахъ, други любезные, вѣдь завтра повѣсятъ меня!» — «За что такъ?» Башмачникъ разсказалъ свое горе: «Гдѣ ужъ тутъ о работѣ думать? Лучше погуляемъ напослѣдки». Вотъ пили-пили, гуляли-гуляли, башмачникъ ужъ качается. «Ну, говоритъ, возьму домой боченокъ вина да лягу спать. А завтра, какъ только придутъ за мной вѣшать, сейчасъ полведра выдую; пускай ужъ безъ памяти меня вѣшаютъ». Приходитъ домой: «Ну, окаянной! говоритъ Ивану-царевичу, вотъ что твои черевики надѣлали . . . такъ и такъ . . . поутру, какъ придутъ за мной, сейчасъ меня разбуди». Ночью Иванъ-царевичъ вынулъ дудочку, свистнулъ — явились хромой да кривой. «Что єгодно, Иванъ-царевичъ?»

— «Чтобъ такіе-то башмаки были готовы». — «Слушаемъ!» Иванъ-царевичъ легъ спать; поутру просыпается — башмаки на столѣ стоятъ, какъ жаръ горятъ. Идетъ онъ будить хозяина: «Хозяинъ! вставать пора!» — «Что, али за мной пришли? Давай скорѣе боченокъ съ виномъ, вотъ кружка — наливай; пусть ужъ пьянаго вѣшаютъ!» — «Да башмаки-то готовы». — «Какъ готовы? гдѣ они?» Побѣжалъ хозяинъ, глянулъ: «Ахъ, когда жъ это мы съ тобой дѣлали?» — «Да ночью̀; неужто, хозяинъ, не помнишь, какъ мы кроили да шили?» — «Совсѣмъ заспалъ, братъ; чуть-чуть помню!» Взялъ онъ башмаки, обернулъ, бѣгитъ во дворецъ. Елена Прекрасная увидала башмаки и догадалась: «Вѣрно, это Ивану-царевичу дýхи дѣлаютъ». — «Какъ это ты сдѣлалъ?» спрашиваетъ она у башмачника. «Да я, говоритъ, все умѣю дѣлать!» — «Коли такъ, сдѣлай мнѣ платье подвѣнечное, чтобъ было оно золотомъ вышито, брилліантами да драгоцѣнными камнями усѣяно. Да чтобъ заутро было готово, а не то — голову долой!» Идетъ башмачникъ опять пасмурной, а други давно его дожидаютъ: «Ну, что?» — «Да что, говоритъ, одно окаянство! Вотъ проявилась переводчица роду христіанскаго! велѣла къ завтраму платье сшить съ золотомъ, съ каменьями. А я какой портной! Ужъ вѣрно завтра съ меня голову снимутъ». — «Э, братъ! утро вечера мудренѣе; пойдемъ-погуляемъ». Пошли въ трактиръ, пьютъ-гуляютъ. Башмачникъ опять нализался, притащилъ домой цѣлой боченокъ вина и говоритъ Ивану-царевичу: «Ну, малой! завтра, какъ разбудишь, такъ цѣлое ведро и выдую: пусть пьяному рубятъ голову! А эдакаго платья мнѣ и въ жизнь не сдѣлать». Хозяинъ легъ спать, захрапѣлъ, а Иванъ-царевичъ свистнулъ въ дудочку — явились хромой да кривой: «Что вгодно, царевичъ?» — «Да

чтобъ къ завтраму платье было готово — точно такое, какъ Елена Прекрасная у Вихря носила». «Слушаемъ! Будетъ готово». Чѣмъ свѣтъ проснулся Иванъ-царевичъ, а платье на столѣ лежитъ, какъ жаръ горитъ — такъ всю комнату и освѣтило. Вотъ онъ будитъ хозяина; тотъ продралъ глаза: «Что, аль за мной пришли — голову рубить? Давай поскорѣй вино!» — «Да вѣдь платье готово . . .» — «Ой ли! когда жъ мы сшить успѣли?» — «Да ночью́, разѣ не помнишь? Ты самъ и кроилъ». «Ахъ, братъ, чуть-чуть припоминаю, какъ во снѣ вижу». Взялъ башмачникъ платье, бѣгитъ во дворецъ. Вотъ Елена Прекрасная дала ему много денегъ и приказываетъ: «Смотри, чтобъ завтра къ разсвѣту на седьмой верстѣ на̀ морѣ стояло царство золотое и чтобъ оттуда до нашего дворца сдѣланъ былъ мостъ золотой, тотъ мостъ устланъ дорогимъ бархатомъ, а около перилъ по обѣимъ сторонамъ росли бы деревья чудныя и пѣвчія бъ птицы разными голосами воспѣвали. Не сдѣлаешь къ завтраму — велю четверить тебя!» Пошелъ башмачникъ отъ Елены Прекрасной и голову повѣсилъ. Встрѣчаютъ его други: «Что, братъ?» — «Да что! пропалъ я, завтра четверить меня. Такую службу задала, что никакой чортъ не сдѣлаетъ». — «Э, полно! утро вечера мудренѣе; пойдемъ въ трактиръ». — «И то пойдемте! напослѣдяхъ надо хоть повеселиться». Вотъ они пили-пили; башмачникъ до того къ вечеру напился, что домой по́дъ руки привели. «Прощай, малой! говоритъ онъ Ивану-царевичу: завтра казнятъ меня». — «Али новая служба задана?» — «Да, вотъ такъ и такъ!» Легъ и захрапѣлъ; а Иванъ-царевичъ то̀тчасъ въ свою комнату, свистнулъ въ дудочку — явились хромой да кривой: «Что егодно, Иванъ-царевичъ?» — «Можете ль сослужить мнѣ вотъ эдакую службу . . .» — «Да, Иванъ-царевичъ, это служба! Ну, да дѣлать

нечего — къ утру все готово будетъ». Назавтрева, чуть свѣтать стало, Иванъ-царевичъ проснулся, смотритъ въ окно — батюшки свѣты! — все какъ есть сдѣлано: золотой дворецъ словно жаръ горитъ. Будитъ онъ хозяина; тотъ вскочилъ: «Что? аль за мной пришли? давай вина поскорѣй! пусть казнятъ пьянаго». — «Да вѣдь дворецъ готовъ». — «Что ты!» Глянулъ башмачникъ въ окно и ахнулъ отъ удивленія: «Какъ это сдѣлалось?» — «Да разѣ не помнишь, какъ мы съ тобой мастерили?» — «Ахъ, видно, я заспался; чуть-чуть помню!» Побѣжали они въ золотой дворецъ — тамъ богатство невиданное и неслыханное. Говоритъ Иванъ-царевичъ: «Вотъ тебѣ, хозяинъ, крылушко, поди обметай на мосту перила; а коли придутъ да спросятъ: кто такой во дворцѣ живетъ? ты ничего не говори, только отдай эту записочку». Вотъ хорошо, пошелъ башмачникъ и сталъ обметать на мосту перила. Утромъ проснулась Елена Прекрасная, увидала золотой дворецъ и сейчасъ побѣжала къ царю: «Поглядите, ваше величество, что у насъ дѣлается: нà морѣ золотой дворецъ построенъ, отъ того дворца мостъ на семь верстъ тянется, а вокругъ моста чудныя деревья растутъ, и пѣвчія птицы разными голосами поютъ». Царь сейчасъ посылаетъ спрашивать: «Что бы это значило? ужъ не богатырь ли какой подъ его государство подступилъ?» Приходятъ посланные къ башмачнику, стали его разспрашивать; онъ говоритъ: «Я не знаю, а есть у меня записка къ вашему царю». Въ этой запискѣ Иванъ-царевичъ разсказалъ отцу все, какъ было: какъ онъ мать освободилъ, Елену Прекрасную добылъ, и какъ его старшіе братья обманули. Вмѣстѣ съ запискою посылаетъ Иванъ-царевичъ золотыя кареты и проситъ пріѣхать къ нему царя съ царицею, Елену Прекрасную съ ея сестрами; а братья пусть назади въ простыхъ дровняхъ будутъ

привезены. Всѣ тотчасъ собрались и поѣхали; Иванъ-царевичъ встрѣтилъ ихъ съ радостью. Царь хотѣлъ было старшихъ сыновъ разказнить за ихъ неправду. да Иванъ-царевичъ отца упросилъ, и вышло имъ прощеніе. Тутъ начался пиръ горой; Иванъ-царевичъ женился на Еленѣ Прекрасной, за Петра-царевича отдалъ царицу серебренаго государства, за Василья-царевича отдалъ царицу мѣднаго государства, а башмачника въ генералы произвели. На томъ пиру и я былъ, медъ-вино пилъ, по усамъ текло, да въ ротъ не попало.

Записана въ Воронежскомъ у.: доставлена Н. И. Второвымъ.

72

Фролка-сидень

Жилъ-былъ царь, у него было три дочери, да такія красавицы, что̀ ни въ сказкѣ сказать ни перомъ написать; любили онѣ по вечерамъ гулять въ своемъ садѣ, а садъ былъ большой и славной! Вотъ змій черноморской и повадился туда летать. Однажды дочери царскія припоздали въ саду, засмотрѣлись на цвѣты; вдругъ откуда ни взялся змій черноморской — и унёсъ ихъ на своихъ огненныхъ крыльяхъ. Царь ждать-пождать — нѣтъ дочерей! Послалъ служанокъ искать ихъ въ саду, но все было напрасно: служанки не нашли царевенъ. Утромъ царь сдѣлалъ тревогу; народу собралось множество. Тутъ царь и говоритъ: «Кто разыщетъ моихъ дочерей, тому сколько угодно дамъ денегъ».

Вотъ и избрались трое: солдатъ-пьяница, Фролка-сидня и Ерёма, уговорились съ царемъ и пустились искать царевенъ. Шли они, шли и пришли въ дремучій густой лѣсъ. Только взошли въ него, сильной сонъ

сталъ одолѣвать ихъ. Фролка-сидня вытащилъ изъ кармана табакерку, постукалъ, открылъ ее и пхнулъ въ носъ охапку табаку: потомъ зашумѣлъ: «Эй, братцы! не уснемъ, не воздремлемъ! идите дальше». Вотъ и пошли; шли-шли и приходятъ, наконецъ, къ огромному дому, а домъ этотъ былъ пятиглаваго змія. Долго они стучали въ ворота и не могли достучаться. Вотъ Фролка-сидня оттолкнулъ солдата и Ерёму: «Пустите-ка, братцы!» Понюхалъ табаку и стукнулъ въ двери такъ сильно, что расшибъ ихъ. Тутъ вошли на дворъ, сѣли въ кружокъ и собираются закусить, чѣмъ Богъ послалъ. А изъ дома выходитъ дѣвица, собою такая красавица; вышла и говоритъ: «Зачѣмъ вы, голубчики, сюда зашли? Вѣдь здѣсь живетъ прелихой змій; онъ васъ съѣстъ! Счастливы вы, что его теперь дома нѣтъ». Фролка отвѣчаетъ ей: «Мы сами его съѣдимъ!» Не успѣлъ вымолвить эти слова, вотъ и летитъ змій, летитъ и рычитъ: «Кто мое царство разорилъ? Ужель въ свѣтѣ есть мнѣ противники? Есть у меня одинъ противникъ, да его и костей сюда воронъ не занесётъ!» — «Воронъ меня не занесётъ, сказалъ Фролка, а доброй конь завезётъ!» Змій, услыхавъ такія слова, сказалъ: «Мириться что ли, али драться?» — «Не мириться я пришелъ, говоритъ Фролка: а драться!» Вотъ разошлись они, соступились, и Фролка съ одного маху срубилъ всѣ пять головъ змію, взялъ и положилъ ихъ подъ камень, а туловище зарылъ въ землю. Тутъ дѣвица обрадовалась и говоритъ этимъ молодцамъ: «Возьмите меня, голубчики, съ собою». — «Да ты чья?» спросили они. Она говоритъ, что царская дочь; Фролка также разсказалъ ей, что было нужно; вотъ и сошлось у нихъ дѣло! Царевна позвала ихъ въ хоромы, накормила, напоила и проситъ, чтобъ они выручили и другихъ ея сестёръ. Фролка отвѣчалъ: «Да мы за

этимъ и посланы!» Царевна разсказала, гдѣ живутъ ея сестры: «У средней сестры еще страшнѣе моего! съ нею живетъ змій семиголовой». — «Нужды нѣтъ! сказалъ Фролка: мы и съ тѣмъ справимся; развѣ долго покопаюсь я съ двѣнадцатиглавымъ зміемъ?» Распростились и пошли дальше.

Приходятъ къ средней сестрѣ. Палаты, въ которыхъ она заключена была, огромныя, а вокругъ палатъ ограда высокая чугунная. Вотъ подошли они и начали искать ворота; нашли. Фролка что ни есть силы бухнулъ въ ворота, и ворота растворились; вошли они на дворъ и опять попрежнему сѣли позакусить. Вдругъ летитъ семиглавой змій. «Что-то русскимъ духомъ пахнетъ! говоритъ онъ. Ба! это ты, Фролка, сюда зашелъ. Зачѣмъ?» — «Я знаю, зачѣмъ!» отвѣчалъ Фролка, сразился съ зміемъ и съ одного маху сшибъ ему всѣ семь главъ, положилъ ихъ подъ камень, а туловище зарылъ въ землю. Потомъ вошли они въ палаты; проходятъ комнату, другую и третью, въ четвертой увидали среднюю царскую дочь — сидитъ на диванѣ. Какъ разсказали они ей, какимъ образомъ и для чего сюда пришли, она повеселѣла, начала угощать ихъ и просила выручить отъ двѣнадцатиглаваго змія ея меньшую сестру. Фролка сказалъ: «А какъ же! мы за этимъ и посланы. Только что-то робитъ сердце. Ну, да авось Богъ! . . . Поднеси-ка намъ еще по чарочкѣ!»

Вотъ выпили они и пошли; шли-шли и пришли къ оврагу крутому-раскрутому. На другой сторонѣ оврага стояли вмѣсто воротъ огромные столбы, а къ нимъ прикованы были два страшные льва и рычали такъ громко, что Фролка только одинъ устоялъ на ногахъ, а товарищи его отъ страха попадали на землю. Фролка сказалъ имъ: «Я не такія страсти видалъ — и то не

робѣлъ; пойдемте со мною!» — и пошли дальше. Вдругъ вышелъ изъ палатъ старецъ — примѣтно лѣтъ семидесяти; увидалъ ихъ, пошелъ къ нимъ навстрѣчу и говоритъ: «Куда вы идете, мои родимые?» — «Да вотъ въ эти палаты», отвѣчалъ Фролка. «И, мои родимые! не на добро вы идете: въ этихъ палатахъ живётъ двѣнадцатиглавой змій. Теперь его нѣтъ дома, а то бы онъ васъ сейчасъ поѣлъ!» — «Да намъ его-то и нужно». — «Когда такъ, сказалъ старикъ: ступайте, — я проведу васъ туда». Старикъ подошелъ ко львамъ и началъ ихъ гладить; тутъ Фролка пробрался съ своими товарищами на дворъ. Вотъ взошли они и въ палаты; старикъ повелъ ихъ въ ту комнату, гдѣ жила царевна. Увидѣла она ихъ, проворно скочила съ кровати, подошла и поразспросила: кто они таковы и зачѣмъ пришли? Они разсказали ей. Царевна угостила ихъ, а сама ужъ начала сряжаться[1]. Только стали они выходить изъ хоромъ — вдругъ видятъ: въ верстѣ отъ нихъ летитъ змій. Тутъ царская дочь бросилась назадъ въ хоромы, а Фролка съ товарищами пошелъ навстрѣчу и сразился съ зміёмъ. Змій сначала очень шибко напалъ на нихъ, но Фролка — парень расторопный — успѣлъ одержать побѣду, сшибъ ему всѣ двѣнадцать головъ и кинулъ ихъ въ оврагъ. Потомъ вошли назадъ въ хоромы и начали гулять отъ радости пуще прежняго, а послѣ отправились въ путь и зашли за другими царевнами, и всѣ вмѣстѣ прибыли на родину. Царь оченно обрадовался, растворилъ имъ свою царскую казну и сказалъ: «Ну, вѣрные мои слуги! берите, сколько угодно, себѣ денегъ за работу». Фролка былъ тороватъ: принёсъ свою большую шапку-треуху, солдатъ принёсъ свой ранецъ, а Ерёма принёсъ куриное лукошко. Вотъ Фролка первый сталъ насы-

[1]) Снаряжаться.

пать: сыпалъ-сыпалъ, треуха и прорвалась, и серебро утонуло въ грязь. Фролка опять началъ сыпать: сыпитъ, а изъ треухи валится! «Нечего дѣлать! сказалъ Фролка, вѣрно вся царская казна за меня пойдетъ». — «А намъ-то что останется?» спросили его товарищи. «У царя достанетъ казны и на васъ!» Ерёма, давай-ка, пока деньги есть, насыпать лукошко, а солдатъ ранецъ; насыпали и пошли себѣ домой. А Фролка съ треухою остался подлѣ царской казны и понынѣ сидитъ да насыпаетъ. Когда насыпитъ треуху, тогда дальше скажу, а теперь нѣтъ мочи и духу.

Записана въ Тамбовской губ.

73

Норка-звѣрь

Живъ сабѣ царь да царица. У нихъ было три сына: два разумныхъ, а третій дурень. У царя бывъ звѣринецъ, у каторамъ множества было разныхъ звѣрей. Въ етатъ звѣринецъ унадився великій звѣрь — Норка яго звали — и богата рабѝвъ шкоды[1]: каждаю ночь поѣдавъ звѣрей. Царь чаго не рабивъ — не могъ истребить яго; во упасли сзывая сваихъ сыновъ, да и кажа: «Хто истребить Норку-звѣря, дамъ тому палавину царства». Во старшій и памався[2]: якъ толька наступила ночь, јонъ взявъ аружіе и пашовъ; да не пашодши въ звѣринецъ, зайшовъ у трактиръ и тамъ прагулявъ цѣлаю ночь. Схамянувся[3], якъ разсвяло, да поздно. Стыдно ямý было передъ аццомъ, да нечага рабить. На другій день и средній братъ зрабивъ такжа; батько лаявъ-лаявъ ихъ и да и переставъ.

---

[1]) Убытокъ, вредъ.
[2]) Взялся (поимался).
[3]) Очнулся, опомнился.

Во на третій день собрався меньшій. Смѣялись всѣ з' яго, бо бувъ дурный, и яны думали, што јонъ ничего не зробя; а јонъ, узявши аружія, пашовъ прямо у звѣринецъ, да и сѣвъ надъ дерномъ, штобъ — якъ толька начне засыпать — яны яго кальнули, јонъ и проснувся. Уже звярнуло съ павночи. Во застагнала земля: то Норка-звѣрь бяжить и прямо черезъ аграду въ звѣринецъ, бо такій бывъ вяликій. Царевичъ схамянувся, уставъ, перекрестився и пашовъ прямо на звѣря; јонъ назадъ, царевичъ за имъ, а далѣ бàча, што не дагòня пѣшкомъ, пабѣгъ у канюшню, узявъ самага лучшага жеребца да у пагоню: дагнавъ таго звѣря, да и давай бицца. Бились яны, бились. Царевичъ давъ зверю три раны. Во ýбое выбились изъ мочи, да и лягли аддыхать. Якъ толька царевичъ заснувъ, звѣрь уставъ, да й на утёки[1]. Конь бýдя царевича; јонъ схапився, да у пагоню; дагнавши, изнова зачали бицца. Царевичъ и тутъ зрабивъ звѣрю три раны, а далѣ лягли аддыхать. Звѣрь утёкъ; царевичъ, дагнавши, знова зрабивъ три раны; а далѣ, якъ у четвертый разъ ставъ даганять, звѣрь дабѣгъ да великага бѣлаго камня, паднявъ яго и пашовъ на тей свѣтъ, сказавши царевичу: «Тагда мене пабѣдишь, якъ сюда придешь».

Царевичъ паѣхавъ и разсказавъ аццу свайму все и прасивъ яго, штобъ јонъ вялѣвъ звить кожанный канатъ такій довгій, штобъ доставъ да таго свѣту. Атецъ вялѣвъ. Якъ зрабили канатъ, царевичъ, забравши сваихъ братовъ, набравши слугъ и всяго, што треба было на цѣлый годъ, паѣхавъ туда, гдѣ звѣрь пашовъ подъ камень. Пріѣхавши, яны пастроили тамъ дворецъ и стали жить. Пригатовились; мéньшій братъ и кажа старшимъ: «Ну, братцы! хто падымя

[1]) Да и бѣжать.

сей камень?» Ни адинъ и з'мѣста не двинувъ, а јонъ якъ хвативъ, дакъ камень далеко палетѣвъ, а бувъ вяликій, вяликій — з' гару. Кинувши камень, јонъ изнова и кажа братáмъ: «А хто паидя на тей свѣтъ пабивать Норку-звѣря?» Не адинъ не взявсь; јонъ, насмѣявшись надъ ими, што яны трусы, гавòря: «Ну, братцы! прощайтя; апускайтя мене на тей свѣтъ, а самы не атходтя адъ сяго мѣста, и якъ толька закалишицца канатъ — тащитя». Браты апустили яго.

Ачнувшись на томъ свѣтѣ, падъ землею, царевичъ пашовъ; ишовъ да ишовъ; дивицца[1], ажъ ходя конь въ богатой збруѣ и кажа яму: «А зрастуй, Иванъ-царевичъ; долга я дожидавъ тебе!» Јонъ сѣвъ на таго коня и паѣхавъ; ѣдя да ѣдя, глядитъ, ажъ стаить мѣдный дварецъ. Јонъ взъѣхавъ на дворъ, привязавъ каня, да и пашовъ у комнаты. Тамъ нагатована абѣдать; јонъ сѣвъ, паабѣдавъ, пашовъ у спальню: тамъ пастель, и јонъ легъ аддыхать. Во приходя панночка, да такая красивая, што не здумать, не згадать, только въ казцѣ сказать, да и кажа: «Хто въ моемъ домѣ — азавися: кали старый — будешь батюшка, кали среднихъ лѣтъ — братъ, а кали маладой — мужъ любезный; а кали женщина старая — будешь бабушка, среднихъ лѣтъ — матушка, а кали маладая — сестра родная». Јонъ вышавъ. Яна, якъ пабачила яго, взрадавалась, да и кажа: «Чаго, Иванъ-царевичъ, чаго суда пріѣхавъ?» Јонъ разсказавъ ёй што и якъ. Яна и кажа: «Тей звѣрь, што ты хочешь пабѣдить, — мой братъ. Јонъ тяперь у средняй сястры, што живе недалеко атсуда въ серебряномъ дварцѣ; я яму залячила три раны, што ты зрабивъ».

Во упасли сяго яны пили, гуляли, добры мысли мали; а далѣ царевичъ, папращавшись, паѣхавъ да

[1]) Смотритъ.

другой сястры, што въ серебряномъ дварцѣ, и въ той такжа пагастивъ. Яна сказала яму, што братъ яё Норка тяперь у мѐньшай сястры. Јонъ паѣхавъ да меньшай, што жила въ залатомъ дварцѣ. Ета сказала яму, што братъ яё тяперь спить на синёмъ морѣ, а далѣ дала яму напицца сильнай вады, дала мечъ-кладенецъ и сказала, штобъ јонъ рубавъ галаву брату адъ разу. Јонъ, выслухавши ета, паѣхавъ. Пріѣзжая царевичъ къ синяму морю, дивицца — ажъ спить Норка на камнѣ, па серединѣ моря, и якъ храпé — адъ таго на семь вёрстъ ажъ вална бье. Јонъ перекрястився, падъѣхавъ къ яму, ударивъ мечомъ на галавѣ. Галава адскачила, да и кажа: «Ну, тяперь жа я прапавъ!» а далѣ и повалився у море.

Убивши звѣря, царевичъ вярнувся, пабравъ всѣхъ трехъ сястерь съ сабою, штобъ вывести ихъ на етатъ свѣтъ; бо всѣ яго любили и не хатѣли з' имъ растацца. Каждая изъ ихъ изъ свайго дварца зрабила яичко (бо были валшебницы); яго научили, якъ изъ яичка зрабить дварецъ и наабаротъ, аддали яму яички и пашли къ таму мѣсту, гдѣ треба было падымацца на сей свѣтъ. Якъ пришли яны къ канату, царевичъ пасадивъ дѣвушекъ, дерганувъ за канатъ; јонъ закалѣхався, браты патащили. Якъ вытащили да пабачили диковинныхъ красавицъ, аташли адъ ихъ, да и кажуть: «Пустимъ канатъ, падымемъ брата, канатъ перярѣжимъ: нехай убьецца, а то јонъ намъ не дастъ сихъ красавицъ замужъ». Во, сгаварившись, пустили канатъ; братъ бывъ не промахъ, дагадався, што братья думаютъ, узявъ да и палаживъ камень, дерганувъ; братья падняли яго высòка, да и перярѣзали канатъ. Той камень упавъ и разбився. Јонъ заплакавъ да и пашовъ.

Ишовъ-ишовъ царевичъ. Во якъ паднялась буря, заблискала маланья́, загремѣвъ громъ, полився дождь.

Јонъ пришовъ къ деряву, штобъ захавацца[1] падъ имъ; глядить, ажъ на томъ дерявѣ маленькія птушки савсѣмъ измокли; јонъ изнявъ съ себе адёжу, да и накрывъ ихъ, а самъ сѣвъ падъ деревамъ. Кали лятить птица, да такая вяликая, што и свѣтъ затмився: то было тёмна, а то яще патямнѣло. То — матка тыхъ птушакъ, што накрывъ царевичъ. Прилятѣвши тая птица, якъ пабачила, што яё дятёнашы адѣты, и кажа: «Хто накутавъ маихъ птушакъ?» А далѣ, пабачивши царевича, и кажа: «Ета ты зрабивъ? спасибо тябѣ. Чаго хочешъ, праси адъ мене за ета: все сдѣлаю для тябе!» Јонъ кажа: «Выняси мёне на тей свѣтъ». Яна гаво̀ря: «Зраби жъ ты валикій засѣкъ, налави всякай дичи, да накидай туда, а въ другую палавину налій вады, штобъ было чимъ мене кармить». Царевичъ все зрабилъ. Тая птица, взятши етатъ засѣкъ на сябе, а царевичъ сѣвъ у сярединѣ, — палятѣла. Лятѣвши — чи багата, чи мала — вынесла яго, папращалась и палятѣла; а јонъ пашовъ, да и приставъ къ адному партному у хлопцы: такій јонъ бывъ абодранный, такъ перемѣнився, што и не-въ-дамекъ, што царскій сынъ. Ставши у таго хазяина за работника, царевичъ начавъ распрашувать, што у ихъ царствѣ и якъ? Той хазяинъ и кажа: «Наши два царевича (бо третій прапавъ) привязли съ таго свѣта невѣсть и хочутъ жаницца, да тыя невѣсты упирують[2]; хочуть, штобъ имъ къ вянцу нашити всякага платья, такога, якъ у ихъ было на томъ свѣтѣ, и безъ мѣрки. Царь звавъ всихъ мастяровъ, да не адинъ не бярецца». Выслухавши все ета, царевичъ и кажа: «Иди, хазяинъ, къ царю и скажи, што ты нашіешъ все па твайму ремяслу». Хазяинъ и кажа: «Чи мини жъ брацца за такое платье?

[1]) Спрятаться.
[2]) Упираются.

я шію на простонародья». Царевичъ кажа: «Иди, хазяинъ! я отвѣчаю за все». Той хазяинъ пашовъ. Царь бывъ радъ, што нашовся хоть адинъ мастяръ, давъ яму денегъ, сколько јонъ хатѣвъ. Хазяинъ той, справившись, прихóдя дамовъ. Царевичъ и гавȍря яму: «Ну, мались Богу да лажись спать: завтра все будя гатова». Јонъ паслухавъ свайго паробка, легъ спать.

Звярнуло съ павночи. Царевичъ вставъ, пашовъ за горадъ — на поле, вынявъ изъ кармана тыя яички, што дали яму невѣсты, и якъ научили яго, здѣлавъ изъ ихъ три дварцы; вашовъ, пабравъ у каждомъ ихъ платья, вышавъ, звярнувъ тые дварцы въ яички и пашовъ дамовъ. Пришовши, развѣшавъ платья на стянѣ, да и легъ спать. Рано проснувся хазяинъ, глядь — ажъ висить такоя платья, што јонъ и не видавъ! все сьяе златомъ да серебромъ да камнями самоцвѣтными. Јонъ зрадовавсь, взявъ-панёсъ тоя платья къ царю. Царевны, якъ убачили, што то платья, што у нихъ на томъ свѣтѣ, дагадались, што Иванъ-царевичъ на семъ свѣтѣ, пераглянулись, да и замовкли. Хазяинъ тей, аддавши платья, пашовъ дамовъ, да не заставъ уже свайго дарагога работника. Јонъ пашовъ да приставъ къ башмашнику, да и таго паславъ къ царю и той зарабивъ; только абхадивъ јонъ всѣхъ мастяровъ, и усѣ благодарили яго, што наживились чрезъ яго у царя.

Якъ абхадивъ царевичъ-работникъ всихъ мастяровъ, царевны палучили сваё желанье: у ихъ все платья было такоя, якъ на томъ свѣтѣ; только яны горько плакали, што царевичъ не прихȍдя, а паравить[1] было нельзя, нада бы́ла вянчацца. Якъ сабрались къ вянцу, меньшая невѣста и кажа царю: «Пазвольте мнѣ,

[1]) Противиться.

батюшка, пайти самой падарить нищихъ!» Јонъ пазволивъ. Яна пашла и начала дарить да приглядацца. Падхо̀дя къ аднаму; якъ стала давать яму деньги, пабачила кольцо, што дала царевичу на томъ свѣтѣ, и кольца сястёръ сваихъ (бо то бывъ јонъ!) — хватила яго за руку и привяла яго въ комнату и кажа царю: «Во той, што насъ вывявъ изъ таго свѣту! Братья, кажа, запрятили гаварить намъ, што јонъ живъ, и абѣщали пабить насъ, кали мы скажемъ». Царь на тыхъ сыновъ разсердився, наказавъ ихъ, якъ самъ знавъ; а послѣ гуляли три свадьбы, и я тамъ бывъ, медъ вино пивъ, въ ротѣ не было, а толька па барадѣ тякло.

Записана въ городѣ Погарѣ, Черниговской губ., учителемъ Н. Матросовымъ.

74

Покатигорошекъ

Бувъ соби человикъ да жинка, а у нихъ було два сына и дочка̀. Отъ батько посылаетъ сыновъ орать; воны кажуть: «а хто намъ обидать прынесе?» Батька каже: «дивка». А дивка каже: «я дороги не знаю». Отъ браты кажуть: «якъ зыйдешь на гору, такъ буде тры дороги; на которой дорози стружки будуть лыжать, то ты по тій и иды». Змій бачыть, що два браты ѣдуть и все по дорози стружки стружуть; винъ узявъ стружки позбиравъ, да кида̀ по тій дорози, що до ёго норы. Маты наварыла обидать и дала дочки несты. Вона вышла на гору и пишла по тій дорози, по которой стружки лыжать; дошла до норы, а змій узявъ еји да въ нору и кинувъ. Браты ждалы-ждалы обиду да-й выпряглы волы; волы пустылы пасты, а сами пошлы до дому да-й питають матери: «дѣ жъ вашъ, мамо, обидъ?» Маты каже: «я жъ давно вамъ з' дивкою

послала». Отъ воны до самаго вичера єји ждалы; уранци всталы — єји нима! Браты кажуть: «мабуть єји той проклятущій змій узявъ!» Воны удяглысь да-й пишлы сестры шукать. Идуть да идуть — колы чередникъ череду[1] пасе. Воны поздоровалысь; чередникъ питае: «куда вы дыте?» Воны кажуть: «до змія — сестры отыймати». — «Якъ хочете вы отнять отъ змія сестру, то изъјижте у мене самого бильшого вола». Воны не захотилы да-й пишлы. Идуть да идуть — колы пастухъ пасе овечки. Воны из' нымъ поздоровалысь. Винъ ихъ питае: «куды вы йдыте?» — «До змія — сестры отыймать». — «Колы хочете єји отнять, то изъјижте у мене самого бильшего барана». Воны не захотилы да-й пишлы. Идуть да идуть — колы свинарь пасе свини. Воны поздоровалысь. Винъ ихъ питае: «куды вы йдыте?» — «До змія — сестры отыймать». — «Колы хочете єји отнять, то изъјижте у мене самого бильшего кабана». Воны не захотилы да-й пишлы. Идуть да идуть — ажъ змій стоить около свого дому. Змій каже: «здраствуйте! чого васъ сюды Богъ занисъ?» — «До тебе за сестрою». — «Колы хочьте свою сестру узять, такъ изъјижте двѣнадцять коливъ, двѣнадцять баранивъ и двѣнадцять кабанивъ». Воны по малесенькому кусочку изъјилы да-й бильше не захотилы. Винъ ихъ узявъ да пидъ камынь пидвернувъ.

Маты плакала, що нима ни сынивъ ни дочки; узяла видра да-й пишла пó воду до колодязя, набрала воды да иде — колы горошина катытця по дорози да-й вскочила у видро, а вона и не бачила. Пришла до дòму, выливае воду — колы дывитця: горошина у видри; вона узяла да-й изъјила, и отъ тей горошины уродился сынъ. Далы ёму имя Покатыгорошко; винъ росте не по часамъ, а по минутамъ. Посидалы вичеряти,

[1]) Череда — стадо крупнаго скота; чередникъ — пастухъ.

Покатыгорошко питае: «чи у васъ, мамо, булы јищо диты?» — «Було у мене двое сынивъ и одна дочка́». — «А дѣ жъ воны!» — «Змій укравъ дочку, такъ сыны пишлы еји шукать; да нима ни сынивъ ни дочки». Винъ повичерявъ, обувся и одягся: «пиду жъ и я теперь за ными». Просить коваля: «изробы мини велыку булаву». Коваль изробывъ ёму булаву; Покатыгорошко узявъ былаву, заплатывъ да-й пишовъ. Иде да иде — колы пасе чередникъ череду. Винъ из' нымъ поздоровалысь; чередникъ ёго питае: «куды ты идешь?» — «Иду до змія — сестры отыймать». — «Изъјижъ у мене самого бильшего вола, такъ отыймешъ!» Винъ изъјивъ, подяковавъ да-й пишовъ. Иде да иде — колы пастухъ пасе овечки. Покатыгорошко из' нымъ поздоровалысь; пастухъ ёго питае: «куда ты идешь?» Винъ каже: «до змія — сестры отыймать». — «Изъјижъ у мене самого бильшего барана, такъ отыймешъ! Винъ изъјивъ, подяковавъ да-й пишовъ. Иде да иде — колы свинарь пасе свини. Покатыгорошко из' нымъ поздоровалысь; свинарь его питае: «куда ты идешъ?» — «До змія — сестры отыймать». — «Изъјижъ у мене самого бильшего кабана, такъ отыймешъ!» Винъ изъјивъ, подяковавъ да-й пишовъ. Иде да иде — ажъ стои̇тъ домъ змія, и сестра бере коло колодезя воду. «Здравстуй, сестра!» каже Покатыгорошко. Вона ёму: «якій ты мини братъ?» Винъ каже: «побачишъ, якій я тоби братъ!» Отъ выходить змій: «а, здравствуй!» каже. «Здравствуй!» Змій ёго питае: «чого ты пришовъ?» — «За сестрою да за братьями». — «Изъјижъ двѣнадцять воливъ, двѣнадцять баранивъ и двѣнадцять кабанивъ». Винъ узявъ вси појивъ. Змій каже: «молодецъ! . . . ну, теперь чи будемъ битьця, чи миритьця?» — «Будемъ битьця! я съ тобой не хо̀чу миритьця». — «Дмы токъ», каже змій. — «Дмы ты, каже Покаты-

горошко: бо ты въ своемъ добри хозяинъ, а не я». Отъ змій якъ дунувъ — такъ у ёго ставъ чегунный; а Покатыгорошко якъ дунувъ — така у ёго ставъ мидный. Отъ Покатыгорошко якъ давъ змію булавою, такъ змій ставъ по колѣна въ земли; ударивъ другой разъ — и убивъ змія. Тоди узявъ змія посикъ-порубавъ, на попилъ перевиявъ; братьевъ съ-пидъ камыня извернувъ, забравъ ихъ и сестру да-й пишовъ дòму. Батько и маты булы рады!

Доставлена М. А. Максимовичемъ.

75

Иванъ Пóпяловъ

Жилъ сабѣ дѣдъ да баба, и было у ихъ три сынá: два разумныхъ, а третій дурень — по имени Иванъ, по прозванію Пòпяловъ. Јонъ двѣнадцать лѣтъ ляжавъ у пòпялѣ[1], вопаслѝ таго вставъ изъ пòпялу, и якъ стряхнувся, дакъ изъ ягò злятѣло шесть пудовъ пòпялу. Въ томъ царствѣ, гдѣ живъ Иванъ, не было дня, а всё ночь; ета зрабивъ змѣй. Вò Иванъ и абазвàвся, штобъ истрябить етаго змѣя, да и кàжа свайму батьку: «Тату! зраби мини куцабу[2] въ пять пудовъ». Узявши тую куцабу́, јонъ пашòвъ на пóля и кинувъ яé у гару́[3] и пашòвъ дамóвъ. На дру́гій день пришòвъ Иванъ на пòля, на тòя мѣ́ста, гдѣ падкинувъ куцабу́, настáвивъ лобъ — якъ латить тая куцаба, якъ удáря ягò въ лобъ, да и разбилась надвòя. Иванъ пришòвъ дамòвъ, да и кàжа свайму батьку: «Тату! зраби мини другую куцабу́ въ десять пудовъ». Узявши тую куцабу́, Иванъ пашóвъ на пòля да и кинувъ яé у гару́: лятѣла тая куцабà три дня и три ночи. На четвертый день пашòвъ Иванъ

---

[1]) Въ золѣ, пеплѣ.
[2]) Дубинку.
[3]) Вверхъ.

на тòя мѣста — якъ лятить тая куцабá; јонъ настàвивъ калѣно, а тая куцабà разбилась на три части. Пòпяловъ, пришòвши дамòвъ, загадáвъ[1] батьку зрабить третью куцабý у пятнадцать пудовъ. Узявъ тую куцабý, пришовъ на пòля и падкинувъ яé у гарý: лятѣла тая куцабà шесть дней. На сёмый день Иванъ пашòвъ на тòя мѣста; лятить тая куцабà, якъ удáрицца абъ лобъ Иванавъ, дакъ ажъ лобъ падався. Вò јонъ и кàжа: «Эта куцабà издержа змѣя!»

Вó сабравшись, Иванъ паѣхавъ съ братàми пабивать таго змѣя. Ѣдя јонъ да ѣдя, ажъ стаить хатка на куриной ножкѣ, а въ той хàтцѣ живé змѣй. Яны тáматка[2] астанавились. Иванъ павѣсивъ сваи рукавицы, да и кàжа братáмъ: «Якъ исъ маихъ рукавицъ патячé кровь, дакъ прибѣгàйтя ка мнѣ на пòмачь». Сказавши эта, Иванъ пашóвъ у хату да и сѣвъ падъ мастомъ[3] — ажъ ѣ́дя змѣй на трёхъ галавáхъ: конь спаткнỳвся, сабака завыла, соколъ затвелѣ́въ. Змѣй гавóря: «Чаго ты, конь, спаткнỳвся, сабака завыла, соколъ затвелѣ́въ?» — «Якъ же мини не спатыкацца, кáжа конь, кали падъ мастóмъ сядить Иванъ Пóпяловъ». Вò змѣй и кàжа: «Выхади-ка судá, Иванушка! памѣряемъ съ табою силы». Јонъ выхóдя, и стали яны бицца. Иванъ пабивъ таго змѣя, да и сѣвъ изнóва падъ мостъ. Ѣдя другій змѣй на шести галавахъ; јонъ и таго змѣя пабивъ, ажъ ѣдя третій на двѣнадцати галавахъ. Јонъ и съ тымъ ставъ бицца и збивъ ямý девять галовъ: не стало у змѣя силы. Глядять яны — ажъ лятить вóранъ и кричить: «Кровь! кровь!» Змѣй и кàжа таму вòрону: «Ляти да маей жóнки; яна заѣсть Ивана Пòпялова». А јонъ кáжа: «Ляти къ маимъ братàмъ;

---

1) Заставилъ.
2) Тамъ.
3) Мостъ — полъ.

якъ яны пріѣдутъ, мы етаго змѣя убьемъ и тябѣ мяса аставимъ». Вóранъ паслу̀хавъ Ивана, палятѣвъ къ ягó братàмъ да и ставъ кàркать надъ ихъ галавами. Браты́ праснулись и, пачувши вóранавъ крикъ, пабѣгли на пóмачь къ брату; убили таго змѣя, взяли змѣ́еву галаву̀ и, пришóвши къ ягò хатѣ, яны разламили галаву̀ — и ставъ бѣлый свѣтъ па всяму царству.

Пабивши змѣя, Иванъ Пóпяловъ съ братàми паѣ́хавъ дамòвъ и забывъ взять рукавицы; вялѣ́въ братàмъ падаждать ягò, а самъ вярнýвся за рукавицами. Якъ падъѣхавъ къ хàтѣ и хотѣвъ взять рукавицы, глядить — ажъ тамъ змѣиха и змѣ́евы дочкѝ размавля́ютъ промéжъ сабою. Јонъ зрабився катòмъ да и ставъ курня́вкать[1] падъ дверями. Яны пустили ягò у хату. Јонъ, выслухàвши всё, што яны гаварили, ухвативъ рукавицы и пабѣгъ. Прибѣгши къ братàмъ, сѣвъ на каня; вò яны и паѣ́хали. Ѣдутъ яны да ѣдутъ; вò предъ ими зелёный лугъ, а на томъ лугу падушки шавкóвыя. Вó братья и кажуть: «Папасёмъ ту̀точка кóней, а сами адышемъ». Иванъ кàжа: «Пастóйтя, братцы!» да взявши куцабу̀, ударивъ па падушкамъ; изъ тыхъ паду̀шакъ патяклá кровь. Вò яны паѣхали дальше. Ѣдутъ-ѣ́дутъ — ажъ стаитъ ябланька и на той ябланькѣ залатыя и сребряныя яблачки. Вó братья и кажуть: «Давайтя зъѣдимъ па я́блачку». Иванъ гавóря: «Пастойтя, братцы! я папробую» — и узявши куцабу̀, ударивъ па той ябланѣ: изъ яé патякла кровь. Яны и паѣхали дальше. Ѣдутъ яны да ѣдутъ; вò предъ ими крыница[2]. Братья и кажуть: «Напьёмся вады». А Иванъ Пóпяловъ и гавòря: «Стойтя, братцы!» Узявши куцабу̀, јонъ ударивъ па крыницѣ, и изъ той

---

[1]) Мяукать.

[2]) Ключъ, родникъ.

вады зрабилася кровь. Лугъ, шавковыя падушки, ябланя и крыница — ета всё были дачки змѣевы.

Пабивши змѣевыхъ дочакъ, Иванъ Попяловъ паѣхавъ съ братами дамовъ — ажъ лятить за ими змѣиха, разявила ротъ адъ неба да земли и хатѣла Ивана праглинуть. Иванъ и братцы яго кинули ей три пуды соли. Яна приглинула тую соль, падумавши, што то Иванъ По́пяловъ, а далѣ — якъ разсмакавала[1] тую соль и убачила, што ета не Иванъ, пабѣгла знова вслѣдъ. Во́ јонъ бача, што бѣда, якъ припустивъ каня да и схавався[2] у кузьню къ Кузьмѣ и Демьяну за двѣнацать дверей. Змѣиха прилятѣла да и кажа Кузьмѣ и Демьяну: «Адайтя мини Ивана По́пялова!» А яны кажутъ: «Пралижи языкомъ двѣнацать дверей да и бери!» Змѣиха зачала лиза́ть двери; а яны разагрѣли жалѣзныя щипцы, и якъ толька яна́ прасунула языкъ у кузьню — яны ухватили яè за языкъ и начали бить малата́ми. Убивши змѣиху, спалили и по́пялъ па вѣтру разсыпали, а сами поѣхали дамо́въ; стали жить да паживать, гулять да пировать, медъ да вино папивать. И я тамъ бывъ, вино пивъ, и въ ротѣ не было́, а па барадѣ толька тякло.

Записана въ городѣ Погарѣ, Черниговской губ., учителемъ уѣзднаго училища г. Матросовымъ.

76

Буря-богатырь Иванъ-коровій сынъ

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ-былъ король съ своей королевою; не имѣли они дѣтей, а жили вмѣстѣ годовъ до десяти, такъ что король послалъ по всѣмъ царямъ, по всѣмъ городамъ, по

[1]) Раскушала.
[2]) Спрятался.

всѣмъ народамъ — по чернети[1]: кто бы могъ полѣчить, чтобъ королева забеременѣла? Съѣхались князья и бояры, богатые купцы и крестьяне; король накормилъ ихъ дóсыта, напоилъ всѣхъ дóпьяна и началъ выспрашивать. Никто не знаетъ не вѣдаетъ, никто не берется сказать, отъ чего бъ королева могла плодъ понести; только взялся крестьянской сынъ. Король вынимаетъ и даетъ ему полнỳ горсть червонцевъ и назначаетъ сроку три дня. Ну, крестьянской сынъ взяться взялся, а чтò сказать — того ему и во снѣ не снилося; вышелъ онъ изъ города и задумался крѣпко. Попадается ему навстрѣчу старушка: «Скажи мнѣ, крестьянской сынъ, о чемъ ты задумался?» Онъ ей отвѣчаетъ: «Молчи, старая хрычовка, не досаждай мнѣ!» Вотъ она впередъ забѣжала и говоритъ: «Скажи мнѣ думу свою крѣпкую: я человѣкъ старой, все знаю». Онъ подумалъ: «За что я ее избранилъ? можетъ быть, чтò и знаетъ. Вотъ, бабушка, взялся я королю сказать, отъ чего бы королева плодъ понесла, да самъ не знаю». — «То-то! а я знаю; поди къ королю и скажи, чтобъ связали три невода шелковые; которое море подъ окошкомъ — въ немъ есть щука златокрылая, противъ самаго дворца завсегда гуляетъ. Когда поймаетъ ее король да изготовитъ, а королева покушаетъ, тогда и понесетъ дѣтище. Крестьянской сынъ самъ поѣхалъ ловить нá море; закинулъ три невода шелковые — щука вскочила и порвала всѣ три невода. Въ другой разъ закинулъ — тожъ порвала. Крестьянской сынъ снялъ съ себя поясъ и съ шеи шелковой платочекъ, завязалъ эти невода, закинулъ въ третій разъ — и поймалъ щуку златокрылую; несказанно обрадовался, взялъ и понёсъ къ королю. Король приказалъ эту щуку вымыть, вычистить, изжарить и подать королевѣ.

[1]) Чéрнеть — простой народъ, чернь.

Повара́ щуку чистили да мыли, помои за окошко лили; пришла корова, ополощины[1] выпила. Какъ скоро повара щуку изжарили, прибѣжала дѣвка-чернавка, положила ее на блюдо, понесла къ королевѣ, да доро̀гой оторвала крылышко и попробовала. Всѣ три понесли въ одинъ день, въ одинъ часъ: корова, дѣвка-чернавка и королева. Скоро сказка сказывается, нескоро дѣло дѣлается. Черезъ нѣсколько времени приходитъ со скотнаго двора скотница, докладываетъ королю, что корова родила человѣка. Король весьма удивился; не успѣлъ онъ принять эти рѣчи, какъ бѣгу́тъ сказать ему, что дѣвка-чернавка родила мальчика точь-въ-точь, какъ коровій сынъ; а вслѣдъ за тѣмъ приходятъ докладывать, что и королева родила сына точь-въ-точь, какъ коровій — голосъ въ голосъ и волосъ въ волосъ. Чудные уродились мальчики! Кто растетъ по годамъ, а они растутъ по часамъ; кто въ годъ — они въ часъ таковы, кто въ три года — они въ три часа. Стали они на возрастѣ, заслышали въ себѣ силу могучую, богатырскую, приходятъ къ отцу-королю и просятся въ городъ погулять, людей посмотрѣть и себя показать. Онъ имъ позволилъ, наказалъ гулять тихо и мирно и далъ денегъ столько, сколько взять смогли. Пошли добрые мо̀лодцы: одинъ назывался Иванъ-царевичъ, другой Иванъ-дѣвкинъ сынъ, третій Буря-богатырь Иванъ-коровій сынъ; ходили-ходили, ничего не купили. Вотъ Иванъ-царевичъ завидѣлъ стеклянные шарики и говоритъ братьямъ: «Давайте, братцы, купимъ по шарику да станемъ вверхъ бросать: кто броситъ выше, тотъ у насъ будетъ старшій». Братья согласились; кинули жеребій — кому бросать впередъ. Вышло Ивану-царевичу. Онъ кинулъ высоко, а Иванъ-дѣвкинъ

[1]) Помои.

сынъ еще выше, а Буря-богатырь-коровій сынъ такъ закинулъ, что̀ изъ виду пропалъ, и говоритъ: «Ну, теперь я надъ вами старшій!» Иванъ-царевичъ разсердился: «Какъ такъ, коровій сынъ, а хочетъ быть старшимъ!» На то Буря-богатырь ему отвѣчалъ: «Видно, такъ Богу угодно, чтобъ вы меня слушались». Пошли они путемъ-дорогою, приходятъ къ Черному морю, въ морѣ клохчетъ гадъ. Иванъ-царевичъ говоритъ: «Давайте, братцы! кто этотъ гадъ уйметъ, тотъ изъ насъ будетъ большой!» Братья согласились. Буря-богатырь говоритъ: «Унимай ты, Иванъ-царевичъ! уймешь — будешь надъ нами старшій». Онъ началъ кричать, унимать, гадъ пуще разозлился. Потомъ началъ унимать Иванъ-дѣвкинъ сынъ — тоже ничего не сдѣлалъ. А Буря-богатырь закричалъ да свою тросточку въ воду бросилъ — гаду какъ не бывало! и опять говоритъ: «Я надъ вами старшій!» Иванъ-царевичъ разсердился: «Не хотимъ быть меньшими братьями!» — «Ну, такъ оставайтесь сами по себѣ!» сказалъ Буря-богатырь и воротился въ свое отечество; а тѣ два брата пошли — куда гла̀за глядятъ. Король узналъ, что Буря-богатырь одинъ пришелъ, и приказалъ посадить его въ крѣпость: не даютъ ему ни пить ни ѣсть трое сутокъ. Богатырь застучалъ кулакомъ въ каменную стѣну и закричалъ богатырскимъ голосомъ: «Доложите-ка своему королю, а моему названному отцу, за что про что онъ меня не кормитъ? Мнѣ ваши стѣны и рѣшотки не рѣшотки, захочу — все кулакомъ расшибу!» Тотчасъ докладываютъ все это королю; король приходитъ къ нему самъ и говоритъ: «Что ты, Буря-богатырь, похваляешься?» — «Названной мой батюшка! за что про что ты меня не кормишь, трое сутокъ голодною смертію моришь? я не знаю за собой никакой вины». — «А куда ты дѣвалъ моихъ

сыновей, а своихъ братьевъ?» Буря-богатырь-коровій сынъ разсказалъ ему, какъ и что было: «Братья живы, здоровы, ничѣмъ не вредимы, а пошли — куда глаза глядятъ». Король спрашиваетъ: «Отчего же ты самъ съ ними не пошелъ?» — «Оттого, что Ивану-царевичу хочется быть старшимъ, а по жеребью мнѣ достается». — «Ну, хорошо! я пошлю воротить ихъ». Буря-богатырь говоритъ: «Никто, окромя меня, не догонитъ ихъ; они пошли въ такія мѣста — въ змѣиные края, гдѣ выѣзжаютъ изъ Чернаго моря три змѣя шести-, девяти- и двѣнадцати-главые». Король началъ его просить; Буря-богатырь-коровій сынъ собрался во путь во дороженьку, взялъ палицу боевую и мечъ-кладенецъ и пошелъ. Скоро сказка сказывается, да нескоро дѣло дѣлается; шелъ-шелъ и догналъ братьевъ близъ Чернаго моря, у калиноваго моста; у того моста столбъ стоитъ, на столбѣ написано, что тутъ выѣзжаютъ три змѣя. «Здравствуйте, братцы!» Они ему обрадовались и отвѣчаютъ: «Здравствуй, Буря-богатырь, нашъ старшій братъ!» — «Что, видно, не вкусно вамъ, что̀ на столбѣ написано?» Осмотрѣлся кругомъ — около моста избушка на курьихъ ножкахъ, на пѣтуховой головкѣ, къ лѣсу передомъ, а къ нимъ задомъ; Буря-богатырь и закричалъ: «Избушка, избушка! устойся да улягся къ лѣсу задомъ, а къ намъ передомъ». Избушка перевернулась; взошли въ нее, а тамъ столъ накрытъ, на столѣ всего много — и кушаньевъ и напитковъ разныхъ; въ углу стоитъ кровать тесовая, на ней лежитъ перина пуховая. Буря-богатырь говоритъ: «Вотъ, братцы! если бъ не я, вамъ бы ничего этого не было». Сѣли, пообѣдали, потомъ легли отдохнуть. Вставши, Буря-богатырь сказываетъ: «Ну, братцы! сегоднишнюю ночь будетъ выѣзжать змѣй шестиглавой; давайте кидать жеребій — кому кара-

улить?» Кинули — досталось Ивану-дѣвкину сыну; Буря-богатырь ему и говоритъ: «Смотри же, выскочитъ изъ моря кувшинчикъ и станетъ передъ тобою плясать, ты на него не гляди, а возьми наплюй на него да и разбей». Дѣвкинъ сынъ какъ пришелъ, такъ и уснулъ. А Буря-богатырь, зная, что его братья — люди ненадёжные, самъ пошелъ; ходитъ по̀ мосту, да тросточкой постукиваетъ. Вдругъ выскочилъ передъ нимъ кувшинчикъ, такъ и пляшетъ; Буря-богатырь наплевалъ-нахаркалъ на него и разбилъ на мелкія части. Тутъ утка крякнула, берега звякнули, море взболталось, море всколыхалось — лѣзетъ чудо-юда, мосальская гу̀ба: змѣй шестиглавой; свистнулъ-гаркнулъ молодецкимъ посвистомъ, богатырскимъ покрикомъ: «Сивка-бурка, вѣщая каурка! стань передо мной, какъ листъ передъ травой». Конь бѣжитъ, только земля дрожитъ, изъ-подъ ногъископыть по сѣнной копнѣ летитъ, изъ ушей и ноздрей дымъ валитъ. Чудо-юда сѣлъ на него и поѣхалъ на калиновой мостъ; конь подъ нимъ спотыкается. «Что ты, воронье мясо, спотыкаешься: друга слышишь, али недруга?» Отвѣчаетъ доброй конь: «Есть намъ недругъ — Буря-богатырь-коровій сынъ». — «Врёшь, воронье мясо! его костей сюда ворона въ пузырѣ не занашивала, не только ему самому быть». — «Ахъ ты, чудо-юда! отозвался Буря-богатырь-коровій сынъ, ворона костей моихъ не занашивала, — я самъ здѣсь погуливаю». Змѣй его спрашиваетъ: «Зачѣмъ ты пріѣхалъ? сватать моихъ сестеръ, али дочерей?» — «Нѣтъ, братъ! въ полѣ съѣзжаться, родней не считаться; давай воевать». Буря-богатырь разошелся, боевой палицей размахнулся — три головы ему снёсъ; въ другой разъ остальныя снёсъ. Взялъ туловище, разсѣкъ да и въ море бросилъ, го̀ловы подъ калиновой мостъ спряталъ, а

коня привязалъ къ ногамъ дѣвкину сыну, мечъ-кладенецъ положилъ ему въ головы; самъ пошелъ въ избушку и легъ спать, какъ ни въ чемъ не бывалъ. Иванъ-дѣвкинъ сынъ проснулся, увидѣлъ коня и очень обрадовался, сѣлъ на него, поѣхалъ къ избушкѣ и кричитъ: «Вотъ Буря-богатырь не велѣлъ мнѣ смотрѣть на кувшинчикъ, а я посмотрѣлъ, такъ Господь и коня мнѣ далъ!» Тотъ отвѣчаетъ: «Тебѣ далъ, а намъ еще посулилъ!» На другую ночь доставалось Ивану-царевичу караулить. Буря-богатырь и ему то же сказалъ о кувшинчикѣ. Царевичъ сталъ пò мосту похаживать, тросточкой постукивать — выскочилъ кувшинчикъ и началъ передъ нимъ плясать; онъ на него засмотрѣлся и заснулъ крѣпкимъ сномъ. А Буря-богатырь, не надѣясь на брата, самъ пошелъ; пò мосту похаживаетъ, тросточкой постукиваетъ — выскочилъ кувшинчикъ, такъ и пляшетъ. Буря-богатырь наплевалъ-нахаркалъ на него и разбилъ вдребезги. Вдругъ утка крякнула, берега звякнули, море взболталось, море всколыхалось — лѣзетъ чудо-юда, мосальская гу̀ба; свистнулъ-гаркнулъ молодецкимъ посвистомъ, богатырскимъ покрикомъ: «Сивка-бурка, вѣщая каурка! стань передо мной, какъ листъ передъ травой». Конь бѣжитъ, только земля дрожитъ, изъ ушей и ноздрей дымъ столбомъ валитъ, изо рта огненное пламя пышетъ; сталъ передъ нимъ какъ вкопаной. Сѣлъ на него чудо-юда змѣй девятиглавой, поѣхалъ на калиновой мостъ: нà мостъ въѣзжаетъ, подъ нимъ конь спотыкается. Бьетъ его чудо-юда по крутымъ бедрамъ: «Что, воронье мясо, спотыкаешься — слышишь друга, али недруга?» — «Есть намъ недругъ Буря-богатырь-коровій сынъ». — «Врёшь ты! его костей ворона въ пузырѣ не занашивала, не только ему самому быть!» — «Ахъ ты, чудо-юда, мо-

сальская гу̀ба! отозвался Буря-богатырь, самъ я здѣсь другой годъ разгуливаю». — «Что же, Буря-богатырь, на сестрахъ моихъ али на дочеряхъ сватаешься?» — «Въ полѣ съѣзжаться, не родней считаться; давай воевать!» Буря-богатырь разошелся, боевой палицей размахнулся — три головы, какъ кочни, снёсъ; въ другой размахнулся — еще три головы снёсъ, а въ третій и остальныя срубилъ. Взялъ туловище, разсѣкъ да въ Черное море бросилъ, го̀ловы подъ калиновой мостъ запряталъ, коня привязалъ къ ногамъ Ивана-царевича, а мечъ-кладенецъ положилъ ему въ головы; самъ пошелъ въ избушку и легъ спать, какъ ни въ чемъ не бывалъ. Утромъ Иванъ-царевичъ проснулся, увидѣлъ коня еще лучше перваго, обрадовался, ѣдетъ и кричитъ: «Эй, Буря-богатырь, не велѣлъ ты мнѣ смотрѣть на кувшинчикъ, а мнѣ Богъ коня далъ лучше перваго». Тотъ отвѣчаетъ: «Вамъ Богъ далъ, а мнѣ только посулилъ!» Подходитъ третья ночь, сбирается Буря-богатырь на караулъ; поставилъ столъ и свѣчку, воткнулъ въ стѣну ножикъ, повѣсилъ на него полотенце, далъ братьямъ колоду картъ и говоритъ: «Играйте, ребята, въ карты, да меня не забывайте; какъ станетъ свѣча догорать, а съ этого полотенца будетъ въ тарелкѣ кровь прибывать, то бѣгите скорѣе на̀ мостъ ко мнѣ на подмогу». Буря-богатырь по̀ мосту похаживаетъ, тросточкой постукиваетъ — выскочилъ кувшинчикъ, такъ и пляшетъ; онъ на него наплевалъ-нахаркалъ и разбилъ на мелкія части. Вдругъ утка крякнула, берега звякнули, море взболталось, море всколыхалось — лѣзетъ чудо-юда, мосальская губа: змѣй двѣнадцатиглавой; свистнулъ-гаркнулъ молодецкимъ посвистомъ, богатырскимъ покрикомъ: «Сивка-бурка, вѣщая каурка! стань передо мной, какъ листъ передъ травой». Конь бѣжитъ, только земля дрожитъ, изъ ушей и ноздрей

дымъ столбомъ валитъ, изо рта огненное пламя пышетъ; прибѣжалъ и сталъ передъ нимъ какъ вкопаной. Чудо-юда сѣлъ на него и поѣхалъ; въѣзжаетъ на мостъ, конь подъ нимъ спотыкается. «Что ты, воронье мясо, спотыкаешься? или почуялъ недруга?» — «Есть намъ, недругъ, Буря-богатырь-коровій сынъ». — «Молчи, его костей сюда ворона въ пузырѣ не занашивала!» — «Врёшь ты, чудо-юда, мосальская гу̀ба! я самъ здѣсь третій годъ погуливаю». — «Что же, Буря-богатырь, на моихъ сестрахъ али дочеряхъ хочешь жениться!» — »Въ полѣ съѣзжаться, родней не считаться; давай воевать». — «А, ты убилъ моихъ двухъ братьевъ, такъ думаешь и меня побѣдить!» — «Тамъ что Богъ дастъ! только послушай, чудо-юда, мосальская гу́ба, ты съ конемъ, а я пѣшкомъ; уговоръ лучше всего: лежачаго не бить». Буря-богатырь разошелся, боевой палицей размахнулся — и сразу снёсъ три головы; въ другой разошелся — змѣй его сшибъ. Богатырь кричитъ: «Стой, чудо-юда! уговоръ былъ: лежачаго не бить». Чудо-юда далъ ему справиться; тотъ всталъ — и сразу три головы полетѣли какъ кочки. Начали они биться; нѣсколько часовъ возились, оба изъ силъ выбились: у змѣя еще три головы пропали, у богатыря палица лопнула. Буря-богатырь-коровій сынъ снялъ съ лѣвой ноги сапогъ, кинулъ въ избушку — половину ея долой снёсъ, а братья его спятъ, не слышутъ; снялъ съ правой ноги сапогъ, бросилъ — избушка по бревну раскатилася, а братья все не просыпаются. Буря-богатырь взялъ обломокъ палицы, пустилъ въ конюшню, гдѣ два жеребца стояли, и выломилъ изъ конюшни дверь; жеребцы прибѣжали на̀ мостъ и вышибли змѣя изъ сѣдла вонъ. Тутъ богатырь обрадовался, подбѣжалъ къ нему и отсѣкъ ему остальныя три головы; змѣиное туловище раз-

сѣкъ да въ Черное море кинулъ, а го̀ловы подъ калиновой мостъ засунулъ. Послѣ взялъ трехъ жеребцовъ, свелъ въ конюшню, а самъ подъ калиновой мостъ спрятался, на мосту и кровь не подтёръ. Братья поутру проснулись, смотрятъ — избушка вся разсыпалась, тарелка полна́ крови; вошли въ конюшню — тамъ три жеребца; удивляются — куда дѣлся старшій братъ? Искали его трое сутокъ — не нашли и говорятъ промежъ себя: «Видно, они убили другъ друга, а тѣла ихъ пропали; поѣдемъ теперь домой!» Только-что коней осѣдлали, приготовились было ѣхать, Буря-богатырь проснулся и выходитъ изъ-подъ моста: «Что же вы, братцы, товарища своего покидаете? я васъ отъ смерти избавлялъ, а вы все спали и на по̀мочь ко мнѣ не приходили». Тутъ они пали передъ нимъ на колѣни: «Виноваты, Буря-богатырь, большой нашъ братъ!» — «Богъ васъ проститъ!» Пошепталъ онъ надъ избушкою: «Какъ прежде была, такъ и нынѣ будь!» Избушка явилась попрежнему — и съ кушаньемъ и съ напитками. «Вотъ, братцы, пообѣдайте, а то безъ меня, чай, замерли; а потомъ и поѣдемъ». Пообѣдали и поѣхали въ путь въ дорожку; отъѣхавши версты двѣ, говоритъ Буря-богатырь-коровій сынъ: «Братцы! я забылъ въ избушкѣ плёточку: поѣзжайте шажкомъ, пока я за ней слетаю». Пріѣхалъ онъ къ избушкѣ, слѣзъ съ своего коня, пустилъ его въ заповѣдные луга: «Ступай, добрый конь, пока не спрошу тебя». Самъ оборотился мушкой, полетѣлъ въ избушку и сѣлъ на печку. Немного погодя, пришла туда баба-яга и сѣла въ передній уголъ; приходитъ къ ней молодая невѣстка: «Ахъ, матушка! вашего сына, а моего мужа, погубилъ Буря-богатырь Иванъ-коровій сынъ. Да я отсмѣю ему эту насмѣшку: забѣгу впередъ и пущу ему день жаркой, а сама сдѣлаюсь

зеленымъ лугомъ: въ этомъ зеленомъ лугу оборочусь я колодцемъ, въ этомъ колодцѣ станетъ плавать серебряная чарочка; да еще оборочусь я тесовой кроваткою. Захотятъ братья лошадей покормить, сами отдохнуть и воды попить; тутъ-то и разорветъ ихъ по макову зёрнышку!» Говоритъ ей матка: «Такъ ихъ злодѣевъ и надобно!» Приходитъ вторая невѣстка: «Ахъ, матушка! вашего сына, а моего мужа, погубилъ Буря-богатырь Иванъ-коровій сынъ. Да я отсмѣю ему эту насмѣшку: забѣгу впередъ, оборочусь прекраснымъ садомъ, черезъ тынъ будутъ висѣть плоды разные — сочные, пахучіе! Захотятъ они сорвать — что̀ кому понравится; тутъ-то ихъ и разорветъ по макову зёрнышку!» Отвѣчаетъ ей матка: «И ты хорошо вздумала». Приходитъ третья меньшая невѣстка: «Ахъ, матушка! погубилъ Буря-богатырь Иванъ-коровій сынъ вашего сына, а моего мужа. Да я отсмѣю ему эту насмѣшку: оборочусь старой избушкою; захотятъ они обночевать въ ней, только взойдутъ въ избушку — тотчасъ и разорветъ ихъ по макову зёрнышку!» — «Ну, невѣстки мои любезныя! если вы ихъ не сгубите, то завтрашній день сама забѣгу напередъ, оборочусь свиньею и всѣхъ троихъ проглочу». Буря-богатырь, сидя на печѝ, выслушалъ эти рѣчи, вылетѣлъ на улицу; ударился о̀земь и сдѣлался опять мо̀лодцемъ; свистнулъ-гаркнулъ молодецкимъ посвистомъ, богатырскимъ покрикомъ: «Сивка-бурка, вѣщая каурка! стань передо мной, какъ листъ передъ травой». Конь бѣжитъ, земля дрожитъ. Буря-богатырь сѣлъ на него и поѣхалъ; навязалъ на палочку мочалочку, догоняетъ своихъ товарищей и говоритъ имъ: «Вотъ, братцы, безъ какой плёточки я жить не могу!» — «Эхъ, братъ, за какою дрянью ворочался! съѣхали бы въ городъ, купили бы новую». Вотъ ѣдутъ они степями, долинами;

день такой жаркой, что̀ терпѣнья нѣтъ, — жажда измучила! Вотъ и зеленый лугъ, на лугу трава муравая, на травѣ кровать тесовая. «Братъ Буря-богатырь! давай лошадей накормимъ на этой травкѣ и сами отдохнемъ на тесовой кроваткѣ; тутъ и колодезь есть — холодной водицы попьемъ». Буря-богатырь говоритъ своимъ братьямъ: «Колодезь стоитъ въ степяхъ и въ даляхъ; никто изъ него воды не беретъ не пьетъ». Соскочилъ съ своего коня добраго, началъ этотъ колодезь сѣчь и рубить — только кровь брызжетъ; вдругъ сдѣлался день туманной, жара спала и пить не хочется. «Вотъ видите, братцы! какая вода настойчивая, словно кровь». Поѣхали они дальше. Долго ли, коротко ли — ѣдутъ мимо прекраснаго сада. Говоритъ Иванъ-царевичъ старшему брату: «Позволь намъ сорвать по яблочку». — «Эхъ, братцы! садъ стоитъ въ степяхъ въ даляхъ; можетъ быть, яблоки-то старинныя да гнилыя; коли съѣшь — еще хворь нападетъ. Вотъ я пойду, посмотрю напередъ!» Сошелъ онъ въ садъ и началъ сѣчь и рубить, перерубилъ всѣ деревья до единаго. Братья на него разсердились, что по-ихнему не дѣлаетъ. Ѣдутъ они путемъ-дорогою, пристигаетъ ихъ темная ночь; подъѣзжаютъ къ одной хижинѣ. «Братъ Буря-богатырь! вишь дождикъ заходитъ, давай обночуемъ въ этой хижинѣ». — «Эхъ, братцы! лучше раскинемъ палатки и въ чистомъ полѣ обночуемъ, чѣмъ въ этой хижинѣ; эта хижина старая, взойдемъ въ нее — она насъ задавитъ; вотъ я сойду да посмотрю». Сошелъ онъ въ эту избушку и началъ рубить ее — только кровь прыщетъ! «Сами видите, какая это избушка — совсѣмъ гнилая! поѣдемте лучше впередъ». Братья ворчатъ про себя, а виду не подаютъ, что сердятся. Ѣдутъ дальше; вдругъ дорога расходится на̀двое. Буря-богатырь говоритъ: «Братцы! поѣдемте

по лѣвой дорогѣ». Они говорятъ: «Поѣзжай — куда хочешь, а мы съ тобой не поѣдемъ». И поѣхали они вправо, а Буря-богатырь влѣво. Пріѣзжаетъ Буря-богатырь Иванъ-коровій сынъ въ деревню; въ этой деревнѣ двѣнадцать кузнецовъ работаютъ. Вотъ онъ кликнулъ-свистнулъ молодецкимъ посвистомъ, богатырскимъ покрикомъ: «Кузнецы, кузнецы! подите всѣ сюда». Кузнецы услыхали, всѣ двѣнадцать къ нему прибѣжали: «Что тебѣ угодно?» — «Обтягивайте кузницу желѣзнымъ листомъ. Они кузницу ду́хомъ обтянули. «Куйте, кузнецы, двѣнадцать прутьевъ желѣзныхъ да накаливайте клещи до̀красна! Прибѣжитъ къ вамъ свинья и скажетъ: кузнецы, кузнецы! подайте мнѣ виноватаго; не подадите мнѣ виноватаго, я васъ всѣхъ и съ кузницей проглочу. А вы скажите: ахъ, матушка свинья! возьми отъ насъ этого дурака, онъ давно надоѣлъ намъ; только высунь языкъ въ кузницу, такъ мы его на языкъ тебѣ посадимъ». Только успѣлъ Буря-богатырь имъ приказъ отдать, вдругъ является къ нимъ свинья большущая и громко кричитъ: «Кузнецы, кузнецы! подайте мнѣ виноватаго». Кузнецы всѣ въ разъ отвѣчали: «Матушка свинья! возьми ты отъ насъ этого дурака, онъ намъ давно надоѣлъ; только высунь языкъ въ кузницу, мы тебѣ на языкъ его и посадимъ». Свинья была проста, недогадлива, высунула языкъ на цѣлую сажень; Буря-богатырь схватилъ ее за языкъ горячими клещами и вскричалъ кузнецамъ: «Возьмите прутья желѣзные, катайте ее хорошенечко!» До тѣхъ поръ ее колотили, пока рёбра оголились. «А ну, сказалъ Буря-богатырь, возьмите-ка ее подержите, дайте: я ее поподчую!» Схватилъ онъ желѣзной прутъ, какъ ударитъ ее — такъ всѣ рёбра пополамъ. Взмолилась ему свинья: «Буря-богатырь! пусти мою душеньку на покаяніе». Буря-богатырь

говоритъ: «А зачѣмъ моихъ братьевъ проглотила?» — «Я твоихъ братьевъ сейчасъ отдамъ». Онъ схватилъ ее зà уши; свинья харкнула — и выскочили оба брата и съ лошадьми. Тогда Буря-богатырь приподнялъ ее и со всего размаху ударилъ о сырую землю; свинья разсыпалась аредомъ[1]. Говоритъ Буря-богатырь своимъ братьямъ: «Видите ли глупцы, гдѣ вы были?» Они пали на колѣни: «Виноваты, Буря-богатырь-коровій сынъ!» — «Ну, теперь поѣдемте во путь во дороженьку; помѣху намъ никакой не будетъ». Подъѣзжаютъ они къ одному царству — къ индѣйскому королю — и раскинули въ его заповѣдныхъ лугахъ палатки. Король поутру проснулся, поглядѣлъ въ подзорную трубу, увидалъ палатки и призываетъ къ себѣ перваго министра: «Поди, братецъ! возьми съ конюшни лошадь, поѣзжай въ заповѣдные луга и узнай: что тамъ за невѣжи пріѣхали, безъ моего позволенія палатки раскинули и огни разложили въ моихъ заповѣдныхъ лугахъ?» Пріѣхалъ министръ и спрашиваетъ: «Что вы зà люди, цари ли царевичи, или короли-королевичи, или сильномогучіе богатыри?» Отвѣчаетъ Буря-богатырь-коровій сынъ: «Мы сильно-могучіе богатыри, пріѣхали на королевской дочери свататься; доложи своему королю, чтобъ отдавалъ свою дочь за Ивана-царевича въ супружество; а коли не отдастъ дочери — чтобы высылалъ войско». Спрашиваетъ король у своей дочери: пойдетъ ли она за Ивана-царевича? — «Нѣтъ, батюшка, я за него идти не хочу; высылайте войско». Сейчасъ въ трубы затрубили, въ тимпаны забили, войско скопилось и отправилось въ заповѣдные луга; столько выпало войска, чтò Иванъ-царевичъ и Иванъ-дѣвкинъ сынъ испугались. Въ то время Буря-богатырь-коровій сынъ варилъ пустоварку

[1]) Аредъ — нечистый духъ, колдунъ.

къ завтраку и мѣшалъ поварёшкой эту кашицу; вышелъ, какъ махнулъ поварёшкою — такъ половину войска и положилъ; вернулся, помѣшалъ кашицу, вышелъ да махнулъ — и другую половину на мѣстѣ положилъ, только оставилъ одного кривого да другого слѣпого. «Доложите, говоритъ, королю, чтобы выдавалъ свою дочь Марью-королевну за Ивана-царевича замужъ; а не отдастъ, такъ войско бы высылалъ, да и самъ выѣзжалъ». Кривой и слѣпой приходятъ къ своему королю и говорятъ: «Государь! Буря-богатырь приказалъ тебѣ доложить, чтобы ты отдавалъ свою дочь за Ивана-царевича въ замужество; а самъ-то онъ больно сердитъ былъ, всѣхъ насъ поварёшкою перебилъ». Приступалъ король къ своей дочери: «Дочь моя любезная! ступай за Ивана-царевича замужъ». Дочь ему отвѣчаетъ: «Дѣлать нечего, надо будетъ идти за него. Прикажи, батюшка, за нимъ карету послать». Король тотчасъ карету послалъ, а самъ у воротъ стоитъ-дожидается. Иванъ-царевичъ пріѣхалъ съ обоими братьями; король принялъ ихъ съ музыкой, съ барабаннымъ боемъ, учтиво и ласково, посадилъ за столы дубовые, за скатерти браныя, за ѣствы сахарныя, за питья медвяныя. Тутъ Буря-богатырь шепнулъ Ивану-царевичу: «Смотри, Иванъ-царевичъ, королевна подойдетъ и спросится у тебя: позволь мнѣ уйти на одинъ часокъ! а ты скажи: ступай хоть на два!» Посидѣвши нѣсколько времени, подходитъ королевна къ Ивану-царевичу и говоритъ: «Позволь мнѣ, Иванъ-царевичъ, выйти въ другую горницу — переодѣться». Иванъ-царевичъ отпустилъ ее; она вышла изъ комнатъ вонъ, а Буря-богатырь за ней взади тихимъ шагомъ идетъ. Королевна ударилась о крыльцо, оборотилась голубкою и полетѣла на́ море. Буря-богатырь ударился о̀земь, оборотился соколомъ и полетѣлъ за ней слѣдомъ.

Королевна прилетѣла на море, ударилась о̀земь, оборотилась красной дѣвицей и говоритъ: «Дѣдушка-дѣдушка, золотая головушка, серебряная бородушка! поговоримъ-ка съ тобою». Дѣдушка высунулся изъ синя моря: «Что тебѣ, внученька, надобно?» — «Сватается за меня Иванъ-царевичъ; не хотѣлось бы мнѣ за него замужъ идти, да все наше войско побито. Дай мнѣ, дѣдушка, съ твоей головы три волоска, такъ я покажу Ивану-царевичу: узнай де, Иванъ-царевичъ, съ какого корешка эта травка?» Дѣдушка далъ ей три волоска; она ударилась о̀земь, оборотилась голубкой и полетѣла домой; а Буря-богатырь ударился о̀земь, оборотился такой же дѣвицей и говоритъ: «Дѣдушка-дѣдушка! выйди еще, поговори со мною: позабыла тебѣ словечко сказать». Только дѣдушка высунулъ изъ воды свою голову, Буря-богатырь схватилъ и сорвалъ ему голову, ударился о̀земь, оборотился орломъ и прилетѣлъ во дворецъ скорѣй королевны. Вызываетъ Ивана-царевича въ сѣни: «На̀ тебѣ, Иванъ-царевичъ, эту голову; подойдетъ къ тебѣ королевна, покажетъ три волоса: узнай де, Иванъ-царевичъ, съ какого корешка эта травка? Ты и покажь ей голову». Вотъ подходитъ королевна, показываетъ Ивану-царевичу три волоса: «Угадай, царевичъ, съ какого корешка эта травка? Если узнаешь, то пойду за тебя замужъ, а не узнаешь — не прогнѣвайся!» А Иванъ-царевичъ вынулъ изъ-подъ полы голову, ударилъ объ столъ: «Вотъ тебѣ и корень!» Королевна сама про себя подумала: «Хороши молодцы!» Просится: «Позволь, Иванъ-царевичъ, пойти переодѣться въ другой горницѣ». Иванъ-царевичъ ее отпустилъ; она вышла на крыльцо, ударилась о̀земь, оборотилась голубкою и опять полетѣла на̀ море. Буря-богатырь взялъ у царевича голову, вышелъ на дворъ, ударилъ эту голову объ крыльцо

и говоритъ: «Гдѣ прежде была, тамъ и будь!» Голова полетѣла, прежде королевны на мѣсто поспѣла и срослась съ туловищемъ. Королевна остановилась у моря, ударилась о̀земь, оборотилась красной дѣвицей: «Дѣдушка-дѣдушка! выйди, поговори со мною». Тотъ вылѣзаетъ: «Что, внученька, тебѣ надобно?» — «Никакъ твоя голова тамъ была?» — «Не знаю, внученька! никакъ я крѣпко спалъ». — «Нѣтъ, дѣдушка, твоя голова была тамъ». — «Знать, какъ была ты въ послѣднiй разъ да хотѣла мнѣ словечко молвить, втѣпоры, видно, мнѣ и сорвали голову». Ударилась она о̀земь, оборотилась голубкою и полетѣла домой; переодѣлась въ другое платье, пришла и сѣла съ Иваномъ-царевичемъ рядомъ. На другой день поѣхали они къ вѣнцу законъ принять; какъ скоро отъ вѣнца прiѣхали, Буря-богатырь повелъ Ивана-царевича показывать — гдѣ ему спальня приготовлена, подаетъ ему три прута: одинъ желѣзной, другой мѣдной, а третiй оловянный, и говоритъ: «Коли хочешь быть живъ, позволь мнѣ лечь съ королевною на твое мѣсто». Царевичъ согласился. Повелъ король молодыхъ въ постель укладывать. Въ то время Буря-богатырь-коровiй сынъ смѣнилъ царевича, и какъ лёгъ, такъ и захрапѣлъ; наложила королевна на него ногу, наложила и другую, потомъ взгребла подушку и начала его душить. Буря-богатырь выскочилъ изъ-подъ нея, взялъ желѣзной прутъ и началъ ее бить: до тѣхъ поръ билъ, пока весь прутъ изломалъ; потомъ принялся за мѣдной, и тотъ весь изломалъ; послѣ мѣднаго началъ бить оловяннымъ. Замолилась королевна, великими клятвами заклялась, что не станетъ эдакихъ дѣлъ дѣлать. Поутру всталъ Буря-богатырь, пошелъ къ Ивану-царевичу: «Ну, братъ, ступай-посмотри, какъ твоя жена у меня выучена; которые были приготовлены три прута, всѣ

объ нее изломалъ. Теперь живите благополучно, любите другъ друга и меня не забывайте».

Записана въ Оренбургской губ.

77
Иванъ Быковичъ

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ-былъ царь съ царицею; дѣтей у нихъ не было. Стали они Бога молить, чтобъ создалъ имъ дѣтище во младости на поглядѣніе, а подъ старость на прокормленіе; помолились, легли спать и уснули крѣпкимъ сномъ. Во снѣ имъ привидѣлось, что недалёко отъ дворца есть тихой прудъ, въ томъ прудѣ златопёрой ёршъ плаваетъ; коли царица его скушаетъ, сейчасъ можетъ забеременѣть. Просыпались царь съ царицею, кликали къ себѣ мамокъ и нянекъ, стали имъ разсказывать свой сонъ. Мамки и няньки такъ разсудили: что во снѣ привидѣлось, то и наяву можетъ случиться. Царь призвалъ рыбаковъ и строго наказалъ поймать ерша златопёраго. На зарѣ пришли рыбаки на тихой прудъ, закинули сѣти, и на ихъ счастье съ первою жъ тонею попался златопёрой ёршъ. Вынули его, принесли во дворецъ; какъ увидала царица, не могла на мѣстѣ усидѣть, скоро къ рыбакамъ подбѣгала, зá руки хватала, большой казной награждала; послѣ позвала свою любимую кухарку и отдавала ей ерша златопёраго съ рукъ нá руки: «Нá, приготовь къ обѣду, да смотри, чтобы никто до него не дотронулся». Кухарка вычистила ерша, вымыла и сварила, помои на дворъ выставила; пȯ двору ходила корова, тѣ помои выпила; рыбку съѣла царица, а посуду кухарка подлизала. И вотъ разомъ забрюхатѣли: и царица, и ея любимая кухарка, и корова, и разрѣшились всѣ въ

одно время тремя сыновьями; у царицы родился Иванъ-царевичъ, у кухарки — Иванъ-кухаркинъ сынъ, у коровы Иванъ Быковичъ. Стали ребятки расти не по днямъ, а по часамъ; какъ хорошее тѣсто на опарѣ поднимается, такъ и они вверхъ тянутся. Всѣ три мòлодца на одно лицо удались, и признать нельзя было, кто изъ нихъ дитя царское, кто — кухаркино, и кто отъ коровы народился. Только по тому и различали ихъ: какъ воротятся съ гулянья, Иванъ-царевичъ проситъ бѣлье перемѣнить, кухаркинъ сынъ норовитъ съѣсть что-нибудь, а Иванъ Быковичъ прямо на отдыхъ ложится. По десятому году пришли они къ царю и говорятъ: «Любезный нашъ батюшка! сдѣлай намъ желѣзную палку въ пятьдесятъ пудовъ». Царь приказалъ своимъ кузнецамъ сковать желѣзную палку въ пятьдесятъ пудовъ; тѣ принялись за работу и въ недѣлю сдѣлали. Никто палки за одинъ край приподнять не можетъ, а Иванъ-царевичъ, да Иванъ-кухаркинъ сынъ, да Иванъ Быковичъ между пальцами ее повертываютъ, словно перо гусиное. Вышли они на широкой царской дворъ. «Ну, братцы! говоритъ Иванъ-царевичъ, давайте силу пробовать: кому быть большимъ братомъ». — «Ладно, отвѣчалъ Иванъ Быковичъ, бери палку и бей насъ по плечамъ». Иванъ-царевичъ взялъ желѣзную палку, ударилъ Ивана-кухаркина сына да Ивана Быковича по плечамъ и вбилъ того и другого по колѣна въ землю. Иванъ-кухаркинъ сынъ ударилъ — вбилъ Ивана-царевича да Ивана Быковича по самую грудь въ землю; а Иванъ Быковичъ ударилъ — вбилъ обоихъ братьевъ по самую шею. «Давайте, говоритъ царевичъ, еще силу попытаемъ: станемъ бросать желѣзную палку кверху; кто выше заброситъ — тотъ будетъ бóльшій братъ». — «Ну что жъ, бросай ты!» Иванъ-царевичъ бросилъ — палка черезъ четверть часа назадъ упа-

ла; Иванъ-кухаркинъ сынъ бросилъ — палка черезъ полчаса упала, а Иванъ Быковичъ бросилъ — только черезъ часъ воротилась. «Ну, Иванъ Быковичъ! будь ты большой братъ». Послѣ того пошли они гулять пó саду и нашли громадной камень. «Ишь какой камень! Нельзя ль его съ мѣста сдвинуть?» сказалъ Иванъ-царевичъ, уперся въ него руками, возился-возился — нѣтъ, не беретъ сила; попробовалъ Иванъ-кухаркинъ сынъ — камень чуть-чуть подвинулся. Говоритъ имъ Иванъ Быковичъ: «Мелко же вы плаваете! постойте, я попробую». Подошелъ къ камню да какъ двинетъ его ногою — камень ажно загудѣлъ, покатился на другую сторону сада и переломалъ много всякихъ деревьевъ. Подъ тѣмъ камнемъ подвалъ открылся, въ подвалѣ стоятъ три коня богатырскіе, по стѣнамъ виситъ збруя ратная: есть на чемъ добрымъ мóлодцамъ разгуляться. Тотчасъ побѣжали они къ царю и стали проситься: «Государь батюшка, благослови насъ въ чужія земли ѣхать, самимъ на людей посмотрѣть, себя въ людяхъ показать». Царь ихъ благословилъ, на дорогу казной наградилъ; они съ царемъ простились, сѣли на богатырскихъ коней и въ путь-дорогу пустились. Ѣхали по доламъ, по горамъ, по зеленымъ лугамъ и пріѣхали въ дремучій лѣсъ; въ томъ лѣсу стоитъ избушка на курячьихъ ножкахъ, на бараньихъ рожкахъ, когда надо — повертывается. «Избушка, избушка! повернись къ намъ передóмъ, къ лѣсу задóмъ: намъ въ тебя лѣзти, хлѣба-соли ѣсти». Избушка повернулась. Добрые мòлодцы входятъ въ избушку — на печкѣ лежитъ баба-яга, костяная нога, изъ угла въ уголъ, носъ въ потолокъ. «Фу-фу-фу! прежде русскаго духу слыхомъ не слыхано, видомъ не видано; нынче русскій духъ на ложку садится, самъ въ ротъ катúтся». — «Эй, старуха! не бранись, слѣзь-ка съ печки да на

лавочку садись. Спроси: куда ѣдемъ мы? я добренько скажу». Баба-яга слѣзла съ печки, подходила къ Ивану Быковичу близко, кланялась ему низко: «Здравствуй, батюшка Иванъ Быковичъ! куда ѣдешь, куда путь держишь?» — «Ѣдемъ мы, бабушка, нá рѣку Смородину, на калиновой мостъ; слышалъ я, что тамъ не одно чудо-юдо живетъ». — «Ай да, Ванюша! за дѣло хватился: вѣдь они злодѣи всѣхъ приполонили, всѣхъ разорили, ближнія царства шаромъ покатили». Братья переночевали у бабы-яги, поутру рано встали и отправились въ путь-дорогу. Пріѣзжаютъ къ рѣкѣ Смородинѣ; по всему берегу лежатъ кости человѣческія, — по колѣно будетъ навалено! Увидали они избушку, вошли въ нее — пустёхонька, и вздумали тутъ остановиться. Пришло дѣло къ вечеру: говоритъ Иванъ Быковичъ: «Братцы! мы заѣхали въ чужедальную сторону, надо жить намъ съ осторожкою; давайте по очереди на дозоръ ходить». Кинули жеребій — доставалось первую ночь сторожить Ивану-царевичу, другую — Ивану-кухаркину сыну, а третью — Ивану Быковичу. Отправился Иванъ-царевичъ на дозоръ, залѣзъ въ кусты и крѣпко заснулъ. Иванъ Быковичъ на него не понадѣялся: какъ пошло время зà полночь, онъ тотчасъ готовъ былъ, взялъ съ собой щитъ и мечъ, вышелъ и сталъ подъ калиновой мостъ. Вдругъ на рѣкѣ воды взволновалися, на дубахъ орлы закричали — выѣзжаетъ чудо-юдо шестиглавое; подъ нимъ конь споткнулся, черный воронъ на плечѣ встрепенулся, позади хортъ ощетинился. Говоритъ чудо-юдо шестиглавое: «Что ты, собачье мясо, спотыкаешься? ты, ворóнье перо, трепещешься? а ты, песья шерсть, ощетинилась? Аль вы думаете, что Иванъ Быковичъ здѣсь? Такъ онъ, доброй мòлодецъ, еще не родился, а коли родился — такъ на войну не згодился; я его

на одну руку посажу, другой прихлопну — только мокре́нько будетъ!» Выскочилъ Иванъ Быковичъ: «Не хвались, нечистая сила! не поймавъ ясна со́кола, рано перья щипать; не отвѣдавъ добра мо̀лодца, нечего хулить его. А давай лучше силы пробовать: кто одолѣетъ, тотъ и похвалится». Вотъ сошлись они — поровнялись, такъ жестоко ударились, что кругомъ земля простонала. Чуду-юду не посчастливилось: Иванъ-Быковичъ съ одного розмаху сшибъ ему три головы. «Стой, Иванъ Быковичъ! дай мнѣ роздыху». — «Что за роздыхъ! у тебя, нечистая сила, три головы, у меня всего одна; вотъ какъ будетъ у тебя одна голова, тогда и отдыхать станемъ». Снова они сошлись, снова ударились; Иванъ Быковичъ отрубилъ чуду-юду и послѣднія головы, взялъ туловище, разсѣкъ на мелкія части и побросалъ въ рѣку Смородину, а шесть головъ подъ калиновой мостъ сложилъ. Самъ въ избушку вернулся. Поутру приходитъ Иванъ-царевичъ. «Ну, что, не видалъ ли чего?» — «Нѣтъ, братцы, мимо меня и муха не пролетала». На другую ночь отправился на дозоръ Иванъ-кухаркинъ сынъ, забрался въ кусты и заснулъ. Иванъ Быковичъ на него не понадѣялся; какъ пошло время за̀ полночь — онъ тотчасъ снарядился, взялъ съ собою щитъ и мечъ, вышелъ и сталъ подъ калиновой мостъ. Вдругъ на рѣкѣ воды взволновались, на дубахъ орлы раскричались — выѣзжаетъ чудо-юдо девятиглавое; подъ нимъ конь споткнулся, черный воронъ на плечѣ встрепенулся, позади хортъ ощетинился. Чудо-юдо коня по бедрамъ, ворона по перьямъ, хорта по ушамъ: «Что ты, собачье мясо, спотыкаешься? ты, воронье перо, трепещешься? ты, песья шерсть, щетинишься? Аль вы думаете, что Иванъ Быковичъ здѣсь? Такъ онъ еще не родился, а коли родился — такъ на войну не згодился: я его однимъ пальцемъ

убью!» Выскочилъ Иванъ Быковичъ: «Погоди — не хвались, прежде Богу помолись, руки умой да за дѣло прiймись! Еще невѣдомо — чья возьметъ!» Какъ махнетъ богатырь своимъ острымъ мечомъ разъ-два, такъ и снёсъ у нечистой силы шесть головъ; а чудо-юдо ударилъ — по колѣна его въ сыру землю вогналъ. Иванъ Быковичъ захватилъ горсть земли и бросилъ своему сопротивнику прямо въ очи. Пока чудо-юдо протиралъ свои глазища, богатырь срубилъ ему и остальныя головы, взялъ туловище, разсѣкъ на мелкiя части и побросалъ въ рѣку Смородину, а девять головъ подъ калиновой мостъ сложилъ. На утро приходитъ Иванъ-кухарникъ сынъ. «Что, братъ! не видалъ ли за̀ ночь чего?» — «Нѣтъ, возлѣ меня ни одна муха не пролетала, ни одинъ комаръ не пищалъ!» Иванъ Быковичъ повелъ братьевъ подъ калиновой мостъ, показалъ имъ на мертвыя головы и сталъ стыдить: «Эхъ вы, сони! гдѣ вамъ воевать? Вамъ бы дома на печи́ лежать». На третью ночь собирается на дозоръ идти Иванъ Быковичъ; взялъ бѣлое полотенце, повѣсилъ на стѣнку, а подъ нимъ на полу миску поставилъ и говоритъ братьямъ: «Я на страшной бой иду; а вы, братцы, всю ночь не спите да присматривайтесь, какъ будетъ съ полотенца кровь течь: если половина миски набѣжитъ — ладно дѣло, если полна миска набѣжитъ — все ничего, а если черезъ край польетъ — тотчасъ спукайте съ цѣпей моего богатырскаго коня и сами спѣшите на помочь мнѣ». Вотъ сто́итъ Иванъ Быковичъ подъ калиновымъ мостомъ; пошло время за̀ полночь, на рѣкѣ воды взволновалися, на дубахъ орлы раскричалися — выѣзжаетъ чудо-юдо двѣнадцатиглавое; конь у него о двѣнадцати крылахъ, шерсть у коня серебряная, хвостъ и грива — золотые. Ѣдетъ чудо-юдо; вдругъ подъ нимъ конь споткнулся, черный

воронъ на плечѣ встрепенулся, позади хортъ ощетинился. Чудо-юдо коня по бедрамъ, ворона по перьямъ, хорта по ушамъ: «Что ты, собачье мясо, спотыкаешься? ты, воронье перо, трепещешься? ты, песья шерсть, щетинишься? Аль вы думаете, что Иванъ Быковичъ здѣсь? Такъ онъ еще не родился, а коли родился — такъ на войну не згодился: я только дуну — его праху не останется!» Выскочилъ Иванъ Быковичъ: «Погоди — не хвались, прежде Богу помолись!» — «А, ты здѣсь! зачѣмъ пришелъ?» — «На тебя, нечистая сила, посмотрѣть, твоей крѣпости испробовать». — «Куда тебѣ мою крѣпость пробовать? ты муха передо мной!» Отвѣчаетъ Иванъ Быковичъ: «Я пришелъ съ тобой не сказки разсказывать, а на смерть воевать». Размахнулся своимъ острымъ мечомъ и срубилъ чуду-юду три головы. Чудо-юдо подхватилъ эти головы, черкнулъ по нимъ своимъ огненнымъ пальцемъ — и тотчасъ всѣ головы приросли, будто и съ плечъ не падали! Плохо пришлось Ивану Быковичу; чудо-юдо сталъ одолѣвать его, по колѣна вогналъ въ сыру землю. «Стой, нечистая сила! цари-короли сражаются — и тѣ замиренье дѣлаютъ; а мы съ тобой ужли будемъ воевать безъ роздыху? Дай мнѣ роздыху хоть до трехъ разъ». Чудо-юдо согласился; Иванъ-Быковичъ снялъ правую рукавицу и пустилъ въ избушку. Рукавица всѣ окны побила, а его братья спятъ, ничего не слышутъ. Въ другой разъ размахнулся Иванъ Быковичъ сильнѣй прежняго и срубилъ чуду-юду шесть головъ; чудо-юдо подхватилъ ихъ, черкнулъ огненнымъ пальцемъ — и опять всѣ головы на мѣстахъ, а Ивана Быковича забилъ онъ по поясъ въ сыру землю. Запросилъ богатырь роздыху, снялъ лѣвую рукавицу и пустилъ въ избушку. Рукавица крышу пробила, а братья все спятъ, ничего не слышутъ. Въ третій разъ размахнулся онъ

еще сильнѣе и срубилъ чуду-юду девять головъ; чудо-юдо подхватилъ ихъ, черкнулъ огненнымъ пальцемъ — головы опять приросли, а Ивана Быковича вогналъ онъ въ сыру землю по самыя плечи. Иванъ Быковичъ запросилъ роздыху, снялъ съ себя шляпу и пустилъ въ избушку: отъ того удара избушка развалилася, вся по бревнамъ раскатилася. Тутъ только братья проснулись, глянули — кровь изъ миски черезъ край льется, а богатырскій конь громко ржётъ да съ цѣпей рвётся. Бросились они на конюшню, спустили коня, а слѣдомъ за нимъ и сами на по́мочь спѣшатъ. «А! говоритъ чудо-юдо, ты обманомъ живешь; у тебя помочь есть». Богатырской конь прибѣжалъ, началъ бить его копытами; а Иванъ Быковичъ тѣмъ временемъ вылѣзъ изъ земли, приловчился и отсѣкъ чуду-юду огненной палецъ. Послѣ того давай рубить ему головы, сшибъ всѣ до единой, туловище на мелкія части разнялъ и побросалъ все въ рѣку Смородину. Прибѣгаютъ братья. «Эхъ вы, сони! говоритъ Иванъ Быковичъ: изъ-за вашего сна я чуть-чуть головой не поплатился».

Поутру ранёшенько вышелъ Иванъ Быковичъ въ чистое поле, ударился о́земь и сдѣлался воробушкомъ, прилетѣлъ къ бѣлокаменнымъ палатамъ и сѣлъ у открытаго окошечка. Увидала его старая вѣдьма, посыпала зёрнушковъ и стала сказывать: «Воробушекъ-воробей! ты прилетѣлъ зёрнушковъ покушать, моего горя послушать. Насмѣялся надо мною Иванъ Быковичъ, всѣхъ зятьевъ моихъ извелъ». — «Не горюй, матушка! мы ему за все отплатимъ» говорятъ чудо-юдовы жены. «Вотъ я, говоритъ меньшая: напущу голодъ, сама выйду на дорогу да сдѣлаюсь яблоней съ золотыми и серебряными яблочками: кто яблочко сорветъ — тотъ сейчасъ лопнетъ». — «А я, говоритъ середняя: напущу жажду, сама сдѣлаюсь колодяземъ:

на водѣ будутъ двѣ чаши плавать: одна золотая, другая серебряная: кто за чашу возьмется — того я утоплю». — «А я, говоритъ старшая: сонъ напущу, а сама перекинусь золотою кроваткою: кто на кроваткѣ ляжетъ — тотъ огнемъ сгоритъ». Иванъ Быковичъ выслушалъ эти рѣчи, полетѣлъ назадъ, ударился óземь и сталъ попрежнему добрымъ мóлодцемъ. Собрались три брата и поѣхали домой. Ѣдутъ они дорогою, голодъ ихъ сильно мучаетъ, а ѣсть нечего. Глядь — стоитъ яблоня съ золотыми и серебряными яблочками; Иванъ-царевичъ да Иванъ-кухаркинъ сынъ пустились было яблочки рвать, да Иванъ Быковичъ напередъ заскакалъ и давай рубить яблоню крестъ-нàкрестъ — только кровь брызжетъ! То же сдѣлалъ онъ и съ колодяземъ и съ золотою кроваткою. Сгибли чудо-юдовы жены: какъ провѣдала о томъ старая вѣдьма, нарядилась нищенкой, выбѣжала на дорогу и стоитъ съ котомкою. Ѣдетъ Иванъ Быковичъ съ братьями: она протянула руку и стала просить милостины. Говоритъ царевичъ Ивану Быковичу: «Братецъ! развѣ у нашего батюшки мало золотой казны? подай этой нищенкѣ святую милостину». Иванъ Быковичъ вынулъ червонецъ и подаетъ старухѣ; она не берется за деньги, а беретъ его зà руку и вмигъ съ нимъ исчезла. Братья оглянулись — нѣтъ ни старухи, ни Ивана Быковича — и со страху поскакали домой, хвосты поджавши. А вѣдьма утащила Ивана Быковича въ подземелье и привела къ своему мужу — старому старику: «Нà тебѣ, говоритъ, нашего погубителя!» Старикъ лежитъ на желѣзной кровати, ничего не видитъ: длинныя рѣсницы и густыя брови совсѣмъ глаза закрываютъ. Позвалъ онъ двѣнадцать могучихъ богатырей и сталъ имъ приказывать: «Возьмите-ка вилы желѣзныя, подымите мои брови и рѣсницы черныя; я погляжу, что онъ за птица, что убилъ

моихъ сыновей?» Богатыри подняли ему брови и рѣсницы вилами; старикъ взглянулъ: «Ай да молодецъ, Ванюша! дакъ это ты взялъ смѣлость съ моими дѣтьми управиться! Что жъ мнѣ съ тобою дѣлать?» — «Твоя воля! что хочешь, то и дѣлай; я на все готовъ». — «Ну, да что много толковать, вѣдь дѣтей не поднять; сослужи-ка мнѣ лучше службу: съѣзди въ невиданное царство, въ небывалое государство и достань мнѣ царицу-золотыя кудри: я хочу на ней жениться». Иванъ Быковичъ про себя подумалъ: «Куда тебѣ, старому чорту, жениться, развѣ мнѣ мóлодцу!» а старуха взбѣсилась, навязала камень на шею, бултыхъ въ воду и утопилась. «Вотъ тебѣ, Ванюша, дубинку, говоритъ старикъ; ступай ты къ такому-то дубу, стукни въ него три раза дубинкою и скажи: выйди корабль! выйди корабль! выйди корабль! Какъ выйдетъ къ тебѣ корабль, въ то самое время отдай дубу трижды приказъ, чтобы онъ затворился; да смотри, не забудь! Если этого не сдѣлаешь, причинишь мнѣ обиду великую». Иванъ Быковичъ пришелъ къ дубу, ударяетъ въ него дубинкою безчетное число разъ и приказываетъ: «Все чтó есть, выходи!» Вышелъ первый корабль; Иванъ Быковичъ сѣлъ въ него и крикнулъ: «Всѣ за мной!» — и поѣхалъ въ путь-дорогу. Отъѣхавъ немного, оглянулся назадъ — и видитъ: сила несмѣтная кораблей и лодокъ! всѣ его хвалятъ, всѣ благодарятъ. Подъѣзжаетъ къ нему старичокъ въ лодкѣ: «Батюшка Иванъ Быковичъ, много лѣтъ тебѣ здравствовать! Пріими меня въ товарищи». — «А ты что умѣешь?» — «Умѣю, батюшка, хлѣбъ ѣсть». Иванъ Быковичъ сказалъ: «Фу, прóпасть! я и самъ на это горазДъ; однако садись на корабль, я добрымъ товарищамъ радъ». Подъѣзжаетъ въ лодкѣ другой старичокъ: «Здравствуй, Иванъ Быковичъ! возьми меня съ собой». — «А ты что

умѣешь?» — «Умѣю, батюшка, вино пиво пить». — «Нехитрая наука! ну, да полѣзай на корабль». Подъѣзжаетъ третій старичокъ: «Здравствуй, Иванъ Быковичъ! возьми и меня». — «Говори: что умѣешь?» — «Я, батюшка, умѣю въ банѣ париться». — «Фу, лихая тé побери! Эки, подумаешь, мудрецы!» Взялъ на корабль и этого; а тутъ еще лодка подъѣхала, говоритъ четвертой старичокъ: «Много лѣтъ здравствовать, Иванъ Быковичъ! пріими меня въ товарищи». — «Да ты кто такой?» — «Я, батюшка, звѣздочётъ». — «Ну, ужъ на это я негораздъ; будь моимъ товарищемъ». Принялъ четвертаго, просится пятой старичокъ. «Прахъ васъ возьми! куды мнѣ съ вами дѣваться? Сказывай скорѣй: что умѣешь?» — «Я, батюшка, умѣю ершомъ плавать». — «Ну, милости просимъ!» Вотъ поѣхали онѣ за царицей-золотыя кудри. Пріѣзжаютъ въ невиданное царство, небывалое государство; а тамъ уже давно свѣдали, что Иванъ Быковичъ будетъ и цѣлые три мѣсяца хлѣбъ пекли, вино курили, пиво варили. Увидалъ Иванъ Быковичъ несчетное число возовъ хлѣба да столько же бочекъ вина и пива; удивляется и спрашиваетъ: что бъ это значило? «Это все для тебя наготовлено». — «Фу, прóпасть! да мнѣ столько въ цѣлый годъ не съѣсть, не выпить». Тутъ вспомнилъ Иванъ Быковичъ про своихъ товарищей и сталъ вызывать: «Эй вы, старички-молодцы! кто изъ васъ пить-ѣсть разумѣетъ?» Отзываются Объѣдайло да Опивайло: «Мы, батюшка! наше дѣло ребячье». — «А ну, принимайтесь за работу! Подбѣжалъ одинъ старикъ, началъ хлѣбъ поѣдать: разомъ въ ротъ кидаетъ не то что караваями, а цѣлыми возами. Все пріѣлъ — и ну кричать: «Мало хлѣба; давайте еще!» Подбѣжалъ другой старикъ, началъ пиво-вино пить, все выпилъ и бочки проглотилъ: «Мало! кричитъ, подавайте

еще!» Засуетилась прислуга, бросилась къ царицѣ съ докладомъ, что ни хлѣба ни вина не достало. А царица-золотыя кудри приказала вести Ивана Быковича въ баню париться. Та баня топилась три мѣсяца и такъ накалена была, что за пять верстъ нельзя было подойти къ ней. Стали звать Ивана Быковича въ баню париться; онъ увидалъ, что отъ бани огнемъ пышетъ, и говоритъ: «Что вы съ ума сошли? да я згорю тамъ!» Тутъ ему опять вспомнилось: «Вѣдь со мной товарищи есть! Эй вы, старички-молодцы! кто изъ васъ умѣетъ въ банѣ париться?» Подбѣжалъ старикъ: «Я, батюшка! мое дѣло ребячье». Живо вскочилъ въ баню, въ уголъ дунулъ, въ другой плюнулъ — вся баня остыла, а въ углахъ снѣгъ лежитъ. «Охъ, батюшки! замёрзъ, топите еще три года!» кричитъ старикъ что есть мочи. Бросилась прислуга съ докладомъ, что баня совсѣмъ замерзала; а Иванъ Быковичъ сталъ требовать, чтобъ ему царицу-золотыя кудри выдали. Царица сама къ нему вышла, подала свою бѣлую руку, сѣла на корабль и поѣхала. Вотъ плывутъ они день и другой; ей сдѣлалось грустно, тяжко — ударила себя въ грудь, оборотилась звѣздой и улетѣла нá небо. «Ну, говоритъ Иванъ Быковичъ, совсѣмъ пропала!» Потомъ вспомнилъ: «Ахъ, вѣдь у меня есть товарищи. Эй, старички-молодцы! кто изъ васъ звѣздочётъ?» — «Я, батюшка, мое дѣло ребячье», отвѣчалъ старикъ, ударился ȍземь, сдѣлался самъ звѣздою, полетѣлъ нȁ небо и сталъ считать звѣзды; одну нашелъ лишнюю, и ну толкать ее! Сорвалась звѣздочка съ своего мѣста, быстро покатилась по небу, упала на корабль и обернулась царицею-золотыя кудри. Опять ѣдутъ день, ѣдутъ другой; нашла на царицу грусть-тоска, ударила себя въ грудь, обратилась щукою и поплыла въ море. «Ну, теперь пропала!»

думаетъ Иванъ Быковичъ, да вспомнилъ про послѣдняго старичка и сталъ его спрашивать: «Ты, что ли, горяздъ ершомъ плавать?» — «Я, батюшка, мое дѣло ребячье!» ударился óземь, оборотился ершомъ, поплылъ въ море за щукою и давай ее подъ бока колоть. Щука выскочила на корабль и опять сдѣлалась царицею-золотые кудри. Тутъ старички съ Иваномъ Быковичемъ распростились; а онъ поѣхалъ къ чудо-юдову отцу. Пріѣхалъ къ нему съ царицею-золотыя кудри; тотъ позвалъ двѣнадцать могучихъ богатырей, велѣлъ принести вилы желѣзныя и поднять ему брови и рѣсницы черныя. Глянулъ на царицу и говоритъ: «Ай да Ванюша! молодѐцъ! теперь тебя прощу, на бѣлой свѣтъ отпущу». — «Нѣтъ, погоди! отвѣчаетъ Иванъ Быковичъ: не подумавши сказалъ!» — «А что?» — «Да у меня приготовлена яма глубокая, черезъ яму лежитъ жёрдочка; кто по жёрдочкѣ пройдетъ, тотъ за себя и царицу возьметъ». — «Ладно, Ванюша! ступай ты напередъ». Иванъ Быковичъ пошелъ по жёрдочкѣ, а царица-золотыя кудри про себя говоритъ: «Легче пуху лебединаго пройти!» Иванъ Быковичъ прошелъ — и жёрдочка не погнулась; а старой старикъ пошелъ — только на середину ступилъ, такъ и полетѣлъ въ яму. Иванъ Быковичъ взялъ царицу-золотыя кудри и воротился домой; скоро они обвѣнчались и задали пиръ на весь міръ. Иванъ Быковичъ сидитъ за столомъ да своимъ братьямъ похваляется: «Хоть долго я воевалъ, да молодую жену досталъ! а вы, братцы, садитесь-ка на печи да гложите кирпичи!» На томъ пиру и я былъ, медъ-вино пилъ, по усамъ текло, да въ ротъ не попало; тутъ меня угощали: отняли лоханку отъ быка да налили молока; потомъ дали калача, въ ту жъ лоханку помочà. Я не пилъ, не ѣлъ, вздумалъ утираться, со мной стали драться; я надѣлъ колпакъ, стали въ шею толкать!

Иванъ-крестьянскій сынъ и мужичокъ-самъ съ перстъ, усы на семь верстъ

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ-былъ царь; у этого царя на дворѣ былъ столбъ, а въ этомъ столбѣ три кольца: одно золотое, другое серебряное, а третье мѣдное. Въ одну ночь царю привидѣлся такой сонъ: будто у золотого кольца былъ привязанъ конь — что ни шерстинка, то серебринка, а во лбу свѣтёлъ мѣсяцъ. Поутру всталъ онъ и приказалъ кличъ кликать: кто этотъ сонъ разсудитъ и коня того достанетъ, за того свою дочь отдамъ и половину царства въ придачу. Собралось на царской кличъ множество князей, бояръ и всякихъ господъ; думали-думали — никто не можетъ сна растолковать, никто не берется коня достать. Наконецъ доложили царю, что у такого-то нищаго-старичка есть сынъ Иванъ, который можетъ сонъ растолковать и коня достать. Царь приказалъ призвать его. Призвали Ивана. Спрашиваетъ его царь: «Разсудишь ли ты мой сонъ и достанешь ли коня?» Иванъ отвѣчаетъ: «Разскажи напередъ, что̀ за сонъ и какой тебѣ конь надобенъ?» Царь говоритъ: «Въ прошлой ночи привидѣлось мнѣ: будто у золотого кольца на моемъ дворѣ былъ привязанъ конь — что ни шерстинка, то серебринка, а во лбу свѣтёлъ мѣсяцъ». — «Это не сонъ, а быль, потому что въ прошлую ночь на этомъ конѣ пріѣзжалъ къ тебѣ двѣнадцатиглавой змѣй и хотѣлъ царевну украсть». — «А можно ли достать этого коня?» Иванъ отвѣчаетъ: «Можно — только тогда, какъ минетъ мнѣ пятнадцать лѣтъ». Въ то время было Ивану только двѣнадцать годочковъ; царь взялъ его во дворецъ, кормилъ и поилъ до пятнадцати.

Вотъ какъ минуло Ивану пятнадцать лѣтъ, сказалъ онъ царю: «Давай, государь, мнѣ коня, на которомъ можно бъ доѣхать до того мѣста, гдѣ змѣй находится». Царь повёлъ его въ конюшни и показалъ всѣхъ своихъ лошадей; только онъ не могъ ни одной выбрать по своей силѣ и тяжести: какъ наложитъ на которую лошадь свою богатырскую руку, та и упадетъ. И сказалъ онъ царю: «Пусти меня въ чистое поле поискать себѣ подъ силу коня». Царь его отпустилъ. Иванъ-крестьянской сынъ три года искалъ, нигдѣ не могъ сыскать. Идетъ со слезами обратно къ царю; попадается ему навстрѣчу старичокъ и спрашиваетъ: «Что ты, парень, плачешь?» Онъ ему на спросъ грубо отвѣчалъ, просто-на̀просто отъ себя прогналъ; старикъ молвилъ: «Смотри, малой! не помяни меня». Иванъ немного отошелъ отъ старика, подумалъ самъ съ собою: «За что я старика обидѣлъ? стары люди много знаютъ». Воротился, догналъ старика, упалъ ему въ ноги и сказалъ: «Дѣдушка! прости меня, со кручины тебя обидѣлъ. Я пла́чу вотъ о чемъ: три года ходилъ я по́ полю по разнымъ табунамъ — нигдѣ не могъ сыскать по себѣ коня». Старикъ отвѣчаетъ: «Поди въ такое-то село, тамъ у мужичка на конюшнѣ стоитъ кобыла, а отъ той кобылы народился поршивой жеребенокъ; ты возьми его и выкорми: онъ тебѣ будетъ подъ силу». Иванъ поклонился старику и пошелъ въ село. Приходитъ къ мужику прямо въ конюшню, увидалъ кобылу съ поршивымъ жеребенкомъ и наложилъ на того жеребенка руку. Жеребенокъ нимало не поробилъ; онъ взялъ его у крестьянина, покормилъ нѣсколько времени, пріѣхалъ къ царю и разсказалъ ему, какъ добылъ себѣ коня. Пото́мъ сталъ снаряжаться въ гости къ змѣю. Царь спросилъ: «Сколько тебѣ, Иванъ-крестьянской сынъ, надобно силы?» Отвѣчаетъ Иванъ:

«На что мнѣ твоя сила? я одинъ могу достать; развѣ только для посылокъ дай человѣкъ шесть». Далъ ему царь шесть человѣкъ; вотъ они собрались и поѣхали. Долго ли, коротко ли они ѣхали — никому не вѣдомо; вѣдомо только то, что пріѣхали они къ огненной рѣкѣ, черезъ рѣку мостъ лежитъ, а кругомъ рѣки огромный лѣсъ. Въ томъ лѣсу раскинули шатёръ, достали разныхъ напитковъ, начали пить, ѣсть, веселиться. Иванъ-крестьянской сынъ говоритъ товарищамъ: «Давайте, ребята, каждую ночь поочерёдно караулить: не будетъ ли кто проѣзжать черезъ эту рѣку?» И случилось такъ: кто ни пойдетъ изъ его товарищей караулъ держать, всякой напьется съ вечера пьянъ и ничего не видитъ. Наконецъ, пошелъ караулить Иванъ-крестьянской сынъ; смотритъ: въ самую полуночь ѣдетъ черезъ рѣку змѣй о трехъ головахъ и подаетъ голосъ: «Нѣтъ мнѣ ни спорщика, ни наговорщика; есть развѣ одинъ спорщикъ и наговорщикъ — Иванъ-крестьянской сынъ, да и того вóронъ въ пузырѣ костей не заносилъ!» Иванъ-крестьянской сынъ изъ-подъ моста выскочилъ: «Врёшь ты! я здѣсь». — «А если здѣсь, то давай поспоримъ!» И выѣхалъ змѣй противъ Ивана на конѣ, а Иванъ выступилъ пѣшій, размахнулся своей саблей и срубилъ змѣю всѣ три головы, а коня себѣ взялъ и привязалъ у шатра. На другую ночь Иванъ-крестьянской сынъ убилъ шестиглаваго змѣя, на третью ночь девятиглаваго и побросалъ ихъ въ огненную рѣку. А какъ пошелъ караулить на четвертую ночь, то пріѣхалъ къ нему двѣнадцатиглавой змѣй и сталъ говорить гнѣвно: «Кто таковъ Иванъ-крестьянской сынъ? сейчасъ выходи ко мнѣ! зачѣмъ побилъ моихъ сыновей?» Иванъ-крестьянской сынъ выступилъ и сказалъ: «Позволь мнѣ напередъ сходить къ своему шатру, а послѣ сражаться

будемъ». — «Хорошо, ступай!» Иванъ побѣжалъ къ товарищамъ: «Ну, ребята, вотъ вамъ тазъ! Смотрите въ него; когда онъ полонъ нальется крови, пріѣзжайте ко мнѣ». Воротился и сталъ противъ змѣя, и когда они разошлись и ударились, то Иванъ съ перваго раза срубилъ у змѣя четыре головы, а самъ по колѣна въ землю ушелъ; во второй разъ разошлись — Иванъ три головы срубилъ, а самъ пó поясъ въ землю ушелъ; въ третій разъ разошлись — еще три головы отсѣкъ, самъ по грудь ушелъ; наконецъ одну срубилъ — по шейку ушелъ. Тогда только вспомянули про него товарищи, посмотрѣли въ тазъ и увидѣли, что кровь черезъ край льется; прибѣжали и срубили у змѣя послѣднюю голову, а Ивана изъ земли вытащили. Иванъ-крестьянской сынъ взялъ змѣинаго коня и увелъ къ шатру. Вотъ прошла ночь, настаетъ утро; начали добрые мóлодцы пить, ѣсть, веселиться. Иванъ-крестьянской сынъ всталъ отъ веселья и сказалъ своимъ товарищамъ: «Вы, ребята, меня подождите!» А самъ оборотился котомъ, пошелъ пó мосту черезъ огненную рѣку, пришелъ въ тотъ домъ, гдѣ змѣи жили, и сталъ дружиться съ тамошними кошками. А въ цѣломъ домѣ осталось въ живыхъ только сама змѣиха да три ея снохи; сидятъ онѣ въ горницѣ и говорятъ между собою: «Какъ бы намъ злодѣя Ивана-крестьянскаго сына сгубить?» Малая сноха говоритъ: «Куда бъ ни поѣхалъ Иванъ-крестьянской сынъ, сдѣлаю на пути голодъ, а сама оборочусь яблоней; какъ онъ съѣстъ яблочко, сейчасъ разорветъ его!» Средняя сказала: «А я на пути ихъ сдѣлаю жажду, и оборочусь колодцемъ; пусть попробуетъ выпить!» Старшая сказала: «А я наведу сонъ, а сама сдѣлаюсь кроватью: если Иванъ-крестьянской сынъ ляжетъ, то сейчасъ помрётъ». Наконецъ сама свекровь сказала: «А я разину пасть свою отъ земли

до неба и всѣхъ ихъ пожру!» Иванъ-крестьянской сынъ выслушалъ все, что они говорили, вышелъ изъ горницы, оборотился человѣкомъ, и пришелъ къ своимъ товарищамъ: «Ну, ребята! сряжайтесь въ путь». Собрались, поѣхали въ путь, и въ первой разъ на пути сдѣлался ужасной голодъ, такъ что нечего было перекусить; видятъ они — стоитъ яблоня: товарищи Ивановы хотѣли нарвать яблоковъ, но Иванъ не велѣлъ. «Это, говоритъ, не яблоня!» и началъ ее рубить; изъ яблони кровь пошла. Во второй разъ напала на нихъ жажда: Иванъ увидалъ колодецъ, не велѣлъ пить, началъ его рубить — изъ колодца кровь потекла. Въ третій разъ напалъ на нихъ сонъ; стоитъ на дорогѣ кровать. Иванъ и ее изрубилъ. Подъѣзжаютъ они къ пасти, разинутой отъ земли до неба: что дѣлать? Вздумали съ разлёту черезъ пасть скакать. Никто не могъ перескочить: только перескочилъ одинъ Иванъ-крестьянской сынъ: вынесъ его изъ бѣды чудесной конь — что ни шерстинка, то серебринка, а во лбу свѣтёлъ мѣсяцъ. Пріѣхалъ онъ къ одной рѣкѣ; у той рѣки стоитъ избёнка. Тутъ попадается ему навстрѣчу мужичокъ-самъ съ пёрстъ, усы на семь вёрстъ, и говоритъ ему: «Отдай мнѣ коня; а коли не отдашь честью, то насилкой возьму!» Отвѣчаетъ Иванъ: «Отойди отъ меня, проклятой гадъ, покудова тебя конемъ не раздавилъ?» Мужичокъ-самъ съ пёрстъ, усы на семь вёрстъ сшибъ его нàземь, сѣлъ на коня и уѣхалъ. Входитъ Иванъ въ избёнку и сильно о конѣ тужитъ. Въ той избёнкѣ лежитъ на печи безногой-безрукой и говоритъ Ивану: «Послушай, доброй мóлодецъ — не знаю, какъ тебя по имени назвать: зачѣмъ ты связывался съ нимъ бороться? Я не эдакой былъ богатырь, какъ ты, да и то онъ у меня и руки и ноги отъѣлъ!» — «За что?» — «А за то, что

я у него на столѣ хлѣбъ поѣлъ!» Иванъ началъ спрашивать, какъ бы назадъ коня достать? Говоритъ ему безногой-безрукой: «Ступай на такую-то рѣку, сними перевозъ, три года перевози, ни съ кого денегъ не бери, развѣ тогда достанешь!» Иванъ-крестьянской сынъ поклонился ему, пошелъ на рѣку, снялъ перевозъ и цѣлыхъ три года перевозилъ безденежно. Однажды случилось ему перевозить трехъ старичковъ; они даютъ ему денегъ, онъ не беретъ. «Скажи, доброй молодецъ, почему ты денегъ не берешь?» Онъ отвѣчаетъ: «По обѣщанію». — «По какому?» — «У меня ехидной человѣкъ коня отбилъ; такъ меня добрые люди научили, чтобъ я перевозъ снялъ да три года ни съ кого денегъ не бралъ. Старички сказали: «Пожалуй, Иванъ-крестьянской сынъ, мы готовы тебѣ услужить — твоего коня достать». — «Помогите, родимые!» Старички были не простые люди, — это были: Студенецъ, Обжора и колдунъ. Колдунъ вышелъ на берегъ, нарисовалъ на пескѣ лодку и говоритъ: «Ну, братцы! видите вы эту лодку?» — «Видимъ!» — «Садитесь въ нее». Сѣли всѣ четверо въ эту лодку. Говоритъ колдунъ: «Ну, легкая лодочка! сослужи мнѣ службу, какъ прежде служила». Вдругъ лодка поднялась по воздуху и мигомъ, словно стрѣла, изъ лука пущенная, привезла ихъ къ большой каменистой горѣ. У той горы домъ стоитъ, а въ домѣ живетъ самъ съ пёрстъ, а усы на семь вёрстъ. Послали старики Ивана коня спрашивать. Иванъ началъ коня просить; мужичокъ-самъ съ пёрстъ, усы на семь вёрстъ сказалъ ему: «Украдь у царя дочь и привези ко мнѣ, тогда отдамъ коня». Иванъ сказалъ про то своимъ товарищамъ, и тотчасъ они его оставили, а сами къ царю отправились. Пріѣзжаютъ; царь узналъ, по что они пріѣхали, и приказалъ слугамъ баню истопить, докрасна накалить: пусть де задохнутся!

Послѣ попросилъ гостей въ баню: они поблагодарили и пошли. Колдунъ велѣлъ напередъ Студенцу идти. Студенецъ взошелъ въ баню и прохладилъ; вотъ они вымылись, выпарились и пришли къ царю. Царь приказалъ большой обѣдъ подавать; множество всякихъ ѣствъ на столъ было подано; Обжора принялся и всё поѣлъ. Ночью собрались гости потихоньку, украли царевну, привезли къ мужичку-самъ съ пёрстъ, усы на семь вёрстъ, царевну ему отдавали, а коня выручали. Иванъ-крестьянской сынъ поклонился старичкамъ, сѣлъ на коня и поѣхалъ къ царю. Ѣхалъ-ѣхалъ, остановился въ чистомъ полѣ отдохнуть, разбилъ шатёръ и лёгъ опочивъ держать. Проснулся, хвать — подлѣ него царевна лежитъ. Онъ обрадовался, началъ ее спрашивать: «Какъ сюда угодила?» Царевна сказала: «Я оборотилась булавкою, да въ твой воротникъ воткнулась». Въ ту жъ минуту оборотилась она опять булавкою; Иванъ-крестьянской сынъ воткнулъ ее въ воротникъ и поѣхалъ дальше. Пріѣзжаетъ къ царю; царь увидалъ чуднаго коня, принимаетъ добраго мо̀лодца съ честію и разсказываетъ, какъ у него дочь украли. Иванъ говоритъ: «Не горюй, государь! Я ее назадъ привезъ». Вышелъ въ другую комнату; царевна оборотилась красной дѣ́вицей. Иванъ взялъ ее за́ руку и привелъ къ царю. Царь еще больше возрадовался, взялъ себѣ коня, а дочь отдалъ замужъ за Ивана-крестьянскаго сына. Иванъ и понынѣ живетъ съ молодой женою.

Записана въ Саратовской губ. г. Гуськовымъ.

79

Иванъ Сученко и Бѣлый Полянинъ

Начинается сказка отъ сивки, отъ бурки, отъ вѣщей каурки. На морѣ, на океанѣ, на островѣ на Буянѣ стои́тъ быкъ печеный, возлѣ него лукъ толченый; и

шли три молодца, зашли да позавтракали, а дальше идутъ — похваляются, сами собой забавляются: были мы, братцы, у такого-то мѣста, наѣдались пуще, чѣмъ деревенская баба тѣста! Это присказка, сказка будетъ впереди.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ-былъ царь на гладкомъ мѣстѣ, словно на скатерти, сроду не имѣлъ у себя дѣтей. Пришелъ до него нищій. Царь его пытаетъ: «Не знаешь ли ты — что мнѣ такое сдѣлать, чтобъ были у меня дѣти?» Онъ ему отвѣчаетъ: «Собери-ка ты мальчиковъ да дѣвочекъ-семилѣтокъ, чтобъ дѣвочки напряли, а мальчики выплели за одну ночь неводъ; тѣмъ неводомъ вели изловить въ морѣ леща златопёраго и дай его царицѣ съѣсть». Вотъ поймали леща златопёраго, отдали въ кухню изжарить; поварка вычистила, вымыла леща, кишки собакѣ бросила, помои отдала тремъ кобыламъ выпить, сама оглодала косточки, а рыбу царица скушала. Вотъ разомъ родили: царица сына и поварка сына, и собака сына, а три кобылы ожеребились тремя жеребятами. Царь далъ имъ всѣмъ имена: Царевичъ Иванъ, Поваренко Иванъ и Сученко Иванъ. Растутъ они, добрые молодцы, не по днямъ, не по часамъ, а по минутамъ; выросли большіе, и посылаетъ Иванъ-Сученко Ивана-царевича до царя: «Поди, попроси, чтобъ позволилъ намъ царь осѣдлать тѣхъ трехъ коней, что кобылы принесли, да поѣхать по городу погулять-покататься». Царь позволилъ; они посѣдлали коней, выѣхали за̀ городъ и начали межъ собой говорить: «Чѣмъ намъ у батюшки у царя жить, лучше въ чужія земли поѣдемъ!» Вотъ они взяли купили желѣза, сдѣлали себѣ по булавѣ — каждая булава въ девять пудовъ, и погнали коней. Немного погодя, говоритъ Иванъ-Сученко: «Какъ намъ, братцы, будетъ

путь держать, когда нѣтъ у насъ ни старшаго ни младшаго? Надо такъ сдѣлать, чтобъ былъ у насъ старшій братъ». Царенко говоритъ, что меня отецъ старшимъ поставилъ, а Сученко — свое, что надо силу попробовать — по стрѣлкѣ бросить. Кидаютъ стрѣлки одинъ за другимъ: сначала Царенко Иванъ, за Царенкомъ Поваренко, за Поваренкомъ Сученко. Ѣдутъ не далеко, не близко — ажъ лежитъ царенкова стрѣлка; немного подальше того упала поваренкова стрѣлка, а сученковой нигдѣ не видать! Ѣдутъ все впередъ да впередъ и заѣхали за тридевять земель въ тридесятое царство, въ иншее государство — ажъ тамъ лежитъ сученкова стрѣлка. Тутъ и порѣшили: Царенко будетъ меньшой братъ, Поваренко — подстаршій, а Сученко — самый найстаршій, и пустились опять въ путь-дорогу. Смотрятъ — передъ ними степь разстилается, на той степи палатка разбита, у палатки конь стоитъ, ярую пшеницу ѣстъ, медовой сытой запиваетъ. Посылаетъ Иванъ-Сученко Иванъ-Царевича: «Пойди, узнай: кто въ палаткѣ?» Вотъ Царенко приходитъ въ палатку, а тамъ на кровати Бѣлой Полянинъ лежитъ. И ударилъ его Бѣлой Полянинъ мизинцомъ пó лбу — Царенко упалъ; онъ взялъ его да подъ кровать и бросилъ. Посылаетъ Сученко Ивана-Поваренка; Бѣлой Полянинъ и этого ударилъ мизинцомъ пó лбу и бросилъ подъ кровать. Сученко ждалъ-ждалъ, не дождался; прибѣгаетъ туда самъ, какъ ударитъ Бѣлаго Полянина разъ — онъ и глаза подъ лобъ! Послѣ вынесъ его изъ палатки; свѣжій вѣтерокъ пахнулъ, Бѣлой Полянинъ ожилъ и проситъ: «Не убивай меня! прійми за самаго мѐньшаго брата!» Иванъ-Сученко его помиловалъ.

Вотъ всѣ четыре брата посѣдлали своихъ коней и поѣхали пущами да рощами; долго ли, коротко ли ѣхали — стои̂тъ передъ ними домъ въ два этажа подъ

золотой крышею. Зашли въ этотъ домъ — вездѣ чисто, вездѣ убрано, напитковъ, наѣдковъ вдоволь запасено, а живыхъ людей нѣтъ никого; подумали-подумали и положили пока здѣсь проживать, дни коротать. Утромъ три брата на охоту поѣхали, а Ивана-царевича дома оставили за хозяйствомъ смотрѣть. Онъ наварилъ, нажарилъ къ обѣду всякой всячины, сѣлъ на лавкѣ да трубку покуриваетъ. Вдругъ ѣдетъ старой дѣдъ въ ступѣ, толкачомъ подпирается, подъ нимъ ковета(?) на семь саженей лита, и проситъ милостины. Царенко даетъ ему цѣлой хлѣбъ; дѣдъ не за хлѣбъ, за него берется, крючкомъ да въ ступу — толкъ-толкъ! снялъ у него со спины полосу до самыхъ плечей, взялъ половою натёръ да пóдъ полъ[1] бросилъ . . . Вернулись братья съ охоты, спрашиваютъ Царенка: «Никого у тебя не было!» — «Я никого не видалъ; развѣ вы кого?» — «Нѣтъ, и мы не видали!» На другой день дома остался Иванъ-Поваренко, а тѣ на охоту поѣхали; наварилъ обѣдать, сѣлъ на лавкѣ и куритъ трубку — ажъ ѣдетъ дѣдъ въ ступѣ, толкачомъ подпирается, подъ нимъ ковета на семь саженей лита, и проситъ милостины. Поваренко даетъ ему булку; онъ не за булку, а за него, крючкомъ да въ ступу — толкъ-толкъ! снялъ кожу до самыхъ плечей, половою натёръ да пóдъ полъ бросилъ . . . Вернулись братья съ охоты и спрашиваютъ: «Никого у тебя не было?» — «Нѣтъ, никого! а вы развѣ видѣли?» — «Нѣтъ, и мы не видали!» На третій день дома остался Бѣлой Полянинъ; наварилъ обѣдать, сѣлъ на лавкѣ и куритъ трубку — ажъ ѣдетъ дѣдъ въ ступѣ, толкачомъ подпирается, подъ нимъ ковета на семь саженей лита, и проситъ милостины. Бѣлой Полянинъ даетъ ему булку; онъ не за булку; а за него, крючкомъ да въ ступу — толкъ-толкъ! снялъ

[1]) Помостъ въ избахъ, замѣняющій кровати.

кожу до самыхъ плечей, половою натёръ да по́дъ полъ бросилъ . . . Пріѣхали братья съ охоты: «Ты никого не видалъ?» — «Нѣтъ, никого; а вы?» — «И мы тожъ!» На четвертой день остался дома Иванъ-Сученко; наварилъ обѣдать, сѣлъ на лавкѣ и куритъ трубку — ажъ опять ѣдетъ старой дѣдъ въ ступѣ, толкачомъ подпирается, подъ нимъ ковета на семь саженей лита, и проситъ милостины. Сученко даетъ ему булку: онъ не за булку, а за него, крючкомъ да въ ступу — ступа и разбилась. Иванъ-Сученко ухватилъ дѣда за̀ голову, притащилъ до вербоваго пня, раскололь пень на̀двое да всадилъ дѣдову бороду въ разщелину, а самъ — въ горницу. Вотъ ѣдутъ его братья, межъ собой разговариваютъ. «Что, братцы! вамъ ничего не случилось? спрашиваетъ Царенко, а у меня такъ рубаха совсѣмъ къ тѣлу присохла!» — «Ну, и намъ досталось! до спины доторкнуться нельзя. Проклятой дѣдъ! вѣрно, онъ и Сученку содралъ». Пріѣхали домой: «А что, Сученко-Иванъ, никого у тебя не было?» — «Былъ одинъ нахаба, такъ я ему по-своему задалъ!» — «Что жъ ты ему сдѣлалъ?» — «Пень раскололь да бороду всадилъ». — «Пойдемъ, посмотримъ!» Пришли на дѣда смотрѣть, а его и слѣдъ простылъ! Какъ попалъ онъ въ тиски, началъ биться, рваться — и таки выворотилъ весь пень съ корнемъ и унесъ съ собой на тотъ свѣтъ; а съ того свѣта онъ приходилъ до своего дома подъ золотою крышею.

Братья пошли по его слѣдамъ, шли-шли — стои̇тъ гора: въ той горѣ ляда[1]; взяли ее, отворили, привязали до каната камень и опустили въ нору; какъ достали камнемъ дно, вытянули его назадъ и привязали до каната Ивана-Сученка. Говоритъ Сученко: «Черезъ три дня какъ встряхну канатъ — сейчасъ меня вы-

[1]) Поперечная дверь.

тягайте!» Вотъ опустили его на тотъ свѣтъ. Онъ вспомнилъ про царевенъ, что покрали на тотъ свѣтъ три змія: «Пойду ихъ шукать!» Шелъ-шелъ — стои̇тъ двухъэтажной домъ; вышла оттуда дѣвка: «Чего, русской человѣкъ, коло нашего двора ходишь?» — «А ты что за спросъ! Дай-ка мнѣ наперёдъ воды — глаза промыть, накорми меня, напои, да тогда и спрашивай». Она принесла ему воды, накормила, напоила и повела къ царевнѣ. «Здравствуй, прекрасная царевна!» — «Здравствуй, доброй молодецъ! чего сюда зашелъ?» — «За тобою; хочу съ твоимъ мужемъ воевать». — «Охъ, не отымешь ты меня! мой мужъ дюже сильный, съ шестью головами!» — «Я и съ одною, да буду воевать, какъ мнѣ Богъ поможетъ!» Царевна его за двери спрятала — ажъ летитъ змій: «Фу, русска кость воня́!» — «Ты, душечка, на Руси леталъ, русской кости напахалъ!» говоритъ царевна, подаетъ ему ужинать, а сама тяжело вздохнула. «Чего, голубка, такъ тяжело вздыхаешь?» — «Какъ мнѣ не вздыхать! четвертый годъ за тобою, не видѣла ни отца ни матери. Ну что если бы кто-нибудь изъ моихъ родныхъ да сюда пришелъ? что бъ ты ему сдѣлалъ?» — «Что сдѣлалъ? пилъ да гулялъ бы съ нимъ». На тѣ рѣчи выходитъ изъ-за дверей Иванъ-Сученко. «А, Сученко! здравствуй; зачѣмъ пришелъ: биться или мириться?» — «Давай биться! дми точокъ!» Змій дунулъ — у него сталъ чугунный точокъ съ серебреными пругами, а Сученко дунулъ — у него серебреный съ золотыми пругами. Ударилъ онъ змія разъ и убилъ до́ смерти, въ пепелъ перепалилъ, на вѣтеръ перепустилъ; царевна дала ему кольцо, онъ взялъ и пошелъ дальше. Шелъ-шелъ — опять двухъэтажной домъ; вышла ему навстрѣчу дѣвка и спрашиваетъ: «Чего ты, русской человѣкъ, коло нашего двора ходишь?» — «А ты что

за спросъ? Дай папередъ мнѣ воды — глаза промыть, накорми, напои, да тогда и спрашивай!» Вотъ она принесла ему воды, накормила его, напоила и къ царевнѣ проводила. «Чего ты пришелъ?» говоритъ царевна. «За тобою; хочу съ твоимъ мужемъ воевать». — «Куда тебѣ воевать съ моимъ мужемъ! мой мужъ дюже сильный, съ девятью головами!» — «Я и съ одною, да буду съ нимъ воевать, какъ мнѣ Богъ поможетъ!» Царевна спрятала гостя за двери — ажъ летитъ змій; «Фу, какъ русска кость воня̀!» — «Это ты по Руси леталъ, русской кости напахалъ!» говоритъ царевна, стала подавать ужинать и тяжело вздохнула. «Чего ты, душечка, вздыхаешь?» — «Какъ мнѣ не вздыхать, когда я ни отца ни матери не вижу. Что бъ ты сдѣлалъ, если бы кто-нибудь изъ моихъ родныхъ сюда пришелъ!» — «Пилъ да гулялъ бы съ нимъ!» Иванъ-Сученко выходитъ изъ-за дверей. «А, Сученко! здравствуй, говоритъ змій; чего ты пришелъ сюда: биться, или мириться?» — «Станемъ биться! дми точокъ!» Змій дунулъ — у него сталъ чугунный точокъ съ серебреными пругами, и Иванъ-Сученко дунулъ — у него серебреный съ золотыми пругами; ударилъ онъ змія и убилъ до̀ смерти, въ пепелъ перепалилъ, на вѣтеръ перепустилъ. Царевна ему дала кольцо; онъ взялъ и пошелъ дальше. Шелъ-шелъ — опять такой же домъ съ двумя этажами. Вышла навстрѣчу дѣвка: «Чего, русской человѣкъ, коло нашего двора ходишь?» — «Ты прежде воды дай — глаза промыть, накорми, напои, да тогда и спрашивай!» Она принесла ему воды, накормила, напоила и къ царевнѣ проводила. «Здравствуй, Иванъ-Сученко! чего ты пришелъ?» — «За тобою: хочу тебя у змія отнять». — «Куда тебѣ отнять! мой мужъ дюже сильный, съ двѣнадцатью головами!» — «Я и съ одною, а его повоюю, коли Богъ

поможетъ! «Входитъ въ горницу, а тамъ двѣнадцатиглавой змій дры́хнетъ: какъ змій вздохнётъ, такъ увесь потолокъ ходоромъ[1] заходитъ! А его сорокопудовая булава въ кутку[2] стои́тъ. Иванъ-Сученко свою булаву въ кутокъ поставилъ, а змієву взялъ; размахнулся, какъ ударитъ змія — пошелъ гулъ по всему двору! съ до́му крышу сорвало! Убилъ Иванъ-Сученко двѣнадцатиглаваго змія, въ пепелъ перепалилъ, на вѣтеръ перепустилъ. Царевна даетъ ему кольцо и говоритъ: «Будемъ со мною жить!» А онъ зоветъ ее съ собою. «Какъ же я свое богатство брошу?» Взяла все свое богатство, въ золотое яйцо своротила и отдала Ивану-Сученку; онъ положилъ то яйцо въ карманъ и вмѣстѣ съ нею пошелъ назадъ до ея сестеръ. Подстаршая царевна своротила свое богатство въ серебреное яйцо, а самая меньшая — въ мѣдное, и ему жъ отдали.

Приходятъ они вчетверомъ до норы; Иванъ-Сученко привязалъ меньшую царевну и встряхнулъ канатъ: «Какъ тебя вытянутъ наверхъ, то покличь: Ца́ренко! Онъ озовется: га! а ты скажи: я твоя!» Послѣ привязалъ другую царевну и опять встряхнулъ канатъ, чтобъ наверхъ тянули: «Какъ тебя вытянутъ, то покличь: Поваренко! Онъ озовется: га! а ты скажи: я твоя!» Сталъ третью царевну до каната привязывать, и говоритъ ей: «Какъ тебя вытянутъ, ты молчи — моя будешь!» Вытянули царевну, она молчитъ; вотъ Бѣлой Полянинъ разсердился, и какъ стали тянуть Ивана-Сученка, взялъ да-й перерѣзалъ канатъ . . . Сученко упалъ, приподнялся и пошелъ до стараго дѣда. Дѣдъ его пытаетъ: «Чего ты пришелъ?» — «Биться!» Начали воевать; бились-бились, устали и бросились до воды.

---

[1]) Ходенемъ.
[2]) Въ углу.

Дѣдъ ошибся, далъ Сученку сильной воды напиться, а самъ простой выпилъ. Сталъ Иванъ-Сученко осиливать; дѣдъ и говоритъ: «Не добивай меня! возьми себѣ въ погребѣ кремень, кресало да трехъ сортовъ шерсть — въ бѣдѣ пригодится!» Иванъ-Сученко взялъ кремень, кресало и трехъ сортовъ шерсть; вырубилъ огонь и припалилъ сѣрую шерсть — бѣжитъ до него сѣрой конь, изъ-подъ копытъ шматья[1] летятъ, изо рта пара пышетъ, изъ ушей дымъ столбомъ. «Много ль нужно времени, пока ты меня на тотъ свѣтъ вынесешь?» — «А сколько, сколько нужно людямъ, чтобъ обѣдъ наварить!» Сученко припалилъ вороную шерсть — бѣжитъ вороной конь, изъ-подъ копытъ шматья летятъ, изо рта пара пышетъ, изъ ушей дымъ валитъ. «Скоро ль ты меня на тотъ свѣтъ вынесешь?» — «Люди пообѣдать не успѣютъ!» Припалилъ рыжую шерсть — бѣжитъ рыжій конь, изъ-подъ копытъ шматья летятъ, изо рта пара пышетъ, изъ ушей дымъ валитъ. «Скоро ль ты меня на тотъ свѣтъ вынесешь?» — «Плюнуть не успѣешь!» Сѣлъ на того коня и очутился на своей землѣ.

Приходитъ до золотаря: «Я, говоритъ, буду твоимъ помощникомъ!» Меньшая царевна приказываетъ золотарю: «Сдѣлай мнѣ къ свадьбѣ золотой перстень!» Онъ взялся за ту работу, а Иванъ-Сученко говоритъ: «Постой, я тебѣ перстень сдѣлаю, а ты мнѣ мѣшокъ орѣховъ дай». Золотарь принесъ ему мѣшокъ орѣховъ; Иванъ-Сученко орѣхи поѣлъ, золото молоткомъ разбилъ, вынулъ царевнино колечко, вычистилъ и отдалъ хозяину. Царевна приходитъ въ субботу за кольцомъ, глянула: «Ахъ, какое прекрасное колечко! я такое отдала Ивану-Сученку, да его нѣтъ на этомъ свѣтѣ!» И проситъ золотаря къ себѣ на свадьбу. На другой

[1]) Большіе куски грязи, земли.

день золотарь пошелъ на свадьбу; а Иванъ-Сученко дома остался, припалилъ сѣрую шерсть — бѣжитъ до него сѣрой конь. «Чего ты меня требуешь?» — «Надо на весильномъ[1] домѣ трубу сорвать!» — «Садись на меня, заглянь въ лѣвое ухо, выглянь въ правое!» Онъ заглянулъ въ лѣвое ухо, а въ правое выглянулъ — и сталъ такой молодецъ, что ни въ сказкѣ сказать ни перомъ написать. Поскакалъ и снялъ трубу съ дома; тутъ всѣ закричали, перепугались, свадьба разъѣхалась. Другая царевна принесла золото, проситъ кольцо сдѣлать. Иванъ-Сученко говоритъ золотарю: «Дай мнѣ два мѣшка орѣховъ, я тебѣ кольцо сдѣлаю». — «Ну, что жъ? сдѣлай». Сученко орѣхи поѣлъ, золото молоткомъ разбилъ, вынулъ царевнино кольцо, вычистилъ и отдалъ. Царевна увидала кольцо: «Ахъ какое славное! я точно такое отдала Ивану-Сученку, да его теперь нѣтъ на этомъ свѣтѣ!» Взяла кольцо и зоветъ золотаря на свадьбу. Тотъ пошелъ на свадьбу, а Иванъ-Сученко припалилъ воронуюшерсть — бѣжитъ вороной конь. «Чего ты отъ меня требуешь?» — «Надо сорвать съ весильнаго дома крышу». — «Сядь на меня; въ лѣвое ухо заглянь, въ правое выглянь!» Онъ заглянулъ въ лѣвое ухо, выглянулъ въ правое — сталъ молодецъ молодцомъ! Конь понесъ его такъ шибко, что сорвалъ съ дома крышу; всѣ закричали, принялись стрѣлять въ коня, только не попали; свадьба опять разъѣхалась. Вотъ и старшая царевна проситъ, чтобы ей колечко сдѣлали: «Не хотѣла я, говоритъ, за Бѣлаго Полянина замужъ идти, да видно Богъ такъ судилъ!» Иванъ-Сученко говоритъ золотарю: «Дай мнѣ три мѣшка орѣховъ, я тебѣ кольцо сдѣлаю». Опять орѣхи поѣлъ, золото молоткомъ разбилъ, вынулъ царевнино кольцо, вычистилъ и отдалъ. Въ субботу

[1]) Свадебномъ.

приходитъ царевна за кольцомъ, глянула: «Ахъ, какое славное колечко! Боже мой! гдѣ ты досталъ этотъ перстень? я точно такой отдала тому, кого любила». И проситъ золотаря: «Приходи завтра на свадьбу ко мнѣ!» На другой день золотарь пошелъ на свадьбу; а Иванъ-Сученко дома остался, припалилъ рыжую шерстину — бѣжитъ рыжій конь. «Чего ты отъ меня требуешь?» — «Неси меня, какъ хочешь, только бы намъ вперёдъ ѣхать — потолокъ на весильномъ домѣ сорвать, а назадъ ѣхать — Бѣлаго Полянина за чубъ взять!» — «Сядь на меня, въ лѣвое ухо заглянь, въ правое выглянь!» Понесъ его рыжій конь шибко-шибко. Туда ѣдучи, Сученко потолокъ съ дома снялъ, а назадъ ѣдучи, ухватилъ Бѣлаго Полянина за чубъ, поднялся высоко вверхъ и бросилъ его наземь: Бѣлой Полянинъ на кусочки разбился. А Иванъ-Сученко опустился внизъ, обнялся, поцѣловался съ своею невѣстою: Иванъ-царевичъ и Поваренко ему обрадовались; всѣ они обвѣнчались на прекрасныхъ царевнахъ и стали жить вмѣстѣ богато и счастливо.

Сообщена М. А. Максимовичемъ.

80

Зорька, Вечорка и Полуночка

Въ нѣкоемъ государствѣ жилъ-былъ король; у него было три дочери красоты неописанной. Король берегъ ихъ пуще глаза своего, устроилъ подземныя палаты и посадилъ ихъ туда, словно птичекъ въ клѣтку, чтобы ни буйные вѣтры на нихъ не повѣяли, ни красное солнышко лучомъ не опалило. Разъ какъ-то вычитали королевны въ одной книгѣ, что есть чудной бѣлой свѣтъ, и когда пришелъ король навѣстить ихъ, онѣ тотчасъ начали его со слезами упрашивать: «Государь,

ты нашъ батюшка! выпусти насъ на бѣлой свѣтъ посмотрѣть, въ зеленóмъ саду погулять». Король принялся было ихъ отговаривать, — куда! — и слышать не хотятъ; чѣмъ больше отказываетъ, тѣмъ онѣ пуще къ нему пристаютъ. Нечего дѣлать, согласился король на ихъ неотступную просьбу. Вотъ прекрасныя королевны вышли въ садъ погулять, увидали красное солнышко и деревья и цвѣты и несказанно возрадовались что имъ воленъ бѣлой свѣтъ; бѣгаютъ пó саду — забавляются, всякою травкою любуются, какъ вдругъ подхватило ихъ буйнымъ вихремъ и унесло высоко-далеко — невѣдомо куда. Мамки и няньки всполошилися, побѣжали къ королю докладывать; король тóтчасъ разослалъ во всѣ стороны своихъ вѣрныхъ слугъ: кто на слѣдъ нападетъ, тому посулилъ большую награду пожаловать. Слуги ѣздили-ѣздили, ничего не провѣдали, съ чѣмъ поѣхали — съ тѣмъ и назадъ воротились. Король созвалъ свой большой совѣтъ, сталъ у думныхъ бояръ спрашивать: не возьмется ли кто розыскать его дочерей? Кто это дѣло сдѣлаетъ, за того любую королевну замужъ отдастъ и богатымъ приданымъ на всю жизнь надѣлитъ. Разъ спросилъ — бояре молчатъ, въ другой — не отзываются, съ третій — никто ни полслова! Залился король горючими слезами: «Видно, нѣтъ у меня ни друзей ни заступниковъ!» и велѣлъ по всему государству кличъ кликать: не выищется ли кто на такое дѣло изъ простыхъ людей? А въ то самое время жила-была въ одной деревнѣ бѣдная вдова, и было у нея трое сыновъ — сильномогучихъ богатырей; всѣ они родились въ одну ночь: старшій съ вечера, середній въ полночь, а меньшой на ранней утренней зорѣ, и назвали ихъ по тому: Вечорка, Полуночка и Зорька. Какъ дошелъ до нихъ королевской кличъ, они тóтчасъ взяли у матери благословеніе, собрались

въ путь и поѣхали въ столичной градъ. Пріѣхали къ королю, поклонились ему низко и молвили: «Многолѣтно здравствуй, государь! мы пришли къ тебѣ не пиръ пировать, службу служить; позволь намъ поѣхать, твоихъ королевенъ розыскать». — «Исполать вамъ, добрые мóлодцы! какъ васъ по имени зовутъ?» — «Мы — три брата родные: Зорька, Вечорка и Полуночка». — «Чѣмъ же васъ на дорогу пожаловать?» — «Намъ, государь, ничего не надобно; не оставь только нашей матушки, призри ее въ бѣдности да въ старости». Король взялъ старуху, помѣстилъ во дворецъ и велѣлъ кормить ее и поить съ своего стола, одѣвать-обувать изъ своихъ кладовыхъ.

Отправились добрые мóлодцы въ путь-дорогу; ѣдутъ мѣсяцъ, и другой, и третій, и заѣхали въ широкую пустынную степь. За той степью дремучій лѣсъ, а у самаго лѣсу стоитъ избушка; постучались въ окошко — нѣтъ отзыва; вошли въ двери — а въ избушкѣ нѣтъ никого. «Ну, братцы! останемся здѣсь на время, отдохнемъ съ дороги». Раздѣлись, помолились Богу и легли спать. На утро меньшой братъ Зорька говоритъ старшему брату Вечоркѣ: «Мы двое на охоту пойдемъ, а ты оставайся дома да приготовь намъ обѣдать». Старшій братъ согласился; возлѣ той избушки былъ хлѣвецъ полонъ овецъ; вотъ онъ, долго не думая, взялъ что ни есть лучшаго барана, зарѣзалъ, вычистилъ и зажарилъ къ обѣду. Приготовилъ все, какъ надобно, и легъ на лавочку отдохнуть. Вдругъ застучало, загремѣло — отворилась дверь, и вошелъ старичокъ-самъ съ ноготокъ, борода съ локотокъ, глянулъ сердито и закричалъ на Вечорку: «Какъ смѣлъ въ моемъ домѣ хозяйничать, какъ смѣлъ моего барана зарѣзать?» Отвѣчаетъ Вечорка: «Прежде вырасти, а то тебя отъ земли не видать! Вотъ возьму щей ложку да хлѣба

крошку — всѣ глаза заплесну!» Старичокъ-съ ноготокъ еще пуще озлобился: «Я малъ, да удалъ!» Схватилъ горбушку хлѣба — и давай его въ голову бить; до полусмерти прибилъ, чуть-чуть живого оставилъ и бросилъ подъ лавку; потомъ съѣлъ зажаренаго барана и ушелъ въ лѣсъ. Вечорка обвязалъ голову тряпицею, лежитъ да охаетъ. Воротились братья, спрашиваютъ: «Что съ тобой подѣялось?» — «Эхъ, братцы! затопилъ я печку, да отъ великаго жару разболѣлась у меня головушка — весь день какъ шальной провалялся, не могъ ни варить ни жарить!» На другой день Зорька съ Вечоркою на охоту пошли, а Полуночку дома оставили: пусть де обѣдъ приготовитъ. Полуночка развёлъ огонь, выбралъ самаго жирнаго барана, зарѣзалъ его, поставилъ въ печь; управился и лёгъ на лавку. Вдругъ застучало, загремѣло — вошелъ старичокъ-самъ съ ноготокъ, борода съ локотокъ — и давай его бить-колотить, — чуть-чуть совсѣмъ не ухлопалъ! съѣлъ жаренаго барана и ушелъ въ лѣсъ. Полуночка завязалъ платкомъ голову, лежитъ подъ лавкою да охаетъ. Воротились братья: «Что съ тобой?» спрашиваетъ Зорька. «Угорѣлъ, братцы, всю головушку разломило, и обѣда вамъ не готовилъ. На третій день старшіе братья на охоту пошли, а Зорька дома остался; выбралъ что ни есть лучшаго барана, зарѣзалъ, вычистилъ и зажарилъ. Управился и легъ на лавочку. Вдругъ застучало, загремѣло — идетъ во дворъ старичокъ-самъ съ ноготокъ, борода съ локотокъ, на головѣ цѣлой стогъ сѣна тащитъ, а въ рукахъ большой чанъ воды несетъ; поставилъ чанъ съ водою, раскидалъ сѣно по двору и принялся овецъ считать. Видитъ — опять не хватаетъ одного барана, разсердился, побѣжалъ въ избушку, бросился на Зорьку и крѣпко ударилъ его въ голову; Зорька вскочилъ, ухватилъ старичка

за длинную бороду — и ну таскать въ поволочку во всѣ стороны; таскаетъ да приговариваетъ: «Не узнавъ броду, не суйся въ воду!» Взмолился старичокъ-самъ съ ноготокъ, борода съ локотокъ: «Смилуйся, сильно-могучій богатырь, не предавай меня смерти, отпусти душу на покаяніе». Зорька вытащилъ его на дворъ, подвелъ къ дубовому столбу и въ тотъ столбъ забилъ ему бороду большимъ желѣзнымъ клиномъ; послѣ воротился въ ѝзбу, сидитъ да братьевъ дожидается. Пришли братья съ охоты и дивуются, что онъ цѣлъ-невредимъ. Зорька усмѣхается и говоритъ: «Пойдемте-ка, братцы! вѣдь я вашъ угаръ поймалъ, къ столбу привязалъ». Выходятъ на дворъ, смотрятъ — старичокъ-съ ноготокъ давно убѣжалъ, только половина бороды на столбѣ мотается; а гдѣ онъ бѣжалъ, тутъ кровь лилась. По тому слѣду добрались братья до глубокаго провала. Зорька пошелъ въ лѣсъ, надралъ лыковъ, свилъ верёвку и велѣлъ спустить себя подъ землю. Вечорка и Полуночка спустили его подъ землю. Очутился онъ на томъ свѣтѣ, отвязался отъ цѣпи и пошелъ куда глаза глядятъ. Шелъ-шелъ — стоитъ мѣдной дворецъ; онъ во дворецъ, встрѣчаетъ его младшая королевна — краше цвѣта алаго, бѣлѣй снѣгу бѣлаго, и ласково спрашиваетъ: «Какъ зашелъ сюда, доброй молодецъ, по волѣ, аль по неволѣ?» — «Твой родитель послалъ насъ, королевенъ, розыскивать». Она тотчасъ посадила его за столъ, накормила-напоила и даетъ ему пузырёкъ съ сильной водою: «Испей-ка этой водицы, — у тебя силы прибавится». Зорька выпилъ тотъ пузырёкъ и почуялъ въ себѣ мощь великую: «Теперь, думаетъ, хоть кого осилю!» Тутъ поднялся буйной вѣтеръ, королева испугалась: «Сейчасъ, говоритъ, мой змѣй прилетитъ!» взяла его за̀ руку и схоронила въ другой комнатѣ. Прилетѣлъ трехглавой

змѣй, ударился о сыру землю, обернулся мо́лодцемъ и закричалъ: «А! русскимъ духомъ пахнетъ . . . кто у тебя въ гостяхъ?» — «Кому у меня быть? ты по Руси леталъ, тамъ русскаго духу набрался — оттого и здѣсь тебѣ чудится». Змѣй запросилъ ѣсть и пить; королевна принесла ему разныхъ кушаньевъ и напитковъ, а въ тѣ напитки подсыпала соннаго зелья. Змѣй наѣлся-напился, стало его въ сонъ бросать; онъ заставилъ королевну искать у себя въ головахъ, легъ къ ней на колѣни и заснулъ крѣпкимъ сномъ. Королевна вызвала Зорьку: тотъ вышелъ, размахнулъ мечомъ и отрубилъ змѣю всѣ три головы; пото́мъ разложилъ костёръ, сжегъ змѣя поганаго и пустилъ пепелъ по чистому полю. «Теперь прощай, королевна! пойду искать твоихъ сестеръ; а какъ найду — за тобой ворочусь», сказалъ Зорька и пошелъ въ дорогу; шелъ-шелъ, видитъ — серебряной дворецъ, въ томъ дворцѣ жила средняя королева. Зорька убилъ тутъ шестиглаваго змѣя и пошелъ дальше. Долго ли, коротко ли — добрался онъ до золотого дворца, въ томъ дворцѣ жила старшая королевна; онъ убилъ двѣнадцатиглаваго змѣя и освободилъ ее отъ заключенія. Королевна возрадовалась, стала домой собираться, вышла на широкій дворъ, махнула краснымъ платочкомъ — золотое царство въ яичко скаталось; взяла то яичко, положила въ карманъ и пошла съ Зорькою-богатыремъ за своими сестрицами. Тѣ то же самое сдѣлали: скатали свои царства въ яички, забрали съ собой и отправились къ провалу. Вечорка и Полуночка вытащили своего брата и трехъ королевенъ на бѣлой свѣтъ. Пріѣзжаютъ они всѣ вмѣстѣ въ свое государство; королевны покатили въ чистомъ полѣ своими яичками — и тотчасъ явились три царства: мѣдное, серебряное и золотое. Король такъ обрадовался, что и разсказать нельзя;

тотчасъ же обвѣнчалъ Зорьку, Вечорку и Полуночку на своихъ дочеряхъ, а по смерти сдѣлалъ Зорьку своимъ наслѣдникомъ.

81

Медвѣдко, Усыня, Горыня и Дубыня богатыри

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ-былъ старикъ со старухою; дѣтей у нихъ не было. Говоритъ разъ старикъ: «Старуха! поди, купи рѣпку — за обѣдомъ съѣдимъ». Старуха пошла, купила двѣ рѣпки: одну кое-какъ изгрызли, а другую въ печь положили, чтобы распарилась. Погодя немного, слышутъ — что-то въ печи кричитъ: «Бабушка! откутай: тутъ жарко!» Старуха открыла заслонку, а въ печи́ лежитъ живая дѣвочка. «Что тамъ такое?» спрашиваетъ старикъ. «Ахъ, старикъ! Господь далъ намъ дѣвочку». И старикъ и старуха крѣпко обрадовались и назвали эту дѣвочку Рѣпкою. Вотъ Рѣпка росла-росла и выросла большая. Въ одно время приходятъ деревенскія дѣвки и просятъ: «Бабушка! отпусти съ нами Рѣпку въ лѣсъ за ягодами». — «Ни пущу, к . . . ны дѣти! вы ее въ лѣсу покинете». «Нѣтъ, бабушка! ни за̀ что не кинемъ». Старуха отпустила Рѣпку. Собрались дѣвки, пошли за ягодами и зашли въ такой дремучій лѣсъ, что зги не видать. Глядь — стоитъ въ лѣсу избушка; вошли въ избушку, а тамъ на столбѣ медвѣдь сидитъ. «Здравствуйте, красныя дѣвицы! сказалъ медвѣдь; я васъ давно жду». Посадилъ ихъ за столъ, наклалъ имъ каши и говоритъ: «Кушайте, хорошія-пригожія! которая ѣсть не будетъ, тоё замужъ возьму». Всѣ дѣвки кашу ѣдятъ, одна Рѣпка не ѣстъ. Медвѣдь отпустилъ дѣвокъ домой, а Рѣпку у себя оставилъ; притащилъ сани, прицѣпилъ

къ потолку, лёгъ въ эти сани и заставилъ себя качать. Рѣпка стала качать, стала приговаривать: «Бай-бай, старой хрѣнъ!» — «Не такъ! говоритъ медвѣдь: сказывай: бай-бай, милый другъ!» Нечего дѣлать, стала качать да приговаривать: «Бай-бай, милый другъ!» Вотъ такъ-то прожилъ медвѣдь съ нею близко года. Рѣпка забрюхатѣла и думаетъ: какъ бы выискать случай да уйти домой. Разъ медвѣдь пошелъ на добычу, а ее въ избушкѣ оставилъ и заклалъ дверь дубовыми пнями. Рѣпка давай выдираться, силилась-силилась, кое-какъ выдралась и убѣжала домой. Старика со старухой обрадовались: что она нашлась; живутъ они мѣсяцъ, другой и третій, а на четвертой Рѣпка родила сына — половина человѣчья, половина медвѣжья; окрестили его и дали имя Ивашко-Медвѣдко. Зачалъ Ивашко расти не по годамъ, а по часамъ: что часъ, то на вершокъ выше подается, словно кто его въ гору тащитъ. Стукнуло ему пятнадцать лѣтъ, сталъ онъ ходить съ ребятами на игры и шутить шутки нехорошія: кого ухватитъ за̀ руку — рука прочь, кого за̀ голову — голова прочь. Пришли мужики жаловаться, говорятъ старику: «Какъ хочешь, землякъ, а чтобъ сына твоего здѣсь не было! намъ для его удали не погубить своихъ дѣтокъ!» Старикъ запечалился-закручинился. «Что ты, дѣдушка, такъ невеселъ? спрашиваетъ Ивашко-Медвѣдко. Али кто тебя обездолилъ?» Старикъ трудно вздохнулъ: «Ахъ, внучекъ! одинъ ты у меня былъ кормилецъ, и то велятъ тебя изъ села выслать». — «Ну, что жъ, дѣдушка! это еще не бѣда; а вотъ бѣда, что нѣтъ у меня обороны. Поди-ка, сдѣлай мнѣ желѣзную дубинку въ двадцать пять пудъ». Старикъ пошелъ и сдѣлалъ ему двадцатипятипудовую дубинку. Ивашко простился съ дѣдомъ, съ бабою, взялъ свою дубинку и пошелъ — куда глаза глядятъ.

Идетъ путёмъ-дорогою, пришелъ къ рѣкѣ шириной въ три версты; на берегу стоитъ человѣкъ, спёръ рѣку ртомъ, рыбу ловитъ усо̀мъ, на языкѣ варитъ да кушаетъ. «Здравствуй, Усыня-богатырь!» — «Здравствуй, Ивашко-Медвѣдко! куда идешь?» — «Самъ не вѣдаю; иду — куда глаза глядятъ». — «Возьми и меня съ собой». — «Пойдемъ, братъ! я товарищу радъ». Пошли двое и увидали богатыря: захватилъ тотъ богатырь цѣлую гору, понёсъ въ логъ и верстаетъ дорогу. Ивашко удивился: «Вотъ чудо, такъ чудо! ужъ больно силёнъ ты, Горынюшка!» — «Охъ, братцы! какая во мнѣ сила? Вотъ есть на бѣломъ свѣтѣ Ивашко-Медвѣдко, такъ у того и впрямь сила великая!» — «Да вѣдь это я!» — «Куда жъ ты идешь?» — «А куда глаза глядятъ». — «Возьми и меня съ собой». — «Ну, пойдемъ; я товарищамъ радъ». Пошли трое и увидѣли: чудо-богатырь дубьё верстаетъ: который дубъ высокъ, тотъ въ землю пихаетъ, а который низокъ, изъ земли тянетъ. Удивился Ивашко: «Что за сила, за могута великая!» — «Охъ, братцы! какая во мнѣ сила? Вотъ есть на бѣломъ свѣтѣ Ивашко-Медвѣдко, такъ тотъ и прямь силёнъ!» — «Да вѣдь это я!» — «Куда жъ тебя Богъ несетъ?» — «Самъ не знаю, Дубынюшка! иду — куда глаза глядятъ». — «Возьми и меня съ собой». — «Пойдемъ; я товарищамъ радъ». Стало ихъ четверо. Пошли они путемъ-дорогою, долго ли, коротко ли — зашли въ темной, дремучій лѣсъ; въ томъ лѣсу стоитъ малая избушка на курячей ножкѣ и все повертывается. Говоритъ Ивашко: «Избушка, избушка! стань къ лѣсу задомъ, а къ намъ передомъ». Избушка поворотилась къ нимъ передомъ, двери сами растворилися, окна открылися; богатыри въ избушку — нѣтъ никого, а на дворѣ и гусей, и утокъ, и индѣекъ — всего вдоволь!

«Ну, братцы! говоритъ Ивашко-Медвѣдко, всѣмъ намъ сидѣть дома не годится; давайте, кинемъ жеребей: кому дома оставаться, а кому на охоту идти». Кинули жеребей; палъ онъ на Усыню-богатыря. Названные братья его на охоту ушли, а онъ настряпалъ-наварилъ, чего только душа захотѣла, вымылъ голову, сѣлъ подъ окошечко и началъ гребешкомъ кудри расчесывать. Вдругъ закутилося-закутилося, въ глаза зелень выступила — становится земля пупомъ, изъ-подъ земли камень выходитъ, изъ-подъ камня баба-яга, костяная нога, ж . . . жиленая, на желѣзной ступѣ ѣдетъ, желѣзнымъ толкачомъ погоняетъ, сзади собачка побрёхиваетъ. «Тутъ мнѣ попить-поѣсть у Усыни-богатыря!» — «Милости прошу, баба-яга, костяная нога!» Посадилъ ее за столъ, подалъ часточку, она съѣла. Подалъ другую, она собачкѣ отдала: «Такъ-то ты меня потчуешь!» Схватила толкачъ, начала бить Усынюшку, била-била, подъ лавку забила, со спины ремень вырѣзала, поѣла все дóчиста и уѣхала. Усыня очнулся, повязалъ голову платочкомъ, сидитъ да охаетъ. Приходитъ Ивашко-Медвѣдко съ братьями: «Ну-ка, Усынюшка! дай намъ пообѣдать, чтó ты настряпалъ». — «Ахъ, братцы! ничего не варилъ, не жарилъ; такъ угорѣлъ, что насилу избу прокурилъ». На другой день остался дома Горыня-богатырь, наварилъ-настряпалъ, вымылъ голову, сѣлъ подъ окошечкомъ и началъ гребнемъ кудри расчесывать. Вдругъ закутилося-замутилося, въ глаза зелень выступила — становится земля пупомъ, изъ-подъ земли камень, изъ-подъ камня баба-яга, костяная нога, на желѣзной ступѣ ѣдетъ, желѣзнымъ толкачомъ погоняетъ, сзади собачка побрёхиваетъ. «Тутъ мнѣ попить-погулять у Горынюшки!» — «Милости прошу, баба-яга, костяная нога!» Она сѣла, Горыня подалъ ей часточку — баба-

яга съѣла; подалъ другую — собачкѣ отдала: «Такъ-то ты меня потчуешь!» Схватила желѣзной толкачъ, била его била, подъ лавку забила, со спины ремень вырѣзала, поѣла все до послѣдней крошки и уѣхала. Горыня опомнился, повязалъ голову и ходя охаетъ. Воротился Ивашко-Медвѣдко съ братьями: «Ну-ка, Горынюшка! что ты намъ на обѣдъ сготовилъ?» — «Ахъ, братцы! ничего не варилъ; печь угарная, дрова сырыя, насилу прокурилъ». На третій день остался дома Дубыня-богатырь, настряпалъ-наварилъ, вымылъ голову, сѣлъ подъ окошечкомъ и началъ кудри расчесывать. Вдругъ закутилося-замутилося, въ глаза зелень выступила — становится земля пупомъ, изъ-подъ земли камень, изъ-подъ камня баба-яга, костяная нога, на желѣзной ступѣ ѣдетъ, желѣзнымъ толкачомъ погоняетъ, сзади собачка побрёхиваетъ. «Тутъ мнѣ попить-погулять у Дубынюшки!» — «Милости прошу, баба-яга, костяная нога!» Баба-яга сѣла, часточку ей подалъ — она съѣла; другую подалъ — собачкѣ бросила: «Такъ-то ты меня потчуешь!» Ухватила толкачъ, била его била, подъ лавку забила, со спины ремень вырѣзала, поѣла все и уѣхала. Дубыня очнулся, повязалъ голову, и ходя охаетъ. Воротился Ивашко: «Ну-ка, Дубынюшка! давай намъ обѣдать». — «Ничего не варилъ, братцы! такъ угорѣлъ, что насилу избу прокурилъ». На четвертый день дошла очередь до Ивашки; остался онъ дома, наварилъ-настряпалъ, вымылъ голову, сѣлъ подъ окошечкомъ и началъ гребнемъ кудри расчесывать. Вдругъ закутилося-замутилося — становится земля пупомъ, изъ-подъ земли камень, изъ-подъ камня баба-яга, костяная нога, на желѣзной ступѣ ѣдетъ, желѣзнымъ толкачомъ погоняетъ, сзади собачка побрёхиваетъ. «Тутъ мнѣ попить-погулять у Ивашки-Медвѣдка!» — «Милости

прошу, баба-яга, костяная нога!» Посадилъ ее, часточку подалъ — она съѣла; другую подалъ — она сучкѣ бросила: «Такъ-то ты меня потчуешь!» Схватила толкачъ и стала его осаживать; Ивашко осердился, вырвалъ у бабы-яги толкачъ и давай ее бить изо всей мочи; билъ-билъ, до полусмерти избилъ, вырѣзалъ со спины три ремня, взялъ-засадилъ въ чуланъ и заперъ. Приходятъ товарищи: «Давай, Ивашко, обѣдать!» — «Извольте, други! садитесь». Они сѣли, а Ивашко сталъ подавать: всего много настряпано. Богатыри ѣдятъ, дивуются да промежъ себя разговариваютъ: «Знать, у него не была баба-яга!» Послѣ обѣда Ивашко-Медвѣдко истопилъ баню, и пошли они париться. Вотъ Усыня съ Дубыней да съ Горынею моются, и все норовятъ стать къ Ивашкѣ передомъ. Говоритъ имъ Ивашко: «Что вы, братцы, отъ меня свои спины прячете?» Нечего дѣлать богатырямъ, признались, какъ приходила къ нимъ баба-яга да у всѣхъ по ремню вырѣзала. «Такъ вотъ отъ чего угорѣли вы!» сказалъ Ивашко, сбѣгалъ въ чуланъ, отнялъ у бабы-яги тѣ ремни, приложилъ къ ихнимъ спинамъ, и тòтчасъ все зажило. Послѣ того взялъ Ивашко-Медвѣдко бабу-ягу, привязалъ веревкой зà ногу и повѣсилъ на воротахъ: «Ну, братцы! заряжайте ружья да давайте въ цѣль стрѣлять: кто перешибетъ веревку пулею — молодѐцъ будетъ!» Первой выстрѣлилъ Усыня — промахнулся, второй выстрѣлилъ Горыня — мимо далъ, третій Дубыня — чуть-чуть зацѣпилъ, а Ивашко выстрѣлилъ — перешибъ веревку; баба-яга упала нàземь, вскочила и побѣжала къ камню, приподняла камень и ушла подъ землю. Богатыри бросились вдогонку; тотъ попробуетъ, другой попробуетъ — не могутъ поднять камня, а Ивашко подбѣжалъ, какъ ударитъ ногою — камень отвалился и открылась

норка. «Кто, братцы, туда полѣзетъ?» Никто не хочетъ. «Ну, говоритъ Ивашко-Медвѣдко, видно мнѣ лѣзть приходится!» Принёсъ столбъ, уставилъ на краю пропасти, на столбѣ повѣсилъ колоколъ, и прицѣпилъ къ нему одинъ конецъ веревки, а за другой конецъ самъ взялся: «Теперь опускайте меня, а какъ ударю въ колоколъ — назадъ тащите». Богатыри стали спускать его въ нору; Ивашко видитъ, что веревка вся, а до дна еще не хватаетъ, вынулъ изъ кармана три большихъ ремня, что̀ вырѣзалъ у бабы-яги, привязалъ ихъ къ веревкѣ и опустился на тотъ свѣтъ. Увидалъ дорожку торную и пошелъ по ней; шелъ-шелъ — стоитъ дворецъ, во дворцѣ сидятъ три дѣвицы, три красавицы, и говорятъ ему: «Ахъ, доброй мо̀лодецъ! зачѣмъ сюда зашелъ? вѣдь наша мать — баба-яга: она тебя съѣстъ!» — «Да гдѣ она?» — «Она теперь спитъ, а въ головахъ у ней мёчъ-кладенецъ лежитъ; ты меча не трогай, а коли дотронешься — она въ ту же минуту проснется да на тебя накинется. А вотъ лучше возьми два золотыхъ яблочка на серебряномъ блюдечкѣ, разбуди ягу-бабу потихонечку, поднеси ей яблочки и проси отвѣдать ласково; она подниметъ свою голову, разинетъ пасть, и какъ только станетъ ѣсть яблочко — ты выхвати мечъ-кладенецъ и сруби ей голову за одинъ разъ, а въ другой не руби; если ударишь въ другой разъ — она тотчасъ оживетъ и предастъ тебя злой смерти». Ивашко такъ и сдѣлалъ, отсѣкъ бабѣ-ягѣ голову, забралъ красныхъ дѣвицъ и повелъ къ норѣ; привязалъ старшую сестру къ веревкѣ, ударилъ въ колоколъ и крикнулъ: Вотъ тебѣ, Усыня, жена!» Богатыри ее вытащили и опустили веревку на низъ; Ивашко привязалъ другую сестру: «Вотъ тебѣ, Горыня жена!» И ту вытащили. Привязалъ меньшую сестру

и крикнулъ: «А это моя жена!» Дубыня разсердился, и какъ скоро потащили Ивашку-Медвѣдка, онъ взялъ палицу и разрубилъ веревку на̀двое. Ивашко упалъ и больно зашибся: очнулся доброй мо̀лодецъ и не знаетъ, какъ ему быть; день, другой и третій сидитъ не ѣвши, не пивши, отощалъ съ голоду и думаетъ: «Пойду-ка, поищу въ кладовыхъ у бабы-яги — нѣтъ ли чего перекусить». Пошелъ по кладовымъ, наѣлся-напился и напалъ на подземной ходъ; шелъ-шелъ и выбрался на бѣлой свѣтъ. Идетъ чистымъ полемъ и видитъ — красная дѣвица скотину пасетъ; подошелъ къ ней поближе и узналъ свою невѣсту. «Что, умница, дѣлаешь?» — «Скотину пасу; сестры мои за богатырей замужъ идутъ, а я не хочу идти за Дубынюшку, такъ онъ и приставилъ меня за коровами ходить». Вечеромъ красная дѣ́вица погнала стадо домой, а Ивашко-Медвѣдко за нею идетъ. Пришелъ въ избу; Усыня, Горыня и Дубыня богатыри сидятъ за столомъ да гуляютъ. Говоритъ имъ Ивашко: «Добрые люди! поднесите мнѣ хоть одну рюмочку». Поднесли ему рюмку зеленаго вина; онъ выпилъ и другую запросилъ; дали ему другую, выпилъ и запросилъ третью, а какъ выпилъ третью — распалилось въ немъ богатырское сердце: выхватилъ онъ боевую палицу, убилъ всѣхъ трехъ богатырей и выбросилъ ихъ тѣла въ чистое поле лютымъ звѣрямъ на съѣденіе. Послѣ того взялъ свою нарѣченную невѣсту, воротился къ старику и къ старухѣ и сыгралъ веселую свадьбу; много тутъ было выпито, много было съѣдено. И я на свадьбѣ былъ, медъ-вино пилъ, по усамъ текло, во рту сухо было̀; дали мнѣ пива корецъ — моей сказкѣ конецъ.

82

Надзей паповъ унукъ[1]

Какъ не въ какимъ чарстви, не въ какимъ государстви, какъ живъ попъ, попъ удовъ[2], и какъ была у евтаго папа доцъ ягò радная. Ета, братицъ ты, такъ ёнъ бярёгъ яе, и какъ ёнъ ни ѣдзитсь куды у приходъ, ёнъ завсягды́ вязетсь ей гастинцыки: що евта прихожани знаютсь, що ёсь у нашаго папа доцъ и надабитсь ей какъ-нибутсь гастинцыкавъ паслатсь. И паѣхавъ ёнъ у приходъ — вёрстъ за двинадцать дзиревня; ну, ета ёнъ з' прицастямъ паѣхавъ, и тамъ ёнъ прицастивъ цалавѣка; ну ладна, и прибярягли ягò воцинна[3] харашо. Ну, ёнъ и забывъ, щобы гастинца доцки дали, ну, ёнъ и сѣвъ з' евтсимъ и паѣхавъ дамовъ. И ѣдзитсь ёнъ па дароги, и гаритсь цалавѣцщая галава на дароги, и уся̀ згарѣла, то́льки по́пилъ ядинъ астаётцы. Ёнъ было праѣхавъ, патомъ и уздумавъ: «Що жъ я праѣхавъ? видзь цалавѣцщая галава гаритсь; дай я вазьму, у карманъ евтатъ папялокъ улажу́, связу дамовъ и пагрябу». Ну узялъ ёнъ у карманъ ягò и усыпавъ, сѣвъ на̀ лашадзь, апять и паѣхавъ дамовъ. Ну, пріяжжаитсь къ двару, и сувстрикаитсь ягò до́цка, з' лошадзи знимаитсь яго; у яго забалѣла галава, видна з' вѣтру, и яна спатсь ягò палажила на пярину. Ну, патомъ яна уздумала ета: «Ахъ, батсюшка жъ мой нябось гастинца привёзъ!» Яна и цапъ у карманъ: евтатъ жи папялокъ абаратився ларцыкамъ. Ну, ета яна выхватсила етатъ ларцыкъ и ка̀житсь: «Ну, ларцыкъ! харашо; а ня знаю, какъ ягò атлажитсь». Ну, вотъ яна выхватсила и лизнула ягò и забяреминила. Хто носитсь па нядзѣлямъ, а

---

1) Внукъ.
2) Вдовый.
3) Очень.

яна па цасамъ; дайшло да таго урем, що радзить, и радзѝла; ну, сійцасъ патомъ ягò и ахристсѝли, наркли имя Надзей, паповъ унукъ.

Патомъ ставъ рось етатъ маладзеницъ; хто растéтсь па гадамъ, а ёнъ па цасамъ; шесь нядзѣль концылась — на вуличу къ рябятамъ шулугу[1] ганятсь пайшовъ. Вдàритсь ёнъ па шулугѣ, шулуга лятсить, тольки звижжить; каму вдàритсь у нагу — нага процъ, каму вдàритсь у руку — такъ рука процъ, каму у галаву — галава процъ. Ета атцы евтихъ дзятей и приходзятсь къ священьнику етаму, и приходзятсь къ священьнику съ прозьбай: «Батсюшка! ни пусшайтсе свайго унука на вуличу гулятсь къ ребятамъ, больна много ёнъ шкоды дзѣлаитсь». Каторый гаворитсь — майму галавý атарвавъ, другéй гаворитсь — майму руку атарвавъ; ни пусшайтсе, гаворютсь, батсюшка, какъ можна. Ну, харашо, могъ ёнъ вуздержатсь яго да самаго лѣта; ёнъ вырасъ парядашнай, и гаворитсь ёнъ: «Ну, дзѣдушка любезнай, що жъ мы будзимъ дзѣлатсь-рабатàтсь?» Дрянно[2] дзѣдъ яго узрадовався и гаворитсь: «Доцъ мая любезная! Слава табѣ, Госпадзи! гаворитсь, далъ Богъ наслѣдницка какога; Богъ пайславъ! И какéй хлапатнэй! що я буду з' нимъ дзѣлатсь? Ну, станимъ рабатàтсь. Пойдзимъ, гаворитсь, унýцыкъ мой, ляда[3] вывалимъ». — «Пойдзимъ, дзѣдушка!» И зайшли яны у балота и выбрали яны мѣста такоя припадобная. Дзѣдъ ставъ нацынатсь ель валитсь, ёнъ гаворитсь: «Дзѣдушка, ты ня поцынай, мяне бласлави». — «Ну, гаворитсь дзѣдушка, унуцыкъ, Богъ тсябе блаславитсь!» Ёнъ сійцасъ, какъ нàцавъ,

---

[1]) Шулуга — небольшой шаръ, свитый изъ лыкъ.
[2]) Очень, весьма.
[3]) Ляда, лядо — болото или другое неудобное мѣсто, поросшее кустарникомъ и лѣсомъ.

какъ поцавъ, да какъ ставъ валитсь, анда лѣсъ трящитсь; такъ сяканéтсь з' яднаго бока тапаромъ, съ другога дзерива палятсѣла. Да двинадцатага часу ёнъ вываливъ палтары дясатсины ляда. Дзѣдъ кажитсь: «Нýжна сѣць мéльця[1] да жечь». А ёнъ гаворитсь: «Дзѣдушка, мы и такъ у груддё[2] складзёмъ». У три дни ета ляда паспѣла сѣятсь. Узя́ли яны з' дѣдамъ и пасѣяли, да врадзився жъ авёсъ, такъ етакай авёсъ нисказàннай. Ну, павадзився въ евтатъ авёсъ мядзвѣдзь. Пасматрѣвъ попъ, схадимши, ляда — многа зъѣдзина ауса. Приходзитсь ёнъ дамовъ, спрашиваитсь унукъ: «Що, дзѣдушка, ти какаво наша ляда?» — «Дрянно, унуцыкъ, харашо, тольки жъ повадзилась какая-то дзикая лошадзь, дрянно ись[3] и многа зъяну сдзѣлала». — «Какъ такъ, дзѣдушка, скольки трудився я, а яна, евтакая шельма, скольки зъяну надзѣлала! пайду пакаравулю. Пайщи-тка мнѣ кольки ни на ёсь пяноцки»[4]. Сѣвъ ёнъ, звивъ абротсь[5], паабѣдавъ, въ лѣсъ пайшовъ. Приходзитсь ёнъ въ ляда и вдивився ёнъ, удалъ добрай моладзицъ: «Ахъ, Богъ мой, кольки шкоды сдзѣлала — тсирпѣтсь ни вазможна!» и сѣвъ ёнъ сирёдъ ляда на пни. Ну, и сидзитсь; патомъ сійцасъ мядзвѣдзь ѝдзитсь з' лѣсу и пряма у авёсъ, и взнявся[6], и панёсъ[7] авёсъ смунитсь[8]. Ёнъ, добрай моладзицъ, и вдивився: «Що жъ евта за дива, я евтакихъ лошадзей не видывавъ; що жъ евта за аказія такая, какъ яна авёсъ каститсь»[9]. Ета падходзитсь ёнъ —

[1]) Мельче.
[2]) Грудъ — куча.
[3]) Ѣстъ.
[4]) Пеньки.
[5]) Пеньковая узда (ȍброть).
[6]) Няться — взяться.
[7]) Началъ.
[8]) Мять?
[9]) Сдѣлать порчу, повредить.

мядзвѣдзь — къ няму близка, къ самому ка пню. Мядзвѣдзь е́таго и ни внываитсь[1], що цалавѣкъ стаитсь; ёнъ думаитсь, що ета пень стаитсь, и падходзитсь къ няму близка. Енъ сійцасъ са пня — и цапъ! — яго за ву́ши и схватавъ; ета схватавъ и притиснувъ къ зямли яго. Мядзвѣдзь думаитсь: що такѐй, и хатсѣвъ паправитца; ну, вужъ позна: ёнъ яму́ и папя́сца[2] ня давъ, узявъ яго етай аброттю забратавъ[3] и дамовъ павёвъ. И вёвъ ёнъ яго дамовъ, мядзвѣдзь какоя дзерива захватситсь — з' корнимъ варотситсь. Ну, и привёвъ ёнъ яго дамовъ, привязавъ сиредзь двара къ столбу и приходзитсь у вызбу. «Ну, ты, Госпадзи, гаворитсь, какая лошадзь, дзѣдушка, разъѣлась! Какъ я умарився, тянумши яе дамовъ!» Дзѣдъ вышавъ на дворъ и вжахнувся. «Пасматри-тка, гаворитсь, доцъ мая любезная, що твой сынокъ, а мой уну́цыкъ, сдзѣлавъ» — и кольки время дзивавалися яны. Енъ гаворитсь: «Ни дзивуйтсися, а гаворьти, що мы надъ етай лошаддю дзѣлатсь будзимъ, какъ яна сильна дужа, и ще на ёй рабататсь?» — «Вази, кажитсь дзѣдъ, унуцыкъ, дровы». Взявъ ёнъ етаго мядзвѣдзя и запрёгъ яго у тсялѣгу и панёсъ ёнъ вазитсь дровы на мядвѣ́дзю, и у три дни усё цыста[4] загрузивъ, абклавъ кругомъ усё сялѐнне. Етимъ прицетникомъ ни выйтси ни выихатсь: усё загрузивъ цыста! И приходзятсь эти прицетники къ етàму священьнику и гаворютсь: «Дзѣ хоцьте дзѣньте яго, щобъ ёнъ ня бывъ; що жъ ета за аказія, що у три дни усё сяло загрузивъ — ни выйтси ни выихатсь никакъ ни вазможна». — «Ахъ, доцъ мая, гаворитсь дзѣдъ, що мы будзимъ дзѣлатсь, — жàлка

[1]) Не унываетъ.
[2]) Поправиться.
[3]) Надѣлъ оброть, зануздалъ.
[4]) Чисто.

табѣ сына, а мнѣ унука; ну шъ пошлимъ яго: куды хошъ унка и гаизрци ступай!» Ну, призываитсь ёнъ ъ саб а,н ъ—ыу доритсь: «Ну, унукъ мой любезнай, прихоѣ уьятсдётвпетники съ прозьбай; жалка мнѣ тсибенѐdоlɔ иdɪчɪты, унуцыкъ, куда ты уздумавъ, на всѣ цɪ иɐпʎɔ ɐ ы». — «Эхъ, дзѣдушка мой любезнай! вы бъ давно и сказали мнѣ евта, я и пашовъ бы, никольки ни медлимши. Матушка мая любезная! спяки мнѣ каравашицку»[1]. Матсь яго спякла яму́ каравашицку, улажила у хатомацку[2].

Встававъ ёнъ ранёшинька, вмывався бялёшинька. Узявъ ёнъ евту хатомацку, надзѣвъ яе на плецы, блаславится: «Матушка мая любезная и дзѣдушка мой радзимай, блаславитсе на путсь, на дарогу». Памалився ёнъ Богу и пашовъ, и вышавъ ёнъ у цыста поля и наставивъ[3] ёнъ ни путсёмъ ни дарогай, и наставивъ ёнъ лясáмъ дряму́цымъ, грязямъ тапу́цымъ, и ишовъ ёнъ семь дёнъ, безъ полдёнъ, ротъ на апашку и языкъ на атмашку; вышавъ ёнъ у тридзевятую землю, у тридзесятая чарства, и выходзитсь ёнъ у цыстая поля, у крутыя горы, — и гуляитсь Гарыня-багатырь и горы капкомъ капаитсь. Приходзитсь Надзей, паповъ унукъ, къ няму и говóритсь: «Богъ помаць, Гарыня-багатырь! куды какая въ тсибѣ сила нязмѣтная. Какъ ты, гавòритсь, гарамъ капаишь, какъ шулугу?» А ёнъ гаворитсь яму́: «Эхъ, говоритсь, удалъ моладзицъ! ни вдивляйся ты маей сѝли. Въ тридзевятай зямли, у тридзесятамъ чарстви, говóритсь, какъ ёсь Надзей, паповъ унукъ, такъ у таго ня евтакая сила! Какъ привёзъ ёнъ мядзвѣдзя з' лѣсу да на мядзвѣдзи усё цысто сяло загрузивъ. Ягò, гавòритсь, вóранъ кастёвъ

[1]) Коровай — коврига хлѣба.
[2]) Котомка.
[3]) Направился.

ни заноситсь, добрай моладэй конь ни завозитсь!» А ёнъ говбритсь: «Ахъ, братъ Гарыня-багатырь! ня вбранъ кости заноситсь, а самъ добрай моладзицъ заходзитсь». А ёнъ говоритсь: «Ахъ, братъ, тыкъ евта ты Надзей, паповъ унукъ! вазьми, братъ, мяне у мяньшія братья». Ёнъ яго и узявъ, и яны многа хадзили и многа багатырёвъ пабядзили, и многа гарадовъ захватсили; патомъ яны пажанились и багата жили.

Записана въ Ржевскомъ уѣздѣ, Тверской губ., священникомъ С. Разумихинымъ.

83

Летучій корабль

Былъ себѣ дѣдъ да баба; у нихъ было три сына: два разумныхъ, а третій дурень. Первыхъ баба любила, чисто одѣвала, а послѣдній завсегда былъ одѣтъ худо — въ черной сорочкѣ ходилъ. Послышали они, что пришла отъ царя бумага: «Кто состроитъ такой корабль, чтобы могъ летать, за того выдастъ замужъ царевну». Старшіе братья рѣшились идти пробовать счастья и попросили у стариковъ благословенія; мать снарядила ихъ въ дорогу, надавала имъ бѣлыхъ паляницъ, разнаго мясного и фляжку горѣлки и выпроводила въ путь-дорогу. Увидя то, дурень началъ и себѣ проситься, чтобы и его отпустили. Мать стала его уговаривать, чтобъ не ходилъ: «Куда тебѣ, дурню: тебя волки съѣдятъ!» Но дурень заладилъ одно: пойду да пойду! Баба видитъ, что съ нимъ не сладишь, дала ему на дорогу черныхъ паляницъ и фляжку воды и выпроводила изъ дому. Дурень шелъ-шелъ и повстрѣчалъ старика. Поздоровались. Старикъ спрашиваетъ дурня: «Куда идешь?» — «Да царь обѣщалъ отдать свою дочку

за того, кто сдѣлаетъ летучій корабль». — «Развѣ ты можешь сдѣлать такой корабль?» — «Нѣтъ, не сумѣю!» — «Такъ зачѣмъ же ты идешь?» — «А Богъ его знаетъ!» — «Ну, если такъ, сказалъ старикъ, то садись здѣсь; отдохнемъ вмѣстѣ и закусимъ; вынимай, что у тебя есть въ торбѣ». — «Да тутъ такое, что и показать стыдно людямъ!» — «Ничего, вынимай; что Богъ далъ — то и поснѣдаемъ!» Дурень развязалъ торбу — и глазамъ своимъ не вѣритъ: вмѣсто черныхъ паляницъ лежатъ бѣлыя булки и разныя приправы; подалъ старику. «Видишь, сказалъ ему старикъ, какъ Богъ дурней жалуетъ! Хоть родная мать тебя и не любитъ, а вотъ и ты не обдѣлёнъ... Давай же выпьемъ напередъ горѣлки». Во фляжкѣ намѣсто воды очутилась горѣлка; выпили, перекусили, и говоритъ старикъ дурню: «Слушай же: ступай въ лѣсъ, подойди къ первому дереву, перекрестись три раза и ударь въ дерево топоромъ, а самъ упади наземь ничкомъ и жди, пока тебя ни разбудятъ. Тогда увидишь передъ собою готовой корабль, садись въ него и лети, куда надобно; да по дорогѣ забирай къ себѣ всякаго встрѣчнаго». Дурень поблагодарилъ старика, распрощался съ нимъ и пошелъ къ лѣсу. Подошелъ къ первому дереву, сдѣлалъ все такъ, какъ ему велѣно: три раза перекрестился, тюкнулъ по дереву сѣкирою, упалъ на землю ничкомъ и заснулъ. Спустя нѣсколько времени началъ кто-то будить его. Дурень проснулся и видитъ готовой корабль; не сталъ долго думать, сѣлъ въ него — и корабль полетѣлъ по воздуху. Летѣлъ-летѣлъ, глядь — лежитъ внизу на дорогѣ человѣкъ, ухомъ къ сырой землѣ припалъ. «Здоровъ, дядьку!» — «Здоровъ, небоже!» — «Что ты дѣлаешь?» — «Слушаю, что на томъ свѣтѣ дѣлается». — «Садись со мною на корабль». Тотъ не захотѣлъ отговариваться, сѣлъ на корабль,

и полетѣли они дальше. Летѣли-летѣли, глядь — идетъ человѣкъ на одной ногѣ, а другая до уха привязана. «Здоровъ, дядьку! что ты на одной ногѣ скачешь?» — «Да коли бъ я другую отвязалъ, такъ за одинъ бы шагъ весь свѣтъ перешагнулъ!» — «Садись съ нами!» Тотъ сѣлъ, и опять полетѣли. Летѣли-летѣли, глядь — стоитъ человѣкъ съ ружьемъ, прицѣливается, а во что — невѣдомо. «Здоровъ, дядьку! куда ты мѣтишь? ни одной птицы не видно». — Какъ же! стану я стрѣлять близко . . . Мнѣ бы застрѣлить звѣря или птицу вёрстъ за тысячу отсюда: то по мнѣ стрѣльба!» — «Садись же съ нами!» Сѣлъ и этотъ, и полетѣли они дальше. Летѣли-летѣли, глядь — несётъ человѣкъ за спиною полонъ мѣхъ хлѣба. «Здоровъ, дядьку! куда идешь?» — «Иду, говоритъ, добывать хлѣба на обѣдъ». — «Да у тебя и такъ полонъ мѣшокъ за спиною». — «Что тутъ! для меня этого хлѣба и на одинъ разъ укусить нечего». — «Садись-ка съ нами!» Объѣдало сѣлъ на корабль, и полетѣли дальше. Летѣли-летѣли, глядь — ходитъ человѣкъ вокругъ озера. «Здоровъ, дядьку! чего ищешь?» — «Пить хочется, да воды не найду». — «Да передъ тобой цѣлое озеро; что жъ ты не пьешь?» — «Эка! этой воды на одинъ глотокъ мнѣ не станетъ». — «Такъ садись съ нами!» Онъ сѣлъ, и опять полетѣли. Летѣли-летѣли, глядь — идетъ человѣкъ въ лѣсъ, а за плечами вязанка дровъ. «Здоровъ, дядьку! зачѣмъ въ лѣсъ дрова несешь?» — «Да это не простыя дрова». — «А какія жъ?» — «Да такія: коли разбросать ихъ, такъ вдругъ цѣлое войско явится». — «Садись съ нами!» Сѣлъ онъ къ нимъ, и полетѣли дальше. Летѣли-летѣли, глядь — человѣкъ несетъ куль соломы. «Здоровъ дядьку! куда несешь солому?» — «Въ село». — «Развѣ въ селѣ-то мало соломы?» — «Да это такая солома, что какъ ни будь жарко лѣто, а коли разбро-

саешь ее — такъ заразъ холодно сдѣлается: снѣгъ да морозъ!» — «Садись и ты съ нами!» — «Пожалуй!» Это была послѣдняя встрѣча; скоро прилетѣли они до царскаго двора. Царь на ту пору за обѣдомъ сидѣлъ; увидалъ летучій корабль, удивился и послалъ своего слугу спросить: кто на томъ кораблѣ прилетѣлъ? Слуга подошелъ къ кораблю, видитъ, что на немъ все мужики, не сталъ и спрашивать, а воротясь назадъ въ покои, донёсъ царю, что на кораблѣ нѣтъ ни одного пана, а все черные люди. Царь разсудилъ, что отдавать свою дочь за простого мужика не приходится, и сталъ думать, какъ бы отъ такого зятя избавиться. Вотъ и придумалъ: «Стану ему задавать разныя трудныя задачи». Тотчасъ посылаетъ къ дурню съ приказомъ, чтобы онъ досталъ ему, пока царскій обѣдъ покончится, цѣлющей и живущей воды. Въ то время, какъ царь отдавалъ этотъ приказъ своему слугѣ, первой встрѣшной (тотъ самой, которой слушалъ, что̀ на томъ свѣтѣ дѣлается) услыхалъ царскія рѣчи и разсказалъ дурню. «Что жъ я теперь дѣлать буду? Да я и за̀ годъ, а можетъ быть, и весь свой вѣкъ не найду такой воды!» — «Не бойся! сказалъ ему скороходъ: я за тебя справлюсь». Пришелъ слуга и объявилъ царской приказъ. «Скажи: принесу!» отозвался дурень; а товарищъ его отвязалъ свою ногу отъ уха, побѣжалъ и мигомъ набралъ цѣлющей и живущей воды. «Успѣю, думаетъ, воротиться!» присѣлъ подъ мельницей отдохнуть и заснулъ. Царскій обѣдъ къ концу подходитъ, а его нѣтъ какъ нѣтъ; засуетились всѣ на кораблѣ. Первой встрѣшной приникъ къ сырой землѣ, прислушался и сказалъ: «Экой! спитъ себѣ подъ мельницей». Стрѣлокъ схватилъ ружье, выстрѣлилъ въ мельницу и тѣмъ выстрѣломъ разбудилъ ско́рохода; скороходъ побѣжалъ и въ одну минуту принёсъ

воду: царь еще изъ-за стола не всталъ, а приказъ его выполненъ, какъ нельзя вѣрнѣе. Нечего дѣлать, надо задавать другую задачу. Царь велѣлъ сказать дурню: «Ну, коли ты такой хитрой, такъ покажи свое удальство: съѣшь съ своими товарищами за одинъ разъ двѣнадцать быковъ жареныхъ да двѣнадцать кулей печенаго хлѣба». Первой товарищъ услыхалъ и объявилъ про то дурню. Дурень испугался и говоритъ: «Да я и одного хлѣба за одинъ разъ не съѣмъ!» — «Не бойся, отвѣчаетъ Объѣдало: мнѣ еще мало будетъ!» Пришелъ слуга, явилъ царскій указъ. «Хорошо, сказалъ дурень: давайте, будемъ ѣсть». Принесли двѣнадцать быковъ жареныхъ да двѣнадцать кулей хлѣба печенаго; Объѣдало одинъ все поѣлъ: «Эхъ, говоритъ, мало! еще бъ хоть немножко дали . . .» Царь велѣлъ сказать дурню, чтобы выпито было сорокъ бочекъ вина, каждая бочка въ сорокъ ведеръ. Первой товарищъ дурня подслушалъ тѣ царскія рѣчи и передалъ ему попрежнему; тотъ испугался: «Да я и одного ведра не въ силахъ зара́зъ выпить». — «Не бойся, говоритъ Опивало: я одинъ за всѣхъ выпью; еще мало будетъ!» Налили виномъ сорокъ бочекъ; Опивало пришелъ и безъ роздыху выпилъ всѣ до одной. Выпилъ и говоритъ: «Эхъ, маловато! еще бъ выпилъ». Послѣ того царь приказалъ дурню къ вѣнцу готовиться, идти въ баню да вымыться; а баня-то была чугунная, и ту велѣлъ натопить жарко-жарко, чтобъ дурень въ ней въ одну минуту задохся. Вотъ раскалили баню до̀красна; пошелъ дурень мыться, а за нимъ слѣдомъ идетъ мужикъ съ соломою: подостлать де надо. Заперли ихъ обоихъ въ банѣ; мужикъ разбросалъ солому — и сдѣлалось такъ холодно, что едва дурень вымылся, какъ въ чугунахъ вода стала мерзнуть; залѣзъ онъ на печку и тамъ всю ночь пролежалъ. Утромъ отворили баню,

а дурень живъ и здоровъ, на печѝ лежитъ да пѣсенки поетъ. Доложили царю; тотъ опечалился, не знаетъ, какъ бы отвязаться отъ дурня; думалъ-думалъ и приказалъ ему, чтобы цѣлой полкъ войска поставилъ, а у самого на умѣ: «Откуда простому мужику войско достать? ужъ этого онъ не сдѣлаетъ!» Какъ узналъ про то дурень, испугался и говоритъ: «Теперь-то я совсѣмъ пропалъ! Выручали вы меня, братцы, изъ бѣды не одинъ разъ, а теперь, видно, ничего не подѣлаешь». — «Эхъ ты! отозвался мужикъ съ вязанкой дровъ, а про меня развѣ забылъ? Вспомни, что я мастеръ на такую штуку, и не бойся!» Пришелъ слуга, объявилъ дурню царскій указъ: «Коли хочешь на царевнѣ жениться, поставь къ завтраму цѣлой полкъ войска». — «Добре, зроблю! Только если царь и послѣ того станетъ отговариваться, то повоюю все его царство и насильно возьму царевну». Ночью товарищъ дурня вышелъ въ поле, вынесъ вязанку дровъ и давай раскидывать въ разныя стороны: тотчасъ явилось несмѣтное войско — и конное, и пѣшее, и съ пушками. Утромъ увидалъ царь и въ свой черёдъ испугался; поскорѣй послалъ къ дурню дорогіе уборы и платья, велѣлъ во дворецъ просить съ царевной вѣнчаться. Дурень нарядился въ тѣ дорогіе уборы, сдѣлался такимъ молодцомъ, что и сказать нельзя! Явился къ царю, обвѣнчался съ царевною, получилъ большое приданое и сталъ разумнымъ да догадливымъ. Царь съ царицею его полюбили, а царевна въ немъ души не чаяла.

Записана въ Пирятинскомъ у., Полтавской губ.

84

Семь Семіоновъ

(а) Въ одномъ мѣстѣ у мужика было семь сыновъ, семь Семёновъ — все молодецъ молодца лучше, а

такіе лѣнтяи, неработицы — во всемъ свѣтѣ поискать! — ничево не дѣлали. Отецъ мучился-мучился съ ними и повёзъ къ царю; привозитъ туда, сдаётъ всѣхъ въ царскую службу. Царь поблагодарилъ ево за такихъ молодцовъ и спросилъ: чево они умѣютъ дѣлать? — «У самихъ спросите, вашо царское величество!» Царь наперво сóзвалъ большова Семёна, спросилъ: «Чево ты умѣёшъ дѣлать?» — «Воровать, вашо царское величество». — «Ладно: мнѣ такой человѣкъ на время надобенъ». Сóзвалъ второва: «А ты чево?» — «Я умѣю ковать всяки дорогй вешши». — «Мнѣ и такой человѣкъ надобенъ». Созвалъ третьева Семёна, спрашиваетъ: «А ты чево умѣёшь дѣлать?» — «Я умѣю стрѣлять на лету птицу, вашо царское величество». — «Ладно!» Спрашиваетъ четвёртаво: «А ты чево?» — «Если стрѣлецъ подстрѣлитъ птицу, я вмѣсто собаки сплаваю за ней и приташшу». — «Ладно!» говоритъ царь. «А ты чему мастеръ?» спросилъ пятова. «Я буду смотрѣть съ высокова мѣста во всѣ царства и стану сказывать, гдѣ чево дѣлатся». — «Хорошо, хорошо!» Спросилъ шестова. «Я знаю дѣлать корабли: только тяпъ-ляпъ — у меня и будетъ корабь». — «Хорошо; а ты чево знашь?» спросилъ седьмова. «Я умѣю лѣчить людей». — «Ладно!»

Царь отпустилъ ихъ. Живутъ долго ужъ; царь и вздумалъ попытать одново Семёна: «Ну-ко, Семёнъ, узнай: гдѣ чево дѣлатся?» Семёнъ забился куда-то наверхъ, посмотрѣлъ по сторонамъ и разсказалъ: «Тутъ вотъ то-то дѣлатся, тамъ то-то». Послѣ сличили съ газетами — точно такъ! Прошло опеть много время: царь вздумалъ женится на одной царевнѣ: какъ ее достать? не знать, неково послать! и вспомнилъ семь Семёновъ, сóзвалъ ихъ, далъ службу: достать эту царевну; далъ имъ сколько-то солдатства. Семёны

скоро собрались, все мастера — тяпъ да ляпъ и сдѣлали корабь, сяли и поплыли. Подплываютъ подъ то царство, гдѣ была невѣста-царевна; одинъ посмотрѣлъ съ высокова шеста, сказалъ, что царевна теперь одна, украсть можно; другой сковалъ какія-то самыя дорогія вешши, и пошли съ воромъ продавать; только дошли — воръ тотчасъ и укралъ царевну. Отсикли якоря́, поплыли. Царевна видитъ, что ее везутъ, обернулась бѣлой лебедью и полетѣла съ корабля. Стрѣлецъ не оробѣлъ, схвтаилъ ружье, стрѣлилъ и попалъ ей въ лѣвое крыло; вмѣсто собаки кинулся другой Семёнъ, схватилъ лебедь на́ морѣ и принёсъ на корабь. Лебедь обернулась опеть царевной, только лѣва рука у неё была подстрѣлёна. Лѣкарь у нихъ свой, тотчасъ руку у царевны вылѣчилъ. Пріѣхали къ своему царству здоровы, благополучны, выстрѣлили изъ пушки. Царь услышалъ и забылъ ужъ про Семёновъ — думатъ, что за корабь пришолъ тамъ? «Поди-ко, говоритъ, сбѣгайте, узнайте тамъ». Кто-то сбѣгалъ ли, съѣздилъ ли; сколь скоро доложили царю о семи Семёнахъ вмѣстѣ съ царской невѣстой, — онъ обрадовался Семёновымъ трудамъ, приказалъ встрѣтить ихъ съ честью, съ пушечной пальбой, съ барабаннымъ боёмъ. Только царевна не пошла за царя въ замужъ: онъ былъ ужъ старъ. Онъ ее и спросилъ: за ково она хочотъ выйти? Царевна говоритъ: «За тово, кто меня воровалъ!» — а воръ Сенька былъ бравый дѣтина, царевнѣ поглянулся. Царь, не говоря больше ни слова, приказалъ ихъ обвѣнчать; потомъ самъ захотѣлъ на спокой, Семёна поставилъ на свое мѣсто, а братовей ево сдѣлалъ всѣхъ большими боярами.

Записана въ Пермской губ., Шадринскомъ округѣ, государственнымъ крестьяниномъ А. Зыряновымъ.

(с) У одного старичка, у богатаго мужичка, не было ни сына ни дочери; сталъ онъ Бога молить, чтобы послалъ ему хоть единое дѣтище при жизни на потѣху, а по смерти на замѣну. Вотъ родилось у него въ одинъ день семь сыновъ, и всѣхъ ихъ назвали Симіонами. Не привёлъ имъ Богъ взрасти подъ надзоромъ отца, матери; остались Симіоны сиротками. Извѣстно, каково житье сиротское; хоть малъ, неразуменъ, а во всякой слѣдъ пойди, за всякое дѣло берись; такъ-то и Симіоны. Пришла пора рабочая, народъ засуетился — и жнутъ, и косятъ! и на гумнó возятъ, а тутъ надо еще землю поднимать, подъ зиму надо хлѣбъ засѣвать; Симіоны подумали-подумали, и хоть силы нѣтъ, а туда же за людьми поѣхали, копаются, какъ червяки на широкомъ полѣ. Ѣдетъ мимо царь; удивился что малыя дѣти не по силѣ работаютъ. Подозвалъ ихъ къ себѣ, сталъ разспрашивать, дознался, что у нихъ нѣтъ ни отца ни матери. «Я, говоритъ, хочу быть вашимъ отцомъ; скажите мнѣ: какимъ ремесломъ желаете вы заняться?» Старшій отвѣчалъ: «Я, государь, буду кузнецъ и воздвигну столбъ такой, что ни въ сказкѣ сказать ни перомъ написать — почти до небесъ». — «А я, отвѣчалъ второй, взойду на этотъ столбъ, стану глядѣть на всѣ стороны и тебѣ разсказывать, что дѣлается въ чужихъ царствахъ-государствахъ». Государь похвалилъ. Третій отвѣчалъ: «Я буду плотникъ и сдѣлаю корабль». — «Дѣло!» Четвертой: «А я стану кораблемъ управлять и буду кормчій». — «Хорошо!» Пятой: «А я, когда понадобится, возьму корабль за носъ и спрячу его на дно моря». Шестой: «А я, когда понадобится, со дна моря его опять выхвачу». — «Всѣ вы хотите быть дѣльными людьми! А ты, сказалъ царь меньшому, чему хочешь учиться?» — «Я, государь, буду воръ!» — «О, худо де ты затѣялъ!

вора мнѣ не надо, вора я велю казнить». Государь простился съ дѣтьми и уѣхалъ. Симіоновъ отдалъ въ науку. Черезъ долгое время они выросли, выучились — чему хотѣли; государь ихъ потребовалъ налицо — испробовать ихъ мастерство, поглядѣть ихъ искусство, испытать ихъ знаніе.

Кузнецъ сковалъ столбъ такой, что голову закинешь — шеѣ станетъ больно, чуть не до небесъ. Царь похвалилъ. Другой братъ какъ бѣлка вскочилъ на верхушку столба, глянулъ на всѣ стороны; раскрылись предъ нимъ всѣ царства-государства, и онъ сталъ разсказывать, въ которомъ изъ нихъ что дѣлается. «А въ такомъ-то царствѣ, въ такомъ-то государствѣ, говорилъ онъ, живетъ Елена-царевна Прекрасная — невиданной красоты: алый цвѣтъ у ней по лицу разсыпается, бѣлый пухъ по груди разстилается, и видно, какъ мозжечокъ изъ косточки въ косточку переливается». Это царю всего больше понравилось. Третій братъ тяпъ да ляпъ — выстроилъ корабль, какъ домъ хорошій. Царь обрадовался. Четвертой сталъ управлять кораблемъ: корабль побѣжалъ по морю, какъ рыбка живая. Государь былъ очень доволенъ. Пятой на всемъ лету схватилъ корабль, дернулъ его за носъ — корабль потонулъ на дно моря. Шестой въ одну минуту выхватилъ его изъ моря, какъ легкую лодочку, и корабль сталъ — какъ ни въ чемъ не бывалъ. Государю и эта штука понравилась. А для меньшого брата-вора поставили висѣлицу, протянули петлю. Царь его спросилъ: «И ты въ своемъ мастерствѣ такъ же искусенъ, какъ твои братья?» — «Я еще искуснѣе ихъ!» Тутъ же хотѣли его вздёрнуть на висѣлицу, но онъ закричалъ: «Погоди, государь! можетъ, и я пригожусь. Повели, я украду для тебя Елену Прекрасную; только отпусти со мной моихъ братьевъ. Я поплыву съ ними

въ кораблѣ новосдѣланномъ, и Елена-царевна будетъ твоя». А у царя изъ головы не шла Елена Прекрасная, много онъ о ней слышалъ хорошаго, сердце къ ней просилося; да жила она отъ его за тридевять земель въ тридесятомъ царствѣ. Воръ затѣялъ хорошо: положиться на его удальство хоть нельзя, а попытаться можно, подумалъ государь. Отпустилъ вора съ братьями, а корабль новосдѣланный нагрузилъ всякими богатствами. Долго ли плавали, нѣтъ ли, наконецъ остановились въ томъ государствѣ, гдѣ жила Елена Прекрасная. Вора не учить, что надо говорить, какъ за дѣло браться. Онъ все вызналъ, вывѣдалъ; услышалъ, что въ этой землѣ нѣтъ кошекъ, нарядился купцомъ, взялъ кошечку; оглаживая, охорашивая, повелъ ее на золотомъ шнуркѣ мимо окна Елены-царевны. Царевна увидѣла, понравился ей хорошенькой звѣрёкъ, приказала она его купить. Воръ отвѣчалъ, что онъ богатой купецъ, пріѣхалъ изъ богатѣйшаго государства, привёзъ всякія рѣдкости, драгоцѣнности, желаетъ явить прекрасной Еленѣ свое усердіе и проситъ ее принять отъ него кошечку въ подарокъ. Вора позвали во дворецъ; кошка дѣлала разныя штуки, царевна любовалась. Воръ наговорилъ столько о своихъ невиданныхъ рѣдкостяхъ, принёсъ и раскинулъ предъ нею такія чудныя ткани, такіе дивные уборы — глазъ бы не отвёлъ! «Да то ли еще у меня есть! говорилъ онъ вдобавокъ: эти вещи я могу всѣмъ показать, кто хочетъ — можетъ купить ихъ; а тебѣ, царевна, не угодно ли взглянуть на сокровище безцѣнное, никѣмъ не виданное? Оно у меня на кораблѣ подъ великой охраной; только одной тебѣ и покажу его. Оно замѣняетъ ночью огонь, днемъ — солнце и освѣщаетъ всякой мракъ чуднымъ свѣтомъ: это — камень необычайной красоты; а вынуть его невозможно, объявить о немъ

— значитъ погубить себя — всякой захочетъ обладать имъ. Дорого стоило мнѣ, чтобъ достать его; но еще дороже для меня честь отъ царя моего, которому я везу это диво въ подарокъ». Царевна дала слово быть на кораблѣ и взглянуть на сокровище.

На другой день съ нянюшками, съ мамушками, съ красными дѣвушками она отправилась изъ дворца на корабль. Вся свита осталась на берегу; только Елена могла видѣть чудный свѣтъ безподобнаго камня. Все было изготовлено для ея встрѣчи; семь Симіоновъ явились прислуживать, и только она вступила на корабль — пятой братъ схватилъ корабль за носъ, и корабль палъ на дно моря; вода плесканулась, закружилась, потомъ волны опять загуляли по-старому, какъ ничего не бывало; только на берегу кричали, плакали нянюшки-мамушки, только царь-отецъ разсылалъ погоню во всѣ концы . . . Но посланцы возвращались безъ царевны! Елена Прекрасная плыла далеко по синему океану; шестой братъ вывелъ корабль со дна моря; корабль шелъ какъ гусь-лебедь, покачиваясь, и скоро присталъ къ родимому берегу. Царь обрадовался; онъ и во снѣ не видалъ, чтобъ принимать у себя Елену Прекрасную. Щедро наградилъ онъ Симіоновъ, не велѣлъ съ нихъ оброку, подушнаго брать; а самъ женился на Еленѣ Прекрасной и задалъ пиръ на весь міръ. Я нарочно за тысячу вёрстъ туда пришла, пиво-медъ пила, по усамъ текло, а въ ротъ не попало! Тамъ дали мнѣ ледяную лошадку, рѣпеное сѣдельце, гороховую уздечку; на плечики — синь кафтанъ, на голову шитъ колпакъ. Поѣхала я оттуда во всемъ нарядѣ, остановилась отдохнуть; сѣдельце, уздечку поснимала, лошадку къ деревцу привязала, сама легла на травкѣ. Откуда не возьмись — набѣжали свиньи, съѣли рѣпеное сѣдельце; налетѣли куры,

склевали гороховую уздечку; взошло солнышко, растопило ледяную лошадку. Пошла я съ горемъ пѣшечкомъ: иду — по дорожкѣ прыгаетъ сорока и кричитъ: «Синь кафтанъ! синь кафтанъ!» а мнѣ послышалось: скинь кафтанъ! я скинула да бросила. Къ чему же, подумала я, остался на мнѣ шитъ колпакъ? Схватила его да оземь, и какъ видите теперь — осталась ни съ чѣмъ.

Записана въ Курской губ.

85
Никита Кожемяка

Около Кіева проявился змѣй; бралъ онъ съ народа поборы немалые: съ каждаго двора по красной дѣвкѣ; возьметъ дѣвку да и съѣстъ ее. Пришелъ черёдъ идти къ тому змѣю царской дочери. Схватилъ змѣй царевну и потащилъ ее къ себѣ въ берлогу, а ѣсть ее не сталъ: красавица собой была, такъ за жену себѣ взялъ. Полетѣлъ змѣй на свои промыслы, а царевну завалилъ бревнами, чтобъ не ушла. У той царевны была собачка, увязалась за нею и́зъ дому. Напишетъ бывало царевна записочку къ батюшкѣ съ матушкой, навяжетъ собачкѣ на шею, а та побѣжитъ куда надо, да и отвѣтъ еще принесетъ. Вотъ разъ царь съ царицею и пишутъ къ царевнѣ: узнай, кто сильнѣе змѣя? Царевна стала привѣтливѣй къ своему змѣю, стала у него допытываться, кто его сильнѣе. Тотъ долго не говорилъ, да разъ и проболтался, что живетъ въ городѣ Кіевѣ Кожемяка — тотъ и его̀ сильнѣе. Услыхала про то царевна, написала къ батюшкѣ: сыщите въ городѣ Кіевѣ Никиту Кожемяку да пошлите его меня изъ неволи выручать. Царь, получивши такую вѣсть, сыскалъ Никиту Кожемяку, да самъ пошелъ просить его, чтобы освободилъ его землю отъ лютаго змѣя и

выручилъ царевну. Въ ту пору Никита кожи мялъ: держалъ онъ въ рукахъ двѣнадцать кожъ; какъ увидалъ онъ, что къ нему пришелъ самъ царь, задрожалъ отъ страху, руки у него затряслись — и разорвалъ онъ тѣ двѣнадцать кожъ. Да сколько ни упрашивалъ царь съ царицею Кожемяку, тотъ не пошелъ супротивъ змѣя. Вотъ и придумали собрать пять тысячъ дѣтей малолѣтнихъ, да и заставили ихъ просить Кожемяку: авось на ихъ слезы сжалобится! Пришли къ Никитѣ малолѣтные, стали со слезами просить, чтобъ шелъ онъ супротивъ змѣя. Прослезился и самъ Никита Кожемяка, на ихъ слезы глядя. Взялъ триста пудъ пеньки, насмолилъ смолою, и весь таки обматался, чтобы змѣй не съѣлъ, да и пошелъ на него. Подходитъ Никита къ берлогѣ зміиной, а змій заперся и не выходитъ къ нему. «Выходи лучше въ чистое поле, а то и берлогу размечу!» сказалъ Кожемяка и сталъ уже двери ломать. Змѣй, видя бѣду неминучую, вышелъ къ нему въ чистое поле. Долго ли, коротко ли бился съ змѣемъ Никита Кожемяка, только повалилъ змѣя. Тутъ змѣй сталъ молить Никиту: «Не бей меня до смерти, Никита Кожемяка! Сильнѣй насъ съ тобой въ свѣтѣ нѣтъ; раздѣлимъ всю землю, весь свѣтъ поровну: ты будешь жить въ одной половинѣ, а я въ другой». — «Хорошо, сказалъ Кожемяка, надо межу проложить». Сдѣлалъ Никита соху въ триста пудъ, запрёгъ въ нее змѣя, да и сталъ отъ Кіева межу пропахивать; Никита провелъ борозду отъ Кіева до моря Кавстрійскаго. «Ну, говоритъ змѣй, теперь мы всю землю раздѣлили!» — «Землю раздѣлили, проговорилъ Никита, давай море дѣлить: а то ты скажешь, что твою воду берутъ». Въѣхалъ змѣй на середину моря; Никита Кожемяка убилъ и утопилъ его въ морѣ. Эта борозда и теперь видна; вышиною та борозда двухъ

саженъ. Кругомъ ее пашутъ, а борозды не трогаютъ; а кто не знаетъ, отъ чего эта борозда, — называетъ ее валомъ. Никита Кожемяка, сдѣлавши святое дѣло, нé взялъ за работу ничего, — пошелъ опять кожи мять.

Записана въ Козловѣ, Тамбовской губ., П. И. Якушкинымъ.

86

Змѣй и Цыганъ

Въ старые годы стояла одна деревушка; повадился въ ту деревушку змѣй летать, людей пожирать. Всѣхъ поѣлъ; остался всего нà всего одинъ мужикъ. Втѣ́поры приходитъ туда цыганъ; дѣло было позднимъ вечеромъ. Куда ни заглянетъ — вездѣ пусто! Зашелъ, наконецъ, въ послѣднюю избушку; тамъ сидитъ да плачется остальной мужикъ. «Здравствуй, доброй человѣкъ!» — «Ты зачѣмъ, цыганъ? вѣрно, жизнь тебѣ надоѣла!» — «А что?» — «Да вѣдь сюда повадился змѣй летать, людей пожирать; всѣхъ поѣлъ, меня одного до утрá оставилъ, а завтра прилетитъ — и меня сожрётъ, да и тебѣ не сдобровать. Разомъ двухъ съѣстъ!» — «А можетъ — подавится! Дай-ка я съ тобой переночую да посмотрю завтра: какой-такой змѣй къ вамъ летаетъ?» Переночевали. Утромъ поднялась вдругъ сильная буря, затряслась изба — прилетаетъ змѣй: «Ага! говоритъ, прибыль есть! Оставилъ одного мужика, а нашелъ двухъ, — будетъ чѣмъ позавтракать . . .» — «Будто и вправду съѣшь?» спрашиваетъ цыганъ. «Да таки съѣмъ!» — «Брешешь, чортова образина! подавишься!» — «Что жъ, ты развѣ сильнѣе меня?» — «Еще бы! чай самъ знаешь, что у меня сила больше твоей». — «А ну, давай попробуемъ: кто кого сильнѣе?» — «Давай!» Змѣй досталъ изъ жерноковъ камень: «Смотри, цыганъ! я этотъ камень одной рукой раздавлю». —

«Ладно, посмотрю!» Змѣй взялъ камень въ горсть и стиснулъ такъ крѣпко, что онъ въ мелкой песокъ обратился: искры такъ и посыпались! «Экое диво! говоритъ цыганъ, а ты такъ сожми камень, чтобъ изъ него вода потекла. Гляди, какъ я сожму!» А на столѣ лежалъ узелокъ творогу; цыганъ схватилъ его — и ну давить — сыворотка и потекла нàземь. «Что видѣлъ? у кого силы больше?» — «Правда, рука у тебя сильнѣе моей; а вотъ попробудемъ: кто изъ насъ крѣпче свистнетъ?» — «Ну, свисти!» Змѣй какъ свистнулъ — со всѣхъ деревьевъ листъ осыпался. «Хорошо, братъ, свистишь; а все не лучше моего, сказалъ цыганъ. Завяжи-ка напередъ свои бѣльмы, а то какъ я свистну — они у тебя изо лба повыскочутъ!» Змѣй повѣрилъ и завязалъ платкомъ свои глаза: «А ну, свисти!» Цыганъ взялъ дубину да какъ свистнетъ змѣя по башкѣ — тотъ во все горло закричалъ: «Полно, полно, цыганъ! не свисти больше; и съ одного разу немного глаза не вылѣзли». — «Какъ знаешь, а я, пожалуй, готовъ и еще разокъ-другой свистнуть». — «Нѣтъ, не надо! не хочу больше спорить. Давай лучше съ тобой побратаемся: ты будь старшій братъ, а я меньшой». — «Пожалуй!»

«Ну, братъ, говоритъ змѣй, ступай — тамъ на степи пасется стадо воловъ; выбери самаго жирнаго, возьми за хвостъ и тащи на обѣдъ». Нечего дѣлать — пошелъ цыганъ въ степь; видитъ — пасется большой гуртъ воловъ, давай ихъ ловить да другъ къ дружкѣ за хвосты связывать. Змѣй ждалъ-ждалъ, не выдержалъ и побѣжалъ самъ: «Что такъ долго?» — «А вотъ постой: навяжу штукъ пятьдесятъ да за одинъ разъ и поволоку всѣхъ домой, чтобъ на цѣлой мѣсяцъ хватило!» — «Экой ты! нèшто намъ здѣсь вѣкъ вѣковать? Будетъ и одного». Тутъ змѣй ухватилъ самаго жирнаго вола

за хвостъ, сдернулъ съ него шкуру, мясо взвалилъ на плечи и потащилъ домой. «Какъ же, братъ! я столько штукъ навязалъ — неужли жъ такъ бросить?» — «Ну, брось!» Пришли въ избу, наклали два котла говядины, а воды нѣту. «Нá тебѣ воловью шкуру, говоритъ цыгану змѣй, ступай набери полную воды и неси сюда; станемъ обѣдъ варить». Цыганъ взялъ шкуру, потащилъ къ колодезю — еле-еле порожнюю тащитъ, не то что съ водою. Пришелъ и давай окапывать кругомъ колодезь. Змѣй опять ждалъ-ждалъ, не выдержалъ и побѣжалъ самъ: «Что ты, братъ, дѣлаешь?» — «Хочу колодезь кругомъ окопать да весь въ избу притащить, чтобъ не нужно было ходить по воду». — «Экой ты! много затѣваешь! Чтобъ окопать, надо много времени». Опустилъ змѣй въ колодезь шкуру, набралъ полную воды, вытащилъ и понесъ домой. «А ты, братъ, говоритъ цыгану, ступай пока въ лѣсъ, выбери сухой дубъ и волоки въ избу: пора огонь разводить!» Цыганъ пошелъ въ лѣсъ, началъ лыки драть да веревки вить; свилъ длиную-длинную веревку и принялся дубы опутывать. Змѣй ждалъ-ждалъ, не выдержалъ, побѣжалъ самъ: «Что такъ мѣшкаешь?» — «Да вотъ хочу заразъ дубовъ двадцать зацѣпить веревкою да и тащить всѣ съ кореньями, чтобъ нàдолго дровъ хватило!» — «Экой ты! все по-своему дѣлаешь», сказалъ змѣй, вырвалъ съ корнемъ самой толстой дубъ и поволокъ въ избу. Цыганъ притворился, что крѣпко сердитъ, надулъ губы и сидитъ молча. Змѣй наварилъ говядины, зоветъ его обѣдать, а онъ съ сердцемъ отвѣчаетъ: «Не хочу!» Вотъ змѣй сожралъ цѣлаго вола, выпилъ воловью шкуру воды и сталъ цыгана допрашивать: «Скажи, братъ, за что сердишься?» — «А за то: что я ни сдѣлаю — все не такъ, все не по-твоему!» — «Ну, не сердись, поми-

римся!» — «Коли хочешь со мной помириться, поѣдемъ ко мнѣ въ гости». — «Изволь, готовъ, братъ!» Тотчасъ досталъ змѣй повозку, запрёгъ тройку что ни есть лучшихъ коней, и поѣхали вдвоемъ въ цыганской таборъ. Стали подъѣзжать; увидали цыганята своего батька, бѣгутъ къ нему навстрѣчу голые да во все горло кричатъ: «Батько пріѣхалъ! змѣя привёзъ!» Змѣй испугался, спрашиваетъ цыгана: «Кто это?» — «А то мои дѣти! чай, голодны теперь; смотри, какъ за тебя пріймутся!» Змѣй изъ повозки да бѣжать; а цыганъ продалъ тройку лошадей вмѣстѣ съ повозкой и зажилъ себѣ припѣваючи.

87
Батракъ

Жилъ-былъ мужикъ; у него было три сына. Пошелъ старшій сынъ въ батраки наниматься; пришелъ въ городъ и нанялся къ купцу, а тотъ купецъ куда былъ скупъ и суровъ! Только одну рѣчь и держалъ: какъ запоетъ пѣтухъ, такъ и вставай, батракъ, да примайся за работу. Трудно, тяжело показалось парню, прожилъ онъ съ недѣлю и воротился домой. Пошелъ средній сынъ, прожилъ у купца съ недѣлю, не выдержалъ и взялъ расчетъ. «Батюшка! говоритъ меньшой сынъ, позволь я пойду въ батраки къ купцу». — «Куда тебѣ, дураку! зналъ бы сидѣлъ на печи! Получше тебя ходили, да ни съ чѣмъ ворочались». — «Ну, какъ хочешь, а я пойду!» Сказалъ и пошелъ къ купцу: «Здравствуй, купецъ!» — «Здравствуй, молодецъ! Что хорошаго скажешь?» — «Найми меня въ батраки». — «Изволь; только у меня, братъ, какъ пѣтухъ запоетъ — такъ и ступай на работу, на весь день». — «Знамое дѣло: нанялся, что̀ продался!» —

«А что возьмешь?» — «Да что съ тебя взять? годъ проживу — тебѣ щелчокъ да купчихѣ щипокъ; больше ничего не надо». — «Ладно, молодецъ!» отвѣчаетъ хозяинъ, а самъ думаетъ: «Экая благодать! вотъ когда дешево нанялъ, такъ дешево!» Ввечеру батракъ изловчился, поймалъ пѣтуха, завернулъ ему голову подъ крыло и завалился спать. Ужъ полночь давно прошла, дѣло къ утру идетъ — пора бы батрака будить, да пѣтухъ не поетъ! Поднялось солнышко на небо — батракъ и самъ проснулся. «Ну, хозяинъ! давай завтракать, время работа̀ть идти». Позавтракалъ и проработалъ день до вечера; въ сумерки опять изловилъ пѣтуха, завернулъ ему голову за крыло и завалился спать до утра. На третью ночь опять то же. Дался диву купецъ, что̀ за притча такая съ пѣтухомъ: совсѣмъ пересталъ горло драть! «Пойду-ка я, думаетъ, на деревню, поищу иного пѣтуха». Пошелъ купецъ пѣтуха искать и батрака съ собою взялъ. Вотъ идутъ они дорогою, а навстрѣчу имъ четверо мужиковъ быка ведутъ, да и быкъ же — большой да злющій! еле-еле на веревкахъ удержать! «Куда, братцы?» спрашиваетъ батракъ. «Да быка на бойню ведемъ». — «Эхъ вы! четверо быка ведете; а тутъ и одному дѣлать нечего!» Подошелъ къ быку, далъ ему въ лобъ щелчокъ и убилъ до смерти; опосля́ ухватилъ щипкомъ за шкуру — вся шкура долой! Купецъ какъ увидѣлъ, каковы у батрака щелчки да щипки больно пригорюнился; совсѣмъ забылъ о пѣтухѣ, вернулся домой и сталъ съ купчихой совѣтъ держать: какъ имъ бѣду-горе отбывать? «А вотъ что, говоритъ купчиха, пошлемъ-ка мы батрака поздно вечеромъ въ лѣсъ, скажемъ, что корова со стада не пришла; пускай его лютые звѣри съѣдятъ!» — «Ладно!» Дождались вечера, поужинали; вышла купчиха на дворъ, постояла у крылечка, вхо-

дитъ въ избу и говоритъ батраку: «Что жъ ты коровъ въ сарай не загналъ? вѣдь одной-то, комолой, нѣту!» — «Да, кажись, онѣ всѣ были . . .» — «То-то всѣ! Ступай скорѣй въ лѣсъ да поищи хорошенько». Батракъ одѣлся, взялъ дубинку и побрёлъ въ дремучій лѣсъ; сколько ни ходилъ пó лѣсу — не видать ни одной коровы; сталъ присматриваться да приглядываться — лежитъ медвѣдь въ берлогѣ, а батракъ думаетъ — то корова. «Эхма! куда затесалась, проклятая! а я тебя всю ночь ищу». И давай осаживать медвѣдя дубинкою; звѣрь бросился наутёкъ, а батракъ ухватилъ его за шею, приволокъ домой и кричитъ: «Отворяй ворота, принимай живота!» Пустилъ медвѣдя въ сарай и заперъ вмѣстѣ съ коровами. Медвѣдь сейчасъ принялся коровъ душить да ломать: зà ночь всѣхъ до одной такъ и порѣшилъ. На утро говоритъ батракъ купцу съ купчихою: «Вѣдь корову-то я нашелъ». — «Пойдемъ, жена! посмотримъ: какую корову нашелъ онъ въ лѣсу?» Пошли въ сарай, отворили двери, глядь — коровы задушены, а въ углу медвѣдь сидитъ. «Что ты, дуракъ, надѣлалъ? зачѣмъ медвѣдя въ сарай притащилъ?» — «Постой же, говоритъ батракъ: не миновать ему за то смерти! Кинулся въ сарай, далъ медвѣдю щелчокъ — изъ него и духъ вонъ! «Плохо дѣло, думаетъ купецъ: лютые звѣри ему нипочемъ. Развѣ одинъ чортъ съ нимъ сладитъ! Поѣзжай, говоритъ батраку: на чортову мельницу да сослужи мнѣ службу великую: собери съ нечистыхъ деньги: въ долгъ у меня зàбрали, а отдавать не отдаютъ!» — «Изволь, отвѣчаетъ батракъ: для чего не сослужить такой бездѣлицы?» Запрёгъ лошадь въ телѣгу и поѣхалъ на чортову мельницу; пріѣхалъ, сѣлъ на плотинѣ и сталъ веревку вить. Вдругъ выпрыгнулъ изъ воды бѣсъ: «Батракъ! что ты дѣлаешь?» — «Чай, самъ видишь: веревку вью».

— «На что тебѣ веревка?» — «Хочу васъ, чертей, таскать да на солнышкѣ сушить, а то вы, окаянные, совсѣмъ перемокли!» — «Что ты, что ты, батракъ! мы тебѣ ничего худого не сдѣлали». — «А зачѣмъ моему хозяину долговъ не платите? занимать небось умѣли!» — «Постой немножко, я пойду — спрошу старшо́ва», сказалъ чортъ и нырнулъ въ воду. Батракъ сейчасъ за лопату, вырылъ глубокую яму, прикрылъ ее сверху хворостомъ, по серёдкѣ свой шлыкъ уставилъ, а въ шлыкѣ-то загодя дыру прорѣзалъ. Чортъ выскочилъ и говоритъ батраку: «Старшо́й спрашиваетъ: какъ же будешь ты чертей таскать? вѣдь наши омуты бездонные». — «Великая важность! у меня на то есть веревка такая: сколько хочешь мѣряй, все конца не доберешься». — «Ну-ка, покажи!» Батракъ связалъ оба конца своей веревки и подалъ чорту; ужъ тотъ мѣрилъ-мѣрилъ, мѣрилъ-мѣрилъ — все конца нѣту! «А много ль долговъ платить?» — «Да вотъ насыпь этотъ шлыкъ серебромъ, какъ разъ будетъ». Чортъ нырнулъ въ воду, разсказалъ про все старшо́му; жаль стало старому съ деньгами разставаться, а дѣлать нечего, пришло раскошеливаться. Насыпалъ батракъ полонъ возъ серебра и привезъ къ купцу. «Вотъ она бѣда-то! и чортъ его не беретъ!» Сталъ купецъ съ купчихой уговариваться бѣжать ѝзъ дому; купчиха напекла пироговъ да хлѣбовъ, наклала два мѣшка и легла отдохнуть, чтобъ къ ночи съ силами собраться да отъ батрака уйти. А батракъ вывалилъ изъ мѣшка пироги и хлѣбы, да замѣсто того въ одинъ положилъ жернова, а въ другой самъ залѣзъ: сидитъ не ворохнется и духъ притаилъ! Ночью разбудилъ купецъ купчиху, взвалили себѣ по мѣшку на плеча и побѣжали со двора. А батракъ изъ мѣшка подаетъ голосъ: «Эй, хозяинъ съ хозяйкою! погодите, меня съ собой возьмите». —

«Узналъ, проклятой! гонитъ за нами!» говорятъ купецъ съ купчихою и побѣжали еще шибче, — во какъ уморились! Увидалъ купецъ озеро, остановился, сбросилъ мѣшокъ съ плечъ: «Отдохнемъ, говоритъ, хоть немножко!» А батракъ отзывается: «Тише бросай, хозяинъ! всѣ бока переломаешь». — «Ахъ, батракъ, да ты здѣсь!» — «Здѣсь!» Ну, хорошо; рѣшились заночевать на берегу, и легли акърядышкомъ. «Смотри, жена! говоритъ купецъ: квсѣ только заснетъ батракъ, мы его бросимъ въ воду». Батракъ не спитъ, ворочается, съ боку на бокъ переваливается. Купецъ и купчиха ждали-ждали и уснули; батракъ тотчасъ снялъ съ себя тулупъ да шапку, надѣлъ на купчиху, а самъ нарядился въ ея шубейку и будитъ хозяина: «Вставай, бросимъ батрака въ озеро!» Купецъ всталъ; подхватили они вдвоемъ сонную купчиху и кинули въ воду. «Что ты, хозяинъ, сдѣлалъ? закричалъ батракъ: за что утопилъ купчиху?» Дѣлать нечего купцу, воротился домой съ батракомъ; а батракъ прослужилъ у него цѣлый годъ да далъ ему щелчокъ въ лобъ — только и жилъ купецъ! Батракъ взялъ себѣ его имѣніе и сталъ себѣ жить-поживать, добра припасать, лиха избывать.

88
Шабарша

Ай потѣшить васъ сказычкой? а сказычка чудесная: есть въ ней дивы-дивныя, чуды-чудныя и батракъ Шабарша изъ плутовъ плутъ: ужъ какъ взялся за гужъ, такъ нѐча сказать — на все дюжъ! Пошелъ Шабарша по батракамъ жить, да година настала лихая: ни хлѣба никакого, ни овощей не родилось. Вотъ и думаетъ думу хозяинъ — думу глубокую: какъ

разогнать злую кручину, чѣмъ жить-поживать, откуда деньги брать? «Эхъ, не тужи, хозяинъ! говоритъ ему Шабарша: былъ бы день — хлѣбъ да деньги будутъ!» И пошелъ Шабарша на мельничну плотину: «Авось, думаетъ, рыбки поймаю; продамъ — анъ вотъ и деньги! Эге, да веревочки-то нѣтъ на удочку . . . Постой, сейчасъ совью». Выпросилъ у мельника горсть пеньки, сѣлъ на бережку — и ну вить уду. Вилъ-вилъ, а изъ воды прыгъ на берегъ мальчикъ въ черной курточкѣ да въ красной шапочкѣ. «Дядюшка! что ты здѣсь подѣлываешь?» спросилъ онъ. «А вотъ веревочку вью». — «Зачѣмъ!» — «Да хочу прудъ вычищать да васъ чертей изъ воды таскать». — «Э, нѣтъ! погоди маленько: я пойду — скажу дѣдушкѣ». Чертёнокъ нырнулъ вглубь, а Шабарша принялся снова за работу. «Погоди, думаетъ, сыграю я съ вами окаянными штуку, принесете вы мнѣ и злата и сѐребра». И началъ Шабарша копать яму, выкопалъ и наставилъ на нее свою шапку съ вырѣзанной верхушкою. «Шабарша, а Шабарша! дѣдушка говоритъ, чтобы я съ тобой сторговался . . . Что возьмешь, чтобы насъ изъ воды не таскать?» — «Да вотъ эту шапочку насыпьте полну злата и сѐребра». Нырнулъ чертёнокъ въ воду, воротился назадъ: «Дѣдушка говоритъ, чтобы я съ тобой сперва поборолся». — «О, да гдѣ жъ тебѣ, молокососу, со мною бороться! Да ты не сладишь съ моимъ среднимъ братомъ Мишкою». — «А гдѣ твой Мишка?» — «А вонъ, смотри, отдыхаетъ въ яру подъ кустикомъ». — «Какъ же мнѣ его вызвать?» — «А ты подойди да ударь его пò боку, такъ онъ и самъ встанетъ». Пошелъ чертёнокъ въ яръ, нашелъ медвѣдя и хватилъ его дубинкой пò боку. Поднялся Мишка на дыбки, скрутилъ чертёнка такъ, что у него всѣ кости затрещали. Насилу вырвался изъ медвѣжьихъ лапъ; прибѣжалъ къ водяному старику. «Ну, дѣ-

душка! сказываетъ онъ въ испугѣ: у Шабарши есть среднiй братъ Мишка, схватился было со мною бороться — ажно косточки у меня затрещали! Что жъ было бы, если бъ самъ-то Шабарша сталъ бороться?» — «Гм! ступай, попробуй побѣгать съ Шабаршой взапуски: кто кого обгонитъ?» И вотъ мальчикъ въ красной шапочкѣ опять подлѣ Шабарши; передалъ ему дѣдушкины рѣчи, а тотъ ему въ отвѣтъ: «Да куда тебѣ со мной взапуски бѣгать! Мой маленькой братъ Заинька — тотъ тебя далёко за собой оставитъ!» — «А гдѣ твой братъ Заинька?» — «Да вонъ — въ травкѣ лёгъ, отдохнуть захотѣлъ. Подойди къ нему поближе да тронь за ушко — вотъ онъ и побѣжитъ съ тобою!» Побѣжалъ чертёнокъ къ Заинькѣ, тронулъ его за ушко; заяцъ такъ и прыснулъ, чертёнокъ было̀ вслѣдъ за нимъ! «Постой, постой, Заинька! дай съ тобой поровняться . . . Эхъ, ушелъ! . . . Ну, дѣдушка! говоритъ водяному: я было̀ бросился рѣзво бѣжать. Куды! и поровняться нѐ далъ, а то еще не самъ Шабарша, а меньшой его братъ бѣгалъ!» — «Гм! проворчалъ старикъ, нахмуривъ брови: ступай къ Шабаршѣ и попробуйте, кто сильнѣе свистнетъ!» — «Шабарша, а Шабарша! дѣдушка велѣлъ попробовать: кто изъ насъ крѣпче свистнетъ?» — «Ну, свисти ты прежде». Свистнулъ чертёнокъ да такъ громко, что Шабарша насилу на ногахъ устоялъ, а съ дерёвъ такъ листья и посыпались. «Хорошо свистишь, говоритъ Шабарша: а все не по-моему! Какъ я свистну — тебѣ на ногахъ не устоять, и уши твои не вынесутъ . . . Ложись ничкомъ на̀земь да затыкай уши пальцами». Лёгъ чертёнокъ ничкомъ на землю и заткнулъ уши пальцами; Шабарша взялъ дубину да со всего размаху какъ хватитъ его по шеѣ, а самъ: фю-фю-фю! — посвистываетъ. «Охъ, дѣдушка, дѣдушка! да какъ же здорово

свистнулъ Шабарша — ажно у меня искры изъ глазъ посыпались; еле-еле съ земли поднялся, а на шеѣ да на поясницѣ, кажись, всѣ косточки поломались!» — «Ого, не силёнъ знать ты, бѣсёнокъ! Пойди-тка, возьми тамъ въ тростникѣ мою желѣзную дубинку, да попробуйте: кто изъ васъ выше вскинетъ ее на воздухъ!» Взялъ чертёнокъ дубинку, взвалилъ на плечо и пошелъ къ Шабаршѣ. «Ну, Шабарша! дѣдушка велѣлъ въ послѣднiй разъ попробовать: кто изъ насъ выше вскинетъ на воздухъ эту дубинку!» — «Ну, кидай ты прежде, а я посмотрю». Вскинулъ чертёнокъ дубинку — высоко-высоко полетѣла она, словно точка въ вышинѣ чернѣетъ, — насилу дождались, пока на землю упала . . Взялъ Шабарша дубинку — тяжела! поставилъ ее на конецъ ноги, оперсѐ ладонью и началъ пристально глядѣтъ на̀ небо. «Что жъ ты не бросаешь? чего ждешь?» спрашиваетъ чертёнокъ. «Жду, когда вонъ энта тучка подойдетъ — я на нее дубинку вскину: тамъ сидитъ мой братъ-кузнецъ, — ему желѣзо на дѣло пригодится». — «Э, нѣтъ, Шабарша! не бросай дубинки на тучку, а то дѣдушка разсердится!» Выхватилъ бѣсёнокъ дубинку и нырнулъ къ дѣдушкѣ. Дѣдушка, какъ услыхалъ отъ внучка, что Шабарша чуть-чуть не закинулъ его дубинки, испугался не на шутку, и велѣлъ таскать изъ омута деньги да откупаться. Чертёнокъ таскалъ-таскалъ деньги, много ужъ перетаскалъ — а шапка все не полна! «Ну, дѣдушка, на диво у Шабарши шапочка! всѣ деньги въ нее перетаскалъ, а она все пуста. Теперь остался твой послѣднiй сундучокъ». — «Неси и его скорѣе! Веревку-то онъ вьетъ?» — «Вьётъ, дѣдушка!» — «То-то!» Нечего дѣлать, почалъ чертёнокъ завѣтный дѣдушкинъ сундучокъ, сталъ насыпать Шабаршову шапочку, сыпалъ-сыпалъ — насилу дополнилъ! Съ той поры, съ того времени

зажилъ батракъ на славу; звали меня къ нему медъ-пиво пить, да я не пошелъ: медъ, говорятъ, былъ горекъ, а пиво мутно. Отчего бы такая притча?

Записана Д. Ханыковымъ.

89

Иванко Медвѣдко

Въ нѣкоторомъ селѣ жилъ-былъ богатый мужикъ съ женою. Вотъ разъ пошла она въ лѣсъ за груздями, заплуталась и забрела въ медвѣжью берлогу. Медвѣдь взялъ ее къ себѣ и долго ли, коротко ли — прижилъ съ нею сына: до-поясъ человѣкъ, а отъ пояса медвѣдь; мать назвала того сына Иванко Медвѣдко. Годы шли да шли, Иванъ Медвѣдко выросъ и захотѣлось ему съ матерью уйти на село къ людямъ; выждали они, когда медвѣдь пошелъ на пчельникъ, собрались и убѣжали. Бѣжали-бѣжали и добрались-таки до мѣста. Увидалъ мужикъ жену, обрадовался, — ужъ онъ не чаялъ, чтобъ она когда-нибудь домой воротилась; а послѣ глянулъ на ея сына и спрашиваетъ: «А это что за чудище?» Жена разсказала ему все, что̀ и какъ было, какъ она жила въ берлогѣ съ медвѣдемъ и какъ прижила съ нимъ сына: до-поясъ человѣкъ, а отъ пояса медвѣдь. «Ну, Иванко Медвѣдко! говоритъ мужикъ: поди на заднiй дворъ да заколи овцу: надо про васъ обѣдъ сготовить». — «А котору заколоть?» — «Ну, хоть ту, что̀ на тебя глядѣть станетъ». Иванко Медвѣдко взялъ ножъ, отправился на заднiй дворъ и только скричалъ овцамъ — какъ всѣ овцы на него и уставились. Медвѣдко тотчасъ всѣхъ перколôлъ, поснималъ съ нихъ шкурки и пошелъ спросить: куда прибрать мясо и шкуры? «Какъ? заревѣлъ на него мужикъ: я тебѣ велѣлъ заколоть одну овцу, а ты всѣхъ перерѣзалъ!» — «Нѣтъ, батька! ты велѣлъ мнѣ ту

заколоть, которая на меня взглянетъ; я на заднiй дворъ — онѣ всѣ до единой такъ на меня и уставились; вольно жъ имъ было на меня глазѣть!» — «Экой разумникъ; ступай же, снеси все мясо и шкуры въ амбаръ, а ночью покарауль дверь у амбара-та, какъ бы воры не украли да собаки не съѣли!» — «Хорошо, покараулю». Какъ нарочно въ ту самую ночь собралась гроза и полилъ сильной дождь. Иванко Медвѣдко выломилъ у амбара дверь, унёсъ ее въ баню и остался тамъ ночевать. Время было темное, ворамъ сподручное; амбаръ открытъ, караула нѣтъ — бери, что̀ хочешь! Поутру проснулся мужикъ, пошелъ посмотрѣть — все ли цѣло? Какъ есть ничего не осталось: что собаки съѣли, а что воры покрали. Сталъ онъ искать сторожа, нашелъ его въ банѣ и принялся ругать пуще прежняго. «Ахъ, батька! чѣмъ же я виноватъ? сказалъ Иванко Медвѣдко: самъ ты велѣлъ дверь караулить — я дверь и караулилъ: вотъ она! ни воры не украли, ни собаки не съѣли!» — «Что съ дуракомъ дѣлать? думаетъ мужикъ: этакъ мѣсяцъ-другой поживетъ, совсѣмъ разоритъ! какъ бы его съ рукъ сбыть?» Вотъ надумался: на другой же день послалъ Иванка Медвѣдка на озеро изъ песку веревки вить; а въ томъ озерѣ много нечистыхъ водилось: пусть де его затащатъ черти въ омутъ! Иванко Медвѣдко отправился на озеро, сѣлъ на берегу и началъ изъ песку веревки вить. Вдругъ выскочилъ изъ воды чертёнокъ: «Что ты дѣлаешь, Медвѣдко?» — «Что! веревки вью; хочу озеро мо̀рщить, да васъ чертей корчить — затѣмъ, что въ нашихъ омутахъ живете, а руги не платите». — «Погоди, Медвѣдко! я побѣгу, скажу дѣдушкѣ» — и съ этимъ словомъ бултыхъ въ воду. Минутъ черезъ пять снова выскочилъ: «Дѣдушка сказалъ: коли ты меня перегонишь, такъ заплатимъ ругу, а коли не перегонишь — велѣлъ тащить

тебя самого въ омутъ». — «Вишь прыткой! ну, гдѣ тебѣ перегнать меня? говоритъ Иванко Медвѣдко: у меня есть внучекъ, только вчера народился — и тотъ тебя перегонитъ! Не хочешь ли съ нимъ потягаться?» — «Какой-такой внучекъ?» — «Вонъ подъ колодой лежитъ, отвѣчаетъ Медвѣдко да какъ вскрикнетъ на зайца: «Ай, Заюшко, не подгадь!» Заяцъ бросился безъ памяти въ чистое поле и вмигъ скрылся изъ виду; чертёнокъ было́ за нимъ, да куда! — на полверсту отсталъ. «Теперь, коли хочешь, говоритъ ему Медвѣдко: побѣжимъ со мною; только, братъ, съ уговоромъ: если отстанешь, — я тебя до смерти убью!» — «Что ты!» сказалъ чертёнокъ — и бултыхъ въ омутъ. Немного погодя, выскочилъ опять изъ воды и вынесъ дѣдушкинъ чугунный костыль: «Дѣдушка сказалъ: коли вскинешь ты вотъ этотъ костыль выше, чѣмъ я вскину, такъ заплатитъ ругу». — «Ну, кидай ты на̀перво!» Чертёнокъ вскинулъ костыль такъ высоко, что чуть видно стало; съ страшнымъ гуломъ полетѣлъ костыль назадъ и ушелъ въ землю на половину. «Кидай теперь ты!» Медвѣдко наложилъ на костыль руку — и пошевелить не смогъ: «Погоди, говоритъ, вотъ скоро подойдетъ облачко, такъ на него закину!» — «Э, нѣтъ! какъ же дѣдушкѣ безъ костыля-то быть?» сказалъ бѣсёнокъ, схватилъ чортову дубинку и бросился поскорѣй въ воду. Погодя немножко, опять выскочилъ: «Дѣдушка сказалъ: коли сможешь ты обнести эту лошадь кругомъ озера хоть одинъ разъ лишній супротивъ меня, такъ заплатитъ ругу, а не то ступай самъ въ омутъ». — «Эко диво! Начинай!» Чертёнокъ взвалилъ на спину лошадь и потащилъ кругомъ озера; разовъ десять обнёсъ и усталъ окаянный — потъ такъ и льётъ съ рыла! «Ну, теперь мой черёдъ!» сказалъ Иванко Медвѣдко, сѣлъ на̀ лошадь верхомъ — и ну ѣздить кругомъ

озера: до тѣхъ поръ ѣздилъ, пока лошадь пала! «Что, братъ! каково?» спрашиваетъ чертёнка. — «Ну, говоритъ нечистый: ты больше моего носилъ, да еще какъ? — промежъ ногъ; этакъ мнѣ и разу не обнести! Сколько жъ руги платить!» — «А вотъ сколько: насыпь мою шляпу золотомъ, да послужи у меня годъ въ работникахъ — съ меня и довольно!» Побѣжалъ чертёнокъ за золотомъ, а Иванко Медвѣдко вырѣзалъ въ шляпѣ дно и поставилъ ее надъ глубокой ямою; чертёнокъ носилъ-носилъ золото, сыпалъ-сыпалъ въ шляпу, цѣлой день работалъ, а только къ вечеру сполна насыпалъ. Иванко Медвѣдко добылъ телѣгу, наклалъ ее червонцами и свёзъ на чертёнкѣ домой: «Разживайся, батько! вотъ тебѣ батракъ, а вотъ и золото!»

Записана въ Уфимскомъ у., Оренбургской губ.

90

Солдатъ избавляетъ царевну

Загнали солдата на дальнія границы; прослужилъ онъ положенный срокъ, получилъ чистую отставку и пошелъ на родину. Шелъ онъ чрезъ многія земли, чрезъ разныя государства; приходитъ въ одну столицу и останавливается на квартирѣ у бѣдной старушки. Началъ ее разспрашивать: «Какъ у васъ, баушка, въ государствѣ — все ли здорово?» — «И-и, служивой! у нашего царя есть дочь-красавица Мароа-царевна; сватался за нее чужестранный принцъ; царевна не захотѣла за него идти, а онъ напустилъ на нее нечистую силу. Вотъ ужъ третій годъ неможетъ! Не даетъ ей нечистая сила по ночамъ спокою: бьется сердечная и кричитъ безъ памяти... Ужъ чего царь не дѣлаетъ: и колдуновъ и знахарей приводилъ — никто не избавилъ!» Выслушалъ это солдатъ и думаетъ самъ съ

собой: «Дай пойду, счастья попытаю; можетъ и избавлю царевну! царь хоть что-нибудь на дорогу пожалуетъ». Взялъ шинель, вычистилъ пуговицы мѣломъ, надѣлъ — и маршъ во дворецъ. Увидала его придворная прислуга, узнала, зачѣмъ идетъ, подхватила пóдъ руки и привела къ самому царю. «Здравствуй, служба! что хорошаго скажешь?» говоритъ царь. «Здравія желаю, ваше царское величество! Слышалъ я, что у васъ Марѳа-царевна хвораетъ; я могу ее вылѣчить». — «Хорошо, братецъ! коли вылѣчишь, я тебя съ ногъ до головы золотомъ осыплю». — «Только прикажите, ваше величество, выдавать мнѣ все, что требовать стану». — «Говори: что тебѣ надобно?» — «Да вотъ дайте мнѣ мѣру чугунныхъ пуль, мѣру грецкихъ орѣховъ, фунтъ свѣчей и двѣ колоды картъ, да изладьте мнѣ чугунный прутъ, чугунную царапку о пяти зубьяхъ да чугунное подобіе человѣка съ пружинами». — «Ну, хорошо: къ завтраму все будетъ готово». Вотъ изготовили, что надо; солдатъ заперъ во дворцѣ всѣ окна и двери нàкрѣпко и закрестилъ ихъ православнымъ крестомъ; только одну дверь оставилъ незапертой и сталъ возлѣ нея на часахъ; комнату освѣтилъ свѣчами, на столъ положилъ карты, а въ карманы насыпалъ чугунныхъ пуль да грецкихъ орѣховъ. Управился и ждетъ. Вдругъ въ самую полночь прилетѣлъ нечистый духъ: куда ни сунется — не можетъ войти! Леталъ-леталъ кругомъ дворца и увидалъ, наконецъ, отворену дверь; скинулся человѣкомъ и хочетъ войти. «Кто идетъ?» окликнулъ солдатъ. «Пусти, служивой, я придворной лакей». — «Гдѣ же ты, халдейская харя, до сихъ поръ таскался?» — «А гдѣ былъ, тамъ теперь нѣту! Дай-ка мнѣ орѣшковъ погрызть?» — «Много васъ тутъ, халдеевъ! всѣхъ по орѣху одѣлить — самому ничего не останется». — «Дай, пожалуста!»

— «Ну, возьми!» и даетъ ему пулю. Чортъ взялъ въ ротъ пулю, давилъ-давилъ зубами, въ лепёшку ее смялъ, а разгрызть — не разгрызъ. Пока онъ съ чугунною пулей возился, солдатъ орѣховъ съ двадцать разгрызъ да съѣлъ. «Эхъ, служивой! говоритъ чортъ: крѣпки у тебя зубы!» — «Плохъ ты, я вижу! отвѣчалъ солдатъ. Вѣдь я двадцать пять лѣтъ царю прослужилъ, надъ сухарями зубы притупилъ, а ты бъ посмотрѣлъ, каковъ съ молодыхъ годовъ я былъ!» — «Давай, служивой, въ карты играть». — «А на что играть станемъ?» — «Извѣстно — на деньги». — «Ахъ ты, халдейская харя! ну, какія у солдата деньги? Онъ всего жалованья — три денежки въ сутки получаетъ, а надо ему и мыла, и ваксы, и мѣлу и клею купить, и въ баню сходить. Хочешь на щелчки играть?» — «Пожалуй!» Начали на щелчки играть. Чортъ наигралъ на солдата три щелчка: «Давай, говоритъ, бить стану!» — «Догоняй до десятку, тогда и бей; изъ трехъ щелчковъ нечего рукъ марать!» — «Ладно!» Стали опять играть; пришелъ солдату крестовый хлюстъ и нагналъ онъ на нечистаго десять щелчковъ: «Ну-ка, говоритъ чорту: подставляй свой лобъ; я покажу тебѣ, каково съ нашимъ братомъ на щелчки играть! По-солдатски урѣжу! И другу, и недругу закажешь! . . .» Чортъ взмолился, проситъ, чтобъ солдатъ полегче его билъ. «То-то! съ вами, халдеями, только свяжись, самъ не радъ будешь; какъ дѣло къ расчету — такъ сейчасъ и отлынивать! А мнѣ никоимъ способомъ нельзя тебя пощадить: я — солдатъ и давалъ присягу завсегда поступать вѣрою-правдою». — «Возьми, служивой, деньгами!» — «А на что мнѣ твои деньги? я игралъ на щелчки — щелчками и плати. Развѣ вотъ что: есть у меня меньшой братъ, пойдемъ-ка къ нему, — онъ пробьетъ тебѣ щелчки потише моего; а если не хочешь, давай, я самъ стану

бить!» — «Нѣтъ, служивой! веди лучше къ меньшому брату». Солдатъ привелъ нечистаго къ чугунному человѣку, тронулъ за пружину да какъ щелкнетъ чорта по̀ лбу — тотъ ажно въ другую стѣну отлетѣлъ; а солдатъ ухватилъ его за руку: «Стой! еще девять щелчковъ за тобою». Тронулъ въ другой разъ пружину да такъ урѣзалъ, что чортъ ку́баремъ покатился да чуть-чуть стѣны не пробилъ! А въ третій разъ отбросило нечистаго прямо въ окно: вышибъ онъ раму, выскочилъ вонъ и навострилъ лыжи. «Помни проклятой! кричитъ солдатъ: за тобой еще семь щелчковъ осталось!» А чортъ-то улепётываетъ, ажъ пятками въ задъ достаетъ. На утро спрашиваетъ царь Мароу-царевну: «Ну что, каково ночь проводила?» — «Спокойно, государь-батюшка!»

На другую ночь отрядилъ сатана во дворецъ иного чорта; вишь, они ходили стращать да мучить царевну по очереди. Досталось и этому на орѣхи! Въ тринадцать ночей перебывало у солдата тринадцать нечистыхъ въ передѣлкѣ, и всѣмъ равно туго пришлось! Ни одинъ въ другой разъ идти не хочетъ. «Ну, внучки! говоритъ имъ дѣдушка-сатана: я самъ теперь пойду». Пришелъ сатана во дворецъ — и ну съ солдатомъ разговаривать: то-другое, пятое-десятое, стали въ карты играть; солдатъ обыгралъ его и повелъ къ меньшому брату щелчками угощать. Привелъ, подавилъ пружины, меньшой братъ обхватилъ сатану чугунными руками да такъ-таки плотно, что ему ни взадъ ни впередъ нельзя пошевелиться. Солдатъ схватилъ чугунный прутъ и давай хлестать; бьетъ сатану да приговариваетъ: «Вотъ тебѣ въ карты играть! вотъ тебѣ Мароу-царевну мучить!» Исхлесталъ чугунный прутъ и взялся царапкой строгать: сатана благимъ матомъ реветъ, а солдатъ знай себѣ деретъ — и такъ его донялъ,

что тотъ какъ вырвался — безъ оглядки убѣжалъ! Вернулся въ свое болото, охаетъ: «Ахъ, внучки! чуть было солдатъ дȍ смерти не убилъ!» — «То-то, дѣдушка! вишь онъ какой мудрёной! вотъ ужъ двѣ недѣли, какъ я во дворцѣ былъ, а все голова трещитъ! Да еще спасибо, что не самъ билъ, а меньшого брата заставлялъ!..» Вотъ стали черти придумывать, какъ бы выжить имъ изъ дворца этого солдата. Думали-думали и рѣшились золотомъ откупиться. Прибѣжали къ солдату разомъ всѣ; тотъ увидалъ, испугался и закричалъ громкимъ голосомъ: «Эй, братъ! ступай сюда скорѣе, должники пришли, надо щелчки давать». — «Полно, полно, служивой! мы пришли къ тебѣ о дѣлѣ потолковать; сколько хочешь, возьми съ насъ золота, — только выйди изъ дворца!» — «Нѣтъ! что мнѣ золото! Ужъ коли хотите услужить мнѣ, такъ полѣзайте всѣ въ ранецъ; я слыхалъ, что нечистая сила больно хитра, хоть въ щель — и то влѣзетъ! Вотъ коли это сдѣлаете, право слово, уйду изъ дворца!» Черти обрадовались: «Ну, служивой! открывай свой ранецъ». Солдатъ открылъ; они и полѣзли туда всѣ до единаго, сатана сверху легъ. «Укладывайтесь плотнѣе, говоритъ солдатъ: чтобъ можно было на всѣ пряжки застегнуть». — «Застегивай, не твоя печаль!» — «Счастье вамъ, коли застегну! а не то не прогнѣвайтесь, ни зȁ что изъ дворца не выйду!» Вотъ солдатъ взялъ застегнулъ ранецъ на всѣ пряжки, перекрестилъ его, надѣлъ на себя и пошелъ къ царю: «Ваше царское величество! прикажите изготовить тридцать желѣзныхъ молотовъ, каждый молотъ въ три пуда». Царь отдалъ приказъ; сейчасъ изготовили тридцать молотовъ. Солдатъ принесъ ранецъ въ кузницу, положилъ на наковальню и велѣлъ бить какъ можно сильнѣе. Плохо пришлось чертямъ, а вылѣзть никакъ нельзя! Угостилъ ихъ солдатъ на

славу! «Теперь довольно!» Вскинулъ ранецъ на плечи и явился къ царю съ докладомъ: «Служба де моя кончена; больше нечистая сила не станетъ царевны тревожить». Царь поблагодарилъ его: «Молодецъ служивой! ступай гуляй по всѣмъ кабакамъ и трактирамъ, требуй что только душѣ угодно: ни въ чемъ тебѣ нѣтъ запрету!» И приставилъ къ нему царь двухъ писарей, чтобъ всюду за нимъ ходили да записывали на казенный счетъ, гдѣ сколько солдатъ нагуляетъ. Вотъ онъ гулялъ-гулялъ, цѣлой мѣсяцъ прогулялъ и пошелъ къ царю. «Что, служба, нагулялся?» — «Нагулялся, ваше величество! хочу домой идти». — «Что ты! оставайся-ка у насъ; я тебя первымъ человѣкомъ сдѣлаю». — «Нѣтъ, государь! хочется повидать своихъ сродниковъ». — «Ну, ступай съ Богомъ!» сказалъ царь, далъ ему повозку, лошадей и денегъ столько, что въ цѣлой вѣкъ не прожить.

Поѣхалъ солдатъ на родину; присталъ дорогою въ какой-то деревнѣ и увидалъ знакомаго солдата — въ одномъ полку служили. «Здравствуй, братъ!» — «Здравствуй!» — «Какъ поживаешь?» — «Все по-старому!» — «А мнѣ Господь счастье далъ: вдругъ разбогатѣлъ! На радостяхъ надо бы выпить; сбѣгай-ка, братъ, купи ведёрку вина». — «Радъ бы сбѣгать, да вишь у меня скотинка еще не убрана; потрудись, сходи самъ — кабакъ вотъ недалеча!» — «Ладно; а ты возьми мой ранецъ, положи въ избѣ, да накажи бабамъ, чтобъ не трогали!» Отправился нашъ солдатъ за виномъ, а землякъ его принесъ ранецъ въ избу и говоритъ бабамъ: «Не трожьте!» Пока убиралъ онъ скотину, бабамъ не терпится: «Дай посмотримъ — что такое въ ранцѣ накладено?» Принялись разстегивать — какъ выскочатъ оттуда черти съ шумомъ да съ трескомъ; двери съ крючьевъ посбивали — и ну бѣжать! А на-

встрѣчу имъ солдатъ съ ведёркою: «Ахъ, проклятые! кто васъ выпустилъ?» Черти испугались и бросились въ буковище[1] подъ мельницу да тамъ навсегда и остались. Солдатъ пришелъ въ избу, разбранилъ бабъ — и давай гулять со старымъ товарищемъ; а послѣ пріѣхалъ на родину и зажилъ богато и счастливо.

91

Бѣглый солдатъ и чортъ

Отпросился солдатъ въ отпускъ, собрался и пошелъ въ походъ. Шелъ-шелъ, не видать нигдѣ воды, чѣмъ бы ему сухарики помочить да на пути на дорогѣ закусить, а въ брюхѣ давно пусто. Нечего дѣлать — потащился дальше; глядь — бѣжитъ ручеёкъ, подошелъ къ этому ручейку, досталъ изъ ранца три сухаря и положилъ въ воду. Да была еще у солдата скрипка; въ досужее время онъ на ней разныя пѣсни игралъ, скуку разгонялъ. Вотъ сѣлъ солдатъ у ручья, взялъ скрипку и давай наигрывать. Вдругъ откуда не возьмись — приходитъ къ нему нечистой въ видѣ старца, съ книгою въ рукахъ. «Здравствуй, господинъ служба!» — «Здорово, доброй человѣкъ!» Чортъ ажъ поморщился, какъ солдатъ обозвалъ его добрымъ человѣкомъ. «Послушай, дружище! помѣняемся: я отдамъ тебѣ свою книгу, а ты мнѣ скрипку». — «Эхъ, старой! на что мнѣ твоя книжка? Я хоть десять лѣтъ прослужилъ государю, а грамотнымъ никогда не бывалъ; прежде не зналъ, а теперь и учиться поздно!» — «Ничего, служивой! у меня такая книга — кто ни посмотритъ, всякой прочитать сумѣетъ!» — «А ну, дай попробую!» Развернулъ солдатъ книжку и началъ читать, словно съ малыхъ лѣтъ навыкъ грамотѣ; обрадовался и тот-

[1]) Мѣсто подъ колесомъ мельницы.

часъ же промѣнялъ свою скрипку. Нечистой взялъ скрипку, началъ смычкомъ водить, а дѣло не клеится — нѣтъ въ его игрѣ никакого ладу. «Слушай, братъ! говоритъ онъ солдату, оставайся-ка у меня въ гостяхъ дня на три да поучи на скрипкѣ играть; спасибо тебѣ скажу!» — «Нѣтъ, старикъ! отвѣчаетъ солдатъ: мнѣ надо на родину, а за три дня я далеко уйду». — «Пожалуйста, служивой! коли останешься да научишь на скрипкѣ играть, я тебя въ одинъ день домой доставлю — на почтовой тройкѣ довезу». Солдатъ сидитъ въ раздумьи: оставаться или нѣтъ? и вынимаетъ онъ сухари изъ ручья — хочетъ закусывать. «Эхъ, братъ служивой! говоритъ нечистой: плохая твоя ѣда; покушай-ка моей!» Развязалъ мѣшокъ и досталъ бѣлаго хлѣба, жареной говядины, водки и всякихъ заѣдковъ: ѣшь — не хочу! Солдатъ наѣлся, напился и согласился остаться у того незнакомаго старика и поучить его на скрипкѣ играть. Прогостилъ у него три дня и просится домой; чортъ выводитъ его изъ своихъ хоромъ — передъ крыльцомъ стоитъ тройка добрыхъ коней. «Садись, служивой! мигомъ довезу». Солдатъ сѣлъ съ чортомъ въ повозку; какъ подхватили ихъ лошади, какъ понесли — только вёрсты въ глазахъ мелькаютъ! Духомъ довезли. «А что узнаешь эту деревню?» спрашиваетъ нечистой. «Какъ же не узнать! отвѣчаетъ солдатъ: вить въ этой деревнѣ я родился и выросъ». — «Ну, прощай!» Солдатъ слѣзъ съ повозки, пришелъ къ сродственникамъ, сталъ съ ними здороваться да про себя разсказывать, когда его и насколько изъ полку отпустили. Показалось ему, что пробылъ онъ у нечистаго въ гостяхъ всего нà всего три дня, а на самомъ дѣлѣ пробылъ у него три года; срокъ отпуску давнымъ-давно кончился, а въ полку чай въ бѣгахъ его считаютъ. Оробѣлъ солдатъ, не знаетъ, что и дѣлать ему, — и

гульба на умъ не идетъ! Вышелъ за околицу и думаетъ: «Куда теперь дѣваться? Коли въ полкъ идти — такъ тамъ сквозь строй загоняютъ. Эхъ, нечистой! славно ты подшутилъ надо мною». Только вымолвилъ это слово, а нечистой тутъ какъ тутъ. «Не кручинься, служивой! оставайся со мной — вить у васъ въ полку житье незавидное, сухарями кормятъ да палками бьютъ, а я тебя счастливымъ сдѣлаю . . . Хочешь — купцомъ сдѣлаю?» — «Вотъ это ладно: купцы хорошо живутъ, дай и я попробую счастья!» Нечистой сдѣлалъ его купцомъ, далъ ему въ столичномъ городѣ большую лавку съ разными дорогими товарами и говоритъ: «Теперь, братъ, прощай! я уйду отъ тебя за тридевять земель, въ тридесятое государство: у тамошняго короля есть прекрасная дочь Марья-королевна; стану ее всячески мучить!»

Живетъ нашъ купецъ, ни о чемъ не тужитъ; счастье само такъ и валитъ на дворъ; въ торговлѣ такая ему задача, что лучше требовать нельзя! Стали ему другіе купцы завидовать: «Давайте-ка, говорятъ, его спросимъ: что онъ за человѣкъ и откуда пріѣхалъ? и можетъ ли торгъ вести? Вѣдь онъ у насъ всю торговлю отбилъ — чтобъ ему пусто было!» Пришли къ нему, стали допрашивать; а онъ отвѣчаетъ имъ: «Братцы вы мои! теперь у меня дѣлъ подошло много, некогда съ вами потолковать; приходите завтра — все узнаете». Купцы разошлись по домамъ; а солдатъ думаетъ, что ему дѣлать, какъ отвѣтъ давать. Думалъ-думалъ — и рѣшился бросить свою лавку и уйти ночью изъ города. Вотъ забралъ онъ всѣ деньги, какія налицо были, и пошелъ въ тридесятое государство. Шелъ-шелъ и приходитъ на заставу. «Что за человѣкъ?» спрашиваетъ его часовой. Онъ отвѣчаетъ: «Я — лѣкарь; иду въ ваше царство, потому что у вашего короля

дочь больна; хочу ее вылѣчить». Часовой доложилъ про то придворнымъ, придворные довели до самого короля. Король призвалъ солдата: «Коли ты вылѣчишь мою дочь, отдамъ ее за тебя замужъ». — «Ваше величество! прикажите мнѣ дать три колоды картъ, три бутылки вина сладкаго да три бутылки спирту горячаго, три фунта орѣховъ, три фунта свинцовыхъ пуль да три пучка свѣчъ воску яраго». — «Хорошо, все будетъ готово!» Солдатъ дождался вечера, купилъ себѣ скрипку и пошелъ къ королевнѣ, зажёгъ въ ея горницахъ свѣчи, началъ пить-гулять, на скрипочкѣ играть. Въ полночь приходитъ нечистой, услыхалъ музыку и бросился къ солдату: «Здравствуй, братъ!» — «Здорово!» — «Что ты пьешь?» — «Квасокъ потягиваю». — «Дай-ка мнѣ!» — «Изволь!» и поднёсъ ему полный стаканъ горячаго спирту; чортъ выпилъ — и глаза подъ лобъ закатилъ: «Эхъ, крѣпко забираетъ! дай-ка закусить чѣмъ-нибудь». — «Вотъ орѣхи, бери да закусывай!» говоритъ солдатъ, а самъ свинцовыя пули подсовываетъ. Чортъ грызъ-грызъ, только зубы поломалъ. Стали они въ карты играть; пока то да сё — время ушло, пѣтухи закричали, и нечистой пропалъ. Спрашиваетъ король королевну: «Каково ночь спала?» — «Слава Богу, спокойно!» И другая ночь такъ же прошла; а къ третьей ночи проситъ солдатъ короля: «Ваше величество! прикажите въ пятьдесятъ пудъ клещи сковать да сдѣлать три прута мѣдныхъ, три прута желѣзныхъ и три оловянныхъ». — «Хорошо, все будетъ сдѣлано!» Въ глухую полночь является нечистой: «Здравствуй, служивой! я опять къ тебѣ погулять пришёлъ». — «Здравствуй! кто не радъ веселому товарищу!» Начали пить-гулять. Нечистой увидалъ клещи и спрашиватъ: «А это что такое?» — «Да вишь король взялъ меня въ свою службу да

заставилъ музыкантовъ на скрипкѣ учить; а у нихъ у всѣхъ пальцы-то кривые — не лучше твоихъ, надо въ клещахъ выправлять». — «Ахъ, братецъ! сталъ просить нечистой: нельзя ли и мнѣ выправить пальцы? а то до сей поры не умѣю на скрипкѣ играть». — «Отчего нельзя! клади сюда пальцы». Чортъ вложилъ обѣ руки въ клещи; солдатъ прижалъ ихъ, стиснулъ, потомъ схватилъ прутья — и давай его потчевать; бьетъ да приговариваетъ: «Вотъ тебѣ купечество!» Чортъ молитъ, чортъ проситъ: «Отпусти, пожалуй! за тридцать верстъ не подойду къ дворцу!» А онъ знай бичуетъ. Прыгалъ-прыгалъ чортъ, вертѣлся-вертѣлся, насилу вырвался и говоритъ солдату: «Хоть ты и женишься на королевнѣ, а отъ моихъ рукъ не уйдешь! Только отъѣдешь за тридцать верстъ отъ города — сейчасъ захвачу тебя!» Сказалъ и исчезъ.

Вотъ женился солдатъ на королевнѣ и жилъ съ нею въ любви и согласіи; а спустя нѣсколько лѣтъ померъ король, и онъ сталъ управлять всѣмъ царствомъ. Въ одно время вышелъ новый король съ своею женою въ садъ погулять. «Ахъ, какой славной садъ!» говоритъ онъ. «Это что за садъ! отвѣчаетъ королева: есть у насъ зà городомъ другой садъ, верстъ тридцать отсюда, вотъ тамъ есть на что полюбоваться!» Король собрался и поѣхалъ туда съ королевою; только вылѣзъ онъ изъ коляски, а нечистой навстрѣчу: «Ты зачѣмъ? развѣ забылъ, что тебѣ сказано! Ну, братъ, самъ виноватъ: теперь изъ моихъ лапъ не вырвешься». — «Что дѣлать! видно, такова судьба моя! Позволь хоть съ молодой женой проститься». — «Прощайся, да поскорѣй!» . . .

92
Два Ивана-солдатскихъ сына

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ-былъ мужикъ. Пришло время — записали его въ солдаты; оставляетъ онъ жену беременную, сталъ съ нею прощаться и говоритъ: «Смотри, жена! живи хорошенько, добрыхъ людей не смѣши, домишка не разори, хозяйничай да меня жди: авось Богъ дастъ — выйду въ отставку, назадъ прійду. Вотъ тебѣ пятьдесятъ рублевъ; дочку ли, сына ли родишь — все равно, сбереги деньги до возрасту: станешь дочь выдавать замужъ — будетъ у ней приданое; а коли Богъ сына дастъ, да войдетъ онъ въ большіе года — будетъ и ему въ тѣхъ деньгахъ подспорье немалое». Попрощался съ женою и пошелъ въ походъ, куда было велѣно. Мѣсяца три погодя, родила баба двухъ близнецовъ-мальчиковъ и назвала ихъ Иванами, солдатскими сыновьями. Пошли мальчики въ ростъ: какъ пшеничное тѣсто на опарѣ, такъ кверху и тянутся. Стукнуло ребяткамъ десять лѣтъ, отдала ихъ мать въ науку; скоро они научились грамотѣ и боярскихъ и купеческихъ дѣтей зà поясъ заткнули — никто лучше ихъ не сумѣетъ ни прочитать, ни написать, ни отвѣту дать. Боярскіе и купеческіе дѣти позавидовали, и давай тѣхъ близнецовъ кажной день поколачивать да пощипывать. Говоритъ одинъ братъ другому: «Долго ли насъ колотить да щипать будутъ? Матушка и то на насъ платьица ни нашьется, шапочекъ ни накупится; что ни надѣнемъ — все товарищи въ клочки изорвутъ! Давай-ка расправляться съ ними по-своему». И согласились они другъ за друга стоять, другъ друга не выдавать. На другой день стали боярскіе и купеческіе дѣти задирать ихъ, а они — полно терпѣть! —

какъ пошли сдачу давать: тому глазъ долой, тому руку вонъ, тому голову нá сторону! Всѣхъ до единаго перебили. Тотчасъ прибѣжали караульные, связали ихъ добрыхъ мòлодцевъ и посадили въ острогъ. Дошло то дѣло до самого царя; онъ призвалъ тѣхъ мальчиковъ къ себѣ, разспросилъ про все и велѣлъ ихъ выпустить: «Они, говоритъ, не виноваты: на зачинщиковъ Богъ!» Выросли два Ивана-солдатскіе дѣти и просятъ у матери: «Матушка! не осталось ли отъ нашего родителя какихъ денегъ? Коли остались, дай намъ: мы пойдемъ въ городъ на ярмарку, купимъ себѣ по доброму коню». Мать дала имъ пятьдесятъ рублевъ — по двадцати пяти на брата, и приказываетъ: «Слушайте, дѣтушки! какъ пойдете въ городъ, отдавайте поклонъ всякому встрѣчному и поперечному». — «Хорошо, родимая!» Вотъ отправились братья въ городъ, пришли на конную, смотрятъ — лошадей много, а выбрать нé изъ чего; все не подъ стать имъ добрымъ мòлодцамъ! Говоритъ одинъ братъ другому: «Пойдемъ на другой конецъ площади; глядь-ко, что народу тамъ толпится — видимо-невидимо!» Пришли туда, протолпилися — у дубовыхъ столбовъ стоятъ два жеребца, на желѣзныхъ цѣпяхъ прикованы: одинъ на шести, другой на двѣнадцати; рвутся кони съ цѣпей, удила кусаютъ, роютъ землю копытами. Никто подойти къ нимъ близко не сможетъ. «Что твоимъ жеребцамъ цѣна будетъ?» спрашиваетъ Иванъ-солдатской сынъ у хозяина. «Не съ твоимъ, братъ, носомъ соваться сюда! Есть товаръ, да не по тебѣ; нечего и спрашивать». — «Почёмъ знать, чего не вѣдаешь! можетъ, и купимъ; надо только въ зубы посмотрѣть». Хозяинъ усмѣхнулся: «Смотри, коли головы не жаль!» Тотчасъ одинъ братъ подошелъ къ тому жеребцу, что на шести цѣпяхъ былъ прикованъ, а другой братъ — къ тому, что на двѣнадцати цѣпяхъ

держался. Стали было въ зубы смотрѣть — куда! Жеребцы поднялись на дыбы, такъ и храпятъ... Братья ударили ихъ колѣнками въ грудь — цѣпи разлетѣлись, жеребцы на пять сажёнъ отскочили, вверхъ ногами попадали. «Вона — чѣмъ хвастался! да мы эдакихъ клячей и даромъ не возьмемъ». Народъ ахаетъ, дивуется: что за сильные богатыри проявились! Хозяинъ чуть не плачетъ: жеребцы его поскакали за городъ и давай разгуливать по всему чистому полю; приступить къ нимъ — никто не рѣшается, какъ поймать — никто не придумаетъ. Сжалились надъ хозяиномъ Иваны-солдатскіе дѣти, вышли въ чистое поле, крикнули громкимъ голосомъ, молодецкимъ посвистомъ — жеребцы прибѣжали и стали на мѣстѣ словно вкопаные; тутъ надѣли на нихъ добрые мóлодцы цѣпи желѣзныя, привели ихъ къ столбамъ дубовымъ и приковали крѣпко-нàкрѣпко. Справили это дѣло и пошли домой. Идутъ путемъ-дорогою, а навстрѣчу имъ сѣдой старичокъ; позабыли они, что мать наказывала, и прошли мимо не здороваясь, да ужъ послѣ одинъ спохватился: «Ахъ, братецъ! что жъ это мы надѣлали? старичку поклона не отдали; давай нагонимъ его да поклонимся». Нагнали старика, сняли шапочки, кланяются въ поясъ и говорятъ: «Прости насъ, дѣдушка! что прошли, не здоровались. Намъ матушка строго наказывала: кто бъ на пути ни встрѣтился, всякому честь отдавать». — «Спасибо, добрые молодцы! куда васъ Богъ носилъ?» — «Въ городъ на ярмарку ходили; хотѣли купить себѣ по доброму коню, да такихъ нѣтъ, чтобъ намъ пригодились». — «Какъ же быть? нéшто подарить вамъ по лошадкѣ?» — «Ахъ, дѣдушка! если подаришь, станемъ за тебя вѣчно Бога молить». — «Ну, пойдемте!» Привелъ ихъ старикъ къ большой горѣ, отворяетъ чугунную дверь и вы-

водитъ богатырскихъ коней: «Вотъ вамъ и кони, добрые молодцы! ступайте съ Богомъ, владѣйте на здоровье!» Они поблагодарили, сѣли верхомъ и поскакали домой; пріѣхали на дворъ, привязали коней къ столбу и вошли въ избу. Начала мать спрашивать: «Что, дѣтушки, купили себѣ по лошадкѣ?» — «Купить не купили, даромъ получили». — «Куда жъ вы ихъ дѣли?» — «Возлѣ избы поставили». — «Ахъ, дѣтушки! смотрите — не увелъ бы кто!» — «Нѣтъ, матушка! не таковскіе кони: не то что увести — и подойти къ нимъ нельзя!» Мать вышла, посмотрѣла на богатырскихъ коней и залилась слезами: «Ну, сынки! вѣрно, вы не кормильцы мнѣ». На другой день просятся сыновья у матери: «Отпусти насъ въ городъ, купимъ себѣ по сабелькѣ». — «Ступайте, родимые!» Они собрались, пошли на кузницу; приходятъ къ мастеру: «Сдѣлай, говорятъ, намъ по сабелькѣ». — «Зачѣмъ дѣлать! есть готовыя; сколько угодно — берите!» — «Нѣтъ, братъ! намъ такія сабли надобны, чтобъ по триста пудовъ вѣсили». — «Эхъ, что выдумали! да кто жъ эдакую махину ворочать будетъ? Да и горна такого во всемъ свѣтѣ не найдешь!» Нечего дѣлать — пошли добрые молодцы домой и головы повѣсили; идутъ путемъ-дорогою, а навстрѣчу имъ опять тотъ же старичокъ попадается. «Здравствуйте, младые юноши!» — «Здравствуй, дѣдушка!» — «Куда ходили?» — «Въ городъ на кузницу: хотѣли купить себѣ по сабелькѣ, да такихъ нѣтъ, чтобъ намъ по рукѣ пришлись». — «Плохо дѣло! нешто подарить вамъ по сабелькѣ?» — «Ахъ, дѣдушка! коли подаришь, станемъ за тебя вѣчно Бога молить». Старичокъ привелъ ихъ къ большой горѣ, отворилъ чугунную дверь и вынесъ двѣ богатырскія сабли. Они взяли сабли, поблагодарили старика, и радостно, весело у нихъ на душѣ стало! При-

ходятъ домой, мать спрашиваетъ: «Что, дѣтушки, купили себѣ по сабелькѣ?» — «Купить не купили, даромъ получили». — «Куда жъ вы ихъ дѣли?» — «Возлѣ избы поставили». — «Смотрите, какъ бы кто не унёсъ!» — «Нѣтъ, матушка! не то что унесть, даже увезти нельзя». Мать вышла на дворъ, глянула — двѣ сабли тяжёлыя, богатырскія къ стѣнкѣ приставлены, едва избушка держится! Залилась слезами и говоритъ: «Ну, сынки! вѣрно, вы не кормильцы мнѣ». На утро Иваны-солдатскіе дѣти осѣдлали своихъ добрыхъ коней, взяли свои сабли богатырскія, приходятъ въ избу, Богу молятся, съ родной матерью прощаются: «Благослови насъ, матушка, въ путь-дорогу дальнюю». — «Будь надъ вами, дѣтушки, мое нерушимое родительское благословеніе! Поѣзжайте съ Богомъ, себя покажите, людей посмотрите; напрасно никого не обижайте, а злымъ ворогамъ не уступайте». — «Не бойся, матушка! у насъ такова поговорка есть: ѣду — не свищу, а наѣду — не спущу!» Сѣли добрые молодцы на коней и поѣхали. Близко ли — далеко, долго ли — коротко, скоро сказка сказывается, нескоро дѣло дѣлается, пріѣзжаютъ они на распутіе, и стоятъ тамъ два столба. На одномъ столбу надписано: кто вправо поѣдетъ, тотъ царемъ будетъ; на другомъ столбу надписано: кто влѣво поѣдетъ, тотъ убитъ будетъ. Остановились братья, прочитали надписи и призадумались: куда кому ѣхать? Коли обоимъ по правой дорогѣ пуститься — не честь не хвала богатырской ихъ силѣ, молодецкой удали; ѣхать одному влѣво — никому помереть не хочется! Да дѣлать-то нечего, — говоритъ одинъ изъ братьевъ другому: «Ну, братецъ! я посильнѣе тебя: давай я поѣду влѣво да посмотрю — отчего можетъ мнѣ смерть приключиться? А ты поѣзжай направо: авось Богъ дастъ — царемъ сдѣлаешься!» Стали они про-

щаться, дали другъ дружкѣ по платочку, и положили такой завѣтъ: ѣхать каждому своею дорогою, по дорогѣ столбы ставить, на тѣхъ столбахъ про себя писать для знатья для вѣдома; всякое утро утирать лицо братнинымъ платкомъ: если на платкѣ кровь окажется — значитъ брату смерть приключилася; при такой бѣдѣ ѣхать мертваго розыскивать. Разъѣхались добрые молодцы въ разныя стороны. Что вправо коня пустилъ, тотъ добрался до славнаго царства. Въ этомъ царствѣ жилъ царь съ царицею, у нихъ была дочь царевна Настасья Прекрасная. Увидалъ царь Ивана-солдатскаго сына, полюбилъ его за удаль богатырскую и, долго не думая, отдалъ за него свою дочь въ супружество, назвалъ его Иваномъ-царевичемъ и велѣлъ ему управлять всѣмъ царствомъ. Живетъ Иванъ-царевичъ въ радости, своею женою любуется, царству порядокъ даетъ да звѣриной охотой тѣшится. Въ нѣкое время сталъ онъ на охоту сбираться, на коня збрую накладывать и нашелъ въ сѣдлѣ — два пузырька съ цѣлющей и живущей водою зашито; посмотрѣлъ на тѣ пузырьки и положилъ опять въ сѣдло: «Надо, думаетъ, поберечь до поры до времени: не ровёнъ часъ — понадобятся».

А братъ его Иванъ-солдатской сынъ, что лѣвой дорòгой поѣхалъ, день и ночь скакалъ безъ устали; прошелъ мѣсяцъ, и другой, и третій, и прибылъ онъ въ незнакомое царство — прямо въ столичной городъ. Въ томъ государствѣ печаль великая: домá чёрнымъ сукномъ покрыти, люди словно сонные шатаются. Нанялъ себѣ самую худую квартиру у бѣдной старушки; и началъ ее выспрашивать: «Разскажи, бабушка, отчего такъ въ вашемъ государствѣ весь народъ припечалился и всѣ домà чёрнымъ сукномъ завѣшаны?» — «Ахъ, доброй мòлодецъ! великое горе насъ обуяло:

каждой день выходитъ изъ синяго моря, изъ-за сѣраго камня, двѣнадцатиглавой змѣй и поѣдаетъ по человѣку за единой разъ; теперь дошла очередь до царя... Есть у него три прекрасныя царевны; вотъ только сейчасъ повезли старшую на взморье — змѣю на съѣденіе». Иванъ-солдатской сынъ сѣлъ на коня и поскакалъ къ синему морю, къ сѣрому камню; на берегу стоитъ прекрасная царевна — на желѣзной цѣпи прикована. Увидала витязя и говоритъ ему: «Уходи отсюда, добрый мо̀лодецъ! Скоро прійдетъ сюда двѣнадцатиглавой змѣй; я пропаду, да и тебѣ не миновать смерти: съѣстъ тебя лютой змѣй!» — «Не бойся, красная дѣвица! авось подавится». Подошелъ къ ней Иванъ-солдатской сынъ, ухватилъ цѣпь богатырской рукою, и разорвалъ на мелкія части, словно гнилую бечёвку; послѣ прилёгъ красной дѣвицѣ на колѣни: «Ну-ка, поищи у меня въ головѣ! не столько въ головѣ ищи, сколько на̀ море смотри: какъ только туча взойдетъ, вѣтеръ зашумитъ, море всколыхается — тотчасъ разбуди меня мо̀лодца». Красная дѣвица послушалась: не столько въ головѣ ему ищетъ, сколько на̀ море смотритъ. Вдругъ туча надвинулась, вѣтеръ зашумѣлъ, море всколыхалося — изъ синя моря змѣй выходитъ, вгору подымается. Царевна разбудила Ивана солдатскаго сына; онъ всталъ, только на коня вскочилъ, а ужъ змѣй летитъ: «Ты, Ивану́шка, зачѣмъ пожаловалъ? вѣдь здѣсь мое мѣсто! Прощайся теперь съ бѣлымъ свѣтомъ да полѣзай поскорѣе самъ въ мою глотку — тебѣ жъ легче будетъ!» — «Врёшь, проклятой змѣй! не проглотишь — подавишься!» отвѣчалъ богатырь, обнажилъ свою острую саблю, размахнулся, ударилъ и срубилъ у змѣя всѣ двѣнадцать головъ; поднялъ сѣрой камень, головы положилъ подъ камень, туловище въ море бросилъ, а самъ воротился домой

къ старухѣ, наѣлся-напился, легъ спать и проспалъ трое сутокъ. Въ то время призвалъ царь водовоза: «Ступай, говоритъ, на взморье, собери хоть царевнины косточки». Водовозъ пріѣхалъ къ синему морю, видитъ — царевна жива, ни въ чемъ не вредима, посадилъ ее на телѣгу и завёзъ въ густой, дремучій лѣсъ; завёзъ въ лѣсъ — и давай ножъ точить. «Что ты дѣлать собираешься?» спрашиваетъ царевна. «Я ножъ точу, тебя рѣзать хочу!» Царевна заплакала: «Не рѣжь меня: я тебѣ никакого худа не сдѣлала». — «Скажи отцу, что я тебя отъ змѣя избавилъ, такъ помилую!» Нечего дѣлать, согласилась. Пріѣхала во дворецъ; царь обрадовался и пожаловалъ того водовоза полковникомъ. Вотъ какъ проснулся Иванъ-солдатской сынъ, позвалъ старуху, даетъ ей денегъ и проситъ: «Поди-ка, бабушка, на рынокъ, закупи что надобно, да послушай, что промежъ людьми говорится: нѣтъ ли чего новаго?» Старуха сбѣгала на рынокъ, закупила разныхъ припасовъ, послушала людскихъ вѣстей, воротилась назадъ и сказываетъ: «Идетъ въ народѣ такая молва: былъ де у нашаго царя большой обѣдъ, сидѣли за столомъ королевичи и посланники, бояре и люди именитые; втѣпоры прилетѣла въ окно каленая стрѣла и упала посерёдъ зала; къ той стрѣлѣ было письмо привязано отъ другого змѣя двѣнадцатиглаваго. Пишетъ змѣй: коли не вышлешь ко мнѣ середнюю царевну, я твое царство огнемъ сожгу, пепломъ развѣю. Нынче же повезутъ ее бѣдную къ синему морю, къ сѣрому камню». Иванъ-солдатской сынъ сейчасъ осѣдлалъ своего добраго коня, сѣлъ и поскакалъ на взморье. Говоритъ ему царевна: «Ты зачѣмъ, добрый мо́лодецъ? пущай моя очередь смерть принимать, горячую кровь проливать; а тебѣ за что пропадать?» — «Не бойся, красная дѣвица! авось Богъ спасетъ». Только успѣлъ ска-

зать, летитъ на него лютой змѣй, огнемъ палитъ, смертью грозитъ. Богатырь ударилъ его острой саблею и отсѣкъ всѣ двѣнадцать головъ; головы положилъ подъ камень, туловище въ море кинулъ, а самъ домой вернулся, наѣлся-напился и опять залёгъ спать на три дня, на три ночи. Пріѣхалъ опять водовозъ, увидалъ, что царевна жива, посадилъ ее на телѣгу, повёзъ въ дремучій лѣсъ и принялся ножъ точить. Спрашиваетъ царевна: «Зачѣмъ ты ножъ точишь?» — «А я ножъ точу, тебя зарѣзать хочу! Присягни на томъ, что скажешь отцу, какъ мнѣ надобно, такъ я тебя помилую». Царевна дала ему клятву. Онъ привезъ ее во дворецъ; царь возрадовался и пожаловалъ водовоза генеральскимъ чиномъ. Иванъ-солдатскій сынъ пробудился отъ сна на четвертыя сутки и велѣлъ старухѣ на рынокъ пойти да вѣстей послушать. Старуха сбѣгала на рынокъ, воротилась назадъ и разсказываетъ: «Третій змѣй проявился, прислалъ къ царю письмо, а въ письмѣ требуетъ: вывози де меньшую царевну на съѣденіе». Иванъ-солдатской сынъ осѣдлалъ своего добраго коня, сѣлъ и поскакалъ къ синю морю. На берегу стоитъ прекрасная царевна, на желѣзной цѣпи къ камню прикована. Богатырь ухватилъ цѣпь, тряхнулъ и разорвалъ, словно гнилую бечёвку; послѣ прилёгъ красной дѣвицѣ на колѣни: «Поищи у меня въ головѣ! не столько въ головѣ ищи, сколько на море смотри: какъ только туча взойдетъ, вѣтеръ зашумитъ, море всколыхается — тотчасъ разбуди меня молодца». Царевна начала ему въ головѣ искать . . . Вдругъ туча надвинулась, вѣтеръ зашумѣлъ, море всколыхалося — изъ синя моря змѣй выходитъ, въ гору подымается. Стала царевна будить Ивана-солдатскаго сына, толкала-толкала, нѣтъ — не просыпается; заплакала она слезно, и канула горячая слеза ему на́

щеку; отъ того богатырь проснулся, побѣжалъ къ своему коню, а доброй конь ужъ на полъ-аршина подъ собой земли выбилъ копытами. Летитъ двѣнадцатиглавой змѣй, огнемъ такъ и пышетъ; взглянулъ на богатыря и воскрикнулъ: «Хорошъ ты, пригожъ ты, доброй мòлодецъ, да не быть тебѣ живому: съѣмъ тебя и съ косточками!» — «Врёшь, проклятой змѣй! подавишься». Начали они биться смертнымъ боемъ; Иванъ-солдатской сынъ такъ быстро и сильно махалъ своей саблею, что она докрасна раскалилась: нельзя въ рукахъ держать! Возмолился онъ царевнѣ: «Спасай меня, красная дѣвица! сними съ себя дорогой платочекъ, намочи въ синёмъ морѣ и дай обернуть саблю». Царевна тотчасъ намочила свой платочекъ и подала доброму молодцу. Онъ обернулъ саблю и давай рубить змѣя; срубилъ ему всѣ двѣнадцать головъ, головы тѣ подъ камень положилъ, туловище въ море бросилъ, а самъ домой поскакалъ, наѣлся-напился и залёгъ спать на трои сутки. Царь посылаетъ опять водовоза на взморье; пріѣхалъ водовозъ, взялъ царевну и повёзъ въ дремучій лѣсъ; вынулъ ножъ и сталъ точить. «Что ты дѣлаешь?» спрашиваетъ царевна. «Ножъ точу, тебя рѣзать хочу! Скажи отцу, что я змѣя побѣдилъ, такъ помилую». Устрашилъ красную дѣвицу, поклялась говорить по его словамъ. А меньшая дочь была у царя любимая; какъ увидѣлъ ее живою, ни въ чемъ не вредимою, онъ пуще прежняго возрадовался и захотѣлъ водовоза жаловать — выдать за него замужъ меньшую царевну. Пошелъ про то слухъ по всему государству. Узналъ Иванъ-солдатской сынъ, что у царя свадьба затѣвается, и пошелъ прямо во дворецъ, а тамъ пиръ идетъ, гости пьютъ и ѣдятъ, всякими играми забавляются. Меньшая царевна глянула на Ивана-солдатскаго сына, увидала на его саблѣ свой

дорогой платочекъ, выскочила изъ-за стола, взяла его за̀ руку и стала отцу доказывать: «Государь батюшка! вотъ кто избавилъ насъ отъ змѣя лютаго, отъ смерти напрасныя; а водовозъ только зналъ ножъ точить да приговаривать: я де ножъ точу, тебя зарѣзать хочу!» Царь разгнѣвался, тутъ же приказалъ водовоза повѣсить, а царевну выдалъ замужъ за Ивана-солдатскаго сына, и было у нихъ веселье великое. Стали молодые жить-поживать да добра наживать.

Пока все это дѣялось, съ братомъ Ивана-солдатскаго сына, — съ Иваномъ-царевичемъ вотъ что случилось. Поѣхалъ онъ разъ на охоту, и попался ему олень быстроногой. Иванъ-царевичъ ударилъ по лошади и пустился за нимъ въ погоню; мчался-мчался и выѣхалъ на широкой лугъ. Тутъ олень съ глазъ пропалъ. Смотритъ царевичъ и думаетъ: куда теперь путь направить? Глядь — на томъ лугу ручеекъ протекаетъ, на водѣ двѣ сѣрыя утки плаваютъ. Прицѣлился онъ изъ ружья, выстрѣлилъ и убилъ пару утокъ; вытащилъ ихъ изъ воды, положилъ въ сумку и поѣхалъ дальше. Ѣхалъ-ѣхалъ, увидалъ бѣлокаменныя палаты, слѣзъ съ лошади, привязалъ ее къ столбу и пошелъ въ комнаты. Вездѣ пусто — нѣтъ ни единаго человѣка, только въ одной комнатѣ печь топится, на шесткѣ стоитъ сковородка, на столѣ приборъ готовъ: тарелка, и вилка, и ножъ. Иванъ-царевичъ вынулъ изъ сумки утокъ, ощипалъ, вычистилъ, положилъ на сковороду и сунулъ въ печку; зажарилъ, поставилъ на столъ, рѣжетъ да кушаетъ. Вдругъ откуда ни возьмись — является къ нему красная дѣвица — такая красавица, что ни въ сказкѣ сказать ни перомъ написать, и говоритъ ему: «Хлѣбъ-со́ль, Иванъ-царевичъ!» — «Милости просимъ, красная дѣвица!» садись со мной кушать. — «Я бы сѣла съ тобой, да боюсь: у тебя конь вол-

шебной». — «Нѣтъ, красная дѣвица! не узнала: мой волшебной конь до́ма остался, — я на простомъ пріѣхалъ». Какъ услыхала это красная дѣвица, тотчасъ начала дуться, надулась и сдѣлалась страшною львицею, разинула пасть и проглотила царевича цѣликомъ. Была то не простая дѣвица, — была то родная сестра трехъ змѣевъ, что побиты Ивано̀мъ-солдатскимъ сыномъ. Вздумалъ Иванъ-солдатской сынъ про своего брата, вынулъ платокъ изъ кармана, утёрся, смотритъ — весь платокъ въ крови. Сильно онъ запечалился: «Что за притча! Поѣхалъ мой братъ въ хорошую сторону: гдѣ бы ему царемъ быть, а онъ смерть получилъ!» Отпросился у жены и тестя и поѣхалъ на своемъ богатырскомъ конѣ разыскивать брата Ивана-царевича. Близко ли — далеко́, скоро ли — коротко, пріѣзжаетъ въ то самое государство, гдѣ его братъ проживалъ; разспросилъ про все и узналъ, что поѣхалъ де царевичъ на охоту да такъ и сгинулъ — назадъ не бывалъ. Иванъ-солдатской сынъ той же самой доро̀гою поѣхалъ охотиться; попадается и ему олень быстроногой. Пустился богатырь за нимъ въ погоню; выѣхалъ на широкій лугъ — олень съ глазъ пропалъ; смотритъ — на лугу ручеекъ протекаетъ, на водѣ двѣ утки плаваютъ. Иванъ-солдатской сынъ застрѣлилъ утокъ, пріѣхалъ въ бѣлокаменныя палаты и вошелъ въ комнаты. Вездѣ пусто, только въ одной комнатѣ печь топится, на шесткѣ сковородка стоитъ. Онъ зажарилъ утокъ, вынесъ на дворъ, сѣлъ на крылечкѣ, рѣжетъ да кушаетъ. Вдругъ является къ нему красная дѣвица: «Хлѣбъ-соль, доброй мо̀лодецъ! Зачѣмъ на дворѣ кушаешь?» Отвѣчаетъ Иванъ-солдатской сынъ: «Да въ горницѣ неохотно: на дворѣ веселѣй будетъ! Садись со мной, красная дѣвица!» — «Я бы съ радостью сѣла, да боюсь твоего коня волшебнаго». — «Полно, красавица! я на

простой лошадёнкѣ пріѣхалъ». Она сдуру и повѣрила и начала дуться, надулась страшною львицею и только хотѣла проглотить добраго молодца, какъ прибѣжалъ его волшебный конь и облапилъ ее богатырскими ногами. Иванъ-солдатской сынъ обнажилъ свою саблю острую и крикнулъ зычнымъ голосомъ: «Стой, проклятая! ты проглотила моего брата Ивана-царевича? выкинь его назадъ, не то изрублю тебя на мелкія части». Львица рыгнула и выкинула Ивана-царевича: самъ-то онъ мертвой, въ гниль пошелъ, голова облѣзла. Тутъ Иванъ-солдатской сынъ вынулъ изъ сѣдла два пузырька съ водою цѣлющею и живущею; взбрызнулъ брата цѣлющей водою — плоть-мясо срастается; взбрызнулъ живущей водою — царевичъ всталъ и говоритъ: «Ахъ, какъ же я долго спалъ!» Отвѣчаетъ Иванъ-солдатской сынъ: «Вѣкъ бы тебѣ спать, если бъ не я!» Потомъ беретъ свою саблю и хочетъ рубить львицѣ голову; она обернулась душой-дѣвицей, такою красавицей, что и разсказать нельзя, начала слезно плакать и просить прощенія. Глядя на ея красу неописанную, смиловался Иванъ-солдатской сынъ и пустилъ ее на волю вольную. Пріѣхали братья во дворецъ, сотворили трехдневной пиръ; послѣ попрощались: Иванъ-царевичъ остался въ своемъ государствѣ, а Иванъ-солдатской сынъ поѣхалъ къ своей супругѣ и сталъ съ нею поживать въ любви и согласіи.

Въ нѣкое время вышелъ Иванъ-солдатской сынъ въ чистое поле прогуляться; попадается ему навстрѣчу малой ребёнокъ и проситъ милостинку. Жалко стало доброму мòлодцу, вынулъ изъ кармана золотой и даетъ мальчику; мальчикъ принимаетъ милостину, а самъ дуется — оборотился львомъ и разорвалъ богатыря на мелкія части. Черезъ нѣсколько дней то же самое приключилось и съ Иваномъ-царевичемъ:

вышелъ онъ въ садъ прогуляться, а навстрѣчу ему старичокъ, низко кланяется и проситъ милостинку; царевичъ подаетъ ему золотой. Старикъ принимаетъ милостину, а самъ дуется — обернулся львомъ, схватилъ Ивана-царевича и разорвалъ на кусочки. Такъ и сгинули сильномогучіе богатыри, — извела ихъ сестра змѣиная.

93
Кощей Безсмертный

(с) Жилъ-былъ царь, у него былъ одинъ сынъ. Когда царевичъ былъ малъ, то мамки и няньки его прибаюкивали: «Баю-баю, Иванъ-царевичъ! выростешь большой, найдешь себѣ невѣсту: за тридевять земель, въ тридесятомъ государствѣ сидитъ въ башнѣ Василиса Кирбитьевна — изъ косточки въ косточку мозжечокъ переливается». Минуло царевичу пятнадцать лѣтъ, сталъ у отца проситься поѣхать-поискать свою невѣсту. «Куда ты поѣдешь? ты еще слишкомъ малъ!» — «Нѣтъ, батюшка! когда я малъ былъ, мамки и няньки меня прибаюкивали и сказывали, гдѣ живетъ моя невѣста; а теперь я поѣду ее розыскивать». Отецъ благословилъ его и далъ знать по всѣмъ государствамъ, что сынъ его Иванъ-царевичъ поѣхалъ за невѣстою. Вотъ пріѣзжаетъ царевичъ въ одинъ городъ, отдалъ убрать свою лошадь, а самъ пошелъ по улицамъ погулять. Идетъ и видитъ — на площади человѣка кнутомъ наказываютъ. «За что, спрашиваетъ, вы его кнутомъ бьете?» — «А за то, говорятъ, что задолжалъ онъ одному именитому купцу десять тысячъ, да въ срокъ не выплатилъ; а кто его выкупитъ, у того Кощей Безсмертной жену унесетъ». Вотъ царевичъ подумалъ-подумалъ — и прочь пошелъ. Погулялъ по городу,

выходитъ опять на площадь, а того человѣка все бьютъ; жалко стало Ивану-царевичу и рѣшился онъ его выкупить: «У меня, думаетъ, жены нѣту, — отнять у меня некого». Заплатилъ десять тысячъ и пошелъ домой; вдругъ бѣжитъ за нимъ тотъ самой человѣкъ, котораго онъ выкупилъ, и кричитъ ему: «Спасибо, Иванъ-царевичъ! если бъ ты меня не выкупилъ, ввѣкъ бы не досталъ своей невѣсты. А теперь я помогу; купи мнѣ скорѣе лошадь и сѣдло». Царевичъ купилъ ему и лошадь и сѣдло и спрашиваетъ: «А какъ твое имя?» — «Меня зовутъ Булатъ-молодецъ». Сѣли они на коней и поѣхали въ путь-дорогу; какъ только пріѣхали въ тридесятое государство, говоритъ Булатъ-молодецъ: «Ну, Иванъ-царевичъ, прикажи купить да пожарить куръ, утокъ, гусей, — чтобы всего было довольно! а я пойду твою невѣсту доставать. Да смотри: всякой разъ, какъ я забѣгу къ тебѣ, ты рѣжь у любой птицы правое крылушко и подавай на тарелочкѣ». Пошелъ Булатъ-молодецъ прямо къ высокой башнѣ, гдѣ сидѣла Василиса Кирбитьевна, бросилъ полегоньку камушекъ и сломилъ у башни золоченой верхъ. Прибѣгаетъ къ Ивану-царевичу, говоритъ ему: «Что ты спишь? подавай курицу». Тотъ отрѣзалъ правое крылушко и подалъ на тарелочкѣ. Булатъ-молодецъ взялъ тарелочку, побѣжалъ къ башнѣ и закричалъ: «Здравствуйте, Василиса Кирбитьевна! Иванъ-царевичъ приказалъ кланяться и просилъ меня отдать вамъ эту курочку». Она испугалась, сидитъ — ничего не говоритъ; а онъ самъ за нее отвѣчаетъ: «Здравствуй, Булатъ-молодецъ! здоровъ ли Иванъ-царевичъ?» — «Слава Богу, здоровъ!» — «А что же ты, Булатъ-молодецъ, стоишь? возьми ключикъ, отопри шкапчикъ, выпей рюмку водочки и ступай съ Богомъ». Прибѣгаетъ Булатъ-молодецъ къ Ивану-царевичу: «Что сидишь? говоритъ, подавай

утку». Тотъ отрѣзалъ правое крылушко, подалъ на тарелочкѣ. Булатъ взялъ тарелочку и понёсъ къ башнѣ: «Здравствуйте, Василиса Кирбитьевна! Иванъ-царевичъ приказалъ кланяться и прислалъ вамъ эту уточку». Она сидитъ — ничего не говоритъ, а онъ самъ за нее отвѣчаетъ: «Здравствуй, Булатъ-молодецъ! здоровъ ли царевичъ?» — «Слава Богу, здоровъ!» — «А что же ты, Булатъ-молодецъ, стоишь? возьми ключикъ, отопри шкапчикъ, выпей рюмочку и ступай съ Богомъ». Прибѣгаетъ Булатъ-молодецъ домой и опять говоритъ Ивану-царевичу: «Что сидишь? подавай гуся». Тотъ отрѣзалъ правое крылушко, положилъ на тарелочку и подалъ ему. Булатъ-молодецъ взялъ и понёсъ къ башнѣ: «Здравствуйте, Василиса Кирбитьевна! Иванъ-царевичъ приказалъ кланяться и прислалъ вамъ гуся». Василиса Кирбитьевна тотчасъ беретъ ключъ, отпираетъ шкапъ и подаетъ ему рюмку водочки. Булатъ-молодецъ не берется за рюмку, а хватаетъ дѣвицу за правую руку; вытащилъ ее изъ башни, посадилъ къ Ивану-царевичу на̀ лошадь, и поскакали они, добрые мо̀лодцы, съ душой-красной дѣвицей во всю конскую прыть. Поутру встаетъ-просыпается царь Кирбитъ, видитъ, что у башни верхъ сломанъ, а дочь его похищена, сильно разгнѣвался и приказалъ послать погоню по всѣмъ путямъ и дорогамъ. Много ли, мало ли ѣхали наши витязи — Булатъ-молодецъ снялъ съ своей руки перстень, спряталъ его и говоритъ: «Поѣзжай, Иванъ-царевичъ! а я назадъ ворочусь, поищу перстень». Василиса Кирбитьевна начала его упрашивать: «Не оставляй насъ, Булатъ-молодецъ! хочешь, я тебѣ свой перстень подарю». Онъ отвѣчаетъ: «Никакъ нельзя, Василиса Кирбитьевна! моему перстню цѣны нѣтъ: мнѣ дала его родная матушка; какъ давала — приговаривала: носи не теряй,

мать не забывай!» Поскакалъ Булатъ-молодецъ назадъ и повстрѣчалъ на дорогѣ погоню; онъ тотчасъ всѣхъ перебилъ, оставилъ только единаго человѣка, чтобъ было кому царя повѣстить, а самъ поспѣшилъ нагнать Ивана-царевича. Много ли, мало ли они ѣхали — Булатъ-молодецъ запряталъ свой платокъ и говоритъ: «Ахъ, Иванъ-царевичъ! Я платокъ потерялъ; поѣзжайте вы путемъ-дорогою, я васъ скоро опять нагоню». Повернулъ назадъ, отъѣхалъ нѣсколько верстъ и повстрѣчалъ погоню вдвое больше, перебилъ всѣхъ и вернулся къ Ивану-царевичу. Тотъ спрашиваетъ: «Нашелъ ли платокъ?» — «Нашелъ». Настигла ихъ темная ночь; раскинули они шатёръ; Булатъ-молодецъ лёгъ спать, а Ивана-царевича на караулъ поставилъ и говоритъ ему: «Каковъ случай — разбуди меня!» Тотъ стоялъ-стоялъ — утомился, началъ клонить его сонъ, онъ присѣлъ у шатра и заснулъ. Откуда ни взялся Кощей Безсмертной — унёсъ Василису Кирбитьевну. На зарѣ очнулся Иванъ-царевичъ; видитъ, что нѣтъ его невѣсты, и горько заплакалъ. Просыпается и Булатъ-молодецъ, спрашиваетъ его: «О чемъ плачешь?» — «Какъ мнѣ не плакать? кто-то унёсъ Василису Кирбитьевну». — «Я же тебѣ говорилъ: стой на караулѣ! Это дѣло Кощея Безсмертнаго; поѣдемъ искать». Долго-долго они ѣхали, смотрятъ — два пастуха стадо пасутъ. «Чье это стадо?» Пастухи отвѣчаютъ: «Кощея Безсмертнаго». Булатъ-молодецъ и Иванъ-царевичъ выспросили пастуховъ: далеко ль Кощей живетъ, какъ туда проѣхать, когда они со стадомъ домой ворочаются и куда его запираютъ? Потомъ слѣзли съ лошадей, свернули пастухамъ головы, нарядились въ ихъ платье и погнали стадо домой; пригнали и стали у воротъ. У Ивана-царевича былъ на рукѣ золотой перстень — Василиса Кир-

битьевна ему подарила; а у Василисы Кирбитьевны была коза — отъ той козы молокомъ она и утромъ и вечеромъ умывалась. Прибѣжала дѣвушка съ чашкою, подоила козу и несетъ молоко; а Булатъ-молодецъ взялъ у царевича перстень и бросилъ въ чашку. «Э, голубчики! говоритъ дѣвушка: вы озорничать стали!» Приходитъ къ Василисѣ Кирбитьевнѣ и жалуется: «Нониче пастухи надъ нами насмѣхаются: бросили въ молоко перстень!» Та отвѣчаетъ: «Оставь молоко, я сама процѣжу». Стала цѣдить, увидала свой перстень и велѣла послать къ себѣ пастуховъ. Пастухи пришли. «Здравствуйте, Василиса Кирбитьевна!» говоритъ Булатъ-молодецъ. «Здравствуй, Булатъ-молодецъ! здравствуй, царевичъ! Какъ васъ Богъ сюда занёсъ?» — «За вами, Василиса Кирбитьевна, пріѣхали; вы отъ насъ нигдѣ не скроетесь: хоть на днѣ моря — и то отыщемъ!» Она ихъ за столъ усадила, всякими яствами накормила и винами напоила. Говоритъ ей Булатъ-молодецъ: «Какъ пріѣдетъ Кощей съ охоты, разспросите его, Василиса Кирбитьевна: гдѣ его смерть? А теперь не худо намъ спрятаться». Только-что гости успѣли спрятаться, прилетаетъ съ охоты Кощей Безсмертной: «Фу-фу! говоритъ, прежде русскаго духа слыхомъ было не слыхать, видомъ не видать, а нониче русской духъ воочью является, въ уста бросается». Отвѣчаетъ ему Василиса Кирбитьевна: «Самъ ты по Руси налетался, русскаго духу нахватался, такъ онъ тебѣ и здѣсь чудится!» Кощей пообѣдалъ и легъ отдыхать; пришла къ нему Василиса Кирбитьевна, кинулась на шею, миловала-цѣловала, сама приговаривала: «Другъ ты мой милой! насилу дождалась тебя; ужъ не чаяла въ живыхъ увидать — думала, что тебя лютые звѣри съѣли!» Кощей засмѣялся: «Дура-баба! волосъ дологъ, да умъ коротокъ; развѣ могутъ меня лютые звѣри

съѣсть?» — «Да гдѣ же твоя смерть?» — «Смерть моя въ голикѣ подъ порогомъ валяется». Какъ скоро Кощей улетѣлъ, Василиса Кирбитьевна побѣжала къ Ивану-царевичу. Спрашиваетъ ее Булатъ-молодецъ: «Ну, гдѣ смерть Кощеева?» — «Въ голикѣ подъ порогомъ валяется». — «Нѣтъ, это онъ нарочно врётъ! надо разспросить его похитрѣе». Василиса Кирбитьевна тотчасъ придумала: взяла голикъ, вызолотила, разными лентами украсила и положила на столъ. Вотъ прилетѣлъ Кощей Безсмертной, увидалъ на столѣ вызолоченной голикъ и спрашиваетъ: зачѣмъ это сдѣлано? «Какъ же можно, отвѣчала Василиса Кирбитьевна: чтобъ твоя смерть подъ порогомъ валялась; пусть лучше на столѣ лежитъ!» — «Ха-ха-ха, баба-дура! волосъ длиненъ, да умъ коротокъ; развѣ здѣсь моя смерть?» — «А гдѣ же?» — «Моя смерть въ козлѣ запрятана». Василиса Кирбитьевна, какъ только Кощей на охоту уѣхалъ, взяла-убрала козла лентами да бубенчиками, а рога ему вызолотила. Кощей увидалъ, опять разсмѣялся: «Эхъ, баба-дура! волосъ длиненъ, да умъ коротокъ; моя смерть далеча: на морѣ на окіанѣ есть островъ, на томъ островѣ дубъ стоитъ, подъ дубомъ сундукъ зарытъ, въ сундукѣ — заяцъ, въ зайцѣ — утка, въ уткѣ — яйцо, а въ яйцѣ — моя смерть!» Сказалъ — и улетѣлъ. Василиса Кирбитьевна пересказала все это Булату-молодцу да Ивану-царевичу; они взяли съ собой запасъ и пошли отыскивать Кощееву смерть. Долго ли, коротко ли шли, запасъ весь прiѣли и начали голодать. Попадается имъ собака со щенятами. «Я ее убью, говоритъ Булатъ-молодецъ: намъ ѣсть больше нечего». — «Не бей меня, проситъ собака: не дѣлай моихъ дѣтокъ сиротами: я тебѣ сама пригожусь!» — «Ну, Богъ съ тобой!» Идутъ дальше — сидитъ на дубу орелъ съ орлятами. Говоритъ Булатъ-молодецъ: «Я

убью орла!» Отвѣчаетъ орелъ: «Не бей меня, не дѣлай моихъ дѣтокъ сиротами: я тебѣ самъ пригожусь!» — «Такъ и быть, живи на здоровье!» Подходятъ къ окіанъ-морю широкому; на берегу ракъ ползетъ. Говоритъ Булатъ-молодецъ: «Я его пришибу!» Отвѣчаетъ ракъ: «Не бей меня, доброй мо̀лодецъ! во мнѣ корысти немного, хоть съѣшь — сытъ не будешь. Прійдетъ время — я самъ тебѣ пригожусь!» — «Ну, ползи съ Богомъ!» сказалъ Булатъ-молодецъ, посмотрѣлъ на̀ море, увидалъ рыбака въ лодкѣ и крикнулъ: «Причаливай къ берегу!» Рыбакъ подалъ лодку; Иванъ-царевичъ да Булатъ-молодецъ сѣли и поѣхали къ острову; добрались до острова и пошли къ дубу. Булатъ-молодецъ ухватилъ дубъ могучими руками и съ корнемъ вырвалъ; досталъ изъ-подъ дуба сундукъ, открылъ его — изъ сундука заяцъ выскочилъ и побѣжалъ что есть духу. «Ахъ, вымолвилъ Иванъ-царевичъ: если бъ на эту по́ру да собака была, она бъ зайца поймала!» Глядь — а собака ужъ тащитъ зайца. Булатъ-молодецъ взялъ его, разорвалъ — изъ зайца вылетѣла утка и высоко поднялась въ поднебесье. «Ахъ, вымолвилъ Иванъ-царевичъ: если бъ на эту по́ру да орелъ былъ, онъ бы утку поймалъ!» А орелъ ужъ несетъ утку. Булатъ-молодецъ разорвалъ утку — изъ утки выкатилось яйцо и упало въ море. «Ахъ, сказалъ царевичъ: если бъ ракъ его вытащилъ!» А ракъ ужъ ползетъ, яйцо тащитъ. Взяли они яйцо, пріѣхали къ Кощею Безсмертному, ударили его тѣмъ яйцомъ въ лобъ — онъ тотчасъ растянулся и умеръ. Бралъ Иванъ-царевичъ Василису Кирбитьевну, и поѣхали въ дорогу.

Ѣхали-ѣхали; настигла ихъ темная ночь, раскинули шатёръ, Василиса Кирбитьевна спать легла. Говоритъ Булатъ-молодецъ: «Ложись и ты, царевичъ, а я буду

на часахъ стоять». Въ глухую полночь прилетѣли двѣнадцать голубицъ, ударились крыло въ крыло и сдѣлались двѣнадцать дѣвицъ: «Ну, Булатъ-молодецъ да Иванъ-царевичъ! убили вы нашего брата Кощея Безсмертнаго, увезли нашу невѣстушку Василису Кирбитьевну; не будетъ и вамъ добра: какъ пріѣдетъ Иванъ-царевичъ домой, велитъ вывести свою собачку любимую, — она вырвется у псаря и разорветъ царевича на мелкія части; а кто это слышитъ да ему скажетъ, тотъ по колѣна будетъ каменной!» Поутру Булатъ-молодецъ разбудилъ царевича и Василису Кирбитьевну, собрались и поѣхали въ путь-дорогу. Настигла ихъ вторая ночь; раскинули шатёръ въ чистомъ полѣ. Опять говоритъ Булатъ-молодецъ: «Ложись спать. Иванъ-царевичъ, а я буду караулить». Въ глухую полночь прилетѣли двѣнадцать голубицъ, ударились крыло въ крыло и стали двѣнадцать дѣвицъ: «Ну, Булатъ-молодецъ да Иванъ-царевичъ! убили вы нашего брата Кощея Безсмертнаго, увезли нашу невѣстушку Василису Кирбитьевну, не будетъ и вамъ добра: какъ пріѣдетъ Иванъ-царевичъ домой, велитъ вывести своего любимаго коня, на которомъ сызмала привыкъ кататься, конь вырвется у конюха и убьетъ царевича до̀ смерти. А кто это слышитъ да ему скажетъ, тотъ будетъ по поясъ каменной!» Настало утро, опять поѣхали. Настигла ихъ третья ночь; разбили шатёръ и остановились ночевать въ чистомъ полѣ. Говоритъ Булатъ-молодецъ: «Ложись спать, Иванъ-царевичъ, а я караулить буду». Опять въ глухую полночь прилетѣли двѣнадцать голубицъ, ударились крыло въ крыло и стали двѣнадцать дѣвицъ: «Ну, Булатъ-молодецъ да Иванъ-царевичъ! убили вы нашего брата Кощея Безсмертнаго, увезли нашу невѣстушку Василису Кирбитьевну, да и вамъ добра не нажить: какъ прі-

ѣдетъ Иванъ-царевичъ домой, велитъ вывести свою любимую корову, отъ которой сызмала молочкомъ питался; она вырвется у скотника и подниметъ царевича на рога. А кто насъ видитъ и слышитъ, да ему скажетъ, тотъ весь будетъ каменной». Сказали, обернулись голубицами и улетѣли. Поутру проснулся Иванъ-царевичъ съ Василисой Кирбитьевной и отправились въ дорогу. Пріѣхалъ царевичъ домой, женился на Василисѣ Кирбитьевнѣ и, спустя день или два говоритъ ей: «Хочешь, я покажу тебѣ мою любимую собачку? Когда я былъ маленькой — все съ ней забавлялся». Булатъ-молодецъ взялъ свою саблю, наточилъ остро-остро и сталъ у крыльца. Вотъ ведутъ собачку; она вырвалась у псаря, прямо на крыльцо бѣжитъ, а Булатъ-молодецъ махнулъ саблею и разрубилъ ее пополамъ. Иванъ-царевичъ на него разгнѣвался, да за старую службу промолчалъ — ничего не сказалъ. На другой день приказалъ онъ вывесть своего любимаго коня; конь перервалъ арканъ, вырвался у конюха и скачетъ прямо на царевича. Булатъ-молодецъ отрубилъ коню голову. Иванъ-царевичъ еще пуще разгнѣвался, приказалъ было схватить его и повѣсить; да Василиса Кирбитьевна упросила: «Если бъ не онъ, говоритъ, ты бъ меня никогда не досталъ!» На третій день велѣлъ Иванъ-царевичъ вывесть свою любимую корову; она вырвалась у скотника и бѣжитъ прямо на царевича. Булатъ-молодецъ отрубилъ и ей голову. Тутъ Иванъ-царевичъ такъ озлобился, что никого и слушать не сталъ; приказалъ позвать палача и немедленно казнить Булата-молодца. «Ахъ, Иванъ-царевичъ! коли ты хочешь меня палачомъ казнить, такъ лучше я самъ помру. Позволь только три рѣчи сказать» . . . Разсказалъ Булатъ-молодецъ про первую ночь, какъ въ чистомъ

полѣ прилетали двѣнадцать голубицъ и что̀ ему говорили — и тотчасъ окаменѣлъ по колѣна; разсказалъ про другую ночь — и окаменѣлъ по поясъ. Тутъ Иванъ-царевичъ началъ его упрашивать, чтобъ до конца не договаривалъ. Отвѣчаетъ Булатъ-молодецъ: «Теперь все равно — на половину окаменѣлъ, такъ не сто̀итъ жить!» Разсказалъ про третью ночь — и оборотился весь въ камень. Иванъ-царевичъ поставилъ его въ особой палатѣ и каждой день сталъ ходить туда съ Василисой Кирбитьевной да горько плакаться. Много прошло годовъ; разъ какъ-то плачется Иванъ-царевичъ надъ каменнымъ Булатомъ-молодцомъ и слышитъ — изъ камня голосъ раздается: «Что ты плачешь? мнѣ и такъ тяжело!» — «Какъ мнѣ не плакать? вѣдь я тебя загубилъ». — «Если хочешь, можешь меня спасти: у тебя есть двое дѣтей — сынъ да дочь, возьми ихъ, зарѣжь, нацѣди крови и той кровью помажь камень». Иванъ-царевичъ разсказалъ про то Василисѣ Кирбитьевнѣ; потужили они, погоревали и рѣшились зарѣзать своихъ дѣтей. Взяли ихъ — зарѣзали, нацѣдили крови и только помазали камень — какъ Булатъ-молодецъ ожилъ. Спрашиваетъ онъ у царевича и его жены: «Что, вамъ жалко своихъ дѣтокъ?» — «Жалко, Булатъ-молодецъ!» — «Ну, пойдемте въ ихъ комнаты». Пришли, смотрятъ — а дѣти живы! Отецъ съ матерью обрадовались и на радостяхъ задали пиръ на весь міръ. На томъ пиру и я былъ, медъ и вино пилъ, по усамъ текло, въ ротъ не попало, на душѣ пьяно и сытно стало.

94
Марья Моревна

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ-былъ Иванъ-царевичъ; у него было три сестры:

одна Марья-царевна, другая Ольга-царевна, третья Анна-царевна. Отецъ и мать у нихъ померли; умирая, они сыну наказывали: «Кто первой за твоихъ сестеръ станетъ свататься, за того и отдавай — при себѣ не держи долго!» Царевичъ похоронилъ родителей и съ горя пошелъ съ сестрами во зеленой садъ погулять. Вдругъ находитъ на небо туча чёрная, встаетъ гроза страшная. «Пойдемте, сестрицы, домой!» говоритъ Иванъ-царевичъ. Только пришли во дворецъ — какъ грянулъ громъ, раздвоился потолокъ и влетѣлъ къ нимъ въ горницу ясёнъ соколъ; ударился соколъ объ полъ, сдѣлался добрымъ молодцемъ и говоритъ: «Здравствуй, Иванъ-царевичъ! прежде я ходилъ гостемъ, а теперь пришелъ сватомъ: хочу у тебя сестрицу Марью-царевну посватать». — «Коли любъ ты сестрицѣ, я ея не унимаю — пусть съ Богомъ идетъ!» Марья-царевна согласилась; соколъ женился и унёсъ ее въ свое царство. Дни идутъ за днями, часы бѣгутъ за часами — цѣлаго года какъ не бывало; пошелъ Иванъ-царевичъ съ двумя сестрами во зеленой садъ погулять. Опять встаетъ туча съ вихремъ, съ молніей. «Пойдемте, сестрицы, домой!» говоритъ царевичъ. Только пришли во дворецъ — какъ ударилъ громъ, распалася крыша, раздвоился потолокъ и влетѣлъ орелъ; ударился орелъ объ полъ и сдѣлался добрымъ молодцемъ: «Здравствуй, Иванъ-царевичъ! прежде я гостемъ ходилъ, а теперь пришелъ сватомъ». И посваталъ Ольгу-царевну. Отвѣчаетъ Иванъ-царевичъ: «Если ты любъ Ольгѣ-царевнѣ, то пусть за тебя идетъ; я съ нея воли не снимаю». Ольга-царевна согласилась и вышла за орла замужъ; орелъ подхватилъ ее и унёсъ въ свое царство. Прошелъ еще одинъ годъ; говоритъ Иванъ-царевичъ своей младшей сестрицѣ: «Пойдемъ, во зеленомъ саду погуляемъ!» Погуляли немножко; опять встаетъ туча

съ вихремъ, съ молніей. «Вернемся, сестрица, домой!» Вернулись домой, не успѣли сѣсть — какъ ударилъ громъ, раздвоился потолокъ и влетѣлъ воронъ; ударился воронъ объ полъ и сдѣлался добрымъ молодцемъ: прежніе были хороши собой, а этотъ еще лучше. «Ну, Иванъ-царевичъ! прежде я гостемъ ходилъ, а теперь пришелъ сватомъ: отдай за меня Анну-царевну». — «Я съ сестрицы воли не снимаю; коли ты полюбился ей, пусть идетъ за тебя». Вышла за ворона Анна-царевна, и унёсъ онъ ее въ свое государство. Остался Иванъ-царевичъ одинъ; цѣлый годъ жилъ безъ сестеръ, и сдѣлалось ему скучно. «Пойду, говоритъ, искать сестрицъ». Собрался въ дорогу, шелъ-шелъ и видитъ — лежитъ въ полѣ рать-сила побитая. Спрашиваетъ Иванъ-царевичъ: «Коли есть тутъ живъ человѣкъ — озовися! кто побилъ это войско великое?» Отозвался ему живъ человѣкъ: «Все это войско великое побила Марья Моревна, прекрасная королевна». Пустился Иванъ-царевичъ дальше, наѣзжалъ на шатры бѣлые, выходила къ нему навстрѣчу Марья Моревна, прекрасная королевна: «Здравствуй, царевичъ, куда тебя Богъ несетъ — по волѣ, аль по неволѣ?» Отвѣчалъ ей Иванъ-царевичъ: «Добрые молодцы по неволѣ не ѣздятъ!» — «Ну, коли дѣло не къ спѣху, погости у меня въ шатрахъ». Иванъ-царевичъ тому и радъ, двѣ ночи въ шатрахъ ночевалъ, полюбился Марьѣ Моревнѣ и женился на ней. Марья Моревна, прекрасная королевна, взяла его съ собой въ свое государство; пожили они вмѣстѣ сколько-то времени, и вздумалось королевнѣ на войну собираться; покидаетъ она на Ивана-царевича все хозяйство и приказываетъ: «Вездѣ ходи, за всѣмъ присматривай; только въ этотъ чуланъ не моги заглядывать!» Онъ не вытерпѣлъ: какъ только Марья Моревна уѣхала, тотчасъ бросился въ чуланъ,

отворилъ дверь, глянулъ — а тамъ виситъ Кощей Безсмертной, на двѣнадцати цѣпяхъ прикованъ. Проситъ Кощей у Ивана-царевича: «Сжалься надо мной, дай мнѣ напиться! десять лѣтъ я здѣсь мучаюсь, не ѣлъ не пилъ — совсѣмъ въ горлѣ пересохло!» Царевичъ подалъ ему цѣлое ведро воды; онъ выпилъ и еще запросилъ: «Мнѣ однимъ ведромъ не залить жажды: дай еще!» Царевичъ подалъ другое ведро; Кощей выпилъ и запросилъ третье, а какъ выпилъ третье ведро — взялъ свою прежнюю силу, тряхнулъ цѣпями и сразу всѣ двѣнадцать порвалъ. «Спасибо, Иванъ-царевичъ! сказалъ Кощей Безсмертной: теперь тебѣ никогда не видать Марьи Моревны, какъ ушей своихъ!» и страшнымъ вихремъ вылетѣлъ въ окно, нагналъ на дорогѣ Марью Моревну, прекрасную королевну, подхватилъ ее и унёсъ къ себѣ. А Иванъ-царевичъ горько-горько заплакалъ, снарядился и пошелъ въ путь-дорогу: «Что ни будетъ, а розыщу Марью Моревну!» Идетъ день, идетъ другой, на разсвѣтѣ третьяго видитъ чудесной дворецъ, у дворца дубъ стоитъ, на дубу ясёнъ соколъ сидитъ. Слетѣлъ соколъ съ дуба, ударился оземь, обернулся добрымъ молодцемъ и закричалъ: «Ахъ, шуринъ мой любезной! какъ тебя Господь милуетъ?» Выбѣжала Марья-царевна, встрѣла Ивана-царевича радостно, стала про его здоровье разспрашивать, про свое житье-бытье разсказывать. Погостилъ у нихъ царевичъ три дня и говоритъ: «Не могу у васъ гостить долго; я иду искать жену мою Марью Моревну, прекрасную королевну». — «Трудно тебѣ сыскать ее, отвѣчаетъ соколъ. Оставь здѣсь на всякой случай свою серебряную ложку: будемъ на нее смотрѣть, про тебя вспоминать». Иванъ-царевичъ оставилъ у сокола свою серебряную ложку и пошелъ въ дорогу. Шелъ онъ день, шелъ другой, на

разсвѣтѣ третьяго видитъ дворецъ еще лучше перваго, возлѣ дворца дубъ стоитъ, на дубу орелъ сидитъ. Слетѣлъ орелъ съ дерева, ударился ѻземь, обернулся добрымъ молодцемъ и закричалъ: «Вставай, Ольга-царевна, милой нашъ братецъ идетъ». Ольга-царевна тотчасъ прибѣжала навстрѣчу, стала его цѣловать-обнимать, про здоровье разспрашивать, про свое житье-бытье разсказывать. Иванъ-царевичъ погостилъ у нихъ три денька и говоритъ: «Дольше гостить мнѣ некогда: я иду искать жену мою Марью Моревну, прекрасную королевну». Отвѣчаетъ орелъ: «Трудно тебѣ сыскать ее. Оставь у насъ серебряную вилку: будемъ на нее смотрѣть, тебя вспоминать». Онъ оставилъ серебряную вилку и пошелъ въ дорогу. День шелъ‘ другой шелъ, на разсвѣтѣ третьяго видитъ дворецъ лучше первыхъ двухъ, возлѣ дворца дубъ стоитъ, на дубу воронъ сидитъ. Слетѣлъ воронъ съ дуба, ударился ѻземь, обернулся добрымъ молодцемъ и закричалъ: «Анна-царевна! поскорѣй выходи, нашъ братецъ идетъ». Выбѣжала Анна-царевна, встрѣла его радостно, стала цѣловать-обнимать, про здоровье разспрашивать, про свое житье-бытье разсказывать. Иванъ-царевичъ погостилъ у нихъ три денька, и говоритъ: «Прощайте! пойду жену искать — Марью Моревну, прекрасную королевну». Отвѣчаетъ воронъ: «Трудно тебѣ сыскать ее; оставь-ка у насъ серебряную табакерку: будемъ на нее смотрѣть, тебя вспоминать». Царевичъ отдалъ ему серебряную табакерку, попрощался и пошелъ въ дорогу. День шелъ, другой шелъ, а на третій добрался до Марьи Моревны. Увидала она своего милаго, бросилась къ нему на шею, залилась слезами и промолвила: «Ахъ, Иванъ-царевичъ! зачѣмъ ты меня не послушался — посмотрѣлъ въ чуланъ и выпустилъ Кощея Безсмертнаго?» — «Прости, Марья

Моревна! не поминай стараго, лучше поѣдемъ со мной, пока не видать Кощея Безсмертнаго; авось не догонитъ!» Собрались и уѣхали. А Кощей на охотѣ былъ; къ вечеру онъ домой ворочается, подъ нимъ доброй конь спотыкается. «Что ты, несытая кляча, спотыкаешься? али чуешь какую невзгоду?» Отвѣчаетъ конь: «Иванъ-царевичъ приходилъ, Марью Моревну увезъ». — «А можно ли ихъ догнать?» — «Можно пшеницы насѣять, дождаться, пока она выраститъ, сжать ее, смолотить, въ мукỳ обратить, пять печей хлѣба наготовить, тотъ хлѣбъ поѣсть да тогда въ догонь ѣхать — и то поспѣемъ!» Кощей поскакалъ, догналъ Ивана-царевича: «Ну, говоритъ, первой разъ тебя прощаю за твою доброту, что водой меня напоилъ, и въ другой разъ прощу, а въ третій берегись — на куски изрублю!» Отнялъ у него Марью Моревну и увезъ; а Иванъ-царевичъ сѣлъ на камень и заплакалъ. Поплакалъ-поплакалъ и опять воротился назадъ за Марьей Моревною; Кощея Безсмертнаго дома не случилося. «Поѣдемъ, Марья Моревна!» — «Ахъ, Иванъ-царевичъ! онъ насъ догонитъ». — «Пускай догонитъ; мы хоть часокъ-другой проведемъ вмѣстѣ». Собрались и уѣхали. Кощей Безсмертной домой возвращается, подъ нимъ доброй конь спотыкается. «Что ты, несытая кляча, спотыкаешься? али чуешь какую невзгоду?» — «Иванъ-царевичъ приходилъ, Марью Моревну съ собой взялъ». — «А можно ли догнать ихъ?» — «Можно ячменю насѣять, подождать, пока онъ выраститъ, сжать-смолотить, пива наварить, дòпьяну напиться, до отвалу выспаться да тогда въ догонь ѣхать — и то поспѣемъ!» Кощей поскакалъ, догналъ Ивана-царевича: «Вѣдь я жъ говорилъ, что тебѣ не видать Марьи Моревны, какъ ушей своихъ!» Отнялъ ее и увезъ къ себѣ. Остался Иванъ-царевичъ одинъ, поплакалъ-

поплакалъ и опять воротился за Марьей Моревною; на ту пору Кощея дома не случилося. «Поѣдемъ, Марья Моревна!» — «Ахъ, Иванъ-царевичъ! вѣдь онъ догонитъ, тебя въ куски изрубитъ». — «Пускай изрубитъ! я безъ тебя жить не могу». Собрались и поѣхали. Кощей Безсмертной домой возвращается, подъ нимъ доброй конь спотыкается. «Что ты спотыкаешься? али чуешь какую невзгоду?» — «Иванъ-царевичъ приходилъ, Марью Моревну съ собой взялъ». Кощей поскакалъ, догналъ Ивана-царевича, изрубилъ его въ мелкіе куски и поклалъ въ смоленую бочку; взялъ эту бочку, скрѣпилъ желѣзными обручами и бросилъ въ синее море, а Марью Моревну къ себѣ увёзъ. Въ то самое время у зятьевъ Ивана-царевича серебро почернѣло. «Ахъ, говорятъ они: видно бѣда приключилася!» Орелъ бросился на синё море, схватилъ и вытащилъ бочку нà берегъ, соколъ полетѣлъ за живой водою, а воронъ за мертвою. Слетѣлись всѣ трое въ одно мѣсто, разбили бочку, вынули куски Ивана-царевича, перемыли и склали — какъ надобно. Воронъ брызнулъ мертвой водою — тѣло срослось, съединилося; соколъ брызнулъ живой водою — Иванъ-царевичъ вздрогнулъ, всталъ и говоритъ: «Ахъ, какъ я долго спалъ!» — «Еще бы дольше проспалъ, если бъ не мы! отвѣчали зятья. Пойдемъ теперь къ намъ въ гости». — «Нѣтъ, братцы! я пойду искать Марью Моревну». Приходитъ къ ней и проситъ: «Разузнай у Кощея Безсмертнаго, гдѣ онъ досталъ себѣ такого добраго коня?» Вотъ Марья Моревна улучила добрую минуту и стала Кощея выспрашивать. Кощей сказалъ: «За тридевять земель, въ тридесятомъ царствѣ, за огненной рѣкою живетъ баба-яга; у ней есть такая кобылица, на которой она каждой день вокругъ свѣта облетаетъ. Много у ней и другихъ славныхъ кобылицъ; я у ней три

дня пастухомъ былъ, ни одной кобылицы не упустилъ, и за то баба-яга дала мнѣ одного жеребеночка». — «Какъ же ты черезъ огненную рѣку переправился?» — «А у меня есть такой платокъ — какъ махну въ правую сторону три раза, сдѣлается высокой-высокой мостъ, и огонь его не достанетъ!» Марья Моревна выслушала, пересказала все Ивану-царевичу и платокъ унесла да ему отдала. Иванъ-царевичъ переправился черезъ огненную рѣку и пошелъ къ бабѣ-ягѣ. Долго шелъ онъ, не пивши, не ѣвши. Попалась ему навстрѣчу заморская птица съ малыми дѣтками. Иванъ-царевичъ говоритъ: «Съѣмъ-ка я одного цыплёночка». — «Не ѣшь, Иванъ-царевичъ! проситъ заморская птица: въ нѣкоторое время я пригожусь тебѣ». Пошелъ онъ дальше; видитъ въ лѣсу улей пчелъ. «Возьму-ка я, говоритъ, сколько-нибудь медку». Пчелиная матка отзывается: «Не тронь моего меду, Иванъ-царевичъ! въ нѣкоторое время я тебѣ пригожусь». Онъ не тронулъ и пошелъ дальше; попадаетъ ему навстрѣчу львица со львёнкомъ. «Съѣмъ я хоть этого львёнка: ѣсть такъ хочется, ажно тошно стало!» — «Не тронь, Иванъ-царевичъ! проситъ львица: въ нѣкоторое время я тебѣ пригожусь». — «Хорошо, пусть будетъ по-твоему!» Побрёлъ голодной, шелъ-шелъ — стоитъ домъ бабы-яги, кругомъ дома двѣнадцать шестовъ, на одиннадцати шестахъ по человѣчьей головѣ, только одинъ незанятой. «Здравствуй, бабушка!» — «Здравствуй, Иванъ-царевичъ! почто пришелъ — по своей доброй волѣ, аль по нуждѣ?» — «Пришелъ заслужить у тебя богатырскаго коня». — «Изволь, царевичъ! у меня вѣдь не годъ служить, а всего-то три дня: если упасешь моихъ кобылицъ — дамъ тебѣ богатырскаго коня, а если нѣтъ, то не гнѣвайся: торчать твоей головѣ на послѣднемъ шестѣ». Иванъ-царевичъ

согласился; баба-яга его накормила-напоила и велѣла за дѣло приниматься. Только-что выгналъ онъ кобылицъ въ поле, кобылицы задрали хвосты и всѣ врозь по лугамъ разбѣжались; не успѣлъ царевичъ глазами вскинуть, какъ онѣ совсѣмъ пропали. Тутъ онъ заплакалъ-запечалился, сѣлъ на камень и заснулъ. Солнышко уже на закатѣ, прилетѣла заморская птица и будитъ его: «Вставай, Иванъ-царевичъ! кобылицы теперь дома». Царевичъ всталъ, воротился домой, а баба-яга и шумитъ и кричитъ на своихъ кобылицъ: «Зачѣмъ вы домой воротились?» — «Какъ же намъ было не воротиться? налетѣли птицы со всего свѣта, чуть намъ глазъ не выклевали». — «Ну, вы завтра по лугамъ не бѣгайте, а разсыпьтесь по дремучимъ лѣсамъ». Переспалъ ночь Иванъ-царевичъ; на утро баба-яга ему говоритъ: «Смотри, царевичъ! если не упасёшь кобылицъ, если хоть одну потеряешь — быть твоей буйной головушкѣ на шестѣ!» Погналъ онъ кобылицъ въ поле; онѣ тотчасъ задрали хвосты и разбѣжались по дремучимъ лѣсамъ. Опять сѣлъ царевичъ на камень, плакалъ-плакалъ, да и уснулъ. Солнышко сѣло за лѣсъ; прибѣжала львица: «Вставай, Иванъ-царевичъ! кобылицы всѣ собраны». Иванъ-царевичъ всталъ и пошелъ домой; баба-яга пуще прежняго и шумитъ и кричитъ на своихя кобылицъ: «Зачѣмъ домой воротились?» — «Какъ же намъ было не воротиться, набѣжали лютые звѣри со всего свѣта, чуть насъ совсѣмъ не разорвали». — «Ну, вы завтра забѣгите въ синё море». Опять переспалъ ночь Иванъ-царевичъ; на утро посылаетъ его баба-яга кобылицъ пасти: «Если не упасешь — быть твоей буйной головушкѣ на шестѣ!» Онъ погналъ кобылицъ въ поле; онѣ тотчасъ задрали хвосты, скрылись съ глазъ и забѣжали въ синё море: стоятъ въ водѣ по шею. Иванъ-

царевичъ сѣлъ на камень, заплакалъ и уснулъ. Солнышко за лѣсъ сѣло, прилетѣла пчелка и говоритъ: «Вставай, царевичъ кобылицы всѣ собраны; да какъ воротишься домой, бабѣ-ягѣ на глаза не показывайся, пойди въ конюшню и спрячься за яслями. Тамъ есть поршивой жеребенокъ — въ навозѣ валяется; ты украдь его и въ глухую полночь уходи ѝзъ дому». Иванъ-царевичъ всталъ, пробрался въ конюшню и улегся за яслями; баба-яга и шумитъ и кричитъ на своихъ кобылицъ: «Зачѣмъ воротились?» — «Какъ же намъ было не воротиться? налетѣло пчелъ видимо-невидимо со всего свѣта — и давай насъ со всѣхъ сторонъ жалить дò крови!» Баба-яга заснула, а въ самую полночь Иванъ-царевичъ укралъ у нея поршиваго жеребенка, осѣдлалъ его, сѣлъ и поскакалъ къ огненной рѣкѣ. Доѣхалъ до той рѣки, махнулъ три раза платкомъ въ правую сторону — и вдругъ, откуда ни взялся, повисъ черезъ рѣку высокой, славной мостъ. Царевичъ переѣхалъ пò мосту и махнулъ платкомъ на лѣвую сторону только два раза — остался черезъ рѣку мостъ тоненькой-тоненькой! Поутру пробудилась баба-яга — поршиваго жеребенка видомъ не видать! бросилась въ погоню: во весь духъ на желѣзной ступѣ скачетъ, пестомъ погоняетъ, помеломъ слѣдъ заметаетъ. Прискакала къ огненной рѣкѣ, взглянула и думаетъ: «Хорошъ мостъ!» Поѣхала пò мосту, только добралась до средины — мостъ обломился, и баба-яга чубурахъ въ рѣку: тутъ ей и лютая смерть приключилась! Иванъ-царевичъ откормилъ жеребенка въ зеленыхъ лугахъ; сталъ изъ него чудной конь. Пріѣзжаетъ царевичъ къ Марьѣ Моревнѣ; она выбѣжала, бросилась къ нему на шею: «Какъ тебя Богъ воскресилъ?» — «Такъ и такъ, говоритъ. Поѣдемъ со мной». — «Боюсь, Иванъ-царевичъ! если Кощей до-

гонитъ, быть тебѣ опять изрублену». — «Нѣтъ, не догонитъ! теперь у меня славной богатырской конь, словно птица летитъ». Сѣли они на коня и поѣхали. Кощей Безсмертной домой ворочается, подъ нимъ конь спотыкается. «Что ты, несытая кляча, спотыкаешься? али чуешь какую невзгоду?» — «Иванъ-царевичъ пріѣзжалъ, Марью Моревну увёзъ». — «А можно ли ихъ догнать?» — «Богъ знаетъ! теперь у Ивана-царевича конь богатырской лучше меня». «Нѣтъ, не утерплю! говоритъ Кощей Безсмертной: поѣду въ погоню». Долго ли, коротко ли — нагналъ онъ Ивана-царевича, соскочилъ наземь и хотѣлъ было сѣчь его острой саблею; втѣпоры конь Ивана-царевича ударилъ со всего размаху копытомъ Кощея Безсмертнаго и размозжилъ ему голову, а царевичъ доконалъ его палицей. Послѣ того наклалъ царевичъ груду дровъ, развёлъ огонь, спалилъ Кощея Безсмертнаго на кострѣ и самой пепелъ его пустилъ по вѣтру. Марья Моревна сѣла на Кощеева коня, а Иванъ-царевичъ на своего, и поѣхали они въ гости сперва къ ворону, потомъ къ орлу, а тамъ и къ соколу. Куда ни пріѣдутъ, всюду встрѣчаютъ ихъ съ радостью: «Ахъ, Иванъ-царевичъ! а ужъ мы не чаяли тебя видѣть. Ну, да не даромъ же ты хлопоталъ: такой красавицы, какъ Марья Моревна, во всемъ свѣтѣ поискать — другой не найти!» Погостили они, попировали и поѣхали въ свое царство; пріѣхали и стали себѣ жить-поживать, добра наживать да медокъ попивать.

95

Ѳедоръ Тугаринъ и Анастасія Прекрасная

Живъ сабѣ царь да царица, и бывъ у ихъ адинъ сынъ, па имени Ѳедаръ, па празванію Тугаринъ, и

три дачки́. Ти мала, ти багата яны жили, вò и умирають, да и приказують сыну свайму, штобъ јонъ пааддавàвъ сястёръ сваихъ замужъ за первыхъ жаниховъ. Прашòвъ годъ, якъ царь да царица памерли. Вò въ адинъ день схватилась буря, завѣявъ Вѣтяръ — такъ што Боже сохрани! Якъ толька Вѣтяръ далятѣвъ да крыльца — и затихло все. Во Вѣтяръ и кажа Өедару Тугарину: «Аддай за мене старшаю сваю сястру, а якъ не аддашъ, я тваю хату перевярну и тебе убью!» Јонъ вывевъ сястру на крыльцо: якъ ухватило яё, якъ заревло да загуло — не знать, куда яна и дѣлась! На третій годъ Өедаръ аддавъ такжа средняю сваю сястру въ замужство Граду, а на четвертый и меньшую — Грому.

Пааддавàвши замужъ сястёръ, Өедаръ Тугаринъ пашовъ странствавать. Ишовъ, ишовъ, ажъ глядить: ляжить рать-сила пабитая. Јонъ и спрашивая: «А хто тутачка есть живый, скажи, хто пабивъ сюю рать?» Вò абазвàвся адинъ голасъ и кажа: «Падай вады напицца». Јонъ падавъ; той раненый и гавòря: «Иди папитай у другой рати». Јонъ пашовъ и убачивъ другую рать-силу пабитую, спрасивъ у той: кто яё пабивъ? Тутъ голасъ сказавъ, штобъ јонъ ишовъ дальше и спрасивъ у третьей. Якъ дайшовъ јонъ да етай рати и спрасивъ, тутъ голасъ сказавъ яму̀, што усѣ три рати пабѣдила Анастасія Прекрасная, а сама яна тяперь въ шатрѣ аддыхàя. Өедаръ паѣхавъ. Пріѣхавши да шатра, привязавъ каня и, вашедши въ палату, лёгъ съ боку. Анастасія Прекрасная праснулась и, разбудивши Тугарина, кажа: «А што, ти будимъ бицца, ти мирицца?» Јонъ кажа: «Кали напи кони стануть бицца, тагда и мы будимъ». Вò яны спустили сваихъ каней. Кони панюхались и стали лизать адинъ другога, а воупасли начали пастись.

Дакъ Анастасія Прекрасная и кажа Ѳедару Тугарину: «Будь ты мнѣ мужъ, а я тябѣ жана». И пасѣдавши на каней, паѣхали домовъ. Живуть сабѣ да паживають Ѳедаръ и Анастасія якъ галубкѝ.

Вò разъ Анастасіи захатѣлась паѣхать на ахоту; сабравшись, яна кажа мужу свайму: «Усюды хади па майму дому, толька не иди туда, гдѣ лычкомъ завязана и глинаю залѣплена!» Тамъ висѣвъ Змѣй, якій хатѣвъ силаю взять за себе замужъ Анастасію; яна яго пабѣдила и павѣсила за рябро. Якъ паѣхала Анастасія па ахоту, Ѳедаръ усюды хадивъ, усё разглядавъ, а далѣ не втерпѣвъ и пашовъ, куда яму̀ не вялѣла жана яго. Глядить, ажъ тамъ висить Змѣй на-дномъ рябрѣ. Убачивши Ѳедара, јонъ кажа: «А, здрастуй, храбрый Ѳедаръ Тугаринъ! пасаби мини трошки». Јонъ пасабивъ. «Ящё!» — јонъ и ящё; «ящё!» — јонъ и ящё. Вò Змѣй знявся съ крюка, палятѣвъ, да й кажа: «Спасиба жъ тябѣ! я тябѣ въ великой пригодѣ знадоблюсь». Пустивши Змѣя на волю, Ѳедаръ адумавсь, да и кажа: «разсердицца на мене тяперь жена!» Падумавши такъ, јонъ узявъ да и пашовъ изъ жанинага дому.

Ишовъ Ѳедаръ да ишовъ, глядить, ажъ стаить домъ. Јонъ падашовши къ таму дому, приходя къ дверямъ, да и кажа: «Господи Іисусе Христе, сыне Божій, помилуй насъ грѣшныхъ!» Женскій голасъ изъ свѣтлицы яму̀ атвѣчая: «Кали добрый — явися, а кали ледачій — прахомъ вазьмися!» Ѳедаръ вхòдя въ свѣтлицу, глядить, ажъ тамъ ягò сястра. Убачивши брата, яна яму̀ кажа: «Чаго ты, братику, пришовъ? Мой мужъ — Вѣтяръ; будя бѣда!» А далѣ взяла ягò, да и схавала. Вò лятить Вѣтяръ; улятѣвши въ хату, кажа: «Фу! Русь-кость пахня!» Жонка яму̀ гавòря: «Вы летали па Руси и набрались русскага духу!»

А далѣ: «Што, каже, якъ бы мой братъ пріѣхавъ?» — «А што жъ, кажа Вѣтяръ: мы бъ пили, ѣли да гуляли!» Яна кажа: «Я вамъ ягò преставлю», пашла и вывела брата. Вѣтяръ, пабачивши Тугарина, ставъ радъ; стали пить да гулять да добры мысли мать; гуляли усю недѣлю. А далѣ Ѳедаръ, папращавшись, пашовъ да другой сястры, што була замужемъ за Градомъ. Ѳедаръ разскàзувавъ зятямъ сваимъ и сястрамъ, якъ јонъ наживъ сабѣ жану, да безуміемъ па-терявъ. Јонъ знавъ, што Змѣй, якъ јонъ атпустивъ ягò, схватилъ изненацку[1] Анастасію и унёсъ у сваю берлогу.

Пабывши у двухъ сястёръ, Тугаринъ ишовъ да третьей. На дарогѣ ягò застигла ночь, а јонъ ящё не вышавъ изъ дремучага лѣсу, на якому яму̀ треба было идти. Јонъ падумавъ, падумавъ, да и остався начевать въ лѣсу подлѣ крыницы. На другой день јонъ толька-што праснувся, ажъ иде Анастасія Прекрасная па ваду̀ въ крыницу. Якъ пабачили яны адинъ другога — возрадувались. Яна разсказала яму̀, што Змѣй ухвативъ яё на охотѣ и принёсъ яё въ етатъ лѣсъ, и што тутъ яны живуть. Пагаваривши, яны сѣли на коней, да и давай утякать. Якъ ета все тварилась, Змѣй, мужъ Анастасіи, бывъ на ахотѣ; конь падъ нимъ спаткнувся. Јонъ спрашивая ягò: «Чаго ты спаткнувся, коню мой милый?» — «Якъ жа мини не спатыкацца, кажа конь: Анастасія утякла съ Ѳедарамъ Тугариномъ». — «Што жъ, ти можемъ мы ихъ догнать?» гавòря Змѣй. Конь кажа: «Можемъ пшеницы пажать, намалатить, паѣсть — и дагнать». Ета все сдѣлавши, паѣхали яны дагапять Ѳедара и Анастасію. Якъ толька Змѣй пабачивъ ихъ, ставъ кричать, штобъ стали; а яны все сабѣ ѣдуть. Змѣй

[1] Невзначай.

разсердився, да якъ припудя[1] каня, и дагнавъ бѣгляцовъ, да и кажа Ѳедару: «Я тябѣ кричавъ, штобъ ты астанавився; я бъ тябѣ прастивъ. Ты мене не паслухавъ, такъ отъ тябѣ!» Взявъ да и убивъ Тугарина и, взявши Анастасію, паѣхавъ дамовъ.

Зятья Ѳедаравы, узнавши, што Змѣй ягò убивъ, палятѣли, дастали цялющей и живущей вады и, прилятѣвши, исцялили и аживили Тугарина. Аживши, Ѳедаръ каже зятямъ сваимъ: «Фу! какъ я заснувъ!» Яны кажуть ямỳ: «Заснувъ бы навѣки, кали бъ не мы!» Јонъ ихъ паблагадаривъ, да и пашовъ изновъ да крыпицы, гдѣ бачивъ Анастасію. Глядить, ажъ ана иде па вадỳ; якъ убачила Ѳедара, возрадувалась. Вò јонъ и ставъ прасить яё, штобъ яна выпитала у Змѣя: гдѣ можно дастать такога каня, штобъ адъ ягò утекти, и гдѣ ягò смерть? Анастасія абѣщала ямỳ ета и, набравши вады, пашла да дому; а Змѣй бывъ на ахотѣ. Анастасія пашла дамовъ, пагаваривши съ Ѳедарамъ; а јонъ астався у крыницы дажидацца, што ямỳ скажа ягò любезная.

Вò ѣде Змѣй зъ ахоты. Анастасія вышла ямỳ навстрѣчу, взяла каня за узду и увела въ канюшню и, пришедши въ хату, стала цѣлавать и милавать Змѣя, а далѣ и каже: «Якій у васъ конь скорый! ти можпа гдѣ-нибудь дастать такога другога каня, штобъ адъ вашего утёкъ?» Змѣй разнѣжився адъ лàсакъ Анастасіи, бо яна ягò никали не ласкала, савсѣмъ забывся да и признався на сваю бѣду. «Есть, гавòря, одна баба, у каторай двѣнадцать кабылицъ, и якъ дастать адъ тыхъ кабылицъ каня, то той майго перегоня; толька трудна дастать у той бабы, бо яна таго, хто сяго хоча, нанимая на три дни стерегти кабылицъ, и якъ толька сторажъ засне (бо баба дае всякаму соннае зелье) —

[1] Пудить — гнать.

кабылицы утякуть. Вὸ баба сама ихъ нàйдя, а сторажу здяре зъ спины паласȳ, да и прагоня». Анастасія, приласкавшись, гавòря Змѣю: «А гдѣ твая смерть?» Јонъ кажа: «Есть на астравѣ камень, а въ томъ камнѣ заяцъ, а въ томъ зайцѣ вутка, а въ той вуткѣ яйцо, въ томъ яйцѣ жавтокъ, а въ томъ жавткѣ каменёкъ: то мая смерть!» Выпитавши все эта, Анастасія пересказала Ѳедару. Јонъ разсказавъ зятямъ; вὸ яны палятѣли шукать таго камня, а самъ Тугаринъ пашовъ да бабы даставать каня.

Иде да иде Ѳедаръ, ажъ вавкѝ[1] бюцца за кости. Јонъ имъ падяливъ; яны ямȳ паблагадарили и сказали, што будуть ямȳ въ великой пригодѣ. Иде Ѳедаръ да иде, ажъ пчолы бюцца за медъ. Јонъ имъ падяливъ; яны ягὸ паблагадарили и абѣщали то жъ. Далѣ јонъ убачивъ, што раки бюцца за икру. Јонъ имъ падяливъ; яны ямȳ абѣщали то жъ, што вавкѝ и пчолы. Ишовши ти мала, ти багата, Ѳедаръ прихòдя къ хатѣ, а въ той хатѣ жила баба, у якой были двѣнадцать кабылицъ. Вашὸвши у хату и паздаровавшись зъ бабою, Тугаринъ ставъ яё прасить, штобъ яна приняла ягὸ стяречь кабылицъ. Баба и кажа ямȳ: «Што жъ ты вазьмешъ зъ мене?» Јонъ кажа: «Адпаго жеребчика». Баба кажа: «Кали устережешъ три дня, то дὸбре!» Јонъ сагласився.

На другій день Ѳедаръ уставъ, умывся, Богу памалився, да и пагнавъ кабылицъ на лугъ. Баба дала яму на снѣданье пиражокъ, а въ томъ пиражку соннае зельё. Тугаринъ, пригнавши кабылицъ на лугъ, распустивъ ихъ пастись, а самъ ставъ ѣсти пиражокъ, штὸ дала яму баба. Якъ паѣдàвъ јонъ таго пиражка, и заснувъ и спавъ два дни, а кабылицы далеко парасходились. На третій день Ѳедара штось начало кусать; јонъ

[1] Волки.

праснувся, глядить, ажъ то тые раки, што јонъ имъ икру падяливъ. Во̀ яны и кажуть яму̀: «Вставай да шукай кабылицъ, а то приде баба, буде тябѣ бѣда!» Јонъ стрепянувся да и хатѣвъ шукать кабылицъ; глядить, ажъ тые вавки, што јонъ имъ падяливъ кости, и тыя пчолы, што јонъ падяливъ имъ медъ, женуть[1] кабылицъ. Тугаринъ, пабачивши ихъ, возрадувався, паблагадаривъ раковъ, пчолъ и вавко̀въ, да и пагнавъ кабылицъ да дому. Баба, убачивши, што Ѳедаръ жане кабылицъ, вышла яму̀ навстрѣчу, да и кажа: «Счастливъ жа ты, што устерегъ, а то была бъ тябѣ бѣда!» А далѣ привяла яго̀ у хату, дала яму̀ ѣсть, а сама пашла у канюшню да кабылицъ. Ѳедаръ ти ѣвъ, ти не ѣвъ, веставъ да и пашовъ и, пришовши да канюшни, такъ што баба яга̀ не бачила, ставъ падслуха̀ть, што баба будя рабить. Яна взяла жалѣзный прутъ, стала бить кабылицъ, приказывать, штобъ усѣ яны да завтра привяли па жеребёнку, а самая лучшая штобъ привяла каростливага, штобъ Тугаринъ не узнавъ гдѣ лучшій. Јонъ, выслушавши все эта, пашовъ у хату и лёгъ спать.

Уставши назавтра рана, Ѳедаръ ставъ требовать у бабы платы; яна павяла яго̀ въ канюшню и паказывая жеребятъ, што ночью привяли кабылицы, да и кажа: «Выбирай любога!» Ѳедаръ, узявши таго канька, павёвъ; во јонъ и кажа Тугарину человѣческимъ голасомъ: «Дай мини три зари папастись на расѣ, тагда павидишъ!» Ѳедаръ сагласився. Якъ папасся той канёкъ день, ставъ насить въ полдерева, на другій день паверхъ дерева, на третій па паднебесью, да такій ставъ красивый, што̀ и узнать нельзя. Сѣвши на таго каня, Ѳедаръ паѣхавъ да затьёвъ. Яны яму дали каменёкъ, што̀ дастали на остравѣ.

[1] Гонятъ.

Взявши ягò, јонъ паѣхавъ въ той лѣсъ, гдѣ жила Анастасія. Пріѣхавши въ лѣсъ, јонъ паѣхавъ и ставъ дажидацца яё у крыницы. Ти мала, ти багата ждавши, глядить, ажъ Анастасія бяжить па ваду́. Јонъ яё узявъ, пасадивъ на каня, и якъ ударитъ ягò по крутымъ бедрамъ, конь панёсъ паверхъ дерева. Змѣй, бывши на ахотѣ, убачивъ, што Анастасія утякая, ударивъ и свайго каня и палятѣвъ даганять; ягò конь лятить паверхъ дерева, да и кажа: «Дагнать мы дагонимъ, бо у Тугарина мой меньшій братъ, да Анастасіи не атимешъ!» Якъ толька Змѣй ставъ даганять Тугарина, јонъ кинувъ каменёкъ и папавъ яму въ лобъ. Змѣй упавъ и прапавъ; а Ѳедаръ Тугаринъ и Анастасія Прекрасная даѣхали благопалучна да свайго двара, стали жить да паживать, да добры мысли мать, да и тяперь сабѣ живуть. Я у гостяхъ у ихъ бывъ, медъвино пивъ; у роти не быќ, а толька па барадѣ тякло.

Записана въ городѣ Погарѣ, Черниговской губ., учителемъ Н. Матросовымъ.

96

Иванъ-царевичъ и Бѣлый Полянинъ

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ-былъ царь; у этого царя было три дочери и одинъ сынъ Иванъ-царевичъ. Царь состарѣлся и померъ, а корону принялъ Иванъ-царевичъ. Какъ узнали про то сосѣдніе короли, сейчасъ собрали несчетныя войска и пошли на него войною. Иванъ-царевичъ не знаетъ, какъ ему быть; приходитъ къ своимъ сестрамъ и спрашиваетъ: «Любезныя мои сестрицы! что мнѣ дѣлать? всѣ короли поднялись на меня войною». — «Ахъ вы, храброй воинъ! чего убоялся! какъ же Бѣлой Полянинъ воюетъ съ бабой-ягою, золотой ногою,

тридцать лѣтъ съ коня не слѣзаетъ, роздыху не знаетъ? а ты, ничего не видя, испугался!» Иванъ-царевичъ тотчасъ осѣдлалъ своего добраго коня, надѣлъ на себя збрую ратную, взялъ мечъ-кладенецъ, копье долгомѣрное и плётку шелковую, помолился Богу и выѣхалъ противъ непріятеля; не столько мечомъ бьетъ, сколько конемъ топчетъ; перебилъ все воинство вражее, воротился въ городъ, легъ спать и спалъ трое сутокъ безпробуднымъ сномъ. На четвертыя сутки проснулся, вышелъ на балконъ, глянулъ въ чистое поле — короли больше того войскъ собрали и опять подъ самыя стѣны подступили. Запечалился царевичъ, идетъ къ своимъ сестрамъ: «Ахъ, сестрицы! что мнѣ дѣлать? одну силу истребилъ, другая подъ городомъ стои̇тъ, пуще прежняго грозитъ». — «Какой же ты воинъ! сутки воевалъ, да трое сутокъ безъ просыпа спалъ. Какъ же Бѣлой Полянинъ воюетъ съ бабой-ягою, золотой ногою, тридцать лѣтъ съ коня не слѣзаетъ, роздыху не знаетъ?» Иванъ-царевичъ побѣжалъ въ бѣлокаменныя конюшни, осѣдлалъ добраго коня богатырскаго, надѣлъ збрую ратную, опоясалъ мечъ-кладенецъ, въ одну руку взялъ копье долгомѣрное; въ другую плётку шелковую, помолился Богу и выѣхалъ противъ непріятеля. Не ясенъ соколъ налетаетъ на стадо гусей, лебедей и на сѣрыхъ утицъ, — нападаетъ Иванъ-царевичъ на войско вражее; не столько самъ бьетъ, сколько конь его топчетъ. Побилъ рать-силу великую, воротился домой, легъ спать и спалъ непробуднымъ сномъ шесть сутокъ. На седьмыя сутки проснулся, вышелъ на балконъ, глянулъ въ чистое поле — короли больше того войскъ собрали и опять весь городъ обступили. Идетъ Иванъ-царевичъ къ сестрамъ: «Любезныя мои сестрицы! что мнѣ дѣлать? двѣ силы истребилъ, третья подъ стѣнами стои̇тъ, еще пуще грозитъ». —

«Ахъ ты, храброй воинъ! однѣ сутки воевалъ, да шестеро безъ просыпа спалъ. Какъ же Бѣлой Полянинъ воюетъ съ бабой-ягою, золотой ногою, тридцать лѣтъ съ коня не слѣзаетъ, роздыху не знаетъ». Горько показалось то царевичу: побѣжалъ онъ въ бѣлокаменныя конюшни, осѣдлалъ своего добраго коня богатырскаго, надѣлъ на себя збрую ратную, опоясалъ мечъ-кладенецъ, въ одну руку взялъ копье долгомѣрное, въ другую плетку шелковую, помолился Богу и выѣхалъ противъ непріятеля. Не ясенъ соколъ налетаетъ на стадо гусей, лебедей и на сѣрыхъ утицъ, — нападаетъ Иванъ-царевичъ на войско вражее; не столько самъ бьетъ, сколько конь его топчетъ. Побилъ рать-силу великую, воротился домой, легъ спать и спалъ непробуднымъ сномъ девять сутокъ. На десятыя сутки проснулся, призвалъ всѣхъ министровъ и сенаторовъ: «Господа мои министры и сенаторы! вздумалъ я въ чужія страны ѣхать, на Бѣла Полянина посмотрѣть; прошу васъ судить и рядить, всѣ дѣла разбирать въ правду». Затѣмъ попрощался съ сестрами, сѣлъ на коня и поѣхалъ въ путь-дорогу. Долго ли, коротко ли — заѣхалъ онъ въ темной лѣсъ; видитъ — избушка стоитъ, въ той избушкѣ старъ человѣкъ живетъ. Иванъ-царевичъ зашелъ къ нему: «Здравствуй, дѣдушка!» — «Здравствуй, русской царевичъ! куда Богъ несетъ?» — «Ищу Бѣлаго Полянина; не знаешь ли — гдѣ онъ?» — «Самъ я не вѣдаю, а вотъ подожди: соберу своихъ вѣрныхъ слугъ и спрошу у нихъ». Старикъ выступилъ на крылечко, заигралъ въ серебряную трубу — и вдругъ начали къ нему со всѣхъ сторонъ птицы слетаться. Налетѣло ихъ видимо-невидимо, черной тучею все небо покрыли. Крикнулъ старъ человѣкъ громкимъ голосомъ, свистнулъ молодецкимъ посвистомъ: «Слуги мои вѣрные, птицы перелётныя! не видали ль, не

слыхали ль чего про Бѣлаго Полянина?» — «Нѣтъ, видомъ не видали, слыхомъ не слыхали!» — «Ну, Иванъ-царевичъ! говоритъ старъ человѣкъ: ступай теперь къ моему старшему брату: можетъ, онъ тебѣ скажетъ. Нà, возьми клубочекъ, пусти передъ собою; куда клубочекъ покатится, туда и коня управляй». Иванъ-царевичъ сѣлъ на своего добраго коня, покатилъ клубочекъ и поѣхалъ вслѣдъ за нимъ; а лѣсъ все темнѣй да темнѣй. Пріѣзжаетъ царевичъ къ избушкѣ, входитъ въ двери; въ избушкѣ старикъ сидитъ — сѣдой какъ лунь. «Здравствуй, дѣдушка!» — «Здравствуй, русской царевичъ! куда путь держишь?» — «Ищу Бѣлаго Полянина; не знаешь ли — гдѣ онъ?» — «А вотъ погоди: соберу своихъ вѣрныхъ слугъ и спрошу у нихъ». Старикъ выступилъ на крылечко, заигралъ въ серебряную трубу — и вдругъ собрались къ нему со всѣхъ сторонъ разные звѣри. Крикнулъ имъ громкимъ голосомъ, свистнулъ молодецкимъ посвистомъ: «Слуги мои вѣрные, звѣри прыскучіе! не видали ль, не слыхали ль чего про Бѣлаго Полянина?» — «Нѣтъ, отвѣчаютъ звѣри: видомъ не видали, слыхомъ не слыхали». — «А ну, разсчитайтесь промежъ себя; можетъ — не всѣ пришли». Звѣри разсчитались промежъ себя — нѣтъ кривой волчицы. Старикъ послалъ искать ее; тотчасъ побѣжали гонцы и привели ее. «Сказывай, кривая волчица! не знаешь ли ты Бѣлаго Полянина?» — «Какъ мнѣ его не знать, коли я при немъ завсегда живу: онъ войска побиваетъ, а я мертвымъ трупомъ питаюсь». — «Гдѣ же онъ теперь!» — «Въ чистомъ полѣ, на большомъ курганѣ въ шатрѣ спитъ. Воевалъ онъ съ бабой-ягою, золотой ногою, а послѣ бою залегъ на двѣнадцать сутокъ спать». — «Проводи туда Ивана-царевича». Волчица побѣжала, а вслѣдъ за нею поскакалъ царевичъ. Пріѣзжаетъ

онъ къ большому кургану, входитъ въ шатёръ — Бѣлой Полянинъ крѣпкимъ сномъ почиваетъ. «Вотъ сестры мои говорили, что Бѣлой Полянинъ безъ роздыху воюетъ, а онъ на двѣнадцать сутокъ спать залёгъ! Не заснуть ли и мнѣ пока?» Подумалъ-подумалъ Иванъ-царевичъ и легъ съ нимъ рядомъ. Тутъ прилетѣла въ шатёръ малая птичка, вьется у самаго изголовья и говоритъ таковыя слова: «Встань-пробудись, Бѣлой Полянинъ, и предай злой смерти моего брата Ивана-царевича; не то встанетъ — самъ тебя убьетъ!» Иванъ-царевичъ вскочилъ, поймалъ птичку, оторвалъ ей правую ногу, выбросилъ за шатёръ и опять легъ возлѣ Бѣлаго Полянина. Не успѣлъ заснуть, какъ прилетаетъ другая птичка, вьется у изголовья и говоритъ: «Встань-пробудись, Бѣлой Полянинъ, и предай злой смерти моего брата Ивана царевича; не то встанетъ — самъ тебя убьетъ!» Иванъ-царевичъ вскочилъ, поймалъ птичку, оторвалъ ей правое крыло, выбросилъ ее изъ шатра и опять легъ на то же мѣсто. Вслѣдъ за тѣмъ прилетаетъ третья птичка, вьется у изголовья и говоритъ: «Встань-пробудись, Бѣлой Полянинъ, и предай злой смерти брата моего Ивана-царевича: не то онъ встанетъ да тебя убьетъ!» Иванъ-царевичъ вскочилъ, изловилъ ту птичку и оторвалъ ей клювъ; птичку выбросилъ вонъ, а самъ лёгъ и крѣпко заснулъ. Пришла пора — пробудился Бѣлой Полянинъ, смотритъ — рядомъ съ нимъ незнàмо-какой богатырь лежитъ; схватился за острой мечъ и хотѣлъ было предать его злой смерти, да удержался вò-время: «Нѣтъ: думаетъ онъ: наѣхалъ на меня на соннаго, а меча не хотѣлъ кровавить; не честь не хвала и мнѣ, доброму мòлодцу, загубить его! Сонной что мертвой! лучше разбужу его». Разбудилъ Ивана-царевича и спрашиваетъ: «Доброй ли, худой ли человѣкъ! говори:

какъ тебя по имени зовутъ и зачѣмъ сюда заѣхалъ?» — «Зовутъ меня Иваномъ-царевичемъ, а пріѣхалъ на тебя посмотрѣть, твоей силы попытать». — «Больно смѣлъ ты, царевичъ! безъ спросу въ шатёръ вошелъ, безъ докладу выспался, можно тебя за то смерти предать!» — Эхъ, Бѣлой Полянинъ! не перескочилъ черезъ ровъ, да хвастаешь; подожди, можетъ — споткнешься! У тебя двѣ руки, да и меня мать не съ одной родила». Сѣли они на своихъ богатырскихъ коней, съѣхались и ударились, да такъ сильно, что ихъ копья вдребезги разлетѣлись, добрые кони на колѣни попадали. Иванъ-царевичъ вышибъ изъ сѣдла Бѣлаго Полянина и занёсъ надъ нимъ острой мечъ. Взмолился ему Бѣлой Полянинъ: «Не дай мнѣ смерти, дай мнѣ животъ! назовусь твоимъ меньшимъ братомъ, вмѣсто отца пичитать буду». Иванъ-царевичъ взялъ его за̀ руку, поднялъ съ земли, поцѣловалъ въ уста и назвалъ его своимъ меньшимъ братомъ: «Слышалъ я, братъ, что ты тридцать лѣтъ съ бабой-ягой, золотой ногой, воюешь; за что у васъ война?» — «Есть у нея дочь-красавица, хочу добыть да жениться». — «Ну, сказалъ царевичъ, коли дружбу водить, такъ въ бѣдѣ помогать! поѣдемъ воевать вмѣстѣ». Сѣли на коней, выѣхали въ чистое поле; баба-яга, золотая нога выставила рать-силу несмѣтную. То не ясные соколы налетаютъ на стадо голубиное — напускаются сильномогучіе богатыри на войско вражее! Не столько мечами рубятъ, сколько конями топчутъ, прирубили, притоптали цѣлыя тысячи. Баба-яга наутёкъ бросилась, а Иванъ-царевичъ за ней вдогонку. Совсѣмъ было нагонять сталъ — какъ вдругъ прибѣжала она къ глубокой пропасти, подняла чугунную доску и скрылась подъ землею. Иванъ-царевичъ и Бѣлой Полянинъ накупили быковъ многое множество, начали ихъ бить, кожи сымать да ремни рѣзать; изъ

тѣхъ ремней канатъ свили — да такой длинный, что одинъ конецъ здѣсь, а другой на тотъ свѣтъ достанетъ. Говоритъ царевичъ Бѣлому Полянину: «Опускай меня скорѣй въ пропасть да назадъ каната не вытаскивай, а жди, какъ я за канатъ дёрну, тогда и тащи!» Бѣлой Полянинъ опустилъ его въ пропасть на самое дно. Иванъ-царевичъ осмотрѣлся кругомъ и пошелъ искать бабу-ягу. Шелъ-шелъ, смотритъ — за рѣшеткой портные сидятъ. «Что вы дѣлаете?» — «А вотъ что, Иванъ-царевичъ: сидимъ да войско шьёмъ для бабы-яги, золотой ноги». «Какъ же вы шьёте?» — «Извѣстно какъ: что кольнёшь иглой, то и казакъ съ пикой на̀ лошадь садится, въ строй становится и идетъ войной на Бѣлаго Полянина». — «Эхъ, братцы! скоро вы дѣлаете, да не крѣпко; становитесь-ка въ рядъ, я васъ научу, какъ крѣпче шить». Они тотчасъ выстроились въ одинъ рядъ; а Иванъ-царевичъ какъ махнетъ мечомъ, такъ и полетѣли головы. Побилъ портныхъ и пошелъ дальше. Шелъ-шелъ, смотритъ — за рѣшеткой сапожники сидятъ. «Что вы тутъ дѣлаете?» — «Сидимъ да войско готовимъ для бабы-яги, золотой ноги». «Какъ же вы, братцы, войско готовите?» — «А вотъ какъ: что шиломъ кольнёмъ, то и солдатъ съ ружьёмъ, на коня садится, въ строй становится и идетъ войной на Бѣлаго Полянина. «Эхъ, ребята! скоро вы дѣлаете, да не споро. Становитесь-ка въ рядъ, я васъ получше научу». Вотъ они стали въ рядъ; Иванъ-царевичъ махнулъ мечомъ — и полетѣли головы! Побилъ сапожниковъ — и опять въ дорогу. Долго ли, коротко ли — добрался онъ до большого прекраснаго города; въ томъ городѣ царскіе терема выстроены, въ тѣхъ теремахъ сидитъ дѣ́вица красоты неописанной. Увидала она въ окно добраго мо́лодца, полюбились ей кудри чёрные, очи соколиныя, брови соболиныя, ухватки богатырскія;

зазвала къ себѣ царевича, разспросила, куда и зачѣмъ идетъ. Онъ ей сказалъ, что ищетъ бабу-ягу, золотую ногу́. «Ахъ, Иванъ-царевичъ! вѣдь я ея дочь; она теперь спитъ непробуднымъ сномъ, залегла отдыхать на двѣнадцать сутокъ». Вывела его изъ города и показала дорогу. Иванъ-царевичъ пошелъ къ бабѣ-ягѣ, золотой ногѣ, засталъ ее сонную, ударилъ мечомъ и отрубилъ ей голову. Голова покатилась и промолвила: «Бей еще, Иванъ-царевичъ!» — «Богатырскій ударъ и одинъ хорошъ!» отвѣчалъ царевичъ, воротился въ терема къ красной дѣвицѣ, сѣлъ съ ней за столы дубовые, за скатерти браныя. Наѣлся-напился и сталъ ее спрашивать: «Есть ли въ свѣтѣ сильнѣе меня и краше тебя?» — «Ахъ, Иванъ-царевичъ! что я за красавица! Вотъ какъ за тридевять земель, въ тридесятомъ царствѣ живетъ у царя-змѣя королевна, такъ та подлинно красота несказанная; она только ноги помыла, а я тою водою умылась!» Иванъ-царевичъ взялъ красную дѣвицу за бѣлую руку, привелъ къ тому мѣсту, гдѣ канатъ висѣлъ, и подалъ знакъ Бѣлому Полянину. Тотъ ухватился за канатъ и давай тянуть; тянулъ-тянулъ и вытащилъ царевича съ красной дѣвицей. «Здравствуй, Бѣлой Полянинъ! сказалъ Иванъ-царевичъ, вотъ тебѣ невѣста; живи-веселись, ни о чемъ не крушись, а я въ змѣиное царство поѣду». Сѣлъ на своего богатырскаго коня, попрощался съ Бѣлымъ Поляниномъ и его невѣстою и поскакалъ за тридевять земель. Долго ли, коротко ли, низко ли, высоко ли — скоро сказка сказывается, да нескоро дѣло дѣлается, — пріѣхалъ онъ въ царство змѣиное, убилъ царя-змѣя, освободилъ изъ неволи прекрасную королевну и женился на ней; послѣ того воротился домой и сталъ съ молодой женой жить-поживать да добра наживать.

97
Хрустальная гора

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ-былъ царь; у царя было три сына. Вотъ дѣти и говорятъ ему: «Милостивой государь батюшка! благослови насъ: мы на охоту поѣдемъ». Отецъ благословилъ, и они поѣхали въ разныя стороны. Малой сынъ ѣздилъ-ѣздилъ и заплутался; выѣзжаетъ на поляну, на полянѣ лежитъ палая лошадь, около этой падали собралось много всякаго звѣря, птицы и гаду. Поднялся соколъ, прилетѣлъ къ царевичу, сѣлъ ему на плечо и говоритъ: «Иванъ-царевичъ! раздѣли намъ эту лошадь: лежитъ она здѣсь тридцать три года, а мы все споримъ, а какъ подѣлить — не придумаемъ». Царевичъ слѣзъ съ своего добраго коня и раздѣлилъ падаль; звѣрямъ — кости, птицамъ — мясо, кожа — гадамъ, а голова — муравьямъ. «Спасибо, Иванъ-царевичъ! сказалъ соколъ; за эту услугу можешь ты обращаться яснымъ соколомъ и муравьемъ всякой разъ, какъ захочешь». Иванъ-царевичъ ударился о сырую землю, сдѣлался яснымъ соколомъ, взви́лся и полетѣлъ въ тридесятое государство; а того государства больше чѣмъ на половину втянуло въ хрустальную гору. Прилетѣлъ прямо во дворецъ, оборотился добрымъ мо́лодцемъ, и спрашиваетъ придворную стражу: «Не возьметъ ли вашъ государь меня въ службу къ себѣ?» — «Отчего не взять такого мо̀лодца!» Вотъ онъ поступилъ къ тому царю на службу и живетъ у него недѣлю, другую и третью. Стала проситься царевна: «Государь мой батюшка! позволь мнѣ съ Иваномъ-царевичемъ на хрустальной горѣ погулять». Царь позволилъ. Сѣли они на добрыхъ коней и поѣхали. Подъѣзжаютъ къ хрустальной горѣ, вдругъ откуда

ни возьмись — выскочила золотая коза. Царевичъ погналъ за ней, скакалъ-скакалъ, козы не добылъ, а воротился назадъ — и царевны нѣту! Что дѣлать? какъ къ царю на глаза показаться? Нарядился онъ такимъ древнимъ старичкомъ, что и признать нельзя, пришелъ во дворецъ и говоритъ царю: «Ваше величество! найми меня стадо пасти». — «Хорошо, будь пастухомъ; коли прилетитъ змѣй о трехъ головахъ — дай ему три коровы, коли о шести головахъ — дай шесть коровъ, а коли о двѣнадцати головахъ — то отсчитывай двѣнадцать коровъ». Иванъ-царевичъ погналъ стадо по горамъ, по доламъ; вдругъ летитъ съ озера змѣй о трехъ головахъ: «Эхъ, Иванъ-царевичъ, за какое ты дѣло взялся? Гдѣ бы сражаться доброму мо̀лодцу, а онъ стадо пасётъ! Ну-ка, говоритъ, отгони мнѣ трёхъ коровъ». — «Не жирно ли будетъ? отвѣчаетъ царевичъ: я самъ въ суточки ѣмъ по одной уточкѣ, а ты трехъ коровъ захотѣлъ . . . Нѣтъ тебѣ ни одной!» Змѣй осерчалъ и вмѣсто трехъ захватилъ шесть коровъ. Иванъ-царевичъ тотчасъ обернулся яснымъ соколомъ, снялъ у змѣя три головы и погналъ стадо домой. «Что, дѣдушка, спрашиваетъ царь, прилеталъ ли трехглавой змѣй, далъ ли ему трехъ коровъ?» — «Нѣтъ, ваше величество, ни одной нé далъ!» На другой день гонитъ царевичъ стадо по горамъ, по доламъ; прилетаетъ съ озера змѣй о шести головахъ и требуетъ шесть коровъ. «Ахъ ты, чудо-юдо обжорливое! я самъ въ суточки ѣмъ по одной уточкѣ, а ты чего захотѣлъ! Не дамъ тебѣ ни единой!» Змѣй осерчалъ, вмѣсто шести захватилъ двѣнадцать коровъ; а царевичъ обратился яснымъ соколомъ, бросился на змѣя и снялъ у него шесть головъ. Пригналъ домой стадо; царь и спрашиваетъ: «Что, дѣдушка, прилеталъ ли шестиглавой змѣй, много ли мое стадо поубавилось?» — «Прилетать-

то прилеталъ, да ничего нѐ взялъ!» Позднимъ вечеромъ оборотился Иванъ-царевичъ въ муравья и сквозь малую трещинку заползъ въ хрустальную гору: смотритъ — въ хрустальной горѣ сидитъ царевна. «Здравствуй, говоритъ Иванъ-царевичъ, какъ ты сюда попала? — «Меня унёсъ змѣй о двѣнадцати головахъ; живетъ онъ на батюшкиномъ озерѣ — въ томъ змѣѣ сундукъ таится, въ сундукѣ — заяцъ, въ зайцѣ — утка, въ уткѣ — яичко, въ яичкѣ — сѣмячко; коли ты убьешь его да достанешь это сѣмячко, втѣпоры можно хрустальную гору извести и меня избавить. Иванъ-царевичъ вылѣзъ изъ той горы, снарядился пастухомъ и погналъ стадо. Вдругъ прилетаетъ змѣй о двѣнадцати головахъ: «Эхъ, Иванъ царевичъ! не за свое ты дѣло взялся; чѣмъ бы тебѣ доброму мо́лодцу сражаться, а ты стадо пасёшь . . . Ну-ка, отсчитай мнѣ двѣнадцать коровъ!» — «Жирно будетъ! я самъ въ суточку ѣмъ по одной уточкѣ; а ты чего захотѣлъ!» Начали они сражаться, и долго ли, коротко ли сражались — Иванъ-царевичъ побѣдилъ змѣя о двѣнадцати головахъ, разрѣзалъ его туловище и на правой сторонѣ нашелъ сундукъ: въ сундукѣ — заяцъ, въ зайцѣ — утка, въ уткѣ — яйцо, въ яйцѣ — сѣмячко. Взялъ онъ сѣмячко, зажёгъ и поднёсъ къ хрустальной горѣ — гора скоро растаяла. Иванъ-царевичъ вывелъ оттуда царевну и привёзъ ее къ отцу; отецъ воздрадовался и говоритъ царевичу: «Будь ты моимъ зятемъ!» Тутъ ихъ и обвѣнчали; на той свадьбѣ и я былъ, медъ-пиво пилъ, по бородѣ текло, въ ротъ не попало.

98

Бухтанъ Бухтановичъ

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ живалъ-бывалъ нѣкто Бухтанъ Бухтановичъ; у Бухтана

Бухтановича была выстроена середи поля печь на столбахъ. Онъ лежитъ на печи по полу-локоть въ тараканьемъ молокѣ. Приходила къ ёму лисица и говорила: «Бухтанъ Бухтановичъ! хошь ли я тебя женю у царя на дочери?» — «Что ты, лѝска!» «Есть ли у тебя сколько-нибудь денегъ?» — «Да есть: всего одинъ пятакъ». — «Подай и тотъ сюда!» Лисица пошла, размѣняла пятакъ на мелкія деньги — на копейки, денежки и полушки, пошла къ царю и говоритъ: «Царь, вольный человѣкъ! дай четверика̀, —- у Бухтана Бухтановича деньги смѣрять». Онъ говоритъ: «Возьми». Она принесла домой; деньгу, копейку запихала за обручъ и отнесла къ царю и говоритъ: «Царь, вольный человѣкъ! четверика̀ мало; дай полмѣры — деньги у Бухтана Бухтановича смѣрять». — «Возьми». Она взяла, принесла домой; деньгу, копейку запихала за обручъ и отнесла къ царю: «Царь, вольный человѣка! полмѣры мало, дай мѣру». — «Возьми мѣру». Она взяла, принесла домой и остальное отъ пятака запихала за обру́чьё и отнесла къ царю. Царь говоритъ: «Смѣряла ли, лиска?» Лиска сказала: «Всё вцѣлѣ. Ну, царь, вольный человѣкъ! я пришла къ тебѣ за добрымъ дѣломъ: отдай дочь свою за Бухтана Бухтановича». — «Ну, ладно, покажи же ты мнѣ жениха». Она побѣгла домой. «Бухтанъ Бухтановичъ! есть ли у тебя какое-нибудь платьё? надѣвай». Бухтанъ Бухтановичъ оболокся и пошелъ съ лисою къ царю. Идутъ по ряду, и привелось имъ идти по мостику — грязной такой! Лиска пихнула его, и Бухтанъ Бухтановичъ ввалѝлся въ грязь. Она прибѣгла къ нему: «Что ты, что ты, Бухтанъ Бухтановичъ?» А сама грязью-то всего его замарала. «Постой же, Бухтанъ Бухтановичъ! я къ царю сбѣгаю». Лиска прибѣгла къ царю и говоритъ: «Царь, вольный человѣкъ! мы шли съ Бухтаномъ

Бухтановичемъ по мостику — мостикъ скверный такой! — мы какъ-то не постереглись, ввалѝлись; Бухтанъ Бухтановичъ весь замарался; идти-то не хорошо въ городъ; нѣтъ ли у тебя платья ижидёнова?» — «На, возьми». Лиска побѣгла. Прибѣгла. «Бухтанъ Бухтановичъ! на — переболокѝсь да пойдемъ». Пришли къ царю. У царя было уже налàжено на столъ. Бухтанъ Бухтановичъ никуда не глядитъ, какъ на себя, — отроду не видалъ онъ такого платья! Царь и моргнулъ лискѣ: «Лиска, что это Бухтанъ Бухтановичъ-то никуда не глядитъ, какъ на себя?» — «Царь, вольный человѣкъ! ему стыдно *кажиться*, что на немъ эко платьё; Бухтанъ Бухтановичъ эково платья-то óтроду не нашивалъ дряннова. Царь, вольный человѣкъ! дай ему платьё-то, которое носишь ты въ Пасху». — А сама и шепнула Бухтану Бухтановичу: «Не гляди на себя!» Бухтанъ Бухтановичъ опять глядитъ — некуды што на стулъ: стулъ былъ вызолоченный. Царь шепнулъ лискѣ: «Лиска, что это Бухтанъ Бухтановичъ никуды не глядитъ, что на стулъ?» — «Царь, вольный человѣкъ! у ихъ этово стулья-та по банямъ много». Царь хлопнулъ стулъ зà дверь, Лиска шепнула Бухтану Бухтановичу: «Не гляди въ одно мѣсто; гляди туды да ѝнуды». Ну, тутъ стали толковать о добромъ дѣлѣ, о сватаньѣ. Ну, свадьбу сыграли; долго ли у царя? ни пивà варить, ни вина курить — всё готово. Бухтану Бухтановичу три корабля нагрузили и поѣхали домой на корабляхъ. Ѣдутъ домой: Бухтанъ Бухтановичъ ѣдетъ на корабляхъ съ жёнкою, а лиска пò берегу бѣжитъ. Бухтанъ Бухтановичъ увидѣлъ свою печь и скрычалъ: «Лиска, лиска! эводе моя-то печь!» — «Молчи, Бухтанъ Бухтановичъ, стыдно!» — Бухтанъ Бухтановичъ ѣдетъ, а лиска напередъ бѣжитъ пò берегу; прибѣгла напередъ, вызнялась на

угбръ: стоитъ на угорѣ домъ каменный пребольшущій, и царство явилось преогромное. Она въ избу — нѣту никовò въ избѣ, забѣгла въ палату — въ большомъ углу лежитъ-протянулся Змѣй Змѣёвичъ, сидитъ на печномъ столбѣ Воронъ Вороновичъ, сидитъ на престолѣ Кокотъ Кокотовичъ. Лиска говоритъ: «Што вы тутъ сидите! царь идетъ съ огнемъ, царица съ маланьёй[1], сожгутъ и спалятъ васъ». — «Лиска! куда мы?» — «Кокотъ Кокотовичъ, поди ты въ бочку!» Лиска заперла въ бочку Кокота Кокотовича. «Воронъ Вороновичъ, поди ты въ ступу, давай!» Ворона Вороновича въ ступу заперла; Змѣя Змѣёвича въ солому завертѣла и вынесла на ӯлку[2]. Корабли пришли. Лиска приказала въ воду свезти всѣхъ ихъ; казаки сейчасъ свезли въ воду. Бухтанъ Бухтановичъ въ тотъ домъ всё житейскоё свое перевёзъ; тамъ жилъ-поживалъ, добра наживалъ, царилъ-властвовалъ, да тамъ и животъ скончалъ.

Записана въ Шенкурскомъ у., Архангельской губ., г. Борисовымъ.

99

Козьма Скоробогатый

Жилъ-проживалъ Кузинька, одинъ-одинёшенекъ въ темномъ лѣсу; у него былъ худой домишко, да одинъ пѣтушекъ да пять курочекъ. Къ этому Кузинькѣ повадилась ходить лисичка; пошелъ онъ разъ на охоту, и только изъ дому, а лисичка какъ тутъ; прибѣжала, заколола одну курочку, изжарила и скушала. Воротился Кузинька, хвать — нѣтъ курочки! и думаетъ: вѣрно коршунъ утащилъ. На другой день пошелъ опять на охоту. Попадается ему навстрѣчу лисичка и спрашиваетъ: «Куда, Кузинька, идешь?» — «На

---

[1]) Молніей.
[2]) Улицу.

охоту, лисичка!» — «Ну, прощай!» — и тотчасъ же побѣжала къ нему въ избу, заколола курочку, изжарила и скушала. Пришелъ домой Кузинька, хватился курочки — нѣту! Пало ему въ догадку: «Ужъ не лисичка ли кушаетъ моихъ курочекъ?» Вотъ на третій день онъ крѣпко-на̀крѣпко заколотилъ у себя въ избѣ окна и двери, а самъ пустился на промыселъ. Неоткуль взялась лисичка и спрашиваетъ: «Куда идешь, Кузинька?» — «На охоту, лисичка!» Лисичка тутъ же и побѣжала къ дому Кузиньки, а онъ поворотилъ да вслѣдъ за нею. Прибѣжала лисичка, обошла кругомъ избу, видитъ: окна и двери заколочены крѣпко-на́крѣпко, — какъ попасть въ избу? Взяла да и спустилась въ трубу. Тутъ Кузинька и поймалъ лисичку. «Ба! говоритъ, вотъ какой воръ ко мнѣ жалуетъ. Постой-ка, сударушка, я тебя теперь жи́ву изъ рукъ не выпущу!» Лисичка стала просить Кузиньку: «Не убивай меня! я тебя сдѣлаю Козьмою Скоробогатымъ, только изжарь для меня одну курочку съ маслечкомъ пожирнѣе». Кузинька согласился, а лисанька, накушавшись такого жирнаго обѣда, побѣжала на царскіе заповѣдные луга и стала на тѣхъ заповѣдныхъ лугахъ ка́таться. Бѣжитъ волкъ и говоритъ: «Эхъ ты, проклятая лиса! гдѣ такъ жирно обтрескалась?»[1] — «Ахъ, любезный волченёкъ-куманёкъ! вѣдь я была у царя на пиру. Неужели тебя, куманёкъ, не звали? А насъ тамъ было всякихъ разныхъ звѣрей, куницъ, соболей, видимо-невидимо!» Волкъ и проситъ: «Лисанька, не сведешь ли и меня къ царю на обѣдъ?» Лисичка обѣщалась и велѣла собрать сорокъ соро́въ сѣрыхъ волковъ и привести съ собою. Волкъ согналъ сорокъ соро́въ сѣрыхъ волковъ. Лиса повела ихъ къ царю; какъ привела, сейчасъ же вошла въ бѣлокаменныя

[1]) Объѣлась.

палаты и поклонилась царю сóрокомъ сорокóвъ сѣрыхъ волковъ отъ Козьмы Скоробогатаго. Царь весьма тому обрадовался, приказалъ всѣхъ волковъ загнать въ ограду и запереть нáкрѣпко. А лисичка бросилась къ Кузинькѣ: прибѣжала, велѣла зажарить еще одну курочку; пообѣдала сытно и пустилась на заповѣдные луга и стала кататься по травѣ. Бѣжитъ медвѣдь мимо, увидалъ лисаньку и говоритъ: «Экъ, вѣдь ты, проклятая хвостомеля, какъ обтрескалась!» Она отвѣчаетъ: «Я была у царя въ гостяхъ; насъ тамъ было всякихъ разныхъ звѣрей, куницъ, соболей, видимо-невидимо! да и теперь еще остались — пируютъ волки. Ты знаешь, любезный куманёкъ, какіе они объѣдалы! по сю пору всё обѣдаютъ». Мишка и проситъ: «Лисанька! не сведешь ли и меня на царской обѣдъ?» Лисичка согласилась и велѣла ему собрать сорокъ сороковъ черныхъ медвѣдей: «Для одного тебя царь де и безпокоиться не захочетъ». Мишка собралъ сорокъ сорокóвъ черныхъ медвѣдей. Лиса повела ихъ къ царю; привела и поклонилась ему сóрокомъ сороковъ черныхъ медвѣдей отъ Козьмы Скоробогатаго. Царь тому и радъ, приказалъ загнать ихъ и запереть нàкрѣпко. А лисичка отправилась къ Кузинькѣ; прибѣжала и велѣла зажарить послѣднюю курочку съ пѣтушкомъ. Кузинька не пожалѣлъ, зажарилъ ей послѣднюю курочку съ пѣтушкомъ; лисичка скушала на здоровье и пустилась на заповѣдные луга и стала валяться по зеленой травѣ. Бѣжитъ мимо соболь съ куницею и спрашиваетъ: «Экъ ты, лукавая лиса! гдѣ такъ жирно накушалась?» — «Ахъ вы, соболь и куница! я у царя въ превеликомъ почетѣ. У него нынче пиръ и обѣдъ на всякихъ звѣрей: я что-то порадѣла, таки много жирнаго поѣла; а что звѣрей на обѣдѣ-то было, — видимо-невидимо! только васъ

тамъ и не доставало. Вы сами знаете волковъ, какъ они завистливы, будто сроду жирнаго не ѣдали, о сю пору трескаютъ у царя! А про косолапаго Мишку и говорить нечего: онъ потуль ѣстъ, что чуть дышитъ!» Соболь и куница стали лису упрашивать: «Кумушка, своди ты насъ къ царю: мы хоть посмотримъ». Лиса согласилась и велѣла имъ согнать къ себѣ сорокъ сорокóвъ соболей и куницъ. Согнали; лиса привела ихъ во дворецъ и поклонилась царю сòрокомъ сорокòвъ соболей и куницъ отъ Козьмы Скоробогатаго. Царь не можетъ надивиться богатству Козьмы Скоробогатаго, съ радостью принялъ даръ и приказалъ всѣхъ звѣрей перебить и поснимать съ нихъ шкуры.

На другой день лисичка опять прибѣжала къ царю и говоритъ: «Ваше царское величество! Козьма Скоробогатый приказалъ тебѣ низко кланяться и попросить пудовки[1]: нужно размѣривать серебряны деньги. Свои-то пудовки всѣ запростаны[2] у него золотомъ». Царь безъ отказу далъ лисѣ пудовку. Она прибѣжала къ Кузинькѣ и велѣла мѣрить пудовкою песокъ, чтобы высвѣтлить у ней бочокъ. Какъ высвѣтлило, она заткнула въ зауторы[3] сколько-то мелкихъ денегъ и понесла назадъ къ царю. Пришла и стала сватать у него прекрасную царевну за Козьму Скоробогатаго. Царь не отказываетъ, велитъ Козьмѣ совсѣмъ изготовиться и пріѣзжать. Поѣхалъ Кузинька къ царю, а лисичка забѣжала впередъ и подрядила работниковъ подпилить мостикъ. Кузинька только-что въѣхалъ на мостикъ — мостикъ вмѣстѣ съ нимъ и рушился въ воду. Лисичка стала кричать: «Ахти! пропалъ Козьма

---

1) Четверика.
2) Заняты, наполнены.
3) Уторъ — вырѣзка по внутренней поверхности четверика, около края, въ которую вставляется ребро дна.

Скоробогатой!» Царь услышалъ и тотчасъ же послалъ людей перехватить Козьму. Вотъ они перехватили его, передѣли въ нарядное платье и привели къ царю. Обвѣнчался онъ на царевнѣ и живетъ у царя недѣлю и двѣ. «Ну, говоритъ царь, пойдемъ теперь, любезный зять, къ тебѣ въ гости». Козьмѣ дѣлать нечего, надо собираться. Запрягли лошадей и поѣхали. А лисичка отправилась впередъ. Бѣжала-бѣжала, глядитъ: пастухи пасутъ стадо овецъ; она спрашиваетъ ихъ: «Пастухи, пастухи! чье стадо пасете?» Пастухи отвѣчаютъ: «Стадо царя Зміулана». Лисичка начала ихъ учить: «Сказывайте всѣмъ, что это стадо Козьмы Скоробогатаго, а не Зміулана-царя; а то ѣдутъ царь Огонь да царица Маланьи́ца; коли не скажете имъ, что это стадо Козьмы Скоробогатаго, — они всѣхъ васъ и съ овцами-то сожгутъ и спалятъ». Пастухи видятъ, что дѣло неминучее, надо слушаться, — и обѣщаются всякому сказывать про Козьму Скоробогатаго, какъ лиса учила. А лисичка пустилась впередъ: видитъ — пастухи стерегутъ свиней и спрашиваетъ: «Пастухи, пастухи! чье стадо пасете?» — «Царя Зміулана». — «Сказывайте, что стадо это Козьмы Скоробогатаго, а то ѣдутъ царь Огонь и царица Маланьи́ца; они всѣхъ васъ сожгутъ и спалятъ, коли станете поминать царя Зміулана». Пастухи согласились. Лиса опять побѣжала впередъ; добѣгаетъ до коровьяго стада царя Зміулана, потомъ до конскаго стада и велитъ пастухамъ сказывать, что эти стада Козьмы Скоробогатаго, о царѣ же Зміуланѣ ничего не говорить. Добѣгаетъ лиса и до стада верблюжьяго. «Пастухи, пастухи! чье стадо пасете?» — «Царя Зміулана». Лиса строго запретила имъ сказывать о царѣ Зміуланѣ, а велѣла говорить, что это стадо Козьмы Скоробогатаго; а то царя Огонь и царица Маланьи́ца сожгутъ и спалятъ все стадо! Лисанька

опять побѣжала впередъ, прибѣгаетъ въ царство царя Зміулана и прямо въ бѣлокаменныя палаты. «Что скажешь, лисанька?» — «Ну, царь Зміуланъ! теперь-то надо скоро-на̀скоро спрятаться. Ѣдетъ грозный царь Огонь и царица Маланьи́ца, все жгутъ и палятъ. Стада твои и съ пастухами прижгли: сначала овечье, потомъ свиное, а тутъ коровье и конское. Я не стала мѣшкать, пустилась къ тебѣ сказать и чуть отъ дыма не задохлась!» Царь Зміуланъ закручинился-запечалился: «Ахъ, лисанька! куда же я подѣваюсь?» — «Есть въ твоемъ саду старой заповѣдной дубъ, средина вся повыгнила: бѣги и схоронись въ дупло, пока они мимо не проѣдутъ». Царь Зміуланъ вмигъ собрался и по сказанному, какъ по писанному, сдѣлалъ такъ, какъ лиса научила. А Козьма Скоробогатой ѣдетъ себѣ́ да ѣдетъ съ женою и тестемъ. Доѣзжаютъ они до стада овечьяго. Молодая княгиня и спрашиваетъ: «Пастушки́, пастушки́! чье стадо пасете?» — «Козьмы Скоробогатаго», отвѣчаютъ пастухи. Царь тому и радъ: «Ну, любезный зять! много же у тебя овецъ». Ѣдутъ они дальше, доѣзжаютъ до стада свиного. «Пастушки́, пастушки́! спрашиваетъ молодая княгиня: чье стадо пасете?» — «Козьмы Скоробогатаго». — «Ну, любезный зять! много же у тебя свиней». Ѣдутъ они все дальше и дальше; тутъ пасется стадо коровье, тамъ конское, а тамъ и верблюжье. Спросятъ у пастуховъ: «чье стадо пасете?» Они знай себѣ отвѣчаютъ одно: «Козьмы Скоробогатаго». Вотъ пріѣхали къ царскому дворцу; лисанька встрѣчаетъ и вводитъ ихъ въ палаты бѣлокаменныя. Царь вошелъ и задивился: столь хорошо было убрано! Давай пировать, пить-ѣсть и веселиться! Живутъ они день, живутъ и недѣлю. «Ну, Кузинька! говоритъ лисанька: перестань гулять, надо дѣло исправлять. Ступай съ тестемъ въ зеленый

садъ; въ томъ саду стоитъ старой дубъ, а въ томъ дубѣ сидитъ царь Зміуланъ — отъ васъ спрятался. Разстрѣляйте дерево на мелкія части!» Тогда Кузинька по сказанному, какъ по писанному, пошелъ вмѣстѣ съ тестемъ въ зеленый садъ, и стали они въ тотъ дубъ стрѣлять и убили царя Зміулана до смерти. Козьма Скоробогатой воцарился въ томъ государствѣ, и сталъ онъ съ царевною жить да поживать, и теперь живутъ — хлѣбъ жуютъ. Лисаньку всякой день угощали они курочками, и она до тѣхъ поръ у нихъ гостила, докуда всѣхъ куръ не испакости́ла.

100

Емеля-дуракъ

(b) Жили три брата, два-то умныхъ, а третій дуракъ; умные братья поѣхали въ нижніе города товаровъ закупать и говорятъ дураку: «Ну, смотри, дуракъ! слушай нашихъ женъ и почитай такъ, какъ родныхъ матерей: мы тебѣ купимъ сапоги красные и кафтанъ красной и рубашку красную». Дуракъ сказалъ имъ: «Ладно, буду почитать». Они отдали дураку приказаніе, а сами поѣхали въ нижніе города; а дуракъ легъ на печь и лежитъ. Невѣстки говорятъ ему: «Что же ты, дуракъ! братья велѣли тебѣ насъ почитать и за это хотѣли тебѣ по подарку привезть, а ты на печи лежишь, ничего не работаешь; сходи хоть за водой». Дуракъ взялъ вёдра и пошелъ за водой; зачерпнулъ воды, и попала ему щука въ ведро. Дуракъ и говоритъ: «Слава Богу! теперь я наварю хоть этой щуки, самъ наѣмся, а невѣсткамъ не дамъ; я на нихъ сердитъ!» Говоритъ ему щука человѣческимъ голосомъ: «Не ѣшь, дуракъ, меня; пусти опять въ воду, счастливъ будешь!» Дуракъ спрашиваетъ: «Какое

жъ отъ тебя счастье?» — «А вотъ какое счастье: что скажешь, то и будетъ! Вотъ скажи: по щучьему велѣнью, по моему прошенью, ступайте, вёдра, сами домой и поставьтесь на мѣсто». Какъ только дуракъ сказалъ это, вёдра тотчасъ пошли сами домой и поставились на мѣсто. Невѣстки глядятъ и дивуются: «Что онъ за дуракъ! говорятъ: вишь какой хитрой, что у него вёдра сами домой пришли и поставились на свое мѣсто!» Дуракъ пришелъ и лёгъ на печку; невѣстки стали опять говорить ему: «Что жъ ты, дуракъ, улегся на печку! дровъ нѣтъ, ступай за дровами». Дуракъ взялъ два топора, сѣлъ въ сани, лошади не запрёгъ. «По щучьему, говоритъ, велѣнью, по моему прошенью, катитесь, сани, въ лѣсъ!» Сани покатились скоро да шибко, словно кто погоняетъ ихъ. Надо было дураку ѣхать мимо города, и онъ безъ лошади столько придавилъ народу, что ужасъ! Тутъ всѣ закричали: «Держи его! лови его!» однако не поймали. Дуракъ въѣхалъ въ лѣсъ, вышелъ изъ саней, сѣлъ на колодину и сказалъ: «Одинъ топоръ руби съ корня, другой дрова коли!» Вотъ дрова нарубились и наклались въ сани. Дуракъ говоритъ: «Ну, одинъ топоръ! теперь поди и сруби мнѣ кукову[1], чтобъ было чѣмъ носило поднять». Топоръ пошелъ и срубилъ ему кукову; кукова пришла, на возъ легла. Дуракъ сѣлъ и поѣхалъ; ѣдетъ мимо города, въ городѣ народъ собрался, давно его караулитъ. Тутъ дурака поймали, начали одерживать да пощипывать; дуракъ и говоритъ: «По щучьему велѣнью, по моему прошенью, ступай, кукова, похлопочи-ка!» Вскочила кукова и пошла ломать, колотить и прибила народу многое множество: люди, словно снопы, такъ нàземь и сыплются! Отдѣлался отъ нихъ

[1]) Палка или дубинка, у которой одинъ конецъ загнутъ и закругленъ на подобіе шара.

дуракъ и пріѣхалъ домой, дрова сложилъ, а самъ на̀ печь сѣлъ. Вотъ горожане стали бить на него челомъ и донесли королю: «Такъ де его не взять, надобно обманомъ залучить, а всего лучше обѣщать ему красную рубаху, красной кафтанъ и красные сапоги». Пришли за дуракомъ королевскіе гонцы: «Ступай, говорятъ, къ королю: онъ тебѣ дастъ красные сапоги, красной кафтанъ и красную рубаху». Вотъ дуракъ и сказалъ: «По щучьему велѣнью, по моему прошенью, печка, ступай къ королю!» Самъ сѣлъ на̀ печь, печка и пошла. Пріѣхалъ дуракъ къ королю. Король ужъ хотѣлъ казнить его, да у того короля была дочь, и больно понравился ей дуракъ; стала она отца просить, чтобы отдалъ ее за дурака замужъ. Отецъ разсердился, обвѣнчалъ ихъ и велѣлъ посадить обоихъ въ бочку, засмолить и пустить на̀ воду. Такъ и сдѣлано.

Долгое время плыла бочка по̀ морю; стала жена дурака просить: «Сдѣлай такъ, чтобы насъ на̀ берегъ выкинуло». Дуракъ сказалъ: «По щучьему велѣнью, по моему прошенью — выкинь эту бочку на берегъ и разорви ее!» Вышли они изъ бочки; жена опять стала дурака просить, чтобы онъ построилъ какую-нибудь избушку. Дуракъ сказалъ: «По щучьему велѣнью, по моему прошенью — постройся мраморной дворецъ, и чтобы этотъ дворецъ былъ какъ разъ противъ королевскаго дворца!» Сейчасъ все исполнилось; король увидалъ поутру новой дворецъ и послалъ узнать, кто, такой живетъ въ немъ. Какъ только узналъ, что тамъ живетъ его дочь, въ ту жъ минуту потребовалъ ее съ мужемъ къ себѣ. Они пріѣхали; король ихъ простилъ, и стали вмѣстѣ жить-поживать да добра наживать.

Записана въ Новгородской губ.

101
По щучьему велѣнью

Жилъ-былъ бѣдной мужичокъ; сколько онъ ни трудился, сколько ни работалъ — все нѣтъ ничего! «Эхъ, думаетъ самъ съ собой, доля моя горькая! всѣ дни за хозяйствомъ убиваюсь, а того и смотри — придется съ голоду помирать; а вотъ сосѣдъ мой всю жизнь на боку лежитъ — и что же? — хозяйство большое, барыши сами въ карманъ плывутъ. Видно, я Богу не угодилъ; стану я съ утра до вечера молиться, авось Господь и смилуется». Началъ онъ Богу молиться; по цѣлымъ днямъ голодаетъ, а все молится. Наступилъ Свѣтлой праздникъ, ударили къ заутренѣ. Бѣдной думаетъ: «Всѣ люди станутъ разгавливаться, а у меня ни куска нѣту! Пойду, хоть воды принесу — ужо̀ вмѣсто щей похлебаю». Взялъ ведёрку, пошелъ къ колодцу и только закинулъ въ воду — вдругъ попалась ему въ ведёрку большущая щука. Обрадовался мужикъ: «Вотъ и я съ праздникомъ! наварю ухи и всласть пообѣдаю». Говоритъ ему щука человѣчьимъ голосомъ: «Отпусти меня, доброй человѣкъ, на волю; я тебя счастливымъ сдѣлаю: чего душа твоя пожелаетъ, все у тебя будетъ! Только скажи: по щучьему велѣнью, по Божьему благословенью, явись то-то и то-то — сейчасъ явится!» Убогой бросилъ щуку въ колодецъ, пришелъ въ и́збу, сѣлъ за столъ и говоритъ: «По щучьему велѣнью, по Божьему благословенью, будь столъ накрытъ и обѣдъ готовъ!» Вдругъ откуда что взялось — появились на столѣ всякія кушанья и напитки: хоть царя угощай — такъ не стыдно будетъ! Убогой перекрестился: «Слава тебѣ, Господи! есть чѣмъ разговѣться». Пошелъ въ церковь, отстоялъ заутреню и обѣдню, воротился и сталъ разгавливаться;

закусилъ-выпилъ, вышелъ за ворота и сѣлъ на лавочку. На ту пору вздумала царевна по улицамъ прогуляться, идетъ съ своими нянькамп и мамками и ради праздничка Христова раздаетъ бѣднымъ милостину; всѣмъ подала, а про этого мужичка и позабыла. Вотъ онъ и говоритъ про себя: «По щучьему велѣнью, по Божьему благословенью пусть царевна плодъ понесетъ и родитъ себѣ сына!» По тому слову царевна въ ту жъ минуту забрюхатѣла п черезъ девять мѣсяцевъ родила сына. Началъ ее царь допрашивать: «Признавайся, говоритъ, съ кѣмъ согрѣшила!» А царевна плачетъ и всячески клянется, что ни съ кѣмъ не грѣшила: «И сама не вѣдаю, за что меня Господь покаралъ!» Сколько царь ни допытывался, ничего не узналъ. Межъ тѣмъ мальчикъ не по днямъ, а по часамъ растетъ; черезъ недѣлю ужъ говорить сталъ. Царь созвалъ со всего царства бояръ и думныхъ людей, показываетъ ихъ мальчику: не признаетъ ли онъ кого за отца? Нѣтъ, мальчикъ молчитъ, никого отцомъ не обзываетъ. Приказалъ царь нянькамъ и мамкамъ нести его по всѣмъ дворамъ, по всѣмъ улицамъ и казать всякаго чина людямъ и женатымъ и холостымъ. Няньки и мамки понесли ребёнка по всѣмъ дворамъ, по всѣмъ улицамъ; ходили-ходили, онъ все молчитъ. Подошли, наконецъ, къ избушкѣ бѣднаго мужика; какъ только увидалъ мальчикъ того мужика, сейчасъ потянулся къ нему ручонками и закричалъ: «Тятя, тятя!» Доложили про то государю, привели во дворецъ убогаго; царь сталъ его допрашивать: «Признавайся по чистой по совѣсти — твой это ребёнокъ?» — «Нѣтъ, Божій!» Царь разгнѣвался, обвѣнчалъ убогаго на царевнѣ, а послѣ вѣнца приказалъ посадить ихъ вмѣстѣ съ ребёнкомъ въ большую бочку, засмолить смолою и пустить въ открытое море. Вотъ поплыла бочка пó морю, понесли

ее буйные вѣтры и прибили къ далекому берегу. Слышитъ убогой, что вода подъ ними не колышется, и говоритъ таково слово: «По щучьему велѣнью, по Божьему благословенью, распадись, бочка, на сухомъ мѣстѣ!» Бочка развалилася; вылѣзли они на сухое мѣсто и пошли — куда глаза глядятъ. Шли-шли, шли-шли, ѣсть-пить нечего, царевна совсѣмъ отощала, едва ноги переставляетъ. «Что, спрашиваетъ убогой, знаешь теперь, какова жажда и голодъ?» — «Знаю!» отвѣчаетъ царевна. «Вотъ такъ-то и бѣдные мучатся; а ты не хотѣла мнѣ на Христовъ день и милостинки подать!» Потòмъ говоритъ убогой: «По щучьему велѣнью, по Божьему благословенью стань здѣсь богатой дворецъ, — чтобъ лучше во всемъ свѣтѣ не было! и съ садами, и съ прудами, и со всякими пристройками». Только вымолвилъ — явился богатой дворецъ: выбѣгаютъ изъ дворца слуги вѣрные, берутъ ихъ пòдъ руки, ведутъ въ палаты бѣлокаменныя и сажаютъ за столы дубовые, за скатерти браныя. Чудно въ палатахъ убрано, изукрашено; на столахъ всего наготовлено: и ви́на, и сласти, и кушанья. Убогой и царевна напились, наѣлись, отдохнули и пошли въ садъ гулять. «Всѣмъ бы здѣсь хорошо, говоритъ царевна, только жаль, что нѣтъ никакой птицы на нашихъ прудахъ». — «Подожди, будетъ и птица!» отвѣчалъ убогой, и тотчасъ вымолвилъ: «По щучьему велѣнью, по Божьему благословенью — пусть плаваютъ на этомъ прудѣ двѣнадцать утокъ, тринадцатой селезень, — у всѣхъ бы у нихъ одно перо было золотое, другое серебряное, да былъ бы у селезня чубъ на головкѣ брилліантовой!» Глядь — плывутъ по водѣ двѣнадцать утокъ и сѐлезень, — одно перо золотое, другое серебряное; на головкѣ у селезня чубъ брилліантовой. Вотъ такъ-то живетъ царевна съ своимъ мужемъ безъ

горя безъ печали, а сынъ ея растетъ да растетъ; выросъ большой, почуялъ въ себѣ силу великую и сталъ у отца у матери проситься поѣхать по бѣлу свѣту да поискать себѣ невѣсты. Они его отпустили: «Ступай, сынокъ, съ Богомъ!» Онъ осѣдлалъ богатырскаго коня, сѣлъ и поѣхалъ въ путь-дорогу. Попадается ему навстрѣчу старая старуха: «Здравствуй, русской царевичъ! куда ѣхать изволишь?» — «Ѣду, бабушка, невѣсты искать, а гдѣ искать — и самъ не вѣдаю». — «Постой, я тебѣ скажу, дитятко! поѣзжай ты за̀ море въ тридесятое королевство; тамъ есть королевна — такая красавица, что весь свѣтъ изъѣздишь, а лучше ея нигдѣ не сыщешь!» Доброй мóлодецъ поблагодарилъ старуху, пріѣхалъ къ пристани, нанялъ корабль и поплылъ въ тридесятое королевство. Долго ли, коротко ли плылъ онъ пó морю, — скоро сказка сказывается, нескоро дѣло дѣлается, — пріѣзжаетъ въ то королевство, явился къ тамошнему королю и сталъ за его дочь свататься. Говоритъ ему король: «Не ты одинъ за мою дочь сватаешься; есть у насъ еще женихъ — сильномогучій богатырь; коли ему отказать, онъ все мое государство разоритъ». — «А мнѣ откажешь, я разорю!» — «Что ты! лучше помѣряйся съ нимъ силою: кто изъ васъ побѣдитъ, за того и дочь отдамъ». — «Ладно! созывай всѣхъ царей и царевичей, королей и королевичей на честнóй бой поглядѣть, на свадьбѣ погулять». Тотчасъ посланы были гонцы въ разныя стороны, и года не прошло, какъ собрались со всѣхъ окрестныхъ земель цари и царевичи, короли и королевичи; пріѣхалъ и тотъ царь, что свою родную дочь въ бочку засмолилъ да въ море пустилъ. Въ назначенный день вышли богатыри на смертной бой; бились-бились, отъ ихъ ударовъ земля стонала, лѣса преклонялись, рѣки волновались; сынъ царевны осилилъ

своего сопротивника, — снёсъ съ него буйную голову. Подбѣжали тутъ королевскіе бояре, взяли добраго молодца подъ руки и повели во дворецъ; на другой день обвѣнчался онъ съ королевною, а какъ отпировали свадьбу, сталъ звать всѣхъ царей и царевичей, королей и королевичей въ гости къ своему отцу къ матери. Поднялись всѣ разомъ, снарядили корабли и поплыли пó морю. Царевна со своимъ мужемъ встрѣтили гостей съ честію, и начались опять пиры да веселье. Цари и царевичи, короли и королевичи смотрятъ на дворецъ, на сады и дивуются: такого богатства нигдѣ не видано! А больше всего показались имъ утки и селезень: за одну утку можно полцарства дать! Отпировали гости и вздумали домой ѣхать; не успѣли они до пристани добраться, какъ бѣгутъ за ними скорые гонцы: «Нашъ де хозяинъ проситъ васъ назадъ воротиться, хочетъ съ вами тайной совѣтъ держать». Цари и царевичи, короли и королевичи воротились назадъ; выступилъ къ нимъ хозяинъ и сталъ говорить: «Развѣ эдакъ добрые люди дѣлаютъ? вѣдь у меня утка пропала! Окромя́ васъ некому взять». — «Что ты взводишь напраслину? отвѣчаютъ ему цари и царевичи, короли и королевичи: это дѣло непригожее! Сейчасъ обыщи всѣхъ! если найдешь у кого утку, дѣлай съ нимъ, что самъ знаешь; а если не сыщешь, твоя голова долой!» — «Хорошо, я согласенъ!» сказалъ хозяинъ, пошелъ по ряду и сталъ ихъ обыскивать; какъ скоро дошла очередь до царевнина отца, онъ потихоньку и вымолвилъ: «По щучьему велѣнью, по Божьему благословенью пусть у этого царя подъ полой кафтана будетъ утка привязана!» Взялъ-приподнялъ ему кафтанъ, а подъ полой какъ есть привязана утка — одно перо золотое, другое серебряное. Тутъ всѣ прочіе цари и царевичи, короли и королевичи громко засмѣялись:

«Ха-ха-ха! вотъ каково! ужъ цари воровать начали!» Царевнинъ отецъ всѣми святыми клянется, что воровать у него и на мысляхъ не было; а какъ къ нему утка попала — того и самъ не вѣдаетъ. «Разсказывай! у тебя нашли, стало быть ты одинъ и виноватъ». Тутъ вышла царевна, бросилась къ отцу и призналась, что она та самая его дочь, которую выдалъ онъ за убогаго замужъ и посадилъ въ смоляную бочку: «Батюшка! ты не вѣрилъ тогда моимъ словамъ, а вотъ теперь на себѣ спозналъ, что можно быть безъ вины виноватымъ». Разсказала ему, какъ и что было, и послѣ того стали они всѣ вмѣстѣ жить-поживать, добра наживать, а лиха избывать.

102

Сказка объ Иванѣ-царевичѣ, жаръ-птицѣ и о сѣромъ волкѣ

Въ нѣкоторомъ было царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ: былъ-жилъ царь, по имени Выславъ Андроновичъ. У него было три сына-царевича: первой — Димитрій-царевичъ, другой — Василій-царевичъ, а третій — Иванъ-царевичъ. У того царя Выслава Андроновича былъ садъ такой богатой, что ни въ которомъ государствѣ лучше того не было; въ томъ саду росли разныя дорогія деревья съ плодами и безъ плодовъ, и была у царя одна яблоня любимая, и на той яблони росли яблочки все золотыя. Повадилась къ царю Выславу въ садъ летать жаръ-птица; на ней перья золотыя, а глаза восточному хрусталю подобны. Летала она въ тотъ садъ каждую ночь и садилась на любимую Выслава-царя яблоню, срывала съ нея золотыя яблочки и опять улетала. Царь Выславъ

Андроновичъ весьма крушился о той яблонѣ, что жаръ-птица много яблокъ съ нея сорвала; почему призвалъ къ себѣ трехъ своихъ сыновей и сказалъ имъ: «Дѣти мои любезные! кто изъ васъ можетъ поймать въ моемъ саду жаръ-птицу? кто изловитъ ее живую, тому еще при жизни моей отдамъ половину царства, а по смерти и все». Тогда дѣти его царевичи возопили единогласно: «Милостивой государь-батюшка, ваше царское величество! мы съ великою радостью будемъ стараться поймать жаръ-птицу живую».

На первую ночь пошелъ караулить въ садъ Димитрій-царевичъ и, усѣвшись подъ ту яблонь, съ которой жаръ-птица яблочки срывала, заснулъ и не слыхалъ, какъ та жаръ-птица прилетала и яблокъ весьма много ощипала. Поутру царь Выславъ Андроновичъ призвалъ къ себѣ своего сына Димитрія-царевича и спросилъ: «Что, сынъ мой любезной, видѣлъ ли ты жаръ-птицу или нѣтъ?» Онъ родителю своему отвѣчалъ: «Нѣтъ, милостивой государь-батюшка! она эту ночь не прилетала». На другую ночь пошелъ въ садъ караулить жаръ-птицу Василій-царевичъ. Онъ сѣлъ подъ ту же яблонь и, сидя часъ и другой ночи, заснулъ такъ крѣпко, что не слыхалъ, какъ жаръ-птица прилетала и яблочки щипала. Поутру царь Выславъ призвалъ его къ себѣ и спрашивалъ: «Что, сынъ мой любезной, видѣлъ ли ты жаръ-птицу или нѣтъ?» — «Милостивой государь-батюшка! она эту ночь не прилетала».

На третью ночь пошелъ въ садъ караулить Иванъ-царевичъ и сѣлъ подъ ту же яблонь; сидитъ онъ часъ, другой и третій — вдругъ освѣтило весь садъ такъ, какъ бы онъ многими огнями освѣщенъ былъ: прилетѣла жаръ-птица, сѣла на яблоню и начала щипать яблочки. Иванъ-царевичъ подкрался къ ней такъ искусно, что ухватилъ ее за хвостъ; однако не могъ

ее удержать; жаръ-птица вырвалась и полетѣла, и осталось у Ивана-царевича въ рукѣ только одно перо изъ хвоста, за которое онъ весьма крѣпко держался. Поутру, лишь только царь Выславъ отъ сна пробудился, Иванъ-царевичъ пошелъ къ нему и отдалъ ему пёрышко жаръ-птицы. Царь Выславъ весьма былъ обрадованъ, что меньшому его сыну удалось хотя одно перо достать отъ жаръ-птицы. Это перо было такъ чудно и свѣтло, что ежели принесть его въ темную горницу, то оно такъ сіяло, какъ бы въ томъ покоѣ было зажжено великое множество свѣчъ. Царь Выславъ положилъ то пёрышко въ свой кабинетъ, какъ такую вещь, которая должна вѣчно храниться. Съ тѣхъ поръ жаръ-птица не летала уже въ садъ.

Царь Выславъ опять призвалъ къ себѣ дѣтей своихъ и говорилъ имъ: «дѣти мои любезныя! поѣзжайте, я даю вамъ благословеніе, отыщите жаръ-птицу и привезите ко мнѣ живую; а что прежде я обѣщалъ, то конечно получитъ тотъ, кто жаръ-птицу ко мнѣ привезетъ». Димитрій и Василій-царевичи начали имѣть злобу на меньшого своего брата Ивана-царевича, что ему удалось выдернуть у жаръ-птицы изъ хвоста перо; взяли они у отца своего благословеніе и поѣхали двое отыскивать жаръ-птицу. А Иванъ-царевичъ также началъ у родителя своего просить на то благословенія. Царь Выславъ сказалъ ему: «Сынъ мой любезной, чадо мое милое! ты еще молодъ и къ такому дальному и трудному пути непривыченъ; зачѣмъ тебѣ отъ меня отлучаться? Вѣдь братья твои и такъ поѣхали. Ну, ежели и ты отъ меня уѣдешь, и вы всѣ трое долго не возвратитесь? Я уже при старости и хожу пóдъ Богомъ; ежели во время отлучки вашей Господь Богъ отыметъ мою жизнь, то кто вмѣсто меня будетъ управлять моимъ царствомъ? Тогда можетъ сдѣлаться бунтъ или не-

согласіе между нашимъ народомъ, а унять будетъ некому; или непріятель подъ наши области подступитъ, а управлять войсками нашими будетъ некому». Однако сколько царь Выславъ ни старался удерживать Ивана-царевича, но никакъ не могъ не отпустить его, по его неотступной просьбѣ. Иванъ-царевичъ взялъ у родителя своего благословеніе, выбралъ себѣ коня и поѣхалъ въ путь — и ѣхалъ, самъ не зная, куды ѣдетъ.

Ѣдучи путемъ-дорогою, близко ли, далеко ли, низко ли, высоко ли, — скоро сказка сказывается, да нескоро дѣло дѣлается, — наконецъ, пріѣхалъ онъ въ чистое поле, въ зеленые луга. А въ чистомъ полѣ стоитъ столбъ, а на столбу написаны эти слова: «Кто поѣдетъ отъ столба сего прямо, тотъ будетъ голоденъ и холоденъ; кто поѣдетъ въ правую сторону, тотъ будетъ здравъ и живъ, а конь его будетъ мёртвъ; а кто поѣдетъ въ лѣвую сторону, тотъ самъ будетъ убитъ, а конь его живъ и здравъ останется». Иванъ-царевичъ прочелъ эту надпись и поѣхалъ въ правую сторону, держа на умѣ: хотя конь его и убитъ будетъ, зато самъ живъ останется и со временемъ можетъ достать себѣ другого коня. Онъ ѣхалъ день, другой и третій — вдругъ вышелъ ему навстрѣчу пребольшой сѣрой волкъ и сказалъ: «Охъ, ты гой еси, младой юноша, Иванъ-царевичъ! вѣдь ты читалъ на столбѣ написано, что конь твой будетъ мертвъ, такъ зачѣмъ сюда ѣдешь?» Волкъ вымолвилъ эти слова, разорвалъ коня Ивана-царевича надвое и пошелъ прочь въ сторону.

Иванъ-царевичъ вельми сокрушался по своемъ конѣ, заплакалъ горько и пошелъ пѣшій. Онъ шелъ цѣлой день и усталъ несказанно, и только-что хотѣлъ присѣсть отдохнуть, вдругъ нагналъ его сѣрой волкъ и сказалъ ему: «Жаль мнѣ тебя, Иванъ-царевичъ, что ты пѣшъ изнурился; жаль мнѣ и того, что я заѣлъ твоего добраго

коня. Добро! садись на меня, на сѣраго волка, и скажи, куда тебя везти и зачѣмъ?» Иванъ-царевичъ сказалъ сѣрому волку, куды ему ѣхать надобно; и сѣрой волкъ помчался съ нимъ пуще коня, и черезъ нѣкоторое время какъ разъ ночью привёзъ Ивана-царевича къ каменной стѣнѣ негораздо высокой, остановился и сказалъ: «Ну, Иванъ-царевичъ! слѣзай съ меня, съ сѣраго волка, и полѣзай черезъ эту каменную стѣну; тутъ за стѣною садъ, а въ томъ саду жаръ-птица сидитъ въ золотой клѣткѣ. Ты жаръ-птицу возьми, а золотую клѣтку не трогай: ежели клѣтку возьмешь, то тебѣ оттуда не уйти будетъ: тебя тотчасъ поймаютъ!» Иванъ-царевичъ перелѣзъ черезъ каменную стѣну въ садъ, увидѣлъ жаръ-птицу въ золотой клѣткѣ и очень на нее прельстился. Вынулъ птицу изъ клѣтки и пошелъ назадъ, да потомъ одумался и сказалъ самъ себѣ: «Что я взялъ жаръ-птицу безъ клѣтки, куда я ее посажу?» Воротился, и лишь только снялъ золотую клѣтку — то вдругъ пошелъ стукъ и громъ по всему саду, ибо къ той золотой клѣткѣ были струны проведены. Караульные тотчасъ проснулись, прибѣжали въ садъ, поймали Ивана-царевича съ жаръ-птицею и привели къ своему царю, котораго звали Долматомъ. Царь Долматъ весьма разгнѣвался на Ивана-царевича и вскричалъ на него громкимъ и сердитымъ голосомъ: «Какъ не стыдно тебѣ, младой юноша, воровать! Да кто ты таковъ, и которыя земли, и какого отца сынъ, и какъ тебя по имени зовутъ?» Иванъ-царевичъ ему молвилъ: «Я есмь изъ царства Выславова, сынъ царя Выслава Андроновича, а зовутъ меня Иванъ-царевичъ. Твоя жаръ-птица повадилась къ намъ летать въ садъ по всякую ночь и срывала съ любимой отца моего яблони золотыя яблочки и почти все дерево испортила; для того послалъ меня мой родитель, чтобъ сыскать

жаръ-птицу и къ нему привезть». — «О ты, младой юноша, Иванъ-царевичъ! молвилъ царь Долматъ. Пригоже ли такъ дѣлать, какъ ты сдѣлалъ? Ты бы пришелъ ко мнѣ, я бы тебѣ жаръ-птицу честію отдалъ; а теперь хорошо ли будетъ, когда я разошлю во всѣ государства о тебѣ объявить, какъ ты въ моемъ государствѣ нечестно поступилъ? Однако, слушай, Иванъ-царевичъ! ежели ты сослужишь мнѣ службу: съѣздишь за тридесять земель, въ тридесятое государство и достанешь мнѣ отъ царя Афрона коня златогриваго, то я тебя въ твоей винѣ прощу и жаръ-птицу тебѣ съ великою честью отдамъ; а ежели не сослужишь этой службы, то дамъ о тебѣ знать во всѣ государства, что ты нечестной воръ». Иванъ-царевичъ пошелъ отъ царя Долмата въ великой печали, обѣщая ему достать коня златогриваго.

Пришелъ онъ къ сѣрому волку и разсказалъ ему обо всемъ, что царь Долматъ говорилъ. «Охъ, ты гой еси, младой юноша, Иванъ-царевичъ! молвилъ ему сѣрой волкъ: для чего ты слова моего не слушался и взялъ золотую клѣтку?» — «Виноватъ я передъ тобою», сказалъ волку Иванъ-царевичъ. — «Добро, быть такъ! молвилъ сѣрой волкъ. Садись на меня, на сѣраго волка: я тебя свезу, куды тебѣ надобно». Иванъ-царевичъ сѣлъ сѣрому волку на спину; а волкъ побѣжалъ такъ скоро, аки стрѣла, и бѣжалъ онъ долго ли, коротко ли, наконецъ, прибѣжалъ въ государство царя Афрона ночью. И пришедчи къ бѣлокаменнымъ царскимъ конюшнямъ, сѣрой волкъ Ивану-царевичу сказалъ: «Ступай, Иванъ-царевичъ, въ эти бѣлокаменныя конюшни (теперь караульные конюхи всѣ крѣпко спятъ!) и бери ты коня златогриваго. Только тутъ на стѣнѣ виситъ золотая узда, ты ея не бери, а то худо тебѣ будетъ». Иванъ-царевичъ, вступя въ бѣ-

локаменныя конюшни, взялъ коня и пошелъ было назадъ; но увидѣлъ на стѣнѣ золотую узду и такъ на нее прельстился, что снялъ ее съ гвоздя, и только-что снялъ — какъ вдругъ пошелъ громъ и шумъ по всѣмъ конюшнямъ, потому что къ той уздѣ были струны приведены. Караульные конюхи тотчасъ проснулись, прибѣжали, Ивана-царевича поймали и повели къ царю Афрону. Царь Афронъ началъ его спрашивать: «Охъ, ты гой еси, младой юноша! скажи мнѣ, изъ котораго ты государства, и котораго отца сынъ, и какъ тебя по имени зовутъ?» На то отвѣчалъ ему Иванъ-царевичъ: «Я самъ изъ царства Выславова, сынъ царя Выслава Андроновича, а зовутъ меня Иваномъ-царевичемъ». — «Охъ ты, младой юноша, Иванъ-царевичъ! сказалъ ему царь Афронъ, честнаго ли рыцаря это дѣло, которое ты сдѣлалъ? Ты бы пришелъ ко мнѣ, я бы тебѣ коня златогриваго съ честію отдалъ. А теперь хорошо ли тебѣ будетъ, когда я разошлю во всѣ государства объявить, какъ ты нечестно въ моемъ государствѣ поступилъ? Однако, слушай, Иванъ-царевичъ! ежели ты сослужишь мнѣ службу и съѣздишь за тридевять земель, въ тридесятое государство и достанешь мнѣ королевну Елену Прекрасную, въ которую я давно и душою и сердцемъ влюбился, а достать не могу, то я тебѣ эту вину прощу и коня златогриваго съ золотою уздою честно отдамъ. А ежели этой службы мнѣ не сослужишь, то я о тебѣ дамъ знать во всѣ государства, что ты нечестной воръ, и пропишу все, какъ ты въ моемъ государствѣ дурно сдѣлалъ». Тогда Иванъ-царевичъ обѣщался царю Афрону королевну Елену Прекрасную достать, а самъ пошелъ изъ палатъ его и горько заплакалъ.

Пришелъ къ сѣрому волку и разсказалъ все, что съ нимъ случилося. «Охъ ты, гой еси, младой юноша,

Иванъ-царевичъ! молвилъ ему сѣрой волкъ. Для чего ты слова моего не послушался и взялъ золотую узду?» — «Виноватъ я предъ тобою», сказалъ волку Иванъ-царевичъ. «Добро, быть такъ! продолжалъ сѣрой волкъ. Садись на меня, на сѣраго волка: я тебя свезу, куды тебѣ надобно». Иванъ-царевичъ сѣлъ сѣрому волку на спину, а волкъ побѣжалъ такъ скоро, какъ стрѣла, и бѣжалъ онъ, какъ бы въ сказкѣ сказать, не долгое время и, наконецъ, прибѣжалъ въ государство королевны Елены Прекрасной. И пришедчи къ золотой рѣшёткѣ, которая окружала чудесной садъ, волкъ сказалъ Ивану-царевичу: «Ну, Иванъ-царевичъ! слѣзай теперь съ меня, съ сѣраго волка, и ступай назадъ по той же дорогѣ, по которой мы сюда пришли, и ожидай меня въ чистомъ полѣ подъ зеленымъ дубомъ». Иванъ-царевичъ пошелъ, куда ему велѣно. Сѣрой же волкъ сѣлъ близъ той золотой рѣшётки и дожидался, покуда пойдетъ прогуляться въ садъ королевна Елена Прекрасная. Къ вечеру, когда солнышко стало гораздо опущаться къ западу, почему и въ воздухѣ было не очень жарко, королевна Елена Прекрасная пошла въ садъ прогуливаться со своими нянюшками и съ придворными барынями. Когда она вошла въ садъ и подходила къ тому мѣсту, гдѣ сѣрой волкъ сидѣлъ за рѣшёткою, — вдругъ сѣрой волкъ перескочилъ черезъ рѣшётку въ садъ и ухватилъ королевну Елену Прекрасную, перескочилъ назадъ и побѣжалъ съ нею что есть силы-мочи. Прибѣжалъ въ чистое поле подъ зеленой дубъ, гдѣ его Иванъ-царевичъ дожидался, и сказалъ ему: «Иванъ-царевичъ! садись поскорѣе на меня, на сѣраго волка». Иванъ-царевичъ сѣлъ на него, а сѣрой волкъ помчалъ ихъ обоихъ къ государству царя Афрона. Няньки и мамки и всѣ боярыни придворныя, которыя

гуляли въ саду съ прекрасною королевною Еленою, побѣжали тотчасъ во дворецъ и послали въ погоню, чтобъ догнать сѣраго волка; однако, сколько гонцы ни гнались, не могли нагнать и воротились назадъ.

Иванъ-царевичъ, сидя на сѣромъ волкѣ вмѣстѣ съ прекрасною королевною Еленою, возлюбилъ ее сердцемъ а она Ивана-царевича; и когда сѣрой волкъ прибѣжалъ въ государство царя Афрона и Ивану-царевичу надобно было отвести прекрасную королевну Елену во дворецъ и отдать царю, тогда царевичъ весьма запечалился и началъ слезно плакать. Сѣрой волкъ спросилъ его: «О чемъ ты плачешь, Иванъ-царевичъ?» На то ему Иванъ-царевичъ отвѣчалъ: «Другъ мой, сѣрой волкъ! какъ мнѣ доброму мо́лодцу не плакать и не крушиться? Я сердцемъ возлюбилъ прекрасную королевну Елену, а теперь долженъ отдать ее царю Афрону за коня златогриваго; а ежели ея не отдамъ, то царь Афронъ обезчеститъ меня во всѣхъ государствахъ». — «Служилъ я тебѣ много, Иванъ-царевичъ, сказалъ сѣрой волкъ: сослужу и эту службу. Слушай, Иванъ-царевичъ: я сдѣлаюсь прекрасной королевной Еленой, и ты меня отведи къ царю Афрону и возьми коня златогриваго; онъ меня почтетъ за настоящую королевну. И когда ты сядешь на коня златогриваго и уѣдешь далеко, тогда я выпрошусь у царя Афрона въ чистое поле погулять; и какъ онъ меня отпуститъ съ нянюшками и съ мамушками и со всѣми придворными боярынями, и буду я съ ними въ чистомъ полѣ, тогда ты меня вспомяни — и я опять у тебя буду». Сѣрой волкъ вымолвилъ эти рѣчи, ударился о сыру-землю и сталъ прекрасною королевною Еленою, такъ что никакъ и узнать нельзя, чтобъ то не она была. Иванъ-царевичъ взялъ сѣраго волка, пошелъ во дворецъ къ царю Афрону, а прекрасной королевнѣ Еленѣ велѣлъ дожидаться

за городомъ. Когда Иванъ-царевичъ пришелъ къ царю Афрону съ мнимою Еленою Прекрасною, то царь вельми возрадовался въ сердцѣ своемъ, что получилъ такое сокровище, котораго онъ давно желалъ. Онъ принялъ ложную королевну, а коня златогриваго вручилъ Ивану-царевичу. Иванъ-царевичъ сѣлъ на того коня и выѣхалъ за городъ, посадилъ съ собою Елену Прекрасную и поѣхалъ, держа путь къ государству царя Долмата. Сѣрой же волкъ живетъ у царя Афрона день, другой и третій вмѣсто прекрасной королевны Елены, а на четвертый день пришелъ къ царю Афрону проситься въ чистомъ полѣ погулять, чтобъ разбить тоску-печаль лютую. Какъ возговорилъ ему царь Афронъ: «Ахъ, прекрасная моя королевна Елена! я для тебя все сдѣлаю, отпущу тебя въ чистое поле погулять». И тотчасъ приказалъ нянюшкамъ и мамушкамъ и всѣмъ придворнымъ боярынямъ съ прекрасною королевною идти въ чистое поле гулять.

Иванъ же царевичъ ѣхалъ путемъ-дорогою съ Еленою Прекрасною, разговаривалъ съ нею и забылъ было про сѣраго волка; да потомъ вспомнилъ: «Ахъ, гдѣ-то мой сѣрой волкъ?» Вдругъ откуда ни взялся — сталъ онъ передъ Иваномъ-царевичемъ и сказалъ ему: «Садись, Иванъ-царевичъ, на меня, на сѣраго волка, а прекрасная королевна пусть ѣдетъ на конѣ златогривомъ». Иванъ-царевичъ сѣлъ на сѣраго волка, и поѣхали они въ государство царя Долмата. Ѣхали они долго ли, коротко ли, и, доѣхавъ до того государства, за три версты отъ города остановились. Иванъ-царевичъ началъ просить сѣраго волка: «Слушай ты, другъ мой любезной, сѣрой волкъ! сослужилъ ты мнѣ много службъ, — сослужи мнѣ и послѣднюю; а служба твоя будетъ вотъ какая: не можешь ли ты оборотиться въ коня златогриваго на мѣсто этого, потому что съ

этимъ златогривымъ конемъ мнѣ разстаться не хочется». Вдругъ сѣрой волкъ ударился о сырую землю — и сталъ конемъ златогривымъ; Иванъ-царевичъ, оставя прекрасную королевну Елену въ зеленомъ лугу, сѣлъ на сѣраго волка и поѣхалъ во дворецъ къ царю Долмату. И какъ скоро туда пріѣхалъ, царь Долматъ увидѣлъ Ивана-царевича, что ѣдетъ онъ на конѣ златогривомъ, весьма обрадовался, тотчасъ вышелъ изъ палатъ своихъ, встрѣтилъ царевича на широкомъ дворѣ, поцѣловалъ его во уста сахарныя, взялъ его за правую руку и повелъ въ палаты бѣлокаменныя. Царь Долматъ для такой радости велѣлъ сотворить пиръ, и они сѣли за столы дубовые, за скатерти браныя; пили, ѣли, забавлялися и веселилися ровно два дня, а на третій день царь Долматъ вручилъ Ивану-царевичу жаръ-птицу съ золотою клѣткою. Царевичъ взялъ жаръ-птицу, пошелъ за городъ, сѣлъ на коня златогриваго вмѣстѣ съ прекрасной королевной Еленою и поѣхалъ въ свое отечество, въ государство царя Выслава Андроновича. Царь же Долматъ вздумалъ на другой день своего коня златогриваго объѣздить въ чистомъ полѣ; велѣлъ его осѣдлать, потомъ сѣлъ на него и поѣхалъ въ чистое поле; и лишь только разъярилъ коня, какъ онъ сбросилъ съ себя царя Долмата и, оборотясь попрежнему въ сѣраго волка, побѣжалъ и нагналъ Ивана-царевича. «Иванъ-царевичъ! сказалъ онъ: садись на меня, на сѣраго волка, а королевна Елена Прекрасная пусть ѣдетъ на конѣ златогривомъ». Иванъ-царевичъ сѣлъ на сѣраго волка, и поѣхали они въ путь. Какъ скоро довёзъ сѣрой волкъ Ивана-царевича до тѣхъ мѣстъ, гдѣ его коня разорвалъ, онъ остановился и сказалъ: «Ну, Иванъ-царевичъ! послужилъ я тебѣ довольно вѣрою и правдою. Вотъ на семъ мѣстѣ разорвалъ я твоего коня на́двое, до этого мѣста и довёзъ

тебя. Слѣзай съ меня, съ сѣраго волка, — теперь есть у тебя конь златогривый, такъ ты сядь на него и поѣзжай, куда тебѣ надобно; а я тебѣ больше не слуга». Сѣрой волкъ вымолвилъ эти слова и побѣжалъ въ сторону; а Иванъ-царевичъ заплакалъ горько по сѣромъ волкѣ и поѣхалъ въ путь свой съ прекрасною королевною.

Долго ли, коротко ли ѣхалъ онъ съ прекрасною королевною Еленою на конѣ златогривомъ и, не доѣхавъ до своего государства за двадцать верстъ, остановился, слѣзъ съ коня и вмѣстѣ съ прекрасною королевною лёгъ отдохнуть от солнечнаго зною подъ деревомъ; коня златогриваго привязалъ къ тому же дереву, а клѣтку съ жаръ-птицею поставилъ подлѣ себя. Лёжа на мягкой травѣ и ведя разговоры полюбовные, они крѣпко уснули. Въ то самое время братья Ивана-царевича Димитрій и Василій-царевичи, ѣздя по разнымъ государствамъ и не найдя жаръ-птицы, возвращались въ свое отечество съ порожними руками; нечаянно наѣхали они на своего соннаго брата Ивана-царевича съ прекрасною королевною Еленою. Увидя на травѣ коня златогриваго и жаръ-птицу въ золотой клѣткѣ, весьма на нихъ прельстилися и вздумали брата своего Ивана-царевича убить до смерти. Димитрій-царевичъ вынулъ изъ ножонъ мечъ свой, закололъ Ивана-царевича и изрубилъ его на мелкія части; потомъ разбудилъ прекрасную королевну Елену и началъ ее спрашивать: «Прекрасная дѣвица! котораго ты государства, и какого отца дочь, и какъ тебя по имени зовутъ?» Прекрасная королевна Елена, увидя Ивана-царевича мертваго, крѣпко испугалась, стала плакать горькими слезами и во слезахъ говорила: «Я королевна Елена Прекрасная, а досталъ меня Иванъ-царевичъ, котораго вы злой смерти предали.

Вы тогда бъ были добрые рыцари, если бъ выѣхали съ нимъ въ чистое поле да живого побѣдили; а то убили соннаго, и тѣмъ какую себѣ похвалу получите? Сонной человѣкъ — что мертвой!» Тогда Димитрій-царевичъ приложилъ свой мечъ къ сердцу прекрасной королевны Елены и сказалъ ей: «Слушай, Елена Прекрасная! ты теперь въ нашихъ рукахъ; мы повеземъ тебя къ нашему батюшкѣ, царю Выславу Андроновичу, и ты скажи ему, что мы и тебя достали, и жаръ-птицу, и коня златогриваго. Ежели этого не скажешь, сейчасъ тебя смерти предамъ!» Прекрасная королевна Елена, испугавшись смерти, обѣщалась имъ и клялась всею святынею, что будетъ говорить такъ, какъ ей велѣно. Тогда Димитрій-царевичъ съ Васильемъ-царевичемъ начали метать жеребей, кому достанется прекрасная королевна Елена и кому конь златогривой. И жеребей палъ, что прекрасная королевна должна достаться Василью-царевичу, а конь златогривой Димитрію-царевичу. Тогда Василій-царевичъ взялъ прекрасную королевну Елену, посадилъ на своего добраго коня, а Димитрій-царевичъ сѣлъ на коня златогриваго и взялъ жаръ-птицу, чтобы вручить ее родителю своему, царю Выславу Андроновичу, и поѣхали въ путь.

Иванъ-царевичъ лежалъ мертвъ на томъ мѣстѣ ровно тридцать дней, и въ то время набѣжалъ на него сѣрой волкъ и узналъ по духу Ивана-царевича. Захотѣлъ помочь ему — оживить, да не зналъ какъ это сдѣлать. Въ то самое время увидѣлъ сѣрой волкъ одного вóрона и двухъ воронятъ, которые летали надъ трупомъ и хотѣли спуститься на землю и наѣсться мяса Ивана-царевича. Сѣрой волкъ спрятался за кустъ, и какъ скоро воронята спустились на землю и начали ѣсть тѣло Ивана-царевича, онъ выскочилъ изъ-за куста, схватилъ одного воронёнка и хотѣлъ было

разорвать его на̀двое. Тогда во́ронъ спустился на землю, сѣлъ поодаль отъ сѣраго волка и сказалъ ему: «Охъ, ты гой еси, сѣрой волкъ! не трогай моего младого дѣтища; вѣдь онъ тебѣ ничего не сдѣлалъ». — «Слушай, Воронъ Вороновичъ! молвилъ сѣрой волкъ, я твоего дѣтища не трону и отпущу здрава и невредима, когда ты мнѣ сослужишь службу: слетаешь за тридевять земель, въ тридесятое государство и принесешь мнѣ мертвой и живой воды». На то Воронъ Вороновичъ сказалъ сѣрому волку: «Я тебѣ службу эту сослужу, только не тронь ничѣмъ моего сына». Выговоря эти слова, воронъ полетѣлъ и скоро скрылся изъ виду. На третій день воронъ прилетѣлъ и принёсъ съ собой два пузырька: въ одномъ — живая вода, въ другомъ — мертвая, и отдалъ тѣ пузырьки сѣрому волку. Сѣрой волкъ взялъ пузырьки, разорвалъ воронёнка на̀двое, спрыснулъ его мертвою водою — и тотъ воронёнокъ сросся; спрыснулъ живою водою — вороненокъ встрепенулся и полетѣлъ. Потомъ сѣрой волкъ спрыснулъ Ивана-царевича мертвою водою — его тѣло срослося, спрыснулъ живою водою — Иванъ-царевичъ всталъ и промолвилъ: «Ахъ, куды какъ я долго спалъ!» На то сказалъ ему сѣрой волкъ: «Да, Иванъ-царевичъ, спать бы тебѣ вѣчно, кабы не я: вѣдь тебя братья твои изрубили и прекрасную королевну Елену и коня златогриваго, а жаръ-птицу увезли съ собою. Теперь поспѣшай, какъ можно скорѣе, въ свое отечество: братъ твой Василій-царевичъ женится сегодня на твоей невѣстѣ — на прекрасной королевнѣ Еленѣ. А чтобъ тебѣ поскорѣе туда поспѣть, садись лучше на меня, на сѣраго волка: я тебя на себѣ донесу». Иванъ-царевичъ сѣлъ на сѣраго волка; волкъ побѣжалъ съ нимъ въ государство царя Выслава Андроновича, и долго ли, коротко ли — прибѣжалъ къ городу.

Иванъ-царевичъ слѣзъ съ сѣраго волка, пошелъ въ городъ и, пришедчи во дворецъ, засталъ, что братъ его Василій-царевичъ женится на прекрасной королевнѣ Еленѣ: воротился съ нею отъ вѣнца и сидитъ за столомъ. Иванъ-царевичъ вошелъ въ палаты, и какъ скоро Елена Прекрасная увидала его, тотчасъ выскочила изъ-за стола, начала цѣловать его въ уста сахарныя и закричала: «Вотъ мой любезный женихъ Иванъ-царевичъ, а не тотъ злодѣй, которой за столомъ сидитъ!» Тогда царь Выславъ Андроновичъ всталъ съ мѣста и началъ прекрасную королевну Елену спрашивать: что бы такое то значило, о чемъ она говорила? Елена Прекрасная разсказала ему всю истинную правду, что и какъ было: какъ Иванъ-царевичъ добылъ ее, коня златогриваго и жаръ-птицу, какъ старшіе братья убили его соннаго до̀ смерти и какъ стращали ее, чтобъ говорила, будто все это они достали. Царь Выславъ весьма осердился на Димитрія и Василья-царевичей и посадилъ ихъ въ темницу; а Иванъ-царевичъ женился на прекрасной королевнѣ Еленѣ и началъ съ нею жить дружно, полюбовно, такъ что одинъ безъ другого ниже единой минуты пробыть не могли.

Напечатана съ лубочнаго изданія.

103

Жаръ-птица и Василиса-царевна

Въ нѣкоторомъ царствѣ, за тридевять земель — въ тридесятомъ государствѣ жилъ-былъ сильной, могучій царь. У того царя былъ стрѣлецъ-молодецъ, а у стрѣльца-молодца конь богатырской. Разъ поѣхалъ стрѣлецъ на своемъ богатырскомъ конѣ въ лѣсъ поохотиться; ѣдетъ онъ дорóгою, ѣдетъ широкою — и наѣхалъ на золотое перо жаръ-птицы: какъ огонь перо

свѣтится! Говоритъ ему богатырской конь: «Не бери золотого пера; возьмешь — горе узнаешь!» И раздумался доброй мо̀лодецъ — поднять перо, али нѣтъ? Коли поднять да царю поднести, вѣдь онъ щедро наградитъ; а царская милость кому не дорога̀? Не послушался стрѣлецъ своего коня, поднялъ перо жаръ-птицы, привёзъ и подноситъ царю въ даръ. «Спасибо! говоритъ царь: да ужъ коли ты досталъ перо жаръ-птицы, то достань мнѣ и самую птицу; а не достанешь — мой мечъ, твоя голова съ плечъ!» Стрѣлецъ залился горькими слезами и пошелъ къ своему богатырскому коню. «О чемъ плачешь, хозяинъ?» — «Царь приказалъ жаръ-птицу добыть». — «Я жъ тебѣ говорилъ: не бери пера, горе узнаешь! Ну, да не бойся, не печалься; это еще не бѣда, бѣда впереди! Ступай къ царю, проси, чтобъ къ завтраму сто кулей бѣлоярой пшеницы было по всему чистому полю разбросано». Царь приказалъ разбросать по чистому полю сто кулей бѣлоярой пшеницы. На другой день, на зарѣ, поѣхалъ стрѣлецъ-молодецъ на то поле, пустилъ коня по волѣ гулять, а самъ за дерево спрятался. Вдругъ зашумѣлъ лѣсъ, поднялись волны на̀ морѣ — летитъ жаръ-птица; прилетѣла, спустилась на́земь и стала клевать пшеницу. Богатырской конь подошелъ къ жаръ-птицѣ, наступилъ на ея крыло копытомъ и крѣпко къ землѣ прижалъ; стрѣлецъ-молодецъ выскочилъ изъ-за дерева, прибѣжалъ, связалъ жаръ-птицу веревками, сѣлъ на̀ лошадь и поскакалъ во дворецъ. Приноситъ царю жаръ-птицу; царь увидалъ, возрадовался, благодарилъ стрѣльца за службу, жаловалъ его чиномъ и тутъ же задалъ ему другую задачу: «Коли ты сумѣлъ достать жаръ-птицу, такъ достань же мнѣ невѣсту: за тридевять земель, на самомъ краю свѣта, гдѣ восходитъ красное солнышко, есть Василиса-

царевна — ее-то мнѣ и надобно. Достанешь — златомъ-сèребромъ награжу, а не достанешь — то мой мечъ, твоя голова съ плечъ!» Залился стрѣлецъ горькими слезами, пошелъ къ своему богатырскому коню. «О чемъ плачешь, хозяинъ?» спрашиваетъ конь. «Царь приказалъ добыть ему Василису-царевну». — «Не плачь, не тужи; это еще не бѣда, бѣда впереди! Ступай къ царю, попроси палатку съ золотою маковкой да разныхъ припасовъ и напитковъ на дорогу». Царь далъ ему и припасовъ, и напитковъ, и палатку съ золотою маковкой. Стрѣлецъ-молодецъ сѣлъ на своего богатырскаго коня и поѣхалъ за тридевять земель; долго ли, коротко ли — пріѣзжаетъ онъ на край свѣта, гдѣ красное солнышко изъ синя моря восходитъ. Смотритъ, а по синю морю плыветъ Василиса-царевна въ серебряной лодочкѣ, золотымъ весломъ попихается[1]. Стрѣлецъ-молодецъ пустилъ своего коня въ зеленыхъ лугахъ гулять, свѣжую травку щипать; а самъ разбилъ палатку съ золотой маковкою, разставилъ разныя кушанья и напитки, сѣлъ въ палаткѣ — угощается, Василисы-царевны дожидается. А Василиса-царевна усмотрѣла золотую маковку, приплыла къ берегу, выступила изъ лодочки и любуется на палатку. «Здравствуй, Василиса-царевна! говоритъ стрѣлецъ: милости просимъ хлѣба-соли откушать, заморскихъ винъ испробовать». Василиса-царевна вошла въ палатку; начали они ѣсть-пить, веселиться. Выпила царевна стаканъ заморскаго вина, опьянѣла и крѣпкимъ сномъ заснула. Стрѣлецъ-молодецъ крикнулъ своему богатырскому коню, конь прибѣжалъ; тотчасъ снимаетъ стрѣлецъ палатку съ золотой маковкою, садится на богатырскаго коня, беретъ съ собой сонную Василису-

[1]) Гребетъ.

царевну и пускается въ путь-дорогу, словно стрѣла изъ лука. Пріѣхалъ къ царю; тотъ увидалъ Василису-царевну, сильно возрадовался, благодарилъ стрѣльца за вѣрную службу, наградилъ его казною великою и пожаловалъ большимъ чиномъ. Василиса-царевна проснулась, узнала, что она далеко-далеко отъ синяго моря, стала плакать, тосковать, совсѣмъ изъ лица перемѣнилась; сколько царь ни уговаривалъ — все понапрасну. Вотъ задумалъ царь на ней жениться, а она говоритъ: «Пусть тотъ, кто меня сюда привёзъ, поѣдетъ къ синему морю; посреди того моря лежитъ большой камень, подъ тѣмъ камнемъ спрятано мое подвѣнечное платье— безъ того платья замужъ не пойду!» Царь тотчасъ за стрѣльцомъ-молодцомъ: «Поѣзжай скорѣй на край свѣта, гдѣ красное солнышко восходитъ; тамъ на синёмъ морѣ лежитъ большой камень, а подъ камнемъ спрятано подвѣнечное платье Василисы-царевны; достапь это платье и привези сюда: пришла пора свадьбу играть! Достанешь — больше прежняго награжу, а не достанешь — то мой мечъ, твоя голова съ плечъ!» Залился стрѣлецъ горькими слезами, пошелъ къ своему богатырскому коню: «Вотъ когда, думаетъ, не миновать смерти!» — «О чемъ плачешь, хозяинъ? спрашиваетъ конь. «Царь велѣлъ со дна моря достать подвѣнечное платье Василисы-царевны». — «А что! говорилъ я тебѣ: не бери золотого пера, горе наживешь! Ну да не бойся: это еще не бѣда, бѣда впереди! Садись на меня да поѣдемъ къ синю морю». Долго ли, коротко ли — пріѣхалъ стрѣлецъ-молодецъ на край свѣта и остановился у самаго моря; богатырской конь увидалъ, что большущій морской ракъ по песку ползетъ, и наступилъ ему на шейку своимъ тяжелымъ копытомъ. Возговорилъ морской ракъ: «Не дай мнѣ смерти, а дай живота! что тебѣ нужно, все сдѣлаю». Отвѣчалъ

ему конь: «Посреди синя моря лежитъ большой камень, подъ тѣмъ камнемъ спрятано подвѣнечное платье Василисы-царевны; достань это платье!» Ракъ крикнулъ громкимъ голосомъ на все синё море; тотчасъ море всколыхалося: сползлись со всѣхъ сторонъ на́ берегъ раки большіе и малые — тьма тьмущая! Старшой ракъ отдалъ имъ приказаніе, бросились они въ воду и черезъ часъ времени вытащили со дна моря, изъ-подъ великаго камня, подвѣнечное платье Василисы-царевны. Пріѣзжаетъ стрѣлецъ-молодецъ къ царю, привозитъ царевнино платье; а Василиса-царевна опять заупрямилась: «Не пойду, говоритъ царю: за тебя замужъ, пока не велишь ты стрѣльцу-молодцу въ горячей водѣ искупаться». Царь приказалъ налить чугунной котёлъ воды, вскипятить какъ можно горячѣй, да въ тотъ кипятокъ стрѣльца бросить. Вотъ все готово, вода кипитъ, брызги такъ и летятъ; привели бѣднаго стрѣльца. «Вотъ бѣда, такъ бѣда! думаетъ онъ. Ахъ, зачѣмъ я бралъ золотое перо жаръ-птицы? зачѣмъ коня не послушался?» Вспомнилъ про своего богатырскаго коня и говоритъ царю: «Царь-государь! позволь передъ смертью пойти съ конемъ попрощаться». — «Хорошо, ступай попрощайся!» Пришелъ стрѣлецъ къ своему богатырскому коню и слезно плачетъ. «О чемъ плачешь, хозяинъ?» — «Царь велѣлъ въ кипяткѣ искупаться». — «Не бойся, не плачь, живъ будешь!» сказалъ ему конь и на́скоро заговорилъ стрѣльца, чтобы кипятокъ не повредилъ его бѣлому тѣлу. Вернулся стрѣлецъ изъ конюшни; тотчасъ подхватили его рабочіе люди и прямо въ котёлъ; онъ разъ-другой окунулся, выскочилъ изъ котла — и сдѣлался такимъ красавцемъ, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать. Царь увидалъ, что онъ такимъ красавцемъ сдѣлался, захотѣлъ и самъ искупаться; полѣзъ сдуру

въ воду и въ ту жъ минуту обварился. Царя схоронили, а на его мѣсто выбрали стрѣльца-молодца; онъ женился на Василисѣ-царевнѣ и жилъ съ нею долгія лѣта въ любви и согласіи.

104

Сказка о молодцѣ-удальцѣ, молодильныхъ яблокахъ и живой водѣ

Адинъ царь очень устарѣлъ и глазами абнищалъ, а слыхалъ онъ, што за девять девятинъ, въ десятомъ царствѣ есть садъ съ маладильными яблаками, а въ нёмъ калодезь съ живою вадою: если съѣсть старику эта яблако, то онъ памаладѣитъ, а вадой этай памазать глаза слѣпцу — онъ будетъ видѣть. У царя этаво было три сына. Вотъ онъ посылаетъ старшаво на конѣ верхомъ въ этатъ садъ за яблакомъ и вадой: царю хочетца и маладымъ быть и видѣть. Сынъ сѣлъ на каня и атправился въ далёка царства; ѣхалъ-ѣхалъ, пріѣхалъ къ аднаму сталбу; на этамъ сталбѣ написана три дароги: первая для каня сытна, а самаму галадна, втарая — не быть самаму живому, а третья каню галадна, самаму сытна. Вотъ онъ падумалъ-падумалъ и паѣхалъ по сытнай для себя дорогѣ; ѣхалъ-ѣхалъ, увидалъ въ полѣ хорошей, расхорошей домъ. Онъ подъѣхалъ къ нему, паглядѣлъ-паглядѣлъ, растворилъ варота, шапки не ламалъ, галавы не скланялъ, на дворъ вскакалъ. Хазяйка этово двара, баба-вдава небо́льна стара, маладца къ себѣ звала: «Дабро пажалуй, гость дарагой!» Въ избу ево ввела, за столъ пасадила, всякаво ѣства накрашила и питья медовова перевдоволь натащила. Вотъ маладецъ нагулялся и свалился спать на лавкѣ. Хазяйка ему гаваритъ: «Не честь маладцу, не хвала удальцу лажитца аднаму!

ляжъ съ маею дочкаю, пріукраснаю Дунею». Онъ таму и радъ. Дуня гаваритъ ему: «Ляжъ ко мнѣ платнѣй, будетъ намъ теплѣй!» Онъ двинулся къ ней и правалился скрозь кровати: тамъ ево заставили малоть сырой ржи, а вылѣзть оттуда не можѝ! Атецъ старшаво сына ждалъ-ждалъ и ажиданья потерялъ.

Царь втарова сына атправилъ, штобъ яблако и вады ему даставилъ. Онъ держалъ тотъ же путь и напалъ на ту же участь, какъ и старшей ево братъ. Отъ долгова жданья сыновьёвъ царь бо́льна-бо́льна загаревался.

Младшей сынъ началъ прасить у атца пазваленя ѣхать въ тотъ садъ; а атецъ ни за̀ што не хочетъ ево атпустить и гаваритъ ему: «Горе тебѣ, сынокъ! когда старшіе братья пропали, а ты моладъ какъ вьюноша, ты скорѣе ихъ прападёшъ». Но онъ умоляитъ, отцу обѣщаитъ, што онъ пастараитца для атца лучше всякаво маладца. Атецъ думалъ-думалъ и благославилъ ево на ту же дарогу. На пути до вдовина дома съ нимъ случилось все то же, што и съ старшими братьями. Подъѣхалъ онъ ко двару вдовьину, слѣзъ съ каня, пастучалъ у варотъ и спросился начевать. Хазяйка абрадавалась ему, какъ и энтимъ, проситъ ево: «Дабро пажалуй, гость нашъ нежданной!» Пасадила ево за столъ, наставила всякаво ѣства и питья, хоть завались! Вотъ онъ панаѣлся, хатѣлъ лажитца на лавкѣ. Хазяйка и гаваритъ: «Не честь маладцу, не хвала удальцу лажитца аднаму! ляжъ съ маей пріукраснаю Дунею». А онъ гаваритъ: «Нѣтъ, тётушка! праѣзжему челавѣку не годитца такъ, а нада въ го́лавы кудакъ, а по̀дъ бокъ такъ. Если бъ ты, тётушка, баньку мнѣ истапила и съ тваей дочерью въ неё пустила!» Вотъ вдава баню жарко-разжарко натапила и ево съ пріукраснаю Дунею туда правадила. Дуня такая жъ, какъ мать, злоехидна была, ввела ево вперёдъ и дверь въ банѣ

заперла, а сама въ сѣняхъ покуда стала. Но маладецъ-удалецъ атталкнулъ дверь и Дуню туда вперъ. У нево была три прута: адинъ желѣзнай, другой свинцовай, а третей чугуннай, и началъ этими прутьями Дуню хвастàть[1]. Ана кричитъ, умаляитъ ево; а онъ гаваритъ: «Скажи, злая Дунька: куда дѣвали маихъ братьевъ?» Ана сказала, што у нихъ въ потполѣ мелють сырую рожь. Онъ пустилъ ея. Пришли въ избу, навязали лѣсницу на лѣсницу и братьевъ аттуда вывели. Онъ ихъ пустилъ дамой; но имъ стыдно къ атцу паявитца — оттово, што съ Дуней лажились и къ чорту не гадились, и пашли ани брадяжничать по палямъ и по лѣсамъ.

А маладецъ паѣхалъ дальше, ѣхалъ-ѣхалъ, подъѣхалъ къ аднаму двару, вшолъ въ избу: тамъ сидитъ красна дѣвица, ткётъ утирки. Онъ сказалъ: «Богъ помачь тебѣ, красная дѣвица!» А ана ему: «Спасибо! Што, добрый маладецъ, отъ дѣла лытаишь или дѣла пытаишь?» — «Дѣла пытаю, красна дѣвица! сказалъ маладецъ: а ѣду за девять девятинъ, въ десятое царство, въ садъ — за маладильными яблаками и за живой вадой для сваво старова и слѣпова батюшки». Ана ему сказала: «Ну, мудро тебѣ, мудро-мудро дабратца до этова сада; аднака паѣзжай, на дарогѣ живётъ другая мая сестра, заѣзжай къ ней: ана лучше меня знаитъ и тебя научитъ, што дѣлать». Вотъ онъ ѣхалъ-ѣхалъ до другой сестры, даѣхалъ; такъ же, какъ и съ первай, паздаровался, разсказалъ ей абъ себѣ и куда ѣдитъ. Ана велѣла ему аставить сваво каня у ней, а на её двукрыломъ канѣ ѣхать къ её старшей сестрѣ, каторая научитъ, што дѣлать: какъ пабывать въ саду и дастать яблако и вады. Вотъ онъ ѣхалъ-ѣхалъ, пріѣхалъ къ третьей сестрѣ. Эта дала ему

[1]) Парить, хлыстать.

сваво каня абъ четырёхъ крыльяхъ и приказала: «Сматри, въ этамъ саду живётъ наша тётка, страшная вѣдьма; кали падъѣдишь къ саду, не желѣй маво каня, паганяй харашенька, штобъ онъ сразу перелетѣлъ черезъ стѣну; а если онъ зацѣпитъ за стѣну — на стѣнѣ наведены струны съ калакольчиками: струны заструнятъ, калакольчики зазвенятъ, ана праснётца, и ты отъ неё тагда не уѣдишь! У ней есть конь о шести крыльяхъ; ты таму каню у крыльёвъ подрѣжь жилки, штобъ ана на нёмъ тебя не дагнала».

Онъ все такъ и сдѣлалъ. Палетѣлъ черезъ стѣну на сваёмъ канѣ, и конь хвастомъ зацѣпилъ не дюжа за струну: струны заструнѣли, калакольчики зазвенѣли, но тиха: вѣдьма праснулась, да не разабрала харашо голаса струнъ и калакольчиковъ, апять зѣвнула и уснула. А маладецъ-удалецъ съ маладильнымъ яблакамъ и живой вадою ускакалъ; заѣзжая къ сестрамъ, каней у нихъ перемѣнялъ и на сваёмъ опять памчался въ сваю землю. Поутру рана страшная вѣдьма замѣтила, што въ саду у ней украдена яблако и вада; ана тутъ же сѣла на сваво шестикрылова каня, даскакала до первай племянницы, спрашиваитъ ее: «Не праѣзжалъ ли тутъ хто?» Племянница сказала: «Праѣхалъ маладецъ-удалецъ, да ужъ давно!» Ана паскакала дальше, спрашиваитъ у другой и третей; тѣ то же ей сказали. Ана ещё паскакала и чуть-чуть не дагнала, но ужъ маладецъ-удалецъ на сваю землю прабрался и её не апасался: сюда она скакать не смѣла, толька на нево пасматрѣла, атъ злости захрипѣла и такъ ему запѣла: «Ну, харошъ ты, воръ-варишка! хараша твая успѣшка! атъ меня успѣлъ ты ускакать, за то атъ братьевъ тебѣ непримѣнно прапасть!» Такъ ему наваражила и дамой паваратила.

Удалецъ нашъ пріѣзжаитъ въ сваю землю, видитъ: братья ево, брадяги, въ полѣ спятъ. Онъ пустилъ сваво каня, не сталъ ихъ будить, самъ лёгъ окала и уснулъ. Братья праснулись, увидали, што братъ ихъ варатился въ сваю землю, легонько вынули у нево соннова изъ пазаки[1] маладильнаё яблако, а ево взяли да бросили въ пропасть. Онъ летѣлъ туда три дня, упалъ въ подземельнае тёмнае царство, гдѣ люди всё дѣлаютъ съ агнёмъ. Вотъ онъ куда ни пайдётъ — всё люди такіе кручинные и плачутъ. Онъ спрашиваитъ абъ ихъ кручинѣ. Ему сказали, што у царя ихъ адна и есть дочь — пріукрасная царевна Палюша, и ее-то паведутъ завтра къ змѣю на съѣденіе; въ этамъ царствѣ каждый мѣсяцъ даютъ семиглаваму змѣю по дѣвицѣ, такъ ужъ и ведётца очередь дѣвицамъ — ужъ такой у нихъ законъ! Нынѣ наступила очередь до царскай дочери. Вотъ нашъ маладецъ узналъ харашенька абъ этамъ и пашолъ прямо къ царю, гаваритъ ему: «Я спасу, царь, тваю дочь атъ змѣя, толька ты самъ сдѣлай мнѣ то, о чемъ буду тебя послѣ прасить». Царь абрадавался, абѣщалъ все для нево сдѣлать и выдать за нево замужъ сваю дочь.

Вотъ пришолъ тотъ день: павели пріукрасную царевну Палюшу къ морю, въ трёхстѣнную крѣпость, а съ нею пашолъ удалецъ. Онъ взялъ съ сабою желѣзную палку въ пять пудовъ. Асталисъ тамъ двоя съ царевнай ждать змѣя; ждали-ждали, кой о чомъ пакуда погутарили. Онъ ей разсказалъ о сваёмъ пахажденіи и што у нево есть живая вада. Вотъ маладецъ сказалъ пріукраснай царевнѣ Палюши: «Паищи пакуда у меня въ галавѣ вши, а кали я усну, и прилетитъ змѣй, то буди́ меня маей палкаю, а такъ меня не дабудишся!» — и лёгъ къ ней на калѣни. Ана стала

[1]) Пазухи.

искать у нево въ галавѣ; онъ уснулъ. Прилетѣлъ змѣй, началъ витца надъ царевнаю. Ана стала будить маладца, талкаитъ ево руками, а палкай ударить (какъ онъ велѣлъ) ей жалка; не дабудилась и заплакала, слеза её капула ему на лицо — онъ праснулся и вскрикнулъ: «О, какъ ты меня чѣмъ-то гойна[1] абажгла!» А змѣй сталъ ужъ спускатца на нихъ. Маладецъ взялъ сваю пятипудавую палку, махнулъ ею — и вдругъ атшибъ змѣю пять галовъ, въ другой махнулъ наóтмашъ — и атшибъ двѣ паслѣднія; сабралъ всѣ эти голавы, палажилъ ихъ падъ стѣну, а тулавище бросилъ въ море. Но какой-то балавня дѣтина видѣлъ все эта и легоничка изъ-за стѣны падкрался, атсѣкъ маладцу голаву и бросилъ ево въ море, а пріукрасной царевнѣ Палюши велѣлъ сказать атцу её, царю, што онъ ее устерёгъ, а если ана такъ не скажетъ, то онъ ее задушитъ. Дѣлать нечево, Палюша паплакала-паплакала, и пашли ани къ атцу, царю. Царь ихъ встрѣлъ. Ана ему сказала, што этатъ дѣтина ее убирёгъ. Царь невись какъ радъ, тутъ же началъ сбирать свадьбу. Гости наѣхались изъ иныхъ земель: цари, карали да принцы, всѣ пьютъ, гуляютъ и веселятца; адна царевна кручинна, зайдётъ гдѣ падъ сараемъ въ уголокъ и заливаится тамъ гарючми слезами о сваёмъ маладцѣ-удальцѣ. Вотъ и вздумала ана папрасить сваво батюшку, штобъ онъ паслалъ ловить въ морѣ рыбу, и сама ана пашла съ рыбаловами къ морю; затянули невадъ, вытащили рыбы и бознать[2] сколько! Ана паглядѣла и сказала: «Нѣтъ, эта не мая рыба!» Затянули въ другой, вытащили голаву и тулавище маладца-удальца. Палюша скарѣй падбѣжала къ нему, нашла у нево въ пазхи пузырёкъ съ живой вадой, приставила къ тула-

[1]) Пріятно.
[2]) Богъ знаетъ.

вищу голаву, примачила вадой изъ пузырька — онъ и аживѣлъ. Ана ему разсказала, какъ не хочетъ взять пастылый для неё дѣтина. Удалецъ утѣшилъ ее и велѣлъ идти дамой, а онъ самъ придётъ и знаитъ што̀ дѣлать.

Вотъ пришолъ удалецъ въ царску палату; тамъ все гости пьяные — играютъ да пляшутъ. Онъ сказался, што умѣитъ играть пѣсни на разные галаса. Ему всѣ ради, заставили играть. Онъ заигралъ имъ прежде весёлую какую-то, прибасную — гости такъ и растаили, што больна гойна играитъ, дружка-дружкѣ расхвалили ево; а тамъ онъ заигралъ кручинную такую, што всѣ гости заплакали. Вотъ удалецъ спрасилъ царя, хто убирёгъ ево дочь. Царь сказалъ, што этатъ дѣтина. «Ну-ка, царь, пайдемъ къ той крѣпасти и со всѣми гастями тваими; кали онъ достанитъ тамъ змѣиныя голавы, такъ я павѣрю, што онъ спасъ царевну Палюшу». Пришли всѣ къ крѣпасти. Дѣтина тянулъ-тянулъ — и ни адной галавы не вытянулъ, бо̀льна ему не подъ мочь. А маладецъ лишь взялся — и вытянулъ. Тутъ и царевна разсказала всю правду, хто ее устерёгъ. Всѣ признали, што уладецъ устерёгъ царёву дочь, а дѣтину привязали каню за хвостъ и размыкали по̀ полю. Царю хочетца, штобъ маладецъ-удалецъ женился на ево дочери; но удалецъ гаваритъ: «Нѣтъ, царь, мнѣ ничево не нада, а толька вынеси меня на нашъ бѣлый свѣтъ: я ещё не дакончилъ свой атвѣтъ батюшкѣ, онъ меня теперь съ живою вадой ждётъ, — вѣдь онъ слѣпымъ живётъ». Царь не можетъ пригадать, какъ ево на бѣлый свѣтъ паднять; а дочь не хочетъ разстатца — захатѣла съ нимъ паднятца, гаваритъ сваму атцу, што у нихъ есть птица-колпали́ца[1]: ана можетъ ихъ туда несть, толька бъ было што̀ ей въ дорогѣ ѣсть.

[1]) Колпица?

Вотъ Палюша велѣла для птицы-колпалицы цѣлова быка убить и съ сабой ево запасись. Патомъ прастились съ падземельнымъ царёмъ, сѣли птицѣ на хребетъ и панеслись на Божій бѣлый свѣтъ. Гдѣ больше птицу кормятъ, тамъ ана рѣще въ вершки съ ними паднималась; вотъ всево быка птицѣ и стравили. Дѣлать нечево, баятца, штобъ ана не апустила ихъ апять внизъ. Палюша взяла атрѣзала у себя кусокъ ляхи[1] и птицѣ атдала; а та ихъ какъ разъ на этатъ свѣтъ падняла, и сказала: «Ну, всю дарогу вы меня харашо кармили, но слаще послѣднява кусочка я атрадясь не ядала!» Палюша ей сваю ляху развернула, птица ахнула и рыгнула: кусокъ ещё цѣлъ. Маладецъ апять приставилъ ево къ ляхѣ, живой вадицей примачилъ — и царевнѣ ляху исцѣлилъ.

Тутъ пашли ани дамой. Атецъ, нашеской царь, ихъ встрѣлъ, абрадавался невись какъ! Удалецъ видитъ, што атецъ ево атъ таво яблака памаладѣлъ, но все ещё слѣпъ. Онъ тотчасъ помазалъ ему глаза живой вадой. Царь сталъ видѣть; тутъ онъ расцалавалъ сваво сына-удальца и ево невѣсту изъ тёмнова царства. Удалецъ разсказалъ, какъ братья унесли у нево яблако и бросили его въ подземелье. Братья такъ испугались — инна въ рѣку покидались! А удалецъ на той царевнѣ Палюшѣ женился и раздиковинную пирушку сдѣлалъ; я тамъ абѣдалъ, мёдъ пилъ, а ужъ какая у нихъ капуста — инна теперь въ ротѣ пуста!

Записана въ Тамбовской губ.

105

Сивко-бурко

Жилъ-былъ старикъ; у нево было три сына, третій-етъ Иванъ-дуракъ, ничево не дѣлалъ; только на печѣ

[1]) Ляжки.

въ углу сидѣлъ да сморкался. Отецъ сталъ умирать и говоритъ: «Дѣти! какъ я умру, вы каждой поочерёдно ходите на могилу ко мнѣ спать по три ночи» — и умёръ. Старика схоронили. Приходитъ ночь; надо большому брату ночевать на могилѣ, а ему — коё лѣнь, коё боится, онъ и говоритъ малому брату: «Иванъ-дуракъ! поди-ко къ отцу на могилу, ночюй за меня. Ты ничево жо не дѣлашь!» Иванъ-дуракъ собрался, пришолъ на могилу, лежитъ: въ полночь вдрукъ могила разступилась, старикъ выходитъ и спрашиватъ: «Кто тутъ? ты, большой сынъ?» — «Нѣтъ, батюшко! я Иванъ-дуракъ». Старикъ узналъ ево и спрашиватъ: «Что же большъ-отъ сынъ не пришолъ?» — «А онъ меня послалъ, батюшко!» «Ну, твоё счастьё!» Старикъ свиснулъ-гайкнулъ богатырскимъ посвистомъ: «Сивко-бурко-вѣшшой[1] воронко!» Сивко бѣжитъ, только земля дрожитъ, изъ очей искры сыплются, изъ ноздрей дымъ столбомъ. «Вотъ тебѣ, сынъ мой, доброй конь; а ты, конь, служи ему, какъ мнѣ служилъ». Проговорилъ это старикъ, лёкъ въ могилу. Иванъ-дуракъ погладилъ, поласкалъ сивка и опустилъ, самъ домой пошолъ. Дома спрашиваютъ братья: «Что, Иванъ-дуракъ, ладно ли ночевалъ?» — «Очонъ ладно, братья!» Другая ночь приходитъ. Середней братъ тоже не идётъ ночевать на могилу и говоритъ: «Иванъ-дуракъ! поди на могилу-то къ батюшку, ночуй и за меня». Иванъ-дуракъ, не говоря ни слова, собрался и покатилъ, пришолъ на могилу, лёкъ, дожидатся полночи. Въ полночь также могила раскрылась, отецъ вышолъ, спрашиватъ: «Ты середней сынъ?» — «Нѣтъ, говоритъ Иванъ-дуракъ: я жо опеть, батюшко!» Старикъ гайкнулъ богатырскимъ голосомъ, свиснулъ молодецкимъ посвистомъ: «Сивко-бурко — вѣшшой воронко!» Бурко

[1]) Вѣщій.

бѣжитъ, только земля дрожитъ, изъ очей пламё пышотъ, а изъ ноздрей дымъ столбомъ. «Ну, бурко! какъ мнѣ служилъ, такъ служи и сыну моему. Ступай теперь!» Бурко убѣжалъ; старикъ лёкъ въ могилу, а Иванъ-дуракъ пошолъ домой. Братья опеть спрашиваютъ: «Каково, Иванъ-дуракъ, ночевалъ?» — «Очонъ, братья, ладно!» На третью ночь Иванова очередь; онъ не дожидатся наряду, собрался и пошолъ. Лежитъ на могилѣ; въ полночь опеть старикъ вышолъ, ужъ знатъ, что тутъ Иванъ-дуракъ, гайкнулъ богатырскимъ голосомъ, свиснулъ молодецкимъ посвистомъ: «Сивко-бурко-вѣшшой воронко!» Воронко бѣжитъ, только земля дрожитъ, изъ очей пламё пышотъ, а изъ ноздрей дымъ столбомъ. «Ну, воронко! какъ мнѣ служилъ, такъ и сыну моему служи». Сказалъ это старикъ, простился съ Иваномъ-дуракомъ, лёкъ въ могилу. Иванъ-дуракъ погладилъ воронка, посмотрѣлъ и опустилъ, самъ пошолъ домой. Братья опеть спрашиваютъ: «Каково, Иванъ-дуракъ, ночевалъ?» — «Очонъ ладно, братья!»

Живутъ; двое братовей рȏбятъ, а Иванъ-дуракъ ничево. Вдругъ отъ царя кличъ: ежели кто сорвётъ царевнинъ патретъ съ дому чрезъ сколько-то много брёвенъ, за тово ее и въ замужъ отдастъ. Братья сбираются посмотрѣть, кто станётъ срывать патретъ; Иванъ-дуракъ сидитъ на печѣ за трубой и баётъ: «Братья! дайте мнѣ каку лошадь, я поѣду посмотрю жо». — «Э! взъѣлись братья на ево: сиди, дуракъ, на печѣ; чево ты поѣдёшь? людей что ли смѣшить?» — Нѣтъ, отъ Ивана-дурака отступу нѣту! братья не могли отбится: «Ну, ты, возьми, дуракъ, вонъ трёхногую кобыленку!» Сами уѣхали. Иванъ-дуракъ за ними же поѣхалъ въ чисто полё, въ широко раздольё: слѣзъ съ кобылёнки, взялъ ее и зарѣзалъ, кожу снялъ,

повѣсилъ на поскотину[1], а мясо бросилъ; самъ свиснулъ молодецкимъ посвистомъ, гайкнулъ богатырскимъ голосомъ: «Сивко-бурко-вѣшшой воронко!» Сивко бѣжитъ, только земля дрожитъ, изъ очей пламё пышотъ, а изъ ноздрей дымъ столбомъ. Иванъ-дуракъ въ одно ушко залѣзъ — напился, наѣлся, въ друго вылѣзъ — одѣлся, молодѐцъ такой сталъ, что и братьямъ не узнать! сялъ на сивка и поѣхалъ срывать патретъ. Народу было тутъ видимо-невидимо; завидѣли молодца, всѣ начали смотрѣть. Иванъ-дуракъ съ размаху нагналъ, конь его скочилъ, — и патретъ не досталъ только чрезъ три бревна. Видѣли, откуда пріѣхалъ, а не видали, куда уѣхалъ! Онъ коня отпустилъ, самъ пришолъ домой, сялъ на печь. Вдрукъ братья пріѣзжаютъ и сказываютъ жонамъ: «Ну, жоны, какой молодецъ пріѣзжалъ, дакъ мы такова сроду не видали! Патретъ не досталъ только черезъ три бревна. Видѣли, откуль пріѣхалъ, не видали, куды уѣхалъ! Ишшо опеть пріѣдётъ» . . . Иванъ-дуракъ сидитъ на печѣ и говоритъ: «Братья! не я ли тутъ былъ?» — «Куда къ чорту тебѣ быть! Сиди, дуракъ, на печѣ да протирай носъ-отъ».

Время идётъ. Отъ царя тотъ жо кличъ. Братья опеть стали собиратся, а Иванъ-дуракъ и говоритъ: «Братья! дайте мнѣ каку-нибудь лошадь». Они отвѣчаютъ: «Сиди, дуракъ, дома! другу́ лошадь ты станёшь переводить!» Нѣтъ, отбится не могли, велѣли опеть взять хромую кобылёшку. Иванъ-дуракъ и ту управилъ: заколoлъ, кожу развѣсилъ на поскотинѣ, а мясо бросилъ; самъ свиснулъ молодецкимъ посвистомъ, гайкнулъ богатырскимъ голосомъ: «Сивко-бурко-вѣшшой воронко!» Бурко бѣжитъ, только земля дрожитъ, изъ очей пламё пышотъ, а изъ

[1]) Поскотина — городьба вокругъ скотнаго выгона.

ноздрей дымъ столбомъ. Иванъ-дуракъ въ право ухо залѣзъ — одѣлся, выскочилъ въ лѣво — молодцомъ сдѣлался, соскочилъ на коня, поѣхалъ; патретъ не досталъ только за два бревна. Видѣли, откуда пріѣхалъ, а не видѣли, куда уѣхалъ! Бурка отпустилъ, а самъ пошолъ домой, сялъ на печь, дожидаться братовей. Братья пріѣхали и сказываютъ: «Бабы! тотъ жо молодецъ опеть пріѣзжалъ, да не досталъ патретъ только за два бревна». Иванъ-дуракъ и говоритъ имъ: «Братья, не я ли тутъ былъ?» — «Сиди, дуракъ! гдѣ у чорта былъ!»

Чрезъ немного времени отъ царя опеть кличъ. Братья начали сбиратся, а Иванъ-дуракъ и проситъ: «Дайте, братья, каку-нибудь лошадь; я съѣзжу, посмотрю жо». — «Сиди, дуракъ, дома! докуда лошадей-то у насъ станёшь переводить?» Нѣтъ, отбится не могли, бились-бились, велѣли взять худую кобылёшку; сами уѣхали. Иванъ-дуракъ и ту управилъ, зарѣзалъ, бросилъ; самъ свиснулъ молодецкимъ посвистомъ, гайкнулъ богатырскимъ голосомъ: «Сивко-бурко-вѣшшой воронко!« Воронко бѣжитъ, только земля дрожитъ, изъ очей пламё пышотъ, а изъ ноздрей дымъ столбомъ. Иванъ-дуракъ въ одно ушко залѣзъ — напился, наѣлся, въ друго вылѣзъ — молодцомъ одѣлся, сялъ на коня и поѣхалъ. Какъ только доѣхалъ до царскихъ чертоговъ, патретъ и ширинку[1] такъ и сорвалъ. Видѣли, откуда пріѣхалъ, а не видѣли, куда уѣхалъ! Онъ также воронка отпустилъ, пошолъ домой, сялъ на печь, ждётъ братовей. Братья пріѣхали, сказываютъ: «Ну, хозейки! тотъ жо молодецъ какъ нагналъ севодни, такъ патретъ и сорвалъ». Иванъ-дуракъ сидитъ за трубой и баётъ: «Братья, не я

[1]) Платокъ, полотенце.

ли тутъ былъ?» — «Сиди, дуракъ! гдѣ ты у чорта былъ!»

Чрезъ немного время царь сдѣлалъ балъ, созыватъ всѣхъ бояръ, воеводъ, кнезей, думныхъ, сенаторовъ, купцовъ, мѣшшанъ и хресьянъ. И Ивановы братья поѣхали; Иванъ-дуракъ не отсталъ, сялъ гдѣ-то на печь за трубу, глядитъ, ротъ разинулъ. Царевна потчуётъ гостей, каждому подноситъ пива и смотритъ, не утрется ли кто ширинкой? — тотъ её и женихъ. Только никто не утёрся; а Ивана-дурака не видала, обошла. Гости разошлись. На другой день царь сдѣлалъ другой балъ; опеть виноватова не нашли, кто сорвалъ ширинку. На третей день царевна также стала изъ своихъ рукъ подносить гостямъ пиво; всѣхъ обошла, никто не утёрся ширинкой. «Что это? думатъ она себѣ: нѣтъ моево сужонова! взглянула за трубу и увидѣла тамъ Ивана-дурака: платьишко на нёмъ худоё, весь въ сажѣ, волосы дыбомъ. Она налила стаканъ пива, подноситъ ему, а братья глядятъ и думаютъ: царевна-то и дураку-то подноситъ пиво! Иванъ-дуракъ выпилъ да и утёрся ширинкой. Царевна обрадовалась, берётъ ево за̀ руку, ведетъ къ отцу и говоритъ: «Батюшко! вотъ мой сужоной». Братовей тутъ ровно ножомъ по сердцу-то рѣзнуло, думаютъ: «Чево эта царевна! не съ ума ли сошла? дурака ведетъ въ сужоны». Разговоры тутъ коротки: веселымъ пиркомъ да за свадебку. Нашъ Иванъ тутъ сталъ не Иванъ-дуракъ, а Иванъ-царской зять; оправился, очистился, молодецъ-молодцомъ сталъ, не стали люди узнавать! Тогда-то братья узнали, что значило ходить спать на могилу къ отцу.

Записана въ Пермской губ., въ Шадринскомъ округѣ, государственнымъ крестьяниномъ А. Зыряновымъ.

106

Свинка-золотая щетинка, утка-золотыя перушки, золоторогій олень и золотогривый конь

Жилъ старикъ со старухою; у нихъ было три сына: двое умныхъ, третій дуракъ. Старикъ со старухой померли. Передъ смертью отецъ говорилъ: «Дѣти мои любезныя! ходите три ночи на мою могилу сидѣть». Они кинули между собой жеребей; досталось дураку идти. Дуракъ пошелъ на могилу сидѣть; въ полночь выходитъ отецъ его и спрашиваетъ: «Кто сидитъ?»— «Я, батюшка, — дуракъ». — «Сиди, мое дитятко; Господь съ тобою!» На другую ночь приходится большому брату идти на могилу; большой братъ проситъ дурака: «Поди, дуракъ, посиди за меня ночку; что хочешь — возьми». — «Да, поди! тамъ мертвецы прыгаютъ . . .» — «Поди; красные сапоги тебѣ куплю». Дуракъ не могъ отговориться, пошелъ другую ночку сидѣть. Сидитъ на могилкѣ, вдругъ земля раскрывается, выходитъ его отецъ и спрашиваетъ: «Кто сидитъ?» — «Я, батюшка, — дуракъ». — «Сиди мое дитятко; Господь съ тобою!» На третью ночь надо среднему брату идти, то онъ проситъ дурака: «Сдѣлай милость, поди-посиди за меня; что хочешь — возьми!» — «Да, поди! первая ночь страшна была, а другая еще страшнѣе: мертвецы кричатъ, дерутся, а меня лихорадка трясетъ!» — «Поди; красную шапку тебѣ куплю». Нечего дѣлать, пошелъ дуракъ и на третью ночь. Сидитъ на могилкѣ, вдругъ земля раскрывается, выходитъ его батюшка и спрашиваетъ: «Кто сидитъ?» — «Я — дуракъ». — «Сиди, мое дитятко; Господь съ тобою! вотъ тебѣ отъ меня великое благословеніе». И даетъ ему три конскихъ волоса. Дуракъ вышелъ въ заповѣдные луга, прижёгъ-припалилъ три волоса

и крикнулъ зычнымъ голосомъ: «Сивка-бурка, вѣщая каурка, батюшкино благословеніе! стань передо мной, какъ листъ передъ травой». Бѣжитъ сивка-бурка, вѣщая каурка, и́зо рту полымя пышетъ, изъ ушей дымъ столбомъ валитъ; сталъ конь передъ нимъ, какъ листъ передъ травой. Дуракъ въ лѣвое ушко влѣзъ — напился, наѣлся; въ правое влѣзъ — въ цвѣтно платье нарядился, и сдѣлался такой молодецъ — не вздумать, не взгадать, ни перомъ написать. Поутру царь кличъ кличетъ: «кто въ третьемъ этажѣ мою дочь Милоли ку-царевну — съ разлёту на конѣ — поцѣлуетъ, за того отдамъ ее замужъ». Старшіе братья сбираются смотрѣть, зовутъ съ собой дурака: «пойдемъ, дуракъ, съ нами!» — «Нѣтъ, не хочу; я пойду въ поле, возьму кузовъ да набью галокъ — и то собакамъ кормъ!» Вышелъ въ чистое поле, пропалилъ три конскіе волоса и закричалъ: «Сивка-бурка, вѣщая каурка, батюшкино благословеніе! стань передо мной, какъ листъ передъ травой». Бѣжитъ сивка-бурка, вѣщая каурка, изо рту полымя пышетъ, изъ ушей дымъ столбомъ валитъ; сталъ конь передъ нимъ, какъ листъ передъ травой. Дуракъ въ лѣвое ушко влѣзъ — напился, наѣлся; въ правое влѣзъ — въ цвѣтно платье нарядился: сдѣлался такой молодецъ, что не вздумать, не взгадать, ни перомъ написать. Сѣлъ верхомъ, рукой махнулъ, ногой толкнулъ и понесся; его конь бѣжитъ, земля дрожитъ, горы, долы хвостомъ застилаетъ, пни, колоды промежъ ногъ пускаетъ. Черезъ одинъ этажъ перескакалъ, черезъ два — нѣтъ, и уѣхалъ назадъ. Братья приходятъ домой, дуракъ на полатяхъ лежитъ; говорятъ ему: «Ахъ, дуракъ! что ты не пошелъ съ нами? Какой тамъ молодецъ пріѣзжалъ — не вздумать, не взгадать, ни перомъ написать!» — «Не я ли дуракъ?» — «Да гдѣ тебѣ такого коня достать! утри прежде подъ носомъ-та!»

На другое утро старшіе братья сбираются къ царю смотрѣть, зовутъ съ собой дурака: «Пойдемъ, дуракъ, съ нами; вчера пріѣзжалъ хорошъ молодецъ, нынче еще лучше пріѣдетъ!» — «Нѣтъ, не хочу; я пойду въ поле, возьму кузовъ, набью галокъ и принесу — и то собакамъ кормъ!» Вышелъ въ чистое поле, припалилъ конскіе волосы: «Сивка-бурка, вѣщая каурка! стань передо мной, какъ листъ передъ травой». Сивка-бурка бѣжитъ, изо рту полымя пышетъ, изъ ушей дымъ столбомъ валитъ; сталъ конь передъ нимъ, какъ листъ передъ травой. Дуракъ въ лѣвое ушко влѣзъ — напился, наѣлся; въ правое влѣзъ — въ цвѣтно платье нарядился, сдѣлался такой молодецъ — не вздумать, не взгадать, ни перомъ написать. Сѣлъ верхомъ, рукой махнулъ, ногой толкнулъ, черезъ два этажа перескакалъ, черезъ третій — нѣтъ; воротился назадъ, пустилъ своего коня въ зеленые заповѣдные луга, а самъ пришелъ домой, лёгъ на печи. Братья приходятъ: «Ахъ, дуракъ, что ты не пошелъ съ нами? вчера пріѣзжалъ хорошъ молодецъ, а нынче еще лучше; и гдѣ эта красота родилась?» — «Да не я ли дуракъ былъ?» — «Эхъ, дуракъ дурацкое и говоритъ! гдѣ тебѣ этакой красоты достать, гдѣ тебѣ эдакого коня взять? Знай на печи лежи . . .» — «Ну, не я, такъ авось завтра узнаете». На третье утро сбираются умные братья къ царю смотрѣть: «Пойдемъ, дуракъ, съ нами; нынче онъ ее поцѣлуетъ». — «Нѣтъ, не хочу; я въ поле пойду, кузовъ возьму, набью галокъ, домой принесу — и то собакамъ кормъ!» Вышелъ въ чистое поле, припалилъ конскіе волосы и закричалъ громкимъ голосомъ: «Сивка-бурка, вѣщая каурка! стань передо мной, какъ листъ передъ травой». Сивка-бурка бѣжитъ, изо рту полымя пышетъ, изъ ушей дымъ столбомъ валитъ; сталъ конь передъ нимъ, какъ листъ передъ

травой. Дуракъ въ лѣвое ушко влѣзъ — напился, наѣлся; въ правое ушко влѣзъ — въ цвѣтно платье нарядился, и сдѣлался такой молодецъ — не вздумать, не взгадать, ни перомъ написать. Сѣлъ верхомъ, рукой махнулъ, ногой толкнулъ, черезъ всѣ три этажа перескакалъ, царскую дочь въ уста поцѣловалъ, а она его золотымъ перстнемъ ударила въ лобъ. Воротился дуракъ назадъ, пустилъ своего добраго коня въ заповѣдные луга, а самъ пришелъ домой, завязалъ голову платкомъ, лёгъ на полати. Братья приходятъ: «Ахъ, дуракъ! тѣ два раза молодцы пріѣзжали, а нынче еще лучше; и гдѣ эдакая красота родилась?» — «Да не я ли дуракъ былъ?» — «Ну, дуракъ дурацкое и орётъ! гдѣ тебѣ эдакой красоты достать?» Дуракъ развязалъ платокъ, всю избу освѣтилъ. Спрашиваютъ его братья: «Гдѣ ты эдакой красоты доставалъ?» — «Гдѣ бы ни было, да досталъ! а вы все не вѣрили; вотъ вамъ и дуракъ!» На другой день царь дѣлаетъ пиръ на весь міръ, приказалъ сзывать во дворецъ и бояръ, и князей, и простыхъ людей, и богатыхъ и нищихъ, и старыхъ и малыхъ; царевна де станетъ выбирать своего нареченнаго жениха. Умные братья сбираются къ царю на обѣдъ; дуракъ завязалъ голову тряпицею и говоритъ имъ: «Теперь хоть не зовите меня, я и самъ пойду». Пришелъ дуракъ въ царскіе чертоги и забился за печку. Вотъ царевна обноситъ всѣхъ виномъ, жениха выбираетъ, а царь за ней слѣдомъ ходитъ. Всѣхъ обнесла, глянула за печку и увидала дурака: у него голова тряпицей завязана, по лицу слюни да сопли текутъ. Вывела его Милолика-царевна, утерла платкомъ, поцѣловала, и говоритъ: «Государь батюшка! вотъ мой суженой». Видитъ царь, что женихъ нашелся; хоть дуракъ, а дѣлать нечего — царское слово законъ! и сейчасъ же приказалъ обвѣнчать ихъ. У царя извѣстное

дѣло — ни пиво варить, ни вино курить; живо свадьбу справили.

У того царя было два зятя, дуракъ сталъ третій. Одинъ разъ призываетъ онъ своихъ умныхъ зятьевъ и говоритъ таково слово: «Зятья мои умные, зятья разумные! сослужите мнѣ службу, какую я вамъ велю: есть въ степи уточка-золотыя пёрушки; нельзя ли ее достать мнѣ?» Велѣлъ осѣдлать имъ добрыхъ коней и ѣхать за уточкою. Дуракъ услыхалъ и сталъ просить: «А мнѣ, батюшка, дай хоть водовозницу». Далъ ему царь шолудивую лошадёнку; онъ сѣлъ на нее верхомъ, къ лошадиной головѣ задомъ, къ лошадиному заду передомъ, взялъ хвостъ въ зубы, погоняетъ ладонями по бедрамъ: «Но, но, собачье мясо!» Выѣхалъ въ чистое поле, ухватилъ клячу за хвостъ, содралъ съ нее шкуру и закричалъ: «Эй! слетайтесь, галки, карги[1] и сороки! вотъ вамъ батюшка корму прислалъ». Налетѣли галки, карги и сороки и съѣли все мясо; а дуракъ зоветъ сивку-бурку: «Стань передо мной, какъ листъ передъ травой». Сивка-бурка бѣжитъ, изо рту полымя пышетъ, изъ ушей дымъ столбомъ валитъ; дуракъ влѣзъ въ лѣвое ушко — напился, наѣлся, въ правое влѣзъ — въ цвѣтно платье нарядился и сталъ молодецъ. Добылъ утку-золотыя пёрушки, раскинулъ шатёръ, самъ въ шатрѣ сидитъ; а возлѣ уточка ходитъ. Наѣхали на него умные зятья, спрашиваютъ: «Кто, кто въ шатрѣ? коли старъ старичокъ — будь намъ дѣдушка, коли среднихъ лѣтъ — будь намъ дядюшка!» Отвѣчаетъ дуракъ: «Въ вашу пóру — братецъ вамъ». — «А что, братецъ, продаешь уточку-золотыя пёрушки?» — «Нѣтъ, она не продажная, а завѣтная». — «А сколько завѣту?» — «Съ правой руки по мизинцу». Отрѣзали по мизинцу съ правой руки и отдали дураку; онъ въ

[1]) Вороны.

карманъ положилъ. Пріѣхали зятья домой, полегли спать; царь съ царицею ходятъ да слушаютъ, что зятья говорятъ. Одинъ говоритъ женѣ: «Тише, руку мнѣ развередила!» Другой говоритъ: «Охъ больно! рука болитъ». Поутру царь призываетъ къ себѣ умныхъ зятьевъ: «Зятья мои умные, зятья разумные! сослужите мнѣ службу, какую велю: ходитъ въ степи свинка-золотая щетинка съ двѣнадцатью поросятами; достаньте мнѣ ее». Приказалъ осѣдлать имъ добрыхъ коней; а дураку опять далъ шолудивую водовозницу. Дуракъ выѣхалъ въ чистое поле, ухватилъ клячу за хвостъ, содралъ шкуру: «Эй! слетайтесь, галки, карги и сороки! вамъ царь корму прислалъ». Слетѣлись галки, карги и сороки и расклевали все мясо. Дуракъ вызвалъ сивку-бурку, вѣщую каурку, добылъ свинку золотую-щетинку съ двѣнадцатью поросятами, и раскинулъ шатёръ; самъ въ шатрѣ сидитъ, свинка около ходитъ. Наѣхали умные зятья: «Кто, кто въ шатрѣ? коли старъ старичокъ — будь намъ дѣдушка, коли среднихъ лѣтъ — будь намъ дядюшка». — «Въ вашу пóру — братецъ вамъ». — «Это твоя свинка золотая-щетинка?» — «Моя». — «Продай намъ ее; что возьмешь?» — «Не продажная, а завѣтная». — «Сколько завѣту?» — «Съ ноги по пальцу». Отрѣзали съ ноги по пальцу, отдали дураку и взяли свинку золотую-щетинку съ двѣнадцатью поросятами. На утро призываетъ царь своихъ умныхъ зятьевъ, приказываетъ имъ: «Зятья мои умные, зятья разумные! сослужите мнѣ службу, какую велю: ходитъ въ степи кобыла золотогривая съ двѣнадцатью жеребятами; нельзя ли достать ее?» — «Можно, батюшка!» Приказалъ царь осѣдлать имъ добрыхъ коней, а дураку опять далъ шолудивую водовозницу. Сѣлъ онъ къ лошадиной головѣ задомъ, къ лошадиному заду передомъ, взялъ

въ зубы хвостъ, ладонями погоняетъ; умные зятья надъ нимъ смѣются. Выѣхалъ дуракъ въ чистое поле, ухватилъ клячу за хвостъ, содралъ шкуру: «Эй! слетайтесь, галки, карги и сороки! вотъ вамъ батюшка корму прислалъ». Слетѣлись галки, карги и сороки и поклевали все мясо. Тутъ закричалъ дуракъ громкимъ голосомъ: «Сивка-бурка, вѣщая каурка, батюшкино благословеніе! стань передо мной, какъ листъ передъ травой». Сивка-бурка бѣжитъ, изо рту полымя пышетъ, изъ ушей дымъ столбомъ валитъ. Дуракъ въ лѣвое ушко влѣзъ — напился, наѣлся, въ правое влѣзъ — въ цвѣтно платье нарялился и сталъ молодецъ. «Надо, говоритъ, добыть кобылицу златогривую съ двѣнадцатью жеребятами». Отвѣчаетъ ему сивка-бурка, вѣщая каурка: «Прежнія задачи были ребячьи, а это дѣло трудное! возьми съ собой три прута мѣдныхъ, три прута желѣзныхъ и три оловянныхъ; станетъ за мною кобылица по горамъ, по доламъ гоняться, пріустанетъ и упадетъ на̀земь; въ это время не плошай, садись на нее и бей промежъ ушей всѣми девятью прутьями, пока на мелкія части изломаются; развѣ тогда покоришь ты кобылицу златогривую». Сказано — сдѣлано; добылъ дуракъ кобылицу златогривую съ двѣнадцатью жеребятами и — раскинулъ шатёръ; самъ въ шатрѣ сидитъ, кобылица къ столбу привязана. Наѣхали умные зятья, спрашиваютъ: «Кто, кто въ шатрѣ? коли старъ-старичокъ — будь намъ дѣдушка, коли среднихъ лѣтъ — будь намъ дядюшка». — «Въ вашу по̀ру молодецъ — братецъ вамъ». — «Что, братецъ, твоя кобыла къ столбу привязана?» — «Моя». — «Продай намъ». — «Не продажная, а завѣтная». — «А сколько завѣту?» — «Изъ спины по ремню». Вотъ умные зятья жались-жались и согласились; дуракъ вырѣзалъ у нихъ по ремню изъ спины

и положилъ въ карманъ, а имъ отдалъ кобылицу съ двѣнадцатью жеребятами. На другой день сбираетъ царь пиръ пировать: всѣ сошлись. Дуракъ вынулъ изъ кармана отрѣзанные пальцы и ремни, и говоритъ: «Вотъ это — уточка золотыя пёрушки, вотъ это — свинка золотая-щетинка, а вотъ это — кобылица золотогривая съ двѣнадцатью жеребятами!» — «Что ты бредишь, дуракъ?» спрашиваетъ его царь, а онъ въ отвѣтъ: «Государь-батюшка, прикажи-ка умнымъ зятьямъ перчатки съ рукъ снять». Сняли они перчатки: на правыхъ рукахъ мизинцовъ нѣтъ. «Это я съ нихъ по пальцу взялъ за уточку-золотыя пёрушки», говоритъ дуракъ; приложилъ отрѣзанные пальцы на старыя мѣста — они вдругъ приросли и за̀жили. «Сними, батюшка, съ умныхъ зятьевъ сагоги». Сняли съ нихъ сапоги — и на ногахъ не хватаетъ по пальцу. «Это я съ нихъ взялъ за свинку-золотую щетинку съ двѣнадцатью поросятами». Приложилъ къ ногамъ отрѣзанные пальцы — вмигъ приросли и за̀жили. «Батюшка, сними съ нихъ сорочки». Сняли сорочки, у обоихъ зятьевъ изъ спины по ремню вырѣзано. «Это я съ нихъ взялъ за кобылицу златогривую съ двѣнадцатью жеребятами». Приложилъ тѣ ремни на старыя мѣста — они приросли къ спинамъ и за̀жили. «Теперь, говоритъ дуракъ, прикажи, батюшка, коляску заложить». Заложили коляску, сѣли и поѣхали въ чистое поле. Дуракъ прижёгъ, припалилъ три конскіе волоса и крикнулъ громкимъ голосомъ: «Сивка-бурка, вѣщая каурка, батюшкино благословеніе! стань передо мной, какъ листъ передъ травой». Конь бѣжитъ, земля дрожитъ, изо рту полымя пышетъ, изъ ушей дымъ столбомъ валитъ, прибѣжалъ и сталъ какъ вкопаный. Дуракъ въ лѣвое ушко влѣзъ — напился, наѣлся, въ правое влѣзъ — въ цвѣтное платье нарядился, и сдѣлался

такой молодецъ — не вздумать, не взгадать, ни перомъ написать! Съ того времени жилъ онъ съ своей женою по-царски, ѣздилъ въ коляскѣ, пиры задавалъ; на тѣхъ пирахъ и я бывалъ, медъ-вино пивалъ; сколько ни пилъ — только усы обмочилъ!

Изъ собранія П. В. Кирѣевскаго.

107

Волшебный конь

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ-былъ старикъ со старухою, и за всю ихъ бытность не было у нихъ дѣтей. Вздумалось имъ, что вотъ де лѣта ихъ древнія, скоро помирать надо, а наслѣдника Господь не далъ, и стали они Богу молиться, чтобы сотворилъ имъ дѣтище на поминъ души. Положилъ старикъ завѣтъ: коли родитъ старуха дѣтище, въ ту пору кто ни попадется первой навстрѣчу, того и возьму кумомъ. Черезъ сколько-то времени забрюхатѣла старуха и родила сына. Старикъ обрадовался, собрался и пошелъ искать кума; только за ворота, а навстрѣчу ему катитъ коляска, четвернёй запряжена; въ коляскѣ государь сидитъ. Старикъ не знавалъ государя, принялъ его за боярина, остановился и давай кланяться. «Что тебѣ, старичокъ, надобно?» — спрашиваетъ государь. «Да прошу твою милость, не во гнѣвъ будь сказано: окрести моего новорожденнаго сынка». — «Аль у тебя нѣтъ никого на деревнѣ знакомыхъ?» — «Есть у меня много знакомыхъ, много пріятелей, да брать въ кумовья не годится, потому что такой завѣтъ положо̀нъ: кто первой встрѣтится, того и просить». — «Хорошо, говоритъ государь; вотъ тебѣ сто рублевъ на крестины; завтра я самъ буду». На другой день пріѣхалъ онъ къ старику; тотчасъ позвали попа,

окрестили младенца и нарекли ему имя Иванъ. Началъ этотъ Иванъ расти не по годамъ, а по часамъ — какъ пшеничное тѣсто на опарѣ подымается; и приходитъ ему каждой мѣсяцъ по почтѣ по сту рублевъ царскаго жалованья. Прошло десять лѣтъ, выросъ онъ большой и почуялъ въ себѣ силу непомѣрную. Въ то самое время вздумалъ про него государь: есть де у меня крестникъ, а каковъ онъ — не вѣдаю; пожелалъ его лично видѣть и тотчасъ послалъ приказъ, чтобы Иванъ-крестьянской сынъ, не медля нимало, предсталъ предъ его очи свѣтлыя. Сталъ старикъ собирать его въ дорогу, вынулъ деньги и говоритъ: «На-ка тебѣ сто рублевъ, ступай въ городъ на конную, купи себѣ лошадь; а то путь дальной — пѣшкомъ не уйдешь». Иванъ пошелъ въ городъ, и попадается ему на дорогѣ старъ-человѣкъ. «Здравствуй, Иванъ — крестьянской сынъ! куда путь держишь?» Отвѣчаетъ доброй мóлодецъ: «Иду, дѣдушка, въ городъ, хочу купить себѣ лошадь». — «Ну, такъ слушай меня, коли хочешь счастливъ быть. Какъ прійдешь на конную, будетъ тамъ одинъ мужичокъ лошадь продавать крѣпко-худую, поршивую; ты ее и выбери, и сколько бъ ни запросилъ съ тебя хозяинъ — давай, не торгуйся! А какъ купишь, приведи ее домой и паси въ зеленыхъ лугахъ двѣнадцать вечеровъ и двѣнадцать утровъ по росамъ — тогда ты ее узнаешь!» Иванъ поблагодарилъ старика за науку и пошелъ въ городъ; приходитъ на конную, глядь — стоитъ мужичокъ и держитъ за узду худую, поршивую лошадёнку. «Продаешь коня?» — «Продаю». — «А что просишь?» — «Да безъ торгу сто рублевъ». Иванъ-крестьянской сынъ вынулъ сто рублевъ, ȍтдалъ мужику, взялъ лошадь и повелъ ко двору. Приводитъ домой, отецъ глянулъ и рукой махнулъ: «Пропащія деньги!» — «Подожди, батюшка! авось

на мое счастье лошадка поправится. Сталъ Иванъ водить свою лошадь каждое утро и каждый вечеръ въ зеленые луга на пастбище, и вотъ какъ прошло двѣнадцать зорь утреннихъ да двѣнадцать зорь вечернихъ — сдѣлалась его лошадь такая сильная, крѣпкая да красивая, что ни вздумать, ни взгадать, развѣ въ сказкѣ сказать, и такая разумная — что только Иванъ на умѣ помыслитъ, а она ужъ вѣдаетъ. Тогда Иванъ-крестьянской сынъ справилъ себѣ збрую богатырскую, осѣдлалъ своего добраго коня, простился съ отцомъ, съ матерью и поѣхалъ въ столичной городъ къ царю-государю. Ѣхалъ онъ близко ли, далеко ль, скоро ли, коротко ли, очутился у государева дворца, соскочилъ нàземь, привязалъ богатырскаго коня за кольцо къ дубовому столбу и велѣлъ доложить царю про свой пріѣздъ. Царь приказалъ его не задерживать, пропустить въ палаты безъ всякой задирки. Иванъ вошелъ въ царскіе покои, помолился на святыя иконы, поклонился царю и вымолвилъ: «Здравія желаю, ваше величество!» — «Здравствуй, крестникъ!» отвѣчалъ государь, посадилъ его за столъ, началъ угощать всякими напитками и закусками, а самъ на него смотритъ-дивуется: славной молодèцъ — и лицомъ красивъ, и умомъ смышлёнъ, и ростомъ взялъ; никто не подумаетъ, что ему десять лѣтъ, всякой двадцать дастъ да еще съ хвостикомъ! По всему видно, думаетъ царь, что въ этомъ крестникѣ далъ мнѣ Господь не простого воина, а сильномогучаго богатыря». И пожаловалъ его царь офицерскимъ чиномъ и велѣлъ при себѣ служить.

Иванъ-крестьянской сынъ взялся за службу со всею охотою, ни отъ какого труда не отказывается, за правду грудью стоитъ; полюбилъ его за то государь пуще всѣхъ своихъ генераловъ и министровъ, и никому изъ нихъ не сталъ довѣрять такъ много, какъ своему крест-

нику. Озлобились на Ивана генералы и министры, и стали совѣтъ держать, какъ бы оговорить его передъ самимъ государемъ. Вотъ какъ-то созвалъ царь къ себѣ знатныхъ и близкихъ людей на обѣдъ; какъ усѣлись всѣ за столъ, онъ и говоритъ: «Слушайте, господа генералы и министры! какъ вы думаете о моемъ крестникѣ?» — «Да что сказать, ваше величество! мы отъ него не видали ни худого, ни хорошаго; одно дурно — больно хвастливъ уродился. Ужъ не разъ отъ него слыхивали, что въ такомъ-то королевствѣ, за тридевять земель, выстроенъ большой мраморной дворецъ, а кругомъ превысокая ограда поставлена — не пробраться туда ни пѣшему, ни конному! Въ томъ дворцѣ живетъ Настасья-прекрасная королевна. Никому ея не добыть, а онъ, Иванъ, похваляется ее достать, за себя замужъ взять». Царь выслушалъ этотъ оговоръ, приказалъ позвать своего крестника, и сталъ ему сказывать: «Что жъ ты генераламъ да министрамъ похваляешься, что можешь достать Настасью-королевну, а мнѣ про то ничего не докладываешь?» — «Помилуйте, ваше величество! отвѣчаетъ Иванъ-крестьянской сынъ: мнѣ того и во снѣ не снилося». — «Теперь поздно отпираться; у меня коли похвалился, такъ и дѣло сдѣлай; а не сдѣлаешь — то мой мечъ, твоя голова съ плечъ!» Запечалился Иванъ-крестьянской сынъ, повѣсилъ свою головушку ниже могучихъ плечъ, и пошелъ къ своему доброму коню. Возговоритъ ему конь человѣческимъ голосомъ: «Что, хозяинъ, кручинишься, а мнѣ правды не сказываешь?» — «Ахъ, мой доброй конь! отчего мнѣ веселому быть? Оговорило меня начальство передъ самимъ государемъ, будто я могу добыть и взять за себя замужъ Настасью-прекрасную королевну. Царь и велѣлъ мнѣ это дѣло исполнить, а не то хочетъ рубить голову». — «Не

тужи, хозяинъ! молись Богу да ложись спать; утро вечера мудренѣе. Мы это дѣло обдѣлаемъ; только попроси у царя побольше денегъ, чтобы не скучать намъ доро́гою, было бы вдоволь и поѣсть, и попить, что захочется». Иванъ переночевалъ ночь, всталъ поутру, явился къ государю и сталъ просить на походъ золотой казны. Царь приказалъ выдать ему, сколько надобно. Вотъ доброй молодецъ взялъ казну, надѣлъ на своего коня збрую богатырскую, сѣлъ верхомъ и поѣхалъ въ путь-дорогу.

Близко ли, далеко ли, скоро ли, коротко ли, заѣхалъ онъ за тридевять земель, въ тридесятое королевство, и остановился у мраморнаго дворца; кругомъ дворца стѣны высокія, ни воротъ ни дверей не видно; какъ за ограду попасть? Говоритъ Ивану его доброй конь: «Подождемъ до вечера! какъ только стемнѣетъ — оборочусь я сизокрылымъ орломъ и перенесусь съ тобой черезъ стѣну. Въ то время прекрасная королевна будетъ спать на своей мягкой постелѣ; ты войди къ ней прямо въ спальню, возьми ее потихохоньку на̀ руки и неси смѣло». Вотъ хорошо, дождались они вечера; какъ только стемнѣло, ударился конь о сырую землю, оборотился сизокрылымъ орломъ, и говоритъ: «Время намъ свое дѣло дѣлать; смотри, не давай маху!» Иванъ-крестьянской сынъ сѣлъ на орла; орелъ поднялся въ поднебесье, перелетѣлъ черезъ стѣну и поставилъ Ивана на широкомъ дворѣ. Пошелъ доброй молодецъ въ палаты, смотритъ — вездѣ тихо, вся прислуга спитъ глубокимъ сномъ; онъ въ спальню — на кроваткѣ лежитъ Настасья-прекрасная королевна, разметала во снѣ покровы богатые, одѣяла соболіи. Засмотрѣлся доброй молодецъ на ея красоту неописанную, на ея тѣло бѣлое, отуманила его любовь горячая, не выдержалъ и поцѣловалъ королевну въ уста сахарныя.

Отъ того пробудилась красная дѣвица и съ испугу закричала громкимъ голосомъ; на ея голосъ поднялись, прибѣжали слуги вѣрные, поймали Ивана-крестьянскаго сына и связали ему руки и ноги нàкрѣпко. Королевна приказала его въ темницу посадить и давать ему въ день по стакану воды да по фунту чёрнаго хлѣба. Сидитъ Иванъ въ крѣпкой темницѣ и думаетъ думу невеселую: «Вѣрно, здѣсь мнѣ положить свою буйную голову!» А его доброй богатырской конь ударился óземь и сдѣлался малою птичкою, влетѣлъ къ нему въ разбитое окошечко, и говоритъ: «Ну, хозяинъ! слушайся: завтра я выломлю двери и тебя ослобоню; ты спрячься въ саду за такимъ-то кустомъ; тамъ будетъ гулять Настасья-прекрасная королевна, а я обернусь бѣднымъ старикомъ и стану просить у ней милостыни; смотри жъ, не зѣвай! не то худо будетъ». Иванъ повеселѣлъ, птичка улетѣла. На другой день бросился богатырской конь къ темницѣ и выбилъ дверь копытами; Иванъ-крестьянской сынъ выбѣжалъ въ садъ и сталъ за зеленымъ кустикомъ. Вышла погулять пò саду прекрасная королевна, только поровнялась супротивъ кустика — какъ пóдошелъ къ ней бѣдной старичокъ, кланяется и проситъ со слезами святой милостыни. Пока красная дѣвица вынимала кошелекъ съ деньгами, выскочилъ Иванъ-крестьянской сынъ; ухватилъ ее въ охапку, зажалъ ей ротъ таково крѣпко, что нельзя и малаго голосу подать. Въ тотъ же мигъ обернулся старикъ сизокрылымъ орломъ, взвился съ королевною и добрымъ молодцемъ высоко-высоко, перелетѣлъ черезъ ограду, опустился на землю и сдѣлался попрежнему богатырскимъ конемъ. Иванъ-крестьянской сынъ сѣлъ на коня, и Настасью-королевну съ собой посадилъ; говоритъ ей: «Что, прекрасная королевна, теперь не запрешь меня въ

темницу?» Отвѣчаетъ прекрасная королевна: «Видно мнѣ судьба быть твоею; дѣлай со мной что самъ знаешь!»

Вотъ ѣдутъ они путемъ-дорогою; близко ли, далеко ль, скоро ли, коротко ль, пріѣзжаютъ на большой зеленой лугъ. На томъ лугу стоятъ два великана, другъ дружку кулаками потчуютъ; избились-исколотились до̀ крови, а ни одинъ другого осилить не можетъ; возлѣ нихъ лежатъ на травѣ помело да клюка. «Послушайте, братцы! спрашиваетъ ихъ Иванъ-крестьянской сынъ; за что вы деретесь?» Великаны перестали драться и говорятъ ему: «Мы оба — родные братья; померъ у насъ отецъ, и осталось послѣ него всего на̀ всего имѣнія — вотъ это помело да клюка; стали мы дѣлиться да и поссорились: каждому вишь хочется все себѣ забрать! Ну, мы и рѣшились драться не на животъ, на̀ смерть; кто въ живыхъ останется — тотъ обѣ вещи получитъ». — «А давно вы спорите?» — «Да вотъ ужъ три года, какъ другъ дружку колотимъ, а толку все не добьемся!» — «Эхъ вы! есть изъ-за чего смертнымъ боемъ драться. Велика ли корысть — помело да клюка!» — «Не говори, братъ, чего не вѣдаешь! Съ этимъ помеломъ да съ клюкою хоть какую силу побѣдить можно. Сколько бъ непріятель войска ни выставилъ, смѣло выѣзжай навстрѣчу: гдѣ махнешь помеломъ — тамъ будетъ улица, а перемахнешь — такъ и съ переулочкомъ. А клюка тоже надобна: сколько бъ ни захватилъ ею войска — все въ плѣнъ заберешь!» — «Да, вещи хорошія! думаетъ Иванъ: пожалуй, пригодились бы и мнѣ. Ну, братцы! говоритъ, хотите — я раздѣлю васъ поровну». — «Раздѣли, доброй человѣкъ!» Иванъ-крестьянской сынъ слѣзъ съ своего богатырскаго коня, набралъ горсть мелкаго песку, завелъ великановъ въ лѣсъ и разсѣялъ тотъ песокъ на всѣ на четыре стороны. «Вотъ, говоритъ,

собирайте песокъ; у кого больше будетъ, тому и клюка и помело достанется». Великаны бросились собирать песокъ, а Иванъ тѣмъ временемъ схватилъ и клюку и помело, сѣлъ на коня — и поминай какъ звали! Долго ли, коротко ли — подъѣзжаетъ онъ къ своему государству и видитъ, что его крестнаго отца постигла бѣда немалая: все царство повоевано, около стольнаго города стоитъ рать-сила несмѣтная, грозитъ все огнемъ пожечь, самого царя злой смерти предать. Иванъ-крестьянской сынъ оставилъ королевну въ ближнемъ лѣсочкѣ, а самъ полетѣлъ на войско вражее: гдѣ помеломъ махнетъ — тамъ улица, гдѣ перемахнетъ — тамъ съ переулочкомъ! Въ короткое время перебилъ цѣлыя сотни, цѣлыя тысячи; а что отъ смерти уцѣлѣло, то зацѣпилъ клюкою и живьёмъ приволокъ въ стольной городъ. Царь встрѣтилъ его съ радостью, приказалъ въ барабаны бить, въ трубы трубить и пожаловалъ генеральскимъ чиномъ и несчетной казною. Тутъ Иванъ-крестьянской сынъ вспомнилъ про Настасью-прекрасную королевну, отпросился на время и привёзъ ее прямо во дворецъ. Похвалилъ его царь за удаль богатырскую, велѣлъ ему домъ готовить да свадьбу справлять. Женился Иванъ-крестьянской сынъ на прекрасной королевнѣ, отпировалъ свадьбу богатую и сталъ себѣ жить не тужить. Вотъ вамъ сказка, а мнѣ бубликовъ связка.

108

Конь, скатерть и рожокъ

Жила-была старуха, у ней былъ сынъ дуракъ. Вотъ однажды нашёлъ дуракъ три гороховыхъ зерна, пошёлъ за село и посѣялъ ихъ тамъ. Когда горохъ взошёлъ, сталъ онъ его караулить, приходитъ разъ на горохъ и увидалъ, что сидитъ на немъ журавль и клюетъ.

Дуракъ подкрался и поймалъ журавля. «О! говоритъ, я тебя убью!» А журавль говоритъ ему: «Нѣтъ, не бей меня; я тебѣ гостинчикъ дамъ». — «Давай!» сказалъ дуракъ — и журавль далъ ему коня, говоря: «Если тебѣ захочется денегъ, скажи этому коню: стой! а какъ наберешь денегъ, скажи: но!» Вотъ дуракъ взялъ коня, сталъ садиться на него и сказалъ: стой! Конь и разсыпался въ серебро. Дуракъ захохоталъ; потомъ сказалъ: но! и серебро обратилось въ коня. Распростился дуракъ съ журавлёмъ и повёлъ коня домой, взвёлъ на дворъ и прямо привёлъ его къ матери въ избу, привёлъ и даетъ ей строгой приказъ: «Матушка! не говори: стой! говори: но!» — а самъ тутъ же ушелъ на горохъ. Мать была долго въ раздумьи: «Для чего говорилъ онъ мнѣ такія слова? Дай скажу: стой!» и сказала. Вотъ конь и разсыпался въ серебро. У старухи глаза разгорѣлись; поспѣшно начала она собирать деньги въ свою коробью, и какъ удовольствовалась — сказала: но!

Межъ тѣмъ дуракъ опять засталъ на своемъ горохѣ журавля, поймалъ его и грозилъ ему смертью. Но журавль сказалъ: «Не бей меня! я тебѣ гостинку дамъ» — и далъ ему скатерть: «Вотъ какъ захочешь ты ѣсть, скажи: развернись! а какъ поѣшь, скажи: свернись!» Дуракъ тутъ же сдѣлалъ опытъ, сказалъ: развернись! Скатерть развернулась. Онъ наѣлся-напился и говоритъ: свернись! Скатерть свернулась. Онъ взялъ ее и понёсъ домой: «Вотъ смотри, матушка, не говори этой скатерти: развернись! а говори: свернись!» А самъ дуракъ опять пошёлъ на горохъ. Мать и съ скатертью сдѣлала то же, что̀ съ конёмъ; сказала: развернись! и начала гулять, ѣсть и пить все, что было на скатерти; потомъ сказала: свернись! Скатерть и свернулась.

Дуракъ опять поймалъ на горохѣ журавля, который далъ ему въ гостинецъ рожокъ, и поднимаясь отъ него кверху, сказалъ: «Дуракъ! скажи: изъ рожка!» Дуракъ на свою бѣду и сказалъ это самое слово; вдругъ изъ рожка выскочили два молодца съ дубинами и начали утюжить дурака, и до того утюжили, что онъ бѣдный съ ногъ свалился. Журавль сверху закричалъ: въ рожокъ! — и молодцы спрятались. Вотъ дуракъ пришёлъ къ матери и говоритъ: «Матушка! не говори: изъ рожка! а говори: въ рожокъ!» Мать, какъ вышелъ дуракъ къ сосѣдямъ, заперла дверь на крючокъ и сказала: изъ рожка! Сейчасъ выскочили два молодца съ дубинами и начали утюжить старуху; она кричитъ во все горло. Дуракъ услыхалъ крикъ, бѣжитъ со всѣхъ ногъ, прибѣгъ, хвать — дверь на крючкѣ; онъ и закричалъ: въ рожокъ! въ рожокъ! Старуха, опомнившись отъ побоевъ, отперла дураку дверь. Дуракъ взошёлъ и сказалъ: «То-то, матушка! я тебѣ сказывалъ — не говори такъ-то!»

Вотъ дуракъ вздумалъ задать пиръ, и созываетъ господъ и бояръ. Только они собрались и посѣлись, дуракъ и приводитъ въ избу коня и говоритъ: «стой, добрый конь!» Конь разсыпался въ серебро. Гости удивились и почали грабить себѣ деньги да прятать по карманамъ. Дуракъ сказалъ: но! — и конь опять явился, только безъ хвоста. Видитъ дуракъ, что время гостей подчивать, вынулъ скатерть и сказалъ: развернись! Вдругъ развернулась скатерть, и на ней всякихъ закусокъ и напитковъ наставлено великое множество. Гости начали пить, гулять и веселиться. Какъ всѣ удовольствовались, дуракъ сказалъ: свернись! — и скатерть свернулась. Гости стали зѣвать и съ насмѣшкой говорить: «Покажи намъ, дуракъ, еще что-нибудь!» — «Изволь», сказалъ дуракъ; для васъ

можно! — и приноситъ рожокъ. Гости прямо и закричали: изъ рожка! Откуда ни взялись два молодца съ дубинками, начали колотить ихъ изо всей мочи, и до того били, что гости принуждены были отдать украденыя деньги, а сами разбѣжались. А дуракъ съ матерью, конёмъ, скатертью и рожкомъ сталъ жить да поживать, да больше добра наживать.

Записана въ Тамбовской губ.

109

Двое изъ сумы

Жилъ- старикъ съ старухой. Вотъ старуха на старика всегда бранится, что ни день — то помяломъ, то рогачомъ[1] отваляетъ его: старику отъ старухи житья вовсе нѣтъ! и пошолъ онъ въ поле, взялъ съ собою тенёты и постановилъ ихъ. И пумалъ онъ журавля, и говоритъ ему: «Будь мнѣ сыномъ! я тебя отнясу своей старухѣ, авось она не будетъ теперь на меня ворчать». Журавль ему отвѣчаетъ: «Батюшка! пойдемъ со мною въ домъ». Вотъ онъ и пошолъ къ нему въ домъ. Пришли; журавль взялъ со стѣны сумку и говоритъ: двое изъ сумы! Вотъ сейчасъ вылѣзли изъ сумы два молодца, стали становить столы дубовые, слать скатерти шелковыя, подавать ѣствы и питья разныя. Старикъ видитъ такую сладость, что сроду никогда не видывалъ, и обрадовался оченно. Журавль и говоритъ ему: «Возьми эту суму себѣ и неси своей старухѣ». Вотъ онъ взялъ и пошолъ; шолъ путемъ дальнымъ и зашолъ къ кумѣ ночевать, у кумѣ было три дочери. Собрали ему поужинать, чѣмъ Богъ послалъ. Онъ ѣстъ не ѣстъ и говоритъ кумѣ: «Плоха твоя ѣда!» — «Какая есть, батюшка!» отвѣчала кума. Вотъ онъ и говоритъ:

---

[1]) Ухватомъ.

«Собири свою ѣду-та» — а которая была у него сума, той говоритъ, какъ приказывалъ ему журавль: двое изъ сумы! Въ ту жъ минуту двое изъ сумы вылѣзли, зачали становить столы дубовые, слать скатерти шелковыя, подавать ѣствы и питья разныя. Кума съ дочерьми своими удивилась, задумала унесть у старика эту суму, и говоритъ дочерямъ: «Подите, истопите баньку; можетъ, куманёкъ попарится въ банькѣ-то». Вотъ только онъ вышелъ въ баню-то, а кума сейчасъ приказала своимъ дочерямъ сшить точно такую же суму, какая у старика; онѣ сшили — и положили свою сумку старику, а его суму себѣ взяли. Старикъ вышелъ изъ бани, взялъ обмѣненную суму и весело пошолъ въ домъ свой къ старухѣ, приходитъ ко двору и кричитъ громкимъ голосомъ: «Старуха, старуха! встрѣчай меня съ журавлёмъ-сыномъ». Старуха глядитъ на него быстро и ворчитъ промежъ себя: «Поди-ка ты, старый кобель! я тебя отваляю рогачомъ». А старикъ свои слова говоритъ: «Старуха! встрѣчай меня съ журавлёмъ-сыномъ». Вшолъ въ избу старикъ, повѣсилъ суму на крючокъ и кричитъ: двое изъ сумы! Изъ сумы нѣтъ никого. Вотъ онъ въ другой разъ: двое изъ сумы! Изъ сумы опять нѣтъ никого. Старуха видитъ, что онъ говоритъ бознать что, ухватила помяло мокро, и ну старика гвоздить.

Старикъ испугался, заплакалъ и пошолъ опять въ поле. Отколь не взялси прежній журавль, видитъ его несчастье и говоритъ: «Пойдемъ, батюшка, опять ко мнѣ въ домъ». Вотъ онъ и пошолъ. У журавля опять сума виситъ такая же. «Двое изъ сумы!» сказалъ журавль. Двое изъ сумы вылѣзли и поставили такой же обѣдъ, какъ и прежніе. «Возьми себѣ эту суму», говоритъ журавль старику. Вотъ онъ взялъ суму и пошолъ; шолъ-шолъ по дорогѣ, и захотѣлось ему по-

ѣсть, и говоритъ онъ, какъ приказывалъ журавль: «Двое изъ сумы!» Двое изъ сумы вылѣзли — такіе молодцы, съ большими калдашами[1], и начали его бить, приговаривая: «Не заходи къ кумѣ, не парься въ банѣ!» — и до сихъ поръ били старика, пока онъ не выговорилъ кое-какъ: «Двое въ суму!» Какъ только изговорилъ эти слова, двое въ суму и спрятались. Вотъ старикъ взялъ суму и пошолъ; пришолъ къ той же кумѣ, повѣсилъ суму на крючокъ и говоритъ кумѣ: «Истопи мнѣ баньку». Она истопила. Старикъ пошолъ въ баню: парится не парится, только время проводитъ. Кума созвала своихъ дочерей, усадила за столъ — захотѣлось ей поѣсть — и говоритъ: «Двое изъ сумы!» Двое изъ сумы вылѣзли съ большими калдашами, и ну куму́ бить, приговаривая: «Отдай старикову суму!» Били, били . . . вотъ она и говоритъ большой дочери: «Поди, кликни ку́ма изъ бани; скажи, что двое совсѣмъ меня прибили». — «Я ща не испа́рился», отвѣчаетъ старикъ. А они всё больше ее бьютъ, приговаривая: «Отдай старикову суму!» Вотъ кума̀ послала другую дочь: «Скорѣе вели куманьку идти въ избу». Онъ отвѣчаетъ: «Я ща голову не мылъ». Она и третью посылаетъ. «Я ща не купался»? говоритъ старикъ. Терпѣнья нѣтъ кумѣ! велѣла принесть украденную суму. Вотъ старикъ вышелъ изъ бани, увидалъ свою прежнюю суму и говоритъ: «Двое въ суму!» Двое въ суму съ калдашами и ушли.

Вотъ старикъ взялъ обѣ сумы — и сердиту, и хорошу, и пошолъ домой. Подходитъ ко двору и кричитъ старухѣ: «Встрѣчай меня съ журавлёмъ-сыномъ». Она на него быстро глядитъ: «Поди-ка ты домой-то, я тебя отваляю». Взошелъ въ избу старикъ, зовётъ старуху: «садись за столъ», и говоритъ: «Двое изъ

[1]) Колдай — палка съ шишкою на одномъ концѣ.

сумы!» Двое изъ сумы вылѣзли, настановили и пить и ѣсть. Старуха наѣлась-напилась и похвалила старика: «Ну, старикъ! я теперь бить тебя не стану». Старикъ, наѣвшись, вышелъ на дворъ, хорошую суму вынесъ въ клѣть, а сердитую повѣсилъ на крючокъ; а самъ пó двору ходитъ не ходитъ, только время проводитъ. Захотѣлось старухѣ еще выпить, и говоритъ она стариковы слова: «Двое изъ сумы!» Вотъ вылѣзли двое изъ сумы съ большими калдашами и начали бить старуху; до тѣхъ поръ били, что у ней мочи не стало! Кличетъ старика: «Старикъ, старикъ! поди въ избу; меня двое прибили!» А онъ ходитъ не ходитъ, только посмѣивается да поговариваетъ: «Они тебѣ зададутъ!» Двое еще больше бьютъ старуху и приговариваютъ: «Не бей старика! не бей старика!» Наконецъ старикъ сжалился надъ старухою, вошолъ въ избу и сказалъ: «Двое въ суму!» Двое въ суму и спрятались. Съ тѣхъ поръ старикъ со старухою стали жить такъ хорошо, такъ дружно, что старикъ вездѣ ею похваляется, тѣмъ и сказка кончается.

Записана въ слободѣ Казачьей, Тамбовской губ.

110

Пѣтухъ и жорновки[1]

Жилъ да былъ себѣ старикъ со старухою, бѣдные-бѣдные! Хлѣба-то у нихъ не было; вотъ они поѣхали въ лѣсъ, набрали жолудей, привезли домой и начали ѣсть. Долго ли, коротко ли они ѣли, только старуха уронила одинъ жолудь въ подполье. Пустилъ жолудь ростокъ и въ небольшое время доросъ дò полу. Старуха запримѣтила и говоритъ: «Старикъ! надобно полъ-та прорубить; пускай дубъ растетъ выше; какъ вырастетъ,

[1]) Ручная мельница.

не станемъ въ лѣсъ за жолудями ѣздить, станемъ въ избѣ рвать». Старикъ прорубилъ полъ; деревцо росло-росло и выросло до потолка. Старикъ разобралъ и потолокъ, а послѣ и крышу снялъ; дерево все растетъ да растетъ, и доросло до самаго неба. Не стало у станика со старухой жолудей, взялъ онъ мѣшокъ и полѣзъ на дубъ. Лѣзъ-лѣзъ, и взобрался на небо. Ходилъ-родилъ по небу, увидалъ: сидитъ кочетокъ-золотой гребенёкъ, маслена головка, и стоятъ жорновцы. Вотъ старикъ-атъ долго не думалъ, захватилъ съ собою и кочетка и жорновцы и спустился въ избу. Спустился и говоритъ: «Какъ намъ, старуха, быть, что намъ ѣсть?» — «Постой, молвила старуха: я попробую жорновцы». Взяла жорновцы и стала молоть: анъ блинъ да пирогъ, блинъ да пирогъ! что ни повернетъ — все блинъ да пирогъ! . . . И накормила старика.

Ѣхалъ мимо какой-то баринъ, и заѣхалъ къ старику со старушкой въ хату. «Нѣтъ ли, спрашиваетъ, чего-нибудь поѣсть?» Старуха говоритъ: «Чего тебѣ, родимой, дать поѣсть, развѣ блинковъ?» Взяла жорновцы и намолола: нападали блинки да пирожки. Проѣзжій поѣлъ и говоритъ: «Продай мнѣ, бабушка, твои жорновцы». — «Нѣтъ, говоритъ старушка: продать нельзя». Онъ взялъ да и укралъ у ней жорновцы. Какъ увѣдали старикъ со старушкою, что украдены жорновцы, стали горе горевать. «Постой, говоритъ кочетокъ-золотой гребенёкъ: я полечу, догоню!» Прилетѣлъ онъ къ боярскимъ хоромамъ, сѣлъ на ворота и кричитъ: «Кукуреку! бояринъ, бояринъ, отдай наши жорновцы золотые, голубые! бояринъ, бояринъ, отдай наши жорновцы золотые, голубые!» Какъ услыхалъ баринъ, сейчасъ приказываетъ: «Эй, малой! возьми брось его въ воду». Поймали кочетка, бросили въ колодезь; онъ и сталъ приговаривать: «Носикъ, носикъ! пей воду;

ротикъ, ротикъ! пей воду» — и выпилъ всю воду. Выпилъ всю воду и полетѣлъ къ боярскимъ хоромамъ; усѣлся на балконъ и опять кричитъ: «Кукуреку! бояринъ, бояринъ, отдай наши жорновцы золотые, голубые! бояринъ, бояринъ, отдай наши жорновцы золотые, голубые!» Баринъ велѣлъ повару бросить его въ горячую печь. Поймали кочетка, бросили въ горячую печь — прямо въ огонь; онъ и сталъ приговаривать: «Носикъ, носикъ! лей воду; ротикъ, ротикъ! лей воду» — и залилъ весь жаръ въ печи. Вспорхнулъ, влетѣлъ въ боярскую горницу и опять кричитъ: «Кукуреку! бояринъ, бояринъ, отдай наши жорновцы золотые, голубые! бояринъ, бояринъ, отдай наши жорновцы золотые, голубые!» Гости услыхали это и побѣгли и́зъ дому, а хозяинъ побѣгъ догонять ихъ; кочетокъ-золотой гребенёкъ схватилъ жорновцы и улетѣлъ съ ними къ старику и старухѣ.

Записана въ Воронежскомъ у.

111
Чудесный ящикъ

У одново старика и старухи былъ сынъ ужъ на возрастѣ; чему учить сына — отецъ не знатъ, и вздумалъ ево отдать одному мастеру къ работники всяки вешши дѣлать. Поѣхалъ въ городъ, сдѣлалъ условіе съ мастеромъ, чтобы сыну учиться у нево три года, а домой побывать въ три года только одинъ разъ. Отвёзъ сына. Вотъ парень живётъ годъ, другой; скоро научился дѣлать дороги́ вешши, превзошолъ и са̀мово хозяина. Одинъ разъ сдѣлалъ часы въ пятьсотъ рублей, послалъ ихъ отцу: «Хоть, говоритъ, продастъ да поправитъ бѣдность!» гдѣ отцу продавать! онъ насмотрѣться не можотъ на часы, потому что сынъ ихъ дѣлалъ. Время приходитъ: надо ему увидѣться съ

родителями. Хозяинъ былъ знаткой[1], и говоритъ: «Ступай, вотъ тебѣ срокъ три часа и три минуты; если въ срокъ не воротишься — смерть тебѣ!» Онъ и думатъ: «Когда жо я доѣду столько вёрстъ до отца?» Мастеръ на это говоритъ: «Возьми вонъ ту карету; какъ только сядешь — зашшурся». Нашъ парень такъ и сдѣлалъ; только зашшурился, взглянулъ — ужъ и дома у отца; вылѣзъ, приходитъ въ избу — никово нѣтъ. А отецъ и мать его увидѣли, что къ дому карета подъѣхала, испугались да и спрятались въ голбецъ; насилу онъ ихъ вызвалъ изъ голбца. Начали здороваться; мать плакать — долго не видались. Сынъ привёзъ имъ гостинцовъ. Докуда здоровались да говорили, вре́мя мѣшкалось — три часа ужъ и прошло, осталось три минуты; то-друго́, вотъ только одна минута! Нечистой шопчотъ парню: «Ступай скоряя; хозяинъ ужо тебя! . .» Парень былъ заботливой, простился и поѣхалъ; скоро очудился у дому, вошолъ въ избу, а хозяина за нево, что́ просрочилъ, нечиста сила мучитъ. Парень отваживаться-отваживаться съ хозяиномъ, отвадился, палъ ему въ ноги: «Прости, просрочилъ, впередъ таковъ не буду!» Хозяинъ побранилъ только и подлинно простилъ. Парень нашъ опеть живётъ; всѣхъ лучше сталъ дѣлать всяки вешши. Хозяинъ и думатъ, что если парень отойдётъ, отнимётъ у нево всю работу — лучше мастера сталъ! и говоритъ ему: «Работникъ! ступай въ подземное царство, принеси оттуда мнѣ яшшичокъ; онъ стои́тъ тамъ на царскомъ тронѣ». Подѣлали спуски длинные, ремень къ ремню шшили и къ каждому шву привязали по колокольчику. Хозяинъ началъ ево спускать въ какой-то оврагъ, велѣлъ: если достанетъ яшшикъ, трести заранѣе за ремень: какъ колокольчики зазвонятъ, хозяинъ услышитъ. Парень

[1]) Знахарь, колдунъ.

спустился подъ землю, видитъ домъ, входитъ въ нево; человѣкъ съ двадцеть мужиковъ стали всѣ на ноги, поклонились и всѣ въ голосъ: «Здравстуй, Иванъ-царевичъ!» Парень изумился: какая честь! входитъ въ другу комнату — полна женшшинъ; тѣ также стали, поклонились, говорятъ: «Здравстуй, Иванъ-царевичъ!» Эти люди всѣ были наспусканы мастеромъ. Пошолъ парень въ третью комнату, видитъ — тронъ, на тронѣ яшшикъ; взялъ этотъ яшшикъ, пошолъ и людей всѣхъ за собой повёлъ. Пришли къ ремню, потресли, привязали человѣка — хозяинъ потянулъ; а самъ онъ съ яшшикомъ хотѣлъ привязаться на самомъ послѣдѣ. Хозяинъ половину ихъ вытаскалъ; вдрукъ къ нему прибѣжалъ работникъ, зовётъ скоряй домой — сдѣлалось како-то несчастье. Хозяинъ пошолъ, велѣлъ всѣхъ таскать изъ-подъ земли, а крестьянскаво сына таскать не велѣлъ. Ну, людей всѣхъ перетаскали по ремню, а этово парня и оставили. Онъ ходилъ-ходилъ по подземному царству, что-то яшшичокъ и трехнулъ — вдрукъ выскочило двѣнатцеть молодцовъ, говорятъ: «Что, Иванъ-царевичъ, прикажете?» — «Да вотъ выташшите меня наверхъ». Молодцы тотчасъ ево подхватили, вынесли. Онъ не пошолъ къ своему хозяину, а пошолъ прямо къ отцу. Междỳ тѣмъ хозяинъ хватился яшшичка, прибѣжалъ къ оврагу, трести-трести за ремень — нѣту ево работника! Думатъ ма́стеръ: «видно ушолъ куда-то! надо посылать за нимъ человѣка».

А крестьянской сынъ пожилъ у отца, выбралъ богатое какое-то мѣсто, метнулъ яшшикъ съ руки на́ руку — вдрукъ явилось дватцеть четыре молодца: «Что, Иванъ-царевичъ, прикажете?» — «Ступайте, на этомъ мѣстѣ устройте царство, чтобы оно лучше всѣхъ царствъ было». Въ кою пору царство явилось! Парень нашъ переѣхалъ туда, женился и сталъ жить на славу.

Въ его царствѣ былъ какой-то дѣтинка — такъ, нездрашной![1], а мать ево всё ходила къ Ивану-царевичу, збирала милостыню. Сынъ и велитъ ей: «Матушка! украдь у нашево царя яшшичокъ». Ивана-царевича дома не было; жена ево старухѣ подала милостыню да и вышла. Старуха схватила яшшичокъ, положила въ мѣшокъ и ступай къ сыну. Тотъ переметнулъ яшшикъ — выскочили тѣ же молодцы. Онъ велитъ имъ бросить Ивана-царевича въ глубокую яму, куда валили только пропавшаво[2] скота, а жену ево и родителей размѣстилъ — ково въ лакеи, ково куда; самъ царёмъ сталъ. Вотъ крестьянской сынъ и сидитъ въ ямѣ день, другой и третей. Какъ вырваться? видитъ какую-то большую птицу — таскатъ скота; въ одно время свалили въ яму палую скотину, онъ взялъ да къ ней и привязался; птица налетѣла, схватила скотину и вынесла, сѣла на сосну, и Иванъ-царевичъ тутъ болтатся — отвязаться нельзя. Неоткуда взялся стрѣлецъ, прицѣлился, стрѣлилъ; птица спорхнула и полетѣла, корову изъ лапъ упустила; корова пала, и Иванъ-царевичъ за ней палъ, отвязался, идётъ дорòгой и думатъ: какъ воротить свое царство? Хватилъ карманъ — тутъ ключъ отъ яшшика; метнулъ — вдрукъ выскочило два молодца: «Что, Иванъ-царевичъ, прикажете?» — «Вотъ братцы, я въ несчастіи!» — «Знаемъ мы это; счастливъ ешшо, что мы двое за ключомъ остались!» — «Нельзя ли, братцы, принести мнѣ яшшикъ?» Иванъ-царевичъ не успѣлъ выговорить, двое молодцовъ яшшикъ принесли! Тутъ онъ ожилъ, старуху-нишшу и сына её приказалъ казнить, самъ сталъ по-старому царёмъ.

Записана въ Пермской губ., въ Шадринскомъ округѣ, государственнымъ крестьяниномъ А. Зыряновымъ.

---

[1]) Невзрачной?
[2]) Дохлаго.

112
Волшебное кольцо

Въ едакихъ мѣстахъ, въ едакихъ большихъ деревняхъ, жилъ мужичокъ не скудно, не богато; у него былъ сынокъ, и оставляетъ онъ сынку триста рублей денегъ: «Вотъ тебѣ, сынокъ! благословляю тремя стами рублями до твоего выросту». Выросъ этотъ сынокъ, взошелъ въ полной разумъ, и говоритъ своей матушкѣ: «Помню я: покойной батюшка благословлялъ меня тремя стами рублями; то дай мнѣ хоть сотенку». Она ему дала сто рублей, онъ и пошелъ во путь во дороженьку, и попадается ему мужичокъ — ведетъ вислоухую собаку. Онъ и говоритъ: «Продай мнѣ, мужичокъ, эту собаку». Мужикъ говоритъ: «Ну-ка дай сто рублей». Вотъ онъ далъ за нее сто рублей, привелъ ее домой, поитъ и кормитъ. Послѣ того проситъ у матери еще сто рублей. Мать ему еще сто рублей дала; онъ пошелъ во путь во дороженьку, опять ему попадается мужикъ — ведетъ котка̀-золотой хвостикъ. Онъ и говоритъ: «Продай мнѣ, мужичокъ, этого котка̀». Мужикъ говоритъ: «Ку́пи!» — «А что тебѣ за него?» Мужичокъ говоритъ: «Хочешь, такъ сто рублей». И отдалъ ему котка̀ за сто рублей; онъ взялъ его, свёлъ домой, поитъ и кормитъ. Ну, вотъ проситъ онъ у матери еще сто рублей. Мать ему говоритъ: «Милое ты мое дитятко! куда ты деньги изводишь? напрасныя эти покупки». — «Э, мать моя родимая! не тужи объ деньгахъ; они намъ когда-нибудь возворотятся». Она ему и третью сотню дала; она опять пошелъ во путь во дороженьку. Ну, хорошо; въ едакихъ мѣстахъ, въ едакихъ городахъ умерла царевна, а у ней на рукѣ было золотое колечко; ему доброму мо́лодцу очень хочется снять съ руки это колечко. Вотъ онъ закупаетъ карауловъ

допустить его до царевны; подошелъ къ ней, снялъ съ руки колечко, и пошелъ къ своей матери: никто его не сдержалъ. Живетъ долго ли, коротко ли — вышелъ на крылечко и перекинулъ это колечко съ руки на руку, выскочило изъ колечка триста мòлодцевъ и сто семьдесятъ богатырёвъ и спрашиваютъ у него: «Что заставишь насъ работать?» — «Вотъ что заставлю: первое — сшибите мою старую избу, и поставьте на этомъ же мѣстѣ каменный домъ, и чтобы матушка моя про то не знала». Они сработали въ одну ночь; мать его встаетъ и удивляется: «Чей это домъ такой?» Сынъ ей говоритъ: «Матушка моя родимая! не удивляйся, а молись Богу; домъ этотъ нашъ». Вотъ живутъ они долго ли, коротко ли въ этомъ домѣ — вышли ему совершенные годы, и захотѣлось ему жениться. Въ едакомъ царствѣ, въ едакомъ государствѣ, у такого-то царя была царевна, и ему хочется на ней посвататься: «Сватай-ка за меня, моя родная матушка! въ едакомъ-то царствѣ у таково-то царя есть дочь хороша». Мать ему и говоритъ: «Дитя ты мое милое! гдѣ намъ брать царевну?» А онъ ей въ отвѣтъ: «Мать ты моя родительница! молись-ка Спасу, выпей квасу, да ложись спать; утро вечера мудренѣе». Самъ онъ добрый мòлодецъ вышелъ на крылечко, перекинулъ съ руки нà руку колечко — выскочило триста мóлодцевъ и сто семьдесятъ богатырёвъ, и спрашиваютъ у нево: «Что прикажешь дѣлать?» — «Сыщите мнѣ такихъ дорогихъ вещей, которыхъ бы у царя не было, и принесите на золотыхъ подносахъ: надо царя съ царевною одарить!» Тотчасъ принесли они ему едакія вещи; онъ и посылаетъ свою мать свататься къ царю. Вотъ мать пришла къ царю, а царь удивляется: «Гдѣ ты, старушка, едакія вещи взяла?» Выходитъ царевна, глядитъ на эти вещи и говоритъ: «Ну, старушка, скажи своему

сыну: пусть онъ поставитъ объ одну ночь въ царскомъ заповѣдномъ лугу новой дворецъ лучше дворца моего батюшки, и чтобы провелъ онъ отъ дворца до дворца мостъ хрустальной, и былъ бы тотъ хрустальной мостъ устланъ разными шитыми коврами; въ то время пойду за твоего сына замужъ. А ежели да не совершитъ этого, то не будетъ ему прощенія, и сложитъ онъ свою буйну голову на плаху!» Идетъ старуха домой, слезно плачетъ, и говоритъ сыну: «Милое мое дитятко! говорила я тебѣ, что не надобно на царевнѣ свататься. Вотъ теперь царевна приказываетъ тебѣ сказать, что ежели хочешь на ней жениться, то построй объ одну ночь новой дворецъ въ заповѣдномъ лугу, и чтобы лучше былъ батюшкинаго, и чтобъ отъ дворца до дворца проведенъ былъ хрустальной мостъ, и былъ бы тотъ хрустальной мостъ устланъ разными шитыми коврами; а ежели этого не сдѣлаешь, то сложишь свою буйну голову на плаху! Какъ теперь, дитятко, ты это дѣло разсудишь?» Отвѣчаетъ онъ: «Мать ты моя родительница, не сумнѣвайся, молись Спасу, выпей квасу, да ложись спать; утро вечера мудренѣе». Самъ доброй молодецъ вышелъ на крылечко, перекинулъ съ руки на руку колечко — выскочило триста молодцевъ и сто семьдесятъ богатырёвъ, и спрашиваютъ: «Что прикажешь работать?» Онъ имъ и говоритъ: «Друзья мои любезные! постарайтесь мнѣ объ одну ночь построить въ царскомъ заповѣдномъ лугу новой дворецъ, и чтобъ былъ онъ лучше царскаго, и чтобъ былъ проведенъ отъ дворца до дворца хрустальной мостъ, а этотъ мостъ былъ бы устланъ разными шитыми коврами». Вотъ эти молодцы и богатыри объ одну ночь все выстроили, что имъ было приказано. Царь утромъ всталъ, глядитъ въ подзорную трубку на свои заповѣдные луга и удивляется, что выстроенъ дворецъ лучше его,

и посылаетъ посланнаго сказать, чтобы приходилъ доброй мо́лодецъ свататься на царевнѣ, а царевна де согласна выйти за него замужъ. Вотъ онъ сосватался на царевнѣ, честнымъ пиркомъ да и за свадебку; сыграли свадьбу, отпировали. Живутъ долго ли, коротко ли, царевна своего мужа и спрашиваетъ: «Скажи пожалуста, какимъ ты манеромъ едакое дѣло совершаешь объ одну ночь? теперь станемъ съ тобой заедино думать». Улещаетъ его, уговариваетъ и подноситъ ему разныхъ водокъ; напоила его мертвецки-пьянымъ, онъ ей и сказалъ: «Вотъ я чѣмъ — колечкомъ!» А она у пьянаго колечко взяла, перекинула съ руки на́ руку — выскочило триста мо́лодцевъ и сто семьдесятъ богатырёвъ, и спрашиваютъ: «Что прикажете дѣлать?» — «А вотъ что: возьмите этого пьяницу и выкиньте на батюшкинъ лугъ, а меня снесите со всѣмъ дворцомъ за тридевять три земли, за десятое царство къ такому-то королю». Они объ одну ночь и приставили се туда, куда приказала. Царь встаетъ утромъ, смотритъ въ подзорную трубку въ свои заповѣдные луга — не стало ни дворца, ни хрустальнаго моста, только валяется одинъ человѣкъ; посылаетъ царь посланныхъ: «Узнайте, что тамъ за человѣкъ лежитъ?» Сбѣгали посланные, приходятъ назадъ и говорятъ царю: «Вашъ зять одинъ валяется!» — «Подите, приведите его ко мнѣ». Вотъ и приводютъ его, царь спрашиваетъ: «Куда ты царевну дѣлъ и съ дворцомъ?» Онъ отвѣчаетъ: «Ваше царское величество! не знаю. какъ будто во снѣ ее потерялъ». Царь говоритъ: «Даю тебѣ три мѣсяца сроку, добирайся: гдѣ царевна? а тамъ казнить стану». И посадилъ онъ его въ крѣпкую тюрьму. Вотъ и говоритъ котъ собакѣ вислоухой: «Что ты знаешь? вить хозяинъ-то нашъ въ засаженьи. Обманула его царевна, сняла съ руки колечко и ушла за тридевять земель, за десятое

царство. Надо кольцо добывать; побѣжимъ-ка съ тобой!» Побѣжали; гдѣ на пути озёра плыть, гдѣ рѣки плыть, тамъ котъ садится на загривокъ къ собакѣ вислоухой, собака и перевозитъ его на другую сторону. Долго ли, коротко ли — сбѣжали они за тридевять земель, за десятое царство. Говоритъ котъ собакѣ: «Ежели изъ королевской кухни будутъ посылать за дровами, ты сейчасъ бѣги; а я на погребокъ пойду къ клюшницѣ: что она задумаетъ — то я и подамъ». Стали они жить на королевскомъ дворѣ. Вотъ сказываетъ клюшница королю: «Есть у меня на погребкѣ котикъ-золотой хвостикъ, что задумаю — то и подастъ!» Поваръ говоритъ: «А у меня есть собака вислоухая; какъ стану посылать мальчика за дровами, она опрометью бѣжитъ и несетъ!» Король приказываетъ: «Приведите собаку вислоухую въ мою спальню»; а царевна велитъ: «А ко мнѣ приведите котка-золотой хвостикъ». Привели кота и собаку; и день и ночь во дворцѣ остаются. А царевна, какъ спать ложится, колечко завсегда въ ротъ беретъ. Вотъ бѣжитъ ночью мышь, а котъ за загривокъ её и цапнулъ; мышь говоритъ: «Не тронь меня, котъ! я знаю, зачѣмъ ты пришелъ; ты пришелъ за колечкомъ — я тебѣ достану его». Котъ ее выпустилъ; она вскочила на кровать и прямо къ царевнѣ, сунула свой хвостикъ ей въ ротъ и зашевелила; царевна плюнула, да колечко и выплюнула. Котъ цапъ и кричитъ вислоухой собакѣ: «Не зѣвай!» Бросились прямо въ окошко, выскочили и побѣжали; сухимъ путемъ бѣгутъ, а рѣки и озёра плывутъ; приходютъ въ свое царство и прямо къ тюрьмѣ... Котъ влѣзъ въ тюрьму; хозяинъ увидалъ, сталъ его гладить, а котъ пѣсни пѣть, и положилъ ему нà руку колечко; хозяинъ обрадовался, перекинулъ колечко съ руки нà руку — выскочило триста мòлодцевъ и сто семьдесятъ бога-

тырёвъ: «Что работать прикажете?» Онъ и говоритъ: «Чтобъ мнѣ съ горя на цѣлыя сутки была знатная музыка». Музыка заиграла. А царь посылаетъ къ нему посланника: «обдумался ли?» Посланникъ пошелъ и заслушался; вотъ царь другого посылаетъ, и другой заслушался: вотъ третьяго посылаютъ, третій заслушался; вотъ приходитъ самъ царь къ зятю, онъ потемнилъ и царя этой музыкой. Какъ только перестала музыка, царь и началъ у него выспрашивать. Зять говоритъ: «Ваше царское величество! освободите меня на единую ночь, вмигъ доставлю вашу царевну». Вотъ вышелъ онъ на крылечко, перекинулъ съ руки нà руку колечко — выскочило триста мóлодцевъ и сто семьдесятъ богатырёвъ, и спрашиваютъ: «Что прикажете работать?» — «Принесите царевну назадъ со всѣмъ дворцомъ, и чтобъ все было на старомъ мѣстѣ, и объ одну ночь сдѣлано». Царевна встала поутру и видитъ, что она на старомъ мѣстѣ, испугалась и не знаетъ, что ей будетъ? А ея мужъ приходитъ къ царю: «Ваше царское величество! какъ будемъ царевну судить?» — «Зять ты мой милой! усовѣстимъ мы ее словами, и живите себѣ поживайте да добра наживайте!

Записана въ Новгородской губ.

113
Рога

Жилъ-былъ батракъ; далъ ему Богъ большую силу. Узналъ онъ, что къ царской дочери змѣй летаетъ, и похвастался: «Никто, говоритъ, не изведетъ лютаго змѣя, а я изведу!» Услыхали его похвальбу люди государевы, пристали къ нему: «Иди, батракъ! вылѣчи царевну». Взялся за гужъ, не говори, что не дюжъ; пошелъ батракъ къ царю и сказываетъ ему: «Я де

могу царевну вылѣчить; что будетъ за хлопоты?» Обрадовался царь и говоритъ ему: «Царевну за тебя отдамъ». Вотъ батракъ велѣлъ принести себѣ семь воловьихъ кожъ да надѣлать желѣзныхъ орѣховъ, желѣзные когти и желѣзной молотокъ; взялъ онъ надѣлъ семь шкуръ воловьихъ да когти желѣзные, въ карманъ насыпалъ орѣховъ и простыхъ и желѣзныхъ, а въ руки большой молотокъ взялъ, и пошелъ къ царевнѣ въ горницу. Вотъ летитъ къ царевнѣ змѣй; какъ увидалъ батрака, такъ и защелкалъ зубами: «Ты зачѣмъ сюда пришелъ?» — «За тѣмъ же, за чѣмъ и ты!» сказалъ батракъ, а самъ сидитъ да орѣшки пощелкиваетъ. Змѣй видитъ, что силою ничего не возьмешь, давай къ нему подлѣзать; попросилъ у него орѣшковъ, а тотъ и далъ ему желѣзныхъ. Змѣй грызъ-грызъ и плюнулъ: «Не хороши, братъ, твои орѣшки! давай-ка лучше въ карты играть». — «Давай, пожалуй; да какъ же будемъ играть?» И поладили они на томъ: кто проиграетъ, тому зубочистку дать. Стали играть; проигралъ змѣй. Батракъ вынулъ молотокъ, да какъ дастъ ему зубочистку, тотъ ажно насилу опомнился. «Давай, говоритъ змѣй: играть на кожу: кто проиграетъ, съ того кожу долой». Проигралъ батракъ; змѣй снялъ съ него одну воловью кожу. «Давай еще!» Проигралъ змѣй; какъ вцѣпился ему батракъ желѣзными когтями въ кожу — такъ всю и снялъ! Змѣй тутъ же издохъ.

Узналъ про то царь, да на радости и женилъ батрака на царевнѣ. Вотъ царевнѣ и скучно жить съ такимъ мужикомъ; велѣла его отвести въ лѣсъ, да тамъ и убить. Слуги подхватили его, отвели въ лѣсъ; да пожалѣли, не убили. Ходитъ батракъ по̀ лѣсу, плачетъ. Навстрѣчу ему идутъ три человѣка, сами спорятъ. Только поровнялись съ нимъ, такъ и кинулись къ нему съ моль-

бою: «Скажи, доброй человѣкъ! вотъ мы нашли сапоги-самоходы, коверъ-самолётъ да скатерть-самобранку; какъ намъ подѣлить?» — «А вотъ какъ: кто прежде всѣхъ взлѣзетъ на дубъ — тому все и отдать!» Тѣ сдуру и согласились, бросились на дерево; только-что на дубъ взлѣзли, батракъ надѣлъ сапоги-самоходы, сѣлъ на коверъ-самолётъ, взялъ съ собой скатерть-самобранку, да и говоритъ: «Будь я подлѣ царскаго города!» Тамъ и очутился. Разбилъ шатеръ, велѣлъ скатерти-самобранкѣ приготовить обѣдъ, и позвалъ къ себѣ въ гости царя съ царевною; они его и не признали. Приходятъ къ нему царь съ царевною; онъ началъ ихъ подчивать, подчивалъ-подчивалъ, и сталъ показывать царевнѣ коверъ-самолётъ, а самъ потихоньку взялъ скатерть-самобранку да толкнулъ царевну на коверъ и велѣлъ ему снести себя въ темной лѣсъ. Въ лѣсу сказалъ батракъ царевнѣ, кто онъ таковъ; она начала его ласкать да умасливать — ну, и умаслила! Какъ только онъ заснулъ, царевна схватила скатерть-самобранку, сѣла на коверъ-самолётъ, да и была такова! Проснулся батракъ, видитъ, что нѣтъ ни царевны, ни ковра-самолёта, ни скатерти-самобранки; остались одни сапоги-самоходы. Бродилъ-бродилъ по лѣсу; захотѣлось ему ѣсть, видитъ онъ, что стоятъ двѣ яблони, взялъ-сорвалъ съ одной яблоко и сталъ ѣсть. Съѣлъ яблоко — выросъ на головѣ рогъ, съѣлъ другое — выросъ другой рогъ! Онъ попробовалъ съ другой яблони: съѣлъ яблоко — въ ту жъ минуту пропали рога, самъ молодцомъ да красавцемъ сталъ! Набралъ въ карманъ и тѣхъ и другихъ яблокъ и пошелъ въ царской городъ. Ходитъ батракъ мимо дворца; увидалъ дѣвку-чернавку, царевнину прислужницу, дурную-предурную: «Не хочешь ли, голубушка, яблочка!» Та взяла у него яблочко, съѣла и сдѣлалась такая красавица, что

ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать. Приходитъ дѣвка-чернавка къ царевнѣ, та такъ и ахнула! «Купи, говоритъ, непремѣнно купи мнѣ такихъ яблокъ». Чернавка пошла и купила; съѣла царевна, а у ней рога выросли. На другой день приходитъ батракъ къ царевнѣ и сказываетъ, что онъ можетъ сдѣлать ее опять красавицею. Та зачала его просить. Онъ велѣлъ ей идти въ баню; тамъ раздѣлъ ее донага та такъ желѣзными прутьями отподчивалъ, что надолго не забудетъ! Послѣ сказалъ, что онъ ея законный мужъ; царевна спокаялась, возвратила ему и коверъ-самолетъ, и скатерть-самобранку; а батракъ далъ ей хорошихъ яблокъ. И стали они жить да поживать, да добра наживать.

Записана П. И. Якушкинымъ въ Малоархангельскомъ у., Орловской губ.

114

Сказка про утку съ золотыми яйцами

(а) Было-жило два брата: одинъ богатой, другой бѣдной; у бѣднаго — жена да дѣти, а богатой — одинъ какъ перстъ. Пошелъ бѣдной къ богатому и сталъ просить: «Накорми, братецъ, сегодня при бѣдности моихъ дѣтей; намъ и пообѣдать нечего!» — «Сегодня мнѣ не до тебя! говоритъ богатой: сегодня у меня все князья да бояре, такъ бѣдному не приходится тутъ быть!» Облился бѣдной братъ слезами и пошелъ рыбу ловить: «Авось Богъ дастъ — поймаю! хоть ухи дѣти похлебаютъ». Только затянулъ тоню, и попалъ ему кувшинъ. «Вытащи меня да разбей на берегу, отозвалось изъ кувшина; такъ я тебѣ счастье укажу». Вытащилъ онъ кувшинъ, разбилъ на берегу, и вышелъ оттуда невѣдомой молодецъ и сказалъ: «Есть зеленый лугъ, на томъ лугу береза, у той березы подъ кореньями утка; обруби у березы

коренья и возьми утку домой: она станетъ тебѣ нести яички — одинъ день золотое, другой день серебреное». Бѣдной братъ пошелъ къ березѣ, досталъ утку и принесъ домой; стала утка нести яички — одинъ день золотое, другой день серебреное; сталъ онъ продавать ихъ купцамъ да боярамъ, и куда какъ разбогатѣлъ скоро! «Дѣти! говоритъ онъ, молитесь Богу; Господь нашелъ насъ».

Богатой братъ позавидовалъ, озлобился: «Отчего такъ разбогатѣлъ мой братъ? теперь я нужнѣе, а онъ богаче сталъ! вѣрно, какой-нибудь грѣхъ за нимъ водится!» и пошелъ въ судъ съ жалобой. Дошло это дѣло до самого царя. Зовутъ того брата, что былъ бѣденъ да разбогатѣлъ скоро, къ царю. Куда дѣвать утку? дѣти малы, пришло женѣ подъ присмотръ отдать; начала она на базаръ ходить да яйцы по дорогой цѣнѣ продавать, а была собой красавица и слюбилась съ бариномъ. «Отчего, скажи, вы разбогатѣли?» спрашиваетъ ее баринъ. «Да намъ вѣдь Богъ далъ!» А онъ приступаетъ: «Нѣтъ, скажи правду; коли не скажешь, не стану тебя любить, не стану къ тебѣ ходить». И таки не пришелъ къ ней день-другой; она позвала его къ себѣ и разсказала: «У насъ есть утка — день несетъ золотое яичко, день серебреное». — «Принеси-ка эту утку да покажь, какова птица?» Оглядѣлъ утку, и видитъ — на брюшкѣ у ней золотыми буквами написано: кто съѣстъ ея голову, тотъ царемъ будетъ, а кто — сердце, тотъ станетъ золотомъ плевать. Позарился баринъ на такое великое счастье, присталъ къ бабѣ: «Зарѣжь да и зарѣжь утку!» Отговаривалась она, отговаривалась, а покончила тѣмъ, что зарѣзала утку и поставила въ печь жарить. День былъ праздничной; ушла она къ обѣдни, а тѣмъ временемъ прибѣжали въ избу два ея сына. Вздумалось имъ перекусить

чего-нибудь, заглянули въ печку и вытащили утку; старшій съѣлъ голову, а меньшой сердце. Воротилась мать изъ церкви, пришелъ и баринъ, сѣли за столъ; смотритъ онъ — нѣтъ ни сердца утинаго, ни головы. «Кто съѣлъ?» спрашиваетъ баринъ, и таки дознался, что съѣли эти два мальчика. Вотъ онъ и пристаетъ къ матери: «Зарѣжь де своихъ сыновей, изъ одного вынь мозги, изъ другого сердце; а коли не зарѣжешь — и дружба врозь!» Сказалъ и ушелъ отъ неё; вотъ она цѣлую недѣлю томилась, а послѣ не выдержала, посылаетъ къ барину: «Приходи! такъ и быть для тебя и дѣтей не пожалѣю!» Сидитъ она и точитъ ножъ; старшій сынъ увидалъ, заплакалъ горькими слезами и просится: «Отпусти насъ, матушка, въ садъ погулять». — «Ну, ступайте, да далеко не уходите». А мальчики не то, что гулять, ударились въ бѣги. Бѣжали-бѣжали, уморились и оголодали. Въ чистомъ полѣ пастухъ коровъ пасетъ. «Пастушокъ, пастушокъ! дай намъ хлѣбца». — «Вотъ вамъ кусочекъ, говоритъ пастухъ: только всего и осталось! кушайте на здоровье». Старшій братъ отдаетъ меньшому: «Скушай ты, братецъ! ты малосильнѣе, а я подюжѣе — могу и такъ стерпѣть». — «Нѣтъ, братецъ! ты все меня за ручку тащилъ, хуже моего утомился; съѣдимъ пополамъ!» Взяли, пополамъ раздѣлили, съѣли и оба сыты стали. Вотъ пошли они дальше; идутъ все впередъ да впередъ дорòгою широкою — и разбилась та дорога нàдвое; на распутіи столбъ стоитъ, на столбѣ написано: кто въ правую руку пойдетъ — царемъ сдѣлается, кто въ лѣвую руку пойдетъ — богатъ будетъ. Малой братъ и говоритъ большему: «Братецъ! ступай ты въ правую руку; ты больше меня знаешь, больше меня снести можешь». Бòльшій братъ пошелъ направо, меньшой — налѣво. Вотъ первой-то шелъ-шелъ, и пришелъ въ иное царство;

попросился къ старушкѣ ночь ночевать, переночевалъ, всталъ поутру, умысля, одѣлся, Богу помолился. А въ томъ государствѣ померъ тогда царь, и собираются всѣ люди въ церковь со свѣчами: у кого прежде свѣча сама собой загорится, тотъ царь будетъ. «Поди и ты, дитятко, въ церковь! говоритъ ему старушка: можетъ у тебя свѣча прежде всѣхъ загорится». Дала ему свѣчку; онъ и пошелъ въ церковь; только что входитъ туда — у него свѣча и загорѣлась; другимъ князьямъ да боярамъ завидно стало, начали огонь тушить, самого мальчика вонъ гнать. А царевна сидитъ высоко на тронѣ, и говоритъ: «Не троньте его! худъ ли, хорошъ ли — видно судьба моя!» Подхватили этого мальчика подъ руки, привели къ ней; она сдѣлала ему во лбу печать своимъ золотымъ перстнемъ, приняла его во дворецъ къ себѣ, выростила, объявила царемъ, и вышла за него замужъ. Ни много, ни мало пожили они вмѣстѣ, и говоритъ новой царь своей женѣ: «Позволь мнѣ поѣхать — розыскивать моего малаго брата!» — «Поѣзжай съ Богомъ!» Долго ѣздилъ онъ по разнымъ землямъ и нашелъ малаго брата: въ великомъ богатствѣ живетъ, цѣлыя кучи золота въ анбарахъ насыпаны; что ни плюнетъ онъ — то все золотомъ! дѣвать некуда! «Братецъ! говоритъ меньшой старшему, поѣдемъ къ отцу нашему, да посмотримъ: каково его житье-бытье?» — «Хоть сейчасъ въ дорогу!» Вотъ пріѣзжаютъ они къ отцу къ матери, попросились къ нимъ въ избу роздыхъ сдѣлать, а не сказываютъ, кто они таковы. Сѣли за столъ; старшій братъ и началъ говорить про утку съ золотыми яичками да про мать-лиходѣйку. А мать то-и-дѣло перебиваетъ да рѣчь заминаетъ. Отецъ догадался: «Не вы ли — мои дѣтки?» — «Мы, батюшка!» Пошло обниманье, цѣлованье; что разговоровъ тутъ было! Старшій братъ взялъ отца въ свое царство жить,

меньшой поѣхалъ невѣсту искать, а мать одноё покинули.

(b) Былъ-жилъ старикъ со старухою: старика того звали Абросимомъ, а старуху Фетиньею, и жили они въ великой скудости и бѣдности и имѣли одного сына, по имени Иванушка, который и былъ уже по пятнадцатому году. Въ одинъ день старикъ Абросимъ промыслилъ краюшку хлѣба и принесъ домой, чтобъ накормить своы женую и сына, и лишь только принялся рѣзать — вдругъ изъ-за печки выбѣжалъ Кручина, выхватилъ изъ рукъ его краюшку и ушелъ опять за печь. Тогда старикъ началъ Кручинѣ кланяться и просить, чтобъ онъ отдалъ краюшку назадъ, потому что ему съ семьею ѣсть нечего. Кручина старику на то сказалъ: «Я тебѣ краюшки твоей не отдамъ, а за нее подарю тебѣ уточку, которая всякой день будетъ несть по золотому яичку». — «Хорошо, сказалъ Абросимъ: я севодни какъ-нибудь безъ ужина пробуду, только ты меня не обмани и скажи, гдѣ та уточка?» — «Завтра поутру, какъ ты встанешь, отвѣчалъ ему Кручина: поди въ свой огородъ, и тамъ въ пруду увидишь утку, которую поймай и возьми къ себѣ въ домъ». Абросимъ выслушалъ его слова и легъ спать, а поутру всталъ рано и пошелъ въ огородъ, и увидѣвъ въ пруду утку, несказанно обрадовался; сталъ ловить утку, и скоро поймалъ, принесъ домой и отдалъ ее Фетиньѣ. Старуха пощупала утку и сказала мужу, что утка съ яичкомъ.

Тогда они оба обрадовались и посадили утку въ корчагу и покрыли рѣшетомъ, а чрезъ часъ послѣ того посмотрѣли и увидѣли, что утка снесла золотое яичко. Тогда утку пустили погулять пò полю, а яичко старикъ взялъ и понесъ продавать въ городъ, и продалъ то яичко за сто рублей, и взявши деньги, пошелъ на рынокъ

и накупилъ всякаго харчу и принесъ домой. На другой же день та уточка снесла опять такое же яичко; Абросимъ и то продалъ. И такимъ образомъ та уточка несла всякой день по золотому яичку, и старикъ въ малое время весьма обогатился, и сдѣлался богатъ, и состроилъ себѣ въ городѣ большой домъ и множество великое лавокъ, и накупилъ разныхъ товаровъ и началъ торговать. Жена же его Фетинья понялась съ нѣкіимъ молодымъ своимъ приказчикомъ и стала его любить; а тотъ приказчикъ ее не любилъ и только выманивалъ у неё деньги.

Въ одно время, когда Абросимъ ушелъ закупать новые товары, приказчикъ пришелъ къ Фетиньѣ, и говоря съ нею, увидѣлъ уточку, которая несла золотыя яички, поймалъ ее и любовался, и примѣтилъ, что подъ крылушками у ней подписано золотыми буквами: «Ежели кто ту уточку съѣстъ, тотъ царь будетъ». Тогда приказчикъ, не сказавъ о томъ Фетиньѣ, сталъ ее упрашивать, чтобъ она, любя его, зажарила ту утку. Однако Фетинья ему отвѣчала, что она не можетъ и не смѣетъ ее зарѣзать, потому что отъ неё ихъ счастіе зависитъ. Приказчикъ же началъ усиленно просить Фетинью, чтобъ она ту уточку изъ любви къ нему зарѣзала и зажарила. Фетинья же, долго думая и боясь своего мужа, не смѣла того сдѣлать; но послѣ ослѣпилась и уточку зарѣзала и поставила въ печь. Приказчикъ отлучился, обѣщаясь вскорѣ назадъ придти; а Фетинья пошла въ городъ. И на ту пору пришелъ домой Иванушка, сынъ ея, и захотѣлось ему ѣсть. Онъ началъ искать чего-нибудь пообѣдать и нашелъ въ печи жареную уточку; вынувши ту утку изъ печки, съѣлъ ее всю до́чиста и ушелъ со двора опять въ лавку. Потомъ пришелъ и приказчикъ и кликнулъ Фетинью. Когда же она пришла, тогда приказчикъ велѣлъ ей

подать жареную утку. Фетинья тотчасъ бросилась въ печь, и увидѣвъ, что утки нѣтъ, испужалась и сказала приказчику, что утка изъ печи пропала. Тогда приказчикъ на нее разсердился и сказалъ ей: «Ты, конечно, сама утку скушала!» — разбранился и ушелъ изъ дому.

Къ вечеру пришли домой Абросимъ и Иванушка, сынъ его. Примѣтивъ, что утки нѣтъ, Абросимъ спрашиваетъ объ ней Фетинью: куды она дѣвалась? Фетинья же ему отвѣчала, что ничего о томъ не знаетъ. А Иванушка сказалъ своему отцу: «Кормилецъ батюшка! я давича пришелъ домой пообѣдать, и какъ матушки не случилось дома, то я заглянулъ въ печь и увидѣлъ жареную утку, и вынувши ее изъ печи, съѣлъ всеё дочиста; только не знаю, наша ли это утка или чья иная?» Тогда Абросимъ вздурился на свою жену и прибилъ ее до полусмерти, а сына своего Иванушку согналъ со двора долой.

Малой Иванушка пошелъ путемъ-дорогою и шелъ, куда и самъ не знаетъ, а туда, куда глаза глядятъ; шелъ десять дней и десять ночей; и пришелъ къ нѣкоему государству. И когда пошелъ во градскія ворота, увидѣлъ великое множество народу; и тотъ народъ думалъ думушку крѣпкую и такую думу, что царь ихъ умеръ, а они не знали, кого царемъ выбрать, и уговорились между собою такъ: который человѣкъ прежде придетъ къ нимъ въ градскія вороты, то того и царемъ сдѣлать надъ собою. И какъ на ту пору Иванушка пришелъ во градскія ворота, тогда весь народъ закричалъ: «Вотъ идетъ нашъ царь!» — и старѣйшины подхватили Иванушку пòдъ руки, и повели въ царскіе чертоги, и облекли его въ царскія ризы, и посадили на царской престолъ, и начали всѣ ему кланятися, яко истинному царю своему, и спрашивали отъ него

разныхъ приказовъ. Тогда Иванушка подумалъ, что онъ царемъ себя во снѣ видитъ, а не на яву; однако опомнился, и увидѣвъ себя настоящимъ царемъ, возрадовался всѣмъ сердцемъ, и началъ повелѣвать народомъ и учредилъ многихъ чиновныхъ людей.

По маломъ же времени выбралъ одного изъ нихъ, именемъ Лугу, призвалъ его къ себѣ и говорилъ ему сицевыя слова: «Вѣрный мой и добрый кавалеръ Луга! сослужи ты мнѣ службу: поѣзжай въ мое отечество прямо къ самому царю, бей ему отъ меня челомъ, проси, чтобъ онъ отдалъ тебѣ виновнаго купца Абросима и съ женою его Фетиньею, и когда онъ тебѣ ихъ отдастъ, то привези ты обоихъ ко мнѣ; а ежели не отдастъ, то скажи самому царю отъ меня, что его государство огнемъ сожгу и самого царя въ полонъ возьму». Когда слуга Луга отправился въ отечество Иванушки и пріѣхалъ къ самому царю и сталъ у него просить виноватыхъ Абросима и Фетинью, — царь, вѣдая, что Абросимъ богатой купецъ въ его государствѣ, не хотѣлъ было выдавать; однако разсудилъ, что государство Иванушкино весьма сильно воинствомъ, и убояся того, отпустилъ Абросима и Фетинью. Луга же, принявъ ихъ, отправился въ свое государство, и когда привезъ ихъ къ Иванушкѣ-царю, тогда Иванушка сказалъ своему отцу Абросиму: «Государь мой батюшка! ты меня выгналъ изъ дому своего; я за то принимаю тебя къ себѣ. Живите оба съ матушкою у меня до конца жизни». Абросимъ и Фетинья возрадовались, что ихъ сынъ царемъ сталъ, и съ того дня жили у сына много лѣтъ, а послѣ померли. Иванушка сидѣлъ на престолѣ тридцать лѣтъ въ добромъ здоровьи и благополучіи; всѣ подданные любили его нелицемѣрно до послѣдняго часа его жизни.

Напечатана съ лубочнаго изданія.

115

Чудесная курица

За тридевять земель, въ тридесятомъ царствѣ, не въ нашемъ государствѣ, жилъ старикъ со старухою въ нуждѣ и въ бѣдности; у нихъ было два сына — лѣтами малы, на работу идти не сдюжаютъ. Поднялся самъ старикъ, пошелъ на за̀работки, ходилъ-ходилъ по̀ людямъ, только и зашибъ что двугривенной. Идетъ домой, а навстрѣчу ему горькой пьяница — въ рукахъ курицу держитъ. «Купи, старичокъ, курочку!» — «А что сто́итъ?» — «Давай полтину». — «Нѣтъ, братъ! возьми двугривенной; съ тебя и этого будетъ: выпьешь крючокъ, да и спать ложись!» Пьянчужка взялъ двугривенной и отдалъ старику курицу. Вернулся старикъ домой, а до̀ма давно голодаютъ: нѣтъ ни куска хлѣба! «Вотъ тебѣ, старая, курочку купилъ!» Накинулась на него баба и давай ругать: «ахъ ты, старой чортъ! совсѣмъ изъ ума выжилъ! дѣти безъ хлѣба сидятъ, а онъ курицу купилъ; вѣдь ее кормить надо!» — «Молчи, дура-баба! много ли курица съѣстъ? а вотъ она нанесетъ намъ яичекъ да цыплятъ высидитъ, мы цыплятъ-то продадимъ да хлѣба и купимъ . . .» Сдѣлалъ старикъ гнѣздышко и посадилъ курочку подъ печкою. На утро смотритъ, а курочка самоцвѣтной камушекъ снесла. Говоритъ старикъ женѣ: «Ну, старуха! у людей куры яйца несутъ, а у насъ — камушки; что теперь дѣлать?» — «Неси въ городъ; можетъ, кто и купитъ!» Пошелъ старикъ въ городъ; ходитъ по гостиному ряду и показываетъ самоцвѣтной камень. Со всѣхъ сторонъ сошлись къ нему купцы, начали цѣнить этотъ камушекъ, цѣнили-цѣнили и купили за пятьсотъ рублевъ. Съ того дня началъ старикъ торговать самоцвѣтными камнями, что несла ему курочка; живо

разбогатѣлъ, выписался въ купечество, настроилъ лавокъ, нанялъ приказчиковъ и сталъ за̀ море съ кораблями ѣздить да въ иныхъ земляхъ торгъ вести. Уѣзжаетъ онъ какъ-то въ чужія страны и наказываетъ женѣ: «Смотри, старая! соблюдай курочку, пуще глаза храни; а коли она утратится, твоя голова съ плечъ свалится!» Только уѣхалъ, а старуха сейчасъ же худое задумала — съ молодымъ приказчикомъ связалась. «Гдѣ вы эти самоцвѣтные камни берете?» спрашиваетъ ее приказчикъ. — «Да намъ курочка несетъ». Приказчикъ взялъ курочку, посмотрѣлъ, а у ней подъ правымъ крылушкомъ золотомъ написано: кто ея голову съѣстъ — тотъ королемъ будетъ, а кто потрохи — тотъ будетъ золотомъ харкать. «Зажарь, говоритъ, эту курочку мнѣ на обѣдъ!» — «Ахъ, любезной другъ! какъ можно? вѣдь мужъ воротится — казнитъ меня». Приказчикъ и слышать ничего не хочетъ: зажарь! — да и только. На другой день призвала старуха повара, приказала ему зарѣзать курочку и зажарить къ обѣду съ головкой и съ потрохами. Поваръ зарѣзалъ курочку и поставилъ въ печь, а самъ вышелъ куда-то. Тѣмъ временемъ прибѣжали изъ училища старухины дѣти, заглянули въ печь, и захотѣлось имъ попробовать жаренаго: старшій братъ съѣлъ куриную голову, а меньшой скушалъ потрохи. Пришло время обѣдать, подаютъ за столъ курицу; приказчикъ какъ увидѣлъ, что нѣтъ ни головы, ни потроховъ, разсердился, разругался съ старухою и уѣхалъ домой. Старуха за нимъ — и такъ и сякъ умасливаетъ, а онъ знай на одномъ стоитъ: «Изведи своихъ дѣтей, говоритъ, вынь изъ нихъ потроха̀ и мозги́ и сготовь мнѣ къ ужину; не то знать тебя не хочу!» Старуха уложила своихъ дѣтокъ спать, а сама призвала повара и велѣла везти ихъ сонныхъ въ лѣсъ; тамъ загубить ихъ до̀ смерти, а

потроха и мозги вынуть и сготовить къ ужину. Поваръ привёзъ мальчиковъ въ друмечій лѣсъ, остановился и принялся точить ножь. Мальчики проснулись и спрашиваютъ: «Зачѣмъ ты ножъ точишь?» — «А затѣмъ, что мать ваша приказала мнѣ изъ васъ потроха и мозги добыть да къ ужину изготовить». — «Ахъ, дѣдушка-голубчикъ! не убивай насъ; сколько хочешь дадимъ тебѣ золота, только пожалѣй насъ — отпусти на волю». Младшій братч нахаркалъ ему цѣлую полу золота; поваръ и согласился отпустить ихъ на вольной свѣтъ. Бросилъ мальчиковъ въ лѣсу, вернулся назадъ, и на его счастье дома сука ощенилася; вотъ онъ взялъ зарѣзалъ двухъ щенковъ, вынулъ изъ нихъ потрохà и мозги́, зажарилъ и подалъ къ ужину на столъ. Приказчикъ такъ и кинулся на это кушанье, все сожралъ — и сдѣлался ни королемъ, ни королевичемъ, а напросто хамомъ!

Мальчики вышли изъ лѣсу на большую дорогу и пошли, куда глаза глядятъ; долго ли, коротко ли шли они — только распадается дорога надвое и стоитъ тутъ столбъ, а на столбѣ написано: кто пойдетъ направо, тотъ царство получитъ, а кто пойдетъ налѣво, тотъ много зла и горя пріиметъ, да за то женится на прекрасной царевнѣ. Братья прочитали эту надпись и рѣшились идти въ разныя стороны: старшій пошелъ направо, младшій налѣво. Вотъ старшій-то шелъ-шелъ, шелъ-шелъ, и забрался въ незнамой столичной городъ: въ городѣ народа видимо-невидимо! только всѣ въ траурѣ, всѣ печалятся. Попросился онъ къ бѣдной старушкѣ на квартиру: «Укрой, говоритъ, чужестраннаго человѣка отъ темной ночи». — «Рада бы пустить, да право некуды; и то тѣсно!» — «Пусти, бабушка! я такой же человѣкъ мірской, какъ и ты; мнѣ немного мѣста надобно — гдѣ-нибудь въ уголку

ночую». Старуха пустила его. Стали разговаривать. «Отчего, бабушка, спрашиваетъ странникъ: у васъ въ городѣ тѣснота страшная, квартиры дòроги, а народъ весь въ трaурѣ да въ печали?» — «Да вишь король у насъ померъ; такъ бояре стали кличъ кликать, чтобъ собирались всѣ, и старые и малые, и всякому даютъ по свѣчѣ, и съ тѣми свѣчами ходятъ въ соборъ: у кого свѣча сама собой загорится, тотъ и королемъ будетъ!» На утро мальчикъ всталъ, умылся, Богу помолился, поблагодарилъ хозяйку за хлѣбъ, за соль, за мягкую постель и пошелъ въ соборную церковь; приходитъ — народу въ три года не сосчитать! только взялъ свѣчу въ руки — она тотчасъ и загорѣлася. Тутъ всѣ на него бросились, стали свѣчу задувать, тушить, а огонь еще ярче горитъ. Нечего дѣлать, признали его за короля, одѣли въ золотную одёжу и отвели во дворецъ.

А меньшой братъ, что повернулъ налѣво, услыхалъ, что въ нѣкоемъ царствѣ есть прекрасная царевна — собой прелесть неописанная, только на казну больно завистная, и пустила де она вѣсти по всѣмъ землямъ: за того пойду замужъ, кто сможетъ прокормить мое войско цѣлые три года. Какъ не попытать счастья? Пошелъ туда мальчикъ; идетъ онъ дорòгою, идетъ широкою, а самъ въ мѣшочекъ плюстъ да плюетъ чистымъ золотомъ. Долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли — приходитъ къ прекрасной царевнѣ и вызвался ея задачу исполнить. Золота ему не занимать стать: плюнетъ — и готово! Три года содержалъ онъ царевнино войско, кормилъ-поилъ, одѣвалъ. Пора бы веселымъ пиркомъ да за свадебку, а царевна — на хитрости: распросила-развѣдала, откуда ему такое богатство Богъ послалъ? зазвала его въ гости, угостила-уподчивала и поднесла рвотнаго. Стошнило добраго

мо̀лодца и выблевалъ онъ куриной потрохъ; а царевна подхватила да въ ротъ. Съ того же дня стала она золотомъ харкать; а женихъ ея не при чемъ остался. «Что мнѣ съ этимъ невѣжею дѣлать? спрашиваетъ царевна у своихъ бояръ, у генераловъ; вить зайдетъ же едакая блажь въ голову — вздумалъ на мнѣ жениться!» Бояре говорятъ: надо его повѣсить; генералы говорятъ: надо его разстрѣлять; а царевна иное придумала — приказала бросить его въ н . . . . . .

Доброй мо̀лодецъ еле оттуда вылѣзъ, и снова отправился въ путь-дорогу, а самъ одно на умѣ держитъ; какъ бы умудриться да отсмѣять царевнѣ эту шутку недобрую. Шелъ-шелъ и зашелъ въ дремучій лѣсъ; смотритъ — три человѣка дерутся, другъ дружку такъ кулаками и садятъ! «Что вы деретесь?» — «Да вотъ попались намъ въ лѣсу три находки, а раздѣлить не умѣемъ: всякой себѣ тащитъ!» — «А-что за находки? есть ли изъ-за чего ссориться?» — «Еще бы! вотъ боченокъ — только стукни, изъ него рота солдатъ выскочитъ; вотъ ковёръ-самолётъ — куда вздумалъ, туда и полетѣлъ; а вотъ кнутъ-самобой — хлысни дѣвку да скажи: была дѣвица, а будь кобылица! сейчасъ кобылой и сдѣлается». — «Находки важныя — раздѣлить трудно! а я такъ думаю: давайте-ка, я сдѣлаю стрѣлу да пущу въ энту сторону, а вы вслѣдъ за ней припустите; кто первый добѣжитъ — тому боченокъ, кто второй добѣжитъ — тому ковёръ-самолётъ, кто назади останется — тому кнутъ-самобой». — «Ладно! пущай стрѣлу». Мо̀лодецъ сдѣлалъ стрѣлу и пустилъ далеко-далеко; трое бросились бѣжать на перегонки . . . бѣгутъ и назадъ не оглянутся! а доброй мо̀лодецъ взялъ боченокъ да кнутъ-самобой, сѣлъ на ковёръ-самолётъ, тряхнулъ за одинъ конецъ — и поднялся выше лѣса стоячаго, ниже облака ходячаго,

и полетѣлъ, куда самъ желалъ. Опустился онъ на заповѣдныхъ лугахъ прекрасной царевны, и началъ въ боченокъ поколачивать — и полѣзло оттуда войско несмѣтное: и пѣхота, и конница, и артиллерія съ пушками, съ пороховыми ящиками. Сила такъ и валитъ, такъ и валитъ! Доброй мо̀лодецъ спросилъ коня, сѣлъ верхомъ, объѣхалъ свою армію, поздоровался и скомандовалъ походъ. Барабаны бьютъ, трубы трубятъ, войско съ пальбою идетъ. Увидала царевна изъ своихъ теремовъ, страшно перепугалась, и посылаетъ своихъ бояръ и генераловъ просить мира. Доброй мо̀лодецъ велѣлъ схватить этихъ посланныхъ, наказалъ ихъ грозно и больно, и отослалъ назадъ: «Пускай де сама царевна пріѣдетъ да попроситъ замиренія». Нечего дѣлать, пріѣхала къ нему царевна, вышла изъ кареты, подходитъ къ доброму мо́лодцу, узнала его и обомлѣла, а онъ взялъ кнутъ-самобой, ударилъ ее по спинѣ: «Была, говоритъ, дѣвица, будь теперь кобылица!» Въ ту жъ минуту обратилась царевна кобылицею; онъ накинулъ ей узду, осѣдлалъ, сѣлъ верхомъ и поскакалъ въ королевство своего старшаго брата. Скачетъ во всю прыть, шпорами въ бока садитъ, да тремя желѣзными прутьями погоняетъ, а за нимъ идетъ войско — сила несмѣтная. Долго ли, коротко ли — вотъ и граница: остановился доброй мо̀лодецъ, собралъ свое войско въ боченокъ и поѣхалъ въ столичной городъ. Ѣдетъ мимо королевскаго дворца; увидалъ его самъ король, засмотрѣлся на кобылицу: «Что за витязь ѣдетъ! эдакой славной кобылицы въ жизнь свою не видывалъ!» Посылаетъ своихъ генераловъ торговать того коня. «Ишь, говоритъ мо̀лодецъ: какой король у васъ зоркой! эдакъ по-вашему городу нельзя и съ женой молодой погулять: коли на кобылицу позарился, такъ жену и подавно отыметъ!» Входитъ

во дворецъ: «Здорово, братецъ!» — «Ахъ, я тебя не узналъ!» Пошло обниманье-цѣлованье. «Это что у тебя за боченокъ?» — «Для питья, братецъ, держу; безъ воды въ дорогѣ нельзя». — «А ковёръ?» — «Садись, такъ узнаешь»! Сѣли они на ковёръ-самолётъ; младшій братъ тряхнулъ за одинъ конецъ, и полетѣли выше лѣса стоячаго, ниже облака ходячаго — прямо въ свое отечество.

Прилетѣли и наняли квартиру у родного отца; живутъ, а кто таковы — отцу съ матерью не сказываются. Вотъ вздумали они задать пиръ на весь крещеной міръ, собрали народу тьму тьмущую, трое сутокъ кормили-поили всѣхъ безданно, безпошлинно, а послѣ стали спрашивать: не знаетъ ли кто какой дивной исторіи? коли знаетъ, пусть сказываетъ. Никто не вызвался: «Мы де люди небывалые!» — «Ну, такъ я разскажу, говоритъ младшій братъ; только чуръ не перебивать! Кто три раза перебьетъ меня, того безъ пощады казнить». Всѣ согласились; вотъ онъ и началъ разсказывать, какъ жилъ старикъ со старухою, какъ была у нихъ курочка да несла самоцвѣтные камушки, какъ связалась старуха съ приказчикомъ . . . «Что ты врешь!» перебила хозяйка; а сынъ продолжаетъ дальше. Сталъ разсказывать, какъ курочку зарѣзали; мать опять его перебила. Дошло до того, какъ старуха хотѣла дѣтей извести; тутъ она снова не вытерпѣла: «Неправда! говоритъ, можетъ ли это случиться, чтобы мать да на своихъ родныхъ дѣтей возстала?» — «Видно; можетъ! узнай-ка насъ, матушка: вѣдь мы твои дѣти . . » Тутъ все открылось. Отецъ приказалъ изрубить старуху на мелкія части; приказчика привязалъ къ лошадинымъ хвостамъ: лошади бросились въ разныя стороны и разнесли его косточки по чисту́ полю. «Собакѣ собачья и смерть!» сказалъ старикъ, роздалъ

все свое имѣніе нищимъ и поѣхалъ жить къ старшему сыну въ его королевство. А младшій сынъ ударилъ свою кобылицу наотмашъ кнутомъ-самобоемъ: «Была кобылица, будь теперь дѣвица!» Кобылица обратилась прекрасною царевною; тутъ они помирились, поладили и повѣнчались. Свадьба была знатная, и я тамъ былъ, медъ пилъ, по бородѣ текло, да въ ротъ не попало.

116

Безногій и слѣпой богатыри

(а) Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ-былъ царь съ царицею; у нихъ былъ сынъ Иванъ-царевичъ, а смотрѣть-глядѣть за царевичемъ приставленъ былъ Катома-дядька, дубовая шапка. Царь съ царицею достигли древнихъ лѣтъ, заболѣли, и не чаютъ ужъ выздоровѣть; призываютъ Ивана-царевича и наказываютъ: «Когда мы помрёмъ, ты во всемъ слушайся и почитай Катому-дядьку, дубовую шапку; станешь слушаться — счастливъ будешь, а захочешь быть ослушникомъ — пропадешь, какъ муха». На другой день царь съ царицею померли; Иванъ-царевичъ похоронилъ родителей и сталъ жить по ихъ наказу: что ни дѣлаетъ, обо всемъ съ дядькой совѣтъ держитъ. Долго ли, коротко ли — дошелъ царевичъ до совершенныхъ лѣтъ и надумалъ жениться; приходитъ къ дядькѣ и говоритъ ему: «Катома-дядька, дубовая шапка! скучно мнѣ одному, хочу ожениться». — «Что же, царевичъ! зачѣмъ дѣло стало? лѣта твои таковы, что пора и о невѣстѣ думать; поди въ большую палату — тамъ всѣхъ царевенъ, всѣхъ королевенъ портреты собраны, погляди да выбери: какая понравится, за ту и сватайся». Иванъ-царевичъ пошелъ въ большую палату, началъ пересма-

тривать портреты, и пришлась ему по мысли королевна Анна Прекрасная — такая красавица, какой во всемъ свѣтѣ другой нѣтъ! На ея портретѣ подписано: коли кто задастъ ей загадку, а королевна не отгадаетъ, за того пойдетъ она замужъ; а чью загадку отгадаетъ, съ того голова долой. Иванъ-царевичъ прочиталъ эту подпись, раскручинился и идетъ къ своему дядькѣ: «Былъ я, говоритъ, въ большой палатѣ, высмотрѣлъ себѣ невѣсту Анну Прекрасную; только не вѣдаю, можно ли ее высватать?» — «Да, царевичъ! трудно ее достать; коли одинъ поѣдешь — ни за что не высватаешь; а возьмешь меня съ собой да будешь дѣлать, какъ я скажу, — можетъ дѣло и уладится». Иванъ-царевичъ проситъ Катому-дядьку, дубовую шапку, ѣхать съ нимъ вмѣстѣ и даетъ ему вѣрное слово слушаться его и въ горѣ и въ радости. Вотъ собрались они въ путь-дорогу и поѣхали сватать Анну Прекрасную королевну. Ѣдутъ они годъ, и другой, и третій, и заѣхали за много земель. Говоритъ Иванъ-царевичъ: «Ѣдемъ мы, дядя, столько времени, приближаемся къ землямъ Анны Прекрасной королевны, а не знаемъ, какую загадку загадывать». — «Еще успѣемъ выдумать!» Ѣдутъ дальше; Катома-дядька, дубовая шапка, глянулъ на дорогу — на дорогѣ лежитъ кошелекъ, и говоритъ; «Вотъ тебѣ и загадка, Иванъ-царевичъ! Какъ пріѣдешь къ королевнѣ, загадай ей такими словами: ѣхали де мы путемъ-дорогою, увидали: на дорогѣ добро лежитъ, мы добро добромъ взяли да въ свое добро положили! Эту загадку ей въ жизнь не разгадать; а всякую другую сейчасъ узнаетъ — только взглянетъ въ свою волшебную книгу; а какъ узнаетъ, то и велитъ отрубить тебѣ голову». Вотъ наконецъ пріѣхалъ Иванъ-царевичъ съ дядькою къ высокому дворцу, гдѣ проживала прекрасная королевна; въ ту пору-времячко была она на

балхонѣ, увидала пріѣзжихъ и послала узнать: откуда они и зачѣмъ прибыли? Отвѣчаетъ Иванъ-царевичъ: «Пріѣхалъ я изъ такого-то царства, хочу сватать за себя Анну Прекрасную королевну». Доложили о томъ королевнѣ; она приказала, чтобы царевичъ во дворецъ шелъ да при всѣхъ ея думныхъ князьяхъ и боярахъ загадку загадывалъ; «у меня, молвила, такой завѣтъ положенъ: если не отгадаю чьей загадки, за того мнѣ идти замужъ, а чью отгадаю — того злой смерти предать!» — «Слушай, прекрасная королевна, мою загадку, говоритъ Иванъ-царевичъ: ѣхали мы путемъ-дорогою, увидали — на дорогѣ добро лежитъ, мы добро добромъ взяли да въ добро положили». Анна Прекрасная королевна беретъ свою волшебную книгу, начала ее пересматривать да отгадки разыскивать; всю книгу перебрала, а толку не добилась. Тутъ думные князья и бояре присудили королевнѣ выходить замужъ за Ивана-царевича; хоть она и не рада, а дѣлать нечего — стала готовиться къ свадьбѣ. Думаетъ сама съ собой королевна: какъ бы время протянуть да жениха отбыть? и вздумала утрудить его великими службами. Призываетъ она Ивана-царевича и говоритъ ему: «Милой мой Иванъ-царевичъ, мужъ нареченной! надо намъ къ свадьбѣ изготовиться; сослужи-ка мнѣ службу невеликую: въ моемъ королевствѣ, на такомъ-то мѣстѣ, стои́тъ большой чугунной столбъ; перетащи его въ дворцовую кухню и сруби въ мелкія полѣнья — повару на дрова». — «Помилуй, королевна! не́што я пріѣхалъ сюда дрова рубить? мое ли это дѣло! на то у меня слуга есть: Катома-дядька, дубовая шапка». Сейчасъ призываетъ царевичъ дядьку, и приказываетъ ему притащить въ кухню чугунной столбъ и срубить его въ мелкія полѣнья повару на дрова. Катома-дядька пошелъ на сказанное мѣсто,

схватилъ столбъ въ охапку, принесъ въ дворцовую кухню и разбилъ на мелкія части; четыре чугунныхъ полѣна взялъ себѣ въ карманъ: «для пе́реду годится!» На другой день говоритъ королевна Ивану-царевичу: «Милой мой царевичъ, нареченной мужъ! завтра намъ къ вѣнцу ѣхать: я поѣду въ коляскѣ, а ты верхомъ на богатырскомъ жеребцѣ; надобно тебѣ за́годя объѣздить того коня». — «Стану я самъ объѣзжать коня! на то у меня слуга есть». Призываетъ Иванъ-царевичъ Катому-дядьку, дубовую шапку: «Ступай, говоритъ, на копюшню, вели конюхамъ вывести богатырскаго жеребца, сядь на него и объѣзди; завтра я на немъ къ вѣнцу поѣду». Катома-дядька смекнулъ хитрости королевны, не сталъ долго разговаривать, пошелъ на конюшню и велѣлъ конюхамъ вывести богатырскаго жеребца. Собралось двѣнадцать конюховъ: отперли двѣнадцать замко̀въ, отворили двѣнадцать дверей и вывели волшебнаго коня на двѣнадцати желѣзныхъ цѣпяхъ. Катома-дядька, дубовая шапка, подошелъ къ нему; только успѣлъ сѣсть — волшебной конь отъ земли отдѣляется, выше лѣсу подымается, что повыше лѣсу стоячаго, пониже облака ходячаго. Катома крѣпко сидитъ, одной рукой за гриву держится, а другой вынимаетъ изъ кармана чугунное полѣно и начинаетъ этимъ полѣномъ промежду̀ ушей коня осаживать. Избилъ одно полѣно, взялся за другое; два избилъ, взялся за третье; три избилъ, пошло въ ходъ четвертое. И такъ донялъ онъ богатырскаго жеребца, что не выдержалъ конь, возговорилъ человѣческимъ голосомъ: «Батюшка Катома! отпусти хоть живого на бѣлой свѣтъ. Что хочешь, то и приказывай: все будетъ по-твоему!» — «Слушай, собачье мясо! отвѣчаетъ ему Катома-дядька, дубовая шапка: завтра поѣдетъ на тебѣ къ вѣнцу

Иванъ-царевичъ. Смотри же: какъ выведутъ тебя конюхи на широкой дворъ, да подойдетъ къ тебѣ царевичъ и наложитъ свою руку — ты стой смирно, ухомъ не пошевели; а какъ сядетъ онъ верхомъ — ты по самыя щотки въ землю подайся да иди подъ нимъ тяжелымъ шагомъ, словно́ у тебя на спинѣ непомѣрная тягота накладена». Богатырской конь выслушалъ приказъ и опустился еле живъ на землю. Катома ухватилъ его за хвостъ и бросилъ возлѣ конюшни: «Эй, кучера и конюхи! уберите въ стойло это собачье мясо». Дождались другого дня; подошло время къ вѣнцу ѣхать: королевнѣ коляску подали, а Ивану-царевичу богатырскаго жеребца подвели. Со всѣхъ сторонъ народъ сбѣжался — видимо-невидимо! Вышли изъ палатъ бѣлокаменныхъ женихъ съ невѣстою; королевна сѣла въ коляску и дожидается: что-то будетъ съ Иваномъ-царевичемъ? волшебной конь разнесетъ его кудри по вѣтру, размычетъ его кости по чисту полю. Подходитъ Иванъ-царевичъ къ жеребцу, накладываетъ руку на спину, ногу въ стремено — жеребецъ сто́итъ словно вкопаной, ухомъ не шевельнетъ! Сѣлъ царевичъ верхомъ — волшебной конь по щотки въ землю ушелъ; сняли съ него двѣнадцать цѣпей — сталъ конь выступать ровнымъ, тяжелымъ шагомъ, а съ самого потъ градомъ такъ и катится. «Экой богатырь! экая сила непомѣрная!» говоритъ народъ, глядя на царевича. Перевѣнчали жениха съ невѣстою; стали они выходить изъ церкви, взяли другъ дружку за руки. Вздумалось королевнѣ еще разъ попытать силу Ивана-царевича, сжала ему руку такъ сильно, что онъ не смогъ выдержать: кровь въ лицо кунулась, глаза подъ лобъ ушли. «Такъ ты эдакой-то богатырь! думаетъ королевна: славно же твой дядька меня опуталъ . . . только даромъ вамъ это не пройдетъ!»

Живетъ Анна Прекрасная королевна съ Иваномъ царевичемъ, какъ подобаетъ женѣ съ богоданнымъ мужемъ, всячески его словами улещаетъ, а сама одно мыслитъ, какимъ бы то способомъ извести Катому-дядьку, дубовую шапку; съ царевичемъ безъ дядьки нетрудно управиться! Сколько ни вымышляла она всякихъ наговоровъ, Иванъ-царевичъ не поддавался на ея рѣчи, все сожалѣлъ своего дядьку. Черезъ годъ времени говоритъ онъ своей женѣ: «Любезная моя супружница, прекрасная королевна! желается мнѣ ѣхать вмѣстѣ съ тобой въ свое государство». — «Пожалуй, поѣдемъ; мнѣ самой давно хочется увидать твое государство». Вотъ собрались и поѣхали; дадьку Катому за кучера посадили. Ѣхали-ѣхали; Иванъ-царевичъ заснулъ дорогою. Вдругъ Анна Прекрасная королевна стала его будить да жалобу приносить: «Послушай, царевичъ, ты все спишь — ничего не слышишь! А твой дядька совсѣмъ меня не слушаетъ, нарочно правитъ лошадей на кочки да рытвины — словно извести насъ собирается; стала я ему добромъ говорить, а онъ надо мной насмѣхается. Жить не хочу, коли его не накажешь!» Иванъ-царевичъ крѣпко съ просонокъ разсердился на своего дядьку, и отдалъ его на всю волю королевнину: «Дѣлай съ нимъ, что сама знаешь!» Королевна приказала отрубить ему ноги. Катома дался ей на поруганіе: «Пусть, думаетъ, пострадаю; да и царевичъ узнаетъ — каково горе мыкать!» Отрубили Катомѣ-дядькѣ обѣ ноги. Глянула королевна кругомъ и увидала: стоитъ въ сторонѣ высокой пень; позвала слугъ и приказала посадить его на этотъ пень, а Ивана-царевича привязала на веревкѣ къ коляскѣ, повернула назадъ и поѣхала въ свое королевство. Катома-дядька, дубовая шапка, на пнѣ сидитъ, горькими слезами плачетъ: «Прощай,

говоритъ, Иванъ-царевичъ! вспомнишь и меня». А Иванъ-царевичъ въ припрыжку за коляскою бѣжитъ; самъ знаетъ, что маху далъ, да воротить нельзя. Пріѣхала королевна Анна Прекрасная въ свое государство и заставила Ивана-царевича коровъ пасти. Каждой день поутру ходитъ онъ со стадомъ въ чистое поле, а вечеромъ назадъ на королевской дворъ гонитъ; въ то время королевна на балконѣ сидитъ и повѣряетъ, всѣ ли счетомъ коровы. Пересчитаетъ и велитъ ихъ царевичу въ сарай загонять, да послѣднюю корову подъ хвостъ цѣловать: эта корова такъ ужъ и знаетъ — дойдетъ до воротъ, остановится и хвостъ подыметъ.

Катома-дядька сидитъ на пнѣ день, и другой, и третій, ни пивши, ни ѣвши; слѣзть никакъ не можетъ, приходится помирать голодною смертію. Невдалекѣ отъ этого мѣста былъ густой лѣсъ; въ томъ лѣсу проживалъ слѣпой сильномогучій богатырь; только тѣмъ и кормился, что какъ услышитъ по духу, что мимо его какой звѣрь пробѣжалъ: заяцъ, лиса ли, медвѣдь ли — сейчасъ за нимъ въ погоню; поймаетъ — и обѣдъ готовъ! Былъ богатырь на ногу скоръ, и ни одному звѣрю прыскучему не удавалось убѣжать отъ него. Вотъ и случилось такъ: проскользнула мимо лиса; богатырь услыхалъ да вслѣдъ за нею; она добѣжала до того высокаго пня и дала колѣно въ сторону, а слѣпой богатырь поторопился да съ разбѣгу какъ ударится лбомъ о пень — такъ съ корнемъ его и выворотилъ. Катома свалился на землю и спрашиваетъ: «Ты кто таковъ?» — «Я — слѣпой богатырь, живу въ лѣсу тридцать лѣтъ, только тѣмъ и кормлюся — коли какого звѣря поймаю да на кострѣ зажарю; а то бъ давно померъ голодною смертію!» — «Неужели жъ ты отроду слѣпой?» — «Нѣтъ, не отроду; а мнѣ выколола глаза Анна Прекрасная королевна». — «Ну, братъ!

говоритъ Катома-дядька, дубовая шапка: и я черезъ нее безъ ногъ остался: обѣ отрубила проклятая!» Разговорились богатыри промежъ собой и согласились вмѣстѣ жить, вмѣстѣ хлѣбъ добывать. Слѣпой говоритъ безногому: «Садись на меня да сказывай дорогу; я послужу тебѣ своими ногами, а ты мнѣ своими глазами». Взялъ онъ безногаго и понесъ на себѣ, а Катома сидитъ, по сторонамъ поглядываетъ да знай покрикиваетъ: «Направо! налѣво! прямо! . . .» Жили они эдакъ нѣкоторое время въ лѣсу и ловили себѣ на обѣдъ и зайцевъ, и лисицъ, и медвѣдей. Говоритъ разъ безногой: «Неужели жъ намъ весь вѣкъ безъ людей прожить? Слышалъ я, что въ такомъ-то городѣ живетъ богатой купецъ съ дочкою, и та купеческая дочь куда какъ милостива къ убогимъ и увѣчнымъ! сама всѣмъ милостину подаетъ. Увеземъ-ка, братъ, ее! пусть у насъ за хозяйку живетъ». Слѣпой взялъ телѣжку, посадилъ въ нее безногаго и повезъ въ городъ, прямо къ богатому купцу на дворъ; увидала ихъ изъ окна купеческая дочь, тотчасъ вскочила и пошла одѣлять ихъ милостиною. Подошла къ безногому: «Прими, убоженькой, Христа ради!» Сталъ онъ принимать подаяніе, ухватилъ ее за̀ руки да въ телѣжку, закричалъ на слѣпого — тотъ побѣжалъ такъ скоро, что на лошадяхъ не поймать! Купецъ послалъ погоню — нѣтъ, не догнали. Богатыри привезли купеческую дочь въ свою лѣсную избушку и говорятъ ей: «Будь намъ замѣсто родной сестры, живи у насъ, хозяйничай; а то намъ, увѣчнымъ, некому обѣда сварить, рубашекъ помыть. Богъ тебѣ за это не оставитъ!» Осталась съ ними купеческая дочь; богатыри ее почитали, любили, за родную сестру признавали; сами они то-и-дѣло— на охотѣ, а названная сестра завсегда дома: всѣмъ хозяйствомъ заправляетъ, обѣдъ готовитъ, бѣлье моетъ.

Вотъ и повадилась къ нимъ въ избушку ходить баба-яга, костяная нога, и сосать у красной дѣвицы, купеческой дочери, бѣлыя груди. Только богатыри на охоту уйдутъ, а баба-яга тутъ какъ тутъ! Долго ли, коротко ли — спàла съ лица красная дѣвица, похудѣла-захирѣла; слѣпой ничего не видитъ, а Катома-дядька, дубовая шапка, замѣчаетъ, что дѣло неладно; сказалъ про то слѣпому, и пристали они вдвоемъ къ своей названной сестрицѣ, начали допрашивать, а баба-яга ей нàкрѣпко запретила признаваться. Долго боялась она повѣрить имъ свое горе, долго крѣпилась, да наконецъ братья ее уговорили, и она все дочиста разсказала: «Всякой разъ, какъ уйдете вы на охоту, тотчасъ является въ избушку древняя старуха — лицо злющее, волоса длинные, сѣдые! и заставляетъ меня въ головѣ ей искать, а сама сосётъ мои груди бѣлыя». — «А! говоритъ слѣпой: это — баба-яга; погоди же, надо съ ней по-своему раздѣлаться! Завтра мы не пойдемъ на охоту, а постараемся залучить ее да поймать . . . Утромъ на другой день богатыри не идутъ на охоту. «Ну, дядя безногой! говоритъ слѣпой: полѣзай ты подъ лавку, смирненько сиди, а я пойду на дворъ — подъ окномъ стану. А ты, сестрица, какъ прійдетъ баба-яга, садись вотъ здѣсь, у этого окна, въ головѣ-то у ней ищи, да потихоньку пряди волосъ отдѣляй, да за оконницу на дворъ пропускай; я ее за сѣдыя-то космы и сграбастаю!» Сказано — сдѣлано. Ухватилъ слѣпой бабу-ягу за сѣдыя космы и кричитъ: «Эй, дядя Катома! вылѣзай-ка изъ-подъ лавки да придержи ехидную бабу, пока я въ избу войду». Баба-яга услыхала бѣду, хочетъ вскочить, голову приподнять — куда тебѣ! нѣтъ совсѣмъ ходу! рвалась-рвалась — ничего не пособляетъ! А тутъ вылѣзъ изъ-подъ лавки дядя Катома, навалился на нее словно каменная гора, при-

нялся душить бабу-ягу, ажно небо съ овчинку ей показалось! Вскочилъ въ избушку слѣпой, говоритъ безногому: «Надо намъ теперь развести большой костеръ, сжечь ее проклятую на огнѣ, а пепелъ по вѣтру пустить!» Возмолилась баба-яга: «Батюшки, голубчики! простите . . . что угодно, все вамъ сдѣлаю!» — «Хорошо, старая вѣдьма! сказали богатыри: покажи-ка намъ колодезь съ цѣлющей и живущей водою». — «Только не бейте, сейчасъ покажу!» Вотъ Катома-дядька, дубовая шапка, сѣлъ на слѣпого; слѣпой взялъ бабу-ягу зà косы; баба-яга повела ихъ въ лѣсную трущобу, привела къ колодезю и говоритъ: «Это и есть цѣлющая и живущая вода!» — «Смотри, дядя Катома! вымолвилъ слѣпой: не давай маху; коли она теперь обманетъ — ввѣкъ не поправимся!» Катома-дядька, дубовая шапка, сломилъ съ дерева зеленую вѣтку и бросилъ въ колодезь: не успѣла вѣтка до воды долетѣть, какъ ужъ вся огнемъ вспыхнула!» — «Э! да ты еще на обманъ пошла!» Принялись богатыри душить бабу-ягу, хотятъ кинуть ее проклятую въ огненный колодезь. Пуще прежняго взмолилась баба-яга, даетъ клятву великую, что теперь не станетъ хитрить: «Право-слово доведу до хорошей воды!» Согласились богатыри попытать еще разъ, и привела ихъ баба-яга къ другому колодезю. Дядька Катома отломилъ отъ дерева сухой сучòкъ и бросилъ въ колодезь: не успѣлъ тотъ сучòкъ до воды долетѣть, какъ ужъ ростки пустилъ, зазеленѣлъ и расцвѣлъ. «Ну, это вода хорошая!» сказалъ Катома. Слѣпой помочилъ ею свои глаза — и въ мигъ прозрѣлъ; опустилъ безногаго въ воду — и выросли у него ноги. Оба обрадовались и говорятъ межъ собой: «Вотъ когда мы поправимся! все свое воротимъ! только напередъ надо съ бабой-ягой порѣшить: коли намъ ее теперь простить.

такъ самимъ добра не видать — она всю жизнь будетъ зло мыслить!» Воротились они къ огненному колодезю и бросили туда бабу-ягу: такъ она и сгинула!

Послѣ того Катома-дядька, дубовая шапка, женился на купеческой дочери, и всѣ трое отправились они въ королевство Анны Прекрасной выручать Ивана-царевича. Стали подходить къ столичному городу, смотрятъ: Иванъ-царевичъ гонитъ стадо коровъ. «Стой, пастухъ! говоритъ Катома-дядька: куда ты этихъ коровъ гонишь?» Отвѣчаетъ ему царевичъ: «На королевской дворъ гоню; королевна всякой разъ сама повѣряетъ, всѣ ли коровы?» — «Ну-ка, пастухъ! нà тебѣ мою одёжу, надѣвай на себя, а я твою надѣну и коровъ погоню». — «Нѣтъ, братъ! этого нельзя сдѣлать; коли королевна увѣдаетъ — бѣда мнѣ будетъ!» — «Не бойся, ничего не будетъ! Въ томъ тебѣ порука Катома-дядька, дубовая шапка!» Иванъ-царевичъ вздохнулъ и говоритъ: «Эхъ, доброй человѣкъ! если бы живъ былъ Катома-дядька, я бы не пасъ въ полѣ этихъ коровъ». Тутъ Катома-дядька, дубовая шапка, сознался ему, кто онъ таковъ есть; Иванъ-царевичъ обнялъ его крѣпко и залился слезами: «Не чаялъ и видѣть тебя!» Помѣнялись они своими одёжами; погналъ дядька коровъ на королевской дворъ, Анна Прекрасная вышла на балконъ; повѣрила: всѣ ли коровы счетомъ? и приказала загонять ихъ въ сарай. Вотъ всѣ коровы въ сарай вошли, только послѣдняя у воротъ остановилась и хвостъ оттопырила. Катома подскочилъ: «Ты чего, собачье мясо, дожидаешься?» схватилъ ее за хвостъ, дёрнулъ, такъ и сташилъ шкуру! Королевна увидала и кричитъ громкимъ голосомъ: «Что это мерзавецъ пастухъ дѣлаетъ? взять его и привесть ко мнѣ!» Тутъ слуги подхватили Катому и потащили во дворецъ; онъ идетъ — не отговаривается, на себя надѣется.

Привели его къ королевнѣ; она взглянула и спрашиваетъ: «Ты кто таковъ? откуда явился?» — «А я тотъ самой, которому ты ноги отрубила да на пень посадила; зовутъ меня Катома-дядька, дубовая шапка!» — «Ну, думаетъ королевна: когда онъ ноги свои воротилъ, то съ нимъ мудрить больше нечего!» и стала у него и у царевича просить прощенія; покаялась во своихъ грѣхахъ и дала клятву вѣчно Ивана-царевича любить и во всемъ слушаться. Иванъ-царевичъ ее простилъ, и началъ жить съ нею въ тишинѣ и согласіи; при нихъ остался слѣпой богатырь, а Катома-дядька уѣхалъ съ своею женою къ богатому купцу и поселился въ его домѣ.

(b) Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ-былъ грозной царь — славенъ во всѣхъ земляхъ, страшенъ всѣмъ королямъ и королевичамъ. Задумалъ царь жениться и отдалъ такой указъ по всѣмъ городамъ и селамъ: «Кто найдетъ ему невѣсту краснѣе солнца, яснѣе мѣсяца и бѣлѣе снѣгу, того наградитъ онъ несмѣтнымъ богатствомъ». Пошла о томъ слава по всему царству; отъ малаго до великаго всѣ судятъ, толкуютъ, а ни единой человѣкъ не вызывается отыскать такую красавицу. Недалеко отъ царскаго дворца стоялъ большой пивоваренный заводъ. Собрался какъ-то рабочій народъ и завелъ разговоръ, что вотъ де можно бы много денегъ отъ царя получить, да гдѣ эдакую невѣсту достать! «Да, братцы! говоритъ одинъ мужикъ — по имени Никита Колтома: безъ меня никому не найти для царя невѣсты; а коли я возьмусь, такъ навѣрно найду!» — «Что ты, дурень, расхвастался! гдѣ тебѣ къ чорту это дѣло сдѣлать? Есть люди знатные, богатые — не намъ чета, да и тѣ хвосты прижали! Тебѣ и во снѣ этого не приснится, а не то что наяву . . .» — «Да ужъ тамъ какъ хотите,

а я на себя надѣюсь; сказалъ: достану — и достану!» — «Эхъ, Никита, не хвались! Самъ вѣдаешь, царь у насъ грозной; за пустую похвальбу велитъ казнить тебя». — «Небось, не казнитъ, а деньгами наградитъ!» Тотчасъ доложили эти рѣчи самому царю; царь обрадовался и велѣлъ представить Никиту передъ свои свѣтлыя очи. Набѣжали солдаты, схватили Никиту Колтому и потащили во дворецъ; а товарищи ему вслѣдъ кричатъ: «Что, братъ, договорился? ты думаешь — съ царемъ шутки шутить! ну-ка, ступай теперь на расправу!» Приводятъ Никиту въ большія палаты; говоритъ ему грозной царь: «Ты, Никита, похваляешься, что можешь достать мнѣ невѣсту краше солнца, яснѣй мѣсяца и бѣлѣе снѣгу?» — «Могу, ваше величество!» — «Хорошо, братецъ! коли ты мнѣ заслужишь — награжу тебя казною несмѣтною и поставлю первымъ министромъ; а коли совралъ — то мой мечъ, твоя голова съ плечъ!» — «Радъ стараться, ваше величество! прикажите напёредъ погулять мнѣ одинъ мѣсяцъ». Царь на это былъ согласенъ и далъ Никитѣ открытой листъ за своимъ подписомъ, чтобы во всѣхъ трактирахъ и харчевняхъ отпущали ему безденежно всякіе напитки и кушанья. Никита Колтома пошелъ по столицѣ гулять: въ какой трактиръ ни зайдетъ — только покажетъ открытый листъ, тотчасъ несутъ ему все, чего душа требуетъ. Гуляетъ онъ день, два и три, гуляетъ недѣлю, и другую, и третью; вотъ и срокъ вышелъ. Время къ царю являться; попрощался Никита съ своими пріятелями, приходитъ во дворецъ и проситъ у царя собрать ему двѣнадцать добрыхъ молодцевъ — ростъ въ ростъ, волосъ въ волосъ и голосъ въ голосъ, да приготовить еще тринадцать бѣлотканныхъ шатровъ съ золотыми узорами. У царя живо готово: вмигъ собраны мòлодцы, и шатры по-

дѣланы. «Ну, ваше величество! говоритъ Никита: теперь собирайтесь да поѣдемте за невѣстою». Осѣдлали они своихъ добрыхъ коней, навьючили шатры; послѣ того отслужили напутственной молебенъ, простились съ градскими жителями, сѣли на коней и поскакали — только пыль столбомъ! Ѣдутъ день, и два, и три — стоитъ въ чистомъ полѣ кузница. Говоритъ Никита: «Поѣзжайте съ Богомъ прямо, а я пока забѣгу въ кузницу да закурю трубку». Входитъ въ кузницу, а въ ней пятнадцать кузнецовъ желѣзо куютъ, молотами постукиваютъ. «Богъ помочь, братцы!» — «Спасибо, доброй человѣкъ!» — «Сдѣлайте мнѣ прутъ въ пятнадцать пудъ». — «Сдѣлать-то мы непрочь, да кто станетъ желѣзо поворачивать? Пятнадцать пудъ — не шутка!» — «Ничего, братцы! вы бейте молотами, а я стану поворачивать». Кузнецы принялись за работу и сковали желѣзной прутъ въ пятнадцать пудъ. Никита взялъ этотъ прутъ, вышелъ въ поле, подбросилъ его вверхъ на пятнадцать сажо̀нъ и подставилъ свою руку: желѣзной прутъ упалъ ему на̀ руку, богатырской крѣпости не выдержалъ — пополамъ переломился. Никита Колтома заплатилъ кузнецамъ за труды, бросилъ имъ изломанной прутъ и уѣхалъ. Нагоняетъ своихъ товарищей; ѣдутъ они еще три дня — опять стоитъ въ чистомъ полѣ кузница. «Поѣзжайте впередъ, а я зайду въ кузницу», говоритъ Никита. Вошелъ въ кузницу, а въ ней двадцать пять кузнецовъ желѣзо куютъ, молотами постукиваютъ. «Богъ помочь, ребята!» — «Спасибо, доброй человѣкъ!» — «Скуйте мнѣ прутъ въ двадцать пять пудъ». — «Сковать — не важное дѣло, да гдѣ тотъ силачъ, что столько желѣза ворочать будетъ?» — «Я самъ буду ворочать». Взялъ онъ двадцать пять пудъ желѣза, раскалилъ до̀красна и сталъ на наковальнѣ поворачивать, а кузнецы знай молотами

бьютъ. Сдѣлали прутъ въ двадцать пять пудъ. Никита взялъ тотъ желѣзной прутъ, вышелъ въ поле, подкинулъ его вверхъ на двадцать пять сажѐнъ и подставилъ свою руку. Прутъ ударился о богатырскую руку и разломился нàдвое. «Нѣтъ, не годится!» сказалъ Никита, заплатилъ за работу, сѣлъ на коня и уѣхалъ. Нагоняетъ своихъ товарищей. Ѣдутъ они день, другой и третій — опять стоитъ въ чистомъ полѣ кузница. Говоритъ Никита товарищамъ: «Поѣзжайте впередъ, а я зайду въ кузницу — трубку закурю». Вошелъ въ кузницу, а въ ней пятьдесятъ кузнецовъ старика мучаютъ: на наковальнѣ сѣдой старикъ лежитъ, десять человѣкъ держатъ его клещами зà бороду, а сорокъ молотами по бокамъ осаживаютъ. «Братцы, помилуйте! кричитъ старикъ во весь голосъ: отпустите душу на покаяніе!» — «Богъ помочь!» говоритъ Никита. «Спасибо, доброй человѣкъ!» отвѣчаютъ кузнецы. «За что вы старика мучаете?» — «А вотъ за что: долженъ онъ намъ всѣмъ по рублю, да не отдаетъ; какъ же не бить его?» — «Экой несчастной! думаетъ Никита: за пятьдесятъ рублевъ да эдакую казнь принимаетъ». И говоритъ кузнецамъ: «Послушайте, братцы! я вамъ за него плательщикъ, отпустите старика на волю». — «Изволь, доброй человѣкъ! для насъ все равно — съ кого ни получить, лишь бы деньги были». Никита Колтома выпулъ пятьдесятъ рублевъ; кузнецы взяли деньги и только выпустили старика изъ желѣзныхъ клещей — какъ онъ въ ту же минуту съ глазъ пропалъ. Смотритъ Никита: «Да куда же онъ дѣвался?» — «Вона! ищи его теперь, говорятъ кузнецы: вѣдь онъ — колдунъ!» Заказалъ Никита сковать желѣзной прутъ въ пятьдесятъ пудъ; взялъ его, подбросилъ вверхъ на пятьдесятъ сажѐнъ и подставилъ свою руку: прутъ выдержалъ, не изломался. «Вотъ этотъ годится!»

сказалъ Никита, и поѣхалъ догонять товарищей. Вдругъ слышитъ позади себя голосъ: «Никита Колтома, постой!» Оглянулся назадъ и видитъ — бѣжитъ къ нему тотъ самой старикъ, котораго онъ отъ казни выкупилъ. «Спасибо тебѣ, доброй человѣкъ! говоритъ старикъ: что ты меня отъ злой мỳки избавилъ. Вѣдь я ровно тридцать лѣтъ терпѣлъ эдакое горе! Вотъ тебѣ на память подарокъ: возьми — пригодится». И даетъ ему шапку-невидимку: «Только надѣнь нà голову — никто тебя не увидитъ!» Никита взялъ шапку-невидимку, поблагодарилъ старика и поскакалъ дальше. Нагналъ своихъ товарищей, и поѣхали всѣ вмѣстѣ.

Долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли — подъѣзжаютъ они къ одному дворцу. Кругомъ тотъ дворецъ обнесенъ высокою желѣзною оградою: ни войти на дворъ, ни въѣхать добрымъ мòлодцамъ. Говоритъ грозной царь: «Ну, братъ Никита! вить дальше намъ ходу нѣтъ». Отвѣчаетъ Никита Колтома: «Какъ не быть ходу, ваше величество, я всю вселенную изойду, а вамъ невѣсту найду. Этая ограда намъ не ỳдержа . . . Ну-ка, ребята! ломайте ограду, дѣлайте ворòта на широкой дворъ». Добрые мòлодцы послѣзали съ коней, принялись за ограду, только что ни дѣлали — не могли сломать: стоитъ ограда, не рушится. «Эхъ, братцы! говоритъ Никита: всѣ-то вы мелко плаваете, нечего на васъ мнѣ надѣяться, приходится самому хлопотать». Соскочилъ Никита съ своего коня, подошелъ къ оградѣ, ухватился богатырскими руками за рѣшётку, дёрнулъ разъ — и повалилъ всю ограду нàземь. Въѣхали грозной царь и добрые мòлодцы на широкой дворъ, и тамъ на зеленомъ лугу разбили свои шатры бѣлотканые съ золотыми узорами; закусили чѣмъ Богъ послалъ, легли спать и съ устатку заснули

крѣпкимъ сномъ. Всѣмъ по шатру досталося; только нѣтъ шатра Никитѣ Колтомѣ. Отыскалъ онъ три рогожи дырявыя, сдѣлалъ себѣ шалашъ, лёгъ на голой землѣ, и спать не спитъ, дожидается что будетъ. На зарѣ на утренней проснулась въ своемъ теремѣ царевна Елена Прекрасная, выглянула въ косящетое окошечко и усмотрѣла: стоятъ на зеленомъ лугу тринадцать бѣлотканыхъ шатровъ, золотыми цвѣтами вышиты, а впереди всѣхъ стоитъ шалашъ — изъ рогожъ сдѣланъ. «Что такое? думаетъ царевна: откудова эти гости понаѣхали?» Глядь — а желѣзная ограда разломана; крѣпко разгнѣвалась Елена Прекрасная, призываетъ къ себѣ сильномогучаго богатыря и приказываетъ: «Сейчасъ на коня садись, поѣзжай къ этимъ шатрамъ и предай всѣхъ ослушниковъ злой смерти; трупы за ограду повыбросай, а шатры ко мнѣ представь». Сильномогучій богатырь осѣдлалъ своего добраго коня, одѣлся въ доспѣхи воинскіе, и напущается на незванныхъ гостей. Усмотрѣлъ его Никита Колтома, сталъ опрашивать: «Кто ѣдетъ?» — «А ты что за невѣжа опрашиваешь?» Тѣ слова Никитѣ не показалися, выскочилъ онъ изъ своего шалаша, ухватилъ богатыря за̀ ногу и стащилъ съ лошади на сырую землю, поднялъ желѣзной прутъ въ пятьдесятъ пудъ, отвѣсилъ ему единой ударъ, и говоритъ: «Теперь ступай къ своей царевнѣ обратно да скажи ей, чтобы долго не спесивилась, своего бы войска не тратила, а выходила бы замужъ не нашего грознаго царя». Богатырь поскакалъ назадъ — радъ, что Никита живого его на свѣтъ пустилъ! пріѣхалъ во дворецъ и сказываетъ царевнѣ: «Это на вашъ дворъ заѣхали непомѣрные силачи, сватаютъ васъ за своего грознаго царя и велѣли мнѣ говорить, чтобъ вы не спесивились, понапрасну войска не тратили, а выходили бы за того царя замужъ».

Какъ услыхала Елена Прекрасная такія смѣлыя рѣчи, тотчасъ взволновалася, созвалà всѣхъ своихъ сильномогучихъ богатырей и стала приказывать: «Слуги мои вѣрные! соберите войско несмѣтное, разорите шатры бѣлотканые, избейте незванныхъ гостей, чтобъ и праху ихнего не было!» Сильномогучіе богатыри, долго не думавши, собрали войско несмѣтное, сѣли на своихъ богатырскихъ коней, и понеслись на шатры бѣлотканые съ золотыми узорами. Только поровнялись съ рогожнымъ шалашикомъ, выскочилъ передъ ними Никита Колтома, взялъ свой желѣзной прутъ въ пятьдесятъ пудъ и началъ имъ въ разныя стороны помахивать; въ короткое время перебилъ все войско и сильномогучихъ богатырей, только одного богатыря въ живыхъ оставилъ: «Поѣзжай, говоритъ, къ своей царевнѣ Еленѣ Прекрасной, да скажи ей, чтобъ она больше войска не тратила; насъ войскомъ не испугаешь! Теперь я съ вами одинъ сражался; что же будетъ съ вашимъ царствомъ, какъ проснутся мои товарищи? Камня на камнѣ не оставимъ, все по чисту полю разнесемъ!» Богатырь воротился къ царевнѣ, разсказалъ, что войско побито, что на такихъ витязей никакой силы не хватитъ. Елена Прекрасная послала звать грознаго царя во дворецъ, да тутъ же приказала каленую стрѣлу изготовить; а сама вышла встрѣчать гостей съ ласкою, съ честію. Идетъ царевна навстрѣчу, а за ней пятьдесятъ человѣкъ лукъ и стрѣлу несутъ. Никита Колтома увидалъ богатырской лукъ, тотчасъ догадался, что тою стрѣлою хотятъ ихъ подчивать, надѣлъ нà голову шапку-невидимку, подскочилъ, натянулъ лукъ и направилъ стрѣлу въ царевнины терема — въ одну минуту весь верхній этажъ сшибъ! Нечего дѣлать, беретъ Елена Прекрасная грознаго царя зá руку, ведетъ въ бѣлокаменныя палаты, сажаетъ за

столы дубовые, за скатерти браныя; стали пить, ѣсть, веселиться. Въ палатахъ убранство чудное: весь свѣтъ обойди, такого нигдѣ не найдешь! Послѣ обѣда говоритъ Никита грозному царю: «Нравится ли вашему величеству невѣста? аль за другою ѣхать?» — «Нѣтъ, Никита, нечего по̀пусту ѣздить; лучше этой въ бѣломъ свѣтѣ нѣтъ!» — «Ну, и женитесь; теперь она въ нашихъ рукахъ. Да смотрите, ваше величество, не плошайте: первыя три ночи станетъ она вашу силу пытать, наложитъ свою руку и станетъ крѣпко-крѣпко давить; вамъ ни за что не степрѣть! втѣпоры уходите поскорѣй изъ комнаты, а я на ваше мѣсто приду и живо ее усмирю». Вотъ и принялись за свадьбу; у царей ни медъ варить, ни вино курить — все готово. Сыграли свадьбу, и пошелъ грозной царь съ Еленою Прекрасною опочивъ держать. Лёгъ на мягкую постелъ и притворился, будто спать хочетъ. Елена Прекрасная наложила ему на грудь свою руку и спрашиваетъ: «Тяжела ли моя рука?» — «Такъ тяжела, какъ перо на водѣ!» отвѣчаетъ грозной царь, а самъ еле духъ переводитъ: такъ ему грудь сдавило! «Постой-ка, Елена Прекрасная; вѣдь я позабылъ на завтра приказъ отдать, надо теперь пойти . . .» Вышелъ изъ спальни, а у дверей Никита стоитъ: «Ну, братецъ! правду ты сказалъ; чуть-чуть меня совсѣмъ не удушила». — «Ничего, ваше величество! постойте здѣсь, я это дѣло сдѣлаю». Сказалъ Никита, пошелъ къ царевнѣ, лёгъ на постель и захрапѣлъ. Елена Прекрасная подумала, что то грозной царь воротился, наложила на него свою руку, давила-давила — нѣтъ толку! наложила обѣ руки, и ну давить пуще прежняго . . . А Никита Колтома ухватилъ ее будто во снѣ да какъ броситъ объ полъ — всѣ терема такъ и затряслись! Царевна поднялась, легла потихоньку и заснула. Тутъ Никита

всталъ, вышелъ къ царю и говоритъ: «Ну, теперь смѣло ступайте, до другой ночи ничего не будетъ!» Вотъ такъ-то, съ помощію Никиты Колтомы, отбылъ грозной царь три первыя ночи и сталъ жить съ своею царевною Еленою Прекрасною, какъ слѣдуетъ мужу съ женою.

Ни много, ни мало прошло времени, узнала Елена Прекрасная, что грозной царь ее обманомъ взялъ, что сила у него не великая, что люди надъ нею насмѣхаются: Никита де съ царевною три ночи спалъ! Страшно она озлобилась и затаила на сердцѣ жестокую месть. Вздумалъ царь въ свое государство ѣхать, говоритъ Еленѣ Прекрасной: «Полно намъ здѣсь проживать, пора и домой побывать; собирайся-ка въ дорогу». И собрались они моремъ ѣхать; нагрузили корабль разными драгоцѣнными вещами, сѣли и пустились по̀ морю. Плывутъ день, и другой, и третій; царь веселъ, не нарадуется, что везётъ къ себѣ царевну краше солнца, яснѣй мѣсяца, бѣлѣй снѣга; а Елена Прекрасная свою думу думаетъ: какъ бы отплатить за обиду. На ту пору одолѣлъ Никиту богатырской сонъ, и уснулъ онъ на всѣ на двѣнадцать сутокъ. Какъ увидала Елена Прекрасная, что Никита богатырскимъ сномъ спитъ, тотчасъ кликнула своихъ вѣрныхъ слугъ, приказала отрубить ему ноги по колѣна, послѣ положить его въ шлюпку и пустить въ открытое море. Тутъ же при ея глазахъ отрубили сонному Никитѣ ноги по колѣна, положили въ шлюпку и пустили въ море. На тринадцатыя сутки пробудился бѣдной Никита, смотритъ — кругомъ вода, самъ безъ ногъ лежитъ, а корабля и слѣдъ простылъ . . .

Между тѣмъ корабль плылъ да плылъ; вотъ и пристань. Загремѣли пушки, сбѣжались горожане, и купцы, и бояре, встрѣчаютъ царя съ хлѣбомъ-солью, поздравляютъ съ законнымъ бракомъ. Царь началъ пиры пиро-

вать, гостей созывать; а про Никиту и думать позабылъ. Да недолго пришлось ему веселиться; Елена Прекрасная скоро лишила его царства, стала всѣмъ сама заправлять, а его заставила свиней пасти. Не уходилось и этимъ царевнино сердце: приказала по всѣмъ сторонамъ розыскъ учинить, не остались ли гдѣ у Никиты Колтомы родичи? коли кто найдется, того во дворецъ представить. Поскакали гонцы, начали всюду разыскивать и нашли родного брата Никиты — Тимоѳея Колтому: взяли его, привезли во дворецъ. Царевна Елена Прекрасная приказала выколоть ему глаза и потомъ выгнать вонъ изъ города. Въ ту жъ минуту выкололи Тимоѳею глаза, вывели его зà городъ и оставили въ чистомъ полѣ. Потащился слѣпой ощупью; шелъ-шелъ и пришелъ на взморье; ступилъ еще шагъ-другой и чуетъ — подъ ногами вода; остановился, стоитъ на одномъ мѣстѣ — ни взадъ, ни впередъ! боится идти. Вдругъ принесло къ берегу шлюпку съ Никитою. Увидалъ Никита человѣка, обрадовался и подаетъ ему голосъ: «Эй, доброй человѣкъ! помоги мнѣ на землю выйти». Отвѣчаетъ слѣпой: «Радъ бы тебѣ пособить, да не могу; я самъ безъ глазъ — ничего не вижу». — «Да ты откудова и какъ тебя по имени зовутъ?» — «Я — Тимоѳей Колтома; выколола мнѣ глаза новая царица Елена Прекрасная и выгнала изъ своего царства». — «Ахъ, да вѣдь ты мнѣ братъ родной; я — Никита Колтома. Ступай же ты, Тимоша, въ правую сторону, тамъ растетъ высокой дубъ, вывороти этотъ дубъ, притащи сюда и брось съ берега нá воду: я по немъ къ тебѣ вылѣзу». Тимоѳей Колтома повернулъ направо, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, нащупалъ высокой старой дубъ, обхватилъ его обѣими руками и сразу выворотилъ съ корнемъ, приволокъ тотъ дубъ и бросилъ въ воду: однимъ концомъ на землѣ легло дерево, а другимъ

возлѣ шлюпки угодило. Никита выкарабкался кое-какъ на̀ берегъ, поцѣловался съ своимъ братомъ и говоритъ: «Какъ-то теперь нашъ грозной царь поживаетъ?» — «Эхъ, братъ! отвѣчаетъ Тимоѳей Колтома: нашъ грозной царь теперь въ великомъ безсчастьи: пасетъ свиней въ полѣ, каждое утро получаетъ фунтъ хлѣба, кружку воды да три розги въ спину». Послѣ того стали они разговаривать, какъ имъ жить и чѣмъ кормиться? Говоритъ Никита: «Слушай, братъ, мой совѣтъ! ты меня носить будешь, потому что я безъ ногъ; а я на тебѣ сидѣть буду да сказывать, въ какую сторону идти надо». — «Ладно! быть по-твоему; хоть оба увѣчные, а двое за одного здороваго сойдемъ». Вотъ Никита Колтома сѣлъ своему брату на шею и сталъ дорогу показывать; Тимоѳей шелъ-шелъ, и пришелъ въ дремучій лѣсъ. Въ томъ лѣсу стоитъ избушка бабы-яги. Вошли братья въ избушку — нѣтъ ни души. «А ну-ка, братъ! говоритъ Никита: пощупай-ка въ печкѣ: нѣтъ ли ѣды какой?» Тимоѳей полѣзъ въ печку, вытащилъ оттуда всякихъ кушаньевъ, поставилъ на столъ, и начали они оба уписывать; съ голоду все на̀чисто поѣли. Послѣ того сталъ Никита избушку оглядывать, увидалъ на окошкѣ небольшой свистокъ, взялъ его, приложилъ къ губамъ и давай насвистывать. Смотритъ: что за диво? слѣпой братъ пляшетъ, изба пляшетъ, и столъ, и лавки, и посуда — все пляшетъ! горшки вдребезги поразбивались! «Полно, Никита! перестань играть, проситъ слѣпой: силъ моихъ не хватаетъ больше!» Никита пересталъ насвистывать, и въ ту жъ минуту все поутихло. Вдругъ отворяется дверь, входитъ баба-яга и кричитъ громкимъ голосомъ: «Ахъ вы, бродяги бездомные! доселева тутъ птица не пролётывала, звѣрь не прорыскивалъ, а вы забрались, всѣ кушанья поѣли, всѣ горшки перебили. Хорошо же,

вотъ я съ вами раздѣлаюсь!» Отвѣчаетъ Никита: «Молчи, старое стерво! мы и сами сумѣемъ раздѣлаться. Эй, братъ Тимоха, подержи ее, вѣдьму, да покрѣпче!» Тимоѳей схватилъ бабу-ягу въ охапку, стиснулъ крѣпко-на̀крѣпко, а Никита сейчасъ ее за косы и давай по избѣ возить. «Батюшки! не бейте, просится баба-яга; я вамъ сама въ пригодѣ буду: что хотите, все вамъ достану». — «А ну, старая, говори: можешь ли достать намъ цѣлющей и живущей воды? коли достанешь, пущу живую на бѣлой свѣтъ; а нѣтъ, такъ лютой смерти предамъ». Баба-яга согласилась и привела ихъ къ двумъ родникамъ: «Вотъ вамъ цѣлющая, а вотъ и живущая вода!» Никита Колтома почерпнулъ цѣлющей воды, облилъ себѣ — и выросли у него ноги: ноги совсѣмъ здоровы, а не двигаются. Почерпнулъ онъ живущей воды, помочилъ ноги и сталъ владѣть ими. То же было и съ Тимоѳеемъ Колтомою: помазалъ онъ глазныя ямки цѣлющей водой — появились у него очи — совсѣмъ-таки́ невредимыя, только ничего не видятъ; помазалъ ихъ живущей водой — и сталъ видѣть лучше прежняго. Поблагодарили братья старуху, отпустили ее домой, и пошли выручать грознаго царя изъ бѣды-напасти. Приходятъ въ столичной городъ и видятъ — грозной царь передъ самымъ дворцомъ свиней пасетъ. Никита Колтома заигралъ въ свистокъ; и пастухъ, и свиньи пошли плясать! Елена Прекрасная увидала это изъ окошечка, осердилась и тотчасъ приказала принести пуки розогъ и высѣчь и пастуха и музыканта. Прибѣжала стража, схватила ихъ и повела во дворецъ угощать розгами. Никита Колтома, какъ пришелъ во дворецъ къ Еленѣ Прекрасной, не захотѣлъ долго мѣшкать, схватилъ ее за бѣлыя руки и говоритъ: «Узнаешь ли меня, Елена Прекрасная? вѣдь я — Никита Колтома. Теперь, грозной царь,

она въ твоей волѣ; что захочешь, то и сдѣлаешь!» Грозной царь приказалъ ее разстрѣлять, а Никиту сдѣлалъ своимъ первымъ министромъ, всегда его почиталъ и во всемъ слушался.

(с) Задумалъ царевичъ жениться, и невѣста есть на примѣтѣ — прекрасная царевна, да какъ достать ее? Много королей и королевичей и всякихъ богатырей ее сватали, да ничего нè взяли, только буйныя головы на плахѣ сложили: и теперь еще торчатъ ихъ головы на оградѣ вокругъ дворца гордой невѣсты. Закручинился, запечалился царевичъ; не вѣдаетъ, кто бы помогъ ему? А тутъ и выискался Иванъ Голой — мужикъ былъ бѣдной, ни ѣсть, ни пить нечего, одёжа давно съ плечъ свалилася. Приходитъ онъ къ царевичу и говоритъ: «Самому тебѣ не добыть невѣсты, и коли одинъ поѣдешь свататься — буйну голову сложишь! А лучше поѣдемъ вмѣстѣ; я тебя изъ бѣды выручу и все дѣло устрою; только обѣщай меня слушаться!» Царевичъ обѣщалъ ему исполнять всѣ его совѣты, и на другой же день отправились они въ путь-дорогу. Вотъ и пріѣхали въ иное государство, и стали свататься. Царевна говоритъ: «Надо напередъ у жениха силы пытать». Позвала царевича на пиръ, угостила-уподчивала; послѣ обѣда начали гости разными играми забавляться. «А принесите-ка мое ружье, съ которымъ я на охоту ѣзжу», приказываетъ царевна. Растворились двери — и несутъ сорокъ человѣкъ ружье не ружье, а цѣлую пушку. «Ну-ка, нареченной женихъ! выстрѣли изъ моего ружьеца». — «Иванъ-Голой! крикнулъ царевичъ: посмотри, годится ли это ружье?» Иванъ Голой взялъ ружье, вынесъ на крылечко, пнулъ ногою — ружье полетѣло далеко-далеко и упало въ синё море. «Нѣтъ, ваше высочество! ружье ледащее, куда

изъ него стрѣлять такому богатырю!» докладываетъ Иванъ Голой. «Что жъ это, царевна? али ты надо мной смѣешься? приказала принести такое ружье, что мой слуга ногой пнулъ — оно въ море упало!» Царевна велѣла принести свой лукъ и стрѣлу. Опять растворились двери, сорокъ человѣкъ лукъ со стрѣлой принесли. «Попробуй, нареченной женихъ! пусти мою стрѣлку». — «Эй, Иванъ Голой! закричалъ царевичъ: посмотри, годится ли лукъ для моей стрѣльбы?» Иванъ Голой натянулъ лукъ и пустилъ стрѣлу: полетѣла стрѣла за сто верстъ, попала въ богатыря Марка Бѣгуна и отбила ему обѣ руки. Закричалъ Марко Бѣгунъ богатырскимъ голосомъ: «Ахъ ты, Иванъ Голой! отшибъ ты мнѣ обѣ руки; да и тебѣ бѣды не миновать!» Иванъ Голой взялъ лукъ на колѣно и переломилъ на̀двое: «Нѣтъ, царевичъ! лукъ ледащій — не годится такому богатырю, какъ ты, пускать съ него стрѣлы». — «Что же это, царевна! али ты надо мной потѣшаешься? какой лукъ дала — мой слуга сталъ натягивать да стрѣлу пускать, а онъ тутъ же пополамъ изломился!» Царевна приказала вывести изъ конюшни своего ретиваго коня. Ведутъ коня сорокъ человѣкъ, едва на цѣпяхъ сдержать могутъ: столь золъ, неукротимъ! «Ну-ка, нареченной женихъ! прогуляйся на моемъ конѣ; я сама на немъ каждое утро катаюся». Царевичъ крикнулъ: «Эй, Иванъ Голой! посмотри, годится ли конь подъ меня?» Иванъ Голой прибѣжалъ, началъ коня поглаживать, гладилъ-гладилъ, взялъ за хвостъ, дёрнулъ — и всю шкуру содралъ: «Нѣтъ, говоритъ, конь ледащій! чуть-чуть за хвостъ пошевелилъ, а съ него и шкура слетѣла». Царевичъ началъ жаловаться: «Эхъ, царевна! ты все надо мной насмѣшку творишь; вмѣсто богатырскаго коня клячу вывела». Царевна не стала больше пытать царевича, и на другой день

вышла за него замужъ. Обвѣнчались они и легли спать; царевна положила на царевича руку — онъ еле выдержать смогъ, совсѣмъ задыхаться сталъ. «А! думаетъ царевна: такъ ты эдакой богатырь! хорошо же, будете меня помнить».

Черезъ мѣсяцъ времени собрался царевичъ съ молодой женою въ свое государство ѣхать. Ѣхали день, и два, и три, и остановились лошадямъ роздыхъ дать. Вылѣзла царевна изъ кареты, увидала, что Иванъ Голой крѣпко спитъ, тотчасъ отыскала топоръ, отсѣкла ему обѣ ноги, потомъ велѣла закладывать лошадей, царевичу приказала на запятки стать, и воротилась назадъ въ свое царство; а Иванъ Голой остался въ чистомъ полѣ. Вотъ однажды пробѣгàлъ по этому полю Марко Бѣгунъ, увидѣлъ Ивана Голаго, побратался съ нимъ, посадилъ его на себя и пустился въ дремучій темной лѣсъ. Стали богатыри въ томъ лѣсу жить, построили себѣ избушку, сдѣлали телѣжку, добыли ружье и зачали за перелётной птицей охотиться. Марко Бѣгунъ телѣжку возитъ, а Иванъ Голой сидитъ въ телѣжкѣ да птицъ стрѣляетъ: той дичиною круглой годъ питались. Скучно имъ показалося, и вздумали они украсть гдѣ-нибудь дѣвку отъ отца отъ матери; поѣхали къ одному священнику и стали просить милостинку. Поповна вынесла имъ хлѣба и только подошла къ телѣжкѣ, какъ Иванъ Голой ухватилъ ее зà руки, посадилъ рядомъ съ собой, а Марко Бѣгунъ во всю прыть побѣжалъ, а черезъ минуту очутились они дома въ своей избушкѣ. «Будь ты, дѣвица, намъ сестрицею, готовь намъ обѣдать и ужинать да за хозяйствомъ присматривай». Жили они втроемъ тихо и мирно, на судьбу не жаловались. Разъ какъ-то отправились богатыри на охоту, цѣлую недѣлю домой не бывали, а воротившись — едва свою сестру узнали:

такъ она исхудала! «Что съ тобой сдѣлалось?» спрашиваютъ богатыри. Она въ отвѣтъ разсказала имъ, что каждый день летаетъ къ ней змѣй; оттого и худа стала. «Постой же, мы его поймаемъ!» Иванъ Голой лёгъ подъ лавку, а Марко Бѣгунъ спрятался въ сѣняхъ за двери. Прошло съ полчаса; вдругъ деревья въ лѣсу зашумѣли, крыша на избѣ пошатнулася — прилетѣлъ змѣй, ударился о сырую землю и сдѣлался добрымъ мо̀лодцемъ, вошелъ въ избушку, сѣлъ за столъ и требуетъ закусить чего-нибудь. Иванъ Голой ухватилъ его за̀ ноги, а Марко Бѣгунъ навалился на змѣя всѣмъ туловищемъ и сталъ его давить; порядкомъ ему бока намялъ! Притащили они змѣя къ дубовому пню, раскололи пень на̀двое, защемили тамъ его голову и начали стегать прутьями. Просится змѣй: «Отпустите меня, сильномогучіе богатыри! я вамъ покажу, гдѣ мертвая и живая вода». Богатыри согласились. Вотъ змѣй привелъ ихъ къ озеру; Марко Бѣгунъ обрадовался, хотѣлъ было прямо въ воду кинуться, да Иванъ Голой остановилъ: «Надо прежде, говоритъ, испробовать». Взялъ зеленой прутъ и бросилъ въ воду — прутъ тотчасъ сгорѣлъ. Принялись богатыри опять за змѣя; били его били, едва жи́ва оставили. Привелъ ихъ змѣй къ другому озеру; Иванъ Голой поднялъ гнилушку и бросилъ въ воду — она тотчасъ пустила ростки и зазеленѣла листьями. Богатыри кинулись въ это озеро, искупались и вышли на̀ берегъ молодцы молодцами: Иванъ Голой съ ногами, Марко Бѣгунъ съ руками. Послѣ взяли змѣя, притащили къ первому озеру и бросили прямо въ глубь — только дымъ отъ него пошелъ! Воротились домой; Марко Бѣгунъ былъ старъ, отвёзъ поповну къ отцу къ матери и сталъ жить у этого священника, потому что священникъ объявилъ еще прежде: кто мою дочь привезетъ, того буду кормить

и поить до самой смерти. А Иванъ Голой добылъ богатырскаго коня и поѣхалъ искать своего царевича. Ѣдетъ чистымъ полемъ, а царевичъ свиней пасетъ. «Здорово, царевичъ!» — «Здравствуй! а ты кто такой?» — «Я — Иванъ Голой». — «Что ты завираешься! если бъ Иванъ Голой живъ былъ, я бы не пасъ свиней». — «И то конецъ твоей службѣ!» Тутъ они помѣнялись одёжею; царевичъ поѣхалъ впередъ на богатырскомъ конѣ; а Иванъ Голой вслѣдъ за нимъ свиней погналъ. Царевна увидала его, выскочила на крыльцо: «Ахъ ты, неслухъ! кто тебѣ велѣлъ свиней гнать, когда еще солнце не сѣло?» и стала приказывать, чтобъ сейчасъ же взяли пастуха и выдрали на конюшнѣ. Иванъ Голой не сталъ дожидаться, самъ ухватилъ царевну за косы и до тѣхъ поръ волочилъ ее по̀ двору, пока не покаялась и не дала слова слушаться во всемъ мужа. Послѣ того царевичъ съ царевною жили въ согласіи долгіе годы, и Иванъ Голой при нихъ служилъ.

Записана въ Оренбургской губ.

117

Царь-медвѣдь

Жилъ себѣ царь съ царицею, дѣтей у нихъ не было. Царь поѣхалъ разъ на охоту краснаго звѣря да перелётныхъ птицъ стрѣлять. Сдѣлалось жарко, захотѣлось ему водицы испить; увидалъ въ сторонѣ колодецъ, подошелъ, нагнулся и только хотѣлъ испить — царь-медвѣдь и ухватилъ его за бороду. «Пусти», просится царь. «Дай мнѣ то, чего въ домѣ не знаешь; тогда и пущу». — «Чего жъ бы я въ домѣ не зналъ?» думаетъ царь: кажись, все знаю . . . Я лучше, говоритъ, дамъ тебѣ стадо коровъ». — «Нѣтъ, не хочу и двухъ стадъ». — «Ну, возьми табунъ лошадей». — «Не надо и двухъ

табуновъ; а дай то, чего въ домѣ не знаешь». Царь согласился, высвободилъ свою бороду и поѣхалъ домой. Входитъ во дворецъ, а жена родила ему двойни: Ивана-царевича и Марью-царевну; вотъ чего не зналъ онъ въ домѣ. Всплеснулъ царь руками и горько заплакалъ. «Чего ты такъ убиваешься?» спрашиваетъ царица. «Какъ мнѣ не плакать; я отдалъ своихъ дѣтокъ родныхъ царю-медвѣдю». — «Какимъ случаемъ?» — «Такъ и такъ», сказываетъ царь. — «Да мы не отдадимъ ихъ!» — «О, никакъ нельзя! онъ въ конецъ разоритъ все царство, а ихъ все-таки возьметъ». Вотъ они думали-думали, какъ быть? да и придумали: выкопали преглубокую яму, убрали ее, разукрасили, словно палаты, навезли туда всякихъ запасовъ, чтобъ было что и пить, и ѣсть; послѣ посадили въ ту яму своихъ дѣтей, а поверхъ сдѣлали потолокъ, закидали землею и заровняли гладко-нáгладко. Въ скоромъ времени царь съ царицею померли, а дѣтки ихъ растутъ да растутъ. Пришелъ наконецъ за ними царь-медвѣдь. смотритъ туда-сюда: нѣтъ никого! опустѣлъ дворецъ: Ходилъ онъ, ходилъ, весь домъ выходилъ, и думаетъ, «Кто же мнѣ про царскихъ дѣтей скажетъ, куда они дѣвались?» Глядь — долото въ стѣну воткнуто. «Долото, долото! спрашиваетъ царь-медвѣдь: скажи мнѣ, гдѣ царскія дѣти?» — «Вынеси меня на дворъ и брось нàземь; гдѣ я воткнусь, тамъ и рой». Царь-медвѣдь взялъ долото, вышелъ на дворъ и бросилъ его наземь; долото закружилось, завертѣлось и прямо въ то мѣсто воткнулось, гдѣ были спрятаны Иванъ-царевичъ и Марья-царевна. Медвѣдь разрылъ землю лапами, разломалъ потолокъ, и говоритъ: «А Иванъ-царевичъ, а Марья-царевна, вы вотъ гдѣ! . . . вздумали отъ меня прятаться! Отецъ-то вашъ съ матерью меня обманули, такъ я васъ за это съѣмъ». — «Ахъ, царь-медвѣдь, не

ѣшь насъ; у нашего батюшки осталось много куръ и гусей и всякаго добра; есть чѣмъ полакомиться». — «Ну, такъ и быть! садитесь на меня, я васъ къ себѣ въ услугу возьму». Они сѣли, и царь-медвѣдь принесъ ихъ подъ такія крутыя да высокія горы, что подъ самое небо уходятъ; всюду здѣсь пусто, никто не живетъ». — «Мы ѣсть-пить хотимъ», говорятъ Иванъ-царевичъ и Марья-царевна. «Я побѣгу, добуду вамъ пить и ѣсть, отвѣчаетъ медвѣдь, а вы пока тутъ побудьте да отдохните». Побѣжалъ медвѣдь за ѣдой, а царевичъ съ царевною стоятъ и слезно плачутъ. Откуда не взялся ясный соколъ, замахалъ крыльями и вымолвилъ таково слово: «Ахъ, Иванъ-царевичъ и Марья-царевна, какими судьбами вы здѣсь очутились?» Они разсказали. «Зачѣмъ же взялъ васъ медвѣдь?» — «На всякія послуги». — «Хотите, я васъ унесу? Садитесь ко мнѣ на крылушки». Они сѣли; ясный соколъ поднялся выше дерева стоячаго, ниже облака ходячаго, и полетѣлъ было въ далекія страны. На ту пору царь-медвѣдь прибѣжалъ, усмотрѣлъ сокола въ поднебесьи, ударился головой о сырую землю и обжёгъ ему пламенемъ крылья. Опалились у сокола крылья, опустилъ онъ царевича и царевну на̀земь. «А! говоритъ медвѣдь: вы хотѣли отъ меня уйти; съѣмъ же васъ за то и съ косточками!» — «Не, ѣшь, царь-медвѣдь; мы будемъ тебѣ вѣрно служить». Медвѣдь простилъ ихъ и повезъ въ свое царство; горы все выше да круче. Прошло ни много, ни мало времени — «ахъ! говоритъ Иванъ-царевичъ: я ѣсть хочу». — «И я!» говоритъ Марья-царевна. Царь-медвѣдь побѣжалъ за ѣдой, а имъ строго наказалъ никуда не сходить съ мѣста. Сидятъ они на травкѣ на муравкѣ да слезы ронятъ. Откуда не́ взялся орелъ, спустился изъ-за облакъ и спрашиваетъ: «Ахъ, Иванъ-царевичъ и Марья-царевна,

какими судьбами очутились вы здѣсь?» Они разсказали. «Хотите, я васъ унесу?» — «Куда тебѣ! ясный соколъ брался унести, да не могъ, а ты не сможешь!» — «Соколъ — птица малая; я взлечу повыше его; садитесь на мои крылушки». Царевичъ съ царевною сѣли; орелъ взмахнулъ крыльями и взвился еще выше. Медвѣдь прибѣжалъ, усмотрѣлъ орла въ поднебесьи, ударился головой о сыру землю и опалилъ ему крылья. Спустилъ орелъ Иванъ-царевича и Марью-царевну на̀земь. «А, вы опять вздумали уходить! сказалъ медвѣдь: вотъ я же васъ съѣмъ!» — «Не ѣшь, пожалуста; насъ орелъ взманилъ! мы будемъ служить тебѣ вѣрой и правдою». Царь-медвѣдь простилъ ихъ въ послѣднiй разъ, накормилъ-напоилъ и повезъ дальше . . . Прошло ни много, ни мало времени — «ахъ, говоритъ Иванъ-царевичъ: я ѣсть хочу». — «И я!» говоритъ Марья-царевна. Царь-медвѣдь оставилъ ихъ, а самъ за ѣдой побѣжалъ. Сидятъ они на травкѣ на муравкѣ да плачутъ. Откуда не́ взялся бычокъ-дрис . . нокъ, замоталъ головой и спрашиваетъ: «Иванъ-царевичъ, Марья-царевна! вы какими судьбами здѣсь очутились?» Они разсказали. — «Хотите, я васъ унесу?» — «Куда тебѣ! насъ уносили птица-соколъ, да птица-орелъ, и то не смогли; ты и подавну не сможешь!» — а сами такъ и разливаются, едва во слезахъ слово вымолвятъ. «Птицы не унесли, а я унесу! садитесь ко мнѣ на спину». Они сѣли, бычокъ-др . . . . нокъ побѣжалъ не больно прытко. Медвѣдь усмотрѣлъ, что царевичъ съ царевною уходить стали, и бросился за ними въ погоню. «Ахъ, бычокъ-дри . . . нокъ! кричатъ царскiя дѣти, медвѣдь гонится». — «Далеко ли?» — «Нѣтъ, близко!» Только было медвѣдь подскочилъ да хотѣлъ сцапать, бычокъ понатужился . . . и залѣпилъ ему оба глаза. Побѣжалъ медвѣдь на синё

море глаза промывать, а бычокъ-др . . . . нокъ все вперёдъ да вперёдъ! Царь-медвѣдь умылся да опять въ погоню. «Ахъ, бычокъ-др . . . . нокъ! медвѣдь гонится». — «Далеко ли?» — «Охъ, близко!» — Медвѣдь подскочилъ, а бычокъ опять понатужился . . . и залѣпилъ ему оба глаза. Пока медвѣдь бѣгалъ глаза промывать, бычокъ все вперёдъ да вперёдъ! И въ третій разъ залѣпилъ онъ глаза медвѣдю; а послѣ того даетъ Ивану-царевичу гребешокъ да утиральникъ и говоритъ: «коли станетъ нагонять царь-медвѣдь близко, въ первый разъ брось гребешокъ, а въ другой — махни утиральникомъ». Бычокъ-др . . . . нокъ бѣжитъ все дальше и дальше. Оглянулся Иванъ-царевичъ, а за ними царь-медвѣдь гонится: вотъ-вотъ схватитъ! Взялъ онъ гребешокъ и бросилъ позадь себя — вдругъ выросъ, поднялся такой густой, дремучій лѣсъ, что̀ ни птицѣ не пролетѣть, ни звѣрю не пролѣзть, ни пѣшему не пройти, ни конному не проѣхать. Ужъ медвѣдь грызъ-грызъ, насилу прогрызъ себѣ узенькую дорожку, пробрался сквозь дремучій лѣсъ, и бросился догонять; а царскія дѣти далёко-далёко! Сталъ медвѣдь нагонять ихъ, Иванъ-царевичъ оглянулся и махнулъ позадь себя утиральникомъ — вдругъ сдѣлалось огненное озеро: такое широкое-широкое! волна изъ края въ край бьетъ. Царь-медвѣдь постоялъ-постоялъ на берегу и поворотилъ домой; а бычокъ-др . . . . нокъ съ Иваномъ-царевичемъ да съ Марьей-царевной прибѣжалъ на полянку. На той на полянкѣ стоялъ большой, славной домъ. «Вотъ вамъ домъ! сказалъ бычокъ: живите не тужите. А на дворѣ приготовьте сейчасъ костёръ, зарѣжьте меня да на томъ кострѣ и сожгите». — «Ахъ! говорятъ царскія дѣти: зачѣмъ тебя рѣзать? лучше живи съ нами; мы за тобой будемъ ухаживать, станемъ тебя кормить

свѣжею травою, поить ключевой водою». — «Нѣтъ, сожгите меня, а пепелъ посѣйте на трехъ грядкахъ: на одной грядкѣ выскочитъ конь, на другой собачка, а на третьей выраститъ яблонька; на томъ коню ѣзди ты, Иванъ-царевичъ, а съ тою собачкой ходи на охоту». Такъ все и сдѣлалось.

Вотъ какъ-то вздумалъ Иванъ-царевичъ поѣхать на охоту; попрощался съ сестрицею, сѣлъ на коня и поѣхалъ въ лѣсъ; убилъ гуся, убилъ утку, да поймалъ живого волчонка и привезъ домой. Видитъ царевичъ, что охота идетъ ему въ руку, и опять поѣхалъ, настрѣлялъ всякой птицы и поймалъ живого медвѣжонка. Въ третій разъ собрался Иванъ-царевичъ на охоту, а собачку позабылъ съ собой взять. Тѣмъ временемъ Марья-царевна пошла бѣлье мыть. Идетъ она, а на другой сторонѣ огненнаго озера прилетѣлъ къ берегу шестиглавой змѣй, перекинулся красавцемъ, увидалъ царевну и такъ сладко говоритъ: «Здравствуй, красная дѣвица!» — «Здравствуй, доброй молодецъ!» — «Я слышалъ отъ старыхъ людей, что въ прежнее время этого озера не бывало; если бъ черезъ него да былъ перекинутъ высокой мостъ — я бы перешелъ на ту сторону и женился на тебѣ». — «Постой! мостъ сейчасъ будетъ, отвѣчала ему Марья-царевна и бросила утиральникъ: въ ту жъ минуту утиральникъ дугою раскинулся и повисъ черезъ озеро высокимъ, красивымъ мостомъ. Змѣй перешелъ пò мосту, перекинулся въ прежній видъ, собачку Ивана-царевича заперъ на замòкъ, а ключъ въ озеро забросилъ; послѣ того схватилъ и унесъ царевну. Пріѣзжаетъ Иванъ-царевичъ съ охоты — сестры нѣтъ, собачка взаперти воетъ; увидалъ мостъ черезъ озеро и говоритъ: «Вѣрно, змѣй унесъ мою сестрицу!» Пошелъ разыскивать. Шелъ-шелъ, въ чистомъ полѣ стоитъ хатка на курьихъ лапкахъ,

на собачьихъ пяткахъ. «Хатка-хатка! повернись къ лѣсу задомъ, ко мнѣ передомъ». Хатка повернулась; Иванъ-царевичъ вошелъ, а въ хаткѣ лежитъ баба-яга, костяная нога, изъ угла въ уголъ, носъ въ потолокъ вросъ. «Фу-фу! говоритъ она: доселева русскаго духа не слыхать было, а нынче русской духъ вочью проявляется, въ носъ бросается! Почто пришелъ, Иванъ-царевичъ?» — «Да если бъ ты моему горю пособила!» — «А какое твое горе?» Царевичъ разсказалъ ей. «Ну, ступай же домой; у тебя на дворѣ есть яблонька, сломи съ неё три зеленыхъ прутика, сплети вмѣстѣ и тамъ, гдѣ собачка заперта, ударь ими по замку: замòкъ тотчасъ разлетится на мелкія части. Тогда смѣло на змѣя иди, не устоитъ супротивъ тебя». Иванъ-царевичъ воротился домой, освободилъ собачку — выбѣжала она злая-злая! взялъ еще съ собой волчонка да медвѣжонка, и отправился на змѣя. Звѣри бросились на него и разорвали въ клочки. А Иванъ-царевичъ взялъ Марью-царевну, и стали они жить-поживать, добра наживать.

Записана въ Бобровскомъ у., Воронежской губ.

118

Звѣриное молоко

Въ нѣкоторомъ царствѣ, не въ нашемъ государствѣ жилъ-былъ царь на царствѣ, король па королевствѣ, и были у него дѣти: сынъ Иванъ-царевичъ и дочь Елена Прекрасная. Появился въ его царствѣ медвѣдь-желѣзная шерсть и началъ его подданныхъ ѣсть . . . Ѣстъ медвѣдь людей, а царь сидитъ да думаетъ, какъ бы ему спасти дѣтей своихъ. Велѣлъ онъ построить высокой столбъ, посадилъ на него Ивана-царевича и Елену Прекрасную, и провизіи имъ поклалъ туда на пять лѣтъ.

Переѣлъ медвѣдь всѣхъ людей, прибѣжалъ въ царской дворецъ и сталъ съ досады грызть вѣникъ. «Не грызи меня, медвѣдь-желѣзная шерсть! говоритъ ему вѣникъ: а лучше ступай въ поле, тамъ увидишь ты столбъ, а на томъ столбу сидитъ Иванъ-царевичъ и Елена Прекрасная!» Прибѣжалъ медвѣдь къ столбу и началъ его раскачивать. Испугался Иванъ-царевичъ и бросилъ ему пищи, а медвѣдь наѣлся, да и лёгъ спать!

Спитъ медвѣдь, а Иванъ-царевичъ и Елена Прекрасная бѣгутъ безъ оглядки . . . На дорогѣ стоитъ конь. «Конь, конь! спаси насъ», говорятъ они. Только-что сѣли на коня, медвѣдь ихъ и догналъ. Коня онъ разорвалъ на части, а ихъ взялъ въ пасть и принесъ къ столбу. Дали они ему пищи, онъ наѣлся и опять заснулъ. Спитъ медвѣдь, а Иванъ-царевичъ и Елена Прекрасная бѣгутъ безъ оглядки . . . По дорогѣ идутъ гуси. «Гуси, гуси! спасите насъ». Сѣли они на гусей и полетѣли, а медвѣдь проснулся, опалилъ гусей полымьемъ, и принесъ ихъ къ столбу. Дали они ему снова пищи: онъ наѣлся и опять заснулъ. Спитъ медвѣдь, а Иванъ-царевичъ и Елена Прекрасная бѣгутъ безъ оглядки . . . На дорогѣ стоитъ бычокъ-третьячокъ. «Бычокъ, бычокъ! спаси насъ: за нами гонится медвѣдь-желѣзная шерсть». — «Садитесь на меня; ты, Иванъ-царевичъ, сядь задомъ напередъ, и какъ увидишь медвѣдя, скажи мнѣ». Только-что догонитъ ихъ медвѣдь, бычокъ-третьячокъ др . . . — да и залѣпитъ ему глаза. Три раза медвѣдь догонялъ, три раза бычокъ залѣплялъ ему глаза. Стали они переправляться черезъ рѣку, медвѣдь за ними — да и утонулъ.

Захотѣли они ѣсть, вотъ бычокъ имъ и говоритъ: «зарѣжьте меня и съѣшьте, а косточки мои соберите и ударьте; изъ нихъ выйдетъ мужичокъ-кулачокъ — самъ

съ ноготокъ, борода съ локотокъ. Онъ для васъ всё сдѣлаетъ». Время идетъ да идетъ, съѣли они бычка и захотѣли опять ѣсть; вдарили легонько по косточкамъ, и вышелъ мужичокъ-кулачокъ. Вотъ пошли они въ лѣсъ, а въ томъ лѣсу стоялъ домъ, а домъ тотъ былъ разбойничій. Кулачокъ убилъ и разбойниковъ и атамана, и заперъ ихъ въ одной комнатѣ; а Еленѣ не велѣлъ туда ходить. Только она не вытерпѣла, посмотрѣла и влюбилась въ голову атамана.

Попросила она Ивана-царевича достать ей живой и мертвой воды. Какъ только онъ досталъ воды живой и мертвой, царевна оживила атамана и сговорилась вмѣстѣ съ нимъ извести Ивана-царевича. Нàперво согласились они послать его за волчьимъ молокомъ. Пошелъ Иванъ-царевичъ съ мужичкомъ-кулачкомъ, находятъ волчицу: «Давай молока!» Она проситъ ихъ взять и волчонка, потому что онъ б . . . . . , п . . . . . . , даромъ хлѣбъ ѣстъ. Взявши молоко и волчонка, пошли къ Еленѣ Прекрасной; молоко отдали Еленѣ, а волчонка взяли себѣ. Этимъ не смогли его известь; послали за медвѣжьимъ молокомъ. Пошелъ Иванъ-царевичъ съ мужичкомъ-кулачкомъ доставать медвѣжьяго молока; находятъ медвѣдицу: «Давай молока!» Она проситъ взять и медвѣжонка, потому что онъ . . . даромъ хлѣбъ ѣстъ. Опять, взявши молоко и медвѣжонка, пошли къ Еленѣ Прекрасной; отдали ей молоко, а медвѣжонка взяли себѣ. И этимъ не смогли известь Ивана-царевича: послали его за львинымъ молокомъ. Иванъ-царевичъ пошелъ съ мужичкомъ-кулачкомъ; находятъ львицу, взяли молока; она проситъ ихъ взять и львёнка, потому что онъ . . . даромъ хлѣбъ ѣстъ. Воротились къ Еленѣ Прекрасной, отдали молоко, львёнка взяли себѣ. Потомъ атаманъ и Елена Прекрасная видятъ, что и этимъ нельзя известь Ивана-царевича; послали

его достать яицъ жаръ-птицы. Отправился Иванъ-царевичъ съ мужичкомъ-кулачкомъ доставать яйцы. Нашли они жаръ-птицу, хотѣли было взять яйцы, она разсердилась и проглотила мужичка-кулачка; а Иванъ-царевичъ пошелъ безъ яицъ домой. Приходитъ къ Еленѣ Прекрасной, разсказалъ ей, что не могъ достать яицъ и что жаръ-птица проглотила мужичка-кулачка. Елена Прекрасная съ атаманомъ обрадовались и говорятъ, что теперь Иванъ-царевичъ безъ кулачка ничего не сдѣлаетъ; велѣли его убить. Иванъ-царевичъ услыхалъ это и попросился у сестры помыться передъ смертію въ банѣ. Елена Прекрасная велѣла натопить баню. Иванъ-царевичъ пошелъ въ баню, а Елена Прекрасная послала къ нему сказать, чтобы онъ скорѣе мылся. Иванъ-царевичъ ее не послушалъ, все-таки мылся не спѣша. Вдругъ прибѣжали къ нему волчонокъ, медвѣжонокъ и львёнокъ; говорятъ ему, что мужичокъ-кулачокъ спасся отъ жаръ-птицы и сейчасъ прійдетъ къ нему. Иванъ-царевичъ приказалъ имъ лечь подъ порогъ въ банѣ; а самъ все-таки мылся. Елена Прекрасная посылаетъ опять ему сказать, чтобы онъ скорѣе мылся, а если онъ не скоро выйдетъ, то она сама прійдетъ. Иванъ-царевичъ все не слушалъ, не выходилъ изъ бани. Елена Прекрасная ждала-ждала, не могла дождаться и пошла съ атаманомъ посмотрѣть, что онъ тамъ дѣлаетъ? Приходитъ и видитъ, что онъ моется и не слушаетъ приказанія; разсердилась, дала ему плюху. Откуда ни возьмись мужичокъ-кулачокъ — велѣлъ волчонку, медвѣжонку и львёнку разорвать атамана на мелкіе кусочки, а Елену взялъ-привязалъ голую къ дереву, чтобъ ея тѣло съѣли комары да мухи; а самъ отправился съ Иваномъ-царевичемъ путемъ-дорогою. Завидѣли большія палаты; говоритъ мужичокъ-кулачокъ: «Не хочешь ли, Иванъ-царевичъ,

жениться? вотъ въ этомъ домѣ живетъ богатырь-дѣвка; она ищетъ такого молодца, чтобъ ее одолѣлъ». Вотъ и пошли къ тому дому. Не дошедши немного, сѣлъ Иванъ-царевичъ на лошадь, а мужичокъ-кулачокъ сзади его, и начали вызывать богатырь-дѣвку драться. Дрались-дрались; богатырь-дѣвка ударила Ивана-царевича въ грудь — Иванъ-царевичъ чуть-чуть не упалъ, да его кулачокъ удержалъ. Потомъ Иванъ-царевичъ ударилъ богатырь-дѣвку копьемъ — и она тотчасъ свалилась съ коня. Какъ сшибъ Иванъ-царевичъ богатырь-дѣвку, она и говоритъ ему: «Ну, Иванъ-царевичъ, ты теперь можешь меня взять замужъ». Скоро сказка сказывается, а не скоро дѣло дѣлается. Иванъ-царевичъ женился на богатырь-дѣвкѣ. «Ну, Иванъ-царевичъ, говоритъ мужичокъ-кулачокъ: если на первую ночь сдѣлается тебѣ дурно, то выходи ко мнѣ; я въ бѣдѣ помогу». Вотъ лёгъ Иванъ-царевичъ спать съ богатырь-дѣвкою. Вдругъ богатырь-дѣвка положила ему на грудь руку, Ивану-царевичу сдѣлалось дурно; началъ онъ проситься выйти. Вышедчи, кликнулъ мужичка-кулачка; разсказалъ ему, что богатырь-дѣвка его душитъ. Мужичокъ-кулачокъ пошелъ къ богатырь-дѣвкѣ, началъ ее бить да приговаривать: «Почитай мужа, почитай мужа!» Съ того времени стали они жить да поживать, да добра наживать. Послѣ начала богатырь-дѣвка проситъ Ивана-царевича, чтобъ отвязалъ Елену Прекрасную и взялъ бы ее къ себѣ жить. Онъ сейчасъ послалъ отвязать и привесть ее къ себѣ. Долго жила у него Елена Прекрасная. Одинъ разъ говоритъ она Ивану-царевичу: «Братецъ! дай я тебѣ поищу». Начала искать ему и пустила въ голову мертвой зубъ; Иванъ-царевичъ началъ умирать. Львёнокъ видитъ, что Иванъ-царевичъ умираетъ; выдернулъ у него мертвой зубъ; царевичъ сталъ оживать, а львё-

нокъ умирать. Медвѣжонокъ вырвалъ зубъ; львёнокъ началъ оживать, а медвѣжонокъ умирать. Лисица видитъ, что онъ помираетъ, выдернула у него мертвой зубъ, и какъ она была хитрѣй всѣхъ, то выдернувши — бросила зубъ на сковороду, отчего зубъ и разсыпался въ куски. За это Иванъ-царевичъ велѣлъ Елену Прекрасную привязать къ хвосту богатырскаго коня и размыкать по чистому полю. Я тамъ былъ, медъ пилъ, по усамъ текло, а въ ротъ не попало.

Записана въ Карачевскомъ у., Орловской губ.
Изъ собранія П. В. Кирѣевскаго.

119
Притворная болѣзнь

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ-былъ царь съ царицею, а дѣтей у нихъ не было; стали они со слезами Бога молить, чтобъ даровалъ имъ хоть единое дѣтище — и услышалъ Господь ихъ молитву: царица забеременѣла. Въ то самое время понадобилось царю нȁдолго отлучиться ѝзъ дому; простился съ женой и отправился въ дорогу. Много ли, мало ли прошло времени: родила царица сына Ивана-царевича — такого красавца, что ни вздумать, ни взгадать, ни перомъ написать. Росъ онъ не по годамъ, не по днямъ, а по часамъ, по минутамъ — какъ тѣсто на опарѣ киснетъ; выросъ такой сильно-могучій богатырь, что всякой стулъ подъ нимъ ломается, и проситъ царицу, чтобъ приказала сдѣлать ему желѣзной стулъ, и тотъ съ подпорками. Вотъ воротился царь домой; царица обрадовалась, встрѣчаетъ его и сказываетъ, какого она ему сына родила — сильнаго, могучаго богатыря. Царь не хотѣлъ вѣрить, чтобъ могъ такой сынъ отъ него народиться; сдѣлалъ пиръ, созвалъ

всѣхъ князей и бояръ и думныхъ людей; спрашиваетъ ихъ: «Научите, что мнѣ дѣлать съ невѣрной женой — топоромъ казнить ее или вѣшать?» Одинъ думной сенаторъ отвѣчаетъ ему: «Чѣмъ казнить да вѣшать, лучше сослать ее съ сыномъ въ дальнія страны, чтобъ объ нихъ и слуху не было». Царь согласился, и тотчасъ выслали ихъ изъ того государства. Вышла царица съ Иваномъ-царевичемъ за городскія ворота. «Любезная матушка! говоритъ онъ: сядь-отдохни здѣсь, а я отъ отца моего пѣшкомъ не пойду». Вернулся назадъ и проситъ у царя лошади. «Ступай въ заповѣдные луга; тамъ пасутся мои табуны — выбирай себѣ любого коня». Приходитъ Иванъ-царевичъ въ заповѣдные луга, началъ коня выбирать: на котораго руку положитъ — тотъ и издохнетъ. Выбѣжалъ къ нему пастухъ: «Э-эхъ, Иванъ-царевичъ! ты здѣсь не выберешь по себѣ коня. Возьми-ка вотъ этого для матери, а для тебя есть доброй конь на острову; тамъ растутъ двѣнадцать дубовъ, подъ ними выходъ есть, въ томъ выходѣ стоитъ конь на двѣнадцати цѣпяхъ, за двѣнадцатью дверями и за столькими жъ замкàми; каждый замòкъ въ пятьдесятъ пудъ». Иванъ-царевичъ благодарствовалъ на томъ пастуху, бралъ одного коня и держалъ путь къ матери; сажалъ ее на того коня, а самъ возлѣ пѣшкомъ шелъ. Много ли, мало ли ушло времени — увидали они двѣнадцать дубовъ. Побѣжалъ туда царевичъ, открылъ выходъ и началъ ломать и двери и замкѝ; только-что конь услыхалъ по себѣ богатыря — тòтчасъ сталъ помогать, копытами цѣпи, двери разбивать. Подходитъ Иванъ-царевичъ къ коню, надѣваетъ на него богатырской приборъ и выводитъ въ поле чистое; сѣлъ верхомъ и началъ пытать своего коня. Мать ему говоритъ: «Сынъ мой любезной! завелъ меня въ такія пустыя, безлюдныя мѣста, да-й покинуть хочешь». —

«Нѣтъ, матушка! я тебя не покину; я коня пытаю». Раскинули они на острову палатку, жили и питались чѣмъ Богъ послалъ.

Однажды говоритъ Иванъ-царевичъ: «Государыня моя матушка! благослови меня въ дальнюю дорогу. Чѣмъ тутъ жить, лучше поѣду — отыщу себѣ державу». Поѣхалъ онъ и долами, и горами, и темными лѣсами; выѣзжаетъ на ровное мѣсто и видитъ впереди — словно гора воздымается. «Дай, подъѣду!» Подскакалъ поближе, глядь — а то лежитъ богатырь убитой. «Эхъ, думаетъ царевичъ: славной былъ богатырь, да какой-то злодѣй сгубилъ: можетъ, самъ-то и ногтя его не стòитъ!» Подивовался-подивовался и хотѣлъ было ѣхать дальше; вдругъ мертвой богатырь озывается: «Что жъ ты, Иванъ-царевичъ, только посмотрѣлъ на меня, а ни слова не вымолвилъ? Ты бы спросилъ меня, я бъ тебѣ добро посовѣтовалъ. Вишь ты, младой юноша, и самъ не вѣдаешь — куда ѣдешь, а ѣдешь ты прямо къ Огненному Царю: не доѣзжая до его царства верстъ тридцать ужъ огнемъ жжётъ! Столкни-ка мое туловище да возьми мой щитъ и острой мечъ-кладенецъ. Какъ станешь подъѣзжать къ огненному царству и начнетъ тебя огнемъ жечь — ты закройся моимъ щитомъ и не бойся жару, а пріѣдешь къ самому царю — онъ тебя встрѣтитъ съ обманомъ; смотри, въ обманъ не давайся, бей его одинъ разъ, а убьешь — меня не забудь!» Иванъ-царевичъ взялъ щитъ и мечъ-кладенецъ, поскакалъ-полетѣлъ къ Огненному Царю, на всемъ скаку ударилъ его разъ; Огненный Царь нàземь палъ и кричитъ: «Бей еще!» — «Русской богатырь не бьетъ два раза, а разъ да горараздъ!» Убивши царя, бросился его осматривать и нашелъ у него мертвую и живую воду. Взялъ ту воду и поѣхалъ къ мертвому богатырю; соскочилъ съ своего добраго коня, поднялъ голову богатыря, при-

ложилъ ее къ туловищу и спрыснулъ мертвой и живой водою. Богатырь всталъ; назвались они братьями и пошли путемъ-дорогою. Говоритъ богатырь: «давай, извѣдаемъ силу — чья возьметъ?» — «Эхъ, братъ! не надоѣло тебѣ лежать въ чистомъ полѣ тридцать три года; а я не хочу пролежать и единаго. Лучше разъѣдемся въ разныя стороны!» И поѣхали они по разнымъ дорогамъ.

Иванъ-царевичъ пріѣхалъ къ своей матери, разсказалъ ей, какъ побѣдилъ Огненнаго Царя, и зоветъ ее съ собой: «поѣдемъ, государыня матушка, въ его царство». — «Ахъ, Иванъ-царевичъ! на что ты убилъ его? вить Огненный Царь мнѣ сватъ». Поѣхали они въ то царство; жили сколько-то времени, вздумалось царевичу на охоту ѣхать, а мать его достала мертвую и живую воду, нашла Огненнаго Царя, подкатила его голову къ туловищу и давай взбрызгивать. Огненный Царь открылъ глаза и говоритъ: «Ахъ, любезная свашенька! долго жъ я спалъ». — «Спать бы тебѣ отнынѣ и дȍ вѣку! мой сынъ-злодѣй тебя дȍ смерти убилъ. Какъ бы намъ его извести?» — «А вотъ какъ! только онъ вернется — ты сдѣлайся больна и скажи ему, что въ такомъ-то царствѣ, куда воронъ костей не заноситъ, есть одномѣсячныя яблоки и отъ тѣхъ яблоковъ всякая хворь проходитъ. Пусть-ка достанетъ!» Сынъ вернулся домой — мать больна лежитъ, посылаетъ его за одномѣсячными яблоками. Иванъ-царевичъ осѣдлалъ своего добраго коня и стрѣлой полетѣлъ въ то царство далекое, куда воронъ костей не заноситъ. А тамъ царствовала дѣвица-красавица, и былъ у ней пиръ большой. Выглянулъ изъ окна одинъ изъ гостей и говоритъ: «пріѣхалъ къ вамъ младой юноша; конь подъ нимъ аки лютой звѣрь, збруя и всѣ приспѣхи богатырскіе словно жаръ горятъ». Встрѣчала его царевна середи двора широкаго, сама снимала съ

добраго коня; взялись они за бѣлыя руки и пошли во дворецъ. Сѣла царевна на золотой стулъ, а русской богатырь самъ себѣ мѣсто найдетъ. «Не будешь ли гнѣваться? говоритъ Иванъ-царевичъ: вить я съ просьбой пріѣхалъ». — «Говори, что̀ надобно? все тебѣ въ угоду сдѣлаю». Онъ ей сказалъ свою нужду. Тутъ они долго пировали и забавлялись, послѣ того обручились и дали слово крѣпкое, чтобъ ей за другого замужъ нейти, а ему на другой не жениться. Пора Ивану-царевичу и въ путь отправляться; невѣста-красавица навязала ему одномѣсячныхъ яблочковъ, пошла провожать и говоритъ ему: «Я слышала — ты большой охотникъ; подарю тебѣ двухъ собакъ. Эй, Тяжёлой и Лёгкой! служите царевичу, какъ мнѣ служили; коли что̀ надъ нимъ приключится — лучше и назадъ не бывайте!» Ѣдетъ Иванъ-царевичъ домой; мать увидала и говоритъ свату: «Вонъ нашъ разлучникъ ѣдетъ!» Тотчасъ заперла Огненнаго Царя за кипарисныя двери, а сама на постель легла. Входитъ Иванъ-царевичъ во дворецъ и отдаетъ матери одномѣсячныя яблоки. Вдругъ собаки бросились къ кипарисной двери и начали грызть; мать говоритъ: «Сынъ мой любезный! какую привелъ ты охоту? мнѣ и безъ того мочи нѣтъ, а онѣ дверь грызутъ». Царевичъ закричалъ на своихъ собакъ — и онѣ улеглись возлѣ него. На другой день поѣхалъ онъ съ своей охотой позабавиться, а мать кинулась свата отпирать, и проситъ его извести какъ-нибудь сына. Пошелъ Огненный Царь къ озеру, на песчаные берега, злого змѣя караулить. Мало ли, много ли дожидался — выходитъ змѣй на̀ берегъ, легъ и заснулъ. Огненный Царь однимъ взмахомъ отрубилъ ему голову, вынулъ зелье и понёсъ къ сватьѣ; отдаетъ ей: «На, говоритъ, напеки съ этимъ зельемъ лепёшекъ и покорми сына». Иванъ царевичъ вернулся домой и проситъ у

матери: «Нѣтъ ли поѣсть чего?» Она отвѣчаетъ: «Мочи моей нѣтъ, ничего не готовила, только лепёшекъ напекла — возьми и кушай на здоровье!» Только онъ взялъ одну лепёшку — собака изъ рукъ ее вырвала. — «Ну, сынокъ! завелъ ты охоту — не дадутъ и куска съѣсть!» — «Я, матушка, другую возьму». Взялъ еще — другая собака и эту вырвала. Взялъ третью, откусилъ и тутъ же померъ. Мать соскочила съ постели, отперла кипарисную дверь и выпустила свата. «Ну, кричитъ, извели наконецъ нашего злодѣя!» Выковырнули у Ивана-царевича глаза и бросили его въ колодецъ, а сами стали жить да веселиться.

Собаки бились-бились около колодца, вытащили Ивана-царевича и понесли къ нареченной невѣстѣ, а ей ужъ сердце сказало, что нѣтъ его на свѣтѣ; вышла она далеко къ нему навстрѣчу, взяла его на свои бѣлыя руки, понесла во дворецъ, и написала къ своей сестрѣ, чтобы та прислала новые лучшіе глаза и воды живой и мертвой. Начала его лѣчить, живой водой вспрыскивать. Иванъ-царевичъ всталъ: «Ахъ, моя милая невѣста! какъ долго я спалъ». — «Спать бы тебѣ вѣчнымъ сномъ, кабы не я!» отвѣчала невѣста и разсказала все, что съ нимъ мать сдѣлала. Пожилъ онъ у ней нѣсколько времени и собирается домой. Говоритъ ему царевна-красавица: «Иванъ-царевичъ, не давайся въ обманъ матери». Онъ осѣдлалъ коня и ѣдетъ домой. Мать узнала его и закричала: «Опять ѣдетъ мой злодѣй и двѣ собаки впереди бѣгутъ!» Заперла своего свата за кипарисную дверь, сама сѣла подъ окно и горючьми слезами обливается. Иванъ-царевичъ въѣхалъ на дворъ, соскочилъ съ коня и пошелъ къ матери; собаки за нимъ и бросились дверь грызть. «Матушка! говоритъ царевичъ: подай мнѣ ключъ отъ этой двери». Она мялась-мялась, не хотѣла ключа

отдавать, разныя отговорки приводила: и ключъ-то потерянъ, и отпирать-то не-зачѣмъ! Иванъ-царевичъ самъ нашелъ ключъ, отворилъ дверь — а за дверью сидитъ въ креслахъ Огненный Царь. Закричалъ царевичъ своей охотѣ: «Тяжёлой и Лёгкой! возьмите Огненнаго Царя, отнесите въ чистое поле и разорвите на мелкія части». Собаки схватили его и разорвали на мелкія части: не только человѣку кусковъ не собрать, даже птицѣ не сыскать! Потомъ Иванъ-царевичъ сдѣлалъ тугой лукъ и кленовую стрѣлу, и говоритъ матери: «Пойдемъ теперь въ чистое поле!» Пришли они въ чистое поле: царевичъ натянулъ свой тугой лукъ, положилъ ȍдаль: «Становись, матушка, рядомъ со мною; кто изъ насъ виноватъ, того кленовая стрѣла убьетъ». Мать прижалась къ нему близко-близко. Сорвалась стрѣла и попала ей прямо въ сердце.

Иванъ-царевичъ поѣхалъ къ своей невѣстѣ; пристигла его въ пути-дорогѣ темная ночь. Усмотрѣлъ онъ вдали огонекъ, поѣхалъ въ ту сторону — стоитъ избушка, а въ избушкѣ старуха сидитъ. Завелъ съ нею разговоръ о томъ, о семъ; старуха ему и сказываетъ: «Есть у насъ въ озерѣ страшной змѣй о двѣнадцати головахъ, все людей пожираетъ. Нынѣшнюю ночь вывезутъ къ нему на съѣденіе самоё царевну: такъ выпало по жребію!» Иванъ-царевичъ не ложился спать, со полуночи пошелъ на то озеро. Царевна стоитъ на берегу и во слезахъ говоритъ таковы рѣчи: «Лютой змѣй! пожри меня скорѣе, кончи мои мученія». Распахнулось у ней покрывало, и узналъ Иванъ-царевичъ свою невѣсту, и она его признала. «Ступай отсюдова! говоритъ ему царевна: не то лютой змѣй и тебя съѣстъ!» — «Не пойду, отвѣчаетъ Иванъ-царевичъ: мы съ тобой обручились, чтобы вмѣстѣ жить, вмѣстѣ и помереть». Вотъ

лѣзетъ изъ озера змѣй о двѣнадцати головахъ: «Эхъ, красная дѣвица! да у тебя заступа есть. Ну, что жъ! въ моемъ брюхѣ и заступѣ будетъ мѣсто». — «Ахъ ты, проклятой змѣй! сказалъ Иванъ-царевичъ: ты прежде пожри, тогда и хвались». Вынулъ свой острый мечъ, разъ махнулъ — и снялъ съ него шесть головъ; въ другой махнулъ — и остальныя сбилъ. Потомъ Иванъ-царевичъ поѣхалъ съ своей невѣстою въ ея царство, обвѣнчались и жили долго и счастливо.

120
Чудесная рубашка

Служилъ въ полку бравой солдатъ, получилъ изъ дому сто рублей. Провѣдалъ про то фельдфебель, занялъ у него деньги; а когда пришло время разсчитываться, то вмѣсто всякой уплаты далъ ему сто палокъ въ спину. «Я де твоихъ денегъ не видалъ, а всклепалъ ты на меня затѣйкою!» Солдатъ осердился и бѣжалъ въ темной лѣсъ; лёгъ было отдохнуть подъ дерево, глядь — летитъ шестиглавой змѣй. Прилетѣлъ, разспросилъ солдата про его житье-бытье, и говоритъ: «Чѣмъ тебѣ пò лѣсу таскаться, наймись ко мнѣ на три года». — «Изволь!» отвѣчаетъ солдатъ. — «Ну, садись на меня». Солдатъ сталъ навьючивать на змѣя весь свой скарбъ. «Эхъ, служивой, зачѣмъ берешь съ собою эту дрянь?» — «Что ты, змѣй! солдата и за пуговицу больно бьютъ, такъ какъ же ему свой скарбъ покинуть?» Змѣй принёсъ солдата въ свои палаты и наложилъ на него такую службу: «Сиди у котла три года, огонь разводи да кашу вари!» А самъ улетѣлъ на все это время по свѣту странствовать. Работа нетрудная: подложитъ солдатъ дровъ подъ котёлъ, и сидитъ себѣ — водочку попиваетъ да закусками заѣдаетъ, а водка

у змѣя не то что̀ нашинская — изъ-подъ лодки[1] а куда забористая! Черезъ три года прилетѣлъ змѣй: «Что, служивой, готова ли каша?» — «Должно быть, готова! огонь у меня во всѣ три года николи не погасалъ». Змѣй съѣлъ весь котёлъ за единой разъ, похвалилъ солдата за хорошую службу и нанялъ его на другіе три года. Прошло и это время; змѣй съѣлъ кашу и оставилъ солдата еще на три года. Два года варилъ солдатъ кашу, а на исходѣ третьяго вздумалъ: «Что же я живу у змѣя девятое лѣто, все ему кашу варю, а какова она? и не попробовалъ. Дай отвѣдаю!» Поднялъ крышку, а въ котлѣ фельдфебель сидитъ. «Хорошо же! думаетъ, ужъ я тебя, дружокъ, потѣшу; удружу за твои палки!» И ну таскать дрова да подъ котёлъ подкладывать какъ можно больше; такой огонь развелъ, что не только мясо, всѣ косточки разварилъ! Змѣй прилетѣлъ, съѣлъ кашу и похвалилъ солдата: «Ну, служивой! прежде была хороша каша, а теперь и того лучше уварилася! Выбирай себѣ въ награду, что полюбится». Солдатъ глянулъ туда-сюда и выбралъ богатырскаго коня и рубаху изъ толстаго холста. Рубаха была не простая, а волшебная: только надѣнь ее — богатырь будешь. Солдатъ ѣдетъ къ одному королю, помогаетъ ему въ тяжелой войнѣ и женится на его прекрасной дочери. Только королевнѣ было не по̀ сердцу, что выдали ее замужъ за простого солдата; свела она шашни съ сосѣднимъ королевичемъ, и чтобы дознаться, въ чемъ заключается богатырская сила солдата, стала къ нему подольщаться; вывѣдала, улучила минуту, сняла съ соннаго мужа рубашку и отдала королевичу. Тотъ надѣлъ на себя волшебную рубаху, ухватилъ мечъ, изрубилъ солдата на мелкія части, поклалъ ихъ въ кулёкъ, и приказалъ конюхамъ:

[1]) Т.-е. вода.

«Возьмите вотъ этотъ кулёкъ, прицѣпите къ какой-нибудь клячѣ и гоните ее въ чистое поле!» Конюхи пошли приказъ выполнять, а солдатской богатырской конь обернулся клячею и самъ къ нимъ на глаза лѣзетъ. Взяли они, прицѣпили къ нему кулёкъ, и погнали коня въ чистое поле. Богатырской конь быстрѣй птицы пустился, прибѣжалъ къ змѣю, остановился у его дворца, и три дня три ночи безъ ус̀тали ржалъ. На ту пору змѣй крѣпко-крѣпко спалъ, насилу проснулся отъ конскаго ржанья и топота, вышелъ изъ палатъ, заглянулъ въ кулёкъ и ахнулъ! Взялъ изрубленные куски, сложилъ вмѣстѣ, обмылъ мертвою водою — солдатское тѣло срослося; взбрызнулъ живою водою — и солдатъ ожилъ: «Фу, говоритъ, какъ я долго спалъ!» — «Долго бы спать тебѣ, если бъ не доброй конь!» отвѣчалъ змѣй, и выучилъ солдата хитрой наукѣ принимать на себя разные виды. Солдатъ обернулся голубемъ, полетѣлъ къ королевичу, съ которымъ его невѣрная жена стала вмѣстѣ жить, и усѣлся на кухонное окошечко. Увидала его молодая стряпка: «Ахъ, говоритъ, какой хорошенькой голубокъ!» Отворила окно и впустила его въ кухню. Голубокъ ударился о̀бъ полъ и сталъ добрымъ мо̀лодцемъ: «Услужи мнѣ, красная дѣвица! я тебя замужъ возьму». — «Чѣмъ же тебѣ услужить?» — «Добудь съ королевича толстаго холста рубашку». — «Да вѣдь онъ ее никогда не сымаетъ! развѣ тогда сымаетъ, когда въ морѣ купается». Солдатъ разспросилъ, въ которое время королевичъ купается, вышелъ на дорогу и сдѣлался цвѣточкомъ. Вотъ идутъ королевичъ съ королевною на̀ море, а за ними стряпка съ чистымъ бѣльемъ. Увидалъ королевичъ цвѣтокъ и любуется, а королевна сейчасъ догадалася: «Ахъ, вѣдь это проклятой солдатъ перекинулся!» Сорвала цвѣтокъ и давай его мять да

листочки обрывать; цвѣтокъ обернулся малою мушкою, и спрятался незамѣтно у стряпки за пазуху. Какъ только королевичъ раздѣлся да полѣзъ въ воду, мушка вылетѣла и обернулась яснымъ соколомъ, соколъ подхватилъ-унёсъ рубашку, и сдѣлавшись добрымъ молодцемъ, надѣлъ ее на себя. Тутъ солдатъ взялся за мечъ, предалъ смерти и жену-измѣнщицу и ея любовника, а самъ женился на красной дѣвицѣ — молодой стряпкѣ.

Записана въ Соликамскомъ у., Пермской губ., Д. Пѣтуховымъ.

121

Волшебное зеркальцо

Быу сабе круль съ крулевай и мѣли адну дачку̀ вельми харошую. Послѣ у караля жонка умерла, и јонъ ажаниуся съ другою харосшаю, якъ была першая; але дачка̀ атъ першай жонки за ее харосшая. Аднаго разу жонка караля падышла да люстра и пытаецца: «Люстро, люстро! чи хорошая я?» — «Ты харошая, але твоя пасербица[1] еще харосшая!» атказало люстро. Тая крулева казала лакею весци пасербицу на спацыръ, тамъ ее забиць и принесци на тарелцы серцо. Лакей заразъ павёу кралеуну на спацыръ, сказау ей усё, што казала крулева, и намѣйсцо кралеуны забиу сабаку, выняу серцо, и налажиуши на тарелку, аднёсъ да крулевай; а крулеунѣ сказау, кабъ яна ишла, куды сабѣ хоче. Крулева вельми была рада, што страцила сваю пасербицу атъ себе харосшую; а кралеуна, разстаушися з'лакеемъ, пашла туды, куды папясуць очи. Идзе яна, дакъ идзе — ажъ у лѣсѣ стаиць палацъ, ажъ тамъ у усѣхъ пакояхъ наприбирано и никого нима.

[1]) Падчерица.

Яна хадзила на томъ палацы, хадзила, ажъ пріѣжджаюць дванадцать мущинъ; а тые мущины были дванадцать братоу каралевичау, каторые жили у лѣтнёмъ палацы. Хадзили яны по усихъ пакояхъ, ажъ у адномъ у самомъ астатнемъ знашли панну. Разглядзѣуши ее, кажды з'ней захацѣу жаницца; але якъ не магли пагадзицца[1], то узяли ее сабѣ за сестру и вельми уважали. Тая крулева была пеуная[2], што пасербицы нима; але аднаго раза, презъ цякавосць[3], падыщла да люстра и запыталася: «Люстро, люстро! чи харошая я?» — «Ты харошая, але твая пасербица еще харосшая — у двѣнадцаци братоу каралевичау». Крулева казала привесци да себе бабу-чарауницу, и дауши ей много грошей, сказала: «Глядзи ты мнѣ, кабы пасербицы маёй у три дни не было!» — «Добре!» сказала чарауница, перебралася за крамарку[4] и пашла. Приходзиць да таго палацу, гдзѣ жила кралеуна, ажъ тамъ никого болѣй не застала — тольки адну кралеуну, сѣдзѣушую падъ акномъ. Кралеуна, убачиуши бабу, казала зàразъ ее да себе привесци и стала разпытвацца: аткуль яна? «Я хаджу на свѣцѣ кабъ што-нибудзь зарабиць; я крамарка и маю да проданья иголки, шпильки, персцёнки и другіе товары». — «Ну, пакажи!» сказала кралеуна. Тая баба зачала паказваць персцёнки, и кралеуна адзинъ упадабала, заплацила болѣй, кольки баба хацѣла, и атправила ее. Доуго перебирала кралеуна той персцёнакъ, а послѣ улажила на палецъ. Якъ улажила, такъ зрабилася неживою. Папріѣжджали браты съ палеваня[5] и заразъ пабѣгли витацца[6]

---

[1]) Согласиться.
[2]) Увѣрена.
[3]) Ciekawość — любопытство.
[4]) Переодѣлась торговкою.
[5]) Съ охоты.
[6]) Привѣтствовать.

съ сестрою. Входзяць у ее пакой — ажъ яна ляжиць неживая. Плакали браты, плакали, а послѣ зачали разбираць, кабъ улажиць другое адзене; тольки што яны зачали разбираць, ажъ адзинъ зняу персцёнакъ; якъ зняу персцёнакъ, дакъ кралеуна ажила и устауши сказала: «Якъ я смачно спала!» — «Ты не спала, але была неживая; цебе нѣхто ачаравау», сказали браця. «Гето, муси быць, баба, у каторай я купила персцёнакъ, мене ачаравала». Браты, на други дзень выѣжджаючи, приказали, кабъ никого да палацу не упущаць. — Крулева изноу пришла да люстра пытацца, и тое такъ само атказало, што ты харошая, а твая пасербица еще харосшая. Заразъ паслала крулева па тую чараунипу и приказала ей канечне страциць съ свѣту пасербицу. Тая баба перебралася за неборачку[1] и пашла да палацу, гдзѣ жила кралеуна. Падышла надъ акно кралеуны и стала гавариць пацяры[2]. Кралеуна, пачууши, казала вынесци три гроша и атправиць бабу. Лакей, каторы выносиу гроши бабѣ, быу адъ ее загоджены[3] и падняусь ваткнуць шпильку, каторую дала баба. Той лакей однаго дня, вымятаючи, нибыто знашоу шпильку, панёсъ ее да кралеуны и аддау. Кралеуна думала, што гето шпилька ее, узяла-улажила у галаву̀. Якъ тольки улажила, дакъ и зрабилася неживою. Браты, пріѣхауши, пашли да ее пакою и тамъ знашли ее неживую; зачали разбираць, и кралеуна не ажила. Яны зрабили для нее сребную труну[4], завезли у нѣяки лѣсъ и тамъ павѣсили на адномъ дзеревѣ.

Крулева, убираючися, изноу запыталася у люстра: чи харошая яна? И люстро атказало, што ты найхарос-

---

[1]) Нищенкою.
[2]) Pacierz — молитва Господня: Отче нашъ.
[3]) Подговоренъ.
[4]) Серебряный гробъ.

шая у цѣлымъ свѣцѣ. Крулева былъ вельми рада, што нима никого, хто бы за ее быу харосши. Аднаго дня у томъ лѣсѣ, гдзѣ висѣла у трунѣ кралеуна, палявау нѣяки кралевичъ здалёка. Сабаки кралевича якъ загналися за зайцамъ, дакъ ажъ да той труны, гдзѣ висѣла кралеуна. Кралевичъ палецѣу конно за сабаками. Сабаки кинули зайца и зачали уядаць[1] на дзерево у-гѝру, гдзѣ висѣла труна. Кралевичъ, засловаушися на сабакъ за тое, што кинули зайца, палецѣу ихъ биць; але якъ падъѣхай, дакъ блясскъ у вочи яму̀ удариу. Јонъ глянуу у-гѝру и убачиу сребную труну; јонъ заразъ пакликау людзей и казау тую труну зняць, улажиць на возъ и вязци да дому и тамъ паставиць у яго пакои — такъ, кабъ нихто не бачиу. Людзи кралевича заразъ зняли труну, адвезли да дѝму кралевича и паставили у яго пакои. На други дзень и самъ кралевичъ пріѣхау да дому, заразъ пришоу да свайго пакою, адчиниу труну и тамъ убачиу вельми харошую панну и такъ у ней закахауся[2], што никуды-не выходзиу. Радзицы[3] кралевича самы не вѣдали, што рабиць, што таки сынъ нудны[4] и ниякъ не пущая никого да свайго пакою. Аднаго дня јонъ сядзѣу у сваёмъ пакои, а послѣ узяу-зняу верхъ адъ труны и зачау выбираць шпильки з'галавы и утыкаць у свой сурдутъ[5]; и якъ выняу адну шпильку, дакъ панна и ажила. Јонъ зачау ее абнимаць и зачау разпытвацца, што з'нею было. Яна разсказала кралевичу абъ усемъ и также ягѝ палюбила. Яны сидзѣли у сваёмъ пакои цѣлый дзень, а назаутра пашли да радзицау, кабъ ихъ

[1]) Лаять.
[2]) Влюбился.
[3]) Родители.
[4]) Скучный, печальный.
[5]) Сюртукъ, кафтанъ.

благославили. Пришоуши туды, яны разсказали абъ усемъ, и радзицы вельми были рады, што сынъ развеселиуся, и ихъ поблагославили. У недзѣлю[1] было веселё[2], а па весели паѣхали да бацька кралеуны. Пріѣхауши да бацька, дачкà разсказала абъ усемъ: якъ ее мачиха хацѣла страциць съ свѣту, якъ яна была у дванадцаци кралевичау, а послѣ якъ ее знашоу кралевичъ и якъ яны пажанилися. Бацько хацѣу сваю жонку разцягнуць на желѣзныя бороны, але дачкà не пазволила. Назаутра быу балъ, на которомъ были и тые дванадцаць кралевичау; и я тамъ быу, мёдъ-вино пиу, на барадзѣ цекло, а у роцѣ не былò.

Записана старшимъ учителемъ Новогрудскаго дворянскаго училища М. Дмитріевымъ.

122

Пойди туда — не знаю куда, принеси то — не знаю что

Въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ-былъ король холостъ-неженатъ, и была у него цѣлая рота стрѣльцовъ: на охоту стрѣльцы ходили, перелётныхъ птицъ стрѣляли, государевъ столъ дичью снабжали. Во той ротѣ служилъ стрѣлецъ-молодецъ, по имени Федотъ; мѣтко въ цѣлъ попадалъ, почитай — николи промаху не давалъ, и за то любилъ его король пуще всѣхъ его товарищей. Случилось ему въ одно время пойти на охоту ранымъ-ранёхонько, на самой зорѣ; зашелъ онъ въ темной густой лѣсъ и видитъ: сидитъ на деревѣ горлица. Федотъ навёлъ ружье, прицѣлился, выпалилъ — и перешибъ птицѣ крылушко; свалилась птица съ

[1]) Воскресенье.
[2]) Свадьба.

дерева на сырую землю. Поднялъ ее стрѣлокъ, хочетъ оторвать голову да положить въ сумку. И возговоритъ ему горлица: «Ахъ, стрѣлецъ-молодецъ! не срывай моей буйной головушки, не своди меня съ бѣлаго свѣта; лучше возьми меня живую, принеси въ свой домъ, посади на окошечко и смотри: какъ только найдетъ на меня дремота, въ ту самую пору ударь меня правой рукою наотмашь — и добудешь себѣ великое счастье!» Крѣпко удивился стрѣлокъ. «Что такое? думаетъ: съ виду совсѣмъ птица, а говоритъ человѣческимъ голосомъ! прежде со мной такого случаю никогда не бывало . . .» Принёсъ птицу домой, посадилъ на окошечко, а самъ стоитъ-дожидается. Прошло немного времени — горлица положила свою головку подъ крылушко и задремала; стрѣлокъ поднялъ правую руку, ударилъ ее наотмашъ легохонько — пала горлица на̀земь и сдѣлалась душой-дѣвицей, да такою прекрасною, что не вздумать, не взгадать, только въ сказкѣ сказать! Другой подобной красавицы во всемъ свѣтѣ не бывало! Говоритъ она добру молодцу, королевскому стрѣльцу: «Умѣлъ ты меня достать, умѣй и жить со мною; ты мнѣ будешь нареченный мужъ, а я тебѣ богоданная жена!» На томъ они и поладили; женился Федотъ, и живетъ себѣ — съ молодой женой потѣшается, а службы не забываетъ: каждое утро, ни свѣтъ, ни зоря, возьмётъ свое ружье, пойдетъ въ лѣсъ; настрѣляетъ разной дичи и отнесетъ на королевскую кухню. Видитъ жена, что отъ той охоты весь онъ измаялся, и говоритъ ему: «Послушай, другъ! мнѣ тебя жалко: каждый Божій день ты безпокоишься, бродишь по лѣсамъ да по болотам , завсегда мокрёхонекъ домой ворочаешься, а пользы амън нѣтъ никакой. Это что̀ за ремесло! Вотъ я — такъ знаю такое, что безъ барышей не останешься. Добудь-ка рублей сотню, другую, все дѣло

поправимъ». Бросился Федотъ по товарищамъ: у кого рубль, у кого два занялъ, и собралъ какъ разъ двѣсти рублей. Принесъ къ женѣ. «Ну, говоритъ она: купи теперь на всѣ эти деньги разнаго шёлку». Стрѣлецъ купилъ на двѣсти рублей разнаго шёлку. Она взяла и сказываетъ: «Не тужи, молись Богу да ложись спать; утро вечера мудренѣе!» Мужъ заснулъ, а жена вышла на крылечко, развернула свою волшебную книгу — и тотчасъ явились передъ ней два невѣдомыхъ молодца: «что угодно — приказывай!» — «Возьмите вотъ этотъ шёлкъ и за единой часъ сдѣлайте мнѣ ковёръ, да такой чудной, какого въ цѣломъ свѣтѣ не видывано; а на коврѣ бы все королевство было вышито, и съ городами и съ деревнями, и съ рѣками и съ озерами». Принялись они за работу, и не только въ часъ, а въ десять минутъ изготовили ковёръ — всѣмъ на диво; отдали его стрѣльцовой женѣ и вмигъ исчезли, словно ихъ и не было! На утро отдаетъ она ковёръ мужу: «Нà, говоритъ, понеси на гостиной дворъ и продай купцамъ, да смотри: своей цѣны не запрашивай, а что̀ дадутъ, то и бери». Федотъ взялъ ковёръ, развернулъ, повѣсилъ нà руку и пошелъ по гостинымъ рядамъ. Увидалъ одинъ купецъ, подбѣжалъ и спрашиваетъ: «Послушай, почтенный, продаешь, что ли?» — «Продаю». — «А что стоитъ?» — «Ты торговой человѣкъ, ты и цѣну уставляй». Вотъ купецъ думалъ-думалъ, не можетъ оцѣнить ковра — да и только! Подскочилъ другой купецъ, за нимъ третій, четвертой . . . и собралась ихъ толпа великая, смотрятъ на ковёръ, дивуются, а оцѣнить не могутъ. Въ то время проѣзжалъ мимо гостиныхъ рядовъ дворцовой комендантъ, усмотрѣлъ толпу, и захотѣлось ему разузнать: про что толкуетъ купечество? Вылѣзъ изъ коляски, подошелъ и говоритъ: «Здравствуйте, купцы-торговцы, заморскіе гости! о чемъ рѣчь у васъ?» —

«Такъ и такъ, ковра оцѣнить не можемъ». Комендантъ посмотрѣлъ на ковёръ, и самъ дался диву. «Послушай, стрѣлецъ, говоритъ онъ: скажи мнѣ по правдѣ по истинной, откуда добылъ ты такой славной ковёръ?» — «Моя жена вышила». — «Сколько жъ тебѣ дать за него?» — «Я и самъ цѣны не вѣдаю; жена наказала не торговаться, а сколько дадутъ — то и наше!» — «Ну, вотъ тебѣ десять тысячъ!» Стрѣлецъ взялъ деньги и отдалъ ковёръ; а комендантъ этотъ завсегда при королѣ находился — и пилъ, и ѣлъ за его столомъ. Вотъ онъ поѣхалъ къ королю обѣдать и ковёръ повёзъ. «Не угодно ль вашему величеству посмотрѣть, какую славную вещь купилъ я сегодня?» Король взглянулъ — все свое царство, словно на ладони, увидѣлъ; такъ и ахнулъ! «Вотъ это ковёръ! въ жизнь мою такой хитрости не видывалъ. Ну, комендантъ! что хочешь, а ковра тебѣ не отдамъ». Сейчасъ вынулъ король двадцать пять тысячъ и отдалъ ему изъ рукъ въ руки, а ковёръ во дворцѣ повѣсилъ. «Ничего, думаетъ комендантъ: я себѣ другой еще лучше закажу». Сейчасъ поскакалъ къ стрѣльцу, розыскалъ его избушку, входитъ въ свѣтлицу, и какъ только увидалъ стрѣльцову жену — въ ту жъ минуту и себя и свое дѣло позабылъ; самъ не вѣдаетъ, зачѣмъ пріѣхалъ; передъ нимъ такая красавица, что вѣкъ бы очей не отвелъ: все бы смотрѣлъ да смотрѣлъ! Глядитъ онъ на чужую жену, а въ головѣ дума за думой: «Гдѣ это видано, гдѣ это слыхано, чтобы простой солдатъ да такимъ сокровищемъ владàлъ? я хоть и при самомъ королѣ служу, и генеральской чинъ на мнѣ положенъ, а такой красоты нигдѣ не видывалъ!» Насилу комендантъ опомнился, нéхотя домой убрался. Съ той поры, съ того времени совсѣмъ не свой сдѣлался: и во снѣ и наяву только и думаетъ, что о прекрасной стрѣльчихѣ; и ѣстъ — не заѣстъ,

и пьетъ — не запьетъ, все она представляется! Заприметилъ король и сталъ его выспрашивать: «Что съ тобой подѣялось? аль кручина какая?» — «Ахъ, ваше величество! видѣлъ я у стрѣльца жену — такой красоты во всемъ свѣтѣ нѣтъ; все объ ней думаю: и не заѣсть, и не запить, никакимъ снадобьемъ не заворожить!» Пришла королю охота самому полюбоваться, приказалъ заложить коляску и поѣхалъ въ стрѣлецкую слободу. Входитъ въ свѣтлицу, видитъ — красота невообразимая! кто ни взглянетъ — старикъ ли, молодой ли, всякой безъ ума влюбится. Защемила его зазноба сердечная: «чего, думаетъ про себя: хожу я холостъ-неженатъ? Вотъ бы мнѣ жениться на этой красавицѣ; зачѣмъ ей быть стрѣльчихою? ей на роду написано быть королевою».

Воротился король во дворецъ и говоритъ коменданту: «Слушай! сумѣлъ ты показать мнѣ стрѣльцову жену-красоту невообразимую; теперь сумѣй извести ея мужа. Я самъ на ней хочу жениться . . . А не изведешь, пеняй на себя: хоть ты и вѣрной мой слуга, а быть тебѣ на висѣлицѣ!» Пошелъ комендантъ, пуще прежняго запечалился; какъ стрѣльца порѣшить — не придумаетъ. Идетъ онъ пустырями, закоулками, а навстрѣчу ему баба-яга: «Стой, королевскій слуга! я всѣ твои думки вѣдаю; хочешь, пособлю твоему горю неминучему?» — «Пособи, бабушка! что хочешь, заплачу». — «Сказанъ тебѣ королевской указъ, чтобъ извелъ ты Федота-стрѣльца. Это дѣло бы неважное: самъ-то онъ простъ, да жена у него больно хитра! Ну, да мы загадаемъ такую загадку, что нескоро справится. Воротись къ королю и скажи: за тридевять земель, въ тридесятомъ царствѣ есть островъ; на томъ островѣ ходитъ олень-золотые рога. Пусть король наберетъ полсотню матросовъ — самыхъ негодныхъ,

горькихъ пьяницъ, и велитъ изготовить къ походу старой, гнилой корабль, что тридцать лѣтъ въ отставкѣ числится; на томъ кораблѣ пусть пошлетъ Федота-стрѣльца добывать оленя-золотые рога. Чтобъ добраться до острова, надо плыть ни много, ни мало — три года, да назадъ съ острова — три года, итого шесть лѣтъ. Вотъ корабль выступитъ въ море, мѣсяцъ прослужитъ, а тамъ и потонетъ: и стрѣлецъ, и матросы — всѣ на дно пойдутъ!» Комендантъ выслушалъ эти рѣчи, поблагодарилъ бабу-ягу за науку, наградилъ ее золотомъ, и бѣгомъ къ королю. «Ваше величество! говоритъ, такъ и такъ — можно навѣрно стрѣльца извести». Король согласился и тотчасъ отдалъ приказъ по флоту: изготовить къ походу старой, гнилой корабль, нагрузить его провизіей на шесть лѣтъ и посадить на него пятьдесятъ матросовъ — самыхъ распутныхъ и горькихъ пьяницъ. Побѣжали гонцы по всѣмъ кабакамъ, по трактирамъ, набрали такихъ матросовъ, что поглядѣть любо-дорого: у кого глаза подбиты, у кого носъ своротёнъ на бокъ. Какъ скоро доложили королю, что корабль готовъ, онъ въ ту же минуту потребовалъ къ себѣ стрѣльца: «Ну, Федотъ, ты у меня молодецъ, первой въ командѣ стрѣлецъ; сослужика мнѣ службу, поѣзжай за тридевять земель въ тридесятое царство — тамъ есть островъ, на томъ островѣ ходитъ олень-золотые рога; поймай его живого и привези сюда». Стрѣлецъ задумался; не знаетъ, что и отвѣчать ему. «Думай не думай, сказалъ король, а коли не сдѣлаешь дѣла, то мой мечъ — твоя голова съ плечъ!» Федотъ повернулся налѣво кругомъ и пошелъ изъ дворца; вечеромъ приходитъ домой крѣпкопечальной, не хочетъ и слова вымолвить. Спрашиваетъ его жена: «О чемъ, милой, закручинился? аль невзгода какая?» Онъ разсказалъ ей все сполна. «Такъ ты объ

этомъ печалишься? Есть о чемъ! Эта службишка, не служба. Молись-ка Богу да ложись спать; утро вечера мудренѣе: все будетъ сдѣлано». Стрѣлецъ легъ и заснулъ, а жена его развернула волшебную книгу — и вдругъ явились передъ ней два невѣдомыхъ молодца: «Что угодно, что надобно?» — «Ступайте вы за тридевять земель, въ тридесятое царство — на островъ, поймайте оленя-золотые рога и доставьте сюда». — «Слушаемъ! къ свѣту все будетъ исполнено». Вихремъ понеслись они на тотъ островъ, схватили оленя-золотые рога, принесли его прямо къ стрѣльцу на дворъ; за часъ до разсвѣта все дѣло покончили и скрылись, словно ихъ и не было. Стрѣльчиха-красавица разбудила своего мужа пораньше и говоритъ ему: «Поди-посмотри — олень-золотые рога на твоемъ дворѣ гуляетъ. Бери его на корабль съ собою, пять сутокъ впередъ плыви, на шестыя назадъ поворачивай». Стрѣлецъ посадилъ оленя въ глухую, закрытую клѣтку и отвезъ на корабль. «Тутъ что?» спрашиваютъ матросы. «Разные припасы и снадобья; путь долгой, мало ли что понадобится!» Настало время кораблю отчаливать отъ пристани, много народу пришло пловцовъ провожать, пришелъ и самъ король, попрощался съ Федотомъ и поставилъ его надъ всѣми матросами за старшаго. Пятыя сутки плыветъ корабль пò морю, береговъ давно не видать, Федотъ-стрѣлецъ приказалъ выкатить на палубу бочку вина въ сорокъ ведеръ, и говоритъ матросамъ: «Пейте, братцы! не жалѣйте; душа — мѣра!» А они тому и рады, бросились къ бочкѣ и давай вино тянуть, да такъ натянулись, что тутъ же возлѣ бочки попадали и заснули крѣпкимъ сномъ. Стрѣлецъ взялся за руль, поворотилъ корабль къ берегу и поплылъ назадъ; а чтобъ матросы про то не свѣдали — знай съ утра до вечера виномъ ихъ

накачиваетъ: только они съ перепоя глаза продерутъ, какъ ужъ новая бочка готова — не угодно ль опохмелиться! Какъ разъ на одиннадцатыя сутки привалилъ корабль къ пристани, выкинулъ флагъ и сталъ палить изъ пушекъ. Король услыхалъ пальбу и сейчасъ на пристань — что тамъ такое? Увидалъ стрѣльца, разгнѣвался и накинулся на него со всей жéсточью: «Какъ ты смѣлъ до сроку назадъ воротиться?» — «А куда жъ мнѣ дѣваться, ваше величество? Пожалуй, иной дуракъ десять лѣтъ въ моряхъ проплаваетъ да путнаго ничего не сдѣлаетъ: а мы, вмѣсто шести лѣтъ, всего нà всего десять сутокъ проѣздили, да свое дѣло справили: не угодно ль взглянуть на оленя-золотые рога?» Тотчасъ сняли съ корабля клѣтку, выпустили златорогаго оленя; король видитъ, что стрѣлецъ правъ и ничего съ него не возьмешь! позволилъ ему домой идти, а матросамъ, которые съ нимъ ѣздили, далъ свободу на цѣлыя на шесть лѣтъ; никто не смѣй ихъ и на службу спрашивать, по тому самому, что они ужъ эти года заслужили. На другой день призвалъ король коменданта, напустился на него съ угрозами: «Что ты, говоритъ, али шутки со мной шутишь? Видно тебѣ голова твоя не дорогà! Какъ знаешь, а найди случай, чтобъ можно было Федота-стрѣльца злой смерти предать». — «Ваше королевское величество! позвольте подумать; авось можно поправиться». Пошелъ комендантъ пустырями да закоулками, навстрѣчу ему баба-яга: «Стой, королевской слуга! я твои думки вѣдаю; хочешь, пособлю твоему горю?» — «Пособи, бабушка! вѣдь стрѣлецъ вернулся и привезъ оленя-золотые рога». — «Охъ, ужъ слышала! самъ-то онъ простой человѣкъ; извести его не трудно бы — все равно что щепоть табаку понюхать! да жена у него больно хитра. Ну, да мы загадаемъ ей иную загадку, съ которой не такъ скоро

справится. Ступай къ королю и скажи: пусть пошлетъ онъ стрѣльца туда — не знаю куда, принести то — не знаю что. Ужъ этой задачи онъ во вѣки вѣковъ не выполнитъ: или совсѣмъ безъ вѣсти пропадетъ, или съ пустыми руками назадъ прійдетъ». Комендантъ наградилъ бабу-ягу золотомъ и побѣжалъ къ королю; король выслушалъ и велѣлъ стрѣльца позвать. «Ну, Федотъ! ты у меня молодецъ, первой въ командѣ стрѣлецъ. Сослужилъ ты мнѣ одну службу — досталъ оленя-золотые рога; сослужи и другую; поди туда — не знаю куда, принеси то — не знаю что! Да помни: коли не принесешь — то мой мечъ, твоя голова съ плечъ!» Стрѣлецъ повернулся налѣво кругомъ и пошелъ изъ дворца; приходитъ домой печальной, задумчивой. Спрашиваетъ его жена: «Что, милой, кручинишься? аль еще невзгода какая?» — «Эхъ, говоритъ, одну бѣду съ шеи свалилъ, а другая навалилася; посылаетъ меня король туда — не знаю куда; велитъ принести то — не знаю что. Черезъ твою красу всѣ напасти несу!» — «Да, это служба немалая! чтобъ туда добраться, надо девять лѣтъ идти, да назадъ девять — итого восьмнадцать лѣтъ; а будетъ ли толкъ съ того — Богъ вѣдаетъ!» — «Что же дѣлать, какъ же быть?» — «Молись Богу да ложись спать; утро вечера мудренѣе. Завтра все узнаешь». Стрѣлецъ легъ спать, а жена его дождалась ночи, развернула волшебную книгу — и тотчасъ явились передъ ней два молодца: «Что угодно, что надобно?» — «Не вѣдаете ли: какъ ухитриться да пойти туда — не знаю куда, принести то — не знаю что?» — «Нѣтъ, не вѣдаемъ!» Она закрыла книгу — и мòлодцы съ глазъ исчезли. Поутру будитъ стрѣльчиха своего мужа: «Ступай къ королю, проси золотой казны на дорогу — вѣдь тебѣ восьмнадцать лѣтъ странствовать; а получишь деньги, заходи со

мной проститься». Стрѣлецъ побывалъ у короля, получилъ изъ казначейства цѣлую кису золота, и приходитъ съ женой прощаться. Она подаетъ ему ширинку и мячикъ: «Когда выйдешь изъ города, брось этотъ мячикъ передъ собою; куда онъ покатится — туда и ты ступай. Да вотъ тебѣ мое рукодѣлье: гдѣ бы ты ни былъ, а какъ станешь умываться — завсегда утирай лицо этою ширинкою». Попрощался стрѣлецъ съ своей женой и товарищами, поклонился на всѣ на четыре стороны и пошелъ за заставу. Бросилъ мячикъ передъ собою; мячикъ катится да катится, а онъ за нимъ слѣдомъ идетъ. Прошло съ мѣсяцъ времени, призываетъ король коменданта и говоритъ ему: «Стрѣлецъ отправился на восьмнадцать лѣтъ по бѣлу свѣту таскаться, и по всему видно, что не быть ему живому. Вѣдь восьмнадцать лѣтъ не двѣ недѣли; мало ли что въ дорогѣ случится! Денегъ у него много; пожалуй, разбойники нападутъ, ограбятъ да злой смерти предадутъ. Кажись, можно теперь за его жену приняться. Возьми-ка ты мою коляску, поѣзжай въ стрѣлецкую слободку, и привези ее во дворецъ». Комендантъ поѣхалъ въ стрѣлецкую слободку, пріѣхалъ къ стрѣльчихѣ-красавицѣ, вошелъ въ избу и говоритъ: «Здравствуй, умница! король приказалъ тебя во дворецъ представить». Пріѣзжаетъ она во дворецъ; король встрѣчаетъ ее съ радостію, ведетъ въ палаты раззолоченныя и говоритъ таково слово: «Хочешь ли быть королевною? я тебя замужъ возьму». — «Гдѣ жъ это видано, гдѣ жъ это слыхано: отъ живого мужа жену отбивать! Каковъ ни-на-есть, хоть простой стрѣлецъ, а мнѣ онъ — законной мужъ». — «Не пойдешь охотою, возьму силою!» Красавица усмѣхнулась, ударилась объ полъ, обернулась горлицей и улетѣла въ окно.

Много царствъ и земель прошелъ стрѣлецъ, а мячикъ все катится. Гдѣ рѣка встрѣтится, тамъ мячикъ мостомъ перебросится; гдѣ стрѣльцу отдохнуть захочется, тамъ мячикъ пуховой постелью раскинется. Долго ли, коротко ли — скоро сказка сказывается, нескоро дѣло дѣлается, приходитъ стрѣлецъ къ большому великолѣпному дворцу; мячикъ докатился до воротъ и пропалъ. Вотъ стрѣлецъ подумалъ-подумалъ: «дай пойду прямо!» Вошелъ по лѣстницѣ въ покои; встрѣчаютъ его три дѣвицы неописанной красоты: «Откуда и зачѣмъ, доброй человѣкъ, пожаловалъ?» — «Ахъ, красныя дѣвицы! не дали мнѣ съ дальняго походу отдохнуть, да начали спрашивать. Вы бы прежде меня накормили-напоили, отдохнуть положили, да тогда бы и вѣстей спрашивали». Онѣ тотчасъ собрали на столъ, посадили его, накормили-напоили и спать уложили. Стрѣлецъ выспался, встаетъ съ мягкой постели; красныя дѣвицы несутъ къ нему умывальницу и шитое полотенце. Онъ умылся ключевой водой, а полотенца не принимаетъ: «У меня, говоритъ, своя ширинка; есть чѣмъ лицо утереть». Вынулъ ширинку и сталъ утираться. Спрашиваютъ его красныя дѣвицы: «Доброй человѣкъ! скажи: откуда досталъ ты эту ширинку?» — «Мнѣ ее жена дала». — «Стало быть, ты женатъ на нашей родной сестрицѣ!» Кликнули мать-старушку; та, какъ глянула на ширинку, въ ту жъ минуту признала: «Это моей дочки рукодѣлье!» Начала у гостя разспрашивать-развѣдывать; онъ разсказалъ ей, какъ женился на ея дочери и какъ царь послалъ его туда — не знаю куда, принести то — не знаю что. «Ахъ, зятюшка! вѣдь про это диво даже я не слыхивала! Постой-ка, авось мои слуги вѣдаютъ». Вышла старуха на крыльцо, крикнула громкимъ голосомъ — и вдругъ, откуда только взялись, набѣжали

всякіе звѣри, налетѣли всякія птицы. «Гой есте, звѣри лѣсные и птицы воздушныя! вы, звѣри, вездѣ рыскаете; вы, птицы, всюду летаете: не слыхали ль, какъ дойти туда — не знаю куда, принести то — не знаю что?» Всѣ звѣри и птицы въ одинъ голосъ отвѣчали: «Нѣтъ, мы про то не слыхивали!» Распустила ихъ старуха по своимъ мѣстамъ — по трущобамъ, по лѣсамъ, по рощамъ; воротилась въ горницу, достала свою волшебную книгу, развернула ее — и тотчасъ явились къ ней два великана: «Что угодно, что надобно?» — «А вотъ что, слуги мои вѣрные! понесите меня вмѣстѣ съ зятемъ на окіянъ-море широкое и станьте какъ разъ на срединѣ — на самой пучинѣ». Тотчасъ подхватили они стрѣльца со старухою, понесли ихъ словно вихри буйные на окіянъ-море широкое и стали на срединѣ — на самой пучинѣ: сами какъ столбы стоятъ, а стрѣльца со старухою на рукахъ держатъ. Крикнула старуха громкимъ голосомъ — и приплыли къ ней всѣ гады и рыбы морскія: такъ и кишатъ! изъ-за нихъ синя моря не видно! «Гой есте, гады и рыбы морскія! вы вездѣ плаваете, у всѣхъ острововъ бываете: не слыхали ль, какъ дойти туда — не знаю куда, принести то — не знаю что?» Всѣ гады и рыбы въ одинъ голосъ отвѣчали: «Нѣтъ, мы про то не слыхивали!» Вдругъ протѣснилась впередъ старая колченогая лягушка, которая ужъ лѣтъ тридцать какъ въ отставкѣ жила, и говоритъ: «Ква-ква! я знаю, гдѣ эдакое диво найти». — «Ну, милая, тебя-то мнѣ и надобно!» сказала старуха, взяла лягушку и велѣла великанамъ себя и зятя домой отнесть. Мигомъ очутились они во дворцѣ. Стала старуха лягушку допытывать: «Какъ и какою дорогою моему зятю идти?» Отвѣчаетъ лягушка: «Это мѣсто на краю свѣта — далеко-далеко! я бы сама его проводила, да ужъ больно

стара, еле ноги волочу; мнѣ туда въ пятьдесятъ лѣтъ не допрыгать». Старуха принесла большую банку, налила свѣжимъ молокомъ, посадила въ нее лягушку, и даетъ зятю: «Неси, говоритъ, эту банку въ рукахъ, а лягушка пусть тебѣ дорогу показываетъ». Стрѣлецъ взялъ банку съ лягушкою, попрощался со старухой и ея дочками и отправился въ путь. Онъ идетъ, а лягушка дорогу ему показываетъ. Близко ли, далеко ли, долго ли, коротко ли — приходитъ къ огненной рѣкѣ; за тою рѣкой высокая гора стоитъ, въ той горѣ дверь видна. «Ква-ква! говоритъ лягушка: выпусти меня изъ банки; надо намъ черезъ рѣку переправиться». Стрѣлецъ вынулъ ее изъ банки и пустилъ на̀земь. «Ну, доброй мо̀лодецъ! садись на меня, да не жалѣй; небось, не задавишь!» Стрѣлецъ сѣлъ на лягушку и прижалъ ее къ землѣ; начала лягушка дуться, дулась-дулась и сдѣлалась такая большая, словно стогъ сѣнной. У стрѣльца только и на умѣ, какъ бы не свалиться: «Коли свалюсь, до̀ смерти ушибусь!» Лягушка надулась да какъ прыгнетъ — перепрыгнула черезъ огненную рѣку и сдѣлалась опять маленькою. «Теперь, доброй молодецъ, ступай въ эту дверь, а я тебя здѣсь подожду; войдешь ты въ пещеру, и хорошенько спрячься. Спустя нѣкоторое время придутъ туда два старца; слушай, что они будутъ говорить и дѣлать, а послѣ, какъ они уйдутъ, и самъ то жъ говори и дѣлай!» Стрѣлецъ подошелъ къ горѣ, отворилъ дверь — въ пещерѣ такъ темно, хоть глазъ выколи! полѣзъ на корачкахъ и сталъ руками щупать; нащупалъ пустой шкапъ, сѣлъ въ него и закрылся. Вотъ немного погодя приходятъ туда два старца и говорятъ: «Эй, Шматъ-разумъ! покорми-ка насъ». Въ ту жъ минуту — откуда что взялось! — зажглись люстры, загремѣли тарелки и блюда, и явились на столѣ разныя вина и кушанья.

Старики напились, наѣлись, и приказываютъ: «Эй, Шматъ-разумъ! убери все». Вдругъ ничего не стало — ни стола, ни винъ, ни кушаньевъ, люстры всѣ погасли. Слышитъ стрѣлецъ, что два старца ушли, вылѣзъ изъ шкапа и крикнулъ: «Эй, Шматъ-разумъ!» — «Что угодно?» — «Покорми меня!» Опять явились и люстры зажженныя, и столъ накрытой, и всякіе напитки и кушанья. Стрѣлецъ сѣлъ за столъ и говоритъ: «Эй, Шматъ-разумъ! садись, братъ, со мною; станемъ ѣсть-пить вмѣстѣ, а то одному мнѣ скучно». Отвѣчаетъ невидимой голосъ: «Ахъ, доброй человѣкъ! откудова тебя Богъ принесъ? Скоро тридцать лѣтъ, какъ я двумъ старцамъ вѣрой-правдой служу, а за все это время они ни разу меня съ собой не сажали». Смотритъ стрѣлецъ и удивляется: никого не видать, а кушанья съ тарелокъ словно кто метелочкой подметаетъ, а бутылки съ виномъ сами подымаются, сами въ рюмки наливаются, глядь — ужъ и пусты! Вотъ стрѣлецъ наѣлся-напился, и говоритъ: «Послушай, Шматъ-разумъ! хочешь мнѣ служить? у меня житье хорошее». — «Отчего не хотѣть! мнѣ давно надоѣло здѣсь, а ты, вижу, — человѣкъ доброй». — «Ну, прибирай все да пойдемъ со мною!» Вышелъ стрѣлецъ изъ пещеры, оглянулся назадъ — нѣтъ никого . . . «Шматъ-разумъ! ты здѣсь?» — «Здѣсь! не бойся, я отъ тебя не отстану». — «Ладно!» сказалъ стрѣлецъ и сѣлъ на лягушку; лягушка надулась и перепрыгнула черезъ огненную рѣку; онъ посадилъ ее въ банку и отправился въ обратной путь. Пришелъ къ тещѣ и заставилъ своего новаго слугу хорошенько угостить старуху и ея дочекъ. Шматъ-разумъ такъ ихъ уподчивалъ, что старуха съ радости чуть плясать не пошла, а лягушкѣ, за ея вѣрную службу, назначила по три банки молока въ день давать. Стрѣлецъ распрощался съ тещею и

пустился домой. Шелъ-шелъ и сильно уморился; прибились его ноги скорыя, опустились руки бѣлыя: «Эхъ, говоритъ, Шматъ-разумъ! если бъ ты вѣдалъ, какъ я усталъ; просто ноги отымаются». — «Что жъ ты мнѣ давно не скажешь? я бъ тебя живо на мѣсто доставилъ». Тотчасъ подхватило стрѣльца буйнымъ вихремъ и понесло по воздуху такъ шибко, что съ головы шапка свалилась. «Эй, Шматъ-разумъ! постой на минутку, моя шапка свалилась». — «Поздно, сударь, хватился! твоя шапка теперь за пять тысячъ вёрстъ назади». Города и деревни, рѣки и лѣса такъ и мелькаютъ передъ глазами . . . Вотъ летитъ стрѣлецъ надъ глубокимъ моремъ, и гласитъ ему Шматъ-разумъ: «Хочешь — я на этомъ морѣ золотую бесѣдку сдѣлаю? можно будетъ отдохнуть да и счастье добыть». — «А ну, сдѣлай!» сказалъ стрѣлецъ, и сталъ опущаться на̀ море. Гдѣ за минуту только волны подымалися — тамъ появился островокъ, на островку золотая бесѣдка. Говоритъ стрѣльцу Шматъ-разумъ: «Садись въ бесѣдку, отдыхай, на море поглядывай; будутъ плыть мимо три купеческихъ корабля и пристанутъ къ острову: ты зазови купцовъ, угости-уподчивай и промѣняй меня на три диковинки, что купцы съ собой везутъ. Въ свое время къ тебѣ назадъ вернусь!» Смотритъ стрѣлецъ — съ западной стороны три корабля плывутъ; увидали корабельщики островъ и золотую бесѣдку: «Что за чудо! говорятъ, сколько разъ мы тутъ плавали, кромѣ воды ничего не было, а тутъ на̀ поди! золотая бесѣдка явилась. Пристанемте, братцы, къ берегу, поглядимъ-полюбуемся». Тотчасъ остановили корабельной ходъ и бросили якори; три купца-хозяина сѣли на легкую лодочку и поѣхали на островъ. «Здравствуй, доброй человѣкъ!» — «Здравствуйте, купцы чужеземные! милости просимъ ко мнѣ, погуляйте, повеселитесь, роз-

дыхъ возьмите: нарочно для заѣзжихъ гостей и бесѣдка выстроена». Купцы вошли въ бесѣдку, сѣли на скамеечку. «Эй, Шматъ-разумъ! закричалъ стрѣлецъ: дай-ка намъ попить-поѣсть». Явился столъ, на столѣ вина и кушанья; чего душа захочетъ — все мигомъ исполнено! Купцы только ахаютъ: «Давай, говорятъ, мѣняться! ты намъ своего слугу отдай, а у насъ возьми за то любую диковинку». — «А какія у васъ диковинки?» — «Посмотри — увидишь!» Одинъ купецъ вынулъ изъ кармана маленькой ящичекъ, только открылъ его — тотчасъ по всему острову славной садъ раскинулся, и съ цвѣтами, и съ дорожками; а закрылъ ящичекъ — и садъ пропалъ. Другой купецъ вынулъ изъ-подъ полы топоръ и началъ тяпать: тяпъ да ляпъ — вышелъ корабль! тяпъ да ляпъ — еще корабль! Сто разовъ тяпнулъ — сто кораблей сдѣлалъ, съ парусами, съ пушками и съ матросами: корабли плывутъ, въ пушки палятъ, отъ купца приказовъ спрашиваютъ . . . Натѣшился онъ, спряталъ свой топоръ — и корабли съ глазъ исчезли, словно ихъ и не было! Третій купецъ досталъ рогъ, затрубилъ въ одинъ конецъ — тотчасъ войско явилося: и пѣхота, и конница, съ ружьями, съ пушками, съ знаменами; отъ всѣхъ полковъ посылаютъ къ купцу рапорты, а онъ отдаетъ имъ приказы: войска идутъ, музыка гремитъ, знамена развѣваются . . . Натѣшился купецъ, взялъ трубу, затрубилъ съ другого конца — и нѣтъ ничего, куда вся сила дѣвалася! «Хороши ваши диковины, да мнѣ не пригодны! сказалъ стрѣлецъ: войска да корабли — дѣло царское, а я простой солдатъ. Коли хотите со мной помѣняться, такъ отдайте мнѣ за одного слугу-невидимку всѣ три диковинки». — «Не много ли будетъ?» — «Ну, какъ знаете; а я иначе мѣняться не стану!» Купцы подумали про себя: «На что намъ этóтъ садъ, эти полки и военные корабли? лучше помѣняться, по

крайней мѣрѣ безъ всякой заботы будемъ и сыты и пьяны». Отдали стрѣльцу свои диковинки и говорятъ: «Эй, Шматъ-разумъ! мы тебя беремъ съ собою; будешь ли намъ служить вѣрой-правдою?» — «Отчего не служить? мнѣ все равно — у кого не жить». Воротились купцы на свои корабли и давай всѣхъ корабельщикомъ поить-угощать: «Ну-ка, Шматъ-разумъ, поворачивайся!» Перепились всѣ дòпьяна и заснули крѣпкимъ сномъ. А стрѣлецъ сидитъ въ золотой бесѣдкѣ, призадумался и говоритъ: «Эхъ, жалко! гдѣ-то теперь мой вѣрный слуга Шматъ-разумъ?» — «Я здѣсь, господинъ!» Стрѣлецъ обрадовался: «Не пора ли намъ домой?» Только сказалъ, какъ вдругъ подхватило его буйнымъ вихремъ и понесло по воздуху. Купцы проснулись, и захотѣлось имъ выпить съ похмелья: «Эй, Шматъ-разумъ! дай-ка намъ опохмелиться». Никто не отзывается, никто не прислуживаетъ. Сколько ни кричали, сколько ни приказывали — нѣтъ ни на грошъ толку! «Ну, господа! надулъ насъ этотъ моклакъ[1]. Теперь чортъ его найдетъ! и островъ пропалъ и золотая бесѣдка сгинула». Погоревали-погоревали купцы, подняли паруса и отправились — куда имъ было надобно.

Быстро прилетѣлъ стрѣлецъ въ свое государство, опустился возлѣ синяго моря на пустомъ мѣстѣ. «Эй, Шматъ-разумъ! нельзя ли здѣсь дворецъ выстроить?» — «Отчего нельзя! сейчасъ готовъ будетъ». Вмигъ дворецъ поспѣлъ да такой славной, что и сказать нельзя: вдвое лучше королевскаго. Стрѣлецъ открылъ ящичекъ, и кругомъ дворца садъ явился, съ рѣдкими деревьями и цвѣтами. Вотъ сидитъ стрѣлецъ у открытаго окна да на свой садъ любуется — вдругъ влетѣла въ окно горлица, ударилась óземь и оборотилась его молодой женою. Обнялись они, поздоровались, стали другъ

[1]) Безсовѣстный человѣкъ.

друга разспрашивать, другъ другу разсказывать. Говоритъ стрѣльцу жена: «Съ той самой поры, какъ ты и́зъ дому ушелъ, я все время по лѣсамъ да по рощамъ сирой горлинкой летала». На другой день поутру вышелъ король на балконъ, глянулъ на синё море, и видитъ — на самомъ берегу стоитъ новой дворецъ, а кругомъ дворца зеленой садъ. «Какой это невѣжа вздумалъ безъ спросу на моей землѣ строиться?» Побѣжали гонцы, развѣдали и докладываютъ, что дворецъ тотъ стрѣльцомъ поставленъ, и живетъ во дворцѣ онъ самъ, и жена при немъ. Король пуще разгнѣвался; приказалъ собрать войско и идти на возморье, садъ до тла разорить, дворецъ на мелкія части разбить, а самого стрѣльца и его жену лютой смерти предать. Усмотрѣлъ стрѣлецъ, что идетъ на него сильное войско королевское, схватилъ поскорѣй топоръ, тяпъ да ляпъ — вышелъ корабль! сто разовъ тяпнулъ — сто кораблей сдѣлалъ. Потомъ вынулъ рогъ, затрубилъ разъ — повалила пѣхота, затрубилъ въ другой — повалила конница. Бѣгутъ къ нему начальники изъ полковъ, съ кораблей, и ждутъ приказу. Стрѣлецъ приказалъ начинать сраженіе; тотчасъ заиграла музыка, ударили въ барабаны, полки двинулись: пѣхота ломитъ королевскихъ солдатъ, конница догоняетъ, въ плѣнъ забираетъ, а съ кораблей по столичному городу такъ и жарятъ пушками. Король видитъ, что его армія бѣжитъ, бросился было самъ войско останавливать — да куда! Не прошло и полчаса, какъ его самого убили. Когда кончилось сраженіе, собрался народъ и началъ стрѣльца просить, чтобы взялъ въ свои руки все государство. Онъ на то согласился и сдѣлался королемъ, а жена его королевою.

123
Мудрая жена

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ въ деревушкѣ старикъ со старухою; у него было три сына: два — умныхъ, а третій — дуракъ. Пришло время старику помирать, сталъ онъ деньги дѣлить: старшему далъ сто рублей, и среднему — сто рублей, а дураку и давать не хочетъ: все равно, даромъ пропадутъ! «Что ты, батька! говоритъ дуракъ: дѣти всѣ равны, что умные, что дуракъ; давай и мнѣ долю». Старикъ далъ и ему сто рублей. Умеръ отецъ, похоронили его. Вотъ умные братья собрались на базаръ ѣхать, быковъ покупать; и дуракъ поднялся. Умные купили быковъ, а онъ кошку да собаку привелъ. Черезъ нѣсколько дней старшіе братья запрягли своихъ быковъ, хотятъ въ дорогу ѣхать; смотря на нихъ, и меньшой собирается. «Что ты, дуракъ! куда сбираешься? али людей смѣшить?» — «Про то я знаю! умнымъ — дорога, и дуракамъ — путь не заказанъ». Взялъ дуракъ собаку да кошку, взвалилъ мѣшокъ на плеча и пошелъ изъ дому. Шелъ-шелъ, на пути большая рѣка, а заплатить за перевозъ нѣтъ ни гроша; вотъ дуракъ долго не думалъ, набралъ хворосту, сдѣлалъ на берегу шалашъ, и остался въ немъ жить. Начала его собака по сторонамъ промышлять, краюшки хлѣба таскать, и себя не забываетъ, и хозяина съ кошкой кормитъ. Плылъ по рѣкѣ корабль съ разными товарами. Дуракъ увидалъ и кричитъ: «Эй, господинъ корабельщикъ! ты въ торгъ ѣдешь, возьми и мой товаръ изъ половины». И бросилъ на корабль свою кошку. «Куда намъ этого звѣря? смѣются корабельные работники: давайте, ребята, его въ воду спустимъ». — «Эхъ, вы какіе! говоритъ хозяинъ: не трожьте, пускай эта кошка у насъ мышей да крысъ

ловитъ». — «Что жъ? это дѣло!» Долго ли, коротко ли — приплылъ корабль въ иную землю, гдѣ кошекъ никто и не видывалъ, а крысъ да мышей столько было, какъ травы въ полѣ. Корабельщикъ разложилъ свои товары, сталъ продавать; нашелся и купецъ на нихъ, закупилъ все сполна и позвалъ къ себѣ корабельщика: «Надо могарычъ пить; пойдемъ, говоритъ, я тебя угощу!» Привелъ гостя въ свой домъ, напоилъ дòпьяна и приказалъ своимъ приказчикамъ стащить его въ сарай: «Пусть де его крысы съѣдятъ, все его богатство мы задаромъ возьмемъ!» Стащили корабельщика въ темный сарай и бросили нàземь; а съ нимъ всюду кошка ходила, такъ привыкла къ нему — ни на шагъ не отстаетъ. Забралась она въ этотъ сарай и давай крысъ душить, душила-душила, эдакую кучу накидала! На утро приходитъ хозяинъ, смотритъ — корабельщикъ ни въ чемъ не вредимъ, а кошка послѣднихъ крысъ добиваетъ. «Продай, говоритъ, мнѣ твоего звѣря». — «Купи!» Торговаться-торговаться — и купилъ ее купецъ за шесть боченковъ золота.

Воротился корабельщикъ въ свое государство, увидалъ дурака и отдаетъ ему три боченка золота. «Экая пропасть золота! куда мнѣ съ нимъ?» подумалъ дуракъ, и пошелъ по городамъ да по селамъ одѣлять нищую братію; роздалъ два боченка, а на третій купилъ ладану, сложилъ въ чистомъ полѣ и зажёгъ: воскурилось благоуханіе и пошло къ Богу на небеса. Вдругъ является ангелъ: «Господь приказалъ спросить, чего ты желаешь?» — «Не знаю», отвѣчаетъ дуракъ. «Ну, ступай въ эту сторону; тамъ три мужика землю пашутъ, спроси у нихъ — они тебѣ скажутъ». Дуракъ взялъ дубинку и пошелъ къ пахарямъ. Приходитъ къ первому: «Здравствуй, старикъ!» — «Здравствуй, доброй человѣкъ!» — «Научи меня, чего бъ пожелать мнѣ отъ Господа». —

«А я почёмъ знаю, что тебѣ надобно!» Дуракъ недолго думалъ, хватилъ старика дубинкою прямо по головѣ и убилъ до́ смерти. Приходитъ къ другому, опять спрашиваетъ: «Скажи, старикъ, чего бы лучше пожелать мнѣ отъ Господа». — «А мнѣ почёмъ знать!» Дуракъ ударилъ его дубинкою — и дохнуть нѐ далъ. Приходитъ къ третьему пахарю, спрашиваетъ у него: «Скажи ты, старче!» Старикъ отвѣчаетъ: «Коли тебѣ богатство дать, ты пожалуй и Бога забудешь; пожелай лучше жену мудрую». Воротился дуракъ къ ангелу. «Ну, что тебѣ сказано?» — «Сказано: не желай богатства, пожелай жену мудрую». — «Хорошо! говоритъ ангелъ: ступай къ такой-то рѣкѣ, сядь на мосту и смотри въ воду; мимо тебя всякая рыба пройдетъ — и большая, и малая; промежъ той рыбы будетъ плотичка съ золотымъ кольцомъ — ты ее подхвати и брось черезъ себя о сырую землю». Дуракъ такъ и сдѣлалъ; пришелъ къ рѣкѣ, сѣлъ на мосту, смотритъ въ воду пристально — плыветъ мимо рыба всякая, и большая, и малая, а вотъ и плотичка — на ней золотое кольцо вздѣто; онъ то́тчасъ подхватилъ ее и бросилъ черезъ себя о сырую землю — обратилась рыбка красной дѣвицей: «Здравствуй, милой другъ!» Взялись они за̀ руки и пошли; шли-шли, стало солнце садиться — остановились ночевать въ чистомъ полѣ. Дуракъ заснулъ крѣпкимъ сномъ, а красная дѣвица крикнула зычнымъ голосомъ — тотчасъ явилось двѣнадцать работниковъ. «Постройте мнѣ богатой дворецъ подъ золотою крышею». Вмигъ дворецъ поспѣлъ, и съ зеркалами, и съ картинами. Спать легли въ чистомъ полѣ, а проснулись въ чудесныхъ палатахъ. Увидалъ тотъ дворецъ подъ золотою крышею самъ государь, удивился, позвалъ къ себѣ дурака и говоритъ: «Еще вчера было тутъ мѣсто гладкое, а нынче дворецъ стоитъ! Видно, ты колдунъ какой!» — «Нѣтъ, ваше величество!

все сдѣлалось по Божьему повелѣнію». — «Ну, коли ты сумѣлъ за одну ночь дворецъ поставить, такъ построй къ завтраму отъ своего дворца до моихъ палатъ мостъ — одна мостина серебреная, а другая золотая; а не выстроешь, то мой мечъ, твоя голова съ плечъ!» Пошелъ дуракъ, заплакалъ. Встрѣчаетъ его жена у дверей: «О чемъ плачешь?» — «Какъ не плакать мнѣ? Приказалъ мнѣ государь мостъ состроить — одна мостина золотая, другая серебреная; а не будетъ готовъ къ завтраму, хочетъ голову рубить». — «Ничего, душа моя! ложись-ка спать; утро вечера мудренѣе». Дуракъ лёгъ и заснулъ; на утро встаетъ — ужъ все сдѣлано: мостъ такой, что въ годъ не насмотришься! Король позвалъ дурака къ себѣ: «Хороша твоя работа! Теперь сдѣлай мнѣ за единую ночь, чтобъ по обѣ стороны моста росли яблони, на тѣхъ яблоняхъ висѣли бы спѣлыя яблочки, пѣли бы птицы райскія да мяукали котики морскіе; а не будетъ готово, то мой мечъ, твоя голова съ плечъ!» Пошелъ дуракъ, заплакалъ; у дверей жена встрѣчаетъ: «О чемъ, душа, плачешь?» — «Какъ не плакать мнѣ? государь велѣлъ, чтобъ къ завтраму по обѣ стороны моста яблони росли, на тѣхъ яблоняхъ спѣлыя яблочки висѣли, птицы райскія пѣли и котики морскіе мяукали; а не будетъ сдѣлано — хочетъ рубить голову». — «Ничего, ложись-ка спать; утро вечера мудренѣе». На утро встаетъ дуракъ — ужъ все сдѣлано: яблоки зрѣютъ, птицы распѣваютъ, котики мяукаютъ. Нарвалъ онъ яблоковъ, понёсъ на блюдѣ къ государю. Король съѣлъ одно-другое яблочко и говоритъ: «Можно похвалить! эдакой сласти я еще никогда не пробовалъ! Ну, братецъ, коли ты такъ хитёръ, то сходи на тотъ свѣтъ къ моему отцу-покойнику и спроси, гдѣ его деньги запрятаны? А не сумѣешь сходить туда, помни одно: мой мечъ, твоя голова съ плечъ!» Опять идетъ

дуракъ да плачетъ. «О чемъ, душа, слезы льешь?» спрашиваетъ его жена. — «Какъ мнѣ не плакать! посылаетъ меня государь на тотъ свѣтъ — спросить у его отца-покойника, гдѣ деньги спрятаны». — «Это еще не бѣда! ступай къ королю да выпроси себѣ въ провожатые тѣхъ думныхъ людей, что̀ ему злые совѣты даютъ». Король далъ ему двухъ бояръ въ провожатые; а жена достала клубочекъ: «На! говоритъ, куда клубочекъ покатится — туда смѣло иди». Вотъ клубочекъ катился-катился — и прямо въ море; море разступилося, дорога открылася; дуракъ ступилъ разъ-другой, и очутился съ своими провожатыми на томъ свѣтѣ. Смотритъ, а на покойномъ королевскомъ отцѣ черти до пекла дрова везутъ да погоняютъ его желѣзными прутьями. «Стой!» закричалъ дуракъ. Черти подняли рогатыя головы, и спрашиваютъ: «А тебѣ что надобно?» — «Да мнѣ нужно слова два перекинуть вотъ съ этимъ покойникомъ, на которомъ вы дрова возите». — «Ишь что выдумалъ! есть когда толковать! эдакъ, пожалуй, у насъ въ пеклѣ огонь погаснетъ». — «Небось, поспѣете! возьмите на смѣну этихъ двухъ бояръ, еще скорѣй довезутъ». Живой рукой отпрягли черти стараго короля, а замѣсто его двухъ бояръ заложили и повезли дрова въ пекло. Говоритъ дуракъ государеву отцу: «Твой сынъ, а нашъ государь, прислалъ меня къ твоей милости спросить, гдѣ прежняя казна спрятана?» — «Казна лежитъ въ глубокихъ подвалахъ за каменными стѣнами; да сила не въ томъ, а скажи-ка ты моему сыну: коли онъ будетъ королевствомъ управлять такъ же не по правдѣ, какъ я управлялъ, то и съ нимъ то же будетъ! Самъ видишь, какъ меня черти замучили, до костей спину и бока простегали. Возьми это кольцо и отдай сыну для бо̀льшаго увѣренія . . .» Только старой король покончилъ эти слова, какъ черти ужъ назадъ ѣдутъ: «Но-но! эхъ,

какая пара славная! дай намъ еще разокъ на ней прокатиться». А бояре кричатъ дураку: «Смилуйся, не давай насъ; возьми, пока живы!» Черти отпрягли ихъ, и бояре воротились съ дуракомъ на бѣлой свѣтъ. Приходятъ къ королю; онъ глянулъ и ужаснулся: у тѣхъ бояръ лица осунулись, глаза выкатились, изъ спины изъ боковъ желѣзные прутья торчатъ. «Что съ вами подѣялось?» спрашиваетъ король. Дуракъ отвѣчаетъ: «Были мы на томъ свѣтѣ; увидалъ я, что на вашемъ покойномъ отцѣ черти дрова везутъ, остановилъ ихъ и далъ этихъ двухъ бояръ на смѣну; пока я съ вашимъ отцомъ говорилъ, а черти на нихъ дрова возили». — «Что жъ съ тобою отецъ наказалъ?» — «Да велѣлъ сказать: коли ваше величество будете управлять королевствомъ такъ же не по правдѣ, какъ онъ управлялъ, то и съ вами то же будетъ. Вотъ и кольцо прислалъ для бо̀льшаго увѣренія». — «Не то говоришь! гдѣ казна-то лежитъ?» — «А казна въ глубокихъ подвалахъ за каменными стѣнами спрятана». Тотчасъ призвали цѣлую роту солдатъ, стали каменныя стѣны ломать; разломали, а за тѣми стѣнами стоятъ бочки съ серебромъ да съ золотомъ, — сумма несчетная. «Спасибо тебѣ, братецъ, за службу! говоритъ король дураку: только ужъ не погнѣвайся: коли ты сумѣлъ на тотъ свѣтъ сходить, такъ сумѣй достать мнѣ гусли-самогуды; а не достанешь, то мой мечъ, твоя голова съ плечъ!» Дуракъ пошелъ и заплакалъ. «О чемъ, душа, плачешь?» спрашиваетъ у него жена. «Какъ мнѣ не плакать? сколько не служить, а все голову сложить! Посылаетъ меня государь за гуслями-самогудами». — «Ничего, мой братъ ихъ дѣлаетъ». Дала ему клубочекъ, полотенце своей работы, наказала взять съ собою двухъ прежнихъ бояръ, королевскихъ совѣтниковъ, и говоритъ: «Теперь ты пойдешь на̀долго-на̀долго; какъ бы король чего злого не сдѣлалъ,

на мою красоту не польстился! Пойди-ка ты въ садъ да вырѣжь три прутика». Дуракъ вырѣзалъ въ саду три прутика. «Ну, теперь ударь этими прутиками и дворецъ и меня самоё по три раза и ступай съ Богомъ!» Дуракъ ударилъ — жена обратилась въ камень, а дворецъ въ каменную гору. Взялъ у короля двухъ прежнихъ бояръ и пошелъ въ путь-дорогу; куда клубочекъ катится, туда и онъ идетъ.

Долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли — прикатился клубочекъ въ дремучій лѣсъ, прямо къ избушкѣ. Входитъ дуракъ въ избушку, а тамъ старуха сидитъ. «Здравствуй, бабушка!» — «Здравствуй, доброй человѣкъ! куда Богъ несетъ?» — «Иду, бабушка, поискать такого мастера, чтобы сдѣлалъ мнѣ гусли-самогуды: сами бы гусли играли, а подъ ихнюю музыку всѣ бы волей-неволей плясали». — «Ахъ, да вѣдь эдакія гусли мой сынокъ дѣлаетъ! Подожди немножко — онъ ужѐ домой прійдетъ». Немного погодя, приходитъ старухинъ сынъ. «Господинъ мастеръ! проситъ его дуракъ: сдѣлай мнѣ гусли-самогуды». — «У меня готовыя есть; пожалуй, подарю тебѣ, только съ тѣмъ уговоромъ: какъ стану я гусли настраивать — чтобъ никто не спалъ! А коли кто уснетъ, да по моему оклику не встанетъ, съ того голова долой!» — «Хорошо, господинъ мастеръ!» Взялся мастеръ за работу, началъ настраивать гусли-самогуды; вотъ одинъ бояринъ заслушался и крѣпко уснулъ. «Ты спишь?» окликаетъ мастеръ. Тотъ не встаетъ, не отвѣчаетъ, и покатилась голова его пѝ полу. Минуты двѣ-три — и другой бояринъ заснулъ; отлетѣла и его голова съ плечь долой. Еще минута — и дуракъ задремалъ. «Ты спишь?» окликаетъ мастеръ. «Нѣтъ, не сплю! съ дороги глаза слипаются; нѣтъ ли воды? промыть надобно». Старуха подала воды. Дуракъ умылся, досталъ шитое полотенце и сталъ утираться.

Старуха глянула на то полотенце, признала работу своей дочери, и говоритъ: «Ахъ, зять, любезной! не чаяла съ тобой видѣться; здорова ли моя дочка?» Тутъ пошло у нихъ обниманье-цѣлованье; три дня гуляли, пили-ѣли, прохлаждалися, а тамъ наступило время и прощаться. На прощаньи мастеръ подарилъ своему зятю гусли-самогуды; дуракъ взялъ ихъ подъ мышку и пустился домой. Шелъ-шелъ, вышелъ изъ дремучаго лѣса на большую дорогу и заставилъ играть гусли-самогуды: вѣкъ бы слушалъ не наслушался! . . . Попадается ему навстрѣчу разбойникъ: «Отдай, говоритъ, мнѣ гусли-самогуды, а я тебѣ дубинку дамъ». — «А на что твоя дубинка?» — «Да вѣдь она не простая; только скажи: эй, дубинка, бей-колоти! — хоть цѣлую армію, и ту на мѣстѣ положитъ». Дуракъ помѣнялся, взялъ дубинку и велѣлъ ей убить разбойника. Дубинка полетѣла на разбойника, разъ-другой ударила и убила его дò смерти. Дуракъ взялъ гусли-самогуды и дубинку, и пошелъ дальше. Приходитъ въ свое государство. «Что, думаетъ, мнѣ къ королю идти — еще успѣю! лучше я наперёдъ съ женой повидаюсь». Ударилъ тремя прутиками въ каменную гору — разъ, другой, третій, и явился чудный дворецъ; ударилъ въ камень — и жена передъ нимъ. Обнялись, поздоровались, два-три слова перемолвили; послѣ того взялъ дуракъ гусли, не забылъ и дубинку, и пошелъ къ королю. Тотъ увидалъ: «Эхъ, думаетъ, ничѣмъ его не уходишь — все исполняетъ!» Какъ закричитъ, какъ напустится на дурака: «Ахъ ты, такой-сякой! вмѣсто того, чтобъ ко мнѣ явиться, ты наперёдъ вздумалъ съ женой обниматься». — «Виноватъ, ваше величество!» — «Мнѣ изъ твоей вины не шубу шить! ужъ теперь ни за что не прощу . . . Подайте-ка мой булатной мечъ!» Дуракъ видитъ, что дѣло къ расплатѣ идетъ, и крикнулъ:

«Эй, дубинка, бей-колоти!» Дубинка бросилась, разъ-другой ударила и убила злого короля дò смерти. А дуракъ сдѣлался королемъ и царствовалъ долго и милостиво.

124
Три копеечки

(b) Жилъ-былъ купецъ именитый; въ одно время приходитъ къ нему невѣдомый человѣкъ и наймывается въ работники. Проработалъ годъ и проситъ у купца расчету; тотъ ему даетъ заслуженное жалованье, а работникъ беретъ за свою работу только одну копеечку, идетъ съ ней къ рѣкѣ и бросаетъ въ воду. «Если, говоритъ, я служилъ вѣрой и правдой, то моя копейка не утонетъ!» Копеечка утонула. Онъ опять пошелъ къ тому же купцу работать; проработалъ годъ, купецъ даетъ ему денегъ, сколько надо, а работникъ опять беретъ одну копеечку, идетъ съ ней къ рѣкѣ на старое мѣсто и бросаетъ въ воду. Копеечка утонула. Пошелъ въ третій разъ къ купцу работать; проработалъ годъ, купецъ даетъ ему денегъ еще бòльше прежняго за усердную его службу, а работникъ беретъ опять одну копеечку, идетъ съ нею къ рѣкѣ, и бросаетъ ее въ воду; глядь — всѣ три копеечки поверхъ воды! Онъ взялъ ихъ и пошелъ вдоль по дорогѣ въ свое мѣсто. Вдругъ ему попадается купецъ — къ обѣднѣ ѣдетъ; онъ даетъ тому купцу копеечку и проситъ свѣчку образамъ поставить. Купецъ взошелъ въ церковь, даетъ изъ кармана своего денегъ на свѣчи, и какъ-то обронилъ ту копеечку нà полъ. Вдругъ отъ той копеечки огонь возгорѣлъ; люди въ цервки изумились, спрашиваютъ: кто копеечку обронилъ? Купецъ говоритъ: «Я обронилъ, а мнѣ ее далъ на свѣчку какой-то работникъ». Люди

взяли по свѣчѣ и зажгли отъ той копеечки. А работникъ тѣмъ временемъ продолжаетъ свой путь впередъ. На дорогѣ попадается ему другой купецъ — на ярмарку ѣдетъ; работникъ вынимаетъ изъ кармана копеечку, отдаетъ купцу и говоритъ: «Купи мнѣ на эту копеечку на ярмаркѣ товару». Купецъ взялъ, накупилъ себѣ товару, думаетъ: чего бы еще искупить? и вспомнилъ про копеечку. Вспомнилъ и не знаетъ, чего бы на нее купить. Попадается ему мальчикъ, продаетъ кота и проситъ за него ни больше, ни меньше, какъ одну копеечку; купецъ не нашелъ другого товару и купилъ кота. Поплылъ онъ на корабляхъ въ иное государство торгъ торговать; а на то государство напалъ великой гнусъ[1]. Стали корабли въ пристани; котикъ то-и-дѣло изъ корабля выбѣгаетъ, гнусъ поѣдаетъ. Узналъ про то царь, спрашиваетъ купца: «Дорогъ ли этотъ звѣрь?» Купецъ говоритъ: «Не мой это звѣрь; мнѣ велѣлъ его купить одинъ молодецъ» — и нарочно молвилъ, что стоитъ трехъ кораблей. Царь отдалъ три корабля купцу, а котика себѣ взялъ. Воротился купецъ назадъ, а работникъ вышелъ на рынокъ, нашелъ его и говоритъ: «Купилъ ли ты мнѣ на копеечку товару?» Купецъ отвѣчаетъ: «Нельзя потаить — купилъ три корабля!» Работникъ взялъ три корабля и поплылъ пò морю. Долго ли, коротко ли — приплылъ къ острову; на томъ островѣ стоитъ дубъ; онъ взлѣзъ на него ночевать и слышитъ: внизу подъ дубомъ хвастается Ерахта[2] своимъ товарищамъ, что вотъ завтра среди бѣла дня онъ украдетъ у царя дочь. Товарищи ему говорятъ: «Если ты не утащишь, то мы тебя всего желѣзными прутьями исхлещемъ!» Послѣ того разговора они ушли; работникъ слѣзъ съ дуба и идетъ къ царю; пришелъ въ палаты; вынулъ изъ

[1]) Мыши, крысы.
[2]) Чортъ.

кармана послѣднюю копеечку и зажёгъ ее. Ерахта прибѣжалъ къ царю, и никакъ не сможетъ украсть его дочери; воротился ни съ чѣмъ къ братьямъ, а они давай его хлестать желѣзными прутьями; хлестали-хлестали и бросили въ невѣдомое мѣсто. А работникъ женился на царевнѣ и сталъ себѣ жить-поживать, добра наживать.

Записана въ Архангельской губ.

125

Морской царь и Василиса Премудрая

Жилъ-былъ царь съ царицею. Любилъ онъ ходить на охоту и стрѣлять дичь. Вотъ одинъ разъ пошелъ царь на охоту и увидѣлъ: сидитъ на дубу молодой орелъ; только хотѣлъ его застрѣлить, орелъ и проситъ: «Не стрѣляй меня, царь-государь! возьми лучше къ себѣ, въ нѣкое время я тебѣ пригожусь». Царь подумалъ-подумалъ, и говоритъ: «Зачѣмъ ты мнѣ нуженъ?» — и хочетъ опять стрѣлять. Говоритъ ему орелъ въ другой разъ: «Не стрѣляй меня, царь-государь! возьми лучше къ себѣ, въ нѣкое время я тебѣ пригожусь». Царь думалъ-думалъ, и опять-таки не придумалъ, на что бы такое пригодился ему орелъ, и хочетъ ужъ совсѣмъ застрѣлить его. Орелъ и въ третій разъ провѣщалъ: «Не стрѣляй меня, царь-государь! возьми лучше къ себѣ да прокорми три года; въ нѣкое время я пригожусь тебѣ!» Царь смиловался, взялъ орла къ себѣ и кормилъ его годъ и два: орелъ такъ много поѣдалъ, что всю скотину пріѣлъ; не стало у царя ни овцы, ни коровы. Говоритъ ему орелъ: «Пусти-ка меня на волю!» Царь выпустилъ его на волю; попробовалъ орелъ свои крылья, нѣтъ — не сможетъ еще

летать! и проситъ: «Ну, царь-государь! кормилъ ты меня два года; ужъ какъ хочешь, а прокорми еще годъ; хоть займи да прокорми: въ накладѣ не будешь!» Царь то и сдѣлалъ: вездѣ занималъ скотину и цѣлый годъ кормилъ орла, а послѣ выпустилъ его на волю вольную. Орелъ поднялся высоко-высоко, леталъ-леталъ, спустился на землю и говоритъ: «Ну, царь-государь! садись теперь на меня; полетимъ вмѣстѣ». Царь сѣлъ на птицу. Вотъ и полетѣли они; ни много, ни мало прошло времени, прилетѣли на край моря синяго. Тутъ орелъ скинулъ съ себя царя, и упалъ онъ въ море — по колѣни намокъ; только орелъ не далъ ему потонуть, подхватилъ его на крыло, и спрашиваетъ: «Что, царь-государь, небось испужался?» — «Испужался, говоритъ царь: думалъ, что совсѣмъ потону!» Опять летѣли-летѣли, прилетѣли къ другому морю. Орелъ скинулъ съ себя царя какъ разъ посерёдъ моря — ажно царь по поясъ намокъ. Подхватилъ его орелъ на крыло и спрашиваетъ: «Что, царь-государь, небось испужался?» — «Испужался», говоритъ онъ, да все думалось: «авось, Богъ дастъ, ты меня вытащишь». Опять-таки летѣли-летѣли, и прилетѣли къ третьему морю. Скинулъ орелъ царя въ великую глубь — ажно намокъ онъ по самую шею. И въ третій разъ подхватилъ его орелъ на крыло, и спрашиваетъ: «Что, царь-государь, небось испужался?» — «Испужался, говоритъ царь: да все думалось: авось ты меня вытащишь». — «Ну, царь-государь, теперь ты изведалъ, каковъ смертной страхъ! Это тебѣ за старое, за прошлое: помнишь ли, какъ сидѣлъ я на дубу, а ты хотѣлъ меня застрѣлить; три раза принимался стрѣлять, а я все просилъ тебя да на мысли держалъ: авось не загубишь, авось смилуешься — къ себѣ возьмешь!»

Послѣ полетѣли они за тридевять земель; долго-долго летѣли. Сказываетъ орелъ: «Посмотри-ка, царь-государь, что надъ нами и что подъ нами?» Посмотрѣлъ царь: «Надъ нами, говоритъ, небо, подъ нами земля». — «Посмотри-ка еще, что по правую сторону и что по лѣвую?» — «По правую сторону поле чистое, по лѣвую домъ стои́тъ». — «Полетимъ туда, сказалъ орелъ: тамъ живетъ моя меньшая сестра». Опустились прямо на дворъ; сестра выступила навстрѣчу, примаетъ своего брата, сажаетъ его за дубовой столъ, а на царя и смотрѣть не хочетъ; оставила его на дворѣ, спустила борзыхъ собакъ и давай травить. Крѣпко осерчалъ орелъ, выскочилъ изъ-за стола, подхватилъ царя и полетѣлъ съ нимъ дальше. Вотъ летѣли они, летѣли; говоритъ орелъ царю: «Погляди, что позади насъ?» Обернулся царь: посмотрѣлъ: «Позади насъ домъ красной». А орелъ ему: «То горитъ домъ меньшо̀й моей сестры — зачѣмъ тебя не примала, да борзыми собаками травила!» Летѣли-летѣли, орелъ опять спрашиваетъ: «Посмотри, царь-государь, что надъ нами и что подъ нами?» — «Надъ нами небо, подъ нами земля». — «Посмотри-ка, что будетъ по правую сторону и что по лѣвую?» — «По правую сторону поле чистое, по лѣвую домъ стои́тъ». — «Тамъ живетъ моя середняя сестра; полетимъ къ ней въ гости». Опустились на широкой дворъ; середняя сестра примаетъ своего брата, сажаетъ его за дубовой столъ, а царь на дворѣ остался: выпустила она борзыхъ собакъ и притравила его. Орелъ осерчалъ, выскочилъ изъ-за стола, подхватилъ царя и улетѣлъ съ нимъ еще дальше. Летѣли они, летѣли; говоритъ орелъ: «Царь-государь! посмотри, что позади насъ?» Царь обернулся: «Стои́тъ позади красной домъ». — «То горитъ домъ моей середней сестры! сказалъ орелъ: теперь полетимъ туда, гдѣ живутъ моя мать и старша̀я сестра». Вотъ

прилетѣли туда; мать и старшая сестра куда какъ имъ обрадовались, и примали царя съ честью, съ ласкою. «Ну, царь-государь, сказалъ орелъ: отдохни у насъ, а послѣ дамъ тебѣ корабль, расплачусь съ тобой за все, что поѣлъ у тебя, и ступай съ Богомъ домой». Далъ онъ царю корабль и два сундучка: одинъ — красной, другой — зеленой, и сказываетъ: «Смотри же, не отпирай сундучковъ, пока домой не пріѣдешь; красной сундучокъ отопри на заднемъ дворѣ, а зеленой сундучокъ на переднемъ дворѣ».

Взялъ царь сундучки, распростился съ орломъ и поѣхалъ по синему морю; доѣхалъ до какого-то острова, тамъ его корабль остановился. Вышелъ онъ на берегъ, вспомянулъ про сундучки, сталъ придумывать, что бы такое въ нихъ было и зачѣмъ орелъ не велѣлъ открывать ихъ, думалъ-думалъ, не утерпѣлъ — больно узнать ему захотѣлось — взялъ онъ красной сундучокъ, поставилъ наземь и открылъ, а оттудова столько разнаго скота вышло, что глазомъ не окинешь! едва на островѣ помѣстились. Какъ увидалъ это царь, взгоревался, зáчалъ плакать и приговаривать: «Что же мнѣ теперь дѣлать? какъ опять соберу все стадо въ такой маленькой сундучокъ?» И видитъ онъ — вышелъ изъ воды человѣкъ, подходитъ къ нему и спрашиваетъ: «Чего ты, царь-государь, такъ горько плачешь?» — «Какъ же мнѣ не плакать! отвѣчаетъ царь: какъ мнѣ будетъ собрать все это стадо великое въ такой маленькой сундучокъ?» — «Пожалуй, я помогу твоему горю, соберу тебѣ все стадо, только съ уговоромъ: отдай мнѣ — чего дóма не знаешь». Задумался царь: «Чего бы это я дома не зналъ? кажись, все знаю». Подумалъ и согласился: «Собери, говоритъ, отдамъ тебѣ — чего дома не знаю». Вотъ тотъ человѣкъ собралъ ему въ сундучокъ всю скотину; царь сѣлъ на корабль

и поплылъ во-свояси. Какъ пріѣхалъ домой, тутъ только увѣдалъ, что родился у него сынъ-царевичъ, сталъ онъ его цѣловать, миловáть, а самъ такъ слезами и разливается. «Царь-государь! спрашиваетъ царица: скажи, о чемъ горьки слезы ронишь?» — «Съ радости», говоритъ; побоялся сказать ей правду-то, что надо отдавать царевича. Вышелъ онъ послѣ на задній дворъ, открылъ красной сундучокъ — и полѣзли оттуда быки да коровы, овцы да бараны; много-много набралось всякаго скота, всѣ сараи и варки[1] стали полны. Вышелъ на передній дворъ, открылъ зеленой сундучокъ — и появился передъ нимъ большой да славной садъ: какихъ-какихъ деревьевъ тутъ не было! Царь такъ обрадовался, что и забылъ отдавать сына. Прошло много лѣтъ. Разъ какъ-то захотѣлось царю погулять, подошелъ онъ къ рѣкѣ; на ту пору показался изъ воды прежній человѣкъ и говоритъ: «Скоро же ты, царь-государь, забывчивъ сталъ! вспомни, вѣдь ты долженъ мнѣ!» Воротился царь домой съ тоскою-кручиною и разсказалъ царицѣ и царевичу всю правду истинную. Погоревали, поплакали всѣ вмѣстѣ, и рѣшили, что дѣлать-то нечего, надо отдавать царевича; отвезли его на взморье, и оставили одного.

Оглядѣлся царевичъ кругомъ, увидалъ тропинку и пошелъ по ней: авось куда Богъ приведетъ. Шелъ-шелъ, и очутился въ дремучемъ лѣсу; стоитъ въ лѣсу избушка, въ избушкѣ живетъ баба-яга. «Дай зайду», подумалъ царевичъ и вошелъ въ избушку. «Здравствуй, царевичъ! молвила баба-яга: дѣло пытаешь, или отъ дѣла лытаешь?» — «Эхъ, бабушка! напой, накорми, да потомъ разспроси». Она его напоила, накормила, и царевичъ разсказалъ про все безъ утайки, куда и за-

[1]) Загороженныя мѣста, куда загоняютъ скотъ.

чѣмъ идетъ. Говоритъ ему баба-яга: «Иди, дитятко, на́ море; прилетятъ туда двѣнадцать колпицъ, обернутся красными дѣвицами и станутъ купаться; ты подкрадься потихоньку и захвати у старшей дѣвицы сорочку. Какъ поладишь съ нею ступай къ морскому царю, и попадутся тебѣ навстрѣчу Объѣдало да Опивало, попадется еще Морозъ-Трескунъ — всѣхъ возьми съ собою; они тебѣ къ добру пригодятся». Простился царевичъ съ ягою, пошелъ на сказанное мѣсто на́ море, и спрятался за кусты. Тутъ прилетѣли двѣнадцать колпицъ, ударились о сырую землю, обернулись красными дѣвицами и стали купаться. Царевичъ скралъ у старшей сорочку, сидитъ за кустомъ — не ворохнется. Дѣвицы выкупались и вышли на берегъ; одиннадцать подхватили свои сорочки, обернулись птицами и полетѣли домой; оставалась одна старшая Василиса Премудрая. Стала молить, стала просить добра молодца: «Отдай, говоритъ, мою сорочку; придешь къ батюшкѣ Водяному Царю — въ то времячко я тебѣ сама пригожусь». Царевичъ отдалъ ей сорочку, она сейчасъ обернулась колпицею и улетѣла вслѣдъ за подружками. Пустился царевичъ дальше; повстрѣчались ему на пути три богатыря: Объѣдало, Опивало да Морозъ-Трескунъ: взялъ ихъ съ собою, и пришелъ къ Водяному Царю.

Увидалъ его Водяной Царь, и говоритъ: «Здорово, дружокъ! что такъ долго ко мнѣ не бывалъ? я усталъ, тебя дожидаючи. Примайся-ка теперь за работу; вотъ тебѣ первая задача: построй за одну ночь большой хрустальной мостъ, чтобъ къ утру готовъ былъ! Не построишь — голова долой!» Идетъ царевичъ отъ Водяного, самъ слезами заливается. Василиса Премудрая отворила окошечко въ своемъ теремý и спрашиваетъ: «О чемъ, царевичъ, слезы ронишь?» — «Ахъ, Василиса

Премудрая! какъ же мнѣ не плакать? приказалъ твой батюшка за единую ночь построить хрустальной мостъ, а я топора не умѣю въ руки взять». — «Ничего! ложись-ка спать; утро вечера мудренѣе». Уложила его спать, а сама вышла на крылечко, гаркнула-свистнула молодецкимъ посвистомъ; со всѣхъ сторонъ сбѣжались плотники-работники: кто мѣсто ровняетъ, кто кирпичи таскаетъ; скоро поставили хрустальной мостъ, вывели на немъ узоры хитрые, и разошлись по домамъ. Поутру рано будитъ Василиса Премудрая царевича: «Вставай, царевичъ! мостъ готовъ, сейчасъ батюшка смотрѣть прійдетъ». Всталъ царевичъ, взялъ метлу; стоитъ себѣ на мосту — гдѣ подмететъ, гдѣ почиститъ. Похвалилъ его Водяной Царь: «Спасибо! говоритъ, сослужилъ мнѣ единую службу, сослужи и другую; вотъ тебѣ задача: насади къ завтраму зеленой садъ — большой да вѣтвистой, въ саду бы птицы пѣвчія распѣвали, на деревьяхъ бы цвѣты расцвѣтали, груши-яблоки спѣлыя висѣли». Идетъ царевичъ отъ Водяного, самъ слезами заливается. Василиса Премудрая отворила окошечко и спрашиваетъ: «О чемъ плачешь, царевичъ?» — «Какъ же мнѣ не плакать? велѣлъ твой батюшка за единую ночь садъ насадить». — «Ничего! ложись спать, утро вечера мудренѣе». Уложила его спать, а сама вышла на крылечко, гаркнула-свистнула молодецкимъ посвистомъ; со всѣхъ сторонъ сбѣжались садовники-огородники и насадили зеленой садъ, въ саду птицы пѣвчія распѣваютъ, на деревьяхъ цвѣты расцвѣтаютъ, груши-яблоки спѣлыя висятъ. Поутру рано будитъ Василиса Премудрая царевича: «Вставай, царевичъ! садъ готовъ, батюшка смотрѣть идетъ». Царевичъ сейчасъ за метлу да въ садъ: гдѣ дорожку подмететъ, гдѣ вѣточку поправитъ. Похвалилъ его Водяной Царь: «Спасибо, царевичъ! сослужилъ ты

мнѣ службу вѣрой-правдою; выбирай себѣ за то невѣсту изъ двѣнадцати моихъ дочерей. Всѣ онѣ лицо въ лицо, волосъ въ волосъ, платье въ платье; угадаешь до трехъ разъ одну и ту же — будетъ она твоею женою, но угадаешь — велю тебя казнить». Узнала про то Василиса Премудрая, улучила время и говоритъ царевичу: «Въ первой разъ я платкомъ махну, въ другой платье поправлю, въ третій надъ моей головой станетъ миха летать». Такъ-то и угадалъ царевичъ Василису Премудую до трехъ разъ. Повѣнчали ихъ стали пиръ пировать.

Водяной Царь наготовилъ много всякаго кушанья — сотнѣ человѣкъ не съ ѣсть! и велитъ зятю, чтобъ все было поѣдено; коли что останется — худо будетъ. «Батюшка! проситъ царевичъ: есть у насъ старичокъ, дозволь и ему закусить съ нами». — Пускай прійдетъ!» Сейчасъ явился Объѣдало; все пріѣлъ — еще мало стало. Водяной Царь наставилъ всякаго питья сорокъ бочекъ, и велитъ зятю, чтобъ дочиста было выпито. «Батюшка! проситъ опять царевичъ: есть у насъ другой старичокъ, дозволь и ему выпить про твое здоровье». — «Пускай прійдетъ!» Явился Опивало, заразъ опросталъ всѣ сорокъ бочекъ — еще опохмелиться проситъ. Видитъ Водяной Царь, что ничто не беретъ, приказалъ истопить для молодыхъ баню чугунную жарко-нàжарко; истопили баню чугунную, двадцат сажóнъ дровъ сожгли, дòкрасна печь и стѣны раскалили — за пять вёрстъ подойти нельзя. «Батюшка! говоритъ царевичъ: дозволь напередъ нашему старичку попариться, баню опробывать». — «Пускай попарится!» Пришелъ въ баню Морозъ-Трескунъ; въ одинъ уголъ дунулъ, въ другой дунулъ — ужъ сосульки висятъ. Вслѣдъ за нимъ и молодые въ баню сходили, помылись-попарились и домой воротились.

«Уйдемъ отъ батюшки Водяного Царя, говоритъ царевичу Василиса Премудрая: онъ на тебя больно сердитъ, не причинилъ бы зла какого!» — «Уйдемъ», говоритъ царевичъ. Сейчасъ осѣдлали коней и поскакали въ чистое поле. Ѣхали-ѣхали; много прошло времени. «Слѣзь-ка, царевичъ, съ коня да припади ухомъ къ сырой землѣ, сказала Василиса Премудрая: не слыхать ли за нами погони?» Царевичъ припалъ ухомъ къ сырой землѣ: ничего не слышно! Василиса Премудрая сошла сама съ добраго коня, прилегла къ сырой землѣ, и говоритъ: «Ахъ, царевичъ! слышу сильную за нами погоню». Оборотила она коней — колодеземъ, себя — ковшикомъ, а царевича — старымъ старичкомъ. Наѣхала погоня: «Эй, старикъ! не видалъ ли добра мòлодца съ красной дѣвицей?» — «Видѣлъ, родимые! только давно; они еще втѣпоры проѣхали, какъ я молодъ былъ. Погоня воротилась къ Водяному Царю: «Нѣтъ, говоритъ, ни слѣдовъ, ни вѣсти; только и видѣли, что старика возлѣ колодезя, по водѣ ковшикъ плаваетъ». — «Что жъ вы ихъ нé брали?» закричалъ Водяной Царь, и тутъ же предалъ гонцовъ лютой смерти, а за царевичемъ и Василисою Премудрою послалъ другую смѣну. А тѣмъ временемъ они далеко-далеко уѣхали. Услыхала Василиса Премудрая новую погоню; оборотила царевича — старымъ попомъ, а сама сдѣлалась ветхой церковью: еле стѣны держатся, кругомъ мохомъ обросли. Наѣхала погоня: «Эй, старичокъ! не видалъ ли добра молодца съ красной дѣвицей?» — «Видѣлъ, родимые! только давнымъ-давно; они еще втѣпоры проѣхали, какъ я молодъ былъ, эту церковь строилъ». И вторая погоня воротилась къ Водяному Царю: «Нѣтъ, ваше царское величество, ни слѣдовъ, ни вѣсти; только и видѣли, что старца-попа да церковь ветхую». — «Что жъ вы ихъ нé брали?» закричалъ

пуще прежняго Водяной Царь; предалъ гонцовъ лютой смерти, а за царевичемъ и Василисою Премудрою самъ поскакалъ. На этотъ разъ Василиса Премудрая оборотила коней — рѣкою медовою, берегами кисельными, царевича — селезнемъ, себя — сѣрой утицею. Водяной Царь бросился на кисель и сыту, ѣлъ-ѣлъ, пилъ-пилъ — до того, что лопнулъ! тутъ и духъ испустилъ.

Царевичъ съ Василисою Премудрою поѣхали дальше; стали они подъѣзжать домой, къ отцу, къ матери царевича. Василиса Премудрая и говоритъ: «Ступай, царевичъ, впередъ! доложись отцу съ матерью, а я тебя здѣсь на дорогѣ обожду; только помни мое слово: со всѣми цѣлуйся, не цѣлуй сестрицы; не то меня позабудешь». Пріѣхалъ царевичъ домой, сталъ со всѣми здороваться, поцѣловалъ и сестрицу, и только поцѣловалъ — какъ въ ту жъ минуту забылъ про свою жену, словно и въ мысляхъ не была. Три дня ждала его Василиса Премудрая; на четвертой нарядилась нищенкой, пошла въ стольной городъ и пристала у одной старушки. А царевичъ собрался жениться на богатой королевнѣ, и велѣно было кликнуть кличъ по всему царству, чтобъ сколько ни есть народу православнаго — всѣ бы шли поздравлять жениха съ невѣстою и несли въ даръ по пирогу пшеничному. Вотъ и старуха, у которой пристала Василиса Премудрая, принялась муку сѣять да пирогъ готовить. «Для кого, бабушка, пирогъ готовишь?» спрашиваетъ ее Василиса Премудрая. — «Какъ для кого! развѣ ты не знаешь: нашъ царь сына женитъ на богатой королевнѣ; надо во дворецъ идти, молодымъ на столъ подавать». — «Дай, и я испеку да во дворецъ снесу, можетъ меня царь чѣмъ пожалуетъ». — «Пеки съ Богомъ!» Василиса Премудрая взяла муки, замѣсила тѣсто, положила творогу да голубя съ

голубкою и сдѣлала пирогъ. Къ самому обѣду пошла старуха съ Василисою Премудрою во дворецъ; а тамъ пиръ идетъ на весь міръ. Подали на столъ пирогъ Василисы Премудрой, и только разрѣзали его пополамъ, какъ вылетѣли оттудова голубь и голубка. Голубка ухватила кусокъ творогу, а голубь говоритъ: «Голубушка, дай и мнѣ творожку!» — «Не дамъ, отвѣчаетъ голубка: а то ты меня позабудешь, какъ позабылъ царевичъ свою Василису Премудрую». Тутъ вспомнилъ царевичъ про свою жену, выскочилъ изъ-за стола, бралъ ее за бѣлыя руки и сажалъ возлѣ себя рядышкомъ. Съ тѣхъ поръ стали они жить вмѣстѣ во всякомъ добрѣ и въ счастіи.

Записана въ Воронежской губ.

126

Неосторожное слово

Въ нѣкоторомъ селѣ жилъ старикъ со старухою въ большой бѣдности; у нихъ былъ сынъ. Взошелъ сынъ въ совершенныя лѣта, и стала старуха говорить старику: «Пора намъ сына женить!» — «Ну, ступай сватать!» Пошла она къ сосѣду сватать дочь за своего сына: сосѣдъ отказалъ. Пошла къ другому мужику, и другой отказалъ, къ третьему — и тотъ на ворота указалъ; всю деревню обходила — никто не отдаетъ. Вернулась домой: «Ну, старикъ! пропащій нашъ парень!» — «Что такъ?» — «По всѣмъ дворамъ таскалася, никто за него не отдаетъ своей дочери». — «Плохо дѣло! говоритъ старикъ: скоро лѣто настанетъ, а у насъ работàть некому. Ступай, старуха, въ другую деревню; можетъ тамъ высватаешь». Потащилась старуха въ другую деревню, съ краю до краю всѣ дворы обходила, — а толку нѣтъ ни капли; куда ни сунется — вездѣ отказываютъ.

Съ чѣмъ изъ дому пошла, съ тѣмъ и домой пришла. «Нѣтъ, говоритъ, никто не хочетъ съ нами, бѣдняками, породниться». — «Коли такъ, отвѣчаетъ старикъ: нечего и ногъ ломать, полѣзай на полати». Сынъ закручинился и сталъ проситься: «Родимой мой батюшка и родимая матушка! благословите меня — я самъ пойду искать свою судьбу». — «Да куда жъ ты пойдешь?» — «А куда глаза глядятъ!» Они благословили его и отпустили на всѣ четыре стороны.

Вотъ вышелъ парень на большую дорогу, горько-горько заплакалъ, да идучи самъ съ собой говоритъ: «Неужели жъ я хуже всѣхъ на свѣтѣ зародился, что ни одна дѣвка не хочетъ за меня замужъ идти? Кажись, если бъ самъ чортъ далъ мнѣ невѣсту, я бъ и тоё взялъ!» Вдругъ словно изъ земли выросъ — идетъ къ нему навстрѣчу старой старикъ: «Здравствуй, доброй молодецъ!» — «Здравствуй, старичокъ!» — «Про что ты сейчасъ говорилъ?» Парень испугался, не знаетъ, что и отвѣчать. «А ты меня не бойся! я тебѣ худого ничего не сотворю, а можетъ еще — твоему горю пособлю. Говори смѣло!» Парень разсказалъ ему все по правдѣ: «Бѣдная моя головушка! ни одна-то дѣвка за меня замужъ нейдетъ. Вотъ я идучи раскручинился, и съ той кручины вымолвилъ: хоть бы чортъ мнѣ невѣсту далъ, я бъ и тоё взялъ!» Старикъ засмѣялся и сказалъ: «Иди за мной, я тебѣ любую невѣсту на выборъ дамъ». Приходятъ они къ озеру. «Обернись-ка спиной къ озеру да ступай задомъ!» приказываетъ парню старикъ. Только успѣлъ онъ оборотиться и ступить шагъ-другой, какъ очутился подъ водой въ бѣлокаменныхъ палатахъ; всѣ комнаты славно убраны, хитро изукрашены. Накормилъ-напоилъ его старикъ; послѣ выводитъ двѣнадцать дѣвицъ — одна другой краше: «Выбирай себѣ любую! какую выберешь, ту и отдамъ за тебя». — «Это дѣло

хитрое! позволь, дѣдушка, до утра подумать». — «Ну, подумай!» сказалъ старикъ и отвелъ его въ особую свѣтлицу. Парень легъ спать и думаетъ: «какую взять?» Вдругъ дверь отворяется, входитъ къ нему красная дѣвица: «Спишь ли, доброй молодецъ, али нѣтъ?» — «Нѣтъ, красная дѣвица! и сонъ не беретъ, все думаю: какую невѣсту выбрать?» — «Я нарочно къ тебѣ пришла посовѣтовать; вѣдь ты, доброй молодецъ, къ чорту попалъ въ гости! Слушай же: если ты хочешь пожить еще на бѣломъ свѣтѣ, то дѣлай такъ, какъ велю; а не станешь по-моему дѣлать — отсюда живъ не уйдешь!» — «Научи, красная дѣвица! по вѣкъ не забуду». — «Завтра выведетъ нечистый двѣнадцать дѣвицъ — всѣ одна въ одну; а ты приглядывайся да меня выбирай: на правомъ глазу у меня будетъ мошка сидѣть — то тебѣ примѣта вѣрная!» И разсказала тутъ красна дѣвица про себя, кто она такова. «Знаешь ли ты, говоритъ, въ такомъ-то селѣ попа? Я его дочь — та самая, что девяти лѣтъ изъ дому пропала. Разъ какъ-то отецъ на меня осерчалъ да въ сердцахъ слово вымолвилъ: чтобъ тебя черти побралиа! Я вышла на крыльцо, заплакала — вдругъ подхватили меня нечистые и принесли сюда; вотъ и живу теперь съ ними». Поутру вывелъ старикъ двѣнадцать дѣвицъ — одна въ одну, и приказываетъ доброму молодцу выбирать невѣсту. Онъ присмотрѣлся: у которой на правомъ глазу мошка сидѣла, ту и выбралъ. Старику жалко ее отдавать, перемѣшалъ красныхъ дѣвицъ и велитъ выбирать сызнова; доброй молодецъ указалъ ту же самую. Заставилъ его нечистой выбирать еще въ третій разъ, — онъ опять угадалъ свою суженую. «Ну, твое счастье! веди ее домой». Тотчасъ очутился парень съ красной дѣвицей на берегу озера, и пока на большую дорогу не выбрались — шли они задомъ. Бросились догонять ихъ нечистые: «Отобьемъ, кричатъ, нашу

дѣвицу!» Смотрять: нѣтъ слѣдовъ отъ озера, всѣ слѣды ведутъ въ воду! побѣгали, поискали, да ни съ чѣмъ и воротились.

Вотъ привелъ доброй молодецъ свою невѣсту на село, и остановился противъ попова двора. Попъ увидалъ и выслалъ работника: «Поди, спроси, что за люди?» — «Мы люди прохожіе; пустите переночевать». — «У меня купцы въ гостяхъ, говоритъ попъ: и безъ нихъ въ избѣ тѣсно». — «И, что ты, батюшка! говоритъ одинъ купецъ: прохожаго человѣка завсегда надо принять; они намъ не помѣшаютъ». — «Ну, пусть войдутъ!» Вошли они, поздоровались и сѣли на лавочку въ заднемъ углу. «Узнаешь ли меня, батюшка? спрашиваетъ красная дѣвица: вѣдь я твоя родная дочь». Разсказала все какъ было; стали они обниматься, цѣловаться, радостныя слезы проливать. «А это кто?» — «А это мой нареченной женихъ; онъ меня на бѣлой свѣтъ вывелъ. Если бы не онъ, вѣчно бъ тамъ осталась!» Послѣ того развязала красна дѣвица свой узелъ, а въ томъ узлѣ была золотая да серебряная посуда — у чертей забрала. Купецъ глянулъ и говоритъ: «Ахъ! посуда-то моя; пировалъ я однажды съ гостями, спьяна осерчалъ на жену — чортъ возьми! говорю, и давай кидать со стола что ни попало за порогъ; съ той поры и пропала моя посуда!» И вза-правду такъ было; какъ помянулъ этотъ купецъ чорта, нечистой тотчасъ явился у порога, сталъ забирать къ себѣ золотую да серебряную посуду, а замѣсто её черепковъ накидалъ.

Вотъ такимъ-то случаемъ добылъ себѣ парень славную невѣсту, женился на ней и поѣхалъ къ своимъ родителямъ; они считали его ужъ навѣки пропащимъ: шутка ли — больше трехъ лѣтъ дома не бывалъ, а ему показалось, что онъ всего-то однѣ сутки у чертей прожилъ!

127
Купленная жена

Жилъ-былъ Иванъ-купеческой сынъ; промоталъ по смерти отца свое имѣніе и нанялся къ родному дядѣ въ приказчики. Дядя нагрузилъ свои корабли товарами и поѣхалъ вмѣстѣ съ племянникомъ за̀ море — въ чужестранныхъ земляхъ торгъ вести. Приплыли они къ знатному столичному городу, привалили къ пристани, выгрузились, и начали одни товары сбывать а другіе покупать да денежки наживать. Говоритъ дядя племяннику: «Вотъ тебѣ въ награду сто рублей денегъ; ступай, купи себѣ товару, какой полюбится. Долго прохлаждаться здѣсь не будемъ; какъ покончимъ дѣло, такъ и домой повернемъ». Иванъ взялъ сто рублей и пошелъ на рынокъ, ходитъ около лавокъ въ раздумьи, приглядывается: «какой бы товаръ купить?» Вдругъ откуда ни взялся — подходитъ къ нему старикъ: «Чего, доброй человѣкъ, ищешь?» — «Хочу купить на сто рублей товару». — «Давай деньги, я тебя надѣлю такимъ товаромъ, что̀ ты сроду эдакого не видывалъ». Купеческой сынъ отдалъ ему сто рублей; старикъ взялъ деньги и говоритъ: «Ступай за мною!» Приводитъ его на самой край города — въ прекрасной садъ; въ томъ саду за золотою рѣшёткой сидитъ душа-дѣвица — такая красавица, что не вздумать, не взгадать, развѣ въ сказкѣ сказать. «Вотъ мой товаръ — красная дѣвица; бери ее за̀ руку и веди домой!» — «Что ты, старина! этотъ товаръ мнѣ не надобенъ; я и такъ на красныхъ дѣвушекъ все отцовское добро промоталъ, да теперь закаялся». — «Ну, братъ! коли тебѣ товаръ мой не угоденъ, такъ ступай съ пустыми руками; нѣтъ тебѣ ни товару ни денегъ!» Иванъ-купеческой сынъ залился горькими слезами: «Что я за несчастной такой! думаетъ про себя: сто рублей

задаромъ потерялъ». Вернулся къ дядѣ. «Что жъ, купилъ товару?» — «Нѣтъ, дядюшка! на сто рублей не купишь». — «Ну, вотъ тебѣ еще сотня». На другой день пошелъ Иванъ на рынокъ, попадается ему навстрѣчу тотъ же самой старикъ: «Здравствуй, доброй человѣкъ!» — «Здравствуй, Божій старичокъ!» отвѣчаетъ Иванъ; смотритъ старику прямо въ глаза, а признать его не можетъ. Что вчера было, то и теперь случилось; пропала у Ивана и другая сотня. На третій день получилъ онъ отъ дяди еще сотню, и опять повстрѣчалъ старика; старикъ взялъ съ него деньги, привелъ къ золотой рѣшёткѣ: «Вотъ, говоритъ, мой товаръ — красная дѣвица; бери ее за̀ руки и веди домой!» Купеческой сынъ подумалъ-подумалъ: «Знать судьба моя такова!» — взялъ дѣвицу и повелъ съ собою. Спрашиваетъ ее до-ро̀гою: «Скажись, красная дѣвица, ты какого роду какого племени?» — «Я королевская дочь, а зовутъ меня Настасья Прекрасная; назадъ тому десять лѣтъ выпросилась я у батюшки у матушки и пошла погулять на рѣку, увидала на водѣ лодочку хорошо - преукрашенную, захотѣла на ней покататься, и только сѣла въ лодочку — какъ она поплыла да такъ шибко, что въ пять минутъ совсѣмъ берега пропали; принесло меня волной къ зеленому саду, посадилъ меня старикъ за золотую рѣшётку, и жила я тамъ, пока ты меня выкупилъ». — «Какъ же я теперь покажусь дядѣ? спрашиваетъ Иванъ-купеческой сынъ: триста рублей истратилъ, а товару не купилъ». — «Ничего, это дѣло поправное! отвѣчала Настасья Прекрасная: наймемъ прежде квартиру». Наняли квартиру, она уложила его спать, а сама за работу сѣла и вышила чудной ковёръ; поутру будитъ купеческаго сына: «на, говоритъ, ковёръ! неси на рынокъ; коли кто станетъ покупать, ты денегъ не бери, а проси, чтобъ напоилъ тебя до̀пьяна». Иванъ-купеческой

сынъ такъ и сдѣлалъ, напился до̀пьяна, вышелъ изъ кабака и упалъ въ грязную лужу; собралось много всякаго народу, смотрятъ на него да смѣются: «Хорошъ моло́дець! хоть сейчасъ подъ вѣнецъ веди!» — «Хорошъ-нехорошъ, а велю — Настасья Прекрасная меня въ маковку поцѣлуетъ». — «Не больно хвастайся! говоритъ богатой купецъ: она на тебя и взглянуть не захочетъ — вишь ты какой захлюстаной!» Начали спорить; купецъ говоритъ: «Давай объ закладъ биться — хочешь на десять тысячъ?» — «Есть изъ чего хлопотать! коли биться, такъ на все имѣніе». — «Ну, пожалуй — на все имѣніе!» Только порѣшили это дѣло, глядь — идетъ Настасья Прекрасная, подняла купеческаго сына за̀ руку, поцѣловала въ самую маковку, обтерла, обчистила и повела домой. Выигралъ Иванъ у того купца и лавки съ товарами, и подвалы съ самоцвѣтными каменьями; первой богачъ сдѣлался. Говоритъ ему Настасья Прекрасная: «Бѣги-созывай кирпичниковъ, да заказывай работу: пусть скорёхонько кирпичи готовятъ, внутрь каждаго кирпича самоцвѣтные камни задѣлываютъ». Сказано — сдѣлано. На много возовъ уложилъ Иванъ-купеческой сынъ тѣ кирпичики, покрылъ рогожами, и повёзъ къ своему дядѣ на корабль. «Здравствуй, племянникъ! гдѣ былъ-пропадалъ? какого добра накупилъ?» — «Да вотъ кирпичу привёзъ». — «Эхъ ты, голова! этого товару и въ нашемъ царствѣ довольно. Какой съ него барышъ будетъ?» — «Богъ милостивъ! авось что-нибудь перепадетъ и мнѣ на бѣдность». — «Ну, вали на корабль!» Иванъ тотчасъ свалилъ весь свой товаръ, съѣздилъ за Настасьей Прекрасною, и ее на корабль доставилъ. Дядя увидалъ красну дѣвицу и говоритъ племяннику: «А я думалъ — ты совсѣмъ остепенился; анъ выходитъ: ты все такой же! старины не покидаешь . . .» Вотъ якори подняты, паруса поставлены,

и поплыли корабли въ открытое море. Долго ли, коротко ли — пріѣхали дядя съ племянникомъ въ свое государство; надо имъ къ царю идти и подарки нести. Дядя беретъ кусокъ парчи да кусокъ бархату, а племянникъ два кирпичика. «Ты куда?» спрашиваетъ дядя. »Къ царю пойду». — «А что понесешь?» — «Вотъ два кирпичика». — «Эхъ, братъ, лучше не ходи, и себя не срами, и меня въ отвѣтъ не вводи. Неровёнъ часъ — царь прогнѣвается; бѣда будетъ!» — «Нѣтъ, дядя! какой есть товаръ, тотъ и понесу». Дядя уговаривалъ его, уговаривалъ, видитъ, что никакъ не уломаетъ: «Ну, говоритъ, коли что случится — на себя пеняй, а я въ твоей винѣ не отвѣтчикъ!» Являются они къ самому царю; дядя билъ челомъ парчою да бархатомъ, а Иванъ-купеческой сынъ подалъ на золотомъ блюдѣ два кирпичика: «Извольте разломить, ваше величество!» Царь разломилъ кирпичи; оттуда такъ и посыпались дорогіе самоцвѣтные камни — всю комнату освѣтили. «Спасибо тебѣ за подарочекъ; эдакихъ каменьевъ я отродясь не видывалъ. Выбирай себѣ первое мѣсто въ городѣ и торгуй безданно-безпошлинно». Иванъ-купеческой сынъ выбралъ лучшее мѣсто въ городѣ, поставилъ домъ и лавки, и завелъ большой торгъ; а какъ все по хозяйству устроилъ, вздумалъ жениться на Настасьѣ Прекрасной, а вздумавши, послалъ къ ея отцу просить родительскаго благословенія. Король думаетъ: «Какъ-таки отдать королевну за простого торгаша? и смѣхъ и срамъ будетъ!» И началъ онъ манить купеческаго сына разными проволочками, а самъ нарядилъ цѣлой полкъ и приказалъ выкрасть Настасью Прекрасную. Разъ отлучился куда-то по своимъ дѣламъ Иванъ-купеческой сынъ, больше мѣсяца дома не бывалъ, а какъ воротился — невѣсту его уже выкрали и къ отцу увезли. Заплакалъ онъ и пошелъ куда глаза глядятъ; шелъ-шелъ, много горя

принялъ, и холоду и голоду испыталъ; началъ молитву творить: «Хоть бы Господь послалъ мнѣ попутчика — все бъ веселѣй было!» Смотритъ — старичокъ идетъ. «Здравствуй, доброй мòлодецъ! куда путь держишь?» — «Эхъ, дѣдушка! было въ рукахъ счастье да нé далъ Богъ влàдать. Иду искать Настасью Прекрасную». — «Поздно собрался! ее ужъ просватали за одного царевича». — «Мнѣ хоть бы разъ посмотрѣть на нее!» — «Ну, пойдемъ вмѣстѣ; и мнѣ туда жъ дорога лежитъ». Вотъ и пошли вдвоемъ; шли, шли, порядкомъ проголодались. Вынулъ старикъ изъ-за пазухи просвирку, переломилъ пополамъ; себѣ взялъ одну половину, а другую даетъ своему товарищу. Купеческой сынъ отказывается: «Тебѣ самому, говоритъ, мало!» — «Бери! Богъ дастъ — и этого не съѣдимъ, а сыты будемъ». Такъ и вышло: просвиры не съѣли, а ужъ оба сыты. Долго ли, коротко ли — приводитъ старикъ Ивана-купеческаго сына въ королевской садъ, и говоритъ: «Стань подъ эту яблоньку и смотри — выйдетъ Настасья Прекрасная гулять пò саду и какъ разъ мимо тебя пройдетъ; только какъ станутъ падать яблоки, ты ихъ не моги сбирать да кушать, а не то заснешь непробуднымъ сномъ». Купеческой сынъ сталъ подъ яблоню; начали съ дерева яблоки валитѣся, да такія славныя, наливныя, пахучія; онъ не вытерпѣлъ, поднялъ одно яблочко и скушалъ; скушалъ и заснулъ непробуднымъ сномъ. Вышла Настасья Прекрасная пò саду погулять, увидала своего суженаго и бросилась будить его; будила-будила, никакъ не могла разбудить, написала записочку: «Прощай, милой другъ! завтра моя свадьба», и положила ему въ правую руку. На утро проснулся Иванъ-купеческой сынъ, прочиталъ записку и залился слезами. Приходитъ старикъ: «Я жъ тебѣ говорилъ: не бери, не ѣшь яблоковъ; а ты не послушался! Ступай

поскорѣй — не найдешь ли гдѣ дощечки». Купеческой сынъ побѣжалъ по улицѣ, нашелъ дощечку и принесъ старику. Тотъ взялъ ее, навязалъ струны, остановился у кабака и давай разныя пѣсни наигрывать. Что тутъ народу собралось — видимо-невидимо! Тотчасъ доложили королю: возлѣ кабака такой де музыкантъ проявился, что лучше королевскихъ играетъ! Король приказалъ позвать его во дворецъ: «Пусть на свадьбѣ поиграетъ, да гостей повеселитъ». Побѣжали гонцы, зовутъ старика на свадьбу; онъ отвѣчаетъ: «Сейчасъ прійду!» Снялъ съ себя одёжу, нарядилъ въ нее купеческаго сына, далъ ему самодѣльную скрипочку и говоритъ: «Ступай ты замѣсто меня». — «Какъ мнѣ идти, когда я играть не умѣю». — «Ничего; ты только смычкомъ води да руками перебирай, а скрипка сама играть станетъ«. Вотъ Иванъ-купеческой сынъ пришелъ во дворецъ, сталъ промежъ музыкантовъ, началъ играть — его скрипка всю музыку покрываетъ, на диво гостямъ цѣлыя рѣчи выговариваетъ. Разъ заигралъ — скрипка говоритъ: «Спи, спи, да не проспи!» Въ другой заигралъ — скрипка говоритъ: «Гуляй, гуляй, да не прогуляй!» А въ третій разъ заигралъ — скрипка стала выводить: «Спите крѣпко непробуднымъ сномъ!» Въ ту жъ минуту гдѣ кто стоялъ, гдѣ кто сидѣлъ — такъ вс̑ѣ и заснули. Иванъ-купеческой сынъ взялъ Настасью Прекрасную за бѣлыя руки, повелъ въ церковь и обвѣнчался съ нею. Король проснулся, видитъ — дѣло сдѣлано, ничѣмъ не воротишь! и велѣлъ свадьбу справлять, пиръ пировать, гостей угощать.

128

Царь-дѣвица

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ былъ купецъ; жена у него померла, остался одинъ сынъ

Иванъ. Къ этому сыну приставилъ онъ дядьку, а самъ черезъ нѣкоторое время женился на другой женѣ, и какъ Иванъ-купеческой сынъ былъ уже на возрастѣ и больно хорошъ собою, то мачеха и влюбилась въ него. Однажды Иванъ-купеческой сынъ отправился на плотикѣ по̀ морю охотничать съ дядькою; вдругъ увидѣли они, что плывутъ къ нимъ тридцать кораблей. На тѣхъ корабляхъ была Царь-дѣвица съ тридцатью другими дѣвѝцами, своими названными сестрицами. Когда плотикъ сплылся съ кораблями, тотчасъ всѣ тридцать кораблей стали на якоряхъ. Ивана-купеческаго сына вмѣстѣ съ дядькою позвали на самой лучшій корабль; тамъ ихъ встрѣтила Царь-дѣвица съ тридцатью дѣвицами, названными сестрицами, и сказала Ивану-купеческому сыну, что она его крѣпко полюбила и пріѣхала съ нимъ повидаться. Тутъ они и обручились. Царь-дѣвица наказала Ивану-купеческому сыну, чтобы завтра въ то же самое время пріѣзжалъ онъ на это мѣсто; распростилась съ нимъ и отплыла въ сторону. А Иванъ-купеческой сынъ воротился домой, поужиналъ и легъ спать. Мачеха завела его дядьку въ свою комнату, напоила пьянымъ и стала спрашивать: не было ли у нихъ чего на охотѣ? Дядька ей все разсказалъ. Она, выслушавъ, дала ему булавку и сказала: «Завтра, какъ станутъ подплывать къ вамъ корабли, воткни эту булавку въ одёжу Ивана-купеческаго сына». Дядька обѣщался исполнить приказъ. Поутру всталъ Иванъ-купеческой сынъ и отправился на охоту. Какъ скоро увидалъ дядька плывущіе вдали корабли, тотчасъ взялъ и воткнулъ въ его одёжу булавочку. «Ахъ, какъ я спать хочу! сказалъ купеческой сынъ: послушай, дядька, я покуда лягу да сосну, а какъ подплывутъ корабли, въ то время пожалуста разбуди меня». — «Хорошо! отчего не разбудить?» Вотъ приплыли корабли и остановились

на якоряхъ; Царь-дѣвица послала за Иваномъ-купеческимъ сыномъ, чтобъ скорѣе къ ней пожаловалъ; но онъ крѣпко-крѣпко спалъ. Начали его будить, тревожить, толкать, но что ни дѣлали — не могли разбудить; такъ и оставили. Царь-дѣвица наказала дядькѣ, чтобы Иванъ-купеческой сынъ завтра опять сюда же пріѣзжалъ, и велѣла подымать якоря̀ и паруса̀ ставить. Только отплыли корабли, дядька выдернулъ булавочку — и Иванъ-купеческой сынъ проснулся, вскочилъ и сталъ кричать, чтобъ Царь-дѣвица назадъ воротилась. Нѣтъ, ужъ она далеко, не слышитъ. Пріѣхалъ онъ домой печальной, кручинной. Мачеха привела дядьку въ свою комнату, напоила до̀пьяна, повыспросила все, что было, и приказала завтра опять воткнуть булавочку. На другой день Иванъ-купеческой сынъ поѣхалъ на охоту, опять проспалъ все время и не видалъ Царь-дѣвицы; наказала она побывать ему еще одинъ разъ. На третій день собрался онъ съ дядькою на охоту; стали подъѣзжать къ старому мѣсту, увидали: корабли вдали плывутъ, дядька тотчасъ воткнулъ булавочку, и Иванъ-купеческой сынъ заснулъ крѣпкимъ сномъ. Корабли приплыли, остановились на якоряхъ; Царь-дѣвица послала за своимъ нареченнымъ женихомъ, чтобы къ ней на корабль пожаловалъ. Начали его будить всячески, но что ни дѣлали — не могли разбудить. Царь-дѣвица увѣдала хитрости мачехины, измѣну дядькину, и написала къ Ивану-купеческому сыну, чтобы онъ дядькѣ голову отрубилъ, и если любитъ свою невѣсту, то искалъ бы ее за тридевять земель, въ тридесятомъ царствѣ. Только распустили корабли паруса̀ и поплыли въ широкое море, дядька выдернулъ изъ одёжи Ивана-купеческаго сына булавочку, и онъ проснулся, началъ громко кричать да звать Царь-дѣвицу; но она была далеко и ничего не слыхала!

Дядька подалъ ему письмо отъ Царь-дѣвицы; Иванъ-купеческой сынъ прочиталъ его, выхватилъ свою саблю острую и срубилъ злому дядькѣ голову, а самъ присталъ поскорѣе къ берегу, пошелъ домой, распрощался съ отцомъ и отправился въ путь-дорогу искать тридесятое царство. Шелъ онъ, куда глаза глядятъ; долго ли, коротко ли, скоро сказка сказывается, да нескоро дѣло дѣлается, — приходитъ къ избушкѣ: стои́тъ въ чистомъ полѣ избушка, на куричьихъ голяшкахъ[1] повертывается. Взошелъ въ избушку, а тамъ баба-яга, костяная нога. «Фу-фу! говоритъ, русскаго духу слыхомъ было не слыхать, видомъ не видать, а нынѣ самъ пришелъ. Волей али неволей, доброй молодецъ?» — «Сколько волею, а вдвое неволею! Не знаешь ли, баба-яга, тридесятаго царства?» — «Нѣтъ, не вѣдаю!» сказала ягая и велѣла ему идти къ своей середней сестрѣ: та не знаетъ ли? Иванъ-купеческой сынъ поблагодарилъ ее и отправился дальше; шелъ-шелъ, близко ли, далеко ли, долго ли, коротко ли — приходитъ къ такой же избушкѣ, взошелъ — и тутъ баба-яга. «Фу-фу! говоритъ, русскаго духу слыхомъ было не слыхать, видомъ не видать, а нынѣ самъ пришелъ. Волей, али неволей, доброй молодецъ?» — «Сколько волею, а вдвое неволею! Не знаешь ли: гдѣ тридесятое царство?» — «Нѣтъ, не знаю!» отвѣчала ягая и велѣла ему зайти къ своей младшей сестрѣ: та, можетъ, и знаетъ! «Коли она на тебя разсердится да захочетъ съѣсть тебя, ты возьми у ней три трубы и попроси поиграть на нихъ: въ первую трубу негромко играй, въ другую погромче, а въ третью еще громче». Иванъ-купеческой сынъ поблагодарилъ ягую и отправился дальше. Шелъ-шелъ, долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли, наконецъ увидалъ избушку — стоитъ въ чистомъ полѣ, на куричьихъ

[1]) Голяшки — го̀лени.

голяшкахъ повертывается; взошелъ — и тутъ баба-яга. «Фу-фу! русскаго духу слыхомъ было не слыхать, видомъ не видать, а нынѣ самъ пришелъ!» сказала ягая и побѣжала зубы точить, чтобы съѣсть незваннаго гостя. Иванъ-купеческой сынъ выпросилъ у ней три трубы; въ первую негромко игралъ, въ другую погромче, а въ третью еще громче. Вдругъ налетѣли со всѣхъ сторонъ всякія птицы; прилетѣла и жаръ-птица. «Садись скорѣй на меня, сказала жаръ-птица: и полетимъ, куда тебѣ надобно; а то баба-яга съѣстъ тебя!» Только успѣлъ сѣсть на нее — прибѣжала баба-яга, схватила жаръ-птицу за хвостъ и выдернула немало перьевъ. Жаръ-птица полетѣла съ Иваномъ-купеческимъ сыномъ; долгое время неслась она по поднебесью и прилетѣла наконецъ къ широкому морю. «Ну, Иванъ-купеческой сынъ! тридесятое царство за этимъ моремъ лежитъ; перенесть тебя на ту сторону я не въ силахъ; добирайся туда какъ самъ знаешь!» Иванъ-купеческой сынъ слѣзъ съ жаръ-птицы, поблагодарилъ и пошелъ по берегу. Шелъ-шелъ — сто́итъ избушка, взошелъ въ нее; повстрѣчала его старая старуха, напоила-накормила и стала спрашивать: куда идетъ? зачѣмъ странствуетъ? Онъ разсказалъ ей, что идетъ въ тридесятое царство, ищетъ Царь-дѣвицу, свою суженую. «Ахъ! сказала старушка: ужъ она тебя не любитъ больше; если ты попадешься ей на глаза — Царь-дѣвица разорветъ тебя: любовь ея далеко запрятана!» — «Какъ же достать ее?» — «Подожди немножко! у Царь-дѣвицы живетъ дочь моя и сегодня обѣщалась побывать ко мнѣ; развѣ черезъ нее какъ-нибудь узнаемъ». Тутъ старуха обернула Ивана-купеческаго сына булавкою и воткнула въ стѣну; ввечеру̀ прилетѣла ея дочь. Мать стала ее спрашивать: не знаетъ ли она, гдѣ любовь Царь-дѣвицы запрятана? «Не знаю!» отозвалась дочь и обѣщала допытаться про то у

самой Царь-дѣвицы. На другой день она опять прилетѣла и сказала матери: «На той сторонѣ океана-моря стои̇тъ дубъ, на дубу сундукъ, въ сундукѣ заяцъ, въ зайцѣ утка, въ уткѣ яйцо, а въ яйцѣ любовь Царь-дѣвицы!» Иванъ-купеческой сынъ взялъ хлѣба и отправился на сказанное мѣсто; нашелъ дубъ, снялъ съ него сундукъ, изъ него вынулъ зайца, изъ зайца утку, изъ утки яйцо, и воротился съ яичкомъ къ старухѣ. Настали скоро именины старухины; позвала она къ себѣ въ гости Царь-дѣвицу съ тридцатью иными дѣвицами, ея названными сестрицами; энто яичко испекла, а Ивана-купеческаго сына снарядила по-праздничному и спрятала. Вдругъ въ полдень прилетаютъ Царь-дѣвица и тридцать иныхъ дѣвицъ, сѣли за столъ, стали обѣдать; послѣ обѣда положила старушка всѣмъ по простому яичку, а Царь-дѣвицѣ то самое, что Иванъ-купеческой сынъ добылъ. Она съѣла его, и въ ту жъ минуту крѣпко-крѣпко полюбила Ивана-купеческаго сына. Старуха сейчасъ его вывела; сколько тутъ было радостей, сколько веселья! Уѣхала Царь-дѣвица вмѣстѣ съ женихомъ-купеческимъ сыномъ въ свое царство; обвѣнчались и стали жить да быть, да добро копить.

Записана въ Оренбургской губ.

129

Перушко Финиста-ясна сокола

Жилъ-былъ старикъ, у него было три дочери: большая и средняя — щеголихи, а меньшая только о хозяйствѣ радѣла. Сбирается отецъ въ городъ, и спрашиваетъ у своихъ дочерей: которой что купить? Большая проситъ: «Купи мнѣ на платье!» И середняя то жъ говоритъ. «А тебѣ что, дочь моя любимая?» спрашиваетъ

у меньшой. — «Купи мнѣ, батюшка, пёрушко Финиста-ясна сокола». Отецъ простился съ ними и уѣхалъ въ городъ: большимъ дочерямъ купилъ на платье, а пёрушка Финиста-ясна сокола нигдѣ не нашелъ. Воротился домой, старшую и середнюю дочерей обновами обрадовалъ. «А тебѣ, говоритъ меньшой: не нашелъ пёрушка Финиста-ясна сокола». — «Такъ и быть! сказала она: можетъ — въ другой разъ посчастливится найти». Большія сестры кроятъ да обновы себѣ шьютъ, да надъ нею посмѣиваются; а она знай отмалчивается. Опять собирается отецъ въ городъ и спрашиваетъ: «Ну, дочки, что вамъ купить?» Большая и средняя просятъ по платку купить, а меньшая говоритъ: «Купи мнѣ, батюшка, пёрушко Финиста-ясна сокола». Отецъ поѣхалъ въ городъ, купилъ два платка, а пёрушка и въ глаза не видалъ. Воротился назадъ и говоритъ: «Ахъ, дочка, вѣдь я опять не нашелъ пёрушка Финиста-ясна сокола!» — «Ничего, батюшка! можетъ — въ иное время посчастливится». Вотъ и въ третій разъ собирается отецъ въ городъ и спрашиваетъ: «Сказывайте, дочки, что вамъ купить?» Большія говорятъ: «Купи намъ серьги»; а меньшая опять свое: «Купи мнѣ пёрушко Финиста-ясна сокола». Отецъ искупилъ золотыя серьги, бросился искать пёрушка — никто такого не вѣдаетъ; опечалился и поѣхалъ изъ городу. Только за заставу, а навстрѣчу ему старичокъ несетъ коробочку. «Что несешь, старина?» — «Пёрушко Финиста-ясна сокола». — «Что за него просишь?» — «Давай тысячу». Отецъ заплатилъ деньги и поскакалъ домой съ коробочкой. Встрѣчаютъ его дочери. «Ну, дочь моя любимая! говоритъ онъ меньшой: наконецъ и тебѣ купилъ подарокъ: на, возьми!» Меньшая дочь чуть не прыгнула отъ радости, взяла коробочку, стала ее цѣловать-миловать, крѣпко къ сердцу прижимать. Послѣ ужина разошлись

всѣ спать по своимъ свѣтёлкамъ; пришла и она въ свою горницу, открыла коробочку — пёрушко Финиста-ясна сокола тотчасъ вылетѣло, ударилось объ полъ, и явился передъ дѣвицей прекрасный царевичъ. Повели они межъ собой рѣчи сладкія, хорошія. Услыхали сестры, и спрашиваютъ: «Съ кѣмъ это, сестрица, ты разговариваешь?» — «Сама съ собой», отвѣчаетъ красна дѣвица. «А ну, отопрись!» Царевичъ ударился объ полъ — и сдѣлался пёрушкомъ; она взяла-положила пёрушко въ коробочку и отворила дверь. Сестры и туда смотрятъ и сюда заглядываютъ — нѣтъ никого! Только онѣ ушли, красная дѣвица открыла окно, достала пёрушко и говоритъ: «Полетай, мое пёрушко, во чисто поле; погуляй до поры до времени!» Пёрушко обратилось яснымъ соколомъ и улетѣло въ чистое поле. На другую ночь прилетаетъ Финистъ-ясный соколъ къ своей дѣвицѣ; пошли у нихъ разговоры веселые. Сестры услышали, и сейчасъ къ отцу побѣжали: «Батюшка! у нашей сестрицы кто-то по ночамъ бываетъ; и теперь сидитъ да съ нею разговариваетъ». Отецъ всталъ и пошелъ къ меньшой дочери, входитъ въ ея горницу, а царевичъ ужъ давно обратился пёрушкомъ и лежитъ въ коробочкѣ. «Ахъ вы, негодныя! накинулся отецъ на своихъ большихъ дочерей: что вы на нее понапрасну взводите? Лучше бы за собой присматривали!» На другой день сестры поднялись на хитрости; вечеромъ, когда на дворѣ совсѣмъ стемнѣло, подставили лѣстницу, набрали острыхъ ножей да иголокъ и натыкали на окнѣ красной дѣвицы. Ночью прилетѣлъ Финистъ-ясный соколъ, бился, бился — не могъ попасть въ горницу, только крылушки себѣ обрѣзалъ. «Прощай, красна дѣвица! сказалъ онъ: если вздумаешь искать меня, то ищи за тридевять земель, въ тридесятомъ царствѣ. Прежде три пары башмаковъ желѣзныхъ истопчешь, три посоха чугунныхъ

изломае́шь, три просвиры каменныхъ изгложешь, чѣмъ найдешь меня добра молодца!» А дѣвица спитъ себѣ: хоть и слышитъ сквозь сонъ эти рѣчи непривѣтливыя, а встать-пробудиться не можетъ. Утромъ просыпается, смотритъ — на окнѣ ножи да иглы натыканы, а съ нихъ кровь такъ и капаетъ. Всплеснула руками: «Ахъ, Боже мой, знать сестрицы сгубили моего друга милаго!» Въ тотъ же часъ собралась и ушла и́зъ дому. Побѣжала въ кузницу, сковала себѣ три пары башмаковъ желѣзныхъ да три посоха чугунныхъ, запаслась тремя каменными просвирами, и пустилась въ дорогу искать Финиста-ясна сокола.

Шла-шла, пару башмаковъ истоптала, чугунной посохъ изломала и каменную просвиру изглодала; приходитъ къ избушкѣ и стучится: «Хозяинъ съ хозяюшкой! укройте отъ темныя ночи». Отвѣчаетъ старушка: «Милости просимъ, красная дѣвица! куда идешь, голубушка?» — «Ахъ, бабушка! ищу Финиста-ясна сокола». — «Ну, красна дѣвица, далеко жъ тебѣ искать будетъ!» На утро говоритъ старуха: «Ступай теперь къ моей середней сестрѣ, она тебя добру научитъ; а вотъ тебѣ мой подарокъ: серебряное донце, золотое веретёнце; станешь кудель прясть — золотая нитка потянется». Потомъ взяла клубочекъ, покатила по дорогѣ и наказала вслѣдъ за нимъ идти: куда клубочекъ покатится, туда и путь держи! Дѣвица поблагодарила старуху и пошла за клубочкомъ. Долго ли, коротко ли, другая пара башмаковъ изношена, другой посохъ изломанъ, еще каменная просвира изглодана; наконецъ прикатился клубочекъ къ избушкѣ. Она постучалась: «Добрые хозяева! укройте отъ темной ночи красну дѣвицу». — «Милости просимъ! отвѣчаетъ старушка: куда идешь, красная дѣвица?» — «Ищу, бабушка, Финиста-ясна сокола». — «Далеко жъ тебѣ искать будетъ!» Поутру

даетъ ей старушка серебряное блюдо и золотое яичко, и посылаетъ къ своей старшей сестрѣ: «Она де знаетъ, гдѣ найти Финиста-ясна сокола!» Простилась красна дѣвица со старухою и пошла въ путь-дорогу; шла-шла, третья пара башмаковъ истоптана, третій посохъ изломанъ и послѣдняя просвира изглодана — прикатился клубочекъ къ избушкѣ. Стучится и говоритъ странница: «Добрые хозяева! укройте отъ темной ночи красну дѣвицу». Опять вышла старушка: «Поди, голубушка! милости просимъ! откудова идешь и куда путь держишь?» — «Ищу, бабушка, Финиста-ясна сокола». — «Охъ, трудно, трудно отыскать его! онъ живетъ теперь въ эдакомъ-то городѣ, на просвирниной дочери тамъ женился». На утро говоритъ старуха красной дѣвицѣ: «Вотъ тебѣ подарокъ: золотое пялечко да иголочка; ты только пялечко держи, а иголочка сама вышивать будетъ. Ну, теперь ступай съ Богомъ и наймись къ просвирнѣ въ работницы».

Сказано — сдѣлано. Пришла красная дѣвица на просвиринъ дворъ и нанялась въ работницы; дѣло у ней такъ и кипитъ подъ руками: и печку топитъ, и воду носитъ, и обѣдъ готовитъ. Просвирня смотритъ да радуется: «Слава Богу! говоритъ своей дочкѣ: нажили себѣ работницу и услужливую и добрую: безъ наряду все дѣлаетъ!» А красная дѣвица, покончивъ съ хозяйскими работами, взяла серебряное донце, золотое веретёнце, и сѣла прясть: прядетъ — изъ кудели нитка тянется, нитка не простая, а чистаго золота. Увидала это просвирнина дочь: «Ахъ, красная дѣвица! не продашь ли мнѣ свою забаву!» — «Пожалуй, продамъ!» — «А какая цѣна?» — «Позволь съ твоимъ мужемъ ночь перебыть». Просвирнина дочь согласилась: «Не бѣда! думаетъ: вѣдь мужа можно соннымъ зельемъ опоить, а чрезъ это веретёнце мы съ матушкой озолотимся!» А

Финиста-ясна сокола дòма не было; цѣлой день гулялъ по поднебесью, только къ вечеру воротился. Сѣли ужинать; красная дѣвица подаетъ на столъ кушанья, да все на него смотритъ, а онъ, добрый мòлодецъ, и не узнаётъ ея. Просвирнина дочь подмѣшала Финисту-ясну соколу соннаго зелья въ питье, уложила его спать, и говоритъ работницѣ: «Ступай къ нему въ горницу да мухъ отгоняй!» Вотъ красная дѣвица отгоняетъ мухъ. а сама слезно плачетъ: «Проснись-пробудись, Финистъ-ясный соколъ! я, красна дѣвица, къ тебѣ пришла; три чугунныхъ посоха изломала, три пары башмаковъ желѣзныхъ истоптала, три просвиры каменныхъ изглодала, да все тебя милаго искала!» А Финистъ спитъ, ничего не чуетъ; такъ и ночь прошла. На другой день работница взяла серебряное блюдечко и катаетъ по немъ золотымъ яичкомъ: много золотыхъ яицъ накатала! Увидала просвирнина дочь: «Продай, говоритъ, мнѣ свою забаву!» — «Пожалуй, купи». — «А какъ цѣна?» — «Позволь съ твоимъ мужемъ еще единую ночь перебыть». — «Хорошо, я согласна!» А Финистъ-ясный соколъ опять цѣлой день гулялъ по поднебесью, домой прилетѣлъ только къ вечеру. Сѣли ужинать; красная дѣвица подаетъ кушанья, да все на него смотритъ, а онъ словно никогда и не знавалъ ея. Опять просвирнина дочь опоила его соннымъ зельемъ, уложила спать и послала работницу мухъ отгонять. И на этотъ разъ какъ ни плакала, какъ ни будила его красная дѣвица, онъ проспалъ до утра и ничего не слышалъ. На третій день сидитъ красная дѣвица, держитъ въ рукахъ золотое пялечко, а иголочка сама вышиваетъ — да такіе узоры чудные! Заглядѣлась просвирнина дочка: «Продай, красна дѣвица! продай, говоритъ, мнѣ свою забаву!» — «Пожалуй купи!» — «А какъ цѣна?» — «Позволь съ твоимъ мужемъ третью ночь перебыть». — «Хорошо, я

согласна!» Вечеромъ прилетѣлъ Финистъ-ясный соколъ; жена опоила его соннымъ зельемъ, уложила спать, и посылаетъ работницу мухъ отгонять. Вотъ красная дѣвица мухъ отгоняетъ, а сама слезно причитываетъ: «Проснись-пробудись, Финистъ-ясный соколъ! я, красна дѣвица, къ тебѣ пришла; три чугунныхъ посоха изломала, три пары желѣзныхъ башмаковъ истоптала, три каменныхъ просвиры изглодала — все тебя милаго искала!» А Финистъ-ясный соколъ крѣпко спитъ, ничего не чуетъ. Долго она плакала, долго будила его; вдругъ упала ему на̀ щеку слеза красной дѣвицы, и онъ въ ту жъ минуту проснулся: «Ахъ, говоритъ, что-то меня обожгло!» — «Финистъ-ясный соколъ! отвѣчаетъ ему дѣвица: я къ тебѣ пришла; три чугунныхъ посоха изломала, три пары желѣзныхъ башмаковъ истоптала, три каменныхъ просвиры изглодала — все тебя искала! Вотъ ужъ третью ночь надъ тобою стою, а ты спишь — не пробуждаешься, на мои слова не отзываешься!» Тутъ только узналъ Финистъ-ясный соколъ, и такъ обрадовался, что сказать нельзя. Сговорились и ушли отъ просвирни. Поутру хватилась просвирнина дочь своего мужа: ни его нѣтъ, ни работницы! Стала жаловаться матери; просвирня приказала лошадей заложить и погналась въ погоню. Ѣздила-ѣздила, и къ тремъ старухамъ заѣзжала, а Финиста-ясна сокола не догнала: его и слѣдовъ давно не видать!

Очутился Финистъ-ясный соколъ со своею суженой возлѣ ея дома родительскаго; ударился о сыру землю и сдѣлался пёрушкомъ; красная дѣвица взяла его, спрятала за пазушку и пришла къ отцу. «Ахъ, дочь моя любимая! я думалъ, что тебя и на свѣтѣ нѣтъ; гдѣ была такъ долго?» — «Богу ходила молиться». А случилось это какъ разъ около святой недѣли. Вотъ отецъ съ старшими дочерьми собираются къ заутренѣ: «Что жъ ты, дочка

милая? спрашиваетъ онъ меньшую: собирайся да поѣдемъ: нынче день такой радостной». — «Батюшка! мнѣ надѣть на себя нечего». — «Надѣнь наши уборы!» говорятъ старшія сестры. «Ахъ, сестрицы! мнѣ ваши платья не по кости! я лучше дома останусь». Отецъ съ двумя дочерями уѣхалъ къ заутренѣ; втѣ́поры красная дѣвица вынула свое пёрушко. Оно ударилось о̀бъ полъ и сдѣлало̀сь прекраснымъ царевичемъ. Царевичъ свистнулъ въ окошко — сейчасъ явились и платья, и уборы, и карета золотая. Нарядились, сѣли въ карету и поѣхали. Входятъ они въ церковь, становятся впереди всѣхъ; народъ дивится: какой-такой царевичъ съ царевною пожаловалъ! На исходѣ заутрени вышли они раньше всѣхъ и уѣхали домой; карета пропала, платьевъ и уборовъ какъ не бывало, а царевичъ обратился пёрушкомъ. Воротился и отецъ съ дочерьми. «Ахъ, сестрица! вотъ ты съ нами не ѣздила, а въ церкви былъ прекрасной царевичъ съ ненаглядной царевною». — «Ничего, сестрицы! вы мнѣ разсказали — все равно что сама была». На другой день опять то же; а на третій, какъ сталъ царевичъ съ красной дѣвицей въ карету садиться, отецъ вышелъ изъ церкви и своими глазами видѣлъ, что карета къ его дому подъѣхала и пропала. Воротился отецъ и сталъ меньшую дочку допрашивать; она и говоритъ: «Нечего дѣлать, надо признаться!» Вынула пёрушко; пёрушко ударилось объ полъ и обернулось царевичемъ. Тутъ ихъ и обвѣнчали, и свадьба была богатая! На той свадьбѣ и я былъ, вино пилъ, по усамъ текло, во рту не было́. Надѣли на меня колпакъ, да и ну толкать; надѣли на меня кузовъ: «Ты, дѣтинушка, не гузай[1], убирайся-ка поскорѣй со двора».

---

[1]) Не мѣшкай.

130
Елена Премудрая

Въ стародревніе годы въ нѣкоемъ царствѣ, не въ нашемъ государствѣ, случилось одному солдату у каменной башни на часахъ стоять; башня была на замо̀къ заперта и печатью запечатана, а дѣло-то было ночью. Ровно въ двѣнадцать часовъ слышится солдату, что кто-то гласитъ изъ этой башни: «Эй, служивой!» Солдатъ спрашиваетъ: «Кто меня кличетъ!» — «Это я — нечистой духъ, отзывается голосъ изъ-за желѣзной рѣшётки: тридцать лѣтъ, какъ сижу здѣсь, не пивши, не ѣвши». — «Что жъ тебѣ надо?» — «Выпусти меня на волю; какъ будешь въ нуждѣ, я тебѣ самъ пригожусь; только помяни меня — и я въ ту жъ минуту явлюсь къ тебѣ на выручку». Солдатъ тотчасъ сорвалъ печать, разломалъ замо̀къ и отворилъ двери — нечистой вылетѣлъ изъ башни, взвился кверху и сгинулъ быстрѣй молніи. «Ну, думаетъ солдатъ: надѣлалъ я дѣла: вся моя служба ни за грошъ пропала! Теперь засадятъ меня подъ арестъ. отдадутъ подъ военный судъ, и чего добраго — заставятъ сквозь строй прогуляться; ужъ лучше убѣгу, пока время есть». Бросилъ ружье и ранецъ на землю и пошелъ, куда глаза глядятъ. Шелъ онъ день, и другой, и третій; разобралъ его голодъ; а ѣсть и пить нечего; сѣлъ на дорогѣ, заплакалъ горькими слезами, и раздумался: «Ну, не глупъ ли я? служилъ у царя десять лѣтъ, завсегда былъ сытъ и доволенъ, каждой день по три фунта хлѣба получалъ; такъ вотъ нѣтъ же! убѣжалъ на волю, чтобы помереть голодною смертію. Эхъ, духъ нечистой! всему ты виною». Вдругъ откуда ни взялся — сталъ передъ нимъ нечистой и спрашиваетъ: «Здравствуй, служивой! о чемъ горюешь?» — «Какъ мнѣ не горевать, коли третій день съ голоду пропадаю». — «Не

тужи, это дѣло поправное!» сказалъ нечистой, туда-сюда бросился, притащилъ всякихъ винъ и припасовъ, накормилъ-напоилъ солдата, и зоветъ его съ собою: «Въ моемъ домѣ будетъ тебѣ житье привольное; пей, ѣшь и гуляй, сколько душа хочетъ, только присматривай за моими дочерьми — больше мнѣ ничего не надобно». Солдатъ согласился; нечистой подхватилъ его пòдъ руки, поднялъ высоко-высоко на воздухъ и принесъ за тридевять земель, въ тридесятое государство — въ бѣлокаменныя палаты. У нечистаго было три дочери — собой красавицы. Приказалъ онъ имъ слушаться того солдата, и кормить и поить его вдоволь, а самъ полетѣлъ творить пакости; извѣстно — нечистой духъ! на мѣстѣ никогда не сидитъ, а все по свѣту рыщетъ да людей смущаетъ, на грѣхъ наводитъ. Остался солдатъ съ красными дѣвицами, и такое ему житье вышло, что и помирать не надо. Одно его кручинитъ: каждую ночь уходятъ красныя дѣвицы изъ дому, а куда уходятъ? — невѣдомо. Сталъ было ихъ про то разспрашивать, такъ не сказываютъ, запираются. «Ладно же, думаетъ солдатъ: буду цѣлую ночь караулить, а ужъ усмотрю, куда вы таскаетесь». Вечеромъ легъ солдатъ на постель, притворился, будто крѣпко спитъ, а самъ ждетъ не дождется — что-то будетъ? Вотъ какъ пришла пора-время, подкрался онъ потихоньку къ дѣвичьей спальнѣ, сталъ у дверей, нагнулся и смотритъ въ замочную скважинку. Красныя дѣвицы принесли волшебный коверъ; разостлали пò полу, ударились о тотъ коверъ, и сдѣлались голýбками, встрепенулись и улетѣли въ окошко. «Что за диво! думаетъ солдатъ: дай-ка я попробую». Вскочилъ въ спальню, ударился о коверъ и обернулся малиновкой, вылетѣлъ въ окно да за ними вдогонку. Голýбки опустились на зеленой лугъ, а малиновка сѣла подъ смородиновъ кустъ, укрылась за листьями, и высматриваетъ

оттуда. На то мѣсто налетѣло голубицъ видимо-невидимо, весь лугъ прикрыли: посрединѣ стоялъ золотой тронъ. Немного погодя, осіяло и небо и землю — летитъ по воздуху золотая колесница, въ упряжи шесть огненныхъ змѣевъ; на колесницѣ сидитъ королевна Елена Премудрая — такой красы неописанной, что ни вздумать, ни взгадать, ни въ сказкѣ сказать! Сошла она съ колесницы, сѣла на золотой тронъ, начала подзывать къ себѣ голу́бокъ по очереди и учить ихъ разнымъ мудростямъ. Покончила ученье, вскочила на колесницу и была такова! Тутъ всѣ до единой голу́бки снялись съ зеленаго луга и полетѣли каждая въ свою сторону; птичка-малиновка вспорхнула вслѣдъ за тремя сестрами и вмѣстѣ съ ними очутилась въ спальнѣ. Голу́бки ударились о коверъ — сдѣлались красными дѣвицами, а малиновка ударилась — обернулась солдатомъ. «Ты откуда?» спрашиваютъ его дѣвицы. «А я съ вами на зеленомъ лугу былъ, видѣлъ прекрасную королевну на золотомъ тронѣ, и слышалъ, какъ учила васъ королевна разнымъ хитростямъ». — «Ну, счастье твое, что уцѣлѣлъ! Вѣдь эта королевна — Елена Премудрая, наша могучая повелительница. Если бъ при ней да была ея волшебная книга, она тотчасъ бы тебя узнала — и тогда не миновать бы тебѣ злой смерти. Берегись, служивой! не летай больше на зеленой лугъ, не дивись на Елену Премудрую; не то сложишь буйну голову». Солдатъ не унываетъ, тѣ рѣчи мимо ушей пропускаетъ; дождался другой ночи, ударился о коверъ, и сдѣлался птичкой-малиновкой. Прилетѣла малиновка на зеленой лугъ, спряталась подъ смородиновъ кустъ, смотритъ на Елену Премудрую, любуется ея красотой ненаглядною, и думаетъ: «Если бъ такую жену добыть — ничего бъ въ свѣтѣ пожелать не осталося! Полечу-ка я слѣдомъ за нею да узнаю, гдѣ она проживаетъ». Вотъ

сошла Елена Премудрая съ золотого трона, сѣла на свою колесницу и понеслась по воздуху къ своему чудесному дворцу; слѣдомъ за ней и малиновка полетѣла. Пріѣхала королевна во дворецъ; выбѣжали къ ней навстрѣчу няньки и мамки, подхватили ее подъ руки и увели въ расписныя палаты. А птичка-малиновка порхнула въ садъ, выбрала прекрасное дерево, что какъ разъ стояло подъ окномъ королевниной спальни, усѣлась на вѣточкѣ и начала пѣть такъ хорошо да жалобно, что королевна цѣлую ночь и глазъ не смыкала — все слушала. Только взошло красное солнышко, закричала Елена Премудрая громкимъ голосомъ: «Няньки и мамки! бѣгите скорѣе въ садъ, изловите мнѣ птичку-малиновку». Няньки и мамки бросились въ садъ, стали ловить пѣвчую пташку; да куда имъ старухамъ! малиновка съ кустика на кустикъ перепархиваетъ, далеко не летитъ и въ руки не даётся. Не стерпѣла королевна, выбѣжала въ зеленой садъ, хочетъ сама ловить птичку-малиновку; подходитъ къ кустику — птичка съ вѣтки не трогается, сидитъ, опустя крылушки — словно ея дожидается. Обрадовалась королевна, взяла птичку въ руки, принесла во дворецъ, посадила въ золотую клѣтку и повѣсила въ своей спальнѣ. День прошелъ, солнце закатилось, Елена Премудрая слетала на зеленой лугъ, воротилась, начала снимать уборы, раздѣлась и легла въ постель. Малиновка смотритъ на ея тѣло бѣлое, на ея красу ненаглядную, и вся какъ есть дрожитъ. Какъ только уснула королевна, птичка-малиновка обернулась мухою, вылетѣла изъ золотой клѣтки, ударилась о́бъ полъ, и сдѣлалась добрымъ мо́лодцемъ. Подошелъ доброй мо́лодецъ къ королевниной кроваткѣ, смотрѣлъ-смотрѣлъ на красавицу, не выдержалъ и чмокъ ее въ уста саха́рныя. Видитъ — королевна просыпается, обернулся поскорѣй мухою, влетѣлъ въ клѣтку и сталъ

птичкой-малиновкой. Елена Премудрая раскрыла глаза, глянула кругомъ — нѣтъ никого: «Видно, думаетъ, мнѣ во снѣ это пригрезилось!» Повернулась на другой бокъ и опять заснула. А солдату крѣпко не терпится; попробовалъ въ другой и въ третій разъ — чутко спитъ королевна, послѣ всякаго поцѣлуя пробуждается. За третьимъ разомъ встала она съ постели, и говоритъ: «Тутъ что-нибудь да не даромъ! дай-ка посмотрю въ волшебную книгу». Посмотрѣла въ свою волшебную книгу, и то́тчасъ узнала, что сидитъ въ золотой клѣткѣ не простая птичка-малиновка, а молодой солдатъ. «Ахъ ты, невѣжа! закричала Елена Премудрая: выходи-ка изъ клѣтки. За твою неправду ты мнѣ жизнью отвѣтишь». Нечего дѣлать — вылетѣла птичка-малиновка изъ золотой клѣтки, ударилась о́бъ полъ, и обернулась добрымъ мо́лодцемъ. Палъ солдатъ на колѣни передъ королевною и началъ просить прощенія. «Нѣтъ тебѣ, негодяю, прощенія!» отвѣчала Елена Премудрая, и крикнула палача и плаху рубить солдату голову. Откуда ни взялся — сталъ передъ ней великанъ съ топоромъ и съ плахою, повалилъ солдатаназе́мь, прижалъ его буйную голову къ плахѣ и поднялъ топоръ. Вотъ махнетъ королевна платкомъ, и покатится молодецкая голова!... «Смилуйся, прекрасная королевна! проситъ солдатъ со слезами: позволь напослѣдяхъ пѣсню спѣть». — «Пой, да скорѣе». Солдатъ затянулъ пѣсню такую грустную, такую жалобную, что Елена Премудрая сама расплакалась; жалко ей стало добраго молодца, говоритъ она солдату: «Даю тебѣ сроку десять часовъ; если ты сумѣешь въ это время такъ хитро спрятаться, что я тебя не найду, то выйду за тебя замужъ; а не сумѣешь этого дѣла сдѣлать — велю рубить голову». Вышелъ солдатъ изъ дворца, забрёлъ въ дремучій лѣсъ, сѣлъ подъ кустикъ, задумался-закручинился: «Ахъ, духъ

нечистой! все изъ-за тебя пропадаю». Въ ту жъ минуту явился къ нему нечистой: «Что тебѣ, служивой, надобно?» — «Эхъ, говоритъ, смерть моя приходитъ! куда я отъ Елены Премудрой спрячуся?» Нечистой духъ ударился о сырую землю, и обернулся сизокрылымъ орломъ: «Садись, служивой, ко мнѣ нà спину; я тебя занесу въ поднебесье». Солдатъ сѣлъ на орла; орелъ взвился кверху и залетѣлъ за облака, тучи чёрныя. Прошло пять часовъ, Елена Премудрая взяла волшебную книгу, посмотрѣла — и все, словно на ладони, увидѣла; возгласила она громкимъ голосомъ: «Полно, орелъ, летать по поднебесью; опускайся на низъ — отъ меня вѣдь не укроешься». Орелъ опустился нàземь. Солдатъ пуще прежняго закручинился: «Что теперь дѣлать? куда спрятаться?» — «Постой, говоритъ нечистой: я тебѣ помогу». Подскочилъ къ солдату, ударилъ его по щекѣ и оборотилъ булавкою, а самъ сдѣлался мышкою, схватилъ булавку въ зубы, прокрался во дворецъ, нашелъ волшебную книгу и воткнулъ въ нее булавку. Прошли послѣдніе пять часовъ, Елена Премудрая развернула свою волшебную книгу, смотрѣла-смотрѣла — книга ничего не показываетъ; крѣпко разсердилась королевна и швырнула ее въ печь. Булавка выпала изъ книги, ударилась òбъ полъ и обернулась добрымъ молодцемъ. Елена Премудрая взяла его зà руку: «Я, говоритъ, хитра, а ты и меня хитрѣй!» Не стали они долго раздумывать, перевѣнчались и зажили себѣ припѣваючи.

Оглавленіе

Предисловіе 5

СКАЗКИ

1. Лисичка-сестричка и волкъ (a) 11
2. Лиса-повитуха (a) 15
3. Лиса, заяцъ и пѣтухъ 16
4. Лиса-исповѣдница (b) 18
5. Лиса-лѣкарка 20
6. Лиса-плачея (a) 22
7. Мужикъ, медвѣдь и лиса (a) 23
8. Старая хлѣбъ-соль забывается 25
9. Овца, лиса и волкъ 27
10. Звѣри въ ямѣ (a) 28
11. Лиса и тетеревъ 29
12. Лиса и дятелъ 30
13. Лиса и журавль 30
14. Снѣгурушка и лиса 31
15. Лиса и ракъ 33
16. Колобокъ 33
17. Котъ, пѣтухъ и лиса (a) 35
18. Котъ и лиса 38
19. Напуганные медвѣдь и волки (a) 41
20. Медвѣдь, лиса, слѣпень и мужикъ 44
21. Волкъ (a) 47
22. Свинья и волкъ (a) 48
23. Волкъ и коза (a) 48
24. Волкъ-дурень (a) 50
25. Медвѣдь (a) 54
26. Медвѣдь, собака и кошка 55
27. Коза (a, b) 57
28. Сказка о козѣ лупленой 60
29. Сказка пра аднаво аднабокава барана 61
30. Зимовье звѣрей 64
31. Медвѣдь и пѣтухъ 66
32. Собака и дятелъ (a) 67
33. Кочетъ и курица 69
34. Смерть пѣтушка 70
35. Курочка (a, b) 72
36. Журавль и цапля 74
37. Ворона и ракъ 75
38. Орелъ и ворона 76
39. Золотая рыбка 76
40. Жадная старуха 80
41. Сказка объ Ершѣ Ершовичѣ, сынѣ Щетинниковѣ (a, c) 83
42. Байка о щукѣ зубастой 93

43. Теремъ мухи (a) 94
44. Мизгирь (a) 96
45. Пузырь, соломинка и лапоть 97
46. Рѣпка 97
47. Грибы 98
48. Морозъ, Солнце и Вѣтеръ 99
49. Солнце, Мѣсяцъ и Воронъ Вороновичъ 100
50. Вѣдьма и Солнцева сестра 102
51. Вазуза и Волга 106
52. Морозко (b) 106
53. Старуха-говоруха 108
54. Дочь и падчерица 110
55. Кобылячья голова 112
56. Крошечка-Хаврошичка 114
57. Буренушка 116
58. Баба-яга (a, b) 120
59. Василиса Прекрасная 125
60. Баба-яга и Заморышекъ 134
61. Баба-яга и жихарь (a, b) 138
62. Ивашко и вѣдьма (a) 143
63. Терешичка 147
64. Гуси-лебеди 150
65. Князь Данила-Говорила 152
66. Правда и кривда (a) 157
67. Королевичъ и его дядька (a) 163
68. Иванъ-царевичъ и Марѳа-царевна 170
69. Масенжны дзядокъ 177
70. Купеческая дочь и служанка 183
71. Три царства: мѣдное, серебряное и золотое (a, b) . . 188
72. Фролка-сидень 205
73. Норка-звѣрь 209
74. Покатигорошекъ (a) 215
75. Иванъ Попяловъ 218
76. Буря-богатырь Иванъ-коровій сынъ 221
77. Иванъ Быковичъ 238
78. Иванъ-крестьянскій сынъ и мужичокъ-самъ съ перстъ, усы на семь верстъ 251
79. Иванъ-Сученко и Бѣлый Полянинъ 257
80. Зорька, Вечорка и Полуночка 267
81. Медвѣдко, Усыня, Горыня и Дубыня богатыри (a) . . 273
82. Надзей паповъ унукъ 281
83. Летучій корабль 286
84. Семь Семіоновъ (a, c) 291
85. Никита Кожемяка 298
86. Змѣй и Цыганъ 300
87. Батракъ 303
88. Шабарша 307

89. Иванко Медвѣдко 311
90. Солдатъ избавляетъ царевну 314
91. Бѣглый солдатъ и чортъ 320
92. Два Ивана-солдатскихъ сына 325
93. Кощей Безсмертный (c) 338
94. Марья Моревна 347
95. Өедоръ Тугаринъ и Анастасія Прекрасная 357
96. Иванъ-царевичъ и Бѣлый Полянинъ 364
97. Хрустальная гора 372
98. Бухтанъ Бухтановичъ 374
99. Козьма Скоробогатый 377
100. Емеля-дуракъ (b) 383
101. По щучьему велѣнью 386
102. Сказка объ Иванѣ-царевичѣ, жаръ-птицѣ и о сѣромъ волкѣ 391
103. Жаръ-птица и Василиса-царевна (a) 405
104. Сказка о молодцѣ-удальцѣ, молодильныхъ яблокахъ и живой водѣ (a) 410
105. Сивко-бурко (a) 417
106. Свинка-золотая щетинка, утка-золотыя перушки, золоторогій олень и золотогривый конь (a) 423
107. Волшебный конь 431
108. Конь, скатерть и рожокъ 438
109. Двое изъ сумы 441
110. Пѣтухъ и жорновки 444
111. Чудесный ящикъ 446
112. Волшебное кольцо (a) 450
113. Рога (a) 455
114. Сказка про утку съ золотыми яйцами (a, b) 458
115. Чудесная курица 466
116. Безногій и слѣпой богатыри (a, b, c) 473
117. Царь-медвѣдь 500
118. Звѣриное молоко (a) 506
119. Притворная болѣзнь (a) 511
120. Чудесная рубашка (a) 518
121. Волшебное зеркальцо (a) 522
122. Пойди туда — не знаю куда, принеси то — не знаю что (a) 525
123. Мудрая жена 543
124. Три копеечки (b) 551
125. Морской царь и Василиса Премудрая (a) 553
126. Неосторожное слово (a) 563
127. Купленная жена (a) 567
128. Царь-дѣвица (a) 572
129. Перушко Финиста-ясна сокола (a) 577
130. Елена Премудрая (a) 585